

А. У. Левишин

Огнисканша
Кургуз-
Казаных,
ШШ
Кургуз-
Каликаных,
Орд
и Стелен

*К 200-летию со дня рождения
Геродота казахского народа*

Алексея Ираклиевича ЛЕВШИНА





МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМЕНИ
Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдраимов С. А., Аргынбаев Х. А., Ерофеева И. В., Журинов М. Ж., Козыбаев М. К., Кумеков Б. Е., Мамажанов М. К., Романов Ю. И., Сарсенбаев А. С., Шалгумбаева Ж. Ж.

ПРЕДИСЛОВИЕ М. К. Козыбаева. КОММЕНТАРИИ И. В. Ерофеевой, К. А. Пищулиной, К. А. Биржанова, С. И. Аджигалиева, В. К. Шуховцова, Т. К. Бейсембиева. ПОСЛЕСЛОВИЕ И. В. Ерофеевой. УКАЗАТЕЛИ ИМЕН, ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ К. А. Биржанова, И. В. Ерофеевой.

Издательство выражает благодарность Акционерному обществу "Баспагер" и Республиканскому музею книги за материальную поддержку и участие в подготовке этого издания.

Левшин А. И.

Л 34 Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей редакцией академика М. К. Козыбаева).— Алматы, "Санат", 1996.— 656 стр.
ISBN 5-7090-0209-7

Книга выдающегося русского ученого А. И. Левшина (1797—1879) представляет собой первое в науке фундаментальное исследование по географии, истории и этнографии казахского народа. В нем автор подробно описал географическое положение и природу казахских степей, историю казахского народа с древних времен до конца XVIII в., сообщил множество оригинальных сведений о его образе жизни, хозяйстве, быте и культуре.

Впервые труд был опубликован в Петербурге в 1832 г. тиражом 400 экземпляров и почти сразу же стал библиографической редкостью. Новое издание включает предисловие редакции, комментарии специалистов, научную статью о жизни и деятельности автора, указатели имен, этнических и географических названий.

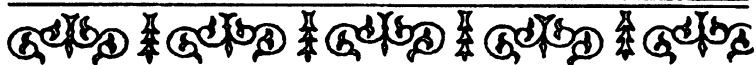
К книге прилагается географическая карта Казахстана 1831 года, составленная автором.

Л $\frac{0503000000 - 002}{416(05) - 96}$ 28 - 94

ББК 63.3(0)

ISBN 5-7090-0209-7

© Алексей Ираклиевич Левшин, 1996



ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

“Civium amor patrium” (“Любовь сограждан — моя награда”) — так в ёмком афоризме республиканцев античной эпохи определил свое жизненное кредо выдающийся русский ученый первой половины XIX в. Алексей Ираклиевич Лёвшин (1797—1879). Печать со своим вензелем и этим изречением по-латыни он заказал сразу же после окончания Харьковского университета¹, когда увидел свет его первый научный труд². Этому кредо историк следовал в научной и служебной деятельности более 60-ти лет — с середины 10-х гг. XIX в. и до дня смерти. В напряженной творческой жизни исследователя нельзя выделить сколько-нибудь существенных эпизодов, противоречивших поставленной им перед собой цели. Книги, письма, статьи, служебные материалы и мемуары А. И. Лёвшина отражают всю суть внутренней жизни учёного.

Выходец из небогатой мелкопоместной семьи, принадлежавшей к древнему дворянскому роду, талантливый, трудолюбивый и целеустремлённый молодой человек в 1816 году начал свой путь в науку и за короткое время достиг широкой международной известности. Почти все крупные достижения в области географии, истории и этнографии Казахстана и казахов, сделанные к середине XIX в. в России и Европе, связаны с именем А. И. Лёвшина, которого Чокан Валиханов с полным основанием назвал “Геродотом казахского народа”. Автор первого в мировой науке фундаментального исследования по географии, истории и этнографии казахских степей и первого специального научного труда, посвященного уральскому казачеству, создатель первого в

¹ Голос. 1868. 1 (13) мая № 120.

² Лёвшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

России сочинения о знаменитых развалинах итальянского города Помпеи, один из основателей Русского географического общества, а затем член Совета и помощник председателя РГО, почётный член Российской Академии наук и Харьковского университета, действительный, либо почётный член 16 научных обществ России и зарубежных стран, в том числе Парижского географического общества, Парижского азиатского общества, Королевского датского общества северных антиквариев, Мекленбургского патриотического общества, Курляндского экономического общества, Саксен-Альтенбургского общества хорошего обращения с животными, почётный член Третьего международного конгресса ориенталистов и член оргкомитета Восьмого съезда Международного статистического конгресса — таков далеко не полный перечень научных званий и заслуг русского ученого, отдавшего свои молодые годы исследованию истории и культуры казахского народа.

Ещё при жизни Лёвшина его творческое наследие было предметом оживленного обсуждения при оценке заключённых в нем сведений, мыслей и наблюдений. И в настоящее время оно представляет огромный интерес не только как яркая страница истории изучения Казахстана русской наукой, но и как явление отечественной и мировой культуры.

Предлагаемый читателю фундаментальный труд А. И. Лёвшина, широко известный в нашей стране и хорошо знакомый специалистам Европы, представляет собой самое крупное достижение в творческой биографии учёного.

В первой части книги описано географическое положение и природа Казахстана, во второй — впервые в науке — история казахского народа, и в третьей — его быт и культура. Лаконично озаглавленная автором "Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей", эта монография, изданная в 1832 г. в одной из частных типографий Петербурга, является по своему характеру энциклопедическим собранием материалов о казахском народе и природе населяемых им земель. Особую ценность работе придаёт то, что большая часть материалов приобретена автором в результате непосредственного общения с казахами во время прохождения дипломатической службы в Оренбургской пограничной комиссии (1820—1822 гг.), где он выступал не

только любознательным и просвещенным чиновником-бытоописателем, но и глубоким, компетентным исследователем, учёным, собравшим, систематизировавшим и самостоятельно осмыслившим огромный фактический материал.

Судьба исследования Лёвшина сложилась в научном мире вполне удачно. Сразу после выхода в свет книга получила признание в науке. Российские и зарубежные учёные единодушно называли её классическим научным трудом. В 1840 г. "Описание киргиз-казачьих орд" было переведено на французский язык и опубликовано одной книгой в Париже. Почти одновременно с французским изданием в научной печати появились переводы отдельных её разделов на итальянском языке.

В 1886 г. известный русский ученый-географ И. В. Мушкетов писал в одной из своих работ: "Сочинение А. И. Лёвшина представляет всю сумму знаний того времени о киргизских (казахских — ред.) степях. Ни до, ни после него ещё не появилось другой работы, которая бы затмила сочинение Лёвшина, оно до сих пор — лучший источник для знакомства с киргиз-кайсацкими степями"³.

Высокую оценку работа А. И. Лёвшина получила и в советской исторической науке. В 60-е гг. XX в. выдающийся казахский этнолог и исследователь истории отечественной этнографии казахов Э. А. Масанов (1926—1965) писал, что этот труд "представляет интерес не только для историографии, как первое капитальное исследование, в котором впервые поставлены некоторые важные научные проблемы, но и для изучения исторической этнографии казахов, так как точно и добросовестно описанные в ней многие материалы сохраняют значение достоверного и зачастую единственного источника"⁴. Так же высоко оценивается книга А. И. Лёвшина в одном из последних фундаментальных исследований по истории дореволюционного востоковедения, авторы которого рассматривают ее как закономерный итог всех предшествующих исследований о ка-

³ Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 гг. Пг., 1915. Т. 1. С. 107.

⁴ Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 118.

захах, отмечая, что она “сохранила большое значение и поныне”⁵.

Со дня выхода в свет первого издания этого замечательного труда прошло 164 года, в течение которых имя автора не сходило со страниц многих библиографических и энциклопедических справочников, а его научное творчество стало предметом изучения со стороны многих историков науки, культурологов и литературоведов (Э. А. Масанов, Л. А. Шейман, М. И. Фетисов, Б. Г. Ерзакович, И. Р. Емельченко, П. А. Аравин, Н. С. Ахметова, А. С. Бейсенова, В. З. Галиев, И. В. Ерофеева, В. А. Вишневецкая, Ю. Ю. Гречихова и др.). Между тем, исследование А. И. Лёвшина, опубликованное в первой трети XIX в. очень незначительным тиражом (400 экз.), уже при жизни учёного стало библиографической редкостью, но с тех пор по странному стечению обстоятельств ни разу в нашей стране не переиздавалось. В то же время потребность в его новом издании настоятельно ощущалась многими специалистами, а также всеми, кто интересуется вопросами истории и культуры казахского народа.

Со времени публикации работы историческая наука продвинулась далеко вперед, решены были многие проблемы, поставленные А. И. Лёвшиным, введен в оборот новый фактический материал, подтверждающий или же отрицающий высказанные им оценки и суждения. Принимая во внимание это обстоятельство, а также непреходящий интерес научных кругов республики и других государств СНГ к первому в историографии региона монографическому труду, группа сотрудников Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова НАН Республики Казахстан и Республиканского музея книги подготовила к переизданию трёхтомное исследование учёного. Оно полностью воспроизводит текст первого издания “Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей”, опубликованного в трёх томах, но объединяет их в одной книге. Наряду с текстом монографии А. И. Лёвшина, новое издание включает научные комментарии специалистов, которые содержат необходимые уточнения, поправки и пояснения к наиболее важным положениям автора с учётом современных достижений

⁵ История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990, С. 397.

исторической науки. В прилагаемой в конце настоящего издания статье И. В. Ерофеевой читатель найдет подробные сведения о жизни и деятельности А. И. Лёвшина и обстоятельную характеристику его труда. В книге приводятся указатели имен, этнических и географических названий.

На протяжении более полутора столетий труд А. И. Лёвшина считается классическим исследованием по истории и этнографии казахов. Для многих поколений отечественных и зарубежных ученых он является источником ценнейших сведений о казахском народе, собрать которые было под силу только человеку, обладавшему блестящей гуманитарной подготовкой и огромным трудолюбием, целеустремленностью и жадой познания малоизвестных терри-торий и народов.

Вместе с тем, в наше время было бы неправомерным рассматривать труд А. И. Лёвшина как историко-этнографическое исследование, имеющее адекватную эпохе его создания научно-практическую ценность. Сын своего времени, в своих взглядах он не был, да и не мог быть свободен от влияния присущих его времени идейных течений и теорий. Воспитанный на классических понятиях европейской истории, в традициях европейской культуры, в изучении Востока он был одним из первопроходцев, и поэтому вряд ли можно ожидать от него объективных суждений, наработанных значительно позже всем ходом развития науки.

Обремененный массой сословных, религиозных, культурных предрассудков своего общества и своей эпохи, А. И. Лёвшин, тем не менее, сумел с исключительной добросовестностью собрать колоссальный материал, касающийся истории, культуры, обычаев, образа жизни казахов, огромное количество сведений, которые без его труда были бы абсолютно недоступны современному исследователю, который, зная теперь много больше, чем было доступно Лёвшину, способен по иному прочитывать этот материал, вписать его в контекст других источников наших знаний о Казахстане и казахах, получить более объемную и объективную историческую картину. Всесторонне оценивая в данном контексте творческое наследие Лёвшина, мы должны воспринимать его труд главным образом как первоклассный источник по истории и этнографии казахов и, как подобает

благодарным преемникам первопроходцев, не будем ставить в вину автору этого блестящего труда его невольные заблуждения и ошибки.

Манаш Козыбаев,
академик НАН РК.



ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Трехтомный труд А. И. Левшина печатается с первого издания (Спб., 1832 г.), один из экземпляров которого хранится в Республиканском музее книги Казахстана. В настоящем издании тексты переданы с сохранением особенностей языка автора, но в орфографии и пунктуации приближены к нормам современного русского языка.

Географические названия, этнонимы, собственные имена и различные термины даны в транскрипции А. И. Левшина с сохранением всех встречающихся вариантов. Унифицированы и даны в современной орфографии лишь топонимы, этнонимы и личные имена, имеющиеся в тексте, а также составные географические названия типа Аксу, Сарысу, Алатау, т. е. образованные сочетанием определения и определяемого нарицательного имени, воспринимаемые в качестве географического названия как одно слово-понятие. Раздельное написание оставлено за составными названиями, в которых первая часть-определение, а вторая — имя собственное.

В тексте нового издания научно-справочный аппарат автора приведен в соответствии с требованиями современной орфографии, цифрами в квадратных скобках обозначены порядковые номера научных комментариев, помещенных в конце книги. Унифицировано написание числительных, обозначающих порядок расположения глав во всех трех частях монографии. В то же время ссылки А. И. Левшина на источники и литературу и использованная им латинская естественно-научная терминология редактированию не подвергались.

На обратной стороне титульного листа книги приводится изображение А. И. Левшина по литографии с

его портрета работы немецкого художника Франца Крюгера (1797—1857) (“Портрет молодого человека”), хранящегося в ГМИИ им. А. С. Пушкина (Соус, белила, кисть. Размер 305x247 мм. Инв. № 1960). По данным литературоведа Л. А. Шеймана, портрет был изготовлен в 1836 г., а литография с него — до сентября 1837 г. Автор литографии неизвестен. (Опубликована в кн: де́ Рибас А. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания. Одесса, 1913. С. 309; Кислых Г. Каспар Давид Фридрих и его современники. // Художник. 1979. № 12. С. 40—41; Шейман Л. А. “Особенно близок был...” (Из разысканий о Пушкине и А. И. Левшине) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 1992. № 5—6. с. 58—62). В конце книги помещен еще один портрет Левшина 70-х годов XIX в., выполненный неизвестным художником в технике литографии (хранится в Архиве РГО. Разряд 117, оп. 2, № 14).

Текст монографии А. И. Левшина подготовлен к переизданию научными сотрудниками Музея книги Республики Казахстан Ж. Ж. Шалгумбаевой, А. О. Бондаренко и научным сотрудником Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова Национальной Академии наук РК В. К. Щуховцовым. Предисловие редакционной коллегии написано академиком Национальной академии наук Республики Казахстан М. К. Козыбаевым. Работу с текстом исследования и составление комментариев выполнили кандидаты исторических наук И. В. Ерофеева, К. А. Пищулина, С. И. Аджигалиев и Т. К. Бейсембиев; научные сотрудники К. А. Биржанов и В. К. Щуховцов. Очерк о жизни, деятельности и научных трудах А. И. Левшина подготовила И. В. Ерофеева, указатели к настоящему изданию составили К. А. Биржанов и И. В. Ерофеева, художественное оформление книги — К. А. Власова, иллюстрации — А. А. Юлдашева и К. А. Власова.



ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ, ИЛИ
КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ, ОРД И СТЕПЕЙ.
СОЧИНЕНИЕ АЛЕКСЕЯ ЛЕВШИНА, ЧЛЕНА
РАЗНЫХ УЧЕНЫХ ОБЩЕСТВ, РОССИЙСКИХ
И ИНОСТРАННЫХ

...Si quid novisti rectius istis, Candidus imperti;
si non, his utere mecum.

Horatius. Epistula VI.

... Если знаешь ты что-нибудь лучше, честно со мной поделись; если нет, то воспользуйся этим.

Гораций. Послание 6.*

ПРЕДИСЛОВИЕ



Если бы предмет сего сочинения был более известен просвещенному свету, тогда бы труд, ныне представляемый мною на суд читателей, не был издан. Удаление от мест, в которых оный начат, недостаток свободного времени, и изменение рода прежних занятий моих, давно сделали меня чуждым для орд киргиз-казацких [1], и страны, ими занимаемой; давно обратили мысли мои к другой цели, понудив меня посвятить достижению оной все время и умственные силы мои. Но обстоятельства, при которых я собрал сведения о киргиз-казаках, были столь благоприятны, источники, из коих я заимствовал сии сведения, столь достоверны, и, наконец, повторяю, орды казачьи так мало известны, что я почитаю обязанностью издать в свет все то, что имел случай узнать о прежнем и нынешнем состоянии оных.

* Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. Послание /6/ к Нумицию. Перевод с латинского Н. Гинзбурга. М., 1970. С. 335. (Прим. ред.)

Причины, побуждающие меня писать "киргиз-казак", вместо "киргиз-кайсац", изложены в первой главе второго тома сего сочинения.

Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из Архива Азиатского департамента Министерства иностранных дел [2] в течение 1819 и 1820 годов. Я пополнил оные подробностями, замечаниями, поверками и всякого рода сведениями в последовавшие за тем два года, кои провел в Оренбурге и в степях зауральских, будучи туда послан, по Высочайшей воле, тем же Министерством. Время сие, по обязанностям звания моего и охоте к изучению, посвящено было мною непрерывным сношениям с киргиз-казаками, поездкам к хану Меньшей орды [3], султанам и знатнейшим старейшинам сего народа, наблюдениям его нравов и обычаев, собранию преданий, в нем сохранившихся, чтению маршрутов и всякого рода записок о степях киргиз-казачьих; наконец, разбору и рассмотрению архива Оренбургской пограничной Комиссии [4], в коем хранятся все бумаги и дела по сношениям правительства российского с соседственными народами Средней Азии, со времени основания Оренбургской линии, или с 1735 года. Некоторые из бумаг, мною в сем архиве найденных, тем были для меня драгоценнее, что они истлели от времени и сырости. Нередко, прочитав первую страницу листа и желая перевернуть оный, я видел его распадающимся в моих руках на несколько частей, подобно рукописям геркуланским.

Я выехал из Оренбурга в 1822 году. Материалы для сего сочинения были тогда уже все почти приготовлены мною — оставалось только привести их в порядок и заняться изданием, на что полагал я употребить год времени. Но важнейшие обязанности службы и частые путешествия, с ними сопряженные, доньше не позволяли мне достигнуть цели, мною предположенной.

Между тем, многие статьи, вошедшие в состав описания орд киргиз-казачьих, были отдельно напечатаны в разных русских и французских журналах [5]. Благосклонное принятие оных в России и внимание, коего удостоили их некоторые ученые общества в Париже [6], дают мне надежду, что и весь труд мой будет не бесполезен, и что читатели простят мне его недостатки из уважения к новости предмета. Я мог бы дать оному вид несколько совершеннейший, но исполнение такого намерения потребовало бы еще более времени и, может быть, еще на несколько лет отдалило издание сего сочинения.

VADE SED INCULTUS

Не излишним почитаю наперед познакомить читателей моих с планом описания орд киргиз-казачьих и земель, ими обитаемых.

Первый том заключает в себе известия географические о стране, мною описываемой. Он не состоит из одних рассуждений и наблюдений очевидца, ибо я видел только те части страны сей, которые прилегают к России, но недостаток собственной опытности заменил я извлечениями из всех известных донные печатных и рукописных журналов, маршрутов и записок путешественников, бывших в степях киргиз-казачьих или проходивших чрез оные. К материалам сим присоединены многие сведения, мною от киргизов изустно полученные, и, наконец, мои собственные замечания.

Составленная таким образом первая часть сочинения моего требовала наименее воображения и умствований, но много точности и рачения в своде и приведении в порядок различных материалов. Главным правилом моим в сем отношении было ничего не выдумывать и не заменять недостатка положительных сведений мечтательными предположениями.

К географическим известиям, в конце первого тома, присоединил я рассуждение историческое и географическое о реке Сырдарье и землях, к ней прилегающих. Причины, побудившие меня делать сие дополнение, изложены в начале оногo.

Второй том посвящен историческому обозрению киргиз-казачьего народа. Сия часть не требует предисловия, и источники, из коих она заимствована, указаны почти на каждой странице. Некоторые читатели, может быть,

найдут ее скучною и будут упрекать меня в излишних подробностях, не имеющих общей занимательности. Без сомнения, я мог бы избежать сих упреков, приняв за правило предпочитать приятное полезному, но цель моя была иная: я желал сделать сочинение мое, сколь возможность позволяла, удовлетворительным для людей, ищущих в истории малоизвестного народа предметов для нравственных наблюдений, равно как и для чиновников, кои, подобно мне, по обязанностям службы будут находиться в сношениях с народом киргиз-казачьим. Сии последние найдут во втором томе моем историю управления киргиз-казачьими ордами со времени принятия их в подданство России до начала XIX столетия.

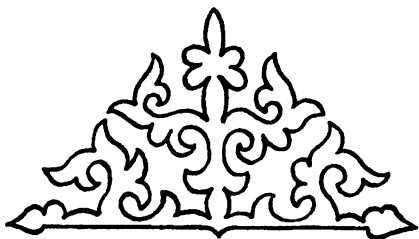
Лица, которым сведения сии покажутся незанимательными, могут избирать для чтения своего только происшествия важнейшие, руководствуясь оглавлением второго тома.

Третий том, заключающий в себе известия этнографические и статистические, есть плод собственных моих наблюдений и замечаний, которые неоднократно сверял я с показаниями самих киргиз-казаков и с мнениями людей, наиболее знающих сей народ.

Теперь скажу несколько слов о географической карте, прилагаемой мною к первому тому. Она составлена из маршрутов и съемок, произведенных в последние 15 лет квартирмейстерскими, инженерными и горными офицерами, которых правительство наше посылало в степи киргиз-казачьи. Свод сих драгоценных для географии трудов в одно целое, показал, что все донные известные карты Азии, общие и частные, исключая карты барона Мейендорфа [7], приложенной к его путешествию в Бухарию, дают столь несправедливое понятие о стране, составляющей предмет сего сочинения, что в некоторых отношениях они скорее могут быть признаны мечтательными предположениями, нежели собраниями топографических сведений. В них горы показаны на местах долин, озера там, где нет вод, реки текут в направлениях противоположных истинному их течению, и проч. Убедившись в столь явных заблуждениях, я решил не пользоваться никакими печатными географическими картами, кроме вышеупомянутой карты барона Мейендорфа, к которой, приняв ее за основание, присоединил все собранные мною рукописные карты. Места, донные положительным образом неизвестные, оставил я пустыми, некоторые реки южной части степей,

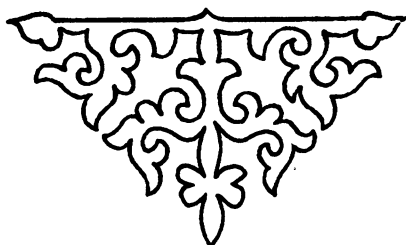
а именно Сарасу, Чуй и Талаш, еще никем определенно не описанные, означил я точками, по рассказам путешественников. Руководствуясь правилом, выше объявленным, я желал сим отличить известия положительные от гадательных.

Нет сомнения, что карта, мною ныне издаваемая и не основанная ни на астрономических, ни на тригонометрических вычислениях, подвержена будет со временем многим исправлениям, особенно в подробностях, но ласкаю себя надеждою: для составления общих карт Азии она еще долго будет служить полезным источником.



Часть I

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ИЗВЕСТИЯ**





Глава ПЕРВАЯ

ПОЛОЖЕНИЕ И ГРАНИЦЫ



едостаток точных сведений и затруднения, с которыми мы будем беспрестанно бороться в сем сочинении, начинаются первою строкою оного. Мы должны означить в ней географическое положение страны, занимаемой киргиз-казаками, должны описать границы сей страны, и, наконец, следуя общепринятому географическому правилу, должны определить величину ее, или количество квадратных миль, в ней заключающихся.

От последней обязанности решительно отказываемся, ибо не желаем вводить читателей наших в заблуждение, представляя им вычисления, основанные на одних мечтаниях. Что касается до местоположения степей киргизских, то мы постараемся означить оное соответственно той возможности, которую представляет нам в сем отношении образ жизни кочующего народа. Западные и северные пределы земель, занимаемых ордами киргиз-казаками, определить нетрудно: с сих двух сторон они ограничены частью Каспийского моря и непрерывным рядом русских военных укреплений. Таковою же чертою отделяются они с востока от Китайских владений, но как очертим мы пределы их с юга? Не иначе, как умственною линиею, которой направление будет описано весьма неопределительным образом, ибо ни сами киргиз-казаки, ни южные их соседи точно не знают, где сходятся их земли.

Предварив о сем обстоятельстве читателей наших, мы намерены определить следующим образом положение страны, принадлежащей ордам киргиз-казакам.

Самая северная точка оной находится под 55° сев. широты, на левом берегу Иртыша, недалеко от Омской крепости. На юге кочующие жители сей страны не дохо-

дят далее 42°. С запада на восток она простирается от 68°35'¹ до 102° долготы (от первого меридиана).

Северную ее границу (идя от востока к западу) составляют: во-первых, часть Алтайских гор, потом р. Иртыш, от Иртыша до Тобола, или до Звериноголовской крепости, так называемая Горькая Сибирская линия, от Звериноголовской крепости до устья Уя — река Тобол; далее река Уй и потом Урал, начиная от Спасского форпоста (близ Верхоуральска) почти до Оренбурга, или, точнее говоря, до Нежинского форпоста, от которого линия идет вверх по речке Бердянке; далее по речке Бурале и по Илеку до самого устья его, и, наконец, опять по Уралу. Западным пределом служит тот же Урал и часть Каспийского моря. На юге киргиз-казаки примыкают к туркменцам, кочующим на восточной стороне Каспийского моря, к морю Аральскому, к владениям хивинцев, ташкентцев, туркестанцев и диких киргизов, или бурутов [1]. Восточную границу составляет Китайская укрепленная линия, идущая от Малой Бухарии [2] на север до пределов России.

Глава ВТОРАЯ

КЛИМАТ

Невозможно, чтобы на таком огромном пространстве, какое занимают орды киргиз-казахьи, климат был везде одинаков. Широта и долгота мест, горы, воды, пески и леса производят в оном множество изменений, кои только отчасти замечены путешественниками, а наиболее остаются в неизвестности. Сколь не сбивчивы и малоудовлетворительны сведения наши о сем предмете, несмотря на то, мы могли бы их привести в систему, разделить всю описываемую нами страну на полосы и приписать каждой из них в отношении к климату особенные свойства. Это было бы и возможно и нужно, когда бы мы искали удивить читателей обширностью сведений о крае, почти неизвестном. Система наша, извлеченная из маршрутов и

¹ Минуты полагаем мы здесь приближенно, ибо самая западная точка степей киргизских, лежащая на Урале, не определена, но широта и долгота русских крепостей, не далеко от нее стоящих на той же реке, известны.

подведенная под общие законы природы, могла бы казаться справедливою в целом, а несправедливые подробности оной остались бы непровергнутыми еще несколько десятков лет и, может быть, более. Не такова цель наша. Мы желаем дать о степях киргиз-казацких понятия, хотя неполные, но справедливые, и лучше пусть упрекнут нас в недостатке сведений, нежели в хвастливости. Притом решимость, с которою вошли бы мы в подробное описание физических свойств отдаленного края, не закрыла бы нашего неведения перед людьми истинно учеными, рассудительный читатель всегда бы спросил нас: "Из каких наблюдений почерпнуты наши известия? Кто, где и как долго производил сии наблюдения?"

Итак, ограничимся изложением общих сведений о климате страны, которой местоположение и границы определили мы в предыдущей главе.

Климат страны сей особенно замечателен по соединению в себе двух противоположностей: сильного холода зимою, и чрезмерного жара летом. Стужа в северной части степей, занимаемых Меньшею и Среднею ордами, нередко превышает 30° термометра Реомюрова; она простирается иногда до 20° , даже близ устья реки Сыр, то есть на широте около 45° ¹. Само собой разумеется, что при такой температуре все реки замерзают, и поля покрываются снегом, который бывает глубок и долго лежит на земле, особенно в северной части степей. На берегах Сыра не всегда бывает снег, хотя, впрочем, река сия близ устья покрывается льдом почти ежегодно, равно как и северная часть Аральского моря.

Говоря вообще, зима в степях киргиз-казацких бедственна не столько от сильной стужи, сколько от ветров и бурь, часто ее сопровождающих. Снежные метели или бураны бывают здесь невероятно сильны: они заносят сугробами жилища, опрокидывают деревья и истребляют людей и стада. Скот, особенно овцы, не имея силы противиться действию ветра, и будучи им гонимы, отыскиваются верст за 50 или 80, а иногда более нежели за 100 от того места, где буря их застигла, и большею частию погибают под снежными глыбами.

В противоположность такому холоду, летний жар в сих самых странах бывает чрезмерный.

¹ Воины Тимура [3], по словам Шерефеддина [4], замерзали на берегах Сыра от чрезвычайного холода.

Глинистая почва, песчаные пустыни, раскаляемые лучами солнца, и недостаток больших рек и лесов, увеличивают и поддерживают зной до того, что в местах, укрытых от ветра, он делается несносен не только для людей, но даже для животных. Путешественники уверяют, что птицы и звери скрываются от него в норах или в пещерах в течение целого дня. Если прибавить, что сии места большею частию не производят ни деревьев, ни кустарников и что трава, на них показывающаяся весною, весьма скоро сгорает, то всякий легко себе представит мучительное состояние странника в какой-нибудь долине Киргизской степи в месяцах июне или июле. Около Сырдарьи, и особенно на песках Каракум, в конце апреля жары уже тягостны, и трава желтеет. Роса, в других странах ежедневно освежающая растения, здесь совершенная редкость. Земли, к Уралу прилегающие, хотя гораздо ближе к северу, но едва ли менее замечательны по сильному летнему зною, который простирается здесь иногда до 50° Реом. на солнце, и до 34° в тени. При таковой температуре, к железу, раскаленному солнцем, нельзя прикоснуться голыми руками, и песок до того разогревается, что в нем пекут яйца. Мы сами делали сей опыт. В южной части степей жар необходимо должен быть еще сильнее. Летние ночи естественным образом не столь жарки, как дни, однако ж они недовольно прохладны, и люди, не привычные к оным, не могут спокойно спать. Напротив того, ночи осенние необыкновенно холодны в сравнении с температурою дня.

Несмотря на таковые крайности, климат описываемой нами страны, вообще здоров, воздух чист. Не только природные жители, но и все иностранцы в оном толстеют и чувствуют себя крепче. Это еще замечательно потому, что переход от жара к холоду при перемене времен года, бывает большею частию быстрый. 20 октября 1820 года, находясь около вершины Илека, мы среди дня жаловались на солнечный зной и удивлялись оному, а 28 или 29 числа того же месяца уже ездили в санях: зимний путь вдруг установился и постоянно продолжался до марта месяца. Подобные переходы нередки, но происходя большей частию при смене одного времени года другим, они не делают климата непостоянным.

Из правила сего должны быть исключены места, лежащие близ высоких гор. При безветрии оные подвержены сильному жару, но когда поднимается ветер с гор, то

температура вдруг изменяется, и термометр опускается весьма низко.

Ветры бывают очень сильные, и во многих местах дуют периодически в известное время года. От них происходят зимою ужасные бураны, выше нами описанные, а летом жестокие вихри, которые, крутясь в виде столбов с необыкновенною силою, поднимают весьма высоко встречающиеся им легкие вещи, а тяжелые сбивают, или срывают с мест. Ветер, самый постоянный и наиболее имеющий влияние на климат степей киргиз-казацких, есть северо-восточный. Места, открытые для него, несравненно холоднее тех, которые защищены, хотя бы сии последние и были подвержены действию других ветров². Пять или шесть градусов холода с северо-восточным ветром не менее чувствительны, как 15 или 16 при тихой погоде.

Дожди весьма редки в степях киргизских. Только окрестности гор напояются от времени до времени воздушною влагою, и от того бывают живее, приятнее и плодороднее. Самая же большая часть степей высыхает неимоверно: земля сжимается и образует значительные трещины.

Времена года в сей стране можно, кажется, подвести под следующее общее правило: весна кратковременна, лето сухо и жарко, осень дождлива, зимою холод постоянный, сухой и продолжительный.

Представив читателям нашим общее понятие о климате всего пространства, киргиз-казакам принадлежащего, означим слегка по словам путешественников те пределы, на которых оказывается в температуре чувствительное изменение. Во владениях Меньшей орды первым рубежом в сем отношении почитаются горы Мугоджарские. На южной стороне оных климат вообще теплее, нежели на северной, что замечается как по температуре воздуха, так и по родам произрастаний. Идя далее к югу, река Сыр также может быть принята за черту при разделении степей киргиз-казацких на поясы. Кочевья Средней орды пересекаются Ильдигийским горным хребтом, который производит весьма приметное различие в климате земель, лежащих по обе его стороны. Пространство, занимаемое Большою ордою, будучи покрыто горами, подвержено в

² Такое же действие северо-восточного ветра на температуру заметно не только в Средней Азии, но и на берегах Черного моря.

климате многим изменениям, зависящим от направления и высоты горных хребтов.

Устюрт, или плоская возвышенность, прилегающая с западной стороны к Аральскому морю, замечательна суровостью климата. Здесь, под 45° широты, бывают морозы до 30° Реом., и явления сии не почитаются необыкновенными. Снег выпадает в 2 и 3 фута глубиною.

Г. Эверсман [5] полагает одною из главнейших причин сильной стужи в степях Меньшой киргизской орды множество рассеянной по ним соли. Недостаток лесов и вообще бедная растительность, наконец, отсутствие значительных преград или высоких горных хребтов от севера также служат к умножению суровости климата.

Рассуждение сие относится и к степям Средней орды.

Глава ТРЕТЬЯ

ПОЧВА ЗЕМЛИ

Говоря вообще, почва степей киргиз-казацких состоит из глины чистой или смешанной с песком, которого количество в северной полосе весьма незначительно, а в южной до того увеличивается, что составляет, так сказать, песчаные моря, простирающиеся на несколько сот верст. Глина большею частию проникнута солью.

Для яснейшего описания почвы всей страны, киргиз-казаками занимаемой, мы необходимо должны разделить ее на несколько частей, кои будем описывать, продвигаясь с севера на юг и пользуясь сведениями, извлеченными из печатных, рукописных и словесных показаний людей, путешествовавших по сим местам как для торговых дел, так и по воле правительства русского, для географических открытий.

Наименее песчаная и самая плодородная часть страны, киргиз-казакам принадлежащей, заключается в северной ее полосе, между 51° и 55° широты. Южная граница сей полосы может быть означена умственной линиею от крепости Орской до Семиарского форпоста. Самая восточная часть сей полосы не замечательна изобилием земных произведений, но середина и западная часть рассматриваемого нами теперь пространства заключает в себе все удобства для поселения. Тут луга, изобильные травкою и разного рода цветами, тут видны леса, не только годные на дрова,

но и строевые, есть много равнин, покрытых черноземом и удобных для хлебопашества; есть озера, наполненные рыбою, и реки чистой приятной воды. Полосу сию назовем мы первую.

Во вторую полосу включим мы пространство, ограничиваемое с севера и с запада Уралом, а с юга и востока линиями, идущими от гор Мугоджарских к крепости Орской и к форпосту Бударинскому. Она состоит из глины, орошаемой многими реками и ручьями, а потому изобильна травою, имеет многие места, способные для хлебопашества, и доставляет путешествующим многие выгоды, исключая топлива, ибо в ней, кроме немногих кустарников и деревьев, растущих по берегам Илека, совсем нет лесов. Лучшие, плодороднейшие места находятся в долинах гор Мугоджар, также по рекам Ори, Илеку, Хобде, Утве и около источников Уила. Несмотря на удаление сей полосы от моря, в ней находят много морских раковин, белезитов и аммонитов, служащих признаками пребывания оной под морем. Барон Мейендорф¹ нашел в ней многие такого рода ископаемые, многих окаменелых черепокожных и зуб морской рыбы акулы.

Г. Пандер² [6] пишет о рассматриваемой нами теперь полосе следующее: "Страна сия показывает все признаки второзданного происхождения, и поелику в таковых местах минералы обыкновенно находятся в малом количестве и бывают разбросаны, то и здесь таким же образом попадает медь. На р. Бердянке, на ручье Кизиловалису и даже верст на 100 далее, на берегах Илека, где проходит цепь холмов дресвяного камня, наполненных аммонитами и покрытых слоем марны, встречаются очевидные признаки оставленных рудных копей и кусков руды, округленных действием вод. Руды сии состоят большею частию из углекислой зеленой меди, углекислой синей меди, усеянной красною ее окисью, и из малахита в малых частях, в обыкновенном породистом слое, состоящем из древесных пней, окаменелых в кварцевый агат. Нет сомнения, что в местах сих можно открыть богатые рудники".

"За Узюн-Бурте, красный дресвяник заменяется пудингом, которого кварцевые куски залиты кремне-землянистым составом; северная часть степей казачьих весьма много вмещает в себе такого же пудинга разных цветов

¹ Voyage á Boukhara.

² Там же.

и в разных массах, смотря по количеству входящего в его состав железа. Округленные зерна, составляющие основание сей скалы, иногда кварцовые, иногда яшмовые, иногда колчедановые, бывают цвета белого, темнодикого и черноватого. Иногда зерна совсем исчезают, и кремнезем (silice), служащий цементом пудингу, представляется в огромных кусках кварца, начинающего превращаться в (grès) дресвяник. В том месте, где мы встретили в первый раз такого рода крутые скалы, близ Узун-Бурте, вытекает источник железистой воды: такого свойства воды в степи киргизской нередки. Река Темир содержит железо, отчего происходит и название ее (железная река), равно как и Кызыловалысу, которой берега имеют красный цвет от железной окиси; но помянутый источник особенно замечателен, ибо показывает, что слои каменного угля, по коим оный течет, простираются далее, нежели сколько видно под кварцевыми скалами, и что вода обязана своими железистыми частицами пиритам, проникающим уголь”.

“Несколько кусков угля, разбросанных в разных местах, вели нас к предположению, что близко должен быть слой сего ископаемого: мы действительно нашли оный недалеко отсюда, в ручье, поглощающем воду упомянутого железного источника. Уголь сей темен: он содержит видимые жилки, слои и сучья дерева. Шагов на 50 далее, в берегах речки, видимы были большие куски угля, уже получившего блеск; но явление сие должно приписать тому, что означенные куски были занесены сюда, ибо берег, в коем они находились, состоял из камней, округленных водою и покрытых глиною: следовательно, он позднейшего происхождения в отношении к близлежащим скалам. Опыт, нами на месте произведенный над некоторыми кусками угля, дал нам повод заключить, что слой сей стоил бы разработки. Впрочем, это требует точнейших исследований”.

“На северо-западном скате возвышения Босага, на пудинге, нами описанном, составились замечательные слои из серой углекислой (carbonatée) извести, наполненные голышами и окаменелыми двусложными и односложными раковинами, беленитами и зубами морских псов (sguale). Многие слои гипса жилковатого, чистого и прозрачного, видны на юго-западном склоне сих глинистых и известковых холмов, под коими тянутся кварцовые скалы, или кремнистые прорывы”.

“От Босага до гор Мугоджарских, мы находили белый мелкозернистый дресвяник, который часто переходил в плотный серый кварц, или в кварц, дающий искры от удара, или в наполненный малыми слоями гипса и соли, содержащими в себе раковины и окаменелые кости разных пород мышей. На берегах Темира, сей дресвяник содержит более извести, и даже превращается в марну; на Эмбе он имеет вид твердого камня, который можно тесать; по мере приближения к горам Мугоджарским, количество кварца увеличивается”.

Третья полоса идет от второй на полдень, и оканчивается с юго-запада Каспийским морем; с юго-востока, плоским возвышением Устюрт, с востока — степью Мусбиль, лежащею между Мугоджарскими горами и началом Устюрта. Полоса сия весьма приметным образом уступает предыдущей в плодородии. Она заключает в себе большие пространства песку, обширные солончаки и озера с водою, негодною для употребления; самые реки, или, правильнее сказать, речки, ее орошающие, большею частию имеют воду горько-соленоватую, и летом пересыхают. Травую, здесь растущую, могут без нужды и во всякое время питаться только верблюды, но для лошадей она годится не иначе как осенью, когда морозы уменьшают ее едкость. Водопой редки. Места, удобные для хлебопашества, попадают только в северной части сей полосы, по берегам рек, и то в весьма малом количестве.

По берегам Эмбы находится грязно-белый, нечистый мел, который образует целые ряды холмов. В холмах сих и в окрестностях часто находят куски серного колчедана. Долины, примыкающие к Устюрту, заключают в себе мергельную известь, большею частию красно-желтого цвета. Южная часть третьей полосы, по множеству солончаков³ и камышей, которыми она покрыта, особенно отличается бесплодием. Пребывание в оной летом и осенью очень неудобно даже и для кочевого народа, но зимою киргизы находят оное выгодным. Камыш, покрывающий поля подобно лесам, служит во-первых, защитою от ветров и буранов; во-вторых, пищею для скота; в-третьих, заменяет дрова и согревает тысячи людей в самые жестокие холода.

³ Обширнейший из сих солончаков называется Карасор; оный соединяет озеро Каракуль с Каспийским морем. На всем его пространстве есть только два места, через которые проходят караваны во время засух.

Выпишем из журнала г. Эверсмана, веденного им (на немецком языке) во время путешествия в степь киргизскую в 1825 и 1826 годах, замечания его о той части сей полосы, которая составляет берег Каспийского моря:

“На протяжении около 100 верст от устья Урала к месту впадения Эмбы, берега моря обросли камышом. На мелких местах, камыш, пуская отрасли и переплетаясь корнями, дает начало новым островам, а наносимый промеж кореньев и толстых стеблей песок, оседая и твердея, довершает образование. Таким образом объясняется существование бесчисленного множества островов, коими усеяны прибрежные места Каспийского моря, в той части, по коей простираются камыши; вместе с прекращающимся камышом исчезают и острова. Если происшедшие таким образом острова, от размножения камыша, делаются обширнее и примыкают к берегу, то происходят косы, а многие таковые косы, соединенные вместе, образуют заливы и протоки или каналы. Из сего-то лабиринта протоков, заливов, кос и островов, тинистых и покрытых камышом, состоит здесь берег Каспийского моря. Таким образом земля час от часа приращается, а море удаляется. Подобные же явления происходят со стороны моря: заливы заграждаются камышом и составляют отдельные соленые озера; море еще подается, и озеро, теряя с оным связь, наполняется единственно дождевою и снежною водою; растения, усиливаясь, постепенно уменьшают его, и залив обращается в солончак или весною в болотистое соляное пространство. Соляные травы, сначала покрывающие только берега озера, впоследствии занимают всю его поверхность, и, по растительным химическим законам, разлагают и изменяют соляную почву. К ним присоединяются степные травы, и действием такого удивительного процесса претворяется бесплодный, соляной, морской грунт в степь. Всякий поймет, что превращение сие не есть дело нескольких лет, но требует многих столетий. Справедливость вышеизложенного объяснения подтверждается как рассказами киргизов, так и собственными нашими наблюдениями. Киргизы утверждают, что море сбегает, что озера исчезают, что места, кои прежде были покрыты камышами, ныне производят совсем иные травы; или, говоря другими словами; почва сих мест сделалась слишком маловлажною для камыша. Мы сами видели, что морской берег окружен соляными озерами, которые тем становятся реже, чем далее уклоняются к востоку, пока наконец,

далее в степи, встречаются уже одни только соляные плоскости”.

Камни рассматриваемой нами третьей полосы состоят из известковых и гипсовых флецов, новейшего образования и песчаных плитняков, с многочисленными изменениями и настилами. Болотистое пространство между Уралом и Сагизом и немного далее к Эмбе есть обильное месторождение дерновой железной руды фосфоро-кислого железа.

Четвертую полосу составляет то плоское возвышение, которое, начинаясь со степи Мусбиль, идет на юг и служит перешейком между Каспийским и Аральским морями. Возвышение сие, называемое Устюрт, весьма мало приносит пользы степным его обладателям. Оно не орошается ни одною рекою и совсем не производит хороших пажитей. Кустарники и травы, на нем растущие, годны для корма верблюдов, но не лошадей, а еще менее овец; колодцы редки, и вода в них находится весьма далеко от поверхности земли. Посреди Устюрта есть несколько солончаков, и пески, известные под именем Сам, или Шам. Хотя в некоторых отношениях пески Бурсуки могли быть названы частию сего возвышения, но по геогностическому составу своему они должны быть отнесены в другую полосу.

К бесплодной почве Устюрта присоединяются жестокие ветры и бури, а потому его возвышенные и открытые равнины делаются совершенно необитаемыми. Зимой киргиз-казаки никогда на оных не кочуют.

Известия о существовании Устюрта могут еще почитаться географическою новостью. Мы обязаны оными экспедиции, которая под начальством г. полковника (ныне генерал-майора) Берга [7] в конце 1825 и начале 1826 годов занималась описанием перешейка, отделяющего Аральское море от Каспийского. Дабы более удовлетворить читателей наших, мы представим им извлечение из журнала г. Эверсмана, бывшего при сей экспедиции в качестве натуралиста.

“Устюрт, выражение киргизское⁴, означает плоскую возвышенность (plateau), и как в западной части степи не встречается никакой другой высокой плоскости, то под сим именем разумеют возвышенный перешеек между Кас-

⁴ Усть — значит высокий, возвышенный, урт-равнина. А в противоположность сему низменная степь, на юг от Устюрта идущая, называется Астюрт, т. е. низкая равнина.

пийским и Аральским морями, донныне несправедливо представляемый на картах покрытым различными горами, из которых главнейшим давали название Туманных. Устюрт есть возвышение вообще гладкое и имеющее над поверхностью разделяемых им морей более 600 футов высоты. Плоскость сия кругом очерчивается крутым обрывистым берегом, по киргизски называемым Чинк, у подошвы коего расстилается отлогая, низменная степь. Хотя берег сей от времени довольно обрушился, и со стороны степи образовались разные холмы, небольшие горки, долины и рытвины, но донныне еще так крут, что в немногих местах можно взобраться на него. Плоская вершина Устюрта представляется глазам в том же виде, как и низкая степь: почва ее также, как и внизу, состоит из песчаной глины, переходящей в пески и солончаки, растения те же, что и в степи. Есть однако ж на ней один кустарник, который в прочих местах степи не встречается и коему я не могу дать систематического названия; ибо видел его только в зимнее время. Киргизы именуют сей кустарник Баялиш. Близ Устюрта, в разных от оного расстояниях и почти в одинаковом направлении с Чинком идут холмы, которые не одинаковы величиною, но, по словам киргизов, совершенно сходны с Устюртом как высотой, так и плоскими верхушками своими, почвою земли, и поросли тем же баялишем. К югу от Эмбы находится цепь гор, или лучше сказать, не слишком обширная, плоская возвышенность, называющаяся Джильди-Таг. Холмы оной, без сомнения, некогда были соединены с описываемою нами большою плоскою возвышенностию, что доказывается одинаковыми составными частями почвы. Пространство Устюрта довольно велико: к востоку, граничит он с Аральским морем, к западу — с Каспийским, так что обрывы его образуют ныне берега обоих морей. Крутой берег его, или Чинк, простирается по южной стороне Мертвого Култука в направлении к северо-востоку, представляя многоразличные изгибы, входящие углы как заливы моря, и выдающиеся мысы, до меридиана западного берега Аральского моря; тут теряется он в холмистых песках Бурсук, которые далее в прямом направлении ограничивают Устюрт с востока до самого Аральского моря. В сих только местах не имеет Устюрт обрывистых берегов. Южная часть Устюрта ограничивается Чинком следующим образом: от Мертвого Култука идет он сначала к югу, потом к юго-востоку; с

противной стороны Чинк, начинаясь у самой южной части западного берега Аральского моря, поворачивается к юго-западу и на широте Мангышлака сходится таким образом с частью, идущей от Мертвого Култука. Нет сомнения, что вся плоская возвышенность, некогда при высшей поверхности морей, составляла большой полуостров, который с восточной только стороны (там, где граничит с песками Бурсук) примыкал к твердой земле. Чинк прежде был морским берегом, а рассеянные пред ним холмы, каковы, например, Догустан, Джильдитаг, были островами, отделенными от твердой земли действием воды. Весь Устюрт в геогностическом образовании весьма однообразен и состоит из одного обширного сплошного вещества, а именно: из мергеля с многочисленными его изменениями. По всему Чинку, а особенно у берегов Аральского моря, видны обнаженные камни, составляющие странного вида утесы. Нередко камни сии выходят наружу и на поверхности Устюрта, почему нетрудно было сделать заключение о составе его. Слои, или настилы, везде совершенно горизонтальны, только по отвалам Чинка и в утесах, происшедших от падения, набросаны они беспорядочно. Надобно заметить, что на Устюрте три главных изменения, которые, однако ж, все принадлежат к одному составу, и к одному геогностическому возрасту, и которые не лежат отдельными слоями, но неприметно переходят из одного в другой или содержатся друг в друге. Сии три вида, или изменения, суть затверделый, или собственно так называемый мергель (рухляк), икряный камень, и дыристый (ноздреватый) мергель, состоящий из двучерепных раковин с примесью окаменелых улиток на берегах Аральского моря. Сии три породы неопределительно изменяются и под тысячью различными видами переходят одна в другую. Мергель попадает то плотный, походящий на обыкновенный, или в тонких слоях, то зернистый, переходящий в икряный камень, иногда совсем без окаменелостей или перемешанный с большим или меньшим числом раковинных окаменелостей. С другой стороны, икряный камень переходит в мергель, и также иногда бывает совершенно без окаменелостей, а иногда (чего прежде не было замечено), перемешан с двучерепными раковинами породы *candium*. По берегам Аральского моря менее видно икряного камня, мергель попадает в гораздо большем количестве. К югу он крепче и плотнее, к северу кажется

мягче и землистее, по крайней мере, в открытых местах берега; тут флещы железистого пестрого песчаника, в котором находятся смешанными очень многие железистые частицы зубчатого, трубчатого и других видов. Из сего песчаного камня, вероятно, образовался нередко находимый разбросанным по берегу бурый железняк и серый колчедан, который киргизы сочли за камень, содержащий золото, отчего, вероятно, произошла распространившаяся по всей степи молва, будто бы в горах, лежащих по западному берегу Аральского моря, находится золото. Всякий геогнозист легко может видеть, что мнение сие несправедливо, и что состав Устюрта, по всем доселе учиненным исследованиям, никак не может заключать в себе золота”.

“В мергельной земле распавшихся мергельных холмов, вдоль по берегам Аральского моря, весьма много находится гипсу, и большею частию шпатовидного (селенит), в больших или меньших глыбах и кристаллах; также попадает и грязно-зеленоватый, сплошной, в изломе занозистый и весьма крепкий гипс, который должен содержать немалое количество кремнистой земли, ибо он так крепок, что при ударении сталью производит искры. Камень сей находится в довольно больших, всегда угловатых и занозистых глыбах, на поверхности коих находятся чечевицеобразные клетчаторасположенные кристаллы гипса, одного состава с глыбами. По сим-то кристаллам можно узнать, что вся масса образована из одного гипса”.

“Слоистый, или шпатовый гипс (селенит) попадает также во множестве далее к востоку и северу, на степи, в мергельных холмах. Нередко покрывает он большие пространства, что неоднократно видел я на пути моем в Бухарию. Чинк, бывший и настоящий морской берег, весьма изобилует ключами пресной воды, имеющей небольшой запах сероводородного газа, а на Устюрте, как в находящихся на оном песках, так и в других местах, нередко попадают колодцы, вырытые в мергеле, и содержащие в весьма малой глубине очень хорошую и к употреблению совершенно годную воду. Южный скат Устюрта покрыт возвышенностями и холмами, происшедшими от дождей, бурь, и, вероятно, от подмывания водами прежде тут бывшего моря. Сии накиданные холмы — ниже поверхности плоского возвышения. Дождям и тающим снегам должно быть приписано и образование рытвин, видимых в откосах Чинка; из оных некоторые дают начало

источникам пресной воды. Киргизы говорят, что Чинк становится утесистее по мере приближения к Конраду. Там образует он от верхней черты Устюрта до воды четыре главные террасы, или уступа, из коих каждый составлен из особенных холмиков и рытвин. Стоя на краю Устюрта, видишь одну только террасу, закрывающую низшие, и море кажется весьма близко. Между тем оно отстоит еще на 1,5 версты. Только в немногих местах можно сходить пешком с Устюрта, а еще реже попадаются такие, по коим можно спускаться верхом. В некоторых местах уступы Чинка так широки, что на оных могли бы свободно помещаться целые деревни с садами и полями”.

В пятую полосу включим мы пространство, идущее от гор Уркачских и Мугоджарских к востоку. На север прилегает она к первой, на запад ко второй и частично к третьей полосам, на юге оканчивается началом песков Большие Бурсуки и озерами Аксакалбарби, а на восток простирается до отраслей гор Улу. Полоса сия, исключая лощины, лежащей между горами, и долины, около Тургая, вообще почитается бесплодною, и производя почти одну полынь, состоит большею частию из сухой, рыхлой, почти обнаженной глины, а частию — из пространных песчаных пустынь, пересекаемых соляными озерами и высохшими солонцами. Даже реки сей полосы, как то: Чедырь-Каткан, Сары-Бутак, Каракай, и другие — содержат соленую или солено-горькую воду. Долины, между горами лежащие, составляют исключения, потому что самая почва их жирнее и потому что они защищены от летнего зноя, а сверх того, они утучняются водами, из гор вытекающими. К таковым долинам относим мы часть сей полосы, заключающуюся между отраслями гор Караадырь, Мугоджар и Уркач. Караадырские горы замечательны тем, что отделяют места солонцеватые от мест, в которых солончаков совсем нет.

Шестая полоса, идущая от пятой на восток до Иртыша и озера Нор-Зайсан, может быть ограничена с юга 48° северной широты. Полоса сия, хотя в самой западной части своей некоторыми местами и похожа на предыдущую, но далее к востоку, будучи покрыта горами, из коих некоторые весьма высоки, и орошаемая вытекающими из них речками, делается плодородною и приятною для глаз. В ней есть много долин, способных к хлебопашеству и населению, есть ключи чистой здоровой воды, прекрасные луговые травы и леса. Путешественники осо-

бенно выхваляют в сей полосе избыточные окрестности гор Ку-Казлык, Кено-Казлык, Каркаралы, берега реки Малой Нуры и проч. Впрочем, полоса сия вмещает в себе также многие горькие и соленые озера. Паллас [8] пишет, что около Иртыша находят в земле много морских раковин.

Седьмую и последнюю полосую степей киргиз-казацких назовем мы южную часть оных, начинающуюся Большими Бурсуками и восточным берегом Аральского моря. Оканчиваясь у подошвы гор, проходящих между озер Балхаш и Алакугуль, она вмещает в себя бесплодные места, а именно: пески Большие и Малые Бурсуки, Каракум, Кизилкум, и Арш-Кудуккум, пустыню Битпак, озеро Балхаш, окружающие его камыши и почти не известные для нас степи, орошаемые реками Чуем и Талашем. Сюда же отнесем мы пространство, лежащее между реками Сыром, Куваном и руслом бывшей реки Яны. Из обширной полосы сей, которая по протяжению своему могла бы вместить несколько миллионов жителей, мы можем подробно описать только почву самой западной ее части, которую г. Пандер на пути в Бухарию имел случай осмотреть глазами естествоиспытателя. Вот что говорит он о ней: “В обоих Бурсуках, равно как в Каракуме и во всех степях, по сию сторону Сыра лежащих, разбросаны в ямах куски известкового материка, который, как кажется, служит основанием пескам: ибо из оного часто состоят небольшие холмы в степях. По выходе из Большого Бурсука возвышаются холмы кварцевого камня и прорывов (*brèches*), составленных из кусков кварца, соединенных железистым дресвяником. Иногда сей дресвяник появляется чистым; часто содержит он в себе шарообразные обломки окисленного железа, которые достигают иногда до 1 фута в диаметре и которые так черны и так богаты, что могли бы заменять собою руду. Многие холмы окружают Малые Бурсуки с северо-запада и с северо-востока: первые состоят из марны, довольно крепкой и смешанной с морскими раковинами, вторые — из железистого дресвяника, наполненные также морскими раковинами и пересекаемые многими жилами гипса. Марня сия, простирающаяся до моря Аральского, составляет возвышения Айгур и Сары-Булак, кои, кажется, были некогда берегом моря. Термембес и близлежащие высоты также состоят из марны, делающейся во многих местах весьма мягкою и хрупкою и содержащей бесчисленное множество однослойных и двуслойных раковин, мышиных костей, рыбьих зубов и

позвонков, спиральных и сердцеобразных раковин и зубов морских псов”.

“Близ Аральского моря и далее на восток марна мало-помалу исчезает и уступает место беловатому дресвянику, который, наконец, превращается в белый или светло-серый кварц. Сей последний идет по лиману Сыра до самого устья, при коем составляет возвышения, имеющие около 200 футов высоты над поверхностью моря”.

Пространство, лежащее между реками Сыром и Куваном, большею частию покрыто песчаными холмами в 3 и 4 саж. высоты, а частию глинисто, и было бы в некоторых местах плодородно, если бы можно было поливать его. От Кувана на юг к Яны находятся также пески, пересекаемые глинистыми полосами. Берега Яны состоят из жирной глины, на которой растет саксауловый лес, заслуживающий особенного внимания как по количеству своему, так и по качеству и выгодам, из него извлекаемым путешественниками. Далее за сим лесом на юг идут пески Кызылкум. Г. Пандер, в геогностическом обозрении степей казачьих, говорит: “Скалы степи, идущей от р. Сыра на юг до песков Кызыл, состоят из красноватого пудинга, коего зерна разной величины составлены из темной глины, изобилующей известковыми беловатыми частицами, особенно на отдельных камнях; самые прорывы здесь часто принимают вид сероватого известкового состава”.

МЕСТА, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ПЛОДОРОДИЕМ

Означим теперь отдельно те места, которые во всех вышеописанных полосах, замечательны плодородием своим и могут быть возделаны, или кои покрыты лесами.

Места, удобные для хлебопашества, находятся на реках Илеке⁵, Ори, около верхней части Эмбы, на Иргизе, на Булджурте, Хобде, Уиле, в долинах гор Мугуджарских, около озер Ходжа и Аксакал, по Тоболу, Тургаю и Ишиму, в горах Каркаралы, Ку-Казлык, по Сыру (и особенно около Джанкента), также, по рекам Кувану и Яны, где недавно жили каракалпаки, народ, постоянно занимавшийся хлебопашеством. Капитан Рычков [9], в своих “Записках” говорит, что видел остатки древних

⁵ Окрестности Илека и впадающих в него рек особенно замечательны по тучной почве и удобствам как для земледелия, так и для скотоводства.

пашен на Каратургае, и что пашни сии были наводняемы каналами, из реки проведенными.

Гавердовский [10] нашел то же на реке Иргизе. Г. Шангин [11] описывает плодородие и удобства к заселению окрестностей гор Имантау и Якшиянгиштау. Он уже упоминает о пашнях киргизских по очищенным от камыша берегам озера Кургальджина и р. Нуры. Пространства, заключающиеся между озерами Убаган и Наурузум, равным образом между Усть-Уйской крепостию и реками Абуга и Кайраклы, также отличаются хорошею почвою и имеют все выгоды для поселения. Наконец, к числу мест, удобных для хлебопашества, должны быть отнесены почти все долины, между горами лежащие.

ЛЕСА

Обширнейшие леса киргиз-казакской степи растут, как уже сказано, в северной ее части, а особенно по горным хребтам Октокарагай и Джавуккарагай, и на восток до озера Убаган, от которого в близком расстоянии находится известный бор Аманкарагай (благополучный бор), состоящий из сосен и берез, годных на строение. Лес сей, отстоящий от Российской границы на 5 дней караванного хода, имеет в длину, как говорят кочующие близ него киргиз-казаки, около 60 верст, а в ширину около 40, и чрезвычайно густ. На юг от Аманкарагай — Наурузум, прилегающий к озеру того же имени и имеющий около 25 верст в длину и от 6 до 8 в ширину, состоит из сосен, берез и тополей. Местами растет в нем черная смородина. Близ Наурузума, на запад, известен березовый лес Сундук. Лес Аракарагай, по словам капитана Рычкова, отстоящий на день езды от гробницы хана Абульхайра [12], простирается верст на 80 в длину и на 10 или 20 в ширину. Тот же путешественник находит леса в долинах гор Таки-Турмас, по берегам рек Ишима и Кинкула. На реке Селенте, впадающей в озеро Тенис, известен бор Мурункарагай. Есть также леса по правую сторону р. Убагана, и наконец, от Ишима на восток в значительном пространстве.

Г. Шангин уверяет, что сие пространство, покрытое весьма многими лесами, считая от Ишима, имеет до 270 верст в длину и до 50 в ширину. Гора Иман поросла непроходимым лесом. От сей горы до Якши-Яняш, и на сей последней также растет лес, равно как на горах Ку-Казлык, Бокшу, Каркаралы, Буглытаг и многих дру-

гих, которые мало известны и между которыми особенно замечательны горы, занимаемые Большою ордою. В южной части славится саксауловый лес, растущий по Яндыарье. Впрочем, все сии леса в сравнении с пространством степей киргиз-казацких весьма незначительны.

Описав места, примечательные своим плодородием, означим и наименее способные к обрабатыванию, а именно: пески и солончаки, которые, будучи вместе взяты, составляют довольно значительную часть страны, нами рассматриваемой. Начнем с запада.

ПЕСКИ

Ближайшие к западной границе степей киргиз-казацких пески называются Бирюкты, лежащие на один день езды от Калмыковой крепости и облегающие со всех сторон озеро Малый Каракуль. Восточная и южная их части известны под именем Тайсуган.

На север от них, между реками Булдюрты и Джаксыбай, лежит песчаное урочище Джаман-Агач.

На юго-запад от сего урочища находятся пески Акчат и смежные с ними Баркин, простирающиеся до р. Уила.

По Эмбе лежат пески Сагил, Бакумбай, Ак и Мочи.

Между Каспийским и Аральским морями известны пески Сам, Асмантай и Матай.

С севера к Аральскому морю прилегают упомянутые выше Большие и Малые Бурсуки; первые — западнее и гораздо обширнее последних.

На восток, и частию — северо-восток от Аральского моря тянутся пески Каракум⁶, то есть черные, которые пространством своим едва-ли не превосходят все выше-описанные, и имеют как в длину, так и в ширину несколько сот верст. На восток идут они от Аральского моря до того места, где отделяется от Сырдарьи проток, называемый Караузенъ, а на юг — перемежающимися полосами до русла Яндыарьи, на север — почти до озера Аксакал, близ коих отделяются небольшими возвышениями от песков Барби, незначительных своим протяжением, и потопляемых вешними водами р. Иргиза. Некоторые думают, что пески сии названы черными потому, что на них во множестве растет темного цвета трава, называемая юшан. В колодцах, посреди Каракума вырытых, замечены следующие слои: первый, или верхний, из серого песку,

⁶ Мы везде почти отбрасываем слово "кум": ибо оно значит "песок".

второй — из песку с глиною; третий — из красного песку; четвертый — из темно-зеленой морской земли. Под сими песками весьма близко находят хорошую воду и в изобилии. Северные части песков Кара носят разные собственные названия.

Несколько севернее озер Аксакалбарби лежат пески Бузун и Кушелака, чрез кои протекает река Тургай.

Выше Кушелака, между реками Каракай и Ташлы-Бутак, лежат пески Кара-Катнуак.

На Улу-Иргизе есть с одной стороны пески Кулакча, и с другой — Джаманкум (дурной песок).

Не в дальнем расстоянии от Джаманкума, на пути из Орской крепости к озерам Аксакал, находятся пески Джидель-Мамут, названные так от растущего на них дерева джидель. Длина их составляет часов 7 пути, а ширина — часа два или три. В них есть колодцы с хорошею водою, но есть соленые и горькие озера.

В 27 верстах от Джидель-Мамут начинаются пески Чоколак, идущие от востока к западу верст на 80.

На юг от озер Аксакалбарби идут пески Тюгушкан и Берили.

Пески Кунгур начинаются за рекою Сарасу и имеют длины верст около 100, а ширины до 50. На них растет тальник и саксаул.

На восток от Каракума, между горами Кок-Томбак и рекою Чуй, или Цуй, простирается почти на 200 верст песчаная и бесплодная степь Битпак, где нет ни воды, ни травы, кроме тощей и редкой полыни.

В северной части степей киргизских значительных песков не встречается. На юге за Сырдарьею киргиз-казаки отделяются от Бухарских, а частию и от Хивинских владений песками Кизил (красными), так названными потому, что лежат на красном камне, иногда выходящем на поверхность. Пески сии, известные своею бесплодностью, состоят из бугров в 3, 4, а иногда и в 10 сажен. Между сими холмами есть пять замечательных по своему возвышению и именуемых Биштюп, то есть пять холмов. Они имеют сажен до 30 вышины.

Говоря вообще о вышеисчисленных нами песках, надобно заметить, что они редко бывают сплошные, но напротив того большая часть оных состоит из холмов, или бугров, различной высоты и плотности. Иные тверды, другие рыхлы и потому переносятся ветром с места на место, иные же топки. Совершенно бесплодные пески

редко встречаются, значительнейшая часть их покрыта небольшими кустарниками и травами, так что весьма часто флора песков бывает богаче флоры степей. Это потому, что первая из двух почв содержит в себе более влажности, нежели вторая, скоро высыхающая. Главнейшие и полезнейшие для корма скота травы песков киргизских суть юшан, или юсан, иссен и биюргун. Две первые составляют виды полыни, третья принадлежит к саликорниям. Полукустарники и однолетние растения не так хорошо прозябают в песках, ибо ветер беспрерывно колеблет их, и часто совсем засыпает песком. Корни песчаных растений весьма длинны.

Основание большей части описываемых нами песков составляет известковый камень и мергельная известь зернистого сложения. Сей камень, как известно, везде сопровождается водою, а потому и в киргизских песчаных пустынях в малом углублении находят водяные источники, но вода в них редко бывает пресная. Сим же явлением объясняется существование солончаков в песках.

Прибавим к вышесказанному, что песчаные холмы защищают зимою стада от бурь и ветров, и потому заключим, что пески киргиз-казакских степей не только не страшны, подобно пескам Аравийским, но даже полезны для кочевого народа.

СОЛОНЧАКИ

Чтобы дать понятие о солончаках, повторим то, что говорит об них г. Эверсман в упомянутом уже нами журнале своего путешествия в конце 1825 и начале 1826 годов:

“Солончаки (по-киргизски ”шур”, или “сур”, а по выговору иных — “сор”), находящиеся преимущественно в западной части киргизской степи, суть более или менее болота, или тинистые пространства, которые по количеству содержащейся в них соли, или по причине вытягиваемой оною из воздуха сырости, летом высыхают весьма медленно, а иногда и вовсе не сохнут, зимою же весьма мало или совсем не замерзают, и, таким образом, путешественнику представляют непреодолимые преграды”.

“Впрочем, это относится не ко всем солончакам вообще — многие из оных в летние жары более или менее высыхают, и получают от соли, остающейся на их поверхности, белизну ослепительную. Сии последние можно назвать соляными сушами, или сухими солончаками. Они

почти без растений и только края их покрыты солеными травами, принадлежащими почти исключительно к породам сольника (*salicornia*) и солянки (*salsola*). Заманиха (*nitraria*) преимущественно любит сухие и соленые плоскости. У иных солончаков даже и поверхность покрывается сольником. Составные части грунта сих болот суть глина, песок и соль. Соль предпочтительно состоит из сернокислой магнезии (горькой соли) и поваренной соли. При точнейшем химическом разложении, может быть, откроются и другие соли”.

“Сколько я мог изведать по опытам, соленые озера, солончаки и соленые пространства происходят тройким образом:

Во-первых, могут в глубине находиться флещы каменной соли, кои, рождая соленые ключи, образуют посредством их разной величины соленые озера. К сему роду не принадлежат озера, содержащие чистую, поваренную соль, годную к употреблению в пищу, и не называемые солончаками (*cop*), хотя, впрочем, сие последнее название дают иногда горько-соляным озерам.

Во-вторых, соляные озера и солончаки могут быть остатками сбежавшего моря, как выше объяснено, при описании морских берегов.

К третьему роду, встречающемуся весьма нередко в южной части пройденной нами степи, могут быть отнесены солончаки, лежащие в таких местах, где поверхность степи неровно волнистая, отчего местами образуются плоские углубления, или низменности, окруженные возвышеннейшими местами или плоскими холмами. В сих местах дождевые и снеговые воды, стекая с возвышений, растворяют соль, повсеместно проникающую почву степей, и, собираясь в углублениях или низменностях, составляют озера, или солончаки, которые по причине собравшейся в них соли и по свойству ее всасывать в себя сырость также во весь круглый год не мерзнут”.

По мнению Палласа, соленость степей, между Тоболом и Иртышом лежащих, должна происходить от соседства флещевых гор, кои наделяют сии места, равно как и всю киргизскую степь, множеством (том 3, с. 51) ключей. В дополнение к сей причине, присовокупляет он, что обыкновение сжигать весною оставшуюся от осени траву, и моча, скотом испускаемая (?), также должны содействовать к умножению соли (т. 1, с. 393) в стране, нами описываемой.

Как бы то ни было, и от чего бы ни происходила соль, но она почти везде встречается в землях киргиз-казахских. Главные запасы оной — соленые озера, сухие солончаки и каменные соляные пласты. Кроме того, встречается она в водах многих рек, в колодцах, в растениях и даже в росе, падающей на растения. Говоря вообще, воды, нисколько не имеющие соляного вкуса, весьма редки в сем крае, и большею частью встречаются только в песках.

При описании озер, мы объясним, которые из них наиболее производят соли, число всех соляных озер в киргизской степи чрезвычайно велико. В одних соль находится на поверхности в виде коры, в других — осадка ее делается на дне под раствором, или жидкостью, которая часто бывает так густа, что в ней человек не тонет, и чем глубже, тем она более имеет теплоты.

КАМЫШИ

От солончаков должны мы перейти к камышам, покрывающим многие соленые и пресные озера, берега морей и рек. Они замечательны в киргизской степи как по необыкновенной высоте своей (в 3, 4 и даже 5 сажен), так и по обширности занимаемых ими пространств. Уже говорено о камышах, покрывающих берега Каспийского моря. Исчислять все места, на которых они растут, значило бы повторять названия большей части описанных нами озер и потом именовать множество рек. Мы обратим внимание читателя только на камыши, покрывающие устье р. Сыра и вообще юго-восточные берега Аральского моря, на те, которые тянутся, как уверяют киргизы, более нежели на 120 верст к северо-востоку от озера Балхаш, и на окрестности озер Аксакал, поросшие камышами на пространстве нескольких сот квадратных верст.

Польза, извлекаемая киргизами из камышей, заключается в том, что они служат зимою самыми удобными местами для кочевания, защищают от ветров, доставляют корм скоту, и во всякое время заменяют в безлесных местах дрова.

ОБЩИЕ СВОЙСТВА СТЕПЕЙ КИРГИЗСКИХ

Заклучим статью сию взглядом на некоторые общие свойства всех степей киргиз-казацких.

Они отличаются, во-первых, безводием, и происходящею от того чрезвычайною сухостию почвы. Недостаток сей должен быть приписан малому числу дождей, чрезвычайным летним жарам, глинистой почве и ветрам, ее иссушающим. Некоторые путешественники объясняют сие свойство степей существованием близ поверхности земли камня, на котором лежит большая часть глинистой почвы. По их мнению, глубокие снега, растаивая весною, хотя и могли бы заменить дожди, но вода, от них происходящая, не допускается камнем глубоко в недра земли, а потому скопляется большими массами, и быстро стремится в реки, озера, овраги, или в рыхлые пески, не имея времени утучнять пробегаемых ею пространств. Отсюда происходят крутые берега рек и ручьев, множество рытвин и сухость почвы, которая после от солнечного зноя до того высыхает, что дает трещины, имеющие нередко более полуаршина ширины⁷. Тот же камень может препятствовать и происхождению ключей.

От безводия происходит второе, довольно общее свойство степей киргизских, — безлесие.

Третье и самое примечательное свойство той же страны заключается в том, что она во многих местах показывает следы недавнего пребывания своего под волнами морскими. Замечание сие сделано большею частию образованных путешественников; основанием оногo служат следующие предметы: а) раковины морские, голыши, округленные водою, белениты и амониты, находимые в далеком расстоянии от моря; б) множество соляных и горьких озер, сухих солончаков и пространств рыхлой глины, оседающей от давления ноги; в) постепенное уменьшение озер, из коих многие уже совсем высохли; д) горький и соленый вкус воды в некоторых реках; е) соленый вкус многих трав; ф) соленая роса на оных и даже соленость снега между Каспийским и Аральскими морями; г) наружный вид земной поверхности, состоящей большей частью из пригорков и увалов, представляющих подобие морских волн.

⁷ Г. Шангин пишет, что трещины, им замеченные в киргизской степи, имели фигуру шестигольников и походили на медовые соты.

В сем отношении особенно замечательны пески и песчаные холмы, в низменных равнинах намытые и округленные действием воды, наподобие мелей и островов. Г. Шангин пишет, что, верстах в 100 от устья реки Терсекана, заметил он круглые возвышения, состоящие из глины, известкового камня, алебаstra, валунов, железняка и других горнокаменных пород, проникнутых вообще горькою солью и происшедших от механического раствора осадкою. Люди, достойные вероятия, утверждают, что пространство, заключающееся между озерами Авлия и рекою Сарытургай, было непременно покрыто водою. Озера Нарзум и Чукса образованы глубокими местами сего водохранилища; край высокой равнины, идущей от речки Чиили до горы Койсал-Мура, был западным его берегом; к востоку видна такая же возвышенность. Почти все пространство сие бесплодно и состоит большею частию из солончаков. Такого же свойства степь Мусбиль, лежащая между Аральским морем и озерами Аксакалбарби. Она ничего не производит; по ней рассеяны морские раковины, белениты, аммониты, округленные кремни и круглые возвышения, кои в отношении к равнине представляют острова. С двух сторон ограничена она горами, а с других открыта: посему, врывающиеся в нее ветры бывают очень сильны и зимою наносят много снегу. С юго-востока предел ее составляют возвышения, известные под именем Кайнарских гор. В них множество провалов и ям, заросших камышом, откуда вода, имеющая серный запах, по замечанию Гавердовского, как будто вытесняется и течет ручьями вниз.

Книга сия уже была давно приготовлена к печати, когда мы получили последнюю книжку журнала *Nouvelles annales des voyages*, на 1830 год, в которой нашли любопытную статью г. Гумбольта [13] о горах и вулканах Средней Азии. Вот что говорит в ней знаменитый естествоиспытатель о киргизской степи: "Пространство, покрытое малыми озерами, в числе которых находятся озера Балекуль (51° 30' широты) и Кумкуль (49° 45' широты), по остроумному предположению г. Генса [14], показывает древнее сообщение обширного водохранилища с морем Аральским и озером Аксакал. Это как будто след потока, который идет на северо-восток далее Омска, между Ишимом и Иртышем, через Барабинскую степь, наполненную озерами; потом на север за Обь к Сургуту, чрез земли березовских остяков, до болотистых берегов Ледовитого

моря. Древнее предание, сохранившееся у китайцев, о существовании внутри Сибири большого озера, чрез которое проходит Енисей, относится, может быть, к сему пути, которым воды Каспийского и Аральского морей могли изливаться на северо-восток. Происхождение сего углубления должно быть древнее происхождения гор Уральских”.

Мысль эта весьма любопытна; что касается до местоположения упоминаемых здесь озер, то мы об оном ничего положительно сказать не можем.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

НАРУЖНЫЙ ВИД ЗЕМЛИ И ГОРЫ, ЕЕ ПОКРЫВАЮЩИЕ

Название степей, которое даем мы стране, занимаемой киргиз-казачьими ордами, может подать мысль, будто степи сии имеют везде ровную поверхность и составляют одну обширную плоскость, между тем как в самом деле они пересекаются многими горными хребтами и вообще не представляют глазам путешественника гладких и непрерывных равнин, какие встречаются в некоторых других странах. Поверхность большей части степей киргиз-казачьих волниста и испещрена небольшими холмами, имеющими округленные верхи, но поелику возвышения сии не велики, и не покрыты лесом, то название степи довольно приличествует стране, нами описываемой. Прибавим к тому, что она, будучи суха, бедна произрастениями и единообразна, становится утомительна для глаз.

Это не относится к горам, коих вид, величина и свойства различны, почему мы и намерены описать их подробнее.

Многие новейшие географы стараются привести все горы земного шара в системы. Старание сие заслуживает особенного внимания и может родить заключения весьма важные, однако ж, оно не всегда обращается в пользу географической истины, ибо желание поддержать систему, на общих соображениях основанную в тишине кабинета и стоившую многих трудов, не один раз заставляло самих ученых и почтенных мужей затемнять или изменять вид предметов, не подходивших под общие их правила. Таким образом, и горы часто могут быть относимы к тем клас-

сам, к которым они не принадлежат по свойствам своим. Нет сомнения, что классификация оных возможна в странах слишком известных, какова, например, Западная Европа; но полезно ли, и есть ли возможность прибегать к оной в описании Азии или Африки?

Решившись нигде не вводить читателей наших в заблуждение, мы опишем только горы степей киргизских, ныне известные. Из сочинений Палласа и Фалька [15] видно, что горные хребты Уральский и Алтайский оба проходят из России в земли, киргиз-казаками занимаемые, и что первый хребет распространяется в западной, а второй — в восточной части сих земель, но середина их также покрыта горами, превосходящими вышиною все другие. Теперь по недостатку сведений нельзя еще решить, к которому именно хребту принадлежат сии последние горы¹.

А. Уральские горы переходят в степи киргиз-казацкии в двух местах: во-первых, между Ильинскою и Орскою крепостями, а особенно около Губерлинской крепости, где оба берега Урала, обнаруживая совершенно одинаковые слои и однообразное склонение оных, показывают, что скалы, по обеим сторонам сей реки лежащие, составляют один и тот же горный хребет. Второе отделение Уральских гор переходит в степи казацкии между вершинами Урала и Уя. Первая из сих двух отраслей на правом берегу Урала известна под названием гор Губерлинских, а на левом, то есть при входе в степь Киргизскую, под названиями Ташкичу и Караултюбя. Отрасль сию Паллас² почитает настоящим Уральским хребтом, а потому и принимает оную за естественную границу, отделяющую Европу от Азии, начиная от Ледовитого моря до Каспийского. Ташкичу и Караултюбя круты и довольно высоки

¹ Г. Эверсман полагает (там же), что относительный геогностический возраст киргизской степи постепенно уменьшается от востока к западу на всем протяжении от пределов Китая до Каспийского моря. Образованию сему соответствует возвышение степи над поверхностью моря, то есть она постепенно склоняется от востока к западу. Предположение сие в общем обзоре подтверждается частными наблюдениями, особенно в западной части описываемой нами страны: она низка и имеет все признаки новейшего образования. Северо-восточные берега Каспийского моря, продолжает г. Эверсман, так низки и отлоги, что разрез оных на расстоянии 30 верст от моря возвышается над поверхностью воды только на 2 сажени.

² См.: Первое его путешествие. Т. 2. С. 406.

при Урале, но верстах в 30 от одного соединяются вместе и составляют равнину, усеянную кремнистыми холмами³; к югу равнина сия возвышается и составляет хребет, называемый Уркач, который прилегает к крутым скалам гор Мугоджар, одинаковых с ним по составу и образованию и, следовательно, служащих продолжением одного.

От Уркачского хребта идут две холмистые ветви на запад: одна отделяет реки, впадающие в Урал от тех, кои текут в Илек, а другая, вначале известная под именем Босага⁴, образует несколько малых отраслей, коими разделяются долины, орошаемые реками Хобдою, Утвою, Уилом, Сагизом, и Эмбою, и направляют течение речек и ручьев, в них впадающих. Замечательные в сих отраслях точки суть Корсакбаш и Таш-Горали, находящиеся между Илеком и Хобдою; Туртабаш — между Хобдою и Утвою, горы Кайнар и Иман между Эмбою и Сагизом. Что касается до гор Мугоджар, то оные идут с северо-востока на юго-запад и превосходят высоту прочие горы западной части степей киргизских. Составляя, как выше сказано, часть хребта Уральского, они, с одной стороны, принимают в себя Уркач, а с другой, т. е. с севера — соединяются с горами Караадыр, о коих будем говорить ниже. Горы Мугоджарские состоят из сосцеобразных возвышений, представляющих издали необыкновенные и часто прекрасные виды. Они содержат в себе порфир, серпантин, кварц, зеленый камень, фельдшпат, но гранита в них не находится. Высочайшая точка сих гор есть Айрюрук, отделяющаяся от других и имеющая около 150 сажен высоты от основания⁵. Отрасль, идущая от сей высоты на юг, именуется Ямантаг (то есть дурные горы), а на север простирающаяся — Якшитаг (хорошие горы). Оба названия даны по качеству пажитей. На юг Мугоджарские горы простираются недалеко и оканчиваются соединением с плоскою возвышенностию, составляющую перешеек между Каспийским и Аральскими морями, и известную под именем Устюрта. На восток отделяется от них несколько отраслей, из коих известнейшая называется Букенбай; она флещового состава и покрыта красною глиною. Из Мугоджарского хребта текут реки: Орь, Эмба и много маленьких речек. Прочие незначительные горы в западной части

³ Voyage à Boukhara par le Baron de Meyendorff, с. 46.

⁴ Из того же путешествия видим, что на высотах Босага находятся окаменелости и зубы морских животных.

⁵ См. то же путешествие.

киргизских степей, по мнению Палласа, составляют также отрывки Уральского хребта.

Второе продолжение сего хребта, переходящее из России в степи казачьи, как уже сказано, между вершинами Урала и Уя простирается до вершин реки Иргиза почти прямо на юг. Горы сии носят в начале своем название Октокарагая и Ябиккарагая. Около вершин рек Тогузака и Гумбейки они понижаются и идут до вершин реки Сундук под именем Джавуккарагая. На сем пространстве возвышения опять увеличиваются и пускают от себя многие отрасли на северо-восток и юго-запад. Далее к югу обращаются они в хребет, который, приняв название Караадыр и достигнув вершин реки Иргиз, пускает две главные отрасли. Одна из них, а именно Тополан, идет на восток и оканчивается горами Коттор и Теке-Турмас близ Сарытургая, а другая простирается на запад до Урала, под названием Камышаклы. Самый же хребет Караадыр, приняв направление к юго-западу, соединяется с Мугоджарскими горами.

Отрасль Тополан большею частью состоит из глинистых плоских возвышений. Коттор есть каменистый и обнаженный хребет, коего скалы представляются в виде огромных развалин. На север от них лежат горы Кызбель, одинакового вида и образования с Коттор. В главном хребте Караадыр замечен гранит.

В. Алтайский хребет проходит чрез Иртыш между реками Большою Убою и Нарымом. Первые отрасли его в степи киргизской не высоки и имеют различные названия. Главнейшая из них, с кою соединяются другие, есть каменная гряда Акрычаклы, которая идет с севера на юг, потом поворачивает на восток и образует горы Хей. Продолжение сих последних опять поворачивает на юго-запад и именуется Калыгай-Гологой; оно пересекается или соединяется с горою Калбин, и пускает от себя разные ветви. Одна ветвь идет на запад, образуя горы Алджан-Аркаат и Ордан-Чингис, а далее каменистые гряды Каркаралы, Кенкозлан и Буглы⁶, исчезающие в хребте Ирмейском. Другая ветвь, простирающаяся по правой стороне Аягуза, называется Кузу-Курпеш. Третья соединяется с высоким Тарбагатайским хребтом, входящим в Китайские владения.

⁶ Буглы означает во множ. числе оленей. Говорят, что горы сии получили таковое название от того, что в них водится много маралов (род оленей). См. Оренб. Топографию Рычкова [17].

ния. Г. Поспелов [16], осмотревший западную часть сих гор, говорит, что ближайшие из них к Иртышу состоят из гранита и сланца, между коими есть агаты.

Далее идущие от Иртыша к югу состоят преимущественно из гранита. За рекою Тундук главные породы: красная и зеленая яшма, агат, порфир. Около реки Нуры идет полоса гор известковых, а за нею роговокаменные и сланцевые с примесью белого кварца; последние высоты, оканчивающиеся в степи Битпак, наполнены агатом и яшмою разных видов.

О составе юго-восточной части продолжения Алтайского хребта мы не имеем достоверных сведений. Равным образом не можем мы сказать ничего определительного о снежных горах Ала, или Усюн-Алатаг, идущих от озера Балхаш на северо-восток в Китайские владения.

С. Горы, находящиеся в середине киргизских степей.

Кроме отраслей хребтов Уральского и Алтайского в киргиз-казацких владениях, и именно в середине оных, находятся многие другие горы, которых мы не смеем отнести ни к какой системе, а потому и опишем их отдельно одни от других.

Главнейшие из них суть: Улутаг (т. е. большие горы), лежащие между вершинами Тургаев и Кингерей. Большими называются они потому, что, по мнению киргизов, превосходят высоту все прочие горы киргизской степи. Горы Свинцовая и Медная (мыс Таг), исследованные российскими горными офицерами⁷, и находящиеся около вершин Тургая, принадлежат к одному хребту с горами Улу.

На северо-восток от оных проходит хребет Илдигийский, отделяющий реки, текущие на север, от рек, стремящихся на юг и юго-запад. Название Илдиги, т. е. непрерывный, и рассказы киргизов показывают, что хребет сей почитается одним из главных возвышений киргизской степи. Оный, как говорят, соединяется с отраслями Тарбагатая. Нам кажется, что горы Улу составляют только часть сей цепи гор. Г. Шангин, переходивший чрез хребет Илдигийский, пишет, что северная часть оного состоит из гор гранитных, и что гранит сей, покрытый миндальным камнем, принадлежит ко второму или позднему образованию. При горе Кычетау, составляющей часть того же хребта, лежит порфир, которого

⁷ Описание открытых рудных приисков будет помещено в главе о произведениях ископаемого царства.

основная порода темно-кофейная яшма с хрусталиями полевого шпата, весьма красива для употребления на изделия. В южной покатоности Илдигийского хребта, по словам г. Шангина, гранитные горы встречаются столь редко и столь малой высоты, что в самом деле главную породу сей части хребта должно почесть глинистый первозданный сланец⁸.

Иремейские горы, идущие с севера на юг, западными отраслями своими примыкают к боковым ветвям Илдигийского хребта, а с востока принимают в себя горы Буглы, составляющие, как выше сказано, ветвь Алтайского хребта. Из гор Иремейских вытекает река Ишим.

Горы Кукче идут на северо-запад от Иремейских, между Иртышем и Ишимом.

Под названием Актаг, то есть белых гор, находим мы в киргизских степях несколько высоких хребтов. Геогностические признаки ни одной из сих соименных гор нам не известны.

О горе Иман, лежащей близ озера того же имени, на правой стороне Ишима, г. Шангин пишет следующее: "Горы сии состоят из гранита, но они приводят в удивление геогноста и останавливают внимание наблюдателя, быв разделены по всей длине своего протяжения от севера к югу параллельными грядами кремнистого сланца и кварца. Гряды сии изображают как бы остатки стен от 2 до 6 сажен толстотою, и возвышаются над поверхностью гор до двух четвертей. Пространство гранита, оные разделяющего, от 50 до 100 сажен. Я предлагаю здесь одно справедливое наблюдение; новость такового для меня явления, противоречит теориям образования первобытных пород и удерживает от всякого заключения"⁹. Гора сия покрыта густым лесом. В ней заключаются руды, о которых будет говорено в своем месте.

Горы Каратау отделяют степи киргизские с юга от Туркестанских владений. Часть сих гор была осмотрена г. Поспеловым, который нашел, что они состоят из гранита и известкового камня, а частию — из красной железистой яшмы. В одном месте видел он медную руду и признаки

⁸ Столь подробные сведения и наблюдения горного чиновника не позволяют нам согласиться с мнением тех ученых, которые утверждают, будто бы Илдигийский хребет совсем не существует. Мнение сие основано на словах киргизов, которые об одной и той же вещи весьма часто сообщают известия, совершенно противоположные одно другому.

⁹ Рукописный журнал г. Шангина.

древней разработки. Кое-где есть руды железные и свинцовые.

Прочих гор киргиз-казачьих земель мы описывать не будем, ибо они или составляют небольшие части описанных нами хребтов, или слишком мало известны.

Глава ПЯТАЯ

ВОДЫ

Воды киргизской степи заключаются в двух морях, многих озерах и реках.

МОРЯ

Из морей одно Каспийское, другое Аральское. О первом здесь говорить не будем, потому, что оно уже известно из описаний многих ученых, и только малою частию своею касается берегов киргиз-казачьих, но займемся обозрением Аральского моря, или озера,— оба названия сии ему приличны: одно по пространству, другое по неимению сообщения с прочими морями.

Оно лежит между $43,5^{\circ}$ и $46,075^{\circ}$ северной широты, и между $75,075^{\circ}$ и 79° долготы от острова Ферро. Арабские и персидские географы именуют Аральское море Ховарезмским, Харазмским и Ургенджским озером, но киргиз-казаки и соседственные с ними народы называют оное Арал Денгис, то есть Островитое море. В русских летописях оно именуется Синим, отчего и монголо-татары, около его кочевавшие, назывались у нас Синею ордою [18]. Вода в нем не так солонa, как в прочих морях, а близ устьев Аму и Сыра на довольно значительном от берега расстоянии она почти совсем пресная. Восточный и южный берега Аральского моря низки и частию песчаны, а частию покрыты камышами, западный же и северо-западный высоки и круты, ибо составляются тою плоскою возвышенностию, которая нами описана в своем месте под названием Устюрта.

В восточной части моря Аральского есть многие малые острова, именуемые Барсакайтмас; а в северной половине один большой остров, называемый Барсакельмес, на коем растет лес.

Известнейшие заливы сего моря суть Сары-Чаганак, составляющий северо-восточный острый угол его, Сараман-

сат, противоположный предыдущему, есть юго-западное окончание моря, Каракуй, принимавший в себя Яндыарью, лежит на юго-восток. Прочих даже и имена малоизвестны. Полного описания берегов сего водохранилища доньше никто¹ не делал. Первый, занимавшийся сим предметом, был геодезист Муравин [19], осмотревший в 1741 году западную часть Аральского моря и снявший ее на план, который, однако же, не совсем согласен с нынешним состоянием изображенного на нем берега. Что касается до прочих сторон, то они никогда не были сняты математически. На нашей карте вся форма Аральского моря означена по рекогонсцировкам и распросам российских инженеров или квартирмейстерских офицеров, бывших в степях казачьих в 1820, 1821, 1824, 1825 и 1826 годах.

Реки, впадающие в Аральское море, известны с древнейших времен. Одна из них есть Сыр, вливающаяся с восточной стороны и описанная ниже, другая Аму, впадающая с юга многими рукавами, промежутки коих покрыты камышом. Других рек Аральское море в себя не принимает. Зимой оно мерзнет, и от устья Сыра до города Кунграта ходят чрез оное по льду. Рыбы в нем, сколько доньше известно, одинаковых родов и видов с рыбами моря Каспийского. Многие киргиз-казаки говорят, что в середине Аральского моря есть водоворот (?), к коему никакое судно приблизиться не может².

Многие глинистые, совершенно голые и изрытые водою, возвышения, на север и северо-восток от Аральского моря лежащие, равно как и находящиеся между ими

¹ Турецкий географ Гаджи Хальфа [20] в книге, известной под именем Джиган-Нума, пишет, что Аральское море имеет в окружности около 100 фарсанг или более и что оно от Каспийского отстоит также почти на 100 фарсанг.

² Известие сие напоминает нам предположения некоторых европейских ученых прошедшего века, которые, так сказать, почитали необходимою всеми силами искать подземных каналов между Каспийским и Аральским морями. Г. Эверсман говорит о сем весьма основательно: "Не постигают, куда девается вода столь значительными и многими реками вливающаяся в Каспийское и Аральское моря, утверждая очень справедливо, что поверхность сих морей слишком мала для того, чтобы могла испарить всю ту воду. Но если рассмотрим обширные берега обоих водохранилищ, покрытые водяными растениями, болотами и заливами; если обратим внимание на близость песков, вечно втягивающих воду подобно Сцилле, то загадка становится удобопонятною. Известно, что водяные растения могут в самое короткое время осушить пространные топи, а всасывающая сила песков должна быть в тысячу раз сильнее; и потому нет никакой надобности выдумывать подземельные каналы для разрешения затруднения".

соляные озера, заставляют полагать, что море сие значительно уменьшилось. Это предположение, как пишет барон Мейендорф, особенно подтверждается высотами Сарыбулак и Кук-Торкан, до которых лет за 40 перед сим, по словам старых киргизов, простиралось море; а ныне оно находится от них верстах в 60. Возвышения сии, и прочие холмы, лежащие между ими и берегом морским, имеют склонение к морю, не производят почти никаких растений, изрыты водою, и в некоторых местах покрыты целыми слоями раковин и рыбьих костей. Заметив это обстоятельство, обратим внимание читателя в другую сторону, а именно на Устюрт. Вспомним, что говорит о нем и о Чинке г. Эверсман, присовокупим в подкрепление, что киргизы, по преданиям, называют Чинк морским берегом, сошлемся на путешествие г. Муравьева в Хиву [21], на сочинения древних географов и из всего выведем заключение, что Аральское море некогда составляло часть Каспийского, или по крайней мере соединялось с ним. Подробности сего мнения не могут здесь иметь места. Они вывели бы нас из пределов, которые мы себе предначертали, тем более, что завлекли бы нас в историю. Мы намерены изложить их в особом сочинении.

Перешеек, отделяющий море Аральское от Каспийского, в карте нашей означен почти одною третью уже, нежели доньше полагали все вообще географы. Исправлением сим обязаны мы открытиям экспедиции, обозревавшей Устюрт в конце 1825 и начале 1826 года. Находившиеся при оной офицеры г. Анжу, Загоскин и Дюгамель, под руководством, начальника экспедиции г. полковника Берга, не только определили, что протяжение от Мертвого Култука, составляющего залив Каспийского моря, до Дуананы-Кулама, залива Аральского моря, составляет 242 версты, но произвели на сем протяжении барометрическую нивелировку для определения высоты обоих морей.

Правила, принятые в руководство при сей нивелировке, были следующие:

1. Наблюдения делались двумя барометрами.
2. В первом наблюдении расстояние между барометрами простиралось до 15 верст, а в последующих — от 4 до 7 верст.
3. Каждый день, при начатии наблюдений как барометры, так и термометры были сличаемы между собой, и разность принималась в рассуждении при вычислениях.

4. Барометры отстаивались до 15 минут, и наблюдения при каждом барометре производились в одно время.

5. Для отнесения частных нивелировок к одной горизонтальной плоскости, в каждом последующем наблюдении, последующий барометр занимал место предыдущего.

6. При вычислении высот руководствовались таблицами, составленными генерал-майором Шубертом.

7. Нивелировка была произведена прямо в направлении от З к В под 45° северной широты; а потому поправка для уменьшения тяжести по широте места соделяется $=0$.

Наблюдениями и вычислениями, произведенными на сих основаниях, найдено, что поверхность Аральского моря выше поверхности Каспийского на 117, 652 английских фута (почти 17 сажен).

Нивелировка продолжалась 18 дней: с 13 января по 1 февраля. Выводы оной означены в прилагаемом при сем разрезе Устюрта.

ОЗЕРА

В киргиз-казацких степях находится чрезвычайно много озер разного свойства и разной величины, некоторые из них имеют воду пресную, многие — горькую, а большая часть — соленую. Из сих последних в иных соль оседает, в других нет, и всегда остается в совершенно жидком виде. Подробное описание всех сих озер было бы затруднительно, мы означим только главнейшие.

После Аральского моря самое большое водохранилище в ордах киргиз-казацких есть озеро Балхаш, имеющее длину от севера на юг верст около 200, и окруженное с запада и юга песками, а с северо-востока камышами, растущими с сей стороны на далекое пространство. В него впадает текущая с юго-запада из Китайских владений река Или, образующаяся в отраслях Тарбагатая, с северо-востока — река Аягуз и много малых рек и речек.

На юго-восток от Балхаша находится озеро Иссык (теплое), или Туз (соленое). По монгольски называется оно Темурту, а по китайски Те-гаи. Длина его полагается около 150 верст; ширина до 50; вода в нем сладковатая, но по нужде может быть употребляема в пищу; рыбы много. Озеро сие принимает в себя 12 речек, означенных на карте, и дает начало реке Чую, которая течет из него с западной стороны на северо-запад.

На северо-восток от Балхаша лежат два озера: Сасык, или Алакукуль³, и Ала, которые, вероятно, составляли прежде одну массу и кои соединяются ныне тремя протоками. Перешеек, между ими заключающийся, состоит из солонцов. Разделение сих двух озер должно быть явление новое. На китайских картах, составленных по повелению Цянь Луна, или Кен Лунга [22], европейскими миссионерами [23] вместо двух озер, видим одно. Г. Клапрот [24] говорит, что оно прежде называлось Гургеноор. В карте Уньковского [25], сочиненной в 1722 или 1723 году по сведениям, полученным от зюнгарского хонтайдзи [26], оно показано под именем Алакукуль, но без разделения.

Сасык, по-киргизски, значит “удушливый”. Название сие, по словам г. Лещева, дано сему озеру потому, что от гниющих около его камышей воздух наполняется вредными испарениями. На озере Алакукуль есть остров, а на острове высокая сопка или потухшая огнедышащая гора, называемая Аралтюбя, или Майтюбя. Гора сия подала повод г. Гумбольту написать любопытную его статью о вулканах и горах Азии (см. *Annales des voyages*, 1830, decembre).

От озера Ала (или Алакуль) до Семипалатинской крепости считается 450 верст. Протяжение сего озера полагают от востока к западу в 100 верст. На нем есть несколько небольших островов. Значительных рек ни озеро Сасык, ни Ала, в себя не принимают; но в них вливаются многие малые речки.

Нор-Зайсан⁴ напоминает европейцам озера Констанцское и Женевское, ибо чрез него, подобно Рейну и Роне, проходит одна из величайших рек Азии, а именно: Иртыш. Озеро сие лежит между 47,5° и 48° северной широты и имеет наибольшее протяжение от запада на восток. В сем направлении длина его составляет несколько дней пути; а ширина с севера на юг не более одного дня. Течение воды в нем неприметно. Чрез него переезжали в плоскодонных судах капитан Урасов, поручик Сомов, и потом генерал-майор Лихарев [27], посланный в 1720 году Петром Великим с отрядом войска против зюнгаров [28] в верхний Иртыш. На озере сем есть острова.

³ Озеро, по-татарски значит “куль”. Слово сие ставится киргиз-казаками после каждого собственного имени озера.

⁴ Нор, или ноор, значит по-монгольски “озеро”.

Озеро Сальма, лежащее на юго-запад от гор Кен-Козлан, обширно и принимает в себя несколько речек, а именно: реки Тальды, Мурзачому и Жиримсу.

Озеро Тенис, лежащее около 53° северной широты, замечательно по обширности своей и потому, что в него впадает река Селента.

Кургальджин принимает в себя реку Нуру, имеет около 200 верст в окружности, и разделяется длинным узким полуостровом на две части. Глубина его довольно значительна, вода в нем горьковато-соленая, южный и восточный берега покрыты высоким и непроходимым камышом, который киргизы, кочующие на островах и по берегам, употребляют вместо дров. В Куркальджине есть разного рода рыба. Кроме Нуры вливаются в него реки Якши-Кун и Уч-Кашын.

Убаган-Денгиз, чрез которое проходит река Убаган, впадающая в Тобол, имеет около 60 верст в длину с севера на юг и не более половины сего пространства ширины на середине своей. Горькая и соленая вода его сообщает отвратительный вкус воде реки Убагана. По берегам сего озера много камышу.

На юг от Убагана находятся озеро Наурзум, изобильное рыбою и примыкающее к славному лесу, который носит одинаковое с ним название.

Озера Сары-Купа и Биш-Купа, лежащие по обеим сторонам реки Тургая, почти в одинаковой долготе с Убаганом, скорее можно назвать болотами, нежели озерами, ибо они состоят из многих водяных пространств, покрытых камышами. То же самое должно сказать и об озерах Карсакбаш, лежащих также на правой стороне Тургая.

Озера Аксакалбарби в половине прошедшего столетия составляли собою одно водохранилище⁵, имевшее в окружности верст около 200 и почитавшееся довольно глубоким, но в последние годы российские инженеры нашли, что оные состоят ныне из многих водяных вместилищ, заросших непроходимым камышом. Острова или промежутки, заключающиеся между сими озерами, иногда служат киргизам удобными кочевьями. Озера сии весьма известны потому, что в них впадает одна из значительнейших киргизских рек, а именно: Тургай, принимающий в себя множество других рек и речек. Аксакалбарби лежат на

⁵ См. "Оренбургскую топографию" Рычкова.

северо-восток от Аральского моря и отделяются от него песчаною степью, дней на пять или на шесть пути⁶.

Гряды озер Карасор, лежащих между реками Тобол и Убаган, равно как соседственные с ними Домбролы, состоят попеременно из озер соленых и пресных.

Недалеко от них находятся озера Алакуль, имеющие воду соленую, но соли не производят. Несколько западнее озера Эбелей и на юг от онога Уркач особенно известны потому, что на них садится во множестве и хорошего качества соль. Из Эбелей продовольствуются оною не только киргизы, но и поселения русские от границы почти до Екатеринбурга. Ее собирают летом в сухое и жаркое время. Уркачская соль доставляется в Россию в весьма малом количестве, ибо она гораздо далее от границы, нежели эбелейская, но сия последняя уступает ей в доброте.

Озеро Чаныли невелико, но весьма известно во всей Средней орде по множеству рыбы. Вода в нем пресная.

Озеро Якши-Янгис, или Бурлук, дает начало реке Кулай-Айгырбурлук, которая течет около 100 верст и впадает в Ишим.

Горько-соленое озеро Чаглы, окружность которого составляет несколько дней пути, принимает в себя реку Чаглинку.

Озеро Ходжа, описанное бароном Мейендорфом на пути его в Бухарию, лежит между песками, называемыми Большие Борсуки и горами Мугоджарскими, от коих отстоит с лишком на 120 верст. Название свое получило оно от погребенного близ него киргизского ходжи. Берега его покрыты камышом. Осенью оно невелико, но весною от тающих снегов, и особенно от разлития речки Каунджур, оно расширяется верст на 40 в окружности. Вода в нем пресная, в окрестностях хорошие травы, а по косогорам есть пашни, для поливки коих из него проведены каналы.

От Ходжакула на юго-запад к Устюрту идет целый ряд озер, из коих каждое почти принимает в себя какую-нибудь речку; речки сии невелики.

⁶ Г. Жемчужников [29] и Балкашин, по распросам киргизов на пути к Сырдарье, в 1825 году, внесли в журнал свой известие о существовании на запад от Аксакалбарби, огромного озера, или моря Денгиз, которое мы гадательно означили на карте нашей, равно как и проток, соединяющий (по уверению тех же киргиз-казаков) сие море с Аксакалбарби.

Аралы состоят также из многих озер, на левом берегу Кувандарьи лежащих. Некоторые из них довольно велики, другие так малы, что летом пересыхают и обнаженное дно их употребляется под пашни.

Озеро Индерское, подобно Эбелейскому, служит изобильным источником, где не только киргизы, но и уральские казаки берут соль. Оно лежит на левой стороне Урала близ крепости, получившей от него название Индерской (Кош-Уральская тоже). Озеро сие имеет в окружности до 40 верст. В горах, его облегающих, есть многие провалы и пещеры. Положение их заставляет думать, что озеро сие лежит выше поверхности Урала. Так думал Паллас, и предположение его кажется для глаз путешественника справедливым, но исследования одного горного чиновника (г. Вечеслова), снимавшего Индерское озеро на план с помощью инструментов в 1821 году, открыли, что оно ниже поверхности Урала 15 саженьями. Лучшая соль, из него добываемая, садится наверху, в виде маленьких кристаллов, легко рассыпающихся. На вкус она горьковата. Дно сего озера покрыто толстым соляным слоем.

Каракуль, или черные озера, лежат западнее Индерского. Одно из них, а именно Большое, немного южнее одного, а другое, Малое, севернее. Оба большею частью заросли камышом. Река Уил, проходя чрез Малый Каракуль, вливается в Большой. В сем последнем водится много рыбы.

Есть еще озера, называемые так же Каракуль, и лежащие на границе Ташкентского владения. Они имеют пресную воду, и хотя обросли камышом, но изобильны рыбою.

Озеро Теле известно тем, что принимает или прежде принимало в себя реку Сарасу. Оно находится в недалеком расстоянии от Сырдарьи. Мы не означили его на карте, по недостатку сведений.

В соляное озеро Тузлук, находящееся против Сахарной крепости, впадает река Булдюрты; оно на значительное пространство окружено камышами.

Озеро Чалкар, или, как называют оное казаки уральские, Чалкарское морцо, поглощает несколько речек, и испускает из себя проток Аще, впадающий в Урал.

Между устьями Урала и Эмбы, близ Каспийского моря, есть много соленых озер разного свойства и величины. В одном из них соль красноватая, и потому оно называется Малиновым.

Ишимская линия и окрестности оной, равно как и некоторые другие части киргизской степи, столь изобильны озерами, что всех их нельзя и вычислить.

Озеро Желдыбай, лежащее в 135 верстах на юго-запад от крепости Св. Петра, имеет около 20 верст в окружности и замечательно по необыкновенному множеству водяных птиц, водящихся по его берегам.

Капитан Рычков пишет, что на пути от Орской крепости к Тургаю, в 323 верстах от границы русской, лежит озеро Карсакай, имеющее от 8 до 10 верст в окружности. Оно покрыто слоем из соляных кристаллов, сросшихся также плотно, как и горная соль. Местами этот слой имеет до 3 четвертей аршина толщины, и по нем безопасно ездят. Под ним находится жидкий зеленый тузлук, в коем попадаются слитки соли удивительной величины. Вкусом и белизной соль сия не уступает илецкой. Из того же озера, по словам Рыčkова, выходит "источник, стремящийся на высоту увала, куда "прошед более 0,5 версты, скрывается в водоворотине".

РЕКИ

Важнейшая и величайшая из всех рек, орошающих степи киргиз-казахьи, есть без всякого сомнения Сыр, или Сырдарья. Вытекает она из гор Кашкар-даван, составляющих отрасль хребта, называемого китайцами Тянь-Шань, или Небесные горы. Хотя источник Сыра и не определен астрономически на месте, однако же, по известности некоторых близлежащих городов и земель, вообще полагать должно, что он находится между 42° и 43° северной широты, с чем согласны показания Птолемея и Абульфеды [30].

До Кокана течет Сыр на юго-запад, от сего города поворачивает на север, около Туркестана принимает направление на запад и, пройдя урочище Акмечеть, лежащее около 84,5° долготы и около 45° широты, разделяется на два рукава, из которых северный удерживает название Сыра, а южный опять подразделяется на двое, и правое отделение его получает наименование Кувана, а левое Яны, или Янги (новый). Сей последний проток ныне пересох.

Собственно, так называемый Сыр, после разделения своего течет на северо-запад, проходит мимо развалин Джанкента, склоняется потом на север и впадает в море Аральское. Не доходя верст 15 до Джанкента и верст 50

до устья, лежит на нем урочище Кара-Тюбя, которого широта, по астрономическим наблюдениям, сделанным в 1820 году бароном Мейендорфом на пути в Бухарию, составляет $45^{\circ} 42' 42''$. Приведя в минуты остающееся от сего урочища пространство течения Сыра до моря, находим, что самое устье его лежит под 46° и несколькими минутами широты, и около 79° долготы от острова Ферро.

Кувандарья течет сначала на запад и скоро разделяется на пять протоков, называемых Биш-Узяк, потом опять соединяется в одно ложе и, миновав урочище Карак, находящееся на берегу ее, по наблюдениям барона Мейендорфа, под $44^{\circ} 52' 4''$ широты, идет на северо-запад в Аральское море. Устье его от устья Сыра отстоит более, нежели на полградуса к югу. Недалеко от моря соединяется он с Сыром посредством узкого протока, называемого Ич-Калак, или Калтарык, почему то место, где стоял город Джанкент, и окрестности оного, составляют остров, с запада омываемый морем. В полую воду бывают и другие между ими протоки, но они летом все пересыхают.

Яндыарья, в переводе "новая река", называлась так потому, что очень недавно произошла. Геодезии прапорщик Муравин, посланный в 1743 году из Оренбурга в Хиву и составивший карту восточного берега Аральского моря с прилегающими к нему землями, не означил на оной Яны потому, что не видал ее и ничего не слышал о ней. Подробные караванные маршруты, писанные около половины прошедшего столетия и сохранившиеся в оренбургском архиве, означают все, даже малозначущие урочища от границы Российской чрез Сыр и Куван до Бухары, но ни слова не упоминают об Яндыарье. Река сия, как уверяют киргизы, начала течь между 1760 и 1770 годами. Отделясь от Кувана, шла она на юго-запад и впадала в Аральское море в 6 или 7 днях караванного хода от устья Сыра. Кочующие близ оной каракалпаки и киргиз-казаки, желая воспользоваться сим новым явлением природы, начали разводить воды ее каналами на поля свои, и значительно уменьшили ее. К сему присоединилось действие близлежащих пространных песков, и река сия, или сей рукав реки, наконец, до того был доведен, что почти совсем исчез. В 1820 году караваны переходили чрез сухое русло его верстах в 100 или более от моря, и встречали серного вкуса воду только в некоторых ямах на месте прежнего течения.

О разделении Сыра на рукава не говорят ничего ни древние географы, ни “Книга Большому чертежу” [31], почему можно думать, что Кувандарья произошла, так же как Яны, в новейшие времена, и может быть очень незадолго до 1731 года, когда Россия узнала оную, приняв в подданство жителей ее берегов.

Страна, из которой вытекает Сыр и которую орошает он в начале своего течения, наполнена высокими и частью снеговыми, а частью лесистыми горами. Стремящиеся из них ручьи и речки вдруг расширяют Сыр, придают ему быстроты и делают его судоходным. Выше Ташкента примыкают к левому его берегу и даже переходят в иных местах на правый, пространные пески Кизилкум, идущие с запада от самого моря Аральского, и простирающиеся на несколько сот верст. Близ правого берега продолжаются до Ташкента и даже далее разные отрасли гор, из которых текут в Сырдарью еще несколько речек. Известнейшие между сими речками суть: Акбура, выходящая из горы Ош; Чирчик, текущий под Ташкентом из горы Кандыртау с такою быстротою и шумом, что, по уверению очевидцев⁷, звери пугаются одного и бегут прочь; Бодам, на котором стоит город Чимкент; Талаш, Арс или Арыш, и проч. Упомянутые речки замечательны тем, что многие горы, из которых они выливаются, изобильны лесом, и что лес сей по ним может быть сплавлен до самого Аральского моря.

В Сыр, как уже сказано, не впадает ни одна большая, ни одна даже родственная река.

Миновав горы Каратау, около Туркестана лежащие, Сыр течет по обширной пустой равнине, которой большая часть состоит из песков, начинающихся почти при самом происхождении, или отделении Кувана и Яны, и простирающихся под названием Каракум на северо-запад далее самого Аральского моря. В сей пустыне Сыр уже не принимает в себя никаких текущих вод и, будучи сверх разделения своего на рукава везде ослабляем частыми каналами, проведенными из него для орошения полей, становится уже, нежели каков в середине своего течения. Около Кокана Сырдарья имеет 150 и более сажен широты, а у Джанкента — менее 100 сажен. Приближаясь к морю, она составляет по правую сторону залив (более похожий

⁷ Записки г. Назарова [32] о некоторых народах Средней Азии 1821 года.

на озеро), именуемый Камешлубаши. Окружность сего залива имеет около пяти верст. Верстах в 15 от смещения своего с водами морскими, Сыр расширяется верст на 30, или на 40 и становится мельче. Самое устье покрыто камышом, и вода здесь не глубже 3 или 4 футов⁸.

Река Сыр образует течением своим многие острова; весеннего разлива она почти не имеет, но разливается среди жаров лета, и при начале зимы: летом от тающего в высоких горах близ источников снега, зимою, потому, что болотистые устья при первых холодах замерзают, а между тем течение воды сверху, из мест, где она почти никогда не бывает покрыта льдом, продолжается. Чем сильнее в сие время морозы, тем более в ней прибывает воды. Берега Сыра, исключая гористую страну, в начале им орошаемую, по большей части низки и образуют по обеим сторонам широкую долину, которая будучи потопляема вешнею водою, среди самых песков становится плодородною и покрывается в иных местах кустарником, или даже порядочным лесом, в других — камышом или доставляет хорошие пажити для скота и земли, удобные для хлебопашества. Впрочем, долина сия не непрерывна, иногда встречаются и на ней наносные сыпучие пески. Вода в Сыре несколько мутна.

Кувандарья, расширяющаяся в середине течения своего не более как на 20 сажень, озериста, имеет берега крутые и большею частию покрытые необыкновенно высоким камышом, в котором, как и по Сыру, водится много кабанов. Воды Кувана, протекая по глинистому твердому дну, становятся очень прозрачны. Глубина сей реки от 5 до 10 футов.

Русло Яндыарьи, образовавшееся в почве глинистой и ровной, прилегает к полосе довольно высокого леса, который состоит большею частию из саксауловых деревьев, совсем неудобных на строение, но чрезвычайно выгодных для топки. В лесах сих водятся волки, барсы, тигры и другие звери.

Глубина Сыра доказывается тем, что в Кокан по нем ходят суда, поднимающие по 70 верблюдов с вьюками. Известно также, что несколько русских татар, отплыв из Хивы по Амударье и вошедши из моря Аральского в устье Сыра, поднимались по оному верст на 100 вверх, следовательно, река сия вообще должна быть судоходна. Кир-

⁸ Voyage à Boukhara, P. 37.

гизы, напротив того, говорят, что в некоторых местах во время сильных жаров, на ней делаются отмели. Может статься, они распускают такие слухи из боязни, что к ним водою удобно привезти войска. Впрочем, киргизы, как говорит барон Мейендорф, гордятся обладанием столь большой реки.

Весьма желательно, чтобы известия об отмелях Сыра не были справедливы, ибо, предполагая возможность соединения Аральского моря с Каспийским, судоходство по Сыру может когда-нибудь доставить великие выгоды для торговли. Хотя на самых берегах сей реки, исключая Ходжанта и славных некогда, но теперь разоренных Отрара и Тонката⁹ [33] нет больших городов, однако ж, Кокан, богатый шелком и хлопчатую бумагою, на которые жители его выменивают русские товары для себя и соседей своих, находится только в 40 или 50 верстах от Сыра. Туркестан еще ближе. Ташкент, изобильный также произведениями, находящимися в Кокане, немного далее. Бадакшан, торгующий изумрудами, бирюзами и другими дорогими камнями, также недалек от Сыра. Сверх того, к реке сей во многих местах прилегают горы, может быть, они скрывают в себе золото, серебро и драгоценные камни, ожидая руки, которая бы разверзла недра их.

На Сыре, Куване и Яны находятся многие развалины, описанные нами в особой статье, сему предмету посвященной. Теперь сделаем мы только общее замечание о развалинах, на Яныдарье лежащих. Известно, что река сия произошла во второй половине прошедшего столетия и что со времени появления ее на ней никто не жил кроме кочующих киргиз-казаков и каракалпаков: откуда же взялись развалины зданий? Неужели люди селились прежде в безводной пустыне?

Ответ на сии вопросы должно искать в известии, что след Яныдарьи в некоторых местах имеет два русла; одно шириною, равную Сыру, а в середине оно другое, гораздо уже. По сему последнему текла Яны, а первое есть, вероятно, путь какой-нибудь большой, давно пересохшей реки и на ней-то, конечно, находились те поселения, коих развалины видим мы теперь. Не тут ли текла Кизилдарья, о которой много было говорено в прошедшем столетии и

⁹ Отрар знаменит в истории Тамерлана: здесь умер сей грозный завоеватель. Тонкат прославлен Чингисханом.

которую теперь еще видим на старых географических картах? Теперь она уже не существует.

Верстах в 30 на юг от Яны посольство наше, отправлявшееся в Бухарию в 1820 году¹⁰, переходило чрез другое высохшее русло реки. Здесь также могла протекать Кизилдарья, ибо место ее полагали вообще южнее Сыра¹¹.

В котором из двух мест справедливее было бы назначить течение сей прежде существовавшей реки, не знаем, а потому и не смеем вдаваться в предположения, которых поддержать не можем. Скажем только, что берега Сыра, развалины на нем сохранившиеся, и окрестности сих развалин, призывая к себе ученых людей для исследований, обещают трудам их богатую жатву, но, к сожалению, ни естествоиспытатели, ни любители истории и географии не получают о стране сей сведений полных и вместе положительных, до тех пор, пока в Азии не будет возможно путешествовать с книгами и математическими инструментами, как в Европе. Ныне усилия просвещенного наблюдателя встречают почти непреодолимую преграду в невежестве и подозрительности азиатцев.

После Сырдарьи должны мы говорить об Иртыше, который, хотя принадлежит к рекам сибирским, однако ж, в начале своем орошает степи киргизские и принимает в себя множество речек, из них вытекающих. Имея исток свой в Китайских владениях и проходя, как выше сказано, чрез озеро Нор-Зайсан, Иртыш разделяется на две части, из коих первая, простирающаяся от начала до впадения в озеро, называется Верхним Иртышом, а вторая, начинающаяся от выхода из озера до устья, Нижним Иртышом. Первые достоверные сведения о сей реке были собраны в начале минувшего столетия по повелению императора Петра Великого офицерами отряда, посланного в сии места, для отыскания песочного золота, о котором тогда рассказывали множество басен. В 1719 году капитан князь Ураков и поручик Сомов подымались на плоскодонных судах из Нижнего Иртыша, чрез Нор-Зайсан в Верхний. Сей последний, по словам их, впадает в озеро двумя

¹⁰ См. Voyage á Boukhara par le Baron de Meyendorff.

¹¹ В карте, приложенной к москвеймовой Hist. ecclesiastica, река Кизил принимает в себя правый рукав Амударьи. В нескольких картах, помещенных Витзенем в Nord and Ost Tartary, находим Кизил или Кессельдарью в разных видах: на карте Иоанна Блеу (Bleou) она смешана с Сыром и над нею несправедливо поставлена надпись Kessel, olim Jaxartes. Ортелией, в своем Theatrum orbis terrarum (Антверпен 1598 года), повторяет то же [34].

устьями, из коих южное было довольно широко для удобного плавания, и течение воды в нем быстро. В 1720 году генерал-майор Лихарев предпринимал то же путешествие и, достигнув Верхнего Иртыша, поднимался по оному безостановочно 12 дней. Он нашел, что оба берега сей реки состоят из песчаных гор. Далее не мог он следовать как по мелководию, так и потому, что на него напали зюнгары, тогда обладавшие тамошнею странюю.

Описание Нижнего Иртыша и рек, в него впадающих с правой стороны, помещено во всех географиях русских: а потому мы вычислим только известнейшие из тех рек, которые текут в него с левой, т. е., с киргизской стороны. Река Бедакун впадает недалеко от Нор-Зайсана. За нею следуют ниже Катун-Карагай, Войлочевка, Аблайкитка, Кизилка, Чар-Гурбан, Тундук и, наконец, не говоря о многих малых речках и ручьях, Ишим.

Ишим берет свое начало из отрасли Иремейских гор и течет более 400 верст на северо-запад, потом вдруг круто поворачивается на север и, вступив в пределы России, стремится в Иртыш. Ишим принимает в себя кроме многих небольших речек и ручьев реки Терсекан, Кулай-Айгыр-Бурлук, Верхний Бурлук, Кайраклы, Кулутон и пр. Правый берег Ишима, равно как и большей части речек, текущих в середине киргиз-казачьих степей, по замечанию г. Шангина, высок, производит весьма мало растений и иногда каменист, а левый низок и покрыт лугами. Дно в реке сей иловатое, однако ж, вода чиста, и в ней водятся многие роды как крупной, так и мелкой рыбы. Ишим в начале своем довольно тих и узок, но потом течет с быстротою, редко замечаемою в реках сей страны.

Терсекан, впадающий в Ишим с левой стороны, выходит из северных отлогостей Ильдигийского сырта и имеет, таким образом, всего течения верст около 300, на пространстве которых делает несколько весьма крутых поворотов. Берега его отлоги, глинисты и покрыты окаменелостями. Г. Шангин, бывший на сей реке и собиравший самые ясные о ней сведения, пишет¹², что берега ее по обеим сторонам сажень на двадцать от воды покрыты илом и наносными кругляками; это заставляет его предполагать, что она прежде была гораздо шире и быстрее. Такого рода заключение подтверждается словами кирги-

¹² Сибирский вестник 1820 года. Кн. 1.

зов, называвших ее Малым Ишимом. Ныне Терсекан имеет течение едва приметное и в иных местах скрывается под наносами ила, потом опять показывается и опять исчезает под землею. Известковая, глинистая и напитанная горькою солью почва, по которой он протекает, дает воде его солоновато-горький вкус и делает ее мутною.

Кулай-Айгыр-Бурлук течет в Ишим, как уже сказано, из озера Якши-Янгис на пространстве около 100 верст.

Из прочих рек, впадающих в Иртыш с левой стороны, замечательнее всех Тобол, выливающийся из хребта Караадыр и текущий до впадения в него реки Уя, т. е. до границы русской на северо-восток. В вершинах своих он то исчезает под землею, то опять показывается, но, усилившись от впадающих в него речек, течет, не прерываясь. Впадает он, как известно, в Иртыш близ Тобольска. Тобол часто меняет течение свое и потому оставляет прежнее русло, части коего обыкновенно называются старицами. Песок, из него вынутый, содержит местами железо. Название его, как пишет Рычков, в своей "Оренбургской топографии", происходит от дерева шабул, или таволга, которое во множестве растет по берегам его. Вода в нем около вершин весьма дурная и вязущая, но в продолжение течения она теряет сие свойство. В Тоболе есть очень хорошая рыба. Из рек, вливающих в Тобол с западной стороны, замечательна Аят по лесистым берегам своим, а с восточной Убаган, проходящая чрез озеро Убаган-Денгиз, принимающая в себя многие речки и впадающая близ Звериноголовской крепости. Горечь воды ее столь сильна, что сообщается самому Тоболу. Убаган в некоторых местах летом совсем пересыхает. Река Уй, равным образом впадающая в Тобол, превосходит две предыдущие пространством течения и служит границею России от киргиз-казацких орд. В нее впадает речка Тогузак, по берегам коей много тучных лугов, и несколько других малых речек.

После Уя следует говорить об Урале, который вытекает из хребта, носящего одинаковое с ним название, и течет сначала на юг, потом поворачивает на запад и, наконец, опять устремляется на юг, в море Каспийское. Направление Урала везде излучистое, и берега его покрыты лесом и кустарником. Он отделяет Россию от степей киргиз-казацких, начиная с Верхо-Уральска до самого устья, исключая малое пространство, от Нежинского редута до Рассыпной крепости, откуда граница в последние

годы перенесена на Илек и Бердянку. Реки, текущие в Урал из степей киргиз-казацких, суть: Орь, Илек, Утва и многие менее известные.

Орь или Урь, выходит из гор Мугоджарских тремя истоками, кои по соединении вместе получают общее название. Река сия на пространстве около 260 верст извивается в довольно крутых берегах своих по равнине, имеющей от 3 до 7 верст ширины и заросшей камышом и кустами. Правая сторона ее гориста, левая низка и имеет прекрасные сенокосы. Вкус воды несколько солоноват, рыбы в ней водится довольно много. Замечательнейшая из впадающих в Орь рек, есть Камышаклы, которая также принимает в себя несколько речек и ручьев.

Илек вытекает из отрасли Уркачского хребта, называемой Босага, и течет на северо-запад до самого впадения его в Урал. В начале он называется Исонбай, потом, по принятии в себя нескольких речек, каковы Сууксу, Исет и проч., при урочище называемом Биштомак (т. е., пять рек), получает уже настоящее свое имя. Он шире и быстрее всех рек от Урала до Сырдарьи встречающихся, дно его каменисто, вода вкусна и изобильна рыбою, по берегам есть хорошие травы, а местами кустарники и деревья. В Илек впадает Большая Хобда и многие речки, вместе с ним дающие стране, им орошаемой, способность к плодородию. Здесь видны небольшие, но прекрасные пашни, поливаемые водою из каналов.

Большая Хобда в верховье своем течет весьма близко к Илеку, потом удаляется от него, наконец, опять приближается и, приняв в себя многие малые речки, сливается с ними близ форпоста Буранного, пройдя около 200 верст. В ней водится чрезвычайно много мелкой рыбы.

Утва менее Илека и Ори, но более прочих впадающих в Урал рек. Устье ее находится против Иртецкого форпоста. Дно ее иловато, берега часто топки, потому что она весною далеко разливается, но та же самая причина обогащает их хорошими травами.

Реки Кумак и Сумдук, принимающие в себя много меньших речек и ручьев, текут в Урал: первая несколько выше Орской крепости, а вторая против Таналыцкой.

На западе от устья Урала впадает четырьмя рукавами в Каспийское море река Сагиз, текущая из отраслей той ветви Уральского хребта, которая, как мы сказали выше, перешла в киргиз-казацкую степь, между Ильинскою и

Орскою крепостями. Урочище, где она берет свое начало, называется Каркул-Гильды. Она проходит чрез солончак Тентек-Сур, имеет воду горьковато-соленую и совершенно негодную для употребления, берега дикие, бесплодные и в верховьях низкие, а к устью крутые. Ширина ее сажен около 8; глубина в некоторых местах очень значительна, но броды весьма часты.

Еще далее к юго-западу течет в море Каспийское Эмба, или Джем, выходящая из горы Айрюрюк, недалеко от истоков Ори, и протекающая около 550 верст по почве большей частью бесплодной. Летом река сия бывает чрезвычайно мелка и в верхней части течет только плесами; но весною скопляется в ней чрезвычайное множество воды, так что в иных местах Эмба из русла своего, нигде не имеющего более 15 сажен ширины, разливается версты на две. Дно ее наиболее песчаное, прибрежные места отлоги, вода пресная и изобильна рыбою, как речною, так и морскою, особенно близ устья. По берегам есть кое-где кустарники, но нет достаточно хорошей травы. В нее впадают многие речки, из коих замечательнейшая (по глубине) Темир. Эмба проходит чрез пески Сагиз и Бакумбай.

Река Уил вытекает из возвышений, лежащих между вершинами Илека и Хобды. Сначала берет она направление на юг, потом поворачивает на северо-запад, снова устремляется к югу, и, наконец, течет на запад; проходит между песками Бирюкты и Тайсуган, течет чрез озеро Малый Каракуль и окончательно исчезает в Большом Каракуле. Все течение ее составляет около 350 верст, вода в ней пресная, изгибы ее происходят от окружающих ее гор. Из речек, в Уил впадающих, нет ни одной значительной.

Рычков в "Оренбургской топографии" пишет, что в озеро Аксакалбарби впадают 62 Тургая¹³, 3 Иргиза и 36 Улкияков. От неверности ли сведений, полученных первым историком и географом киргиз-казацкого народа, равно как и Оренбургского края, или от физических перемен; но мнение Рычкова теперь не согласно с настоящим положением означенных вод.

По исследованиям российских офицеров, сделанным в последние годы, оказалось, что киргиз-казаки точно по-

¹³ Тургай значит жаворонок. Название сие, вероятно, дано от множества жаворонок, около Тургая видимых.

лагают 62 Тургая, лучше сказать, что они дают название Тургая всем речкам и ручьям, впадающим в Большой Тургай, которых числа, впрочем, никто не знает определенительно. Что касается до 32 Улкияков, то при проверке на месте оказалось, что под сим именем известна одна только река, о коей будем говорить ниже.

Улу-Тургай (Большой Тургай) вытекает из отраслей горы Улу, и в начале своем носит название Кара-Тургая. Верхняя часть его лежит между утесами Свинцовых гор, потом течет он по почве песчано-глинистой, проходит чрез озера или камыши Бишкупа, далее чрез пески Кошелак, и, наконец, вливается в озеро Аксакалбарби. Берега его большею частью высоки и круты, почему на них и нет лугов, но есть кустарники и озера.

Замечательнейшие из малых Тургаев, впадающих в Большой, суть: Сары-Тургай, текущий по глинистому и топкому дну, и принимающий в себя Мунили и Думбе, Яллама-Тургай, имеющий берега, обросшие камышом, и также принимающий в себя еще два Тургая. Сверх того, впадают в Большой Тургай реки: Улкияк и Иргиз.

Улкияк, имеющий от 4 до 8 сажень ширины и крутые берега, впадает в Тургай с севера, при начале песков Кошелаккум и принимает в себя речки Кобыр и Каракай. Близ Улкияка находится могила хана Абулхайра.

Улу-Иргиз выходит из гор Караадырских и течет сперва на юго-восток, потом на юг, наконец, опять поворотив на юго-восток, впадает в Тургай, недалеко от впадения сего последнего в озеро Аксакал. Мы говорим здесь о главном Иргизе, а не о маленьких речках, коим киргизы также дают названия иргизов и коих они насчитывают несколько. Многие смешивают Улу-Иргиз с Чит-Иргизом, вытекающим из гор Мугоджарских, и соединяющимся с предыдущим. Улу-Иргиз весьма узок, и хотя весною разливается далеко, но в конце лета, подобно многим соседственным с ним рекам перестает непрерывно течь, и обращается в ряд озер. Берега его большею частью очень круты и высоки. В слоях сих берегов замечены разрушенные морские раковины, а на поверхности берегов — слабые кустарники и озера. В воде кроме рыбы водится много черепашек. По берегам Иргиза довольно соленых источников, почему вода его имеет также соленый вкус.

Иланчик, по словам киргизов, выходит из Улутага и впадает в озеро Якан Аккул, лежащее на юго-восток от Аксакалбарби, верстах в 100.

Четыре реки Кингири, а именно: Джиланлы-Кингир, Джислы-Кингир, Кара-Кингир и Сары-Кингир, вытекая из гор Улу, соединяются вместе и вливаются в Сарасу.

Сарасу, о коей имеются донныне сведения только самые поверхностные, достойна примечания потому, что она до половины прошедшего столетия составляла границу между зюнгарами и киргиз-казаками. Сии последние говорят, что она выходит из горы Актау, или Артау, и пройдя значительное пространство, при конце течения своего обращается в ряд малых озер и впадает в озеро Телекуль, которое лежит весьма недалеко от Сырдарьи и в пяти или шести днях пути от моря Аральского. Сведения наши о сей реке нисколько не подвинулись вперед в сравнении с теми, кои поместил Рычков в своей "Топографии Оренбургской" назад тому лет 70, а потому путь сей реки означен в карте нашей точками.

Столь же мало знаем мы и реку Цуй. Г. г. Бурнашев [35] и Пospelов, переходив чрез нее в 1800 году на пути в Ташкент, узнали, что она в октябре месяце не имела течения, и состояла из озер горько-соленой воды, но весною она бывает так быстра, что даже опасно ее переезжать. Цуй вытекает из озера Иссык, и пройдя значительное пространство, впадает, по уверению киргизов, в озеро Кабанкулак близ озера Теле, принимающего в себя реку Сарасу.

Нура, впадающая в озеро Кургальджин с восточной стороны, по словам г. Шангина, имеет течение довольно быстрое. Ее составляют реки Малая Нура и Ессель-Нура. В нее текут несколько небольших речек. Проток Кузукоч весною соединяет ее с Ишимом, а летом пересыхает.

Малая Нура бьет ключом из небольшой горы, и упавая на каменный помост, образует водоем, потом верст 50 продолжается оврагами, и по впадении в нее речки из Кизилтау, принимает правильное течение. Так говорит г. Шангин, бывший у ее истока. На карте части Средней Азии, напечатанной в 1816 году, река сия несправедливо показана текущею в реку Ярь-Якши, которая сама впадает в Сарасу.

В то же озеро (Кургальджин), на восток от устья Нуры, впадает река Кулан-Итмес, принимающая в себя реку Якши-Кун, замечательную изобилием трав по берегам.

Реки Улента и Чидерта, выходя из гор Буглы, текут на север в озеро Малый Окул. Ерчетулли-Югуртай стре-

мится с севера на юг в озеро Балхаш. В то же озеро впадает и река Аягуз, выливающаяся из отраслей Тарбагатайского хребта, и принимающая в себя многие малые речки.

Южнее Аягуза, в озеро Балхаш текут реки Лепсу, Аксу и Каратал, соединяющийся с Куксу.

В заключение упомянем о реке Или, вытекающей из Китайских владений, и равным образом впадающей в Балхаш. На ней стоит главный с западной стороны пограничный город китайский Или (Гульджа), а ближе к устью кочуют некоторые роды Большой киргиз-казахской орды.

Вычислив все главнейшие реки страны, занимаемой киргиз-казаками, сообщим читателям нашим общее замечание о сих реках, извлеченное нами из печатных и рукописных журналов, и изустных известий людей, странствовавших по землям, нами описываемым.

Исключив реки первостепенные, каковы Сыр, Иртыш, Урал и некоторые из второстепенных, каковы Тобол (в отношении к той его части, которая находится в степи киргизской), Ишим, Орь, Илек нижняя часть Тургая, Нура и еще две или три реки, прочие, большею частию, текут только весною и в начале лета. Наполняясь водами тающих снегов, они в сие время разливаются весьма широко, или образуют быстрые потоки, заключенные в узких берегах; тогда переправы чрез них становятся очень опасными, но по сбытии полых вод, остающаяся в настоящем русле масса воды, ежедневно начинает уменьшаться и производит цепь озер, соединяющихся одни с другими посредством слабых протоков, а иногда и совсем отделенных одно от другого. Малые речки большей частью пересыхают к осени.

Таковые явления должны быть приписаны частию глинистой почве земли, которая не удерживает в себе воды, а частию тому, что вследствие внешнего разлития и быстроты течения наносится в русла рек много песку и илу, который по сбытии вод составляет бугры, разделяющие реку на множество озер, и препятствующие свободному ее течению. Вода в таких случаях нередко просасывает себе пути под землю.

Во время полноводия киргизы переплавляются чрез реки, составляя паромы и целые мосты из больших пучков камыша, связанных между собою волосяными веревками.

Хорошие колодцы в киргизской степи, особенно в летнее время, весьма достопримечательны: они определяют направления путей самых дальних. Впрочем, киргиз-казаки не очень страшатся мест безводных, ибо думают, что в большей части страны, ими занимаемой, можно найти воду недалеко от поверхности земли, а особенно в песках. Замечательно, что нередко пресная вода встречается близ солонцов, или соленых озер, и иногда не далее как на сажень глубины. Бывали примеры, что находили вкусную и чистую воду под пластами соляного ила.

Глава ШЕСТАЯ

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТРЕХ ЦАРСТВ ПРИРОДЫ

После всего вышесказанного читатели наши, конечно, не будут ни требовать, ни ожидать от нас подробного описания трех царств природы в степях киргиз-казацких. Сведения о сем предмете весьма недостаточны во многих образованных странах; пустыни же, нами описываемые, почти совсем не известны естествоиспытателям. Паллас первый смотрел на них глазами истинного наблюдателя природы, и сообщил ученому свету замечания, сделанные им самим и бывшим при нем студентом Соколовым, но оба они не видели внутренностей степей киргизских, и обозревали их только с русской границы.

В 1803 году доктор Большой [36], бывший при несчастной экспедиции Гавердовского и взятый киргиз-казаками в плен, прожив несколько месяцев на берегах реки Сыр, описал некоторые естественные произведения тамошних окрестностей, но он делал наблюдения свои будучи невольником, и, следовательно, узнал только то, что мог видеть заключенный.

Г. г. Пандер и Эверсман при обстоятельствах счастливейших, пройдя в 1820 году вместе с российско-императорскою миссиею всю страну, лежащую между Оренбургом и Бухарою, сделали много весьма важных для естественной истории открытий, кои напечатаны: а) в *Reise von Orenburg nach Bukhara v. Ewersman, Berlin, 1823*, с примечаниями г. Лихтенштейна; в) в статье под заглавием: *Description du pays compris entre Orenbourg et Boukhara*, приложенной к путешествию барона Мейендорфа,

а также с) в письме г. Фишера: *Lettre adressée au nom de la société Impériale des Naturalistes de Moscou á un de ses membres, M. le Docteur Pander, par Ficher de Waldheim. Moscou, 1821.*

Несколько лет спустя г. Эверсман совершил второе путешествие в степи киргиз-казаков¹, с экспедициею полковника Берга.

Соединив известия, всеми упомянутыми учеными собранные, и дополнив их замечаниями некоторых достойных вероятия жителей оренбургской границы, мы поместим здесь краткое обозрение произведений киргиз-казацких степей во всех трех царствах природы, не принимая на себя обязанности удовлетворить ожиданиям естествоиспытателей, но для того, чтобы по возможности пополнить общее понятие о киргиз-казацком народе и стране, ему принадлежащей.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ

Млекопитающие

Буйвол (*bos buffelus*). Попадается нередко, особенно около гор. Шерсть на нем не гладкая, цветом почти всегда светлая. Он редко бывает выше домашнего рогатого скота, но длиннее; будучи приучен к людям, не употребляется на работы подобно быкам и коровам. Мясо его невкусно, молоко густо и сладко.

Бобр (*castor*). Водится по рекам и озерам. Киргизы говорят, что они ловят иногда бобров белых.

Барсук (*taxus*).

Баран каменный (*capra ammon*).

Волк (*canis lupus*) в степях киргизских водится в великом множестве, а потому шкура его составляет важный предмет торговли киргиз-казаков. Он бывает разных цветов: большею частию серого, иногда белого, и изредка черного. Меха киргизских волков, особенно белых, отличаются легкостью и мягкостью.

Выдра (*lutra*).

Горностай (*mustela erminea*).

¹ В 1826 году еще два естествоиспытателя проникли в казачьи степи: г. Ледебур видел часть оных, прилегающую к Змеиногорской крепости; г. Мейер был в окрестностях Нор-Зайсана, потом дошел до Семи рек и до урочища Алтын-Тюбя, при коем нашел копь изумрудов. Описания сих двух путешествий нам еще неизвестны [37].

Еж (*erinaceus auritus*).

Землеройка (*sorex fodiens*).

Заяц (*lepus tolai*). Животное сие водится в степях киргиз-казацких в таком множестве, что часто вбегает в станы отдыхающих караванов. Его ловят иногда руками без всяких приготовлений.

Изюбр (*Cervus capreolus*).

Кабан (*sus scrofa*), или дикая свинья. Водится во всех вообще камышах, особенно же по берегам Каспийского и Аральского морей, и весьма многих озер и рек, обросших камышами, как-то: на Сыре, Куване, Эмбе, Темире и проч. Киргиз-казаки и уральские казаки бьют зимою весьма много кабанов. Жирный кабан, без шкуры, весит иногда от 15 до 20 пудов. Капитан Рычков пишет, что во внутренности одного убитого им около реки Ори кабана, нашел он какой-то камень, употребляемый с пользою для лечения болезней. Киргизы подтверждают сие известие.

Кошка дикая (*felis*). Более домашней кошки. Число сих животных незначительно.

Коза дикая. См. слово "сайга".

Корсак (*canis corsac*). Вид лисицы, но ростом ниже и цветом светлее, а иногда бывает совсем белый. Чрезвычайное множество сих животных делает шкуры их одною из первых статей торговли киргиз-казаков с Россиею.

Куница (*mustela*).

Крот (*talpa*).

Крыса (*mus rattus*).

Лошадь дикая (*equus, caballus silvestris*). Водится по реке Эмбе, на Устюрте, на реке Сарысу и в разных других местах. Кроме головы, иначе образованной, она мало имеет отличия от домашней лошади. Шерсть ее почти всегда светлого цвета, и большею частию голубоватая. Киргиз-казаки стреляют диких лошадей для пищи и ловят для употребления на перевозку тяжестей. Они бывают двух родов, из коих один крупнее, другой мельче; первый называется в казачьих ордах кулан, второй тарпан. Обучать диких лошадей или делать их ручными почитается киргизами возможным; ловят их иногда весьма просто арканами; но на Устюрте употребляется для сего особый способ, который будет описан в своем месте.

Мясо диких лошадей, хотя и употребляется киргизами в пищу, но не так вкусно, как мясо домашней лошади. Говорят, будто бы в нем попадает много песку. Кожа дикой лошади употребляется в Бухарии на делание шаг-

ринов, а киргизы находят в ней целебную силу и зашивают в нее больных.

Лось (*Cervus alces*).

Лисицы (*canis vulpes*, *canis caragan* etc). Разных видов и в великом множестве.

Медведь (*ursus*). Водится в лесистых горах Кен-Козлан, Каркаралы и проч.

Маралы. Находятся там же и особенно в горах Буглы. Они принадлежат к роду оленей, но ростом немного ниже. Киргиз-казаки употребляют их в пищу.

Мышь (*mus*) разных видов и в большом количестве (*mus sylvaticus*, *mus lineatus*, etc.)². Сюда же отнесем мы описанные г. Эверсманом и Лихтенштейном *meriones tamaricinus*, *m. meridianus*, *m. opimus*; *cricetus phaeus*, *georychus talpinus*, *Hypudaeus migratorius*, *Hyp. oeconomus*, *Hyp. lagurus*, и четыре вида *Dipus*, а именно *Dipus telum*, *D. lagopus*, *D. pygmaeus*, *D. platurus*.

Мышь летучая (*Vespertilio discolor*, *Vesp. pipistrellus*, etc.). Встречаются также разных видов.

Олень (*Cervus elaphus*). Водится около Ишима и в разных других местах (Пал.).

Осел дикий (*Equus asinus ferus*).

Пестрец (*Sciurus striatus*).

Рысь (*felis linx*).

Сайга, или дикая коза (Паллас ее называет *ceruus pygargus*, а г. Эверсман *Antilopa saiga*). Стада сих животных бывают весьма многочисленны в степях киргиз-казахских; и простираются иногда, как говорят, до десяти тысяч голов. В статье о звероловстве расскажем мы, какими способами ловят их и стреляют. Рыло сайги лукообразно, ноздри широки, зрение не всегда чисто, потому что на глазах ее иногда делаются наросты; но обоняние, или чутье, весьма тонко, а потому она по ветру чувствует приближение к ней хищного зверя или человека. Великоною она не более домашней козы, но шерсть на ней гладкая, короткая и обыкновенно темно-желтоватого цве-

² Г. Эверсман замечает, что грызущие животные многочисленнее всех прочих млекопитающих в западной части киргизских степей. То же замечено и в средней части оных. Грызущие животные питаются кореньями кустов и луковичных растений, а потому растения сии иногда совсем искореняются ими, но коль скоро зверьки переходят на другое место, то пространство, ими опустошенное, покрывается травами в большом изобилии, нежели прежде. Из сего заключает г. Эверсман, что животные сии очень полезны для страны, нами описываемой.

та; рога не велики и круты, ноги тонки и сухи, и скорость ее бега удивительна. Сею способностью и высокими прыжками, весьма часто повторяемыми, спасается она от своих неприятелей. Впрочем, ее легко можно приучить к людям и сделать ручной в молодости. Из многих употребляемых ею степных трав, она особенно любит полынь белую и бурую морскую. Мясо ее очень вкусно, но в нем, на спине, иногда находят червей. От сей причины, равно как и от жару и насекомых, в ноздри ее набивающихся, она в летний зной, видимо, страдает и бывает в беспокойстве. Барон Мейендорф пишет, что сайги спасаются летом от сильных жаров следующим образом: одна из них прячет голову в какое-нибудь отверстие или закрытое от солнца место; в тени за нею скрывает свою голову вторая: за вторую третья и т. д. Если в сие время первая будет убита, то вторая заступает ее место; вторую заменяет третья. Таким образом убивают их весьма много.

Серна, или чернохвостая дикая коза (*Capra ibex*).

Сурок (*Arctomys*). Водится в большом количестве, и разных видов: *Arctomys bobac*, *Ar. fulvus*, *Ar. leptodactylis*, *Ar. mugosaricus*.

Суслик (*mus citillus*). Также в великом множестве.

Слепец (*mus typhlus*).

Собака дикая.

Тигр (*felis tigris*), или, как называют его киргизы, юлбарс, водится в южной части степей, особенно в камышах возле Аральского моря и рек Сыр и Куван; впрочем, животное сие, принадлежащее теплым климатам, иногда заходит в Сибирь до реки Оби. Г. Спасский [38] (см. Сибир. вест. 1820 года) пишет, что в 1813 году был убит таковой зверь на реке Алее близ Локтевского завода и что Санктпетербургская Академия наук и Московское общество испытателей природы признали его по рисунку и описанию тигром. Животное сие иногда бывает весьма длинно, но невысоко на ногах. Шерсть на нем гладкая и желтая, с черными поперечными полосами; кожа весьма толстая, когти чрезвычайно твердые. Сила его чрезвычайная: оно перекидывает чрез себя лошадей, и убивает верблюдов без усилия. О способах ловить сих животных говорено в своем месте. Я имею у себя кожу тигра, убитого на берегах Сыра; она мерою, от ушей до хвоста 2,5 аршина; поперек чрез спину 1,25; от оконечности левой передней лапы чрез спину до когтей задней правой лапы 3 аршина. Киргизы говорят, что сия кожа не из

самых больших. Из камышей выгоняют тигров, как и кабанов, зажигая оные.

Тюлень (*phoca*). Водится в Каспийском и Аральском морях и около устьев рек, в сии моря впадающих. На Эмбе ловят тюленей для получения кож и сала, которые идут в Россию. В прочих местах животные сии ловятся весьма редко и не составляют предмета торговли.

Тушканчик (*mus jaculus*).

Шакал (*canis aureus*).

Хорек (*mustela putorius*).

Птицы

По причине бедности в лесах, кустарниках и даже густых травах, и по множеству озер и камышей степи киргиз-казаков бедны сухопутными птицами, но богаты водяными, некоторыми родами певчих, куропаток и проч. Назовем известнейшие породы.

Аист (*ciconia*).

Баба-птица (*pelecanus onocrotalus*). Водится около морей и весьма многих озер.

Беркут. См. орел.

Баклан (*pelecanus carbo*).

Ворона (*Corvus corax*).

Воробей желтоклювый.

Гуси разных видов: серые, черные, красные.

Галка (*Cornix monedula*).

Грач (*Corvus frugilegus*).

Голубь дикий (*columba*).

Драхвы (*Otis tarda*). В великом множестве на ровных местах.

Дрозд (*Saxicola stapania, Sax. oenanthe*).

Журавль (*grus ardea*). Во множестве серого и белого цвета. Киргиз-казаки утверждают, что есть журавли с черными перьями на шее, подобными гриве.

Жаворонок серый (*alauda alpestris*) и черный (*a. tatarica*).

Казарка (*anas rutila*).

Карагуш (*falco chrysaetos*).

Каравайка (*tantalus falcinellus*).

Кобец, или белохвостка (*falco apivorus*).

Колпица (*platalea leucorodia*).

Коршун (*falco vultur*).

Косоножка.

Кулик (*scolopax*).

Куропатка (*perdix cinerea*). Большею частью серая, иногда белая.

Курочка полевая азиатская (*Charadrius asiaticus*).

Курочка полевая татарская (*Charadrius tataricus*).

Ласточка: обыкновенная (*hirundo*),

морская (*sterna hirundo*),

каменная (*hirundo alpestris*).

Лебеди (*anas olor*). На многих озерах плавают целыми стадами, почему пограничные жители России ездят нарочно стрелять и ловить их³.

Мартышка (*sterna*).

Мышеловка.

Нырок (*mergus merganser*).

Орлы разных видов. Замечательнее всех других видов, называемый беркутом (*falco fulvus*), который степные народы употребляют для ловли зверей. Беркутов вынашивают и содержат как ястребов, и пред тем временем, когда надобно ехать на охоту, оставляют голодными. Птица сия бывает столь сильна, что иногда уносит молодых овец, лисиц и корсаков. Схватывая их одною лапою за глаза, а другою за бок, беркут сгибает их и вдруг останавливает. Таким же образом нападает он на волков и препятствует им бежать. Если же волк, имея на себе беркута, помчится в лес, то беркут одною лапою упирается в дерево и таким образом нередко останавливает волка.

Овсянка (*emberiza hortulana*).

Пигалица (*tringa vanellus*).

Перелетных птиц весьма много весною и осенью.

Пеганка.

Перепелка (*tetrao coturnix*). Водится во множестве.

Подорожник золотистый (*emberiza auricola*).

Рагужа (*falco chriaetos*).

Рябчик обыкновенный (*tetrao*) и долгохвостый (*longicaudata*).

Рыболов (*larus canus*).

Сивоворонка (*Coracias garrula*).

Скворец каменный (*sturnus*).

Снегирь (*loxia pyrrhula*).

Сова белая (*strix nyctea*).

Сойка (*cervus glandaria*).

Сокол (*falco gentilis*).

³ Вообще все птицы, дающие пух, ловятся в то время, когда линяют.

Соловей (*motacilla luscini*).

Сорока (*corvus pica*).

Сорока морская (*haematopus ostralegus*).

Стерх (*grus leucogeranus*), или белый журавль. Паллас пишет, что птица сия замечательна по дерзости, с какою она бросается на людей, приближающихся к ее гнезду. По сему свойству, равно как по величине своей и остроте носа, она довольно опасна.

Стрепет (*otis tetrax*).

Сыч (*strix otus*).

Телегусь. Так называют киргизы птицу, похожую на куропатку; ноги же ее подобны лапам четвероногих. Они употребляются для лечения (см. статью о просвещении киргиз-казаков).

Трясогузка (*motacilla flava, citreola*).

Тетерка необычайная (*tetrao paradoxus*).

Утки дикие. Водятся в чрезвычайном множестве и разных видов: серые, белые, красные и проч.

Фазан (*phasianus colchicus*).

Филин (*strix scops*).

Чайка (*larus*).

Чапур с хохолком (*ardea comata*).

Чиж (*fringilla spinus*).

Черношейка.

Щур персидский (*loxia persica*).⁴

Ястреб (*falco pigargus*).

Земноводные

Змея встречается в разных видах. Есть змеи белые, кои, по словам Рычкова, водятся около Тургая, и бывают величиною в сажень; есть змеи темно-красные, называемые киргизами стрелы, потому, что они будто бы с необыкновенною быстротою бросаются на добычу. Паллас, Лепехин [40], г. г. Пандер и Эверсман описали многие виды змей, в казачьих степях находимых: *Coluber patrix*, или ехидну; *Coluber dione*, *C. caspius*, *anguis miliaris*, *vipera berus*, *v. halys*, *boa tatarica*. Сей последний вид всем известен под именем боа; но г. Эверсман первый нашел его в степях киргиз-казачьих и привез с собою в Европу. К сим и многим другим, здесь непоименованным видам,

⁴ Г. Пандер привез с собою одну птицу, которая походит на щура, но, по мнению г. Фишера [39], составляет особый род, названный им: *Podoces Panderi*, *corvus Panderi*.

суверенное воображение необразованного народа прибавляет каких-то двуглавых змей.

Лягушка: простая и хохотунья.

Хамелеон.

Черепашки. Водятся в обоих морях, во многих озерах и реках, но редко бывают значительной величины⁵.

Ящерицы: разных видов — *lacerta agilis*, *l. grammica*, *l. verox*, *l. variabilis*, *pipiens*, *leucostica*, *aurita*; *agama ocellata*, *ag. caudivolvula*, *helioscopa*, *agama aralensis*, (новый вид, открытый г. Эверсманом), *scincus pannonicus*. Некоторые из сих видов отличаются величиной. Наиболее встречаются ящерицы в песках Каракум.

Рыбы

Рыбы морские и речные разных родов и видов, как-то:

Осетр (*accipenser sturio*).

Белуга (*accipenser huso*).

Севрюга (*accipenser stellatus*).

Сом (*cilurus glanis*).

Сазан (*varietas cyprini carpiotis*).

Линь (*cyprinus tinca*).

Сабля (*xiphias*).

Карась (*cyprinus carassius*).

Окунь (*perca fluviatilis*).

Щука (*esox lucius*). Г. Шангин в озере Якши-Янгис видел щук в 1,75 аршина, и слышал, что они бывают еще крупнее, так, что уносят с берега ягнят.

Язь (*cyprinus rutilus*).

Чебак (*cyprinus*).

Судак (*perca lucioperca*).

Ерш (*perca cernua*).

Многие реки и озера киргизские содержат в себе чрезвычайное множество рыб. Так, например, капитан Рычков пишет, что в озерах по берегам Улу-Тургая нашли солдаты столько рыбы, что кололи ее копьями.

Насекомые

Насекомых также множество в степях киргиз-казахских. Замечательнейшие из них: скорпионы, тарантулы ядо-

⁵ По мнению г. Эверсмана, животные сии содействуют обрабатыванию степей подобно мышам, ибо также подрываются осенью под землю для проведения зимы и чрез то дают почве рыхлость.

витые и мохнатые, земляные пауки, бывающие величиною в грецкий орех.

Также есть саранча, испанская муха, и разных видов жуки, гусеницы, кузнечики, мухи, бабочки, пчелы, осы, оводы, муравьи и разные другие насекомые и черви.

Г. Эверсман, в журнале путешествия своего (1825 и 1826 годов) пишет, что идя к Устюрту, встретил он на одном переходе обнаженные бугры, составленные из песчано-глинистой, желтоватой земли. Они имели продолговато-круглую фигуру, возвышались куполом, от двух до четырех футов в поперечнике, и от одного до двух высоты, были совершенно обнажены, между тем, как вокруг их степь густо поросла травой. Один из сих бугров был разрыт, и тогда оказалось, что он внутри был во всех направлениях продырен различными скважинами, шириною в палец, и скважины сии были заткнуты мелкими кусочками стебельков полыни и облеплены испражнением какого-то насекомого; другие были наполнены прекраснейшими и совершенно правильных видов ледяными хрусталами, величиною от одной до двух линий. Переходы, или пещерки, становились реже по мере углубления в землю. На четырех футах глубины, где земля была мягче и влажнее, г. Эверсман, наконец, нашел одного обитателя сего здания: то была гусеница около дюйма с четвертью длиною и от 3 до 4 линий толщиною, вероятно из рода *icanites*, или *blaps*, кои летом в южной части киргизской степи весьма многочисленны. Раскопав курган еще на один фут, увидел, что скважистые переходы оного совершенно пересеклись, и, несмотря на все старания, не могли в нем найти другого экземпляра того же насекомого. Г. Эверсман полагает невозможным, чтобы столь большое здание было делом одного малого насекомого, и думает, что сии бугры созидаются в течение многих лет, и служат нескольким поколениям жилищем и местом превращений.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ

Астрагаль (*astragalus*).

Анемон лесной (*anemon sylvaticus*).

Альпийский звездник.

Аксарида роговидная (*axyarus cerastoides*).

Анабазик (*anabasis aphilla*).

Амарил татарский (*amaryllis tatarica*).

- Адонис (*adonis apentina et vernalis*).
 Аялиш, кустарник, заменяющий дрова; особенно изобилен на Устьюрте.
 Белолизник (*axyris caratoides*).
 Буквица серая (*betonica officinalis*).
 Бараний язык (*onosma simplex*).
 Боярыня (*crategus oxyacantha*).
 Барбарис (*berberis dumetorum*).
 Береза (*betula alba*).
 Бирюгон (*salicornia herbacea*).
 Блистец (*phalaris*).
 Божье дерево (*artemisia arbotanum*).
 Белена (*hyosciamus niger*).
 Балдырьян, земляной ладан (*valeriana*).
 Бодяк (*cnicus*).
 Бобовник, персик дикий (*amygdalus nana*).
 Верблюжья трава (*kali*).
 Вербейник (*lysimachia vulgaris*).
 Вероника персидская и других видов (*veronica*)
 Ветреница белая (*halscis odoratus*).
 Ветреница полевая (*anemone patens*).
 Вайда дикая (*isatis tinctoria*).
 Валериана (*valeriana officinalis*).
 Васильковоподобный татарник (*carduus cyanoides*).
 Велла претонкая (*vella tenuissima*).
 Вишня дикая (*prunus*).
 Вереск (*juniperus communis*).
 Виолетка (*viola canina*).
 Вяз (*ulmus campestris*).
 Верба (*salix fragilis*).
 Вечерняя фиалка (*hesperis*).
 Волчий корень (*scarzonera*).
 Воробьиное семя (*lythospermum*).
 Водяной лютик серповидный (*ranunculus aqualitis falcatus*).
 Ветреница, медвежье ухо (*phlomis*).
 Гречиха (*polygonum*) дикая.
 Горох свиловатый мыший (*astragalus contortuplicatus*)
 и полевой.
 Гороховое дерево (*robinia holodendron*).
 Гребенщик (*tamarix germanica*). Верблюды его любят.
 Грудная трава (*scabiosa arvensis, seu malva crispa*).
 Гречиха дикая (*polygonum fagopyrum*).
 Гесперис татарский (*hesperis*).

Гулявник соляной (*sysembrium sophia*).
Горохояр лазоревый (*orobanche coeruleum*).
Горький корень (*serratula amara*).
Гвоздики разные (*caryophyllus aromaticus*).
Гороховник лапчатый (*lotusorni thopodiades*).
Гречиша древесная (*polygonum frutescens*).
Гальбан (*bubon galbanum*) растет между Сыром и Куваном в песках и на глине. Г. Пандер говорит, что корни сего растения при горении издают запах, похожий на запах *assa foetida*.
Гороховник (*robinia, seu acacia sibirica*).
Горчица (*sinapis*).
Додартия (*dodartia*).
Дурничник малый (*belladonna*).
Донник (*trifolium*).
Девясил (*inula halenium*).
Дятельник кислятка (*trifolium repens*).
Ежевид (*echinops*).
Естрагон (*artemisia dragunculus*).
Жабрей (*antirrhinum genistifolium*).
Желтокорень (*statice limonium*).
Жимолость прекрасная (*lonicera pulchra*).
Жимолость татарская (*lonicera tatarica*).
Жимолость в виде дерева.
Жидовник (*robinia holodendron*).
Жидовник балгу (*tatarix*).
Железник, дереза (*robinia frutescens*).
Жаужимир (Доктор Большой полагает, что это *ancuregus esculentis*). Корень его пекут и употребляют в пищу.
Жабник речной и водяной (*nanunculus aquaticus fluviatillis*).
Желтокорень татарский (*tatarica spectiosa*).
Звездочное дявольское укушение (*scabiosa stellata*).
Змеевник (*scorzonera*), употребляем киргизами в пищу.
Зверобой синий (*blattaria*).
Зверобой каменный (*polpodium felix*).
Земляники разные (*fragaria vesca*).
Зубной корень (*cachrys odontalgica*).
Златоглав (*asphodelus*).
Земляная малина (*ephedra*).
Ира соленая (*ira salsa*).
Илан, зонтичное растение, употребляемое в пищу.

Ива, или тальник (*salix pentandra*).

Кусык. Употребляют в пищу.

Камфорная трава (*camphorosma monspeliensis*).

Качил.

Колосняк песчаный (*elimus arenarius*).

Карагазин (*anabasis aphylla*).

Камбах (*salsola oppositifolia*).

Качим (*salsola arbuscula*).

Каперсы (*caparus spinosa*).

Каперсы стручковые. Употребляются на выделку овчин (*lygophyllum fabago*).

Катичуб. Кустарник, горящий весьма жарко, употребляется вместо дров.

Клоповник (*cimicifuga, ledum palustre*).

Кентаврея (*centaurium*).

Курюк.

Катунь (*spinica fera*).

Козелец (*onobrychis*).

Колосистая стручковая трава (*astragalus spicotus*).

Ковыль. Разных видов, покрывающий северную часть степей киргиз-казацких (*stipa*).

Колокольчики (*campanula convolvulus*).

Козья стручковая трава.

Калинник (*viburnum opulus*)

Капуста дикая (*eruco*).

Кизильник (*cotoneastor*).

Кекре. Горькая трава, похожая на квасию.

Камыши. Разных видов⁶ (*scirpus palustris, lacustris, acicularis, arundo phragmites, etc.*).

Кошельки (*cyripedium*).

Криак. Кустарник, растущий на песчано-глинистой земле. Корень его похож на морковь, листья тонки и остры, как на пихте. Вышина около 1 аршина; растет он на бесплодных местах. Так описывает сие растение капитан Рычков.

Кук-бек. Низкое, почти кустовидное растение. По словам киргизов, растет на солончаках, имеет запах, подобный шалфею, и не увядает зимою. Оно служит изрядным кормом для скота, и может заменить дрова.

⁶ Польза, извлекаемая киргизами из камыша, весьма разнообразна; молодой камыш скашивается и употребляется как сено, верхушки старого служат зимою для корма скоту, нижняя часть стебля заменяет дрова. Наконец, места, поросшие камышами, составляют, как выше сказано, убежище от зимних бурь и сильного холода.

Капуста заячья (*sadum atzon*).
Крыжовник (*ribes grossularia*).
Кислица (*oxis lutea*). Лошади едят ее с жадностью.
Клубника (*fragaria vesca*).
Косатик сибирский (*acorus calamus*).
Кна (*onosma echioseles*). Есть красный корень, коим киргиз-казачки красят себе ногти.
Корона царская (*frutillaria meleagris*).
Косатик (*antherium*).
Косатик, фиалковый бубенчик (*iris*).
Кустарный подорожник (*atraxaxis frutescens*).
Козловая борода (*tragopogon pratense*).
Каперсовое дерево (*zygophyllum*).
Лебеда (*chenopodium sylvestre*).
Лебеда соленая (*atriplex salsa*).
Лапушник соляной (*nymphaea salsa*).
Левкой горный, дикий (*cheiranthus montanus*).
Ласточный сибирский корень (*asclepias sibirica*).
Ложечная трава (*cochlearia officinalis*).
Леонтика неизвестная (*leontica incerta*).
Лоскутница (*centaurea*).
Лох (*eleagnus angustifolia*).
Лишай каменный (*lichen saxatillis*).
Ломонос (*clematitidis*).
Лен дикий (*antirrhinum linaria*).
Лук дикий (*allium cepa*).
Львиная лапка (*alchimilla vulgaris*).
Ластовень (*asclepias*).
Левкой пахучий (*cheiranthus*).
Лисий хвост (*alopecurus pratensis*).
Луцерна (*medicago*).
Любовное дерево (*cercis siliquastrum*).
Манника (*festuca*).
Малина степная (*ephedra monostrachia*).
Маслина дикая (*eleagnus angustifolius*).
Мох разных видов (*lichenes*): исландский, шелковый
и проч.
Молодил шаристый (*sedum acre*).
Мокрица ягодная (*cucubatus otites*).
Молоточник (*aires spinosa*).
Молочай (*euphorbia palustris*).
Марьин корень, или пеония (*paeonia officinalis*).
Употребляем как лекарство.
Мята дикая (*menta sativa*).

Мятлика (*poa*)

Многоколенник кустоватый (*polygonum frutescens*), по-киргизски песья моча (ит-сагик). Растение сие, будучи молодо, столь едко, что ни одна скотина его не может есть, но когда перезимует, то делается лучшим кормом для овец и коз. Зола его употребляется на выделку мыла. Название “собачья или песья моча,” дано сей траве, по уверению киргизов, от того, что собаки, встречая оную, никогда не проходят мимо, не испустивши на нее мочи. Из нее готовят лекарство способом довольно замечательным. Вырывают в земле яму аршина в три глубиною и обжигают ее разводимым внутри огнем; потом наполняют ее молодыми стеблями ит-сигака, которые засыпаются землей и покрываются войлоком. В сем положении остается яма по крайней мере недели на две, а когда можно, то и более. По окончании срока открывают яму с большою осторожностью, ибо выходящий из нее дым может лишить зрения. Вынутые из ямы перепревшие стебли варятся потом в воде, и дают взвар, похожий на деготь и сохраняемый в кружках или кувшинах. Пользование оным бывает только наружное и должно быть производимо с осторожностью, ибо жидкость так крепка, что если бы вымазать ею все тело животного или человека, то она могла бы причинить смерть. Намазывание больной части тела повторяется, пока последует исцеление. Лекарство сие, как говорят, весьма полезно от паршей скота и от всяких вообще сыпей на теле человека.

Можжевельник (*juniperus communis*). Паллас заметил на Иртыше особый род можжевельника, похожий на кедровое дерево. Он назвал его *juniperus lycia*.

Могуцник (*potentilla prostrata*).

Молодил (*sedum*).

Молоточник (*aira*).

Молочай (*euphorbia*).

Молочай садовый (*euphorbia helioscopia*).

Медунишник (*spiraea*).

Незабудка (*myosotis*).

Овес дикий (*avena sylvestris*).

Одуванчик (*chondrilla*).

Осет (*carduus arundo*).

Осока (*carex arenaria*).

Осина (*populus tremula*).

Осокорь (*populus alba, nigra*).

Одномесечник осенний, стародубка (*adonis autumnalis*).

Острый осот (*carex acuta*).

Одуванчик, дикий цикорий (*lontodon*).

Полынь (*artemisia*). Растет в чрезвычайном множестве и разных видов, особенно в южной части степей киргиз-казахских. Летом даже мясо скота отзывается сим растением.

Перец степной (*cenraurea grastifolia*).

Просвирняк, или проскурняк (*malva*).

Подорожник кустарный (*plantago*).

Палочник (*typha palustris*).

Поликлем.

Перечник широколиственный (*lepidium latifolium*).

Пурпуровая солнцевая трава (*scorzorea purpurea*).

Портулак (*portulaca oleracea*).

Попутник малый (*plantago minuta*).

Пырейные растения разных видов (*tryticum repens*).

Пушница (*eriphorum*).

Персик дикий (*amygdalus nana*).

Подлесник (*azarum*).

Подалирий (*podalirius*).

Порез (*potamogeton*).

Плакун (*lythrum salicaria*).

Постенник, будра (*arabis*).

Птичье гнездо (*ornitogalum*).

Пастушья сумка (*thlaspi bursa pastoris*).

Роза дикая (*rosa sylvestris*).

Роза белая (*rosa pimpinellifolia*).

Рогоз (*juncus*).

Роза простолистая. Так назвал г. Шангин найденное им на реке Сарысу растение с прекрасными цветами, желтыми снаружи и оранжевыми внутри, с мелкими листочками, попеременно растущими по стеблю между иглами.

Рябина (*sorbus aucuparia*).

Ромашка (*anthemis nobilis*).

Ракитник мшистый (*cyticus pennatus*).

Редька нежная (*raphanus tenellus*), коей листьями доктор Большой питался несколько времени.

Рогоплод песчаный (*cerato carpon arenarium*).

Рожа (*malva althea*).

Ревень (*rheum*). Разных видов, из коих замечательнейший *rheum caspicum*, который, по словам г. Пандера, находится по сю сторону гор Мугоджарских и простирается до границ Бухарии, но достигает наибольшей высоты

своей между рекой Сыр, горами Букан и Юзкудук. Вид сей, равно растущий как в песке, так и в глинистой почве, давно известен, но не употребляется для лечения, ибо не столь действителен как *rheum palmatum* и *rheum undulatum*.

Румяница (*onosma*).

Румяна (*echium vulgare*).

Редька простая (*raphanis*).

Рыжуха тонколистная (*sysimbrium tenerifolium*).

Рябник, мохнатый цвет (*fritillaria meleagris*).

Серебряник (*potentilla*). Разных видов.

Сальсола (*salsola*).

Сеножник (*chenopodium*).

Скрипун зубчатый (*cotyledon serrata*).

Саликорния (*salicornia*). Разных видов.

Солянка, похожая на дерево (*salsola arbuscula*). Разные другие виды солянок во множестве.

Солодковый корень (*glycirrhiza*). Растет в разных видах и в большом количестве, а потому составляет для киргиз-казаков предмет торговли.

Сокольная трава ядовитая (*hieracium murorum*).

Серповник (*falcaria*).

Скрипун (*cotyledon spinosa*).

Спаржа очень толстая (*asparagus*).

Скорционера фиголистная (*scorconera caricifolia*).

Сосна восточная (*pinus orientalis*).

Сотник (*juncus typha*).

Ситника (*cyperus longus*).

Саксаул. Г. Пандер называет его *salsola*, а г. Лихтенштейн, в примечании к путешествию г. Эверсмана, причисляет к роду *tamarix*. Дерево сие заслуживает особенного внимания. Наружностию похоже оно на жимолость, но имеет большие и мягкие иглы, вкусом соленоватые; кора его желтовато-серая; самое дерево очень крепко, тяжело и скорее ломается, нежели рубится; на огне горит оно, даже сырое, с силою и весьма долго, издавая приятный запах. Наиболее растет оно по реке Сыр и особенно около Яныдарьи, где достигает до 2,5 сажень высоты, и 6 или 7 дюймов в диаметре. Саксаул начинает встречаться еще не доходя от Урала до гор Мугоджарских, но тут он имеет вид низкого кустарника; по мере приближения к югу, он возвышается и на берегах Яныдарьи достигает наибольшей своей высоты, обращаясь в дерево и составляя целые леса. Неизвестно, докуда простирается на юг отчизна сего растения, но оно во

множестве находится около Бухары. Замечательно, что в местах сих саксаул достигает весьма значительной высоты, между тем, как прочие соляные растения не возвышаются более 1 и до 3 футов. В песках саксаул остается в виде кустарника, в глине обращается в дерево. На Устюрте саксаул также растет в изобилии.

Сагыз. Так называет Гавердовский растение, имеющее в стебле беловатый сок, а при корне испускающее смолу.

Смородина таранушка. Найдена г. Шангиным в гранитных ущелиях горы Имантау.

Стародубка водяная (*gentiana aquatica*).

Сизимбрия (*sisymbria*).

Сузак (*butumus umbellatus*).

Серпуха (*serratula tinctoria*).

Синоголовник.

Ситник (*scirpus palustris*).

Старина (*senecio*).

Терн (*ulex europaeus*).

Тюльпаны дикие. Во множестве и разных цветов.

Таволга (*spiraea*). Разных видов.

Тополь душистый (*populus aromatica*).

Торлок (*pterococcus aphyllus*).

Ткенна (*licium tataricum*). Разных видов.

Тмин, или чернушка (*carum carvi*). Особенно многочисленна на Устюрте.

Таль (*salix*).

Туясынгырь. По словам капитана Рычкова, имеет белую кору, бывает высотой до 1,25 аршина, растет в песках и замечательно тем, что от него тучнеют верблюды.

Тысячалистник (*achillea millefolium*).

Тростник (*arundo*).

Тополь белый (*populus alba*).

Торица, икотная трава (*alyssum*).

Тургай. Г. Эверсман причисляет сие растение к *Euphrasia*.

Укроп дикий (*peucedanum*).

Укроп персидский (*ferula persica*).

Утячье гнездо, воловий язык (*anchusa*).

Ушко медвежье с фиолетовыми цветами (*verbascum holuseum*).

Фиалка (*viola canina*).

Фиалка ночная, большая (*hesperis tatarica*).

Франкония пушистая (*franconia hirsuta*).

Хейрант горный, душистый.

Хмель (*tumulus lupulus*).
Хлеб земляной (*lichen exculentus*).
Хвощ (*equizedum*).
Цитварное семя (*artemisia santonica*).
Чай каменный (*statica suffruticosa*).
Чеснок дикий (*sempervivum tectorum*).
Чертополох соляной (*carduus*).

Чай болотный.

Чеснок алтайский.

Чий. Служит для киргиз-казаков признаком близости воды от поверхности земной; он бывает весьма высок.

Чилига (*arbotanum campestre*).

Чижев глаз (*draba verna*).

Чеснок (*allium sativum*).

Шалфей (*salvia officinalis*).

Шишковая малузелла.

Ширмаиок. Так называют киргизы один вид павлишника, коего верхи употребляют в пищу. Из него вытекает белый сок.

Шираз. Растение, имеющее сочные плоды сероватого цвета, и употребляемое для лечения вместо сассапарели.

Шиповник с берберисовыми листьями (*rosa berberifolia*).

Щавель: простой и конский (*rumex patientia, hydrolapatum*).

Шильник водяной (*alisma plantago*).

Юшан, или юсан. Трава, которой натуралисты еще не определили названия, но которая находится в степях киргиз-казацких в великом множестве и служит для паствы скота.

Янтак. Колочее, летнее двоебратственное растение.

ЦАРСТВО ИСКОПАЕМОЕ

Аммониты. Разных видов и иногда весьма большие.

Агат, зеленый и красный.

Амиант, или азбест.

Алебастр.

Белениты.

Брекчий.

Гранит. См. описание гор.

Грюнштейн.

Гипс: разных видов и цветов. Капитан Рычков пишет, что, идя на восток от Кара-Тургая, по земле малинового цвета, увидел он в стороне необычайное сияние, происхо-

дившее как бы от груды драгоценных камней. Прискакав на место, нашел он куски прозрачного малинового и блестящего белого гипса.

Глина: белая, фарфоровая. Замечена в киргизской степи недалеко от Иртыша, близ Белокаменной станицы; также на реках Сырдарье и Кингир.

Гнейс.

Железный камень.

Земной мягкий камень.

Змеевик.

Звонкий камень.

Колчаданы.

Кварцевые породы разных цветов.

Кремнистые породы. Г. Шангин в описании своей экспедиции к реке Нуре говорит, что он был удивлен, встретив в гранитных горах, идущих от озера Иман к горе того же имени, параллельные гряды кремнистого сланца и кварца, кои пересекали гранит в направлении от севера к югу и изображали как бы остатки стен, от 2 до 6 сажень толщины.

Квасцовая руда замечена на реке Камышле в 8 или 9 часах езды от границы русской, в горах Алгин, в вершинах рек Тобола и Илека.

Мыльный камень.

Мрамор белый, блестящий, весьма хорошего качества. Капитан Рычков нашел оный близ реки Камышлы, на пути своем от Иргиза к Улу-Тургаю и далее к Караганлы-Тургаю. Он уверяет, что мрамор сей ничем не хуже итальянского.

Мергель.

Малахит хорошего свойства был доставлен Палласу из окрестностей озера Копчи, лежащего недалеко от Ишима. Нет сомнения, что ископаемое сие находится во многих местах киргизских степей вместе с медными рудами, о коих будем говорить ниже.

Магнит.

Металлы

Горы, покрывающие степи киргизские, изобилуют разными металлами. Полудикие орды казачьи не могут их добывать, но они хранят сии сокровища подобно геродотовым грифонам для потомства или для народов образованных, которые со временем не преминут разрыть подземные клады. Многие рудные места сей страны уже

известны, и некоторые из оных уже исследованы российскими горными офицерами, но нет сомнения, что большая часть еще остается в неизвестности. Означим здесь только те, о коих могли мы собрать достоверные сведения.

а) Следуя обыкновенному порядку, мы прежде всего упомянем о рудах золотых, хотя, впрочем, известия о существовании оных в стране, нами описываемой, еще требуют подтверждений: киргиз-казаки уверяют, что металл сей находится в горах Улу Баянулу, Карача и Алгин. Капитан Рычков пишет, что на реке Камышле, верстах в 50 от русской границы, попадались ему “куски кварца и ноздреватого камня с прожилками, делающими признаки золотой руды. По виду они были очень сходны с золотою рудою Березовского рудника близ Екатеринбурга”. Он заметил также признаки золотой руды на реке Джизлы-Кингир, текущей из гор Улу.

б) Известия о серебрянных рудах не подлежат сомнениям. Если бы и не были достоверны показания киргиз-казачков, утверждающих будто серебро находится в помянутых горах Улу, Кукча, Баянулу, и Алгин и в продолжении гор Алтайских, то мы заменим их сведениями, из опыта почерпнутыми. Паллас (в пред. к тому Ш-му своего первого путешествия) говорит, что медные руды, попадающиеся на восточной стороне Урала в шиферных проселинах, всегда содержат в себе несколько серебра. Еще положительнее говорит г. Шангин о существовании серебрянных руд близ озера Иман, при речке Кайрак, близ вершины реки Малой Нуры, и на берегу реки Кулай-Айгир-Бурлук, впадающей в Ишим. Железистая охра, найденная им в сем последнем месте, содержала в пуде полтора золотника серебра. Из прочих приисков, горными офицерами открытых и испытанных, замечательнейшие суть: прииск, названный Елисаветинским, и лежащий в 325 верстах от форпоста Семиарского и в 450 от Шулбинского (в прямом направлении) при верховьях речек Джамчи, текущих в озеро Балхаш. Руда, в нем найденная, доставляет из пуда от 1,5 до 30 золотников серебра. В 38 верстах к северо-западу от сего места, над истоками реки Нуры при горе Биш-Чоку открыт другой прииск, названный Марьинским, в коем из пуда руды выходило от 1 до 12 золотников серебра. Третий прииск, лежащий при реке Кайрак, текущей в Сарысу, в 40 верстах к западу от Марьинского, наименован Михайловским. Серебра содержит он в пуде от 1 до 2,5 золотников.

Четвертый, или Аннинский, прииск на северо-западном берегу озера Иманкуль, дает из пуда руды до 1,5 золотника серебра.

с) Свинцовые и медные руды. Описанные нами сейчас четыре прииска серебрянной руды составляют вместе богатые хранилища меди и свинца, а потому мы вторично обратимся к ним и, дав об них несколько подробнее понятие, означим количество свинца и меди, добытое из них при испытании.

Рудное местоположение Елисаветинского рудника составляет глинисто-порфиновый и сланцовый пригорок, разделенный от северо-запада к юго-востоку кварцовой жилую, которая по всему протяжению своему обработана была древними народами. Места разработки ясно видны. Длина рудного наклонения около 250 сажен, толщина от 1 до 3 сажен. Руды оного суть: различные свинцовые сребросодержащие охры, роговая серебрянная руда, серебрянная чернь, белая свинцовая руда, медная лазурь и зелень, частью землистые, частью охрусталованные. Кроме серебра из пуда руды добыто свинца, от 3 до 12 фунтов, и меди, от 1 до 9 фунтов.

Прииск Марьинский состоит из глинисто-сланцевого пригорка, окруженного гранитовыми и порфиловыми горами.

Рудную матку составляет жила кварца, идущая от востока к западу полосую в 75 саженей толщины, и склоняющаяся от юга к северу около 60°. В жиле сей заключаются руды землистой и охрусталованной медной зелени и сини, свинцовых сребросодержащих охр и белая свинцовая руда. Прииск сей был также разработан древними народами. Взятые из него образцы содержали кроме серебра от 1 до 10 фунтов свинца и от 1 до 11 фунтов меди, в пуде. Глинисто-сланцовое возвышение, называемое прииском Михайловским, заключает в себе пространный пласт оруденелого тяжелого шпата, состоящего из медной зелени, медной сини и свинцовых сребросодержащих охр. И тут найдены древние разработки. Руды сего прииска из пуда доставляют от 0,5 до 9 фунтов свинца и меди.

Прииск Аннинский особенно замечателен по изобилию леса, около его находящегося, и был обработан древними народами по всем протяжениям. Насыпи, сими разработками произведенные, ныне покрыты густым лесом, и занимают около 1000 квадратных саженей. Руды состоят из

соединений железистых глин с белою свинцовою рудою и сребросодержащими свинцовыми охрами, с медным колчеданом, стекловатою медною рудою, медною синью и зеленью. Штурфы оных содержали в одном пуде от 1 до 10 фунтов меди, кроме серебра. По приближенному исчислению, прииск сей должен заключать руды около 8000 кубических сажен, или до 3000000 пудов.

Г. Шангин нашел близ ручья Айкайрака, впадающего в Ишим, два пласта медной руды, из коих один длиною 110, шириною 8 сажен, другой длиною 160, шириною 7 сажен. Руда обоих содержала в пуде до 2 фунтов меди, куски же, проникнутые синью, быв отобраны, доставили из пуда 6 фунтов меди.

Тот же путешественник описывает древние копи медной руды в известковом возвышении, называемом Аулиатаг (Святая гора). Здесь рудное положение простирается в длину до 120, в ширину от 6 до 15 сажен.

На реке Якши-Кун, в горах Тактурмас (близ Малой Нуры), в горах Курпе (близ той же речки), и в горе Бугулу, равным образом найдены г. Шангиным медные руды. На берегах рек Тургаев, на реке Кара-Кингир видел он руды свинцовые и медные.

Сопутствовавший ему майор Набоков [41] привез куски самородной меди с озера Зеренды.

Капитан Рычков пишет, что он видел признаки медной руды на реке Джизлы-Кингир. Река сия вытекает из гор Улу (тау), вообще богатых рудами всякого рода, и в коих, как уверяют киргизы, весьма много древних копей, искусно обработанных. Последнее обстоятельство не обращало бы на себя внимания, если бы в подкрепление оного мы не находили свидетельства достовернейшего в "Оренбургской топографии" Рычкова, которому один из первых заводчиков Оренбургской губернии объявлял, что многие найденные им в сем крае рудные копи древних народов, были произведены с большим искусством. Штольны в оных еще были невредимы, простояв несколько столетий.

Горные чиновники, занимавшиеся обозрением Индерских гор, нашли там медные руды в разных видах.

Барон Мейендорф находил разные признаки медной руды на Илеке и на Бердянке. Сей последний рудник, кажется, был описан Палласом. Он называет его Сайгачим, и пишет, что в нем была найдена хорошо сохранившаяся, пространная и во многих местах разработанная древняя штольня, при очищении которой отысканы лепеш-

ки сплавленной меди, плавильные горшки из белой глины и кости засыпанных землею работников. Тут же нашли множество кусков окаменелого дерева, но не заметили нигде признака плавильных печей. (См. "Путешествие" ч. 1. С. 370). Такого же рода старые копи медной руды, по словам Палласа, существуют в продолжениях Алтайских гор против Семипалатинской крепости. Несколько кусков медной руды были доставлены сему ученому из хребта Ябик-Карагая.

В 1793 году киргизы привезли в Оренбург медную руду в кварце и свинцовый блеск из гор Мугоджарских.

Полковник Бентам нашел медные и железные руды в горах Бехлы.

Те же самые произведения природы находятся в весьма многих, здесь не показанных местах.

Отрасль гор Улу, названная Свинцовою, заслуживает сие название по всей справедливости. В ней на правом берегу реки Каратургая, в 1814 году (Рукописный журнал г. Генса) исследованы две жилы, из коих добыто и привезено в Троицк 6086 пудов руды. В сем числе были куски чистого свинцового блеска, каждый пудов по 15. Все количество, переплавленное на Мияском заводе, произвело чистого свинцу 2500 пудов.

В нескольких местах от сего рудника лежит так называемая Медная гора, состоящая из глины, порфира и медной зелени, иногда проникнутой самородной медью. В ней найдены древние копи. 107 пудов и 13 фунтов руды, из нее взятой, доставили чистой меди 7 пудов 35 фунтов.

d) Железные руды найдены в многих местах, как-то: между Иргизом и Тургаем, в отрасли гор, называемых Буглы, в некоторых ветвях продолжения гор Уральских, в горе Каратаг и проч. Значительнейший железный прииск лежит в горе Салпык, на реке Чирик-Бурлук, впадающей в реку Кулай-Айгыр-Бурлук, которая течет в Ишим. Г. Шангин, осмотрев сие место, заметил, что оно заключает в себе "один из богатейших железных рудников, какие только известны в России".

Нефть находят близ Каспийского моря и около вершины реки Сагиз.

Орлец.

Охры разных цветов.

Окаменелости черепакожных и других животных.

Порфир, из скал коего состоят многие горы.

Перелифть.

Роговиковые породы.

Роговой серовато-зеленый камень, составляющий главную породу гор Якши-Янгис.

Серпентин.

Селенитовые разные породы.

Сердолики.

Слюда, которая часто попадает на поверхности земли в виде дощечек.

Смола горная.

Слоновые, или говоря точнее, мамонтовые кости, вымываемые иногда водою по берегам Иртыша и Ишима.

Стланец.

Соль. Ископаемое сие в киргизских степях является на поверхности земли и в недрах оной в необыкновенном множестве. Паллас говорит (Т. 1. С. 392), что нет в свете страны, столь изобильной солью, как полуденная часть России (европейской и азиатской) и Великая Татария.

Мы уже говорили о соляных озерах и солончаках киргиз-казачьей степи, здесь обратим внимание только на те виды, в которых является киргизская соль по добытии оной из разных источников. Она бывает белая, красная, или малиновая, черная и зеленая; но вообще говоря, она не так вкусна как соль, в России добываемая, ибо содержит более земляных частиц. Примечание сие не относится к горной соли, находящейся около Илецкой защиты⁷, которую мы также относим к произведениям степей киргиз-казачьих. Пласт ее, простирающийся от севера к югу на 600 сажен, и от востока к западу на 500, есть истинное сокровище. В 1821 году он был разработан в глубину на 13 сажен, и соль не изменилась нигде в своем качестве. Оной добывалось тогда ежегодно около 2000000 пудов; но количество сие в случае нужды можно было бы удвоить и утроить, не опасаясь истощения. Некто, живя в Илецкой защите, в часы досуга, вычислил, что, если бы из вышеупомянутого пласта ежегодно выламывать по 4000000 пудов соли, то и тогда оный был бы достаточен на 14 тысяч лет. Не отвечаем за верность сего вычисления. Илецкую соль ломают большими кусками, или штуками, подобно камням. Будучи смешана с земляными частицами, она обыкновенно имеет цвет темный, но в ней попадаются куски совершенно прозрачные, называемые сердцевиною, или сердцем. Из них выделывают разного рода вещи, как

⁷ На реке Илек, верстах в 70 от Оренбурга.

то подсвечники, чашки, и даже вазы. Такого же рода изделия находятся в Величке, но судя по тому, что мы могли узнать будучи в Величковских ломнях, должно заключать, что куски сердцевины в Илецкой Зашите падаются гораздо крупнее. Если они хорошо обработаны и вычищены, то вещи, из них выделанные, трудно отличить простым глазом от хрусталя. В сухом месте они безвредно сохраняют вид сей в продолжение многих лет.

Г. Пандер, говоря об озерах степей киргиз-казацких, замечает, что соль, из них добываемая, дает большое количество серной и селитренной кислоты.

Селитра самородная, попадаетея большею частию на тех местах, которые были некогда обитаемы.

Сера, наиболее — около Сырдарьи.

Тальк.

Топаз прозрачный, желтоватый. Замечен капитаном Рычковым на берегу реки Камышаклы.

Уголь каменный. Паллас полагал, что оный должен находиться в горах, около Индерского озера лежащих, и предположение сие оправдано позднейшими открытиями горных чиновников, кои действительно нашли тут уголь различных видов. Гавердовский говорит, что признаки каменного угля замечаются в разных отраслях гор, составляющих продолжение Уральского хребта. Барон Мейендорф нашел уголь очень хорошего свойства близ Илека, не далее 30 верст от Урала. Киргизы уверяют, что ископаемое сие находится в горах Алгинских, в возвышениях Корсакаш, Калмас, Бараны и во многих других местах.

Фельдшпат.

Халцедоны.

Горный хрусталь.

Цеолит.

Шиферные породы разных видов.

Шпат.

Яшма разных цветов и видов, из коих некоторые весьма красивы и могут служить для выделки всякого рода вещей. Есть яшма красноватая, белая, зеленая и проч. Паллас особенно выхваляет яшму, им найденную около Орской крепости на киргизских могилах. Блестящие цвета сей яшмы приписывает он всегдашнему действию солнечных лучей, от коих она ничем не закрыта. Иногда попадаются плиты яшмы, с разными изображениями, в которых природа как бы хотела подражать искусству.

О ГЛАВНЕЙШИХ ПУТЯХ, ПРОХОДЯЩИХ ЧЕРЕЗ СТЕПИ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИ

Страна, нами описываемая, лежит между Россиею и несколькими торговыми государствами Средней Азии, а потому, хотя жители ее не имеют нужды в дорогах для взаимного сообщения, но посредничество, которое они принимают в сношениях своих северных соседей с южными, установило некоторые караванные пути, постоянные в главных направлениях своих, невзирая на изменения некоторых частей, зависящие от количества людей и верблюдов, от погоды, времени года и частных видов вожатых. Мы почитаем полезным означить главнейшие из сих путей. Начнем с запада.

1. Из Сарайчиковской крепости в Хиву, чрез перешеек, отделяющий море Аральское от Каспийского, есть несколько путей. Замечательнейший из них есть так называемая древняя Ногайская дорога. Она идет чрез следующие места: чрез солончак Тентяксор и урочище Беляули, к реке Сагыз, чрез который переправляются близ развалин древнего укрепления, называемого Узюнтам. От Сагыза — чрез горы Кайнарские к реке Эмбе, чрез которую переправляются близ древнего кладбища Бакашаулия. От Эмбы — к источникам пресной воды, называемым Учукан, близ коих также лежат развалины.

От Учукан, или Учкан, мимо горы Джизлы, оставив оную слева, поднимаются на плоскую возвышенность Устюрт, о коей говорено выше.

По Устюрту дорога сия идет чрез пески Шам, или Сам, миновав которые до спуска Устюрта или до урочища Айбогур, проходит она чрез колодцы Айдобул, Актюбя и Куркурук.

От Эмбы ходят чрез Устюрт еще другою дорогою, а именно между гор Джилды, мимо ключа Тасас, чрез урочище Коптам, колодцы Кусье и Чурук, чрез развалины Биляулитам, колодец Кусбулак, урочище Ичекакарган. Спустившись с Устюрта, все караваны идут к развалинам древнего Ургенджи, а из оною — в Хиву, коей таким образом достигают в 25 или 26 дней.

Развалины строений, остатки укреплений и прочно устроенные колодцы показывают, что два пути сии положены народами, жившими здесь прежде киргиз-казаков.

Некоторые из сих последних приписывают вышеописанные устройства потомкам Чингисхана, и мнение сие кажется весьма вероятным. Можно думать, что первый из сих путей есть часть дороги, описанной Франциском Пеголетти в 1335 году [42].

Третья дорога, ведущая из Сарайчиковской крепости [43] в Хиву, отделяется от первой близ Кайнарских гор и идет на восток чрез колодец Сарыгаска, урочище Биркунды, ручей Ак-Коудран. На Устюрт поднимается она между оврагами Арсай и Корсай, потом достигает Аральского моря и продолжается берегом оногo мимо заливов Дуананы-Кулама и Улу-Кулмагир, чрез развалины Давлет-Гирей до города Конрада, лежащего при Амударье.

Дорога сия длиннее первой, но удобнее. Между Сарайчиковскою крепостию и Оренбургом нет на реке Урале точки, с которой бы отправлялись в Азию купеческие караваны, кроме необыкновенных случаев.

2. Из Оренбурга в Бухару есть несколько путей. Замечательнейший из них тот, которым следовала миссия российская в 1820 году. Барон Мейендорф описал его следующим образом.

Число, месяц	Становища	Что на оных найдено	Версты и сажени
Октября			
10	Ручей: Бердянка	Вода и травы	20—251
12	Битлису	Мало воды	25—469
13	Бурте	Вода	33—280
14	Узун-Бурте	Вода, трава и хворост	26—120
16	Кара-Бутак	Лес, кустарники, вода и трава	35—302
17	Река Илек	То же	27—434
19	Река Илек		31—60
20	Ручей: Тамды-Яман*		27—380
21	Суюксу	Кустарники, камыш, вода и трава	29—470
23	Талахбег	Кустарники, вода и трава	35—37
24	Гора Босага	Безводное место, мало кустарников, мало травы	31—386
25	Река Кублейли-Темир**	Кустарники, мало травы, вода солодковатая	28—89

* Тамбутан, по мнению Эверсмана.

** Яман-Темир, по мнению Эверсмана.

Число, месяц	Становища	Что на оных найдено	Версты, сажени
27	Река Тираклу	Хорошая вода, мало травы, мало кустарников	31—219
28	Ручей Кара-Акэнти	Худая вода, мало травы, мало кустарников	34—110
30	Тубан	Вода, кустарники, трава	27—123
31	Каунджур	То же	22—101
Ноября			
1	То же	То же	29—210
2	Озеро Ходжа	Вода, камыш, трава	44—454
4	Колодезь: Куль-Кудук	Вода, камыш, трава, кустарники	29—329
6	Аджи-Кудук	Вода, камыш, трава, мало кустарников	24—383
7	Чубур-тепе	Вода солодковатая и то же	29—35
8	Источник Октани***	Кустарники, трава, худая вода	26—432
9	Источник Сары-Булак	Кустарников мало, трава, худая вода	39—292
11	Гора Дерман-Баши	Кустарники, трава, безводие	30—161
12	Колодезь Урагай	Кустарники, худая трава, худая вода	20—407
13	Кулли	Кустарники, худая трава, соленая вода	30—268
14	Холм Сапак	Кустарники, недостаток травы, безводие	26—162
15	Бухта Камешлу	Рассеянные кустарники, хорошая вода, мало травы	25—219
18	Ялтер-Куль	Мало кустарников, хорошая вода, хорошая трава	27—19
19	Река Сыр	Камыш и то же	26—12
22	Малое озерко без названия	Кустарники, трава, вода	9—378
23	Место без названия	Кустарники, нет травы, безводие	24—79
24	Река Кувань	Кустарники рассеянные, тростник, хорошая вода	29—329
25	То же	Кустарники, то же	19—304
27	То же	Мало кустарников, то же	16—249
28	То же	Кустарники, то же	28—14
30	Место без имени	Кустарники, мало травы, безводие	30—40
Декабря			
1	Джаныдарья*	Кустарники, худая вода, мало травы	33—449
3	У песков Кызылкум	Кустарники, безводие, мало травы	35—109

*** Челек, по мнению Эверсмана.

* По мнению г. Сснковского, согласно киргизскому произношению, то же, что Яны, или Янгидарья, или новая река [44].

Число, месяц	Становища	Что на оных найдено	Версты, сажени.
4	Пески Кызылкум	То же	42—162
5	То же	То же	44—69
6	Близ песков Кызылкум	То же	46—5
7	Колодезь Юз-Кудук	Хорошая вода, мало кустарников, мало травы	43—311
9	Место без имени	Безводие, то же	43—300
10	Близ песков Баткак	Безводие, кустарники, мало травы	43—182
11	Гора Сусыз-Кара	То же	38—442
12	Источники Кара-Агач**	Мало кустарников, соленая вода, нет травы	40—58
13	Источник Агатма	То же	38—275
15	Колодезь Одун-Кудук	Хорошая вода, мало кустарников, нет травы	38—386
16	Деревня Кагатам		17—566
17	Город Вафкенд (Вапкан)		17—289
19	Деревня Базарчи	Земли обработанные	23—169
20	Бухара		2—00

Верст 1596—86

3. В Хиву ездят из Оренбурга двояким образом: а) или по Бухарской дороге, поворачивая с оной направо близ северо-восточного залива Аральского моря, называемого Сары-Чаганак, и от одного, придерживаясь берега морского, в прямом направлении к югу. Переправясь чрез русло Яныдарьи близ колодца Кумбитти, идут на город Новый Ургендж, лежащий близ Хивы; б) или по западной стороне Аральского моря. Сей последний путь проходит чрез Илецкую защиту, чрез реки Илек, Хобду, Уил, Эмбу. От Эмбы одни направляются к древней Ногайской дороге (см. выше) и по оной достигают до развалин Старого Ургенджа, другие выходят на Устюрт близ оврагов Курсай и идут на юго-восток, постепенно приближаясь к морю Аральскому, потом следуют самим морским берегом чрез развалины Девлет-Гирей и Карагумбет, залив Сарамасат и урочище Кускаджул. Спускаясь тут с Устюрта, идут на юго-восток в город Кызыл-Ходжа, лежащий на левом берегу Амударьи в Хивинских владениях.

4. Орская крепость есть ближайшая точка русской границы к Бухаре. Из нее идут в сию столицу несколько путей, которые около Сырдарьи сходятся один с другим,

** Кара-ата, по мнению Эверсмана.

равно как и с некоторыми дорогами, идущими из Оренбурга в Бухарию, что можно видеть на карте, к сему сочинению приложенной.

Барон Мейендорф, возвращавшийся в 1821 году из Бухарии в Россию чрез Орскую крепость, полагал в своем рукописном журнале, что сия точка границы нашей отстоит от Бухары в 1250 или 1300 верстах.

5. От Троицка до Бухары мы не имеем подробного маршрута, но знаем, что главная дорога, в сем направлении идущая, проходит чрез реки Аят, Тобол, Тургай, мимо озер Аксакалбарби, остающихся справа, чрез перевоз (на Сырдарье), именуемый Чиркайлы, чрез пять рукавов Кувандарьи, называемых Биш-Узек, чрез русло Яныдарьи, между горою Ак-Кыр и развалинами Ковенкала, и мимо гор Балобан и Учтюбе. В Кызылкуме дорога сия соединяется с Оренбургскою. Впрочем, этот путь из Троицка в Бухарию не единственный.

6. Дорога из Петропавловской крепости, идущая в Бухару и называемая новою (Янгиюл), направляется чрез реку Ишим, чрез вершины Сары-Кынгыря, у подошвы гор Улу, чрез Кара-Кынгырь, чрез речки Беланте и Беляули, гору Сандук-Нура, пески Арш-Кудук, чрез Сырдарью при урочище Акмечеть, пески Кызылкум, Баткаккум.

7. Из Семиарского форпоста до Ташкенда г. г. Поспелов и Бурнашев в 1800 году шли следующим путем: чрез горы Ку-Казлык, находящиеся от Иртыша в 170 верстах, чрез горы Каркаралы, до которых от Ку-Казлыка верст 80, чрез реку Нуру, лежащую в 160 верстах от гор Каркаралы, чрез реку Сарасу и горы Кок-Томбак, отстоящие от Нуры в 460, а от Иртыша в 770 верстах. За сими горами следует бесплодная степь Битпак, простирающаяся до реки Цуя на 180 верст. Чрез Цуй путешественники переправились на связках камыша и пройдя еще верст 50 по безводной песчаной степи, достигли озер Каракуль, за коими уже начинается Ташкентское владение. (См. Сибирский вестник 1818 года).

8. Путь сей представляет великие неудобства. Гораздо выгоднее, по словам г. Поспелова, ехать в Ташкент с большими тяжестями из Ямышевской крепости, и в следующем направлении: от границы на юг к реке Тундук, потом вверх по сей реке до урочища Биштерек, от коего следует идти к горе Ку-Казлык, изобильной хорошею водою и травами; от Ку-Казлыка — до горы Бергутли, а от сей последней — к горам Кен-Козлан и Каркаралы,

где нет недостатка в корме для скота, и где есть воды и леса. По выгодам сего места можно на оном несколько дней отдохнуть. Далее до реки Нуры можно ехать без затруднения в повозках. Окрестности Нуры изобильны всем, что нужно для караванов. От реки сей — до реки Сарасу, хотя места не безводные, однако же чрез оные удобно проходить только малым караванам, а большие должны разделяться на части, равно как и в дальнейшем следовании от Сарысу до гор Актаг, где можно соединиться, не боясь разного рода недостатков. От гор Ак идут две дороги: одна — чрез урочище Тюсбулак, другая — чрез урочище Уванас, отстоящее от первого верстах в 50. Обе проходят чрез Цуй, но по направлению первой дороги от сей реки до озера Кара лежат безводные и песчаные места. Вторым путем можно миновать пески, но следуя прямо, должно проходить чрез затруднительные каменные ущелья гор Кара. Во избежание сего последнего неудобства можно, пройдя пески, повернуть со второй дороги на первую, и уже чрез озера Кара идти к горам Кара, кои в сем направлении перейти весьма удобно как на верблюдах, так и с повозками.

9. Толмач Сибирского корпуса г. Назаров ехал в Ташкент в 1813 году чрез следующие места.

Он отправился из Петропавловской крепости по дороге, называемой дорогою Аблай-хана, чрез лес Коротумар, чрез Куктирек на Сарагач и речку Чаглинку. С Чаглинки караван пошел на урочище Чубарайгыр, где растет строевой лес и хорошая трава, потом чрез Машак-Камыш и Тетенбет-Карасу, в котором высокие хребты гор Кочка пересекают дорогу, далее, чрез речку Янысу, урочище Турайгыр, Яланды, Домбралы, Кучаку, чрез реку Ишим, при урочище Хотайберген. Здесь караван, в коем находился г. Назаров, скрываясь от разбойников, намеревавшихся напасть на оный, оставил дорогу, по которой шел в Ташкент, и принужден был делать разные боковые движения. Получив же военное прикрытие с границы сибирской, он отправился далее чрез реку Якши-Кун мимо гор Ок и Урта, чрез реку Сарысу и песчаные холмы Джиты-Конгур, коими шел 7 дней, нуждаясь в воде. На 8 день, пройдя мимо соляного озера Кукчатуз, путешественники въехали в безводную пустыню, где находится древняя могила, называемая Уванас, а за нею на один день пути река Цуй,

или Чуй, от которой по пескам дошли до Сузака — пограничного города Туркестанского владения.

10. Г. Путимцов [45], отправляясь из Бухтарминской крепости в 1811 году, достигнул пограничного китайского города Чугучака, а из одного — города Гульджи (Или, то же) следующим путем.

Число, месяцев	Становище	Чем оно замечательно
Июня		
5	С левого берега Иртыша от устья Нарыма достигнул на ночлег до речки Кур-Карагай	Сосны, тополи, березы, вода летом пересыхает
6	Речка Каинда	Строевой лес
7	Имя неизвестно	Безводное место
8	В степи, за рекою Букан	То же
9	В 7 верстах за уроч. Юзагач	То же
10	Река Базар	
11	Карабуга	По берегам ивы
12	При подошве гор	Безводное, безлесное место
13	Близ ключа	
14	Исток реки Карабуга	Воды много, земля мягкая
15		
16	Отдых на том же месте	
17		
18	За хребтом Тарбагатая, у ручья	
19	кочевье киргиз-казачьего султана Камбара	
	Здесь караван пробыл до 3 июля	
Июля		
3	При ключе Талдыашу	Тополы и кустарник
4	Отдых	
5	Ключ	В горах
6	Простояли там же	
7	Ручей Учкатты	
11	Ялгыз-Агач. Остановка	
15	Караул китайский Выйтандзи	
16	Город Чугучак	

Назад возвращался г. Путимцев чрез форпост Бургутай, урочище Карачилик и устье реки Курчум. Сию вторую дорогу почитает он удобнее первой для караванов, отправляющихся с Сибирской линии в Чугучак, несмотря на то, что она гораздо длиннее и заключает в себя от Бухтармы до Чугучака 595 верст, тогда, как первая имеет не более 446 верст.

11. Маршрут подпоручика Телятникова [46] от форпоста Коряковского до Туркестана.

	дни
От Корякова до реки Чидерты	4
От реки Чидерты по реке Уленты до гор Ирменя, или Иремей, где начинаются вершины Ишима	3
От Ирменя до Нуры	1
Подле Нуры, чрез Малую Нуру и по левому ее берегу	2
От Нуры до реки Сарысу*	2
По Сарысу	5
От Сарысу до реки Чуя	6
Обе реки сии, по словам Телятникова, впадают в два озера, близкие одно от другого, вода в них горькая.	
От реки Чуя до гор Кара	1
Горами Кара	3
От гор Кара до Туркестана	3
Полагая по 40 верст езды на день, всего 1160 верст	

Всего 29

12. Г. Зибберштейн [47] в 1825 году прошел чрез восточную часть киргизских земель до города Турпана [48]. В полученном нами списке его путевого журнала мы не нашли означения мест, по которым он шел от границы русской до реки Каратал, впадающей в озеро Балхаш, впрочем, путь сей очень известен всем бухтарминским и семипалатинским жителям. По уверению г. Зибберштейна, все караваны, с Сибирской линии отправляющиеся в города так называемой Малой Бухарии и даже в Кокант, должны непременно идти на реку Каратал. Отсюда одна дорога ведет чрез реку Куксу до города Кульджи, другая чрез горы Якшы-Алтынемель направляется к реке Или. После переправы чрез оную поворачивает направо, вниз по течению реки, и проходя по правую сторону гор Кунгай Алатау, по рекам Чую и Дорси устремляется в Кокант. Путем сим из Семипалатинска до Коканта можно достигнуть в 52 дня, а потому г. Зибберштейн и признает его кратчайшим. От Каратала до озера Иссык или впадающей в него реки Тюп, чрез реки Куксу, Ихлас и Башташак, чрез горы

* Сарысу и Сарасу есть одна и та же река. Первое название правильное.

Сюгаты, чрез ущелье Турайгир, китайский караул Мерке, считает упоминаемый нами путешественник 480 верст. От реки Тюп или озера Иссык идет одна дорога в Кашкар, другая в Турпан. Первая из них, составляющая 12 дней караванного хода, или 4 дня конной езды, проходит чрез горы Заукедуан, Джатымасу, Чакыр-Курум, долину Аксай, гору Терекдуан и китайский караул Сасык. Вторая дорога от озера Иссык направляется чрез горы Заукедуан, Акбель, Бедальдун, чрез китайские караулы Джиде и Шате в Турпан. Сею последнею дорогою, протяжение которой составляет около 200 верст или 7 дней караванного хода, следовал сам г. Зибберштейн до того места, с которого мог осмотреть город Турпан. Известие сие несогласно с китайскими картами, но нет ли двух Турпанов?

Для всех вообще путешествий по степям киргиз-казачьим лучшее время года, как уверяют опытные вожаки, есть весна и особенно май месяц, когда травы свежи и изобильны, воды еще не пересохли, и жары не сильны.

Глава ВОСЬМАЯ

РАЗВАЛИНЫ

В степях киргиз-казачьих встречается столько развалин древних зданий, что мы не можем умолчать об оных в нашем описании.

Трудно и даже едва ли возможно определить, какой народ строил сии здания, ибо они разных родов. Одни, сохранив признаки капищ, ламайскому служению посвященных [49], очевидно, принадлежат мунгалам или зюнгарам, другие похожи на магометанские мечети, третьи суть остатки обыкновенных азиатских жилищ и, наконец, четвертые достигли такой степени разрушения, что не могут подать повода ни к каким заключениям. Материалы, из коих строились сии здания, также неодинаковы; от некоторых остались большие камни, от других кирпичи, третьи были глиняные. Нынешние киргиз-казаки вообще не говорят о них ничего правдоподобного, кроме того, что они не принадлежат их предкам, но должны быть приписаны народам, занимавшим сию страну прежде них. Толь-

ко немногие из развалин, равно как все вообще древние могилы, называют они ногайскими¹.

Итак, не входя ни в какие подразделения означенных остатков древности, упомянем об известнейших из оных. Описание наше будет более географическое, нежели историческое, по сей причине мы и решились включить оное в сию (географическую) часть нашего сочинения, хотя, по-видимому, оно бы и не должно в ней иметь места.

Главнейшие между развалинами степей киргиз-казачьих как по обширности, так и по ясности признаков суть развалины Аблайкитские [51], лежащие на левой стороне Иртыша, верстах в 70 от Усть-Каменогорской крепости в долине, пересекаемой речкою, которая получила от них свое название. Место, их заключающее и обнесенное каменною стеною, имеет около версты в длину и полверсты в ширину. Внутри ограды были два здания: одно служило ламайским капищем, и в начале прошедшего столетия еще видны в нем были статуи, живописные изображения бурханов [52], и многие письма, из коих некоторые листы в 1720 году были оставлены императору Петру Великому, а им посланы в Парижскую академию надписей изящных искусств [53]. Подробные описания сих развалин можно читать в сочинении Миллера [54] *De scriptis Tanguticus in Siberia reperitis*, в путешествии по Сибири Палласа; в "Записках" помянутой Академии, и, наконец, в "Сибирском вестнике" 1818 года, в статье "О древних развалинах в Сибири" [55].

Развалины Семи палат, сообщившие название Семипалатной крепости, равным образом заслуживают особенного внимания. Они также описаны Миллером, Палласом и в "Сибирском Вестнике" [56].

В горах Кен-Козлан, на реке Кызылсу, впадающей в Талду, на прелестном местоположении стоит строение двухэтажное² каменное, крестообразное, сложенное из дикого камня на извести; потолки в нем обрушились, но заметно, что они были покрыты красной краскою, а стены штукатурены. На верхнем этаже вокруг всего стро-

¹ Киргиз-казаки иначе не называют татар, в России живущих, как ногаями. Слово "татары", совсем у них неупотребительно и принадлежит, по их мнению, какому-то подлому народу, проклятому одним магометанским пророком. Бухарцы и хивинцы то же думают, и так же называют татар российских ногаями [50].

² Здание сие описано подробнее г. Броневским [57]. См.: Отч. Записки. 1830.

ения была галерея и фронтон, поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами, выкрашенными мастикой, предохранявшею их от гнилости. Около сего здания были и другие, но развалились до основания, стены поросли деревьями шиповника и таволги нарочитой величины [58]. При самом Каркалинском приказе, в тесном ущелии, где протекает река Джирымсу, воздвигнута стена, преграждающая проход на обширную долину, окружаемую очень высокими горами, по гребням коих проведена стена из дикого плитного камня, в иных местах в 7, а в других в 5 аршин вышиною, и в 3 аршина толщиною [59].

Остатки каменной мечети, находящейся в 95 верстах от Троицкой крепости за рекою Тогузак, известны из путешествия Палласа [60]. Недалеко от сих развалин есть и другие, но не замечательные.

На берегу реки Аягуз, впадающей в озеро Балхаш, стоит остроконечное здание, весьма тщательно построенное из каменных гладких плит. В нем три каменные статуи, из коих две, по словам киргиз-казаков, изображают прославляемых в сказках любовников Баян-хана и Куз-Курпач, и третья — их служанку. Верующие в подлинность их изображений приносят им жертвы [61].

На берегу Кара-Кингиря есть развалины палат и мечети, называемые Джан-Ана. Говорят, что тут был дворец одного из потомков Чингисовых [62].

Белян-Ана — развалины города. Они лежат при реке Сарасу на один день езды от озера Телекуль, в которое она впадала. Длина сих развалин верст 6, ширина около одной версты [63].

На левой стороне Нуры, впадающей в озеро Кургалджин, в 27 верстах от ее устья, был некогда город по имени Тотагай, или Ботагай, коего многие остатки донныне существуют. Г. Шангин видел их и описал (См.: Сибир. вестник. 1820 год.). Они простираются верст на десять. Одно из развалившихся зданий, по мнению сего путешественника, служило храмом, было построено из кирпича, имело внутри столпы и стены отштукатуренные. Близ сего храма стоял другой, подобный ему, а из развалин, несколько далее находящихся, некоторые имели до 300 сажень в длину [64].

Окрестности реки Нуры вообще богаты подобными остатками древности. На правом берегу ее, в 55 верстах от озера Кургалджина, еще видны значительные развалины, также описанные г. Шангиным (см. тот же вестник 1818

года), равно как и два укрепления, у горы Карт лежащие, и разрушенная башня в верховьях Нуры, близ древней копи медной руды [65].

Тем же путешественником осмотрены два здания, лежащие на реке Якши-Кун — одно от другого в 30 верстах. Одно из них кирпичное, другое каменное, оба с куполами и двумя отверстиями, одно — на юг, другое — на север. Киргизы приписывают построение сих зданий калмыкам или монголам и почитая оные святыми, совершают в них молитвы и жертвоприношения [66].

Весьма любопытны остатки древних полевых укреплений, лежащие близ речки Ак-Койрак. Их всего шесть. Г. Шангин говорит, что четыре находятся одно от другого сажен в 100, пятое против середины их близ речки, а шестое в 2,5 верстах от одного из крайних укреплений. Все они имеют вид эллипсов, но не сомкнутых: с восточной стороны бока отделяются один от другого пространством сажен в 60, а с западной в 25 сажен. Сии пространства были защищены четверугольными башнями [67].

Полуостров озера Якши-Янгиз укреплен валом простым, но правильно устроенным, и большею частью из порфиристых четверугольных камней [68].

На берегах Тургая есть несколько древних могил со строениями каменными и кирпичными. Одна из них особенно замечательна величиною. Она состоит из насыпи, более 15 сажен вышиною и до 135 сажен в окружности. Киргизы почитают ее святою и сказывали капитану Рычкову, видевшему ее в 1771 году, будто она скрывает в себе прах одного богатыря необыкновенного роста.

Несколько далее видно было (на Тургае же) четверугольное городище с развалившимися валами, воротами и зданием, коего стены имели до 9 сажен высоты. Кругом его могилы [69].

На урочище Байтак, при реке Большой Хобде, по уверениям киргизов, был некогда город. Ныне тут видны развалины зданий, полуизглаженные каналы и признаки пашен. В 1750 году строения еще не все были разрушены: подпоручик Ригильман видел их и некоторые из них срисовал. Киргизы весьма уважают сие место и за счастье почитают быть здесь погребенными [70].

Такой же город был на реке Уиле, при урочище Мавли-Берди (или Мавлюм-Берди). Рычков, в своей “Оренбургской топографии” пишет, что в половине про-

шедшего столетия на сем месте еще были видны от 30 до 40 кирпичных зданий, каналы для пашен и огороды [71].

По древней, так называемой Ногайской дороге, ведущей из Сарайчиковской крепости к остаткам древнего Ургенджа, есть много развалин, а именно:

а) Узунтам. На левой стороне реки Сагыз, чрез которую в сем же месте был построен каменный мост или плотина. Оставшиеся от нее плиты тесаного камня еще видны. Говорят, что она была сделана по повелению одного из сыновей Чингисхана [72].

б) Бокашаулия на Эмбе [73].

с) При колодце Учукан [74].

д) На Чинке (крае Устюрта), по словам киргизов были три крепости [75].

е) Куптам, где находятся два колодца, обложенные кирпичом, и около их до 30 разрушившихся каменных зданий [76].

ф) Беляулиатай, посреди Устюрта. На сем месте, по словам киргизов, один из их святых построил мечеть и медресе (училище). Строения сии еще не совсем развалились донныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При них находится колодезь, глубиною сажень в 30. Стена, окружавшая сии строения, составляла род замка и имела четверо ворот, покрытых сводами. Урочище сие составляет довольно приметное возвышение [77].

Не в дальнем от оного расстоянии, при урочище Турук, или Чурук, находятся развалины строений и могилы. В строениях видны камни столь необыкновенной величины, что трудно объяснить, каким образом внесены оные были на свои места. Тут же бьет источник, или ключ, хорошей воды, целительной силе которого киргизы удивляются [78].

Кроме вышеописанных развалин Узунтам на реке Сагыз, равно как на Эмбе, есть еще остатки древних поселений и каналов, коими в оные доставлялась вода.

Развалины Девлет-Гирей лежат на западном берегу Аральского моря против залива Улу-Кулмагир. Киргизы говорят, что тут прежде был город, куда съезжались купцы для торга. Другие уверяют, что на Аральском море торговля производилась в городе Кусайтайна, где именно лежал сей город, неизвестно [79].

На Илеке, близ озер Барби, недалеко от Тобола, и в разных других местах степей киргизских есть еще многие развалины [80]. Не имея возможности описать их все, мы заключим сию статью известиями об остатках древности, донныне существующих на берегах рек Сыра, Кувана, бывшей Яныдарьи и на островах, ими образуемых.

Число и вид развалин, сохранившихся на реке Сыр, показывают, что берега ее некогда были весьма населены, и что около ее верховья жили люди, образованием и деятельностью далеко превосходившие тот народ, который ныне занимает их место. Мы разумеем здесь остатки зданий, видимых около Коканта. Судя по словам азиатцев, оные должны принадлежать грекам, или бактриянам и согдиянам. Прочие развалины напоминают владычество Чингисидов и разноплеменных народов, составляющих страшные их ополчения.

Известнейшие из них суть остатки города Джаныкента, имеющие несколько верст в окружности и лежащие на час езды от левого берега Сыра и на день от устья сей реки. Когда и кем был построен Джаныкент, или Янгикент (новое укрепление), неизвестно, но знаменитый арабский географ Абульфедя, живший, как известно в XIV столетии, упоминает о нем под именем Янгикент. В прошедшем столетии он принадлежал каракалпакам. Поручик Гладышев, посланный в 1742 году к народу сему российским правительством, пишет, что он нашел Джаныкент в развалинах, но что в нем еще существовали каменные башни с оградами, и что хан каракалпакский жил здесь. По рассеянии каракалпаков места сии заняты киргиз-казаками, которые говорят, будто первобытные жители Джаныкента выгнаны из него были змеями [81].

Джитыкала (семь городов) лежат на правом берегу реки Кувана и составляют несмотря на название свое, одно поселение или один город, который в прошедшем столетии также принадлежал каракалпакам. Тут нет ныне строений, но еще видны рвы, служившие укреплением, ворота, каналы и проч. [82].

Джингиткала суть развалины замка, коего стены имели до 5 сажен высоты и в конце прошедшего столетия еще были целы вместе с башнями. Место сие находится между Сыром и Куваном на горе Джингит [83].

Кумкала, Ковенкала, Кулчуктам, Сарлытам и Куюктам лежат на высохшем ложе Яныдарьи или близ оногo,

Бузун-Гисар — на Кувандарье, недалеко от разделения ее на протоки, называемые Биш-Узьяк [84].

Мы не говорим о развалинах Отрара, знаменитого смертию Тамерлана, и других городов, выше лежащих на Сыре, ибо места сии не принадлежат киргиз-казакам; заметим только вообще, что берега Сырдарьи были некогда весьма населены³ [85].

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РЕКЕ ЯКСАРТ ИЛИ СЫРДАРЬЕ, И ЗЕМЛЯХ, К НЕЙ ПРИЛЕГАЮЩИХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историческое и географическое рассуждение о Сырдарье, здесь помещаемое, было написано мною прежде, нежели я приступил к полному описанию орд киргиз-казачьих. Более 6 лет оставалось оно у меня в забвении. В 1828 году, в бытность мою в Париже, я перевел оное несколько в сокращенном виде на французский язык и сообщил перевод мой двум знаменитым ориенталистам, г. г. Жоберу и Клапроту [1]. Одобренный лестным для меня отзывом и вследствие оного удостоенный принятия в члены Парижского азиатского общества, я пред отъездом из Франции, оставил рукопись мою г. Клапроту, под надзором коего она была напечатана в *Nouvelles annales des voyages* 1828, Fevrier. Возратившись вскоре после того в Париж, я воспользовался сокровищами, хранившимися в Королевской библиотеке и, почерпнув в ней многие любопытные сведения о древней географии Азии, изменил некоторые части моего рассуждения, распространил оное и дал ему тот вид, в коем оно печатается ныне.

Я не предполагал включить оное в описание орд киргиз-казачьих, ибо имел намерение в начале второго тома поместить историческое обозрение народов, коими нынешние земли киргиз-казачьи были обитаемы в древности. Обстоятельства не позволили мне исполнить сего намерения, а потому я почел бесполезным заменить упомянутое обозрение статьею, которая заключает в себе как

³ Один бухарец, часто посещавший Оренбург и сльвший человеком ученым, рассказывал нам, будто бы в древние времена берега Сыра и Аральского моря были столь населены, “что кошка могла прийти из Туркестана в Хиву, перебегая с одной крыши на другую”. Но какой народ обитал в сих местах, того он не знал.

исторические, так и географические сведения древних писателей о Сырдарье и стране, к ней прилегающей. По содержанию своему, рассуждение сие будет служить переходом от первого тома ко второму.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РЕКЕ ЯКСАРТЕ, ИЛИ СЫРДАРЬЕ, И ЗЕМЛЯХ, К НЕЙ ПРИЛЕГАЮЩИХ

Река Сыр, или как обыкновенно говорят и пишут, Сырдарья¹, орошающая бесплодные степи киргиз-казакские² и омывающая стены многих городов Туркестана, известна просвещенному свету с отдаленнейших времен. Подвиги Кира [3] и Александра Великого [4] внесли имя ее в историю задолго до Р. Х.

Кир положил на левом берегу Сырдарьи предел своей обширной монархии и построил знаменитый некогда Кирополис³, а на правом — сей завоеватель погиб в сражении с массагетскою царицею Томирою, или Томирисою [5].

Геродот [6], описавший происшествие сие, оспариваемое многими историками, уже знал Сыр, и хотя в сочинениях его мы нигде не встречаем Яксарта (Jaxartes), то есть названия, которое обыкновенно давали реке сей греки и римляне, но в Араксе [7] его при описании массагетов, узнаем нынешний Сыр.

Много было писано о сем Араксе Геродота. Дегинь⁴, Фосс⁵ и Гаттерер⁶ [8] утверждают, что он есть Оксус, или нынешняя Амударья. Деланоз⁷ видит в нем нынешний Аракс, выходящий из Армении и соединяющийся с Курою. Байер⁸ [9], Сент-Круа⁹ и Ларше¹⁰, полагают, что под сим названием должно разуметь Волгу. Многие другие также

¹ Дарья в татарском языке [2] есть нарицательное имя всякой реки. Сыр — значит желтый.

² Об истоках, течении и устье сей реки говорено в главе пятой под заглавием "Воды".

³ См.: Страбон. Кн. XI.

⁴ Erreur d'Herodote sur l'Araxe, в: Hist. de l'académie des inscriptions et belles lettres, Tome 36.

⁵ An. ad. Melam. lib. III.

⁶ Einleitung in die synchron Universallist. T. 1.

⁷ Sur l'Araxe des Massagètes, см. Hist. de l'academie des inscript. T. 36.

⁸ De origine et sed. Scytharum. см. Memoriae Acad. Petrop. T. 1.

⁹ Examen des historiens d'Alexandre, Sect. 6.

¹⁰ Notes sur le 1er livre d'Herodote.

предлагали свои мнения для разрешения заданной Геродотом загадки, но кажется, что решить оную и вместе согласить разные мнения об ней ученых нельзя лучше, как приняв за основание мысль Данвиля¹¹, подтвержденную Геереном¹² [10] и развитую Кефалидесом¹³, то есть, что Геродотов Аракс есть название общее Волге, Сыру, Аму и нынешнему Араксу. Началом сему мнению служат следующие доводы:

1. В древности несколько рек носили название Аракса: одна из них, о которой говорит Ксенофонт [11] была в Месопотамии, другая в Персии, и Александр переходил чрез нее на пути к Персеполису. По словам Страбона [12], река Пеней в Фессалии также называлась Аракс.

2. Новейшие¹⁴ путешественники уверяют, что и ныне в Персии всем быстрым рекам дается название Аррас.

3. Менинский, в своем *Thesaurus Orientalis*, переводит слово "Аррас", или "Эррес", прилагательными: *vehemens* (сильный), *vogax* (поглощающий), которые приличны всякой быстрой реке.

4. В Араксе Геродота находим мы признаки Волги, Сыра, Аму и нынешнего Аракса, между тем как в описании земель, ими орошаемых, историк сей совершенно умалчивает о трех первых реках и, следовательно, смешивает их с четвертою. Отдаленность их от Греции и недостаток известий легко могли произвести такую ошибку. Не подобное ли сему заблуждение видим мы в некоторых писателях XVIII столетия, которые, получив слабые сведения о походе Бековича к [13] к Амударье и узнав кое-что о Сырдарье, смешали обе реки вместе, присоединили к ним несуществующую ныне Кызылдарью и из всех трех составили одну, назвав ее просто Дарьею, то есть рекою.

Оставим исчисление признаков, по которым название Аракса принадлежит Волге и Аму, но посмотрим, где говорит Геродот о Сыре.

¹¹ Данвиль первый заметил, что слово "аракс" у древних географов есть более имя нарицательное, нежели собственное, но он не основал на сей мысли своих разысканий о геродотовом Араксе, ибо полагает почти утвердительно, что именем сим означен Оксус, или Амударья. См.: *Hist. de l'Acad. des inscript.* T.36, ст. "Des fleuves du nom d'Araxe".

¹² *Ideen über die Politik, u. s. w., der Völker der alten Welt.*

¹³ *De maris Caspii historia.* Книга сия издана Геереном, который будучи в дружеских сношениях с ее сочинителем, написал к ней предисловие.

¹⁴ *Kaempfer, Amoen. exot. p. 299.*

В 1-й книге его (§ 201) читаем: “Массагеты составляют многочисленный и воинственный народ и живут на востоке за Араксом, против исседонов”.

В той же книге (§ 204) далее: “С востока прилегает к Каспийскому морю обширная и необозримая равнина. Массагеты, против которых шел Кир, занимают большую часть сей пространной равнины”.

Здесь, без всякого сомнения, Аракс есть Сыр, ибо:

1. Припомним, что Аральское море не только древним, но даже европейцам XIV и XV столетий было неизвестно, и что до новейших времен полагали, будто Сыр и Аму впадают в Каспийское море, очевидно, находим, что река, которая протекает по обширной равнине, идущей на восток от Каспийского моря и за которою жили массагеты, соседи исседонов, не может быть иная, кроме Сыра или Аму. Но Аму не должно здесь разуть, потому что от нее на восток идет страна большею частию гористая, а не равнина, где бы мог поместиться народ многочисленный, каковы были массагеты. К тому же, если бы сии последние жили на Аму, они бы тогда не были соседями исседонов, которые, как сейчас увидим, занимали земли, на север или северо-восток от Сыра лежащие. Наконец, вспомним, что Дионисий Александрийский [14], назначающий границу массагетов также Аракс, явственно отличает его от Оксуса, или Аму.

2. Как бы мы ни объясняли геродотово описание скифов, во всяком случае увидим, что его исседоны (соседи массагетов) жили не на юг, а на север, или северо-восток от Сыра. В 4-й книге своей “Истории” он пишет: “Страна, лежащая по ту (т. е. восточную) сторону Танаиса (Дона), не принадлежит скифам, но начало оной занимают савроматы, или сарматы, которые от самого крайнего залива Меотического (Азовского) моря, простираются на 15 дней езды к северу... Над ними (т. е. далее к северу) в стране лесистой живут будины, народ многочисленный ... На север от будинов идет степь на 7 дней езды... За степью сею на восток живут фиссагеты, народ также многочисленный. Вместе с ними и в тех же местах обитают иирки (Пугсае)... Подвигаясь на восток от фиссагетов, живут возле их другие скифы, отделившиеся от царских скифов... До земель сих скифов вся вышеописанная страна составляет равнину, которой почва плодородна, далее земля камениста и тверда. Пройдя значительную часть сей полосы, при подошве высоких гор находятся аргипеи... До

сих мест страна известна, но ту, которая идет выше (т. е. на север от аргипеев) никто не может описать верно. Высокие и неприступные горы составляют здесь непреодолимую преграду... Что касается до страны, на восток от аргипеев лежащей, то она, как достоверно известно, обитаема исседонами; земли же, на север от сих последних лежащие, не знакомы ни аргипеям, ни исседонам”.

Видев собственными глазами большую часть страны, от Дона чрез Волгу, Урал и далее на восток идущей, и соображая сведения об ней древних географов с настоящим положением мест, не могли мы не остановиться на мысли, что горы, около которых Геродот полагает аргипеев, суть горы Уральские в южной части, а именно около Оренбурга, и что исседоны жили на восток от них, т. е. в северной части нынешней киргиз-казахской степи. Мысль сия тем основательнее, что более или менее согласна с предположениями Гаттерера¹⁵, Маннерта¹⁶ [15], Мальт-Брюня¹⁷, Герена¹⁸, и что она близко подходит к мнениям других известнейших географов. Один только Деланос превратным толкованием Геродота¹⁹, силился доказать, что массагеты и исседоны жили в Европе; но доказательства его так неосновательны, что опровергаются сами собою, особенно в глазах людей, имеющих топографические сведения о землях, принадлежавших некогда скифам и их соседям. Дегинь²⁰, опровергнув Деланоса, впал в противное заблуждение, и, желая доказать, что древние греки знали Китай, уверял, что Геродот под именем аргипеев разумел китайцев. Против мнения сего возражал в свое время Данвиль²¹. Мы не будем повторять справедливых возражений Данвиля, ни дополнять оных новыми доказательствами, которых найти можно довольно. Скажем только, что самый по себе сей писатель (т. е. Дегинь), хотя переносил аргипеев в Китай, однако же, оставил исседонов соседями массагетов,

¹⁵ Гаттерер (в Einleit. in die synchron. Universallist. Th. 2, h. 2) именно говорит, что исседоны во времена Геродота жили там, где ныне каракалпаки и прочие пограничные с Россиею народы, т. е. киргиз-казаки.

¹⁶ Маннерт пишет (Geogr. der alten Griechen und Römer. Th. 4, Bd. 2), что исседоны жили близ реки Сыр.

¹⁷ Histoire de la Geographie, liv. 3.

¹⁸ Ideen über die Politik, u. s. w. T. 1, где говорится, что аргипеев должно искать в киргизской степи, а, следовательно, в тех же степях находятся и соседи их исседоны.

¹⁹ Hist. de l'acad. des inscr. T. 36.

²⁰ Там же, и в Mém. de la même Academie. T. 35.

²¹ Там же.

и хотя находил в Араксе, на котором сии последние жили, Амударью, однако ж, думал, что те, которые оный принимают за Сыр (вместо Аму) не противоречат ни Геродоту, ни Ктезию²² [16]. Это совершенно согласно с нашим образом мыслей, равно как и с вышеприведенными выписками из Геродота, и толкованиями на них Гаттерера и Маннерта. Все сии доводы вместе, полагая исседонов в киргиз-казачьих степях, на северной стороне Сыра лежащих, определяют на той же реке место и для юго-западных соседей их массагетов.

3. В дополнение к прочим доказательствам того, что массагеты жили на Сыре, могли бы мы привести мнение еще других новых писателей, но поелику догадки и толкования, сделанные чрез двадцать с лишком веков, не всеми принимаются за убедительные доводы, как бы, впрочем, они основательны ни были, то мы ограничимся здесь только ссылкой на Страбона, утверждающего в XI книге своей, что ближайщие к Каспийскому морю скифы назывались даями, а жившие восточнее — массагетами, которых Яксарт отделял от согдиан. Птолемей в описании Скифии, по сю сторону Имауса лежащей, также полагает²³ массагетов на северной стороне Яксарта, хотя и не на берегах оною. Геродот в книге IV, § 40, равным образом указывает на Сыр, ибо говорит, что источник Аракса лежит на восток от Каспийского моря. Известие сие не может быть приложено ни к одной из рек, впадающих в Каспийское и Аральское моря, кроме Сырдарьи.

Из всего, здесь сказанного, следует заключить, что Геродот имел некоторые, хотя неясные, сведения о Сыре, и что отец истории не обозначил настоящего названия Сыра, смешав его с Араксом. То же самое сделал и Аристотель [17]. В его описании Аракса узнаем мы Сыр, Волгу и Дон.

Чрез столетие после Геродота является в истории Александр Великий, и Сыр вдруг делается знакомее грекам, нежели теперь нам. Воды его мешаются с кровию неустрашимых македонцев, а на берегах его в одном месте видим простертого от раны²⁴ победителя полувселенной, в другом месте почти мгновенно возникает город Александрия²⁵, который, подобно столпам геркулесовым, остается

²² Erreur d'Herodote sur l'Araxe, в: Hist. de l'Acad. T. 36.

²³ Tab. 7, Asie, cap. 13.

²⁴ Quintus Curtius, lib. VII, c. 23.

²⁵ Arrianus, lib. IV, c. 1.

крайним (ultimus) памятником храбрости отважнейшего из завоевателей.

Со времен Александра встречаем реку Сыр во всех других древних географиях под именем Яксарта, страну, на север от нее идущую, под общим названием Скифии, а земли, заключающиеся между ею и Аму, под наименованием Transoxiana.

Слово “Яксарт” (Iaxartes) не есть собственно греческое, но занято греками у варваров, как пишет Арриан²⁶ [18]. Основываясь, может быть на сем известии, Сен-Круа²⁷ производит оное из монгольских слов “ик” — большой и “серт” (soerte) — река. Валь²⁸, напротив того, утверждает, что слово “Яксарт” составлено из иака, т. е. река, и сырт, т. е. холодная, или ледяная, ибо “яга” и теперь означает реку и финнов, югров и вогуличей [19], а сырд по-персидски значит холодный, замерзший, а по-самоядски и югорски — лед. Подражая Валу, любители этимологических изысканий могут с таким же правдоподобием предполагать, что киргиз-казаки, удержав слово “сырд”, или “сырт”, вместо “иака” поставили “дарья”, (которое, как выше сказано, есть нарицательное имя всякой реки на татарском языке), и таким образом, составили нынешнее название Сыртдарья, или Сырдарья, т. е. река. Сие третье словопроизведение заслуживало бы не менее вероятия как и второе, на котором оно основано, но мы не предлагаем его потому, что не находим никакого соотношения между рекою Сыр и самоядами [20] или финнами, живущими от нее несколько тысяч верст. Еще менее видим мы связи между сими двумя народами или вогуличами и современниками Александра Великого или Арриана.

Как бы то ни было, и от чего бы ни произошло название Яксарта, но мы находим оное в сочинениях почти все древних географов. Большая часть их под сим именем разумели и описывали самым ясным образом нынешний Сыр, только некоторые смешали Яксарта с Танаисом и то умышленно, как сейчас объясним. Еще менее число писателей, не отличавших Сыра от Оксуса. Все, впрочем, единогласно думали, что Сыр, равно как и Аму, впадает не в Аральское, но в Каспийское море. С первого взгляда

²⁶ Arrianus, lib. III. cap. 10. Впрочем, Арриан в сем месте пишет не Яксарт, но Орксант, или Орксантес.

²⁷ Examen crit. des histor. d'Alexandre. sect. 6.

²⁸ Allgemeine Beschr. des Persisch. Reichs. 3 Ubschn.

всякому знающему настоящее положение сих рек, кажется удивительно, отчего греки, описав их течение и даже определив расстояние между устьями, приняли море Аральское за Каспийское. Еще замечательнее, что столь ныне очевидное заблуждение греков было повторяемо европейскими учеными до позднейших времен. Удивление сие исчезает при внимательном рассмотрении обстоятельств предмета, нас занимающего.

Если прочтем путешествие Турнефорта на Восток²⁹, Палласа³⁰ и Георги³¹ [21] по странам, прилегающим к Каспийскому морю, историю сего моря, сочиненную Кефалидесом, и, наконец, "Естественную историю" Бюффона³² [22], если потом применим их мнения к виду, свойствам, почве и произведениям мест, лежащих между Каспийским и Аральскими морями, если, наконец, вспомним, что многие древние географы считали длину Каспийского моря от запада к востоку, и давали оному такое протяжение, которое заключает в себе нынешнее Аральское озеро, то почти не остается сомнения, что сие последнее есть только отделившаяся часть первого, и что, следовательно, оба составляли некогда одно водохранилище.

Еще важнее в сем отношении для ученого мира новейшие сведения, собранные в 1819 году г. Муравьевым [23], во время его путешествия в Хиву, и российскими военными экспедициями, кои под начальством г. Берга [24], быв отправлены в степи киргиз-казаков в 1825 и 1826 годах, не только сняли на карту перешеек, отделяющий Каспийское море от Аральского, но даже нивелировали сие пространство. Полезные труды начальника сей экспедиции и помощников его открыли нам, что помянутый перешеек совсем не покрыт горами, означенными до сего времени на самых новейших картах русских и иностранных, но что он состоит из плоской возвышенности, идущей с севера от гор Мугоджарских и оканчивающийся крутым скатом близ залива Сарамасат у озера Аральского и близ залива Тюк Карасу у моря Каспийского. Далее возвышение сие, называемое киргиз-казаками Устюрт, простирается на юг в виде треугольника, оканчивающегося под 42° северной широты, не доходя до старого русла

²⁹ Relation d'un voyage au Levant, t. 1, 2.

³⁰ Там же. Т. 5.

³¹ Там же. Т. 1.

³² Там же. Théorie la terre.

Окуса, некогда вливавшегося в Каспийское море по направлению, означенному на карте г. Муравьева. Оконечность Устюрта возвышается над равниною, идущею от него к югу сажен на 20, и имеет вид морского берега с заливами и мысами, изрытыми водою. Соседственные племена, по словам г. Муравьева, обыкновенно называют эту оконечность старым морским берегом. В противоположной от него стороне г. Муравьев на карте своей означает другой подобный обрыв или берег, так что пространство, между обоими заключающееся, составляет дно морского пролива, на котором везде встречаются соленые и горькие озера. От Демурджена до высот Саре-Бабе, тот же путешественник находил русло иссохших озер, и окрестности оных совершенно бесплодными и обнаженными. Многие купцы, ходившие с караванами из Сарайчика в Хиву, лично нам сообщали таковые же сведения о местах, нами рассматриваемых.

К рассуждениям сим могли бы мы присовокупить мнения некоторых ученых, полагающих, что разделение морей Каспийского от Аральского последовало от возвышения морского дна химическими и механическими осадками. Г. Шангин, бывший в киргизской степи в 1816 году [25], и сделавший о многих местах оной весьма любопытные минералогические и геологические замечания, пишет, что он видел там множество круглых холмов, проникнутых горькою солью, которая, конечно, произошла от механической осадки раствора, и что та же соль и окаменелости черепокожных животных замечены им повсеместно. По таким признакам г. Шангин полагает, что все места сии были под водою, и что перешеек между Каспийским и Аральским морями составлен осадками³³.

Мы не можем сказать, чтобы такое мнение было неоспоримо, но уверены в том, что юго-западная часть степей киргиз-казачьих представляет многие следы пребывания своего под водами морскими.

Так думал Паллас, то же полагают барон Мейендорф, г. Пандер и г. Эверсман [26], осмотревшие сию страну глазами строгих наблюдателей.

К доводам физическим приложим несколько исторических. Мы уже сказали, что ни один из древних географов не упоминает о море Аральском, и что все они единогласно полагали, будто Яксарт и Оксус вливаются в Кас-

³³ Сибирский Вестник 1820 года. Кн. 2.

пийское море. Оставим рассуждения об Оксусе, или Амударье, ибо новейшие открытия показывают, что она разделялась прежде на два рукава, из коих один, иссохший ныне, и оставивший русло свое весьма приметным, впадал в нынешнее Каспийское море, но каким образом мог втекать в оное Яксарт (Сыр), отделенный от него морем Аральским и Оксусом? Не только нет сему доказательств, но даже нельзя найти предлога к принятию такого предположения.

Устье Сыра, по мнению большей части древних писателей, находилось там, где оно находится ныне, различие состоит только в том, что они море, принимающее его в себя, т. е. Аральское, называют частию Каспийского, и что сие последнее простиралось от востока на запад, по уверению Геродота, на 8 дней пути, или на 5600 стадий; по словам Страбона, на 6000 стадий, а по мнению Птолемея [27], на 23°. Возьмем наименьшее из сих трех измерений и начнем считать оное от западного берега Каспийского моря — оно окончится у восточного берега моря Аральского. Прочие два исчисления, будучи пространнее, повели бы нас еще далее на восток. Данные сии, почерпнутые из сочинений трех знаменитейших географов древности, обязывают нас принять одно из двух предположений: или море Аральское некогда составляло часть Каспийского, или древние совсем не знали о существовании оногo. Последнее было бы весьма трудно доказать, ибо всем известно, что Александр Великий доходил до Яксарта с своим войском, что он построил на нем город и населил оный отчасти греками³⁴, что он собирал сведения о море Каспийском и велел отправить флот для описания берегов оногo³⁵. Еще более убеждаемся мы в нашем мнении, когда читаем в страбоновой “Географии”³⁶, что Ератосфен, основываясь на наблюдениях многих путешественников, определяет пространство берегов Каспийского моря в следующем непрерывном направлении: берега Албании и Кадузии составляли 5400 стадий, берег Мардам, принадлежавший до устья Оксуса, — 4800 стадий, от сей точки до устья Яксарта — 2400 стадий, — всего 12600 стадий. Албания находится на западной стороне Каспийского моря, а устье Яксарта лежит на восточной стороне

³⁴ Арриан. Кн. IV. Гл. 1.

³⁵ Там же. Кн. VII. Гл. 5.

³⁶ Там же. Кн. XI.

Аральского моря. После сего мы спросим: если греки не знали Аральского моря, то как могли они измерять берега его? А ежели они знали оное, в таком случае, как могли они почитать берегом Каспийского моря все пространство, заключающееся между Албаниею и нынешним устьем Оксуса, или между древним устьем реки сей, впадавшей в Каспийское море, и устьем Яксарта, которого положение не изменилось донныне?

Мы предлагаем здесь не догадки и отвлеченные умствования, но факты, кои опровергнуть трудно и кои ведут нас к заключению, что во времена Александра море Аральское составляло часть Каспийского. Впоследствии времени, хотя может быть и скоро, произошло отделение двух упомянутых морей, но поелику ни греческое, ни римское владычества до устья Яксарта не простирались, а путешественники средних веков³⁷ были недовольно просвещенные наблюдатели географического положения мест, то мнение, будто бы Сырдарья впадает в Каспийское море, сохранилось до позднейших времен.

Упомянув о сем общем заблуждении, рассмотрим прочие сведения ученых о Сыре.

Страбон не только знал настоящее положение сей реки, но и объяснил³⁸ умышленную ошибку историков александровых, которые приняли Паропамизус за Кавказ, а Яксарт за Танаис и потому смешали море Каспийское с Азовским.

Все сие было выдуманно с намерением увеличить славу Александра и заставить думать, будто бы он, покорив Азию, дошел до границы Европы, то есть до Дона, и до Кавказа, на котором как на краю известного тогда мира был прикован Прометей.

Страбон упоминает об Яксарте несколько раз, и полагая, что его источники в горах Индии³⁹, назначает оный границею между согдианами и кочующими скифами, из которых главнейших называет саками, даями и массагетами. Далее говорит он, что Яксарт был пределом Персидской монархии, что на нем стоял разоренный Александром Кирополис, и что устье оного от устья Оксуса, по словам Патрокла [28], отстоит на 80 фарсанг и

³⁷ Исключая Марко Поло, коего описания долго казались баснями, но теперь, благодаря трудам и объяснениям новейших ученых начинают проливать много света на географию средних веков.

³⁸ Книга XI.

³⁹ Там же.

пр. Вообще сведения Страбона о Сыре довольно верны и точны.

Кирополис, о котором он говорит, надобно искать в тех местах, где Сыр приближается к Самарканду, ибо тут было поприще подвигов александровых. Переводчик Назаров [29], посланный русским правительством в 1813 году в Кокан, пишет⁴⁰, что близ сего города ночевал он в деревне Карополясам. Не испорченное ли это название Кирополиса?

Плиний [30] сохранил нам название Силин (Sylin), которое давали Сыру, жившие около него скифы⁴¹, и повторил, что он есть Дон, или Танаис, за который биографы александровы и сам он с войском приняли его.

Помпоний Мела [31], не сообщая об Яксарте ничего замечательного, коротко извещает, что он течет чрез степи Скифии и Согдианы и впадает в восточную часть Каспийского моря, называемую Скифским морем⁴².

Арриан, справедливо предпочитаемый прочим историографам александровым, изменяет обыкновенной своей точности, когда говорит о Сыре, и, хотя он отличает его от Дона, но все-таки дает ему название Танаиса [32], и полагает, что источник его находится в Кавказских горах⁴³, иногда же именует Орсантес⁴⁴ и Оксиартес⁴⁵. Говоря о взятии Александром Великим стоявшего на сей реке города Кирополиса, Арриан пишет, что войско македонское вошло в город по высохшему руслу реки⁴⁶. Многим ученым место сие кажется непонятным и сомнительным. Мы находим мнение Арриана очень правдоподобным, ибо знаем, что не только в обширных степях Азии, но и в восточной части нашего государства реки часто изменяют течение свое во многих местах. Так, например, на обоих берегах нынешнего Урала видны многие высохшие русла рукавов, по которым он прежде тек и которые потом оставил, обратившись в другую сторону. Прибрежные жители обыкновенно называют сии места

⁴⁰ Записки о некоторых народах Средней части Азии Ф. Назарова. Изд. в 1821 году.

⁴¹ Ланглес (Lib. VI. C. 16), приводя сие место в своей географической таблице, приложенной к "Наставлениям Тимура", говорит: Sylin (lege Sihoung).

⁴² De situ orbis Lib. III.

⁴³ De exped. Alexand. Lib. III. C. 10.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid. Lib. VII. C. 5.

⁴⁶ Ibid. Lib. IV.

старицами. Хивинцы уверяли меня, что Амударья еще чаще прорывает себе новые излучины, заноса старое ложе песком. Наконец, происхождение Яндыарь, о которой в конце сего рассуждения будем говорить, и уничтожение ее послужат самыми убедительными доказательствами, что обстоятельство, упомянутое Аррианом при описании взятия Кирополиса, было возможно, тем более, что Арриан говорит здесь не о высохшем ложе самого Яксарта, но понимает, как кажется, высохший проток. Если бы примеры сии были известны Целларию [33] и Гаттереру, то, может быть, первый из них не нашел бы нужным относить Кирополис к источникам Сыра⁴⁷, а последний не смешал бы его с Самаркандом⁴⁸.

Разорив Кирополис, Александр построил на Сыре город Александрию, которая, как пишет Арриан, была населена македонянами, разными другими греками и варварами⁴⁹. Где именно стоял город сей, которая часть Сыра омывала стены его, положительно неизвестно. Кефалидес, сочинитель упомянутой нами выше "Истории Каспийского моря" думает⁵⁰, что Александрия, Кирополис и Киресхата составляли один и тот же город, которого место назначил Птолемей под названием одной Киресхаты и который должен быть нынешний Ходжанта. Оставляем в стороне предположение о тождестве Киресхаты с Александриею, ибо оно подвержено еще многим возражениям, но скажем, что мнение Кефалидеса о местоположении Александрии очень правдоподобно, и что гораздо основательнее искать ее там, где ныне Ходжанта или в окрестностях одного, нежели при устье Сыра, как то делали некоторые известные ученые⁵¹. Александр, решившийся перейти реку сию из одного славолубия и направивший путь к ней, по словам Арриана, от Мараканды (Самарканда), конечно, избрал для переправы своей чрез Сыр место, лежащее не близ впадения его в море, которое отделено от Самарканда безводными и глубокими песками Кизилкума, по крайней мере на 15, а может быть, и на 20 дней пути, но перешел ее где-нибудь около Кокана или Ходжанта, куда мог поспеть в четвертую долю времени, и несравненно удобнейшею дорогою по краю населенному. Еще убедитель-

⁴⁷ Orb. antiq. III, 21.

⁴⁸ Weltgeschichte. Bd. II.

⁴⁹ De exped. Alexand. Lib. IV. C. 1.

⁵⁰ De fluvius mare Caspicum et l'Aral subeunt. P. 2.

⁵¹ Шпренгель в Geschichte der geograph. Entdeckungen.

нейшее сему доказательство находим в Квинте Курции⁵² [34], который ясно говорит, что герой его прибыл от Сыра к Самарканду в четвертый день. Маннерт⁵³ также полагает, что Александрия стояла около нынешнего Ходжанта.

Птолемей математически определяет как источник, так устье и течение Сыра⁵⁴. По словам его, река сия имеет свое начало под 43° широты и 125° долготы, а впадает в Каспийское море под 48° широты и 97° долготы, принимая в себя многие реки, из которых две значительнейшие называет он Баскатис и Демус, или Димус. Первая втекала в Яксарт под 47° 30' широты и 121° долготы, а выходила из гор под 43° широты и 123° долготы. Вторая, то есть Демус, имела свое устье под 47° широты и 123° долготы, а источник под 43° широты и 124° долготы. Следовательно, обе впадали в него с левой стороны.

Если бы Птолемей не определил истоков сих двух рек, то нам оставалось бы только, подражая Маннерту и некоторым другим ученым, приписать древние названия их которым-нибудь из малых рек, ныне около Кокана или Адерканта в Сыр впадающих; но путешествия новейшие открывают нам, что ни одна из них ни величиною, ни положением своим не подходит ни к Демусу, ни к Баскатису.

Мнение знаменитого Маннерта и его последователей мы не можем принять по двум причинам.

1. Птолемей полагает, как мы сейчас видели, что устье Демуса находится под 47°, а устье Баскатиса под 47° 30' широты, а Ходжанта находится, по определению Абульфеды⁵⁵ [35] и по новейшим картам, под 41°25'. Адеркант еще южнее целым градусом. Следовательно, между широтами сих городов и двух птолемеевых рек видим от 6 до 7 с лишком градусов разницы. Если теперь, приняв мнение тех, которые полагают, что Птолемей⁵⁶ подвинул всю Среднюю Азию слишком на север (мнение, впрочем, подлежащее сомнению), уменьшим широты его двумя градусами, то и тогда найденная разница будет

⁵² Lib. VII. C. 24.

⁵³ Geogr. der alten Griechen und Römer. T. IV.

⁵⁴ Tabula VII. Asie. C. 12, 14.

⁵⁵ Prolegom. Abulfedae v: Büschings Magazin.

⁵⁶ Говорим здесь о широтах, что касается до долгот, то почти единогласно признано, что Птолемей перенес оные слишком далеко на восток; но мы здесь на них и не опираемся.

простирается от 4 до 5° широты, или от 400 до 500 с лишком верст расстояния.

2. Все речки около Ходжанта и Адерканта с левой стороны в Сыр вливающиеся, очень малы. Если бы Баскатис, величиною или пространством течения своего и мог подходить к ним, то Демус протяжением своим от юго-востока на северо-запад далеко превосходит их. Он, по определению Птолемея его начала и устья, орошал страну, имеющую четыре градуса широты (от 43° до 47°), каковое расстояние и в прямом направлении должно бы составить более 420 верст. Если же исчислить все излучины, которые на сем пути должна необходимо сделать всякая река, то выйдет, что все течение Демуса составляло, по крайней мере, 75 или 85 географических миль, то есть от 525 до 600 верст. Из рек же, около Ходжанта или Адерканта впадающих в Сыр с левой стороны, нет ни одной, которая бы протекала хотя половину такового пространства.

Еще менее возможно искать Демуса или Баскатиса между Ходжантом и Аральским морем, ибо на сем пространстве Сыр не принимает в себя с левой стороны ни одной реки.

Итак, спросит читатель: “Где же текут птолемеевы реки?”. Нам кажется, что они не существуют более, что они впадали в Яксарт там, где ныне прилегают к нему обширные пески Кызылкум и что пески сии занесли их совсем. К такой догадке должны мы будем прибегнуть и далее, говоря о реке Кендерлик, которая, по описанию, заключающемуся в первой “Российской географии”, впадала в Сыр с правой стороны. Предположения сии не могут не показаться дерзкими в Европе, но смеем уверить читателей наших, что в безводных и песчаных степях Азии перемена течения рек и даже самое уничтожение их не новы. Убедительнейший пример тому найдем в конце сего же самого рассуждения, когда будем говорить о появлении и уничтожении Яныдарьи. Другою и сильною опорю нашему мнению служит Кизил, или, как некоторые европейцы ее называли, Кесельдарья, которая всем географам в прошедшем столетии была известна, о которой говорит и Абулгази Баядур [36] в своей “Истории” и которая ныне не существует.

По словам Птолемея, Яксарт орошал водами своими три страны: землю Саков, Согдиану и Скифию по сю сторону Имауса. В первой, на правом берегу его, жили

комары и караты. Во второй, на левой стороне — аниазы (anieses), дрепсианы, простирившиеся до Оксуса, тахоры и яции (Iatü). В Скифии северный берег Сыра занимали яксарты, народ многочисленный, а около устья обитали с южной стороны ариаки.

Аммиан Марцеллин [37], описывая Среднюю Азию, сверх Яксарта, впадающего в Каспийское море, говорит об реке Араксат⁵⁷, которая вместе с Димасом (вероятно, птолемеев Демус) составляла обширное (*longe lateque diffusa*) озеро Оксианское (*oxia palus*). Известие сие, может быть, есть первый, хотя темный луч географических познаний об озере Аральском и заслуживает подробного рассмотрения. Птолемей еще прежде Аммиана, мимоходом упомянул об озере Оксианском, но не сказал, какая река составляет его. Мы не займемся здесь разысканиями по сему предмету, ибо они отвлекли бы нас весьма далеко; мы скажем только, что Аммиан явственно называет Сыр Яксартом (*Iaxartes*), когда говорит о яксартах, галактофагах и других соседственных с ними народах.

У Квинта Курция Сыр встречаем не под именем Яксарта, но под именем Танаиса, или Дона⁵⁸. Умышленное заблуждение сие всем известно, и, как сказали мы выше, было обнаружено еще Страбоном. Повторять объяснение оно не нужно, стоит только взглянуть на карту, дабы увериться, что Александр после завоевания Бактрианы и Согдианы [38], пошел на скифов, живших не по Дону, а по Сыру.

Кто читал и любит Курция, тот, конечно, здесь вспомнит, как конница Александра на берегах Сыра спорила с пехотою о чести и удовольствии нести на плечах своего раненого вождя⁵⁹, тот, верно, повторит слова, которыми Александр убеждал собранный им совет перейти чрез Сыр, тот представит себе здесь радость и превращающийся в стремительное послушание ропот утомленных победами греков при одном появлении героя их, не выходившего несколько времени из шатра своего по причине раны, тот, наконец, должен развернуть историческую поэму Курция, и прочесть в ней прекраснейшую речь послон скифских Александру⁶⁰.

⁵⁷ Ammian Marc. Lib. XXIII, § 6.

⁵⁸ De rebus gest. Alexandri Maghi.

⁵⁹ Ibid. Lib. VII. C. 24.

⁶⁰ Ibid. Lib. VII. p. 24.

Неизвестный равенский географ, живший, как полагают, около VII столетия, при описании Гиркании упоминает о Яксарт⁶¹ только мимоходом.

Теперь следовало бы нам говорить об открытиях и сведениях Марко Поло, Асцелина, План-Карпина и Рубруквиса, или Руисбрука [39], которые в XIII веке все путешествовали по Азии и были в окрестностях Каспийского и Аральского морей, а, следовательно, могли сообщить нам о положении их, равно как и о реках, в них впадающих, самые достоверные известия. Но, к сожалению, описания их столь сбивчивы, что донныне весьма мало принесли пользы географии, особенно той страны, которую мы рассматриваем. Руисбрук, на пути от Батыея к Мангу-Хану [40], говорит⁶² о какой-то большой реке, которая выходит из гор, течет в стране, на юго-восток от Яика лежащей и теряется в болотах. На ней стоял маленький городок Кенкат, где были виноградники и делали вино. По всему кажется, что река сия не иная, как Сыр, ибо севернее, в нынешней киргизской степи не было ни городов, ни виноградников. Впрочем, Рубруквис не называет реки сей.

Марко Поло, к трудам которого новейшие ученые начинают иметь большое уважение, не говорит ничего ясного об Яксарт⁶³, или Сыре. В рассказах прочих путешественников XIII столетия беспрерывно встречаем ошибки, запутанности и басни, а потому немудрено понять, каким образом мнение, будто бы Сыр и Аму впадают в Каспийское море, сохранилось до новейших времен.

Хотя Данвиль⁶³ и пишет, что Аральское озеро показано на какой-то карте⁶⁴ земного шара (*dans une espre'ce de terremonde*), которую относит он (неизвестно почему) к концу XIII столетия, но, вероятно, что карта сия (если она и действительно такая древняя), была совершенно неизвестна, ибо еще несколько столетий после того Аральское озеро не имело места ни в одной географии.

Англичанин Дженкинсон [41], ехавший из Астрахани в Бухару в 1558 году, первый из европейских путешественников узнал и написал, что река Сыр впадает не в

⁶¹ *Ravennatis Anonymi Geogr. edit. Gronovii, Lib. III.*

⁶² *Voyage de Rubruquis. p. 24, dans le recueil de Bergeren.*

⁶³ *Des fleuves du nom d'Araxe, в Hist. de l'Acad. des inscrip. T. 36.*

⁶⁴ Карта сия, кажется, есть та же, которая приложена к книге *Gesta Dei per Francos*. Мы имели случай видеть ее в Королевской библиотеке в Париже.

Каспийское море, а в озеро на северо-восток от него лежащее. Но в карте, им изданной в Лондоне в 1562 году, он как озеру сему, так и рекам, в него текущим, назначил места столь неправильно, что более запутал нежели исправил географические сведения об Азии, а именно: вышеупомянутое озеро, называемое им озеро Китаия, лежит в его карте на северо-восток от вершин Урала и Камы, из него течет на запад река Обь, а с юга вытекает в него река Сыр, принимающая в себя с левой стороны какую-то реку Амой, настоящая же Аму, или Оксус, под названием Угус течет по-прежнему в Каспийское море. К сим заблуждениям надобно присоединить, что Дженкинсон в другом месте своего путешествия, которого текст несогласен с помянутою его картою, называет Синим морем западный залив Каспийского моря, тогда как всем занимающимся русскою историею, известно, что Синее море есть Аральское.

Олеарий [42], плававший по морю Каспийскому в 1637 году, критикует понятия об оном древних географов и потом говорит сам, что в него впадают Оксус и Орксантес, или Сыр⁶⁵. Он даже не излагает догадок своих о существовании Аральского озера, о котором известные ему (как видно из цитат) неясные сведения Дженкинсона заслуживали исследования, или по крайней мере, опровержения.

Миссионер Авриль⁶⁶, бывший в Персии и Астрахани в конце XVII столетия, опять уверял, будто бы Оксус впадает в Каспийское море. Еще удивительнее, что в карте, приложенной к путешествию Лебрюна [43] или Дебрюна, чрез Россию в Персию и напечатанной в 1718 году⁶⁷, Аральского озера еще нет в отдельном виде, и река Сыр, соединяясь с Яиком или Уралом, течет в море Каспийское. Впрочем, все известия сего путешественника о Каспийском море и впадающих в него реках показывают великое невежество.

Русские с давних времен знали истинное положение Синего, или Аральского, моря и реки Сыр, но до конца XVII столетия они столь мало имели сношений с Европою, что сведения их об Азии не могли принести ученому миру никакой пользы.

⁶⁵ Voyage d'Olearius, Lib. IV.

⁶⁶ Voyage en divers états d'Europe et d'Asie.

⁶⁷ Voyage de C. Le Brun par la Moscovie en Perse et aux Indes orientales.

В любопытной русской географии, известной под именем “Книги большому чертежу” [44] и писанной, как думает Карамзин⁶⁸ [45], при царе Федоре Иоанновиче [46], то есть в конце XVI столетия, находим следующие⁶⁹ известия: “А от Хвалисского (Каспийского) моря до Синева (Аральского) моря на летний на солнечный восход прямо 250 верст. А Синим морем до устья Сыра реки 280 верст”.

Далее читаем: “В Синее море с востоку впала река Сыр, а в Сыр реку пала река Кендерлик. А река Кендерлик вытекла из Улутовой горы двумя протоки. А от горы Кендерлика реки протоку триста тридцать верст”.

Кендерлик сей столь же нам известен теперь, как птолемеевы Демус и Баскатис: ни один из русских, в течение последних ста лет странствовавших по степям киргизским в разных направлениях, не видал сей реки, ни один из киргиз-казаков, непрерывно приезжающих на границу русскую, не знает ее. Из всех вопросов, которые я в течение двухлетних сношений моих с азиатцами делал им, и из новейших карт, инженерами нашими составленных, видно только то, что Сыр не принимает в себя ни одной реки, которая положением и пространством течения своего хотя сколько-нибудь подходила бы к описанию Кендерлика.

Обстоятельство сие опять заставляет нас прибегнуть к предположению нашему относительно Демуса и Баскатиса, и которое, хотя кажется слишком решительным, но основано на физических свойствах песчаных степей и примерах, нами уже приведенных. Словом сказать, мы думаем, что Кендерлик или совсем занесен песком, или, разделившись на несколько рукавов, составил которые-нибудь из маленьких речек, в середине киргизских степей ныне текущих и исчезающих в озерах.

О впадении других рек в Сыр ничего не говорится в книге “Большому чертежу”, но в ней означены города, на Сыре лежащие таким образом: “А от устья реки Кендерлик 150 верст, с левые стороны реки Сыр город Сунак против Карачатовой горы”.

По местоположению и сходству имен должно думать, что это нынешний Саганак, лежащий против горы Кара-

⁶⁸ Ист. гос. Рос. Т. X. С. 259.

⁶⁹ См.: Кн. больш. черт. С. 113 и далее.

тау, но не на левом, а на правом берегу Сыра. Нам кажется, что здесь в тексте ошибка, внесенная переписчиками рукописи до напечатания оной. Вместо слов “С левой стороны реки Сыр город”, вероятно, было первоначально написано: “С левой стороны на реке Сыр город” Маловажная поправка сия совсем изменяет смысл. Если бы она была принята, тогда выходило бы, что Сунак стоял на Сыре, с левой стороны Кендерлика, а не на левом берегу реки Сыр, как выходит теперь.

К предположению сему ведет нас и то, что далее описываются в той же книге города, на правой стороне Сыра лежащие, и места их определяются по расстоянию от того же Сунака, между тем сочинитель не переносит читателя с одного берега на другой. Следовательно, если принять, что Сунак стоял на левой стороне Сыра, то сюда же должно перевести и соседственные с ним Ясырван и Тюркестан, что будет нелепо. Для точнейшего убеждения пусть всякий прочтет продолжение производимой нами выписки: “На реке же на Сыре, от Сунака города 90 верст город Ясырван. А от Ясырвана города 100 верст город Тюркустан, от Сыра реки от берега 20 верст. А от Тюркустана 140 верст на реке на Сыре город Аркан”.

Название “Тюркустан” объяснений не требует, всякий сам видит в нем Туркестан, имеющий ныне место близ Сыра, во всех картах Азии. Ясырван есть, конечно, Савран, стоящий близ Сыра между Саганаком и Туркестаном, и показанный на карте части Средней Азии, которая в 1816 году была издана в Петербурге от депо карт. Об Аркане не можем мы ничего сказать, но будем читать далее книгу “Большому чертежу”: “А от Аркана 60 верст на полуденной стороне город Янгурган, от Сыра реки 10 верст”.

Здесь решительно сочинитель подтверждает справедливость нашей догадки: он переносит нас с северной стороны Сыра на полуденную и, следовательно, дает нам разуметь, что прежде описанные им города Сунак, Ясырван, Тюркустан и Аркан лежат на северном, или правом, а не на левом (как выше сказано) берегу Сыра. После того ставит он близ реки Сыр города Аккурган, Сайрям и Ташкур, или Ташкент.

Теперь обратимся к восточным писателям, которых известия о подлинном течении и устье Сыра самые древнейшие. Они обыкновенно называют его Сигун, или Сей-

хун, иногда же рекою городов Шаша⁷⁰, Ходжента и других мест, чрез которые она протекает. Страна, лежащая между Аму и Сыром, носит у них название Турана, а чаще Мавераннагара [47]. В буквальном переводе Мавераннагар значит — за рекою, а река, которая тут подразумевается, есть Оксус, или Аму. Следовательно, Мавераннагар то же, что Transoxiana, всем известное латинское наименование той же самой страны. Земли, по северную сторону Сыра лежащие, называли арабы Уара-ас-Сейхун, т. е. за Сигуном⁷¹.

Что касается до названия Сыр (желтый) [48], то мы не встречаем одного у арабских географов, но мы знаем, что река, его ныне носящая, уже именовалась так жившими на берегах ее турецкими племенами [49] во время похода монгольского хана Гулаку [50] в Персию, то есть в 1253 году. Бин (или Ибн) Гаукаль [51], живший, как полагают, в X столетии, и последуя ему Абульфед, географ XIV века, пишут, что Сигун, или Сыр, вытекает из тех мест, где оканчиваются земли, населенные, народами турецкого племени, под 91° 20' долготы и 42° 25' широты, что с начала идет на юго-запад к Ходжанту, лежащему около 90,5° долготы под 41° 25' широты, что от сего города поворачивает на север к Фарабу (Отрару), которого долгота 88,5° а широта 44°, и, наконец, пройдя Янгикент (Джанкент), стоящий под 86,5°, долготы и 47° широты, впадает в Харезмское (Аральское море)⁷².

Бакуви, прозванный Якути [52] и живший в начале XV столетия⁷³, повторяет почти то же о существовании (Аральского) Каризмского озера и рек, в него впадающих.

Улутбек, внук Тамерлана и знаменитый азиатский астроном [53], живя в Самарканде, не мог не знать истинного положения реки Сыр и потому определил широту и

⁷⁰ Город Шаш есть нынешний Ташкент. Имя его есть испорченное слово Джадж. См.: "Турецкую географию" Киагиба Челеби, известную под названием "Джиган-Нума". Гл. 16. Мы пользовались рукописным переводом оной на французский язык.

⁷¹ Herbelot Bibli. Orient. s. v. Sihoun. P. 808, edition de MDCXCVII.

⁷² Prolegomena Aboulfedae ad opus geogr. в "Магазин" Бюшинга. Долготу мест считал Абульфед от берега Атлантического океана и потому сам предвзывает, что меридиан его 100 градусами западнее того, который проходит чрез острова Канарские.

⁷³ Exposition de ce qu'il y a de plus remarquable sur la terre, перевод Дегиня, помещенный во II-м томе "Des Notices et extraits de la bibliot. du Roi".

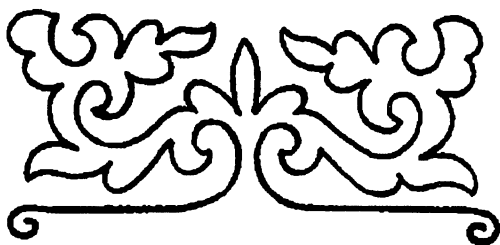
⁷⁴ Hudson geographi minores. T. III.

долготу главнейших мест, на ней лежащих⁷⁴. Сочинения его в совокупности с “Географиєю” ибн-Гаукаля и Абульфеде, кажется, должны были установить во всем Востоке положительное мнение об устье Сыра в Аральское или Харезмское море, однако ж, мы читаем в “Джиган-Нума” (Зеркало мира), что во время Кятиба Челеби [54], т. е. в XVII столетии, географы еще думали различно о сем предмете⁷⁵. Одни полагали, что Синуг впадает в Каспийское море, другие — что он теряется⁷⁶ в песках, третьи, последуя ибн-Гаукалю и Абульфеде, знали настоящее его устье. К сим последним пристал и сам Кятиб Челеби, который дает Сыру сверх названий, нами вычисленных, имена городов Шахрухии, Джаджа (то же, что Шаш или Ташкент, как сказано выше) и пр. и полагает, что оный, не доходя до Ходжанта, принимает в себя реки Гарбаз и Дус. Ни та, ни другая из сих рек не приводят нас в такое недоумение как Демус, Баскатис и Кендерлик. Около Ходжанта впадают в Сыр многие маленькие реки, коих названия нам не все известны и поелику турецкий географ нигде не говорит, чтобы его Гарбаз и Дус были значительны, то легко может быть, что они находятся в числе помянутых малых речек и носят донныне те же названия.



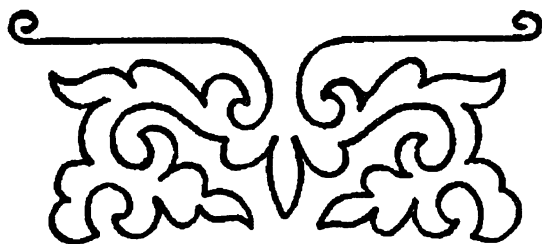
⁷⁵ Джиган-Нума. Гл. 16.

⁷⁶ Довольно странно видеть в сем числе султана Бабера [55], который, быв победителем Ферганы, обладал частию берегов реки Сыра, и должен был знать ее устье. См.: *Mémoires relatifs a l'Asie*, par Klaproth. Т. II.



Часть II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ





Глава ПЕРВАЯ

ОБ ИМЕНИ КИРГИЗ-КАЙСАКОВ И ОТЛИЧИИ ИХ ОТ ПОДЛИННЫХ, ИЛИ ДИКИХ КИРГИЗОВ¹

Приступая к историческому описанию киргиз-кайсаков, первую обязанностью почитаем сказать, что им дают в Европе чужое имя, которым ни сами они себя, ни их соседи, исключая россиян, их не называют. Оно составлено из двух слов — *киргиз* и *кайсак*. *Киргиз* есть название народа, известного не связями своими с киргиз-кайсаками, но древнею против их враждою и донныне существующего под именами *кара (черных)-киргизов*, *закаменных киргизов* и *бурутов*. Слово "*кайсак*", или "*касак*" есть испорченное имя "*казак*", которого древность, как уверяют некоторые восточные писатели, восходит далее Рождества Христова. Не будем входить в разыскание, справедливо или несправедливо сие мнение, но скажем, что название *казак*, перешедшее в средних веках и ко многим отраслям русского племени, принадлежит киргиз-кайсацким ордам с начала их существования, и что они себя донныне иначе не называют, как *казаками* (казак). Под сим же именем известны они персиянам, бухарцам, хивинцам и прочим народам Азии. Китайцы, смягчая начальную букву *к*, говорят *хасаки*. До XVIII столетия и в России не знали киргиз-кайсаков, но именовали их *казаками*, *Казачьею ордою*².

Дабы определить причины, по которым получили казаки название, таким образом измененное и столь мало им свойственное, надобно предварительно дать понятие о настоящих киргизах, или, как выше сказано, *кара-киргизах (дикие киргизы, буруты, то ж)*.

¹ Статья сия в сокращенном переводе была представлена Азиатскому обществу в Париж, и напечатана в "Journal asiatique", Decembre, 1828.

² В "Истории государства Российского" (Т. IX. Прим. 646) сказано: "Орда киргиз-кайсаков называется в делах ногайских обыкновенно казакою". То же видно и из летописей.

Происхождение сего последнего народа теряется в баснословных временах турецкой истории [1].

Абулгази-Багадур [2] говорит, что один из внуков Огусхана [3] назывался киргизом³, и что посему киргизы должны быть его потомками. Известие сие не есть историческая истина, но подражание родословию большей части азиатских народов, производящих свои названия от имен родоначальников или повелителей. Впрочем, каково бы ни было происхождение киргизов, народ сей есть один из древнейших в Азии [4]. Земарк [5], посланный императором Юстином II в 569 году от Р. Х. из Константинополя к *Дизавулу* [6], великому хану турков, кочевавших в Северо-Восточной Азии и известных под именем *ту-хю*, получил от него в подарок при прощании невольника, родом *херхиса*, или киргиза⁴. Абулгази упоминает⁵ о киргизах как о сильном народе задолго до Чингиса [7] и потом, говоря о добровольном подданстве хана их Уруса сему завоевателю Востока⁶, полагает жилища их между реками Селенгою и *Икар-Мураном* [8]. Сия последняя, по мнению Фишера⁷ [9], есть нынешний *Хуанхэ* (Hoang-he). Клапрот⁸ [10] вместо *Икар-Мурана*, находимого нами в старых французском и русском переводах Абулгази-Багадура, читает в подлиннике *Уйгур-Муран*⁹ и принимает его за Енисей.

Ежели следовать мнению Фишера, то должно заключить, что киргизы, доставшиеся после Чингиса сыну его Таулаю [11], или Тули¹⁰, переменили впоследствии времени свои жилища, ибо Рубруквис [12], бывший в Каракоруме [13], столице Мангу-хана [14], в 1254 году, уже нашел их не между Хуанхэ, или Икар-Мураном, и Селенгою, где были они до Чингиса и при нем, но на

³ Родослов. история о татарах. Ч. 2. Гл. 2. Огус-хан, по родословию Абулгази, есть потомок Иафета в 9-м колене.

⁴ Tableaux histor. de l'Asie, p. 117. p. Klaproth.

⁵ Родослов. истор. Ч. 2. Гл. 4. Сочинение сие при всех своих недостатках и неуважению к оному некоторых ориенталистов, непрестанно приводится в свидетельство известнейшими писателями, а для истории народов, подвластных России, оно всегда будет служить одним из важных источников. Г. Клапрот замечает, что большую часть сведений своих Абулгази заимствовал из сочинений персидского писателя Рашид-эд-дина.

⁶ Там же. Ч. 2. Гл. 8.

⁷ Ведение в сибир. историю.

⁸ Journal Asiat. an. 1823, cah. 7.

⁹ Муран — значит река.

¹⁰ Абулгази-баядур. Ч. 2. Гл. 9.

севере от Каракорума¹¹ и, следовательно, около тех же самых мест, где жили они при завоевании Сибири¹² россиянами.

Фишер относит таковое переселение киргизов с Икар-Мурана на север ко времени тридцатилетней войны, происходившей между потомками Угадая [15] и Тули¹³ и описанной Гобилем; но таковому предположению противоречит приведенное нами известие Рубруквиса, который путешествовал по землям монголов гораздо прежде тридцатилетней междоусобной войны потомков чингисовых и уже нашел киргизов на новых жилищах.

Г. Клапрот, напротив того, совсем иначе объясняет помянутое место “Истории” Абулгази-Багадура. Он, во-первых, как мы видели, вместо *Икар-Мурана* читает в татарском тексте¹⁴ [16] *Уйгур-Муран*; во-вторых, полагает, что сей Уйгур-Муран, или река *Уйгур*, есть Енисей [17], и основываясь на том, уверяет, что киргизы жили во время Чингисхана в тех же самых местах, где нашли их русские при завоевании Сибири. В подтверждение сего мнения приводит он выписки из историков китайских Юанской династии, царствовавшей с 1280 до 1367 года. По описаниям их, страна, принадлежавшая киргизам, (Ki-li-ki-szu, читай Kirkis) лежала в 10000 ли¹⁵ на северо-запад от Пекина; длина ее составляла 1400 ли, а ширина равнялась почти половине длины. Чрез нее протекала река *Киан*, соединявшаяся с рекою Ангола (Ангара) и впадавшая в море на северо-западе. *Это Енисей*, говорит г. Клапрот, *которого верхняя часть и донныне называется Кемом (Кем)*! На юго-запад от сей страны, находилась

¹¹ См.: Voyage de Rubruquis, chap. 39. Место, где стоял Каракорум, точно не определено, но из описания пути к оному Рубруквиса, или Руисбрука, видно, что столица сия находилась на западе от Байкала и, как думать должно, именно около источников Енисея или Селенги. Клапрот полагает ее на верхнем Орхоне, но Орхон впадает в Селенгу.

¹² Мы не упоминали здесь о 16-й главе рубруквисова путешествия, в которой он говорит о киргизах, живущих в горах Кавказских. Тут *кергиз* поставлено вместо *черкес*, и Фишер в своей “Сибирской истории” очень хорошо объяснил сию ошибку, происшедшую от неправильного произношения итальянских слов. Ланглес, в “Географической таблице”, приложенной к его переводу des Instituts de Tamerlan. пишет: “Керкесы соседи грузинцев. Мы называем их черкесами”. То же надобно разуметь, читая Витсена в “Noord en Oost Tartarye”. Амстердам, 1705 года, на с. 592: “Керкесы, живущие недалеко от Азова, христиане как абхазы”..

¹³ Сибирская история. Введение. § 57.

¹⁴ Memoires relatifs a l'Asie. P. 163 et sviv.

¹⁵ Две ли составляют почти нашу версту.

река *Опу* (Обь), и на северо-восток текла река *Юсиу*, или *Юс*, вливающаяся в Обь, на которой, при занятии русскими Сибири, были главные кочевья киргизов.

К сим доводам г. Клапрот присовокупляет, что по единоголосному свидетельству китайских историков, народ, называвшийся киргизами при монголах, носил при Тангской (Thang) династии с 618 года по 907 наименование хакиацу. По принятому китайцами образу выражения имен иностранных, слово сие должно произносить *хакас*. Хакасы были одного племени с *хойхе*, или *хойху*, и говорили одним языком, а сей последний народ происходил от *Хиунгну*, следовательно, киргизы, или хакасы, были турецкого поколения. При династии же Ханской (Han), то есть два столетия перед Рождеством Христовым и два столетия после те же киргизы назывались *киан-куен*.

В то время, когда они были известны под именем хакасов, продолжает г. Клапрот, нравы их не были столь дики, как теперь. Они тогда уже имели письмена и вели значительную торговлю с аравитянами [18], бухарцами и другими западными народами, особенно же с хазарами [19], которые, живя по Волге и Дону, были в частых сношениях с императорами константинопольскими. Хазары получили от Константина Фессалоникского, иначе известного под именем Кирилла, азбуку, заключавшую в себе буквы греческие и славянские, а от них азбука сия могла перейти к киргизам и существовать у них до принятия ими магометанской веры.

Таким образом объясняет г. Клапрот, отчего надписи на камнях, найденные в Сибири (в землях, принадлежавших киргизам), вмещают в себя некоторые греческие и славянские буквы между многими неизвестными.

Рассмотрение сего мнения до нас не касается но мы внесли оное сюда потому, что в изложении его один из известнейших ориенталистов нашего времени поместил известия, взятые из китайских летописей и служащие к объяснению истории киргизов¹⁶. Участь сего народа с XIV и до конца XVI столетия нам неизвестна [20]. В течение же XVII столетия мы беспрестанно встречаем имя его в летописях Сибири. Живя между Томом и Енисеем, по

¹⁶ Плано Карпини также два раза говорит о киргизах в 5 главе описания татар, но известия его слишком сбивчивы и неопределительны. Однажды полагает он сей народ живущим на восток, а чрез несколько страниц пишет, что он простирается на юг места, где кочевали Чингисхан и Угадай-хан (См. издание г. Языкова. С. 138, 158).

Белому и Черному Юсу, у Абакана и в окрестностях гор Саянских, киргизы почти целое столетие тревожили и разоряли соседственные с ними новые поселения русские, несколько раз передаваясь то России, то монгольскому Алтын-хану [21], то владельцу зюнгарскому¹⁷ [22].

В 1607 году, быв разбиты казаками сибирскими, они признали над собою власть России, но, в 1609 году умертвили посланных к ним для сбора ясака и потом напали на Чулымские волости. В 1614 году склонили всех татар [23], обложенных ясаком и находившихся в службе русской, отпасть от России, и тогда же опустошили окрестности Томска. В 1619 году передались в подданство монгольскому Алтын, или Алтан-хану. В 1622 году напали на Кузнецк, разорили обинских татар и нынешний Томский уезд.

В 1628 году, подучили аринских и качских татар напасть на русских, строивших Красноярский острог. Когда укрепление было кончено, то киргизы, утрашенные близостию его к ним, стали более бояться россиян, начали платить ясак и обещались отпасть от Алтан-хана, если построят им для защиты от него, крепость на реке Камчик, однако же, несмотря на то, они в 1630 году опустошили окрестности Красноярска. Быв наказаны, опять дали ясак, обещали и вперед давать оный, но присягать не хотели.

В 1633 или 1634 с князем своим Бехтенем, подступили под Кузнецк и разграбили окрестности его, а другая партия их между тем опустошила места, около Красноярска лежащие.

В 1635 киргизы опять напали на оба города, но были отбиты.

В 1642 году зюнгарский владелец *Батур*, или *Багатур* [24], при переговорах с русскими посланцами, уже называл киргизов подданными своими, а князя их — родственником и ссылался на заключенный с ними за несколько лет пред тем договор.

В 1646 году посланный к нему боярский сын Данила Аршинский имел поручение объяснить, что, хотя киргизы отпали, но опять признают себя подданными России¹⁸.

¹⁷ См.: "Историю Сибирскую" Фишера, Миллера и "Летописи сибирские".

¹⁸ Все сии подробности взяты нами из "Истории" Фишера.

В 1652 году Алтан-хан [25] вошел с войском в землю киргизов и хотел их покорить, но часть их спаслась бегством в границы русские, и переговоры россиян с монголами защитили их. Впрочем, сим только отсрочена была их участь, ибо потом, в 1657 году, сын и наследник Алтан-хана Лобзан, или Лоузан¹⁹, напал на них с сильным войском и покорил совершенно. Неизвестно, долго ли пробыли они у него в послушании, но достоверно, что русские и калмыки зюнгарские еще не раз принуждены были сражаться с ними и наказывать их [26].

Наконец, в исходе XVII или в начале XVIII столетия зюнгарский хонтайдзи по согласию с российским правительством, принудил их переселиться в горы, лежащие между Андеджаном, или Аньцичжаном, и Кашгаром.

Первое известие о сем последнем переселении внесено в историю почти свидетелями, а именно шведскими офицерами, бывшими в плену у русских и жившими в начале XVIII столетия в Сибири²⁰.

Хотя они и не определили мест, куда киргизы были переселены зюнгарским владельцем, а гадательно предположили их близ Индии, хотя Фишер²¹, подтвердивший известие о переселении киргизов²², также не назначил решительно их новых жилищ, но позднейшие открытия и торговые связи русских с Среднею Азию уже давно удостоверили ученый свет, что киргизы живут между Андеджаном и Кашгаром, или между владениями нынешнего кокандского хана [27] и Малою Бухарию, в горах, которые китайцы именуют Яркенскими, Кашгарскими, Ушскими, а русские татары, около тех мест торгующие, называют Алатау, Актау, Киргизтау²³.

¹⁹ Лоузаном называется он в "Сибирских историях", монголы именуют его Лобзан-Тушету-хан.

²⁰ См.: примеч. франц. переводчика в "Histoire Génealogique des Tatares", печатанные в 1726 году. См.: Recueil de Voyages au Nord. Т. 10. 1738.

²¹ Сибир. история. Введение. § 58.

²² В башкирском народе есть одна волость, или поколение, называемое *киргиз*. Полагать должно, что оно составляет отрасль описываемых здесь киргизов (бурутов), но когда соединилось оно с башкирами, нам неизвестно, и разыскание сего обстоятельства не входит в предначертанный нами план сего сочинения.

²³ Дегинь (См.: Histoire des Huns, des Turcs. Т. 2, ch. 2.) весьма несправедливо пишет, будто киргизы, или керкисы, то же, что черкесы. Ошибка сия должна происходить от сходства звуков, как сказано нами выше.

Китайские географы новейших времен пишут то же, именуя киргизов обыкновенно *бурутами* [28]. Оба названия сии принадлежат ныне одному народу, но нельзя определительно сказать, чтобы буруты и киргизы всегда составляли один и тот же народ. Выписками из китайских историков мы уже показали, что киргизы в отдаленнейшие веки занимали часть Южной Сибири, что касается до бурутов, то в новом издании китайской географии, известной под название "*Тай-Цин-и-тун-ши*" (глава 420), находятся о них следующие известия: "Когда владычествовали северные *Хуэй*, то народ, живший в землях нынешних бурутов, назывался *по-лу*, а во время Тангской династии, *пу-лу*, или *по-лю*. Онный разделялся на больших и малых пулу. Прежде жил он на юг от гор, находящихся в южной части сей страны, после перешел на север от оных. Со времени Тангов китайцы не имели с ними сношений"²⁴.

Далее в той же книге читается: "Имя *полу*, очевидно, сходное с *бору*, и нет сомнения, что народ *пулу* есть буруты". Из сего следует заключить, что буруты в V и VI столетиях от Р. Х. уже жили там, где они ныне живут. Киргизы, вероятно, смешались с ними по изгнании из Южной Сибири.

Китайские географы разделяют нынешних бурутов на *восточных* и *западных*. Первые простираются до владения города Аксу, а на северо-восток прилегают к провинции Или и заключают в себе пять поколений. Западные буруты, живущие на запад от первых и окруженные с юго-востока горами Тсунглинг, разделяются на 15 поколений. Как те, так и другие после покорения Зюнгари [29] в половине прошедшего столетия, причислены к подданным Китайским [30], хотя, впрочем, подданство сие более мнимое, нежели истинное, подобно другим подданствам в Азии.

Г. Тимковский [31] в своем "Путешествии в Китай" помещает о бурутах следующие известия, переведенные с китайского²⁵: "*Кергизы*, по-китайски *буруты*, суть кочевой народ, находящийся за Восточным Туркестаном на запад. Обширная земля их лежит между Аньцзичжаном и Кашхаром. Они называют владельцев своих биями. Иные бии

²⁴ Magasin asiatique de M. Klaproth. p. 12.

²⁵ См. в "Путешествии в Китай" г. Тимковского (Т. 1. С. 257) и выписку из китайской книги: "*Си-юи-сын-цзян-лу*".

имеют от 10 до 20, другие — от 20 до 30 улусов. Улусные люди почитаются их рабами. *Кергиз* есть общее название народу сему, который разделяется на многие орды, и каждая орда имеет своего бия, коих достоинство наследственно, и редкие зависят друг от друга. Киргизы бреют голову, не едят свиного мяса, платье носят с узкими рукавами, шапки квадратные с плоским верхом. Женщины вместо украшения втыкивают на шапке фазановые перья. Обыкновения и язык почти таковы, как и в Восточном Туркестане, и если имеют, то небольшое различие. Живут в войлочных юртах, питаются скотоводством, мясо служит им пищею, а кумыс вместо вина, так, как у олутов или зюнгаров [32]. Любят китайский фарфор, чай, гродетурсы, холсты, табак и вино и почитают сии вещи драгоценными. Киргизы бедны, но отважны, не думают о жизни; корыстолюбивы, склонны к грабежу и храбры на войне. Хасаки и белуры боятся их, даже зюнгары, во время могущества своего, не могли покорить их под свою власть. Они грабили как восточных туркестанцев, за границы отправлявшихся, так и иностранных купцов, из Большой Бухарии и других мест в Восточный Туркестан приезжавших. Как скоро войска китайские покорили западный край, то и киргизы оставили²⁶ свои разбои. Бии их ежегодно посылают своих старейшин в город Уш, к манжурскому генералу [33] просить о доставлении к двору их лошадей.

В 23 году Цяньлуня (1758) во время войны с бунтовщиком Хочжамом, один бий, кочевавший поблизости Кашгара, страшась могущества империи, вышел с 19 своими султанами противу Хочжама и всеми силами сражался с ним, за что пожалован *судьею города* Бешбалека. Подведомственные ему князья также награждены чинами и павлиньими перьями. *Ныне его подвластные кочуют во внутренности глухих гор и лесов Яркянских, Кашхарских и Ушских, спокойно занимаясь скотоводством*“.

Помещаем здесь сие описание для того, чтобы подтвердить известия о местоположении страны, ныне обитаемой дикими киргизами. Что же касается до этнографических сведений сочинителя книги “*Си-юй-вын-цзян-лу*”, то мы почитаем оные не совсем точными. Прочитав вышеприведенный нами отрывок, всякий должен предполагать, что буруты из отважных грабителей сделались в 1756 году

²⁶ Западный край завоеван китайцами вслед за покорением Зюнгарии 1756 года.

безопасными соседями и спокойными хлебопашцами, но опыты показывают противное и весьма убедительно говорят, что народ сей не только во второй половине прошедшего столетия продолжал быть хищным и опасным, но доньше остается таким же. Ссылаемся в том на китайского сочинителя князя Циши [34], которого любопытное описание бегства тургутов (1771 года) из России в китайские владения, благодаря трудам г. Липовцова, имеем мы в переводе на русском языке²⁷. Он пишет: “Буруты, презирающие общественные добродетели, преимущественно отличаются жестокостию и зверонавием от всех смежных с ними народов. Они, занимаясь беспрестанно одними набегами, хищением и убийством, не слагают с себя оружия ни в какое время... Сии жестокие варвары как скоро узнали о приближении тургутов к своим пределам, то необычайный восторг объял все их чувства. Они в радостном иступлении, разъезжая по улусам, поздравляли взаимно друг друга, как бы то был день великого торжественного праздника и проч.”

Многие из азиатских купцов, приезжавших на Сибирскую и Оренбургскую линии [35] для торговли, проехав с караванами недалеко от земель диких киргизов, и имев несчастье испытать их дикие нравы, уверяют, что они доньше сохранили всю жестокость и всю жадность к добыче, которыми отличались прежде.

Г. Клапрот, говоря о вышеупомянутых надписях сибирских²⁸, называет бурутов киргизами *восточными*, для отличия казачьих орд [36], которым дает он имя *киргизов западных*. “Восточные,— пишет он,— переселились в китайский Туркестан из прежних жилищ между Обью и Енисеем, в начале прошедшего столетия.

Азиатцы называют ныне народ сей *кара-киргизами*, то есть *черными* киргизами и (как уже сказано) *бурутами*, а русские к сим двум именам прибавили еще два: *дикие* киргизы, и *закаменные* киргизы. *Дикими* назвали их, как говорят, потому, что они храбрее киргиз-казаков и жестокостию своею еще страшнее их в грабежах купеческих караванов. *Закаменными* прозвали их жители сибирские,

²⁷ Перевод сей напечатан в “Сибирском вестнике” 1820 года.

²⁸ См. Journal asiatique, 1823, cah. 7. Разделение сие, однако ж, не помешало ему в другом месте смешать бурутов с казаками, и написать, что поколение *найманов*, составляющее значительную часть Средней казацкой орды, принадлежит к *диким киргизам*, жившим прежде на реках *Оби* и *Енисее*. См. тот же Journal, Novembre 1824 года.

вероятно, потому, что они живут в горах, а в Сибири, по уверению путешественников²⁹, под словами *в камне и за камнем* разумеют вообще горы, отчего равным образом и ясашные крестьяне, занимающие гористые места Томской губернии Бийского уезда, названы каменщиками.

Набеги и грабежи древних, или подлинных, киргизов на сибирские города и селения сделали имя их столь страшным и ненавистным, что россияне, вместо брани, дали оное и *казачьим ордам*, которые после киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири, как по частым нечаянным нападениям, так и по множеству своему и по совершенной независимости от России. Между тем, все прочие племена татарские и монгольские, в соседстве с ними обитавшие, или по слабости не смели, или по народному характеру своему не хотели заводить частых ссор и сражений с русскими. С другой стороны, к составлению названия *киргиз-кайсаков* побуждало конечно и то, что народ сей, именуясь казаками, не мог быть в разговоре удобно отличаем от новых обладателей Сибири, ибо сам Ермак [37], сподвижники его и потомки их были *казаки*.

По всем сим причинам орды, которые в летописях наших XVI и XVII столетий не имеют другого названия кроме орд *казачьих*, в дополнение к собственному имени своему *казак* получили прилагательное *киргиз*, из чего сначала вышло *киргиз-казак*, потом *киргиз-касака* и, наконец, *киргиз-кайсака*.

Основываясь на сем, мы полагаем справедливым вместо искаженного слова "кайсака", употреблять "казак", а потому говорить и писать *киргиз-казаки*, или *киргиз-казачьи орды*, вместо *киргиз-кайсаков* и *киргиз-кайсацких орд*. Таким образом можно сохранить сему народу название, которого, по крайней мере, вторая часть будет подлинное его имя, а первая останется при второй как прилагательное, или прозвание, данное россиянами [38].

Новое имя, о котором говорили, вообще употребляется с начала XVIII столетия. Несмотря на то, однако ж, в бумагах 1740 и даже 1760 годов, хранящихся в архивах Коллегии иностранных дел и бывшей Оренбургской губернской канцелярии, еще встречаются слова *казачьи орды* и *киргиз-казакское войско*. В книге Витсена [39], Noord

²⁹ См.: Сибирский вестник 1818 года, г. Спасского статью о каменщиках.

en Oost Tartarye, печатанной в 1705 году в Амстердаме и сочиненной по известиям, которых большая часть была доставлена из России по воле Петра Великого, нынешние киргизские орды не называются иначе, как *казачьими ордами*, или *татарскими казаками*.

Глава ВТОРАЯ

ОБ ИСТОЧНИКАХ ДЛЯ ИСТОРИИ КИРГИЗ-КАЗАКОВ

Описав причины, по которым должны были киргиз-кайсаки получить нынешнее название свое и показав различие их от подлинных, или диких киргизов, мы должны приступить к историческому их описанию.

Оно не может быть ни полно, ни подробно, ибо народ сей не имеет ни летописей, ни других памятников древности, а предания, в нем сохранившиеся, так многообразны и большею частию так нелепы, что ничего целого из них составить нельзя. Обстоятельство это, однако ж, не слагает с нас обязанности представить сии предания на рассуждение читателей в таком точно виде, в каком мы их собрали.

Предание первое. Некоторые киргизы почитают себя выходцами из Крыма и говорят, что причиною переселения их в нынешние земли была ссора, возникшая между сыновьями крымского хана Кундугура после его смерти. Он имел, по их словам, двух жен, и от обеих оставил детей. Сыновья старшей жены обидели при разделе наследства семерых сыновей младшей жены, отчего сии последние удалились из отечества своего в степь и соединились с 33 подобными им изгнанниками. Шайка сия в числе 40 человек, долго занимаясь грабежами соседственных с ними земель, наконец, похитила себе жен и размножилась. *Сорок* означается по-турецки словом *кырк*, а потому и толпа сия названа *кырк-казак*, то есть сорок казаков, или наездников. Потомки их сохранили название предков. (Предание сие взято из журнала капитана Рычкова, бывшего в отряде войск, посланном в киргизскую степь для преследования калмыков, бежавших из России в 1771 году).

Второе. Другие киргиз-казаки производят себя от жителей Туркестана, рассказывая, что во время несогласий между подданными туркестанскими, возникших при вла-

дычестве над ними потомков чингисовых, несколько тысяч человек оставили свое отечество и отправились на запад к Дону и Кубани. Дорогою при переходе чрез нынешнюю реку Ишим, отстал от них один табун лошадей, за которым принуждены они были послать назад 33 человека своих товарищей. Люди сии отыскивали табуны свои, но спутников не нагнали, а потому остались в окрестностях Ишима и, занимаясь там грабежами, получили название казаков. Похищение жен и присоединение разного рода беглецов скоро размножили их и принудили разделиться, по числу первых родоначальников, на тридцать три рода, а сила могущественного соседа их туркестанского хана Джанибека заставила их просить у него покровительства и принять к себе в повелители родственника его хана Ишима, от которого произошли последующие ханы киргиз-казакские [1], и река Ишим получила нынешнее название свое.

Третье. Паллас¹ [2] пишет, что некоторые киргиз-казаки утверждают, будто предки их жили около Евфрата и имели там своих особых владельцев, из которых последний, *Езид-хан*, вознамерился овладеть престолом турецким, а потом вместе с подданными своими выгнан был турками из прежних жилищ. По смерти Езида народ его жил с ногаями [3], но был ими прогнан, поддался хану киргизов (нынешних диких, или закаменных). Хан сей употреблял новых подданных своих в войнах как передовое войско, отчего и получили они название *киргиз-казак*ов, т. е. воинов, или наездников киргизского хана. Наконец, они изменили ему, и переселились на нынешние свои земли. Предание сие, как кажется, исправлено или дополнено каким-нибудь русским пограничным жителем для того, чтобы объяснить происхождение названия киргиз-казак^{ов}. Мы не имели случая слышать его в ордах казачьих, и не почитаем оно достоверным.

Четвертое. Многие киргиз-казаки думают, что они составляли некогда один и тот же народ с алатами, или сибирскими татарами [4], что отделились от них по внутренним несогласиям, что сначала были они управляемы несколькими султанами, что потом один из них, по имени *Алача*, приобрел власть над всеми прочими и сделавшись главою народа, решился напасть на Бухарию с тремястами воинов, но был побежден, взят в плен вместе со всеми

¹ Первое путешествие его. Изд. 2-е. Т. 1. С. 567.

оставшимися после сражения в живых и поселен с ними в Туркестане. Через несколько лет после того он умер, но пленные и по смерти его сохранили прежнее разделение свое на три отряда, или на *три сотни*, из которых одну назвал он *большою*, или старшею сотнею (*улу-юз*), другую *среднею* (*урта-юз*), и третью *меньшею* сотнею (*кичи-юз*). Впоследствии времени, когда число их возросло, один из средней сотни, по имени *Даир-ходжа*, убедил большую часть людей, к ней принадлежавших, свергнуть с себя иго чуждой власти и удалился с ними на берега реки Ори, где освобожденные им из плена соотечественники признали его своим ханом. По смерти *Даир-ходжи* заступил его место, сын его *Кара-ходжа*, разделивший владение свое пяти сыновьям: Аргину, Найману, Кипчаку, Уваку и Гирею. Из них Аргин умертвил прочих братьев своих и сделался единственным властителем всего народа, назвав его *аргинским*. Последуя примеру средней сотни, или орды, большая и меньшая также свергли иго туркестанского владычества, и поселились в соседстве соплеменников своих, заняв земли разных вытесненных ими народов монгольских. Сие четвертое предание помещено в "Сибирском Вестнике" 1820 года, в книжке 1.

Пятое. Иные киргиз-казаки говорят, что предки их с древнейших времен составляли один народ турецкого племени, раздробившийся на три отдельные орды только потому, что хан его Орус [5], или, как некоторые называют его, Акниаз, разделил свои владения между тремя сыновьями. Орус, или *Акниаз* сей, был, по их мнению, сначала полководцем ногайского хана Улянты, жившего скоро после Тамерлана [6], в окрестностях Урала, Илека, Ори, но потом отказался от повиновения Улянте, покорил несколько разных отраслей турков и монголов, сделался над ними самовластным государем и занял все, ныне принадлежащие потомкам его, земли.

Шестое предание производит киргизов от ногайцев, на Волге кочевавших, и говорит, что предками их были три брата, бежавшие в нынешнюю киргизскую степь тогда, как войска российские взяли Астрахань [7]. От сих трех братьев произошли три орды.

Седьмое. Чумякейский род Меньшой орды полагает, что он прежде не принадлежал к киргиз-казакам, но происходит от турков и получил название от хана своего, Чумякея, который по вражде с Чингисом отложился от него и пришел с приверженцами своими в места, ныне

занимаемые Среднею киргизскою ордою. Потомок его *Аюсырым*, завладев окрестностями реки Сарасу, отдал единственную свою наследницу и дочь в замужество за сына Алимova (родоначальника алимулинского поколения), отчего и подданные его соединились с киргиз-казаками.

Разнообразие и противоречия сих преданий не должны удивлять нас, ибо в состав народа киргиз-казацкого (как увидим ниже) влилось множество разных племен, и, следовательно, весьма естественно, что потомки каждого из сих племен имеют отличные от прочих понятия о своем происхождении. Но как согласить столь несообразные между собою мнения? Как извлечь из них что-нибудь общее и целое?

Различие их в порядке рассказа, в хронологии событий, в родословии, в именах лиц и в названиях мест так велико и истинные происшествия затемнены столь многими выдумками, что принятием оных за основание мы обратили бы все сочинение сие в собрание исторических мечтаний. Избегая сей погрешности, мы будем иметь вышеизложенные предания ввиду только для соображения и сравнения с известиями достовернейшими.

Не станем искать источников для истории киргиз-казачков в сочинениях европейских ученых, ибо киргизы едва известны Европе.

О восточных писателях не смеем говорить решительно, хотя творения их, доныне знакомые просвещенному миру по переводам, не содержат в себе никаких важных сведений о казачьих ордах, но обстоятельство сие не может служить поводом к заключению, будто бы все азиатские историки и географы столь же мало обращали внимания на народ, о котором мы говорим теперь. Полагать должно, что прежнее состояние и подвиги его не были забыты писателями Персии и Мавераннегера [8]. Сочинения Фирдоуси [9] и султана Бабера [10], по уверениям ученых, весьма любопытны в сем отношении.

К удивлению нашему, мы не нашли никаких сведений о происхождении киргиз-казачков в "Истории" Абулгази Багадура [11]. Хан сей, быв ближайшим их соседом, и имев с ними частые сношения, мог описать их вернее, нежели кто-нибудь из известных историков, но он даже не упоминает об них до 1630 года, т. е. до того времени, когда сам принужден был бежать к ним из своего отечества, нынешнего Хивинского ханства.

Что касается до арабских писателей, то они не имели довольно точных сведений о казачьих ордах², которые слишком были отдалены от Аравии и не имели тесных связей с подданными халифов. Река *Сыр*, или *Сейхун*, с древнейших времен составляя границу народов оседлых от кочующих, всегда была чертою разграничения и в сведениях географических не только для греков и римлян, но равным образом и для Южной Азии. Страны, лежащие на юг от сей реки, причитались к известному свету и были описываемы подробно. Земли же, идущие от нее на север и северо-восток (кроме прибрежных городов), всегда были обитаемы народами, мало известными просвещенному миру, и потому в каком смысле греки давали им нарицательное имя скифов [12], в таком же арабы и иногда персияне называли владения их землею *Чете* или *Джете* [13], *Туркестаном* [14], *Тураном* [15], *Верас-Сейхуном* и *Кыпчаком* [16].

Кыпчак по обширности своей не мог быть смешиваем с *Туркестаном*, и если мы находим, что западная часть нынешних киргиз-казачьих степей, причисляется иногда к одной из сих смежных между собою стран, иногда же к другой, то это только потому, что границы оных не были определены. Народы кочевые, а особенно монгольские и турецкие, живущие донныне в непрерывных распрях и междоусобиях, никогда не могли и не могут сделать положительного разграничения. Что же касается до *Верас-Сейхуна*, до *Турана*, *Туркестана* и страны *Чете*, или *Джете*, то понятия об оных, переданные нам многими восточными писателями, так сбивчивы, что почти нельзя решительно определить, какие именно земли разумели они под сими именами. Иные смешивали с оными даже *Мавераннегер*, или Трансоксиану (страну, лежащую между реками Аму и Сыром). Обстоятельство сие не раз замечено Гербелотом в его "Восточной библиотеке". Ланглес

² Г. Клапрот, в своем сочинении "Tableaux historiques de l'Asie" пишет: "Ce n'est pas chez les écrivains Arabes et Persens, que nous pouvons espérer de trouver des éclaircissements sur l'état ancien de l'intérieur de l'Asie et de ses habitans, ces peuple ignorant meme les vicissitudes du sort de leurs propres ancêtres, peu de siècles avant la funeste époque de l'établissement de l'islamisme." В подтверждение сего мнения можно сослаться на Абульфеду, который в *Descriptio Chouaresmie et Maveralnahariae*, ed. Grawii, 1659 объясняет, сколь много арабские географы делают ошибок в географических описаниях по неупотреблению гласных букв, и по ложному означению широты и долготы мест и, наконец, по недостатку сведений о землях отдаленных.

повторил то же в географической таблице, приложенной к его переводу книги *Instituts de Tamerlan*.

Арабшах [17], в описании жизни Тимура³ говорит, что *Верас-Сейхун*⁴ включает в себе земли монголов, Чете и Китай, но не причисляет к оному *Туркестана*. Может быть, что название *Туркестана*, по его мнению, было однознаменательно с *Верас-Сейхуном*, и, следовательно, равно принадлежало всем частям сего последнего. Так полагает Гербелот, говоря⁵: “*Верас-Сейхун есть собственно Туркестан*”.

Абульфедда [18] не разрешает нашего недоумения, ибо явно отзывается неведением. Мы читаем в его “Географии”: “*Мавераннегер граничит на запад с Хорезмиею (ныне Хивинским владением), на юг — с рекою Джейхун, а границы его с севера и востока нам неизвестны*”⁶. Признавшись таким образом в своем неведении относительно страны, занимаемой казачьими ордами, он ничего не сказал и о сем народе.

Турецкий географ *Кятиб-Челеби* [19], в своем “*Зеркале мира*” (*Джиган-ньюма*) полагает, что⁷ *Мавераннегер* и *Туран* одно и то же и потом сам себе противоречит, говоря в одном⁸ месте, что *Мавераннегер, заключающийся между реками Джейхун и Сейхун, граничит на севере с Туркестаном*, в другом же⁹, что *Туркестан имеет с запада Хорезм и Дегистан*. Стоит только взглянуть на карту, дабы удостовериться, сколь неясное понятие имел *Кятиб-Челеби* о землях, по обе стороны Сыра лежащих. Он знал, однако ж, о существовании киргиз-казаков и¹⁰ написал об них следующее: “*Недалеко от моря Каспийского, на север, живут в степях татары-казаки... Они преданы волшебству и разбою; грабят купцов московских на пути в Китай и обратно. Сих казаков не надобно смешивать с казаками донскими и днепровскими*”.

³ См.: *Bibl. Orient. d'Herbelot*, под словом “*Sihoun*”.

⁴ *Сейхун* есть река Сыр, “*вера*”— значит “*за*”. Следовательно, *Вера’с-Сейхун* в переводе означает страну, за *Сейхуном*, или Сыром, лежащую на север.

⁵ *Bibl. Orient*, под словом “*Varasihoun*”.

⁶ *Chorasimiae et Maveralnahariae descriptio ex tabulis Aboulfedae, Ioan. Gravij, Londini, 1650. Clima XXVI*.

⁷ 16-я глава сей книги, которой французский перевод имели мы у себя в рукописи, имеет следующее заглавие “*О Мавераннегере, или Туране*”.

⁸ Там же.

⁹ Той же книги глава 17.

¹⁰ Там же.

Заклучив в столь немногих словах описание *татар-казаков*, или *киргиз-казаков*, Кятиб-Челеби, конечно, сказал очень мало и даже почти ничего, но из прочих турецких и арабских географов, донныне известных Европе, большая часть даже совсем не упоминает о существовании народа, нами описываемого.

Скажем несколько слов о китайских писателях. Известно, что сочинения их заключают в себе много сведений о всех народах, смежных с империею китайскою, особенно о народах Средней Азии, ибо Китай некогда простирает свои владения до Каспийского моря, но сведениями сими должно пользоваться с большею осторожностью. Дегинь [20], посвятивший изучению оных значительную часть своей жизни, описывает¹¹, сколь трудны исторические и географические исследования по китайским писателям, ибо: 1) они дают народам такие названия, коих народы сии не носят; 2) они переменяют названия народов, земель и городов почти при каждой перемене династии; 3) повелители Китая нередко при жизни своей принимают другие имена, и такое изменение дает повод к возобновлению летоисчисления, по смерти же своей каждый богдохан получает какое-нибудь новое имя, под коим вносится в историю, и 4) тщеславие и гордость китайцев лишает исторические сочинения их выгоды, встречаемой в летописях всех других народов, а именно, синхронизмов с историею соседей. Китайцы всегда говорят подробно о себе, а о прочих странах упоминают, так сказать, мимоходом.

Может быть, по сим самым причинам Дегинь в своей *“Истории гуннов, турок и татар”* ничего не сообщает нам о казачьих ордах.

Г. Клапрот в *“Magasin Asiatique”* напечатал перевод описания киргиз-казаков, помещенного в знаменитой китайской географии *“Тайцин-и-тунши”*.

Известия сии весьма любопытны, но относятся к истории народов, владевших прежде нынешними степями киргиз-казаков [21], а не к истории собственно сего народа, и потому не входят в план нашего сочинения.

¹¹ Idées de la littérature chinoise en général. CM.: Histoire de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. T. 36.

Глава ТРЕТЬЯ

О НАЧАЛЕ КИРГИЗ-КАЗАКОВ И СОСТОЯНИИ ИХ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ПОДДАНСТВО РОССИИ, ИЛИ ДО 1730 ГОДА

При таком недостатке источников для истории киргиз-казаков, при невозможности воспользоваться их преданиями и вместе при намерении нашем не составлять мечтательных предположений мы не можем сказать о происхождении сего народа ничего определительного. Однако ж, с пособием некоторых весьма любопытных замечаний и сведений, почерпнутых из восточных писателей и полученных нами с особенной признательностью от известного ориенталиста г. Сенковского [1], мы постараемся бросить исторический взгляд на орды казачьи до того времени, когда они начали появляться в летописях России, а именно до XVI столетия.

Большая часть русских писателей полагает, что первые казаки произошли или составились из татар [2], что у них же родилось название *казак*, и от них перешло ко всем отраслям прежде бывших и ныне существующих казаков. Мысль сию, к которой мы уже привыкли, опровергают восточные историки, утверждая, что казаки составляли самостоятельный и независимый народ в отдаленнейших веках нашего летосчисления. Некоторые даже относят их существование далее Р. Х. Достоверно то, что *Фирдеуси*, или Фердуси, живший около 1020 года, то есть за два столетия до появления монголо-татар на западе в "Истории *Рустема*" упоминает о народе *казаках* и ханах казакских [3]. Из сочинений его и древнейших летописей персидских, которыми он пользовался, известно, что казаки древние, подобно позднейшим, прославили имя свое грабежами и набегами, что главное оружие их были копья, и что посему в Азии начали называть их именем всякую толпу наездников, вооруженную копьями, и занимавшуюся ремеслом подлинных казаков, т. е., разбоями и нападениями на соседственные земли. Итак, татарские казаки, почитаемые нами за первоначальных казаков, были только подражатели и название их не татарское, а занятое у другого народа. Известие сие делает толкования и переводы слова

“казак”¹ излишними. Значения, сему слову приданные впоследствии, суть уже применения и приспособления к образу жизни или вооружению первобытных казаков, но самое название их как имя собственное народа не подлечит ни переводам, ни этимологическим спорам. Следовательно, тщетно трудились те, которые производили оное от козявки, козы или козьих шкур², от кыпчака³, от косы днепровской⁴, от славянского полководца Казака⁵, от хазар⁶ и так далее. Впрочем, несправедливость сих мнений и без того уже признана [4].

Упомянув мимоходом об образе жизни древних казаков для показания сходства их с новейшими, возвратимся к прочим известиям об них, сообщаемым восточными писателями.

Народ сей весьма давно известен в Азии и составляя одну из отраслей многочисленного турецкого племени, не уступает в древности ни найманам [5], ни киргизам, ни другим соплеменным с ним народам. Подпав владычеству Чингиса, он по смерти сего завоевателя достался в удел сыну его Джучи [6], и хотя принадлежал к Золотой Орде [7], но имел собственных ханов, отчего иногда оставался в покорности своим главным повелителям, иногда же присоединялся то к Орде Чагатайской [8], то к Алмалыкской, то к Ташкентской, которую потом звали Могул-улус [9].

По ослаблении и расстройстве сильных владений Джучи и Чагатая возникли междоусобия у многих (особенно кочевых) племен, принадлежавших сыновьям и потомкам Чингиса. Из них более всех усилились узбеки [10], ов-

¹ В джагатайском подлиннике записок известного Бабер-мирзы несколько раз встречается слово “казак” в значении бродяги и производные от оного: казаклык (бродяжничество), казакламак (бродяжничать, скитаться), но значения сии явно заимствованы от образа жизни народа, называемого казаками. Во время владычества татар в России люди вольные из крестьянского сословия называемы были казаками, то есть имеющими право переходить из одной земли на другую по своему усмотрению. От сего класса людей происходит название казаков запорожских и донских. Беглецы из русских владений, поселившиеся на берегах Днепра и Дона, удерживали или присваивали себе имя казаков, то есть, людей вольных; иногда их шайки назывались также вольницами, словом, однозначащим с именем казак (прим. г. Сенковского).

² Рукописное сочинение о казаках, упоминаемое в “Истории государства Российского”. Т. V.

³ Прим. к “Истории” Абулгази Баядура (Ч. 9. Гл. 9).

⁴ Шерер в “Annales de la petite Russie” и Гарткнох в “Истории Польской Республики”.

⁵ Синописис.

⁶ г. Сестренцевича История Таврии.

ладевшие Мавераннегером и Харезмом, но владычеству их подпали не все волновавшиеся от безначалия народы. Некоторые соединились с крымскими татарами, другие — с Могул-улусом, третьи — с настоящими, то есть казанскими татарами, четвертые, наконец, — с казачьею ордою, или казаками. Все сие произошло по разрушении Золотой Орды. Когда же впоследствии и узбеки разделились, то многие их отрасли влились в состав казачьего народа. Таким образом, в начале XVI столетия в степях Кыпчака и Чете появились два сильные владения: первое — *Улус Могул* под владычеством хана Дадама [11], второе — владение *казакского хана, Арслана* [12], который столь был могуществен, что мог выставить 400000 тысяч готового к бою войска. Так пишет *падишах Бабер*, основатель знаменитой империи Великого Могола в Индии. Он выдал в замужество за Арслана одну из родственниц своих и был очевидным свидетелем его могущества.

В сие-то время к казакам присоединились или силою были присоединены разные отпавшие от Золотой Орды отделения многих народов, известных в истории Востока. В сие-то время смешались с ними *кыпчаки* [13], *найманы*, *конрады* [14], *джалаиры* [15], *канклы* [16] и другие отрасли, коих названия доньше носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-казачьих.

Некоторые народы, каковы *дурманы* [17], *карлыки* [18] и проч., после присоединения к казакам, опять отделились от них к узбекам, но с другой стороны, казаки были усилены племенами турецкими, приставшими к ним после взятия Ташкента *Шабахт-ханом* [19] и после окончательного разорения Могул-улуса ханом *Абдаллахом* узбекским.

За сим следовало бы нам говорить о потомках Арслан-хана и судьбе народа казахского, под властью их находившегося, о постепенных переворотах, которым он был подвержен и быстром разрушении силы, которую он приобрел при Арслане. Вместо всех сих известий мы только повторим, что киргиз-казаки, ведя жизнь кочевую, не оставили ни летописей, ни других каких-либо исторических памятников, и что, следовательно, составление полной и непрерывной их истории невозможно.

Впрочем, после Арслан-хана народ сей уже не возвращается для нас в совершенную безызвестность. Потеряв нить происшествий, описываемых восточными историками, мы начинаем находить казаков, или как называют их

ныне, киргиз-казаков, в сочинениях европейских путешественников и в летописях русских, а вслед за ними последними делаются для нас светильниками и архивы, сохраняющие несомненные свидетельства частых сношений России с азиатскими народами.

Из европейских писателей, первый, упоминающий об орде казачьей, есть Герберштейн [20]. Быв дважды⁷ посланником императора римского при дворе царя Василия Иоанновича [21] и, собрав многие географические сведения как о России, так и о соседственных с нею землях, он написал в одном месте своих записок⁸ следующее: “Ad orientem (от земель царства Казанского) autem *aestivalem* Tartaros, quos Schibanski et Kosatski vocant, conterminos habent”. В другом месте⁹ повторяет он почти то же.

Дженкинсон [22], бывший в Бухаре в 1558 и 1559 годах, пишет, что ташкентский владелец был тогда в войне с казаками, народом жестоким, многолюдным, не имеющим городов, и исповедующим магометанскую религию¹⁰.

Вероятно, основываясь на сих двух известиях, земли киргиз-казачьи на одной географической карте 1587 года уже означены под именем земель татарских казаков¹¹.

Россияне по частым сношениям своим с ногаями узнали их едва ли не целым столетием прежде. Первым доказательством тому служат вышеприведенные известия самого Герберштейна о киргиз-казаках, полученные им в Москве в начале XVI столетия. Вторым доводом служат хранящиеся в Московском архиве Коллегии иностранных дел акты сношений с ногайцами. В сих последних видим, например, под 1534 годом, что один посланец царя Иоанна Грозного по имени Данила Губин, находившийся у ногайцев, доносит: “А казаки, Государь, сказывают, добре сильны, а сказывают, Государь, Ташкен (Ташкент) воевали, и ташкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали” [23].

⁷ В первый раз приехал Герберштейн в Москву 18 апреля 1517 года; во второй раз в 1526. См. “Историю государства Российского”. Т. VII, прим. 165 и далее.

⁸ См.: *Regum Moscoviticarum commentarii*. Базель. 1571. С. 91.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ См.: *Recueil de voyages au Nord*. Т. IV.

¹¹ Витсен, в “Noord en Oost Tartarye” приложил карту под заглавием “Asia, ex magna orbis terrae desc.” *Ger Mercatoris desumpta, studio G. M. Iunioris*, ed. an. MDLXXXVII. В сей-то карте, на юг от реки Маргу к Каспийскому морю, написано *Kasaki Tartari*.

Семен Мальцов [24], посланный царем Иоанном Грозным в 1569 году к ногайцам, жившим между Волгою и Яиком, пишет о нападении на улусы их *казацких орд Акназаря царя* [25], *Шугая царевича* [26] и *Чельма царевича*¹². Известия сии, которые мы помещаем здесь только по их древности, ничего, впрочем, не передают нам кроме имени киргиз-казаков. Но чрез четыре года после того Иоанн решился войти с ними в политические сношения. Причиною такого предприятия были, вероятно, просьбы Строгановых, которые, имея с ордою казачьею торговые связи, склонили государя поддержать и распространить оные отправлением к владельцам той орды своего посланца. Звание сие было возложено на *Третьяка Чебукова*¹³, но он, не достигнув места своего назначения, в июле 1573 года взят был в плен близ Камы племянником хана сибирского Кучума, известным Маметкулом. Не получив таким образом успеха в первом опыте сношений с киргиз-кайсаками, Иоанн отложил повторение оно до другого удобного случая. Между тем 30 мая 1574 года дал Строгановым грамоту, которою дозволил им беспошлино торговать с казачьею ордою¹⁴.

Завоевание Сибири, вскоре за тем последовавшее, сблизило народ сей с россиянами.

Кучум [27], последний хан сибирский, был киргиз-казак. Завладев Искером силою оружия и убиением царствовавших в нем князей *Ядигяра* и *Бекбулата*¹⁵, он необходимо должен был иметь около себя и войско, составленное из прежних соотечественников своих. Следовательно, *Ермак* и сподвижники его, без всякого сомнения, сражались с казаками, или нынешними киргиз-казаками.

Муртаза, отец *Кучумов*, был, вероятно, владелец уже довольно сильный, ибо не только дал сыну своему войско для завоеваний, но прислал оное вместе с муллами для введения в Сибири магометанской религии¹⁶.

После *Ермака* *Кучум*, как известно, был изгнан из Искера *Сейдаком* [28], который скоро пленен потом россиянами. Вместе с ним взят и киргиз-казакский царевич,

¹² См.: История государства Российского. Т. IX. Прим. 245.

¹³ История государства Российского. Т. IV. С. 378.

¹⁴ См.: Миллер. Сибирская история. С. 87. История государства Российского. Т. IX. Прим. 661.

¹⁵ См.: Сибирские летописи; Фишер. История Сибири (Введение, § 84); История государства Российского. Т. IX. Прим. 644.

¹⁶ См.: Миллер. Сибирская история. С. 54; Фишер. История Сибири. (Введение. § 86, 87).

или султан, Ураз-Мегмет [29], племянник *Тевкеля* [30], именовавшего себя ханом казакским и калмакским¹⁷.

Происшествие сие доставило царю Феодору [31] не только случай возобновить предприятия отца своего в отношении к киргиз-казакам, но и право назвать себя царем их.

Тевкель, желая возвратить свободу племяннику своему, в 1594 году послал в Москву посла с грамотою, в которой просил Феодора о принятии его со всею ордою в подданство и об отпуске к нему Ураз-Мегмета¹⁸.

Зная нравы и обычаи киргиз-казаков, можно, наверно, полагать, что тут предложение подданства было только пустым обещанием для освобождения Ураз-Мегмета, и что Тевкель не имел в самом деле намерения исполнить оно ни при возвращении ему племянника, ни при отказе в сем требовании. Последнее он доказал на опыте, когда государь российский, грамотою в марте 1595 года данною, отвечал ему, что принимает его со всею ордою в число подданных своих и пришлет ему снаряд огнестрельный, но в доказательство его покорности требовал, чтобы он смирил хана бухарского и привел в послушание Кучума, а Ураз-Мегмета¹⁹ обещал отпустить тогда только, когда Тевкель представит вместо его в аманаты кого-нибудь из сыновей своих, и именно царевича, или султана *Гусейна*²⁰ [32].

Грамоту сию повез из Москвы посол Тевкеля в сопровождении царского переводчика татарского языка *Вельямина Степанова*. Неизвестно, какого рода ответ привез царю Степанов при возвращении своем из орды, но известно, что путешествие его не принесло России никаких выгод политических, и что ни Тевкель, ни наследники его до XVIII столетия не были подданными России, не служили ей, и даже ни в чем ей не помогали, а напротив того, нападали на новые селения российские в Сибири.

¹⁷ Так сказано в "Истории государства Российского" (Т. X. С. 98). Впрочем, соединение сих двух титулов кажется сомнительным.

¹⁸ См.: Моск. архив Коллегии иностр. дел. Дела Киргизские 1594—1595 годов и ссылка на оные в "Истории государства Российского". (Т. 10. Прим. 332).

¹⁹ Сего самого Ураз-Мегмета впоследствии времени наименовал Годунов царем Касимовским (История государства Российского. Т. XI. С. 22).

²⁰ Отпуск сей грамоты хранится в архиве Коллегии иностранных дел.

Должно, впрочем, думать, что пограничные жители новых владений русских и купцы наши имели с ними в то время довольно частые сношения, и приобрели о земле их достоверные сведения, ибо в книге “Большому чертежу” [33], которая, по основательным доводам Карамзина должна быть написана в царствование Феодора Иоанновича²¹, говорится о многих урочищах земель казачьей орды очень подробно.

Книга сия редка, и потому мы полагаем нелишним выписать из нее то, что касается до нынешних степей киргиз-казачьих: “А от Хвалимского (Каспийского) моря до Синева (Аральского) моря, на летний на солнечный восход 250 верст²². А Синим морем до устья Сыра реки 280 верст, а поперек Синим морем 60 верст, а в Синем море вода солона. Из Синева моря вытекла река Арзас и потекла в Хвалимское море.

А в реку Арзас с востока пала река Амударья: протоку Амударьи реки 300 верст. А Арзасы протоку 1060 верст, а от Синева моря 300 верст Урук-гора²³, вдоль Урук-горы 90 верст. Из горы протекли три реки: река *Вор* (Ор) течет в реку в *Яик* в ночь, река *Иргиз* течет в озеро *Акбашлы*²⁴, на восток река *Гем* (Эмба) течет на полдни к Хвалимскому морю и пала, не дошед до моря, в озеро.

А к Синему морю от Иргиза реки 280 верст пески Барсуккум, поперек того песку 25 верст, до пески Каракум от Синева моря 200 верст.

Пески Каракум вдоль 250 верст, а поперек 130 верст; а те три пески прилегли к Синему морю, к берегу.

В Синее море к востоку пала река Сыр, а в Сыр реку пала река Кендерлик.

А река Кендерлик вытекла из Улутовой (Улутау) горы двумя протоками.

А от горы *Кендерлика* реки протоку 330 верст²⁵, а другая река Кендерлик из тоеж горы пала в реку Сарсу.

А река *Сарсу* пала в озеро не дошед до *Сыра* реки, от устья реки Кендерлик 150 верст, а от Карачатовой

²¹ История государства Российского. Т. X. С. 259.

²² Заметим, что при измерении сего расстояния в 1826 году оно оказалось в 242 версты. Следовательно, разница против показаний книги “Большому чертежу” составляет только 8 верст.

²³ Урук, или Айрук, или Айрурук есть отрасль Мугоджарского хребта.

²⁴ Ныне Аксакал-Барби.

²⁵ О реке сей говорили мы в географическом описании.

(Каратаг) горы за 70 верст, а вдоль Карачатовой горы 250 верст, а от Сыра реки та гора 80 верст.

А от устья реки Кендерлик 150 верст, с левой стороны реки Сыр, город Сунак (Саганак), против Карачатовой горы, а промеж озера Акбашлы и реки Саук и озера Анкуль (Аккуль), и по обе стороны реки Зеленчика и реки Кендерлика и реки Сарсу и песков Каракум, на тех местах на 600 верст кочевье казакские орды“.

Из описания сего видно, что в то время киргиз-казаки занимали только средину нынешних земель своих. Восточная часть оных принадлежала зюнгарам и другим племенам монгольским. Северною владели разные отрасли татар сибирских. В западной жили ногаи²⁶ и выше их башкиры; а потом место ногаев заняли нынешние волжские калмыки.

Прежде всего подвинулись киргиз-казаки на север. Фишер в своей “Сибирской истории”²⁷ говорит, что по окончании строения города Тары (в 1594 году), приписана к нему волость Курдак, где заложен был острог для удержания набегов калмаков и киргизских казаков. Стало быть, сии последние находились тогда уже недалеко от границ наших.

К востоку распространили они свои владения не прежде, как по истреблении зюнгарского народа китайцами, то есть, в половине минувшего столетия.

На запад подались киргиз-казаки в первой половине XVIII столетия; в конце же XVII, и даже в первых годах XVIII, между верховьями Урала и Эмбы кочевали башкиры, а между устьями сих рек — калмыки²⁸.

На юге киргиз-казаки не удовольствовались набегами в пределы соседственных владений. В начале XVII столетия, по летописям нашим, они уже были властителями Туркестана, и город сей служил ханам их постоянным местопребыванием.

²⁶ В той же книге “Большому чертежу” на с. 229, сказано: “От верху реки Бузулук на полях и до Синего моря кочевье все больших ногаев.” В делах ногайских в московском архиве Коллегии иностранных дел под № 10 хранится перевод грамоты ногайского князя Юсуфа к царю Иоанну Грозному, писанной в конце XVI столетия. Юсуф в ней ясно говорит: “А хотел если воевати казатцкую орду, и яз ныне кочую на реке на Елеке (Илеке), за Яиком”.

²⁷ Русский перевод, с. 180.

²⁸ Кириллов, первый основатель Оренбургской линии и сближения России с киргизами, в одном из проектов своих писал в 1734 году: “Калмыкский владелец Доржи Назаров кочует около Эмбы и Яика”. См. проекты Кириллова в архиве Азиатского департамента, в делах 1734 года.

Неизвестно, в каком году совершено сие завоевание [34], и кто именно был предводителем в оном. Не могли мы также узнать, где жил хан Муртаза, отец Кучума, и долго ли повелевали киргизами потомки его. Столь же безуспешно искали мы каких-нибудь преданий о хане Акназаре, который в 1569 году напал на улусы ногайские, когда находился там посланец Иоанна Грозного Семен Мальцов²⁹.

Нам удалось, однако же, найти несколько достоверных свидетельств о том, что около 1630 года владел Туркестаном казацкий хан *Ишим* [35].

Первое известие о нем сообщает Абулгази Багадур, второе открыто в Сибирских летописях, третье отыскано нами в архиве Оренбургской пограничной комиссии, в делах 1748 года.

Абулгази Багадур делает известными киргиз-казаков и хана их Ишима около 1630 года³⁰, потому что в сие время сам он, будучи гоним братом своим *Исфендиаром*, ханом Ургенджским, бежал из отечества в Туркестан, где хан Ишим принял его и продержал у себя три месяца, а потом отвез в Ташкент и отдал под покровительство тамошнего хана Турсуна [36]. Через два года владельцы сии поссорились: Ишим, убив Турсуна, овладел Ташкентом, а Абулгази Багадур удалился в Бухарию.

В "Сибирских летописях" Ишим-хан известен по войне и несогласиям своим и сына своего *Янгиря*, или *Джангира* [37] с зюнгарским хонтайдзи *Батуром*, или *Багатыром* [38]. Фишер говорит³¹, что Багатыр вступил в войну с Ишимом в 1635 году и что *Джангир*, начальствовавший тогда войском киргиз-казакским, взят был в плен. Возвратив себе каким-то случаем свободу, он решился мстить зюнгарам и непрерывно тревожил их набегами. Желая надолго усмирить, а если можно и совсем истребить столь вредных соседей, Багатыр в 1643 году собрал до 50000 своего и союзников своих войска. С сею силою легко и немедленно овладел он двумя поколениями киргиз-казаков, составлявшими около 10000 человек. Вслед затем он готов был истребить все войско Джангира, но сей киргизский султан, как видно, искусный в войне, употребил для обороны своей весьма благоразумное средство. Он имел только 600 человек вооруженных. Не смея вступить с сею горстью людей в открытый бой, он поместил одну половину

²⁹ См. выше, с. 156.

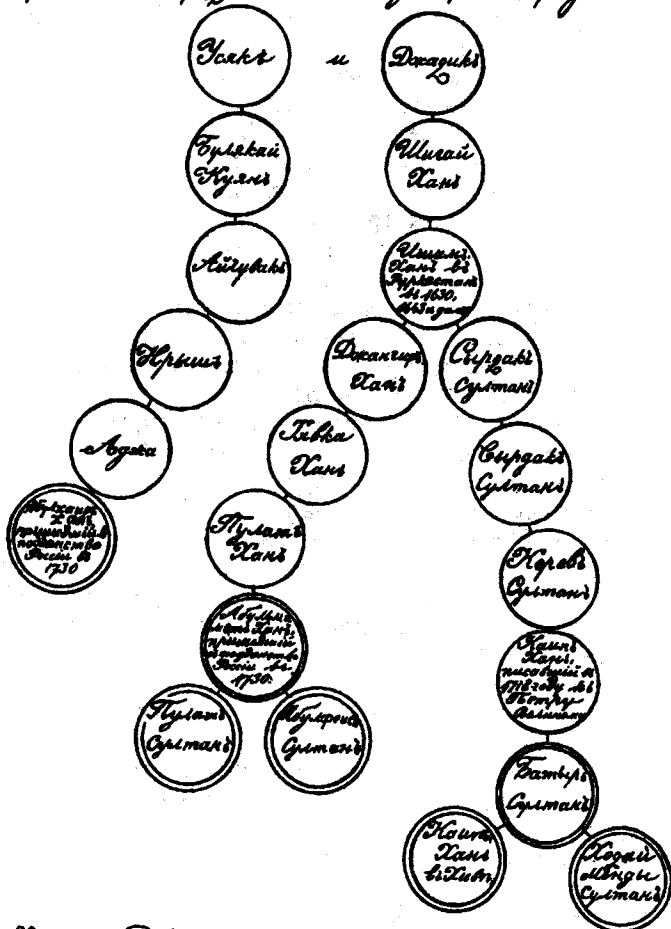
³⁰ Родословная история татар, ч. IX. гл. 2.

³¹ Сибирская история. Кн. IV. Отдел 3. § 13.

ТАБЛИЦА 1.

РОДОСЛОВИЕ ПЕРВОЙ И ГЛАВНѢЙШЕЙ ОТРАСЛИ
КИРГИЗЪ КАЗАЧЬИХЪ ХАНОВЪ

Древнѣйшие родоначальники два брата родные



Прим. Двойные кружки означают техъ, кои при составленіи сего таблицы, в 1766 году, были живы.

оной между двух гор в ущельи, которое окопал глубоким ровом и обнес высоким валом, а с другою половиною скрылся сам за горою. Зюнгары, подойдя к укреплению, напали на оное, и в то самое время, когда они теряли множество людей в сражении, весьма невыгодном для осады по причине узкого пространства, Джангир устремился на них с тыла. Неожиданность сего удара, отважность воинов, избранных для оного и отличные ружья, которыми все они были снабжены, нанесли Багатыру сильный урон.

К довершению его потери в то самое время пришел на помощь киргиз-казакам какой-то татарский князь Алантуш с 20000 свежего войска. Зюнгары принуждены были отступить и ограничить свое мщение увлечением в неволю взятых ими при сем сражении пленных. Казаки же продолжали и потом тревожить их частыми набегами не только при Багатыре, но и при наследниках его.

Третье известие о хане Ишиме найдено нами в бумагах бывшего переводчика Коллегии иностранных дел, потом генерал-майора Тевкелева [39], который прожил в ордах киргиз-казачьих два года и привел их в подданство России, как увидим ниже. После того был членом Оренбургской комиссии, управлявшей делами киргиз-казаков, находился, по поручению правительства, в непрерывных почти сношениях с ханами и султанами казачьими, знал совершенно язык их и вел журнал важнейших переговоров своих с ними. В одном из сих журналов, писанном в 1748 году, поместил он родословие владельцев казачьих, основанное на рассказах хана Меньшей орды Абульхайра [40], хана Средней орды Абульмагмета [41] и знатнейших султанов обеих орд. Из известий Тевкелева составили мы три таблицы, приложенные к сему тому.

Первая из них показывает, что от Джадека [42], коим начинается родословная, произошел Шигай-хан, а от Шигая *Ишим*; тот самый, который, как мы сейчас сказали, будучи туркестанским ханом, вел войну с зюнгарским хонтайдзи, и у которого Абулгази Багадур искал себе убежища.

Легко доказать можно, что сей Ишим не есть другой какой-нибудь неизвестный хан киргизский, ибо Абульмагмет-хан, сообщивший сию родословную Тевкелеву³² и на-

³² Абульмагмет писал то же князю Урусову 19 июля 1740 года. Письмо его сохранилось в архиве Оренбургской пограничной комиссии. Имея два известия столь достоверные, мы можем смело утверждать, что в "Сибирском вестнике" на 1820 год, в статье о *киргиз-кайсаках*, Абульмагмет несправедливо назван сыном Кучума.

зывавший себя праправнуком Ишима, родился, как по многим письмам его и другим тогдашним бумагам видно, в конце XVII столетия. Если, основываясь на сем, будем восходить до его отца, деда и так далее, то необходимо окажется, что Ишим в старости, а Джангир в зрелых летах были современниками контайши, или хонтайдзи *Багатура*.

При сем первом доказательстве вторым может служить то, что как в таблице нашей, так и в "Истории сибирской" мы видим сына ишимова под именем Джангира.

Таким же образом открывается, что дед Ишима и отец Шигая *Джадек* с братом своим *Усяком* жили около половины XVI столетия, т. е. в одно время с ханом сибирским *Кучумом* и отцом его *Муртазою*. Но были ли они между собою родственники, и от одного ли корня происходили, неизвестно, хотя по "Сибирской истории" мы и знаем, что *Муртаза* был родом киргиз-казак.

Далее *Джадека* и *Усяка* сведения наши не восходят. *Тевкелев* в первой половине прошедшего столетия, не мог узнать имени отца их за давностию лет, ныне это было бы еще менее возможно.

Множество вопросов, нами о сем предмете сделанных киргиз-казакам в 1820, 1821 и 1822 годах, открыли нам только то, что все ханы и султаны их почитают себя потомками *Чингиса* [43]. Честь сию присваивают себе вообще владельцы Средней Азии и большею частию не без основания.

Легко может быть, что повелители киргиз-казаков имеют на нее равное право со многими другими чингисидами, которым от могущественного и страшного предка их ничего кроме имени его в наследство не досталось. *Абулгази Багадур* доказывает, что *Кучум* сибирский был потомок *Шейбани*, внука чингисова, но *Кучум*, как известно, был султан киргиз-казачий, следовательно, не мудрено, что и прочие ханы и султаны киргиз-казачьих орд происходят от *Шейбани* [44].

Если теперь, руководствуясь тою же родословною таблицею (первою), от *Ишима* и *Джангира*, которых время существования уже известно, будем нисходить ко временам позднейшим, то увидим, что за *Джангиром* следует сын его, хан *Тявка* [45].

При имени сем сердце всякого киргиз-казака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотече-

ТАВЛИЦА 2.

РОДОСЛОВІЕ ВТОРОЙ ОТРАСЛИ ХАНОВЪ:

Букай Ханъ
Куракъ
Кодай Монги
Гурсунъ Ханъ
Куракъ Баракъ
Шичай Ханбабай

ТАВЛИЦА 3.

РОДОСЛОВІЕ ТРЕТЬЕЙ ОТРАСЛИ ХАНОВЪ:

Вали
Аблай
Вили
Аблай Ханъ

Сей послѣдній, при составленіи таблицы въ 1748
году, былъ еще Бутанканъ
Примъ. Мъ, которыхъ имена подчеркнуты, были
живы въ 1748 году.

ственников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это Ликург, это дракон орд казачьих.

Он успокоил их после гибельных междоусобий, он остановил кровопролития, продолжавшиеся несколько лет от распрей одних племен с другими, он убедил всех умом и справедливостью повиноваться себе, он соединил слабые роды вместе для сопротивления сильным, а сильные усмирил, и дал всем вообще законы, по которым судил их, и которые доныне живут в памяти благоразумнейших киргизов, но, к сожалению, не исполняются³³.

При всех сих заслугах и при всем влиянии своем на орды киргизские, Тявка, как говорят, не имел полной власти над народом своим и действовал более благоразумием, опытностью, связями и искусством, нежели силою. Повелевая всеми вообще киргиз-казаками, сам он жил, подобно отцу и деду, в Туркестане. Для надзора же и управления каждою ордою в особенности были избраны и подчинены ему три частных начальника: в Большой орде *Тюля*, в Средней *Казбек*, и в Меньшей *Айтяк*.

Мы говорим здесь о разделении казакского народа на три орды, не сказав, когда и каким образом произошло сие. К сожалению, происшествие сие остается для нас тайною, мы не имеем никаких источников для определения одного. Все, что мы знаем о нем, заключается только в предании народном, которое говорит, будто бы один из сильных ханов казакских разделил весь свой народ между тремя сыновьями, и что удел старшего назван *Большою ордою*, удел второго — *Среднею*, а удел младшего — *Меньшею*³⁴.

О *Пулате*, сыне Тявки-хана и отце Абульмагмета, показанном в таблице, не могли мы собрать никаких сведений, вероятно, потому, что он ничем себя не прославил.

Предания говорят только, что восстановленная *Тявкою* тишина недолго существовала между киргиз-казаками. Вскоре начались опять междоусобия, и соседственные народы не замедлили воспользоваться оными. С запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкиры и сибирские казаки. Страшнее всех были с востока зюнгары, которыми владел тогда сильный хонтайдзи *Галдан Цырен*

³³ См. в "Статистическом описании" статью "Об образе управления".

³⁴ Слово "*орда*" киргиз-казаки выражают словом "юз", что в ближайшем переводе значит сто, или сотня, а потому говорят: *уду-юз* (большая сотня), *урта-юз* (средняя сотня) и проч. Впрочем, *юз* имеет и другие значения в языке турецком.

(Черен) [46], не только заставивший трепетать всех кочующих соседей своих, но возбудивший внимание даже России и Китая.

В бедственном положении сем киргизы могли ожидать защиты только от могущества Петра Великого, которого обширный гений, занимаясь славою и благоденствием своего народа, не выпускал из вида азиатских границ России во время занятий самыми важнейшими делами Европы.

В Сибири был тогда губернатором князь Гагарин. Царь приказал ему не только войти в сношения с казачьими ордами, но, если можно, и помочь им против Галдан Черена (или Цырена), дабы сколько-нибудь остановить возрастающее беспрестанно могущество зюнгарского владельца. Гагарин исполнил волю государя в 1717 году, и ханы киргиз-казакские *Тявка, Каип и Абульхайр*³⁵ отвечали ему обещанием во всем повиноваться России. Сношение сие не имело, однако ж, никаких последствий, потому что князь Гагарин вскоре после того из Сибири был позван в Москву, а Тявка, старейший и благоразумнейший из ханов, умер.

Товарищи его не умели воспользоваться счастливым случаем; вместо того, чтобы соединенными силами искать покровительства России для защиты от зюнгаров, они начали между собою ссориться, и, не думая нисколько о спасении общем, продолжали обычное ремесло свое: грабили соседей, причем не менее прочих пострадала и Россия, предлагавшая им покров и опору.

Не удовольствовавшись частыми нападениями на сибирские границы наши, они в том же 1717 году проникли в Казанскую губернию до Новшешминска, взяли оный, разорили и, хотя были прогнаны с значительной потерей, однако увлекли с собою много пленных. Сей последний набег был произведен подвластными хана Абульхайра³⁶.

³⁵ Известие сие взято нами из сочинений и переводов 1760 года, месяц январь: см. статью "*О песочном золоте*". Упоминаемый в ней хан *Тявка* должен быть тот знаменитый законодатель киргизский, о котором говорено выше, но он уже тогда был очень стар. Слабость его и последовавшая за оною утрата власти были, вероятно, причиною избрания при жизни его в ханы Абульхайра и Каипа, которых имена мы встречаем здесь (1717 года) в первый раз.

³⁶ См.: "Оренбургскую историю" Рычкова (с.9) и донесения губернатора оренбургского Неплюева правительствующему Сенату. Рычков не пишет, кто предводительствовал киргизами при сем набеге, но Неплюев говорит, что это был сам хан Абульхайр, впоследствии сделавшийся подданным России.

Каип же боялся, чтоб оный не был приписан ему, и чтоб его не наказали невинно за поступок соперника, потому в 1718 году послал к Петру I грамоту³⁷ с предложением вечного мира и союза.

Грамота сия, однако же, не остановила справедливой мести пограничных жителей России, раздраженных беспрерывными набегами киргиз-казаков. Волжские калмыки, башкиры, сибирские казаки более, нежели когда-нибудь начали нападать на них. Галдан Черен не мог быть равнодушным свидетелем гибели древних неприятелей своего народа, не мог не отплатить им беспокойств и обид, от них претерпенных предками его в течение с лишком ста лет и потому не только нанес киргиз-казакам в то время несколько сильных ударов, но и отнял у них в 1723 году столицу ханов их Туркестан³⁸, Ташкент и Сайрам, и, наконец, совсем покорил власти своей некоторые отделения Большой и Средней орд [47].

Такая же участь ожидала всех остальных киргиз-казаков. Стесненные и преследуемые с трех сторон, они могли б быть совсем истреблены, если бы не удалились на юг. Остатки Большой орды с малою частию Средней откочевали тогда к Ходжанту, большая часть Средней — к Самарканду, Меньшая — к Хиве и Бухаре³⁹.

Переходы сии влекли за собою неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищета и страдания сделались всеобщими: иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец, бегущие остановились, но где же? В местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа. Столь несчастное положение не могло быть долго сносимо киргизами. Из двух зол, предстоявших им, легче было избрать то, которое обещало какие-нибудь выгоды, если не в настоящем, то хотя в

³⁷ Грамота сия вместе с ответом на оную казанского губернатора доньне сохранилась в архиве Коллегии иностранных дел.

³⁸ Неплюев и Рычков в донесениях Коллегии иностранных дел из Оренбурга не раз говорят, что Абульхайр жил в Туркестане до 1723 года, в котором изгнан из оного зюнгарами.

³⁹ Так говорил Тевкелеву при свидания с ним в Орской крепости в 1748 году знаменитый старшина Средней орды Букенбай, прибавляя: "Мы бегали тогда от калмыков, башкирцев, казаков сибирских и яицких как зайцы от борзых собак". См. дела Оренбургской пограничной Комиссии.

будущем. Отчаяние убеждало их в необходимости возвратить себе прежние жилища, а бедствия внушали средства к достижению сей цели. Опасность примирила внутренние междоусобия, возродила общее согласие и направила всех к одному предмету. В собрании целого народа положено двинуться вперед, напасть на общих врагов и вытеснить их из древних земель киргиз-казакских. Общее предприятие тотчас освящено клятвою в верности друг другу. Хан Абульхайр избран главным предводителем, и белый конь, принесенный по обычаю народному в жертву⁴⁰, был принят залогом будущего успеха.

Вооружившись таким образом, киргизы пошли вперед, напали на зюнгаров, выиграли у них несколько сражений и возвратили себе прежние земли свои, но ожидая новых нападений на оные от Галдан Черена, признали за лучшее удалиться от сего опасного соседа частью на запад, а частью на север. Одна только Большая орда осталась близ зюнгаров, и потому скоро была почти вся покорена ими, как увидим ниже. Меньшая орда, дойдя до Эмбы, где была прежняя граница ее, не остановилась, но перешла на правый берег сей реки, напала на нынешних волжских калмыков, и заняв многие кочевья их, достигла до Урала. Средняя орда подвинулась на север до Ори и Уя, из окрестностей которых вытеснила многих башкиров. Хотя сии последние, равно как и волжские калмыки, не могли равняться силою своею с зюнгарами, однако ж земли, отнятые у них киргизами, составляли их собственность, и потому они не хотели оставить в покое народ, завладевший ими. Отмщения и непрерывные набеги готовились с обеих сторон в будущем и уже начались в настоящем. Новые соседи, уральские казаки, грозили киргиз-казакам тем же.

Надобно было искать одной опоры против всех врагов, надобно было требовать помощи от России. Мысль сия, может быть, не раз занимала тогда благоразумнейших старейшин и султанов, но ее не только трудно было исполнить, но даже и предложить простому народу. Хотя в архиве Коллегии иностранных дел находим описание статей, словесно предложенных в 1726 году киргиз-казакским посланцем Кайбакаром, который от имени старшин Сугура, Едикбая, Хаджибая, Чиак Кулыбая и других

⁴⁰ В "Статистическом описании", в статье об обычаях сказано о сем подробнее.

приезжал в Россию просить покровительства для Меньшей орды, однако ж, сношение сие не имело никаких решительных последствий. Судя по неизвестности старшин, посылавших Кайбакара, должно думать, что они были слишком малосильны для того, чтобы увлечь за собою весь народ, потому и посольство их не имело успеха. Неизвестно, какая причина побудила вдруг решиться на отправление сего посольства, но можно ручаться, что большая часть киргизов была им недовольна. Цenia дикуую свободу свою выше всякого порядка и зависимости от законов, они помнили еще и то, что правила их религии повелевают признавать христиан неверными.

Сии два препятствия заставляли думать, что добровольное присоединение орд киргизских к христианской державе невозможно, но несчастные обстоятельства, беспрерывные внутренние кровопролития и хитрый ум хана Абульхайра изменили расположение народа до такой степени, что он после некоторых слабых опытов сопротивления, решился, по личным видам одного человека, привести в действие то, к чему не могло склонить его общее благо. Я разумею здесь добровольное покорение его императрице Анне, случившееся в 1730 году, как увидим ниже.

Прежде, нежели приступим к описанию столь важного переворота, мы должны сказать, что оный составляет точку разделения истории киргиз-казаков на две части.

Присоединение к Российской империи Средней и Меньшей орд сблизило их с нами, но не доставило нам возможности следовать за постепенным ходом событий в Большой орде, оставшейся тогда в независимости, почему исторические познания наши о состоянии ее в XVIII столетии гораздо поверхностнее, нежели сведения о киргизах, подданных России. Обстоятельство сие заставляет нас разделить описание периода, заключающегося между 1730 годом и настоящим временем, на две части. В первой, поместим мы историческое обозрение Большой орды, во второй опишем происшествия и перемены Средней и Меньшей орд, основываясь на сведениях, которые мы почерпнули в архивах Министерства иностранных дел и Оренбургской пограничной комиссии.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ БОЛЬШОЙ ОРДЫ [1] С 1730 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Сказав, что Большая орда киргиз-казахья не участвовала в добровольном подданстве прочих двух орд российскому владычеству, мы должны прежде всего объяснить одно обстоятельство, которое может быть обращено в противоречие словам нашим.

В архивных делах и в “Оренбургской истории” Рычкова находим мы, что вместе с султаном Меньшей орды *Эрали* [2], бывшим (как сказано ниже) в Петербурге для личного засвидетельствования императрице Анне [3] покорности отца своего *Абульхайра* [4], приезжали посланцы от Большой орды с таковыми же уверениями, и что 10 июля 1734 года дана была сей орде, подобно двум прочим, грамота о принятии оной в число подданных России.

Если бы в сем происшествии не заключалось ничего вымышленного, то оно, конечно, опровергало бы слова наши, но подробное рассмотрение обстоятельств того времени открывает противное. Киргиз-казаки *Аралбай* и *Арасгельды-батыр*, сопутствовавшие султану *Эрали* в Петербург, точно принадлежали к Большой орде, но они были не посланцы, или представители оной, а только приятели или наемники хана *Абульхайра*, который мною властью над Большою ордою желал придать себе более важности при дворе российском и чрез то приобрести влияние на весь народ казачий. Ложь, выдуманная *Абульхайром*, доказывается тою же самою грамотою императрицы Анны, от 10 июля 1734 года [5]. Она, во-первых, дана на имя нескольких биев и старейшин, а не на имя хана *Юлбарса* [6], который, как видно из многих современных актов и из “Оренбургской истории” Рычкова, повелевал тогда Большою ордою. Во-вторых, в грамоте сказано: “Подданный наш, *Абульхайр-хан*, всеподданнейше нам доносил, что он Вас уже в подданство наше и принял, и с тем прислал ко двору нашему посланцев ваших *Аральбая* и *Арасгельды-батыра*”. Слова сии основаны на письмах *Абульхайра* и словесных объявлениях его сына, но уверения их обоих были совершенно ложны. С одной стороны, известно, что *Абульхайр*, живя от Большой орды

весьма далеко, не имел на нее никакого влияния, с другой — видим, что орда сия никогда не присягала России в верности, и совсем не считала себя в числе ее подданных, наконец, замечаем, что грамота сия, врученная начальнику оренбургской экспедиции Кирилову [7] при отправлении его из Петербурга, даже не была им послана по назначению. Нет сомнения, что он нашел неприличным отправить оную, когда по прибытии своем на границу узнал истинное положение обстоятельств, в ней описанных.

Второе предложение принять Большую орду киргизскую под власть России было гораздо правдоподобнее, хотя не искреннее первого. Оно сделано в 1738 году не мнимым, но действительным повелителем сей орды ханом Юлбарсом, который, узнав об основании города русского при устье реки Ори и о начале в нем торговли с киргиз-казаками Средней и Меньшой орд, прислал просить тех же выгод, а для вернейшего достижения своей цели обещал не только подвластных ему, но и соседственных народов обратить в подданство России, если будут покровительствовать и помогать торговле их в Оренбурге. Условие, Юлбарсом объявленное, показывает, что он думал не о покорности, а только о торговых выгодах. Опыт оправдал это заключение: он не присягал на верность России и даже никогда не был на границах наших. Грамота, вследствие его обещания изготовленная в Петербурге 17 июля 1739 года, доныне остается в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

Впоследствии времени еще несколько раз было предлагаяемо правительству русскому принять в свое подданство Большую казачью орду, но предложения сии изъявляли частные султаны или родоначальники, не имевшие власти над всею ордою и искавшие не столько покровительства, сколько подарков, обыкновенно даваемых государями нашими новым подданным.

Впрочем, если бы Большая орда и решилась вместе с Меньшею в 1730 году или при хане своем Юлбарсе в 1738 году, покориться России, то она бы встретила тогда весьма сильное препятствие в исполнении своего намерения. Отдаленность ее от границ русских и близость к зюнгарам остановили бы ее. Гальдан Цырен [8], или Черен, хонтайдзи зюнгарский, никогда бы не допустил соседственных с ним киргиз-казаков к такому поступку. Питая к ним наследственную вражду, он при всяком удобном случае притеснял их и мстил им за своих предков

[9], присоединение же Меньшей и Средней орд к России побудили его нанести Большой орде такой удар, после которого она уже не могла последовать примеру своих соплеменников: он напал на нее, разгромил и покорил [10].

Однако ж, завоевание сие, подобно большей части побед над кочевыми народами, не было прочно. Хотя, как уверяют чиновники русские, бывшие тогда¹ в степях киргизских, новые подданные Галдана дали ему в знак покорности своей на первый раз, по шкуре корсачей с души, но несчастье не истребило в них привычки и всегдашнего стремления к независимости.

Увидев совершенную невозможность оставаться на прежних жилищах своих около озера Балхаш, они удалились к рекам Цуй и Сарасу, а потом, собравшись с силами, напали на Ташкент и Туркестан, разорили оные, равно как и множество других городов и селений, к сим владениям принадлежащих, и приобрели столь великую власть над ташкенцами, что принудили их из среди себя избирать ханов [11].

Жители бывшей Вятской провинции *Шубай Арсланов и Мансур*, в 1742 году приехав из Ташкента в Оренбург², рассказывали, что до 1739 года владел Ташкентом вышеупомянутый хан, что с ним разделял власть один сильный старейшина киргизской по имени *Тюлябий* [12] и что они собирали с города ежегодную подать. Потом Юлбарс убит, но Тюлябий и без него продолжал еще несколько времени владычествовать и собирать доходы. Власть его была прекращена каким-то *Кусек-беком*, данником, а может быть и наместником Галдан Цырена.

Он повелевал Ташкентом в бытность там Шубая и Мансура, но подать с народа поступала не к нему, а прямо к владельцу зюнгарскому. По словам путешественников наших, киргиз-казаки при Кусек-беке уже не имели влияния на внутренние дела Ташкента, но так стеснили окрестности оного, что самый город оставался как бы в постоянной осаде. Они развели под стенами его пашни, завладели близлежащими лесами и при малейшем неудовольствии брали в плен как жителей городских, так и купцов, приезжавших к ним для торгова.

¹ См. Журнал поручика Гладышева, хранящийся в Оренбургской пограничной комиссии.

² См. дела 1742 года в архивах Оренбургской пограничной комиссии.

В таком же почти положении был несколько времени и Туркестан, хотя, впрочем, киргизы не мешали зюнгарам ездить туда для торго. Что касается до малых городов, между Туркестаном и Ташкентом лежащих [13], то киргиз-казаки, покорив их тогда, сохранили в своей власти почти до начала нынешнего столетия.

Заметим, однако ж, с удивлением, что, невзирая на все сии завоевания и притеснения народа, бывшего под властью Гальдан Цырена, Большая орда казачья не смела ни явно идти против зюнгаров, ни объявить себя независимую от них.

Несколько лет спустя, а именно в 1749 году, *Тюлябий*, изгнанный из Ташкента Кусяк-беком, соскучив ничтожностью своею, хотел возвыситься покровительством России и прислал в Оренбург депутатов с предложением подданства³ [14]. Бессилие его, вероятно, было известно правительству российскому, а потому вызов его не имел никаких последствий.

Страх и притворная покорность киргиз-казаков Большой орды зюнгарам продолжались до того времени, пока сей последний народ сам не начал слабеть от возгоревшихся в нем междоусобий, кои, наконец, как известно, кончились совершенным его рассеянием. Лишь только открылись между зюнгарами распри, казаки тотчас приняли в оных самое деятельное участие. Предложив всем изгнанным князьям зюнгарским и зайсангам [15] убежище у себя, они соединялись с ними для отмщения их обид, нападали на их неприятелей и не упускали ни одного случая, под видом пособия несчастным, обессилить набегами древних врагов своих [16]. Наконец, когда в междоусобия зюнгарские вступились китайцы, и когда успех оружия их привел преемников гальдановых в совершенное изнеможение, то киргиз-казаки Большой орды взяли сторону *Амурсана*⁴ [17] и составили часть войска его, сражавшегося с китайцами до 1756 года, в котором зюнгарское владение пало под ударами китайских мечей. Народ, составлявший оное, истреблен или рассеян, а земли, ему принадлежавшие, превратились в пустыни [18].

³ О происшествии сем упоминает Тевкелев в одном из журналов своих.

⁴ Последний зюнгарский владелец, бывший подданный Китая, а потом ставший врагом оного и умерший в России.

Происшествие сие принесло киргиз-казакам две важные выгоды: во-первых, оно избавило их от беспокойных и опасных врагов, во-вторых, оно доставило им средство расширить кочевья свои в местах очень удобных. Китайский богдохан [19] не только не препятствовал им занимать опустошенные степи Зюнгари, но еще привлекал их туда, а для защиты от набегов учредил между ними и прежними своими владениями укрепленную военную линию, которая донныне называется *Новою линиею* [20].

Таким образом, Большая орда казачья, долго находившаяся в стеснении, распространилась для выгод скотоводства во все стороны. Та часть оной, которая приблизилась к границам Китайской империи и смешалась с некоторыми остатками зюнгаров, за обычные грабежи свои и набег несколько раз наказана вооруженною рукою, а потому покорила владычеству Китая и донныне считается в числе его подданных. Другая часть, несколько западнее кочующая, сохранила свою независимость.

Некоторые отделения обеих частей сих живут близ бурутов [21] и, часто сражаясь с ними, сделались воинственнее и опаснее всех прочих киргиз-казаков. Мы не можем исчислить здесь всех непрерывных сражений их с соседями, но вменяем себе в обязанность упомянуть о сильном ударе, ими нанесенном в 1771 году калмыкам, или тургутам [22], бежавшим из России в пределы Китая под предводительством известного *Убаши* [23].

Особенно отличился в сем случае султан Большой орды *Эрали*, известный храбростию своею в Китае и получивший от богдохана достоинство *придворного рыцаря*⁵.

Узнав о приближении тургутов к его владениям и о бедствиях ими претерпенных в кочевьях Средней орды, он немедленно приготовился к новому и сильнейшему их поражению. Султана *Аблая* [24] послал он просить о нападении на них с тыла, малосильным своим союзникам предписал действовать с боков, а сам с отборными ратниками вышел неприятелям навстречу. Семейство же свое, равно как и всех подвластных ему женщин, детей и стариков с драгоценнейшим имуществом, отправил он в безопасные места. Первоначальные распоряжения сии были очень благоразумны, но не имели полного успеха, потому что *Аблай* отказался содействовать исполнению оных. *Эра-*

⁵ Известия о подвигах сего султана заимствованы нами из описания побега *тургутов*, сочиненного китайским князем Циши и переведенного на русский язык г. Липовцовым.

ли⁶ остался один и, будучи гораздо слабее тургутов, не осмелился напасть на них явно. Но присутствие духа и военная хитрость заменили ему союзников: он показal вид, будто решился непременно остановить всех бегущих и не пускать их далее. *Убаши* и подвластные ему, претерпев уже на пути своем множество несчастий, были приведены в крайнюю робость новым неприязненным движением казаков и вместо того, чтобы немедленно опрокинуть неприятеля, остановились перед ним, начали советоваться, думать, и провели 15 дней в совершенном бездействии. *Эрали* употребил нерешимость их в свою пользу: в то самое время, когда они занимались бесполезными совещаниями, он на подкрепление себе собирал со всех сторон вооруженных союзников, представляя им вред, которого должно было ожидать от соседства калмыков, или прельщая их описаниями важной добычи, которая ожидает победителей народа, идущего из одной земли в другую со всеми своими богатствами и с множеством женщин.

Убаши, видя ежедневно возрастающие силы неприятеля, потерял всю бодрость духа и вместо сражения решился униженно просить о позволении идти далее к реке Или. *Эрали* изъявил притворное согласие, но с тем, чтобы усыпить бегущего владельца и нанести ему жесточайший удар. Так и случилось: едва калмыки, отойдя от киргиз-казаков, расположили стан свой для ночлега, *Эрали* с союзниками быстро напал на них, ворвался в середину и, истребив целые толпы беспечно отдохавшего народа, получил в добычу большое число пленных, множество разных вещей и скота.

Третья часть Большой орды, кочевавшая во время Галдан-Цырена около Ташкента, по уничтожении зюнгарского владения не переменяла мест, ею прежде занятых, но начала селиться из оных и усугубила притеснения, которым от нее подвержены были соседственные города и селения. Более всех страдал Ташкент. Нападения, разграбление караванов и почти совершенное лишение земли, необходимой для хлебопашества, довели жителей его до крайнего разорения. Не будучи подвластными киргиз-казакам, они во всем зависели от них и все выгоды жизни

⁶ Кн. Циши называет его *Эрели-Нарали*. Имя сие не киргизское, а должно быть или составлено ошибкою из двух имен, или искажено китайцами.

или торговли должны были покупать у них высокою ценою.

В 1760 году к сей части Большой орды присоединилось значительное число каракалпаков, кои, живя около устья реки Сыр, были там притесняемы Меньшою ордою, особенно при хане Нурали, и потому удалились на восток.

Неизвестно, почему киргиз-казаки, имевшие столь великую силу, совсем не овладели Ташкентом и не водворились в нем, но достоверно, что город сей терпел от них почти до наших времен. Хань его, будучи бессильны и непредприимчивы, старались отвращать набеги более ласками, подарками и уступчивостию, нежели сопротивлением и решительными отпорами, а киргизы привыкли снисходительность почитать слабостью, и, следовательно, такой образ поведения с ними более поощрял их к продолжению насилий, нежели обезоруживал [25].

Истину сию испытывал Ташкент уже несколько десятков лет, когда повелителем оного сделался *Юнус-ходжа* [26]. Он тотчас увидел, что обращение его предшественников с казаками было невыгодно для благосостояния народного, и что они не перестанут тревожить его подданных, доколе не будут усмирены вооруженною рукою. Так думал он и так действовал: собрал войско и в 1798 году⁷ напал с оным на Большую орду казачью. Счастье сопутствовало ему и доставило поверхность над притеснителями в первых сражениях.

Ободренный хорошим началом дела, он продолжал преследовать их, и к действию оружия присоединил такие казни, которые могут быть изобретены только воображением раздраженного азиатца: он велел всем пленным рубить головы и составлял из оных в виду неприятельского войска пирамиды. Ужасные зрелища сии привели киргиз-казаков в неимоверный трепет. Не имея истинной храбрости и привыкнув всегда сражаться из корысти, они не могли единодушно решиться умереть или отомстить за кровь собратьев своих, а плена боялись, и потому покорились *Юнус-ходже*.

Испытав таким образом пользу решимости и строгости, владелец сей отобрал у киргиз-казаков все селения, во власти их находившиеся, и потребовал от них не только

⁷ См. рукописный журнал г. Поспелова, бывшего в Ташкенте в 1800 году.

совершенной покорности на будущее время, но и возмездия, по обычаям азиатским, за прежние грабежи и убийства подданных ташкентских. В заключение предписал он им правила для разбирательств внутренних распрей и наложил на них подать со ста баранов по одному, словом сказать, сделал их настоящими подданными своими, и впоследствии времени составлял из них также, как и из ташкентцев, часть войска своего.

Повторяем, однако ж, что не вся Большая орда была покорена Юнус-ходжою, даже и из соседственных с его владениями киргизов многие избегли его власти: одни удалились в числе нескольких тысяч кибиток на Иртыш и соединились там с Среднею ордою, некоторые откочевали к горам Актау, остальные — в разные другие места.

Киргиз-казаки, сделавшиеся подданными Юнус-ходжи, остались под властью Ташкента, доколь народ сей и вся принадлежащая оному страна со включением Туркестана не подпала чужеземному владычеству. В 1814 году они сделались собственностью хана кокандского [27], а с ними и казаки принуждены были покориться новому повелителю. Некоторые из них, однако ж, и в сем случае представили новое доказательство того, сколь трудно удержать на месте народ кочевой против его воли: отделения, около города *Чимкента* обитавшие, бросили пашни свои, даже сады, и перешли к границам китайским⁸.

Из всего вышеописанного следует, что Большая орда казачья не составляет ныне ничего целого: одна ее часть повинуется Китаю, другая — кокандскому владельцу, третья, наконец, почитается независимою. Из сей последней несколько тысяч кибиток, кочующих на урочище *Семь рек* и около рек *Куксу* и *Каратала*, не в большом расстоянии от владений китайских, в 1819 году под предводительством султана *Сюка* (сына хана Аблая) признали над собою власть России [28].

Сверх того, некоторые киргиз-казаки Большой орды совсем перешли из степей своих на поселение в пределы России. Таким образом принят султан *Чурыгей* с 4000 кибитками киргизов Средней и Большой орд. Указом императрицы Екатерины II от 28 февраля 1789 года, отданы ему земли близ Усть-Каменогорской крепости.

⁸ См. записки Ф. Назарова, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах (с. 34).

Таким же образом в 1793 году просил о принятии в вечное и полное подданство России султан Большой орды *Тугум*, с 100 кибитками подвластных ему киргизов, кои все и перешли чрез сибирскую границу внутрь империи.

Глава ПЯТАЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ОРД [1] С 1730 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

События Средней и Меньшей киргиз-казацких орд со времени присоединения их к России так связаны между собою, что невозможно разделять оных, а потому мы и представим читателям нашим совокупное историческое обозрение обеих сих орд с 1730 года до настоящего времени.

В конце третьей главы сказали мы, что киргиз-казаки, удалившиеся от покорности России в то время, когда покорности сей требовала общая польза, сделались подданными императрицы Анны для личной выгоды одного человека.

Сие лицо есть хан *Абульхайр* [2], о котором уже говорено. Повелевая большую часть Меньшей орды и простирая власть свою на некоторые роды Средней, он думал о пользе народа своего, но еще более заботился о средствах усилить и возвысить себя над соперниками и врагами своими, а особенно над ханом *Каипом* [3], которому также подвластна была часть Меньшей орды. Положение киргиз-казаков около 1730 года благоприятствовало властолюбию Абульхайра. Подвластные его, изнуренные частыми потерями людей и имущества, стесненные со всех сторон враждующими соседями и ежеминутно ожидавшие новых бедствий, были тогда готовы на всякие пожертвования. Воспользовавшись расположением их умов, хан решительно объявил им, что нет другой меры к спасению, кроме добровольного вступления в подданство России. С первого раза предложение его было отвергнуто, но Абульхайр с такою заботливостию и постоянством продолжал представлять киргизам несчастья, их ожидавшие, без опоры правительства русского, так сильно, так живо описывал оные, и убеждения его в самом деле были столь справедливы, что нельзя было не согла-

ситься с ними. Сравнив отдаленные выгоды независимости с необходимостью скорой помощи, и, может быть, твердо решившись при первом случае опять возвратиться к независимости, ближайшие приверженцы Абульхайра решились покориться императрице Анне. Число народа, изъявившего сию решимость, было невелико¹, но хан не мог терять времени на умножение оногo, не мог не пользоваться первым действием своих убеждений, а потому немедленно избрал из надежнейших людей несколько посланцев и отправил их в сопровождении башкирского старейшины Алдара к уфимскому воеводе Бутурлину с письменным предложением подданства. Посланцы сии в июле 1730 года прибыли в Уфу, а из оной отправлены Бутурлиным в Петербург [4].

В письме своем Абульхайр изъяснял причины, побудившие его к покорности, говорил о несчастиях, народом его претерпенных от зюнгаров, упоминал о нападениях волжских калмыков, башкиров и яицких казаков, обещал содержать себя на собственном иждивении, давал надежду помогать России в усмирении ее неприятелей, а между тем просил вспомогательных войск для покорения хивинцев, каракалпаков, аральцев [5] и прочих и, наконец, признавал как себя, так и орду свою вечными подданными России.

Неожиданное и приятное происшествие сие, которого истинных причин еще не знали в Петербурге, было принято с радостью. Оно льстило славе государства, ибо присоединяло к нему без малейшего кровопролития, несколько сот тысяч новых подданных. Оно обещало спокойствие и безопасность юго-восточным областям нашим, столь долго страдавшим от опустошительных нападений киргиз-казаков. Наконец, оно открывало для правительства множество блестящих надежд по торговле. Думали, что добровольно покоряющиеся орды можно будет употреблять к ослаблению зюнгаров, которых владелец Гальдан Цырен, возбудивший опасения в самом Петре Великом, тогда был еще жив [6]. Надеялись, что киргиз-казаки послужат и к усмирению внутренних неприятелей России, башкиров, беспокоивших правительство частыми бунтами. Нельзя было не обратить внимания и на вызов Абульхайра усми-

¹ Тевкелев по возвращении от киргиз-казаков (о чем будет говорено ниже) в представлении своем императрице очень ясно пишет, что Абульхайр предложил подданство без согласия народа, кроме нескольких его приверженцев.

речь аральцев, каракалпаков и особенно хивинцев, которые тогда еще носили на себе свежие следы крови коварно умерщвленного ими при Петре I князя Бековича-Черкасского [7], с участниками его несчастья. Отмстив вероломному народу сему, Россия могла положить твердое основание торговым связям своим со всею Среднею Азиею.

Большая часть сих видов уже была предначертана обширным умом Петра Великого, но он для исполнения намерений своих не имел ни времени, ни нужных средств. Он нашел бы их, если б смерть не похитила его в то время, когда он, окончив войну шведскую, только начинал обращать попечение свое на азиатские границы России² [8].

Не прошло шести лет после его смерти, когда киргиз-казаки изъявили желание покориться России. Помощники Петра в делах государственных еще были живы и помнили его предположения, а потому посланцы Абульхайра прибыли в Петербург во время весьма для них благоприятное. Двор, обрадованный добровольным появлением на берегах Невы тех людей, для усмирения которых посылал он войско на Урал и Иртыш, готов был исполнить все их желания.

Осыпанные милостями, ласками и подарками, посланцы киргиз-казацьи отправились обратно с грамотою императорскою к Абульхайру, в которой изъявлено было

² Рычков в своей "Оренбургской истории" в гл. 1 пишет: "Того ради Его Величество (Петр Первый), как-то еще и донныне уповаю, многим знатнейшим особам известно есть, неоднократно изволил иметь рассуждение, коим бы образом от сих непостоянных (киргиз-казаков) и пр. народов единожды... безопасность утвердить".

Далее: "И тако по победоносном окончании шведской войны, между прочим, изволил особливое попечение иметь и о том, чтобы вышеопи-санную безопасность на самых тех местах, где ныне с помощью божию Оренбургская линия строится, действительно основать, и чрез то героичным своим намерением *путь во всю полуденную Азию отворить*, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать. И хотя к тому важному и нужному предприятию Его Величество некоторые о сем деле ему учиненные представления, милостиво принимал,... а особливо с Сибирской стороны от находящегося тогда сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского, бывшего потом великим канцлером,... но нечаянная Его Императорского Величества кончина все оное в действо произвесть не допустила".

Рычков, писавший свою "Историю Оренбургскую" при императрице Анне (она напечатана в сочинениях и переводах 1759 года), когда царствование Петра у всех еще было в свежей памяти, не мог приписывать сему государю вымышленных деяний; ложь была бы тогда немедленно обнаружена очевидцами.

согласие на принятие его в подданство, и обещаны ему защита и покровительство. Для удостоверения во всем ими сказанном и для приведения новых подданных к присяге отправлен с ними в орду переводчик Коллегии иностранных дел Мурза *Тевкелев* [9], о котором упоминали мы выше и впоследствии сего сочинения часто будем говорить. С ним было послано также несколько уфимских дворян, вернейших башкиров и русских казаков и для топографической съемки мест, занимаемых киргиз-казаками, наряжены два *офицера-геодезиста* [10].

Появление Тевкелева в Орде открыло все властолюбивые замыслы хитрого Абульхайра. Чиновники, ехавшие приводить новых подданных России к присяге, не только не были приняты соответственно своему назначению, но тотчас по приезде едва не лишились жизни. Киргизы, раздраженные одною мыслию о потере дикой свободы, увидя посреди себя русских, вдруг взволновались и немедленно хотели принести Тевкелева в жертву гневу своему. Хан спас его, но не усмирил волнения, отважнейшие из подвластных ему напали на него самого и потребовали отчета в праве, которое он без согласия их присвоил себе, входить в сношения с иностранными державами, и обещать им покорность как за себя, так и за все орды. Нельзя было не ожидать сопротивления, зная, что Абульхайр на отправление своих посланцев в Россию вынудил согласие только небольшого собрания киргиз-казаков. Сия хитрая смелость даже могла ему стоить жизни, и если он не пал тогда под ударами разъяренных соотечественников своих, то обязан спасением не власти своей над ними, слабость которой мы сейчас увидим, но счастию.

Даже и Тевкелев, которого киргиз-казаки не раз собирались умертвить, одолжен спасением своим не столько покровительству Абульхайра, сколько единоверию своему с ордынцами³ и силе своего красноречия, которым он обезоруживал врагов, стремившихся лишить его жизни. Описания сих происшествий сохранились в архивах.

Рычков в "Истории Оренбургской" говоря об оных, прибавляет, что убедительность и сила речей Тевкелева заставили киргиз-казаков почитать его человеком сверхъестественным, а мы в дополнение скажем, что успехам его весьма много содействовал башкирский старшина ба-

³ Он был из татар и, следовательно, магометанин.

тыр Таймас, бывший тогда при нем и прежде сделавший себя известным в ордах казачьих подвигами храбрости.

Труды и старания Тевкелева были не тщетны. Сколь ни сильно сопротивлялся ему народ, с которым он имел дело, но, наконец, утомился от чрезмерных усилий, и ум восторжествовал над буйною силою.

Наскучив присутствием русских и боясь влияния их, киргиз-казаки твердо положили избавиться от посетителей столь неприятных, и потому объявили Тевкелеву, что назначают решительное собрание народное для совещаний о принятии или непринятии присяги на подданство России, и что в собрание должен он явиться один, без всякой свиты. Намерение убийства было почти очевидно, однако ж, Тевкелев не отказался от приглашения и даже употребил оное в свою пользу.

Он знал корыстолюбие киргиз-казаков и был руководим ханом и его приверженцами, а потому прежде всего склонил на свою сторону некоторых знатнейших и опаснейших врагов своих подарками, и потом уже явился в собрание. Подкрепляемый надеждою иметь защитников и видя пред собою решительный случай прославиться или погибнуть, он показал в сем случае всю отважность, всю силу своего красноречия, все присутствие духа, которыми столько раз отличал себя между киргизами, и которые приобрели ему, как сказано выше, необыкновенное уважение всех магометан. Знаменитый и чтимый как Среднею, так и Меньшею ордами старейшина киргизский *Букенбай* [11] вызвался быть первым его покровителем. Вместе с сим старейшиною и с ханом Абульхайром, тут же присутствовавшим, они столь сильно, столь убедительно говорили в пользу России, что противники ханские были увлечены доводами его приверженцев. Следствием сего было то, что все присутствовавшие, начиная с Абульхайра и хана Средней орды *Шемяки* [12] присягнули на подданство России. Все сие происходило в 1732 году [13].

Удаленный от пределов России Тевкелев еще не успел сообщить правительству об успехе своего посольства, как начались волнения в другой части орд казачьих, а именно в Средней орде. Хан и родоначальники ее завидовали силе, которую должен был приобрести Абульхайр сближением своим с двором петербургским и даже боялись его. Простой народ напротив того, не имея среди себя столько приверженцев России, сколько было их в Меньшей орде, не хотел расставаться с независимостию своею, представ-

лял себе все в превратном виде и потому сильно восстал против соплеменников своих, покорных России.

Отважнейшие не удовольствовались тем и устремились в пределы русские на башкиров, но были храбро отражены. Через несколько времени сделали они вторичное нападение на жилища башкирские, и хан Шемяка, присягнувший в верности России, не отказался быть предводителем оногo, однако ж сие второе покушение было столько же для них несчастливо, как и первое.

Волнение сие, подкрепляемое увещаниями друзей независимости, отразилось даже и на тех киргиз-казаках, которые уже присягнули. Они опять поколебались, начали снова отставать от принятой присяги, и положение Тевкелева опять сделалось опасным. Тут начал он помышлять о возвращении в Россию, но его не хотели отпустить. Повинуясь необходимости и избегая смерти, он должен был удовольствоваться тем, что ему позволено было отправить обратно в Россию свиту свою с донесениями о положении дел, ему порученных, а сам остался в орде под покровительством Абульхайра.

Таким образом, Тевкелев, казалось, был предан на жертву полудиким киргиз-казакам. Опасность, в которой он находился, по-видимому, еще увеличилась, когда Абульхайр откочевал от границ России к устью реки Сыр, и когда Тевкелев должен был туда за ним следовать, но на самом деле путешествие сие оказалось источником успеха, которого ожидало правительство русское, и которого домогался представитель оногo в ордах киргизских.

Переход Абульхайра к берегам Сыра, удалив подвластных его от поборников независимости и от личных неприятелей его, приблизил их к спокойному народу *каракалпакам*, которые, будучи угнетены со всех сторон, при первом известии о могуществе России стали искать защиты ее чрез Тевкелева, и наконец, признали себя подданными русскими, немедленно приняв присягу [14]. К происшествию сему более всего содействовал Абульхайр по двум причинам: *во-первых*, для того, чтобы увеличить силу и услуги свои пред Россию, *во-вторых*, чтобы примером сим подействовать сильно на киргиз-казаков и скорее склонить их к такой же покорности. И в самом деле, его подвластные после сего сделались спокойнее и окончательно решились признать себя подданными императрицы Анны. Не видя более противоречий, хан и Тевкелев направили свой путь обратно к границам русским:

последний для того, чтобы ехать в Петербург с радостными известиями о счастливом окончании данного ему поручения, а Абульхайр — с намерением послать ко двору сына своего для изъявления покорности императрице Анне от лица всего народа и с разными предложениями, о которых впоследствии будет говорено.

Приблизившись в декабре месяце 1732 года к границам российским, Абульхайр отправил с Тевкелевым в Петербург посольство, состоявшее: 1) из его сына *Эрали-султана*, впоследствии времени бывшего ханом; 2) из ближнего своего родственника султана *Ниаза* [15]; 3) из нескольких старейшин киргизских. К ним присоединил он из тшеславия старейшин Большой орды *Аралбая* и *Арасгельды-батыра*, о которых говорили мы в главе IV. Все они вместе с Тевкелевым в январе месяце 1733 года прибыли в Уфу. Здесь Тевкелев оставил их и отправился один в Петербург как для донесения о всем с ним происшедшем, так и для получения позволения привести посольство киргизское ко двору. Неожиданный приезд его столько же удивил, сколько обрадовал министерство императрицы Анны. Его почитали погибшим или пленным, и потому даже посланы были из Коллегии иностранных дел деньги в Уфу на его выкуп. С сим вместе погасли, было, и все политические надежды, родившиеся при первом предложении Абульхайра. Но Тевкелев вдруг явился в столицу с торжествующим лицом и донес об успехах своих, о прибывшем в Уфу посольстве киргизском, и о вновь принятой им присяге от каракалпаков.

Между тем и хан Средней орды *Шемяка* прислал в Уфу посланцев с раскаянием в сделанных после присяги нападениях и с новым предложением подданства.

Приятные известия сии возобновили все прежние упования, а потому Тевкелев, принятый начальством со всеми знаками заслуженного им внимания, в скором времени обратно отправлен в Уфу, с тем, чтобы привести в Петербург султана Эрали и всю его свиту.

В таковых переездах и переговорах прошел весь 1733 год, и посольство прибыло в Петербург не прежде января 1734 года.

В феврале месяце султаны Эрали и Ниаз и старейшины, им сопутствовавшие, равно как мнимые представители Большой орды, Абульхайром присланные, были торжественно представлены императрице. Эрали произнес при сем случае краткую речь, в которой, изъяснив по-

корность отца своего и всего народа киргиз-казацкого просил о принятии оногo под власть, покровительство и защиту России.

Императрица выслушала сие приветствие весьма милостиво и приказала всех принадлежащих к посольству наградить богатыми подарками, доставив им для прожития в Петербурге все возможные выгоды и удовольствия на счет казны.

Обратное их отправление не могло последовать иначе, как по окончательномo рассмотрении всех требований и желаний Абульхайра, по соображении их с выгодами государства и по принятии решительных правил, на которых правительство российское должно было вперед поступать с киргиз-казаками. Решение всех сих дел требовало времени, между тем не желали оставить Абульхайра в безызвестности об участи его сына и предложений, им сделанных, а потому 20 числа апреля послана к нему с двумя киргизами, к посольству принадлежавшими, грамота, в которой, *во-первых*, изъявлена ему благодарность за старания привести в подданство России Большую и Среднюю киргиз-казацкии орды и вместе с тем поручено ему утвердить оные в покорности⁴; *во-вторых*, объявлено, что сын его Эрали со свитою своею приняты были императрицею весьма милостиво, и что они скоро должны отправиться назад, *в-третьих*, основываясь на сведениях, Тевкелевым доставленных о властолюбии Абульхайра, велено ему жить как с семи ордами, так и с каракалпаками в мире и согласии.

Успокоив таким образом на несколько времени томившегося в долгих ожиданиях хана, продолжали соображать его обещания и предложения с пользами империи. Письменно и словесно обязывался он: 1. Охранять безопасность границ российских, смежных с землями его орды. 2. Защищать купеческие караваны наши и провожать их чрез степи киргизские. 3. Давать из подвластных своих, подобно башкирам и калмыкам, подкрепления войску русскому в случае нужды. 4. Платить дань или ясак звериными кожами.

Ни одного из сих обязательств не мог он исполнить на деле, ибо не имел довольно власти над народом своим, подобно всем наследовавшим ему ханам [16]. Невозможность сдержать *первое* и *второе* обещания весьма скоро доказал он многими опытами. К *третьему* сначала не имели случая прибегнуть, но впоследствии увидели неосновательность оногo. От *четвертого* правительство пола-

⁴ Здесь должно заметить, что с Эрали-султаном не было ни одного депутата от Средней орды.

гало должным в начале отказаться, а потом никогда уже о нем и говорено не было, как о вещи невозможной.

Взамен обещаний столь пышных Абульхайр чрез сына и Тевкелева, между прочим, особенно просил двух вещей; *утверждения ханского достоинства в его роде на вечные времена и построение при впадении реки Ори в Урал города с крепостию, в которой мог бы он найти себе убежище в случае опасности.*

Желания сии были удостоены внимания, и исполнение оных возложено на статского советника Кирилова [17], который отличался тогда географическими сведениями, сочинял карты и успел собрать столь подробные известия о верхней Азии, что оные в то время заслуживали весьма справедливое удивление. Сверх того, сохранял он у себя записки о всех видах и предположениях Петра Первого касательно смежных с Россиею азиатских владений. По обстоятельствам сим он решился сочинить и представить в Кабинет императрицы два проекта о киргиз-казаках и соседственных с ними народах и о средствах удержать их в подданстве России, об управлении ими и необходимости построить для сего просимый Абульхайром город с крепостию, о выгодах политических и финансовых, которые можно было извлечь из приобретения степей киргизских. Мнения его были столь основательны, столь много обещали пользы, что министерство и сама императрица не могли их не одобрить [18].

Приняв оные в руководство, положено самого же Кирилова назначить исполнителем всех видов правительства относительно новых подданных, для сего даны ему все нужные средства и власть: отправлено с ним несколько инженеров для построения крепости, несколько геодезистов для черчения карт и три морских офицера с мастеровыми и матросами для строения судов и управления оными. В Москве присоединились к нему чиновники горные, артиллерийские, историограф, ботаник, аптекарь, живописец, лекаря, студенты Славяно-латинской школы и множество других чиновников разного звания и для разных упражнений⁵. В Казани принял он под свое начальство целый полк и достаточное количество артиллерии. В Уфе посту-

⁵ Тогда же Кирилов испросил повеления о выпуске к нему из Кадетского корпуса нескольких офицеров, которые, обучаясь при нем азиатским языкам и узнавая нравы и обычаи азиатцев, могли бы со временем быть начальниками того края. Мысль, делающая честь предусмотрительному уму Кирилова, и достойная подражания.

пили к нему один баталион пехоты, нужное число казаков и разные другие военные отряды как регулярные, так и нерегулярные. На издержки для порученной Кирилову экспедиции предоставлена ему в произвольное распоряжение часть уфимских доходов, а для помощи в делах и для переводов при сношении с киргиз-казаками отправлен с ним известный уже читателям Мурза Тевкелев, которому за благоразумное поведение во время пребывания в ордах казачьих и за приведение подвластных Абульхайра к присяге пожалован чин полковника.

Замечательнейшие статьи главной инструкции, данной Кирилову при его отправлении, суть следующие:

1. Построить город с крепостию при устье реки Ори и стараться о привлечении в оный жителей.

2. Разослать врученные ему грамоты: а) *Абульхайру*, б) *Шемяке*, хану Средней казачьей орды, с) родоначальникам Большой орды и d) каракалпакскому хану.

3. Ханов и старейшин или родоначальников всех сих орд пригласить к себе.

4. От Большой и Средней орд потребовать присяги.

5. Султана Эрали отправить к отцу под надежным прикрытием.

6. Удерживать киргиз-казаков в повиновении, смотря по обстоятельствам, милостями и подарками, или строгостию и страхом.

7. Если Абульхайр или другие ханы и простые киргизы захотят кочевать близ нового города, то назначить им места, если же ханы пожелают иметь для приезда или житья дома, то строить оные под городом по их обычаю. Равным образом не отказывать им в построении мечетей, но иметь при них караул как для чести, так и для надзора.

8. Реку Урал назначить границею и смотреть, чтобы никто из киргизов своевольно на правый ее берег не переходил.

9. Для разбирательств учредить суд из русских чиновников и значительнейших киргизов, как, например, из ханских детей или других султанов и старейшин. В суде сем всякому судиться по обычаям своей земли.

10. По основании города и после свидания с Абульхайром при первом удобном случае отправить караван с товарами в Бухарию и, если можно, далее. Равным образом стараться привлечь в Россию для торговли купцов из разных мест Азии.

11. В каждом караване, начиная с первого, отправлять геодезистов для осмотра и съемки мест.

12. Отыскивать по возможности руды и осмотреть место, заключающее в себе, по словам Абульхайра, золото.

13. Стараться завести на Аральском море пристань и вооруженные суда, для чего построить вначале несколько шлюпок на Яике (Урале) и, разобрав их, держать со всеми снастями во всегдашней готовности. Когда же город построится и связи с киргиз-казаками и каракалпаками утвердятся, то разобранные суда в зимнее время с согласия Абульхайра и знатнейших старейшин привести на Аральское море и, опять собрав, вооружить пушками.

14. Покупать у киргизов при удобных случаях лошадей для кавалерии.

15. В открытии, добывании и продаже минералов, кроме золота и серебра, которые в киргизской степи могут быть найдены, поступать на купеческом основании, не теряя времени в соблюдении форм.

Для удобнейшего же исполнения обязанностей, на Кирилова возложенных, всем местам и лицам повелено оказывать ему возможные пособия.

Дополнительные дипломатические наставления, ему данные, имели целью:

1. Надзирать за башкирами, между которыми до того оказывались частые беспокойства.

2. Смотреть равным образом и за киргиз-казаками.

3. Если же те или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русское войско.

4. Стараться иметь верные и скорые известия о всех народах, пограничных с Россиею.

5. Особенно наблюдать действия зюнгаров, изыскивая средства прекратить набеги их на сибирские поселения и отвратить их от собирания подати с так называемых *двоеданцев*. Если же замечено будет со стороны их какое-либо движение, то немедленно доносить Коллегии иностранных дел и давать знать пограничным начальникам.

6. Абульхайру, в войне его против хивинцев делать пособия только порохом и оружием, но войск вспомогательных не давать.

Грамоты, которые вручены были Кирилову для отправления в Меньшую и Среднюю орды казачьи, почитаемы обязанностию поместить здесь во всем их пространстве.

Первая из них была доставлена Абульхайру по прибытии Кирилова на место, вторая не могла быть послана потому, что хан Шемяка, на имя которого она была написана, в сие время умер.

Вот они обе:

1. Божию милостию Мы, Анна, императрица и самодержица всероссийская и прочая, и прочая, и прочая.

Киргиз-кайсацкой орды *Абульхайр-хану*, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску нашего императорского величества милость. Мы уповаем, что отпущенный отсюда с нашею императорского величества милостивою к тебе грамотою из обретающихся здесь при сыне твоём Эрали из старшин киргиз-кайсайцких Татлымбет-батыр, Байбек-теленгут и с ними трое башкирцев уже к тебе приехали. Из той нашей грамоты ты, Абульхайр-хан, о нашей императорского величества к тебе высочайшей милости и о содержании здесь сына твоего во всякой милости обстоятельно уведомился. А ныне Мы, Великая Государыня, наше императорское величество из особливого нашего милосердия к тебе, нашему подданному Абульхайр-хану и старшинам и ко всему киргиз-кайсацкому народу и на прошение твое, Абульхайр-хана, всемилостивейше склонились и соизволили послать отсюда нашего статского советника Ивана Кирилова и нашего ж полковника Мурзу Мамета Тевкелева и указали город при устье Орь реки построить, и людьми и артиллерию, пушками и мортирами и прочим воинским снарядам снабдить для удобнейшего и скорейшего тебя, нашего подданного Абульхайр-хана и старшин и всего войска, тако ж де и других киргиз-кайсацких и каракалпакского в наше подданство пришедших орд, ханов и старшин и всякого войска и посольства, от наших и ваших неприятелей охранения и защищения; в чем во всем от нас, императорского величества, дана им, статскому советнику и полковнику Тевкелеву, полная мочь. А с ними ж и сын ваш Эрали-салтан, и брат Ниаз-салтан и при них старшина и рядовые — все возвратно к тебе отпущены с награждением нашего императорского величества жалованья при отпуске и на проезд со удовольствием. И тебе, киргиз-кайсацкой орды Абульхайр-хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому войску, видя нашу императорского величества к себе милость, наипаче верные службы оказывать; и как при первом случае, во время строения города, так и всегда, от внезапных неприятельских нападений всякое охранение чи-

нить, и о худых и противных чьих намерениях и замыслах нашим статскому советнику Кирилову и полковнику Тевкелеву и войскам нашим, где как случай допустит, заблаговременно ведомости подавать, и других упомянутых подданных наших, ханов и старшин и войско в том утверждать и во всем так поступать, как нашему императорскому величеству подданическую присягу ты, Абульхайр-хан, и старшина и войско учинили. Впрочем, оные Кирилов и Тевкелев имеют указ наш пространнее тебе объявить и изустно о нашей императорского величества милости тебя обнадежить; чего ради тебе, Абульхайр-хану с ними видеться почаству и что они тебе о случающихся делах говорить станут, верить и потому исполнять. Дан в С.-Петербурге 10 июня 1734 года.

У подлинной грамоты ее императорского величества государственная печать.

II. Божиею милостию Мы Анна, императрица и самодержица всероссийская и проч. и проч. и проч.

Нашему подданному Шемяки-хану, старшинам и всему киргиз-кайсацкому Средней орды войску нашего императорского величества милость. Нам, Великой Государыне, нашему императорскому величеству известно, как в 1731 году ты, Шемяка-хан, в бытность посланного нашего в киргиз-казацкую орду Мурзы Тевкелева в подданство наше вступил и в верности нам присягу учинил, а потом, преступя тое присягу, твоей орды кайсаки на наших подданных башкирцев нечаянно напасть и разорение им учинить хотели, а после в другой раз ты, Шемяка-хан, сам с своими кайсаками на них же башкирцев приходил и как сперву так и в другой приход от тех наших подданных башкирцев побеждены, и в том другом приходе, не входя в крайности съехавшись с башкирцами помирились и ты, Шемяка-хан, по-прежнему, а старшина и войско вновь нам, великой государыне, нашему императорскому величеству, на верность присягали, и о принятии в наше подданство со всенижайшим прошением нарочных посланцев на Уфу присылали, которые твои посланцы и назад к тебе отпущены. А понеже ныне по всемилостивейшему нашему императорского величества соизволению посланы наш статский советник Иван Кирилов да подполковник вышеозначенный Мурза Тевкелев для строения при устье реки Орь города и дана им полная мочь киргиз-кайсацкой орды ханам и старшине и всему войску наше соизволение объявить и наших верных подданных мило-

стию нашею обнадежить и желающих быть в подданстве нашем утвердить присягою. Того ради Мы, великая государыня, наше императорское величество, по самодержавной нашей власти и с особливого нашего к киргизкайсацкому народу милосердия, тебе, Шемяки-хану, старшине и всему казацкому Средней орды войску, ежели вы по намерению вашему в подданство к нам верно приходите и быть желаете, учиненную твою Шемяки-хана по первой присяге проступку всемилостивейше прощаем, а впрочем, что тебе, Шемяки-хану, и всему войску кайсацкому Средней орды сделать и как поступать надлежит, о том имеют указ наш вам объявить статский советник Кирилов и полковник Тевкелев. Дан в С.-Петербурге июня 10 дня 1734 года.

У подлинной грамоты ее императорского величества государственная печать.

С сими грамотами, с султаном Эрали, свитою его и Тевкелевым, Кирилов, откланявшись императрице, выехал из Петербурга 15 июня 1734 года.

Обширность средств, ему данных, снисходительность и щедрость правительства в исполнении всех требований его, власть, коею был он облечен, преимущества, дарованные предположенному городу Оренбургу и рвение, с которым все приготовлялось к скорому открытию сношений с новыми подданными показывают, сколь высоко ценил Кабинет петербургский подданство киргиз-казаков, и сколь много ожидали от онога выгод. К сожалению, однако ж, весьма многие из составленных по сему предмету предположений остались неисполненными сначала по причине бунтов башкирских, а потом от преждевременной смерти Кирилова.

Таковую же участь имело и новое поручение, возложенное на него во время путешествия из Петербурга в Уфу. Тогда оказались беспокойства между калмыками на Волге, и ему велено было приготовить киргиз-казаков к наказанию их, если бы они скоро не вошли в границы должного повиновения⁶.

Вместо всех таковых политических действий и занятий делами киргизскими Кирилов по приезде своем на границу ни о чем более не мог заботиться, как об усмирении башкиров [19].

⁶ См. Указ Коллегии иностранных дел на имя Кирилова от 26 августа 1734 года.

Народ сей поставил преграду всем новым предприятиям. С времени покорения Россиею башкиры жили на землях, которые, не будучи ограничены, доставляли им полную свободу распространять кочевья свои почти во все стороны и давали возможность не только беспрепятственно переходить за Яик и нападать на киргиз-казаков, но и восставать при всяком благоприятном случае против самой России. Построение городов на Яике и утверждение на сей реке постоянной границы, окружая башкиров русскими поселениями и войсками, не могли не казаться им опасными. Желая воспрепятствовать исполнению сих распоряжений, они решились не допускать Кирилова к устью реки Ори, где повелено было ему заложить новый город и крепость.

Покушение таковое осталось безуспешным, хотя некоторые военные отряды и потерпели от нападений, но сам Кирилов достиг своей цели и 15 августа 1735 года, на месте нынешней Орской крепости, заложил город Оренбург.

Коль скоро укрепления начали возвышаться, и войско с пушками введено внутрь оных, то султан Ниаз с несколькими старейшинами, отправлен в Орду для объявления Абульхайру об исполнении его просьбы, т. е. о заложении Оренбурга на избранном им месте и для приглашения его с владельцами всех орд казачьих весною 1736 года в новый город на свидание и переговоры с Кириловым.

Тогда же отпущены в отечество свое ташкентские купцы, приехавшие в Россию с товарами. Для привлечения их на торг в заложенный при них город оказаны им разные пособия, даны многие подарки и объявлены преимущества, Оренбургу дарованные.

Между тем бунт внутри Башкирии не только не утихал, но увеличивался, и нападения на военные обозы не прекращались. Для усмирения их назначен был тогда главным начальником войск генерал-лейтенант Румянцев, отец знаменитого Задунайского, и Кирилов, непрерывно занимаясь вместе с ним делами башкирскими, не имел никакой возможности войти в ближайшие сношения с киргиз-казаками.

Обстоятельства сии открыли ему необходимость иметь сверх укрепленной линии на Яике, другую, также укрепленную,— от Яика до Самары, которая бы служила для безопасных сношений с яикскими поселениями нашими. К

учреждению той и другой приступил Кирилов при первой возможности. Из донесений Кабинету императорскому⁷ видно, что в 1736 году основаны им на Яике сверх первобытного Оренбурга крепости Губерлинская и Озерная, донные существующие, и три форпоста: Средний, Бердский и Крылов. О крепостях, заложенных тогда же на Самаре и внутри Башкирии, мы не упоминаем здесь потому, что они не касаются до предмета нашего.

Появление русских войск на Урале не могло не иметь хотя кратковременного влияния на спокойствие в северной части орд казачьих, но оно им не помешало разорять русских подданных на западе. Хотя Кирилов, не видавшись с владельцами киргиз-казачьими, и оставил без исполнения данное ему поручение, предварительно приготовить их орды к наказанию волновавшихся волжских калмыков, но для киргизов таковое внушение не было нужно по всегдашней готовности их к исполнению оного.

Лишь только узнали они о беспокойствах, происшедших на Волге, то немедленно устремились на разграбление калмыков⁸. Счастливое окончание сего похода, увлечение многих пленных и отгон скота в 1736 году не удовлетворили алчных киргизов. В начале 1737 года они повторили нападение и возвратились с новою добычею.

Кирилову поручено было внушить Абульхайру, сколь противно видам правительства поступают подвластные его, разоряющие подданных России, и употребить меры к воздержанию их вперед от подобных насилий. Увещание сие не достигло своей цели, ибо Кирилов, проведенный зиму с 1736 на 1737 год в приуготовлении разных проектов по делам киргизским, и намеревавшийся весною 1737 года привести их в непременно исполнение, умер в апреле месяце того же года.

Особенного сожаления достойно, что ему не удалось исполнить двух вещей: *во-первых*, увидеться с ханами и родоначальниками казачьими, кои по приглашению его должны были скоро приехать в Оренбург, и, *во-вторых*, отправить в Ташкент караван, которого путеводителями были бы купцы ташкентские, в 1736 году прибывшие чрез Оренбург в Казань. С ними вместе должен был отпра-

⁷ См. донесение от 27 октября 1736 года.

⁸ См.: Указ Коллегии иностранных дел на имя Кирилова от 9 февраля 1737 года и приложенные при нем копии донесений князя Репнина и Беклемишева.

*Указ Коллегии иностранных дел от 8 марта 1737 года.

виться в виде купца английской морской службы капитан Эльтон [20], для собрания сведений о владении Ташкентском и особенно для обозрения Аральского моря, на котором предполагали, как выше сказано, завести флотилию. Инструкция Эльтону была уже написана и найдена после смерти Кирилова в его бумагах, но оставлена без всякого действия, равно как и предположение завести на Аральском озере при устье Сыра⁹ город, который думали первоначально населить преступниками, к ссылке приговоренными¹⁰.

Важность дел, порученных Кирилову, и последствия, которые они должны были иметь, требовала избрать ему в преемники человека отличного сведениями и деятельностью. Так и сделано: вторым начальником киргизской, или, как называли ее тогда *Оренбургской экспедиции*, определен *Татищев* [22], известный сочинитель "Российской истории". Назначение сие было объявлено Меньшей и Средней ордам киргизским от имени императрицы двумя грамотами, из которых одна была немедленно доставлена Абульхайру, другая, быв написана на имя умершего хана Шемяки, осталась без употребления и доныне хранится в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

Возмущение башкиров тогда еще продолжалось. Абульхайр, боясь самопроизвольно принять в оном какое-либо участие, предложил Татищеву свое содействие к усмирению непослушных. Высшее правительство, узнав о сем предложении, позволило принять оно¹¹ и впустить хана с его киргизами в Башкирию, с тем однако же, чтобы он, действуя против непокорных, не касался верных России башкиров, а напротив того сохранял их жизнь и имущество. Вопреки сему внушению Абульхайр два месяца грабил Башкирию без всякого различия ее жителей, а впоследствии оказалось, что он, предлагая свои услуги, не имел другой цели, кроме обогащения себя и своих киргизов добычею. Некоторые же уверяют, что он даже надеялся сделать сына своего ханом башкирским и, что, вступая в жилища сего народа, он объявил себя защитником и покровителем оного у престола русского, но когда обман его оказался безуспешным, тогда приступил он к

⁹ Сей самый Эльтон потом перешел в службу шаха Надира [21] и был причиною дипломатических объяснений между российским и английским министерствами.

¹⁰ Указ о сем был дан 11 февраля 1736 года.

¹¹ См. Указ Коллегии иностранных дел 30 декабря 1737 года.

грабежу. Вследствие того предписано немедленно его вывести из земель башкирских¹². Татищев исполнил волю правительства благовидным образом, без ссоры.

Сын Абульхайра Эрали между тем оставался в Оренбурге как заложник, или аманат. Пока Абульхайр разорял башкиров, в то самое время другая часть его орды, около устья Урала кочевавшая, возобновила нападения на калмыков и в одном из своих набегов захватила в плен многих россиян¹³.

Боясь отмщения за таковой поступок, Абульхайр и все подвластные ему были очень встревожены известием о приближении Татищева (в июле 1738 года) к Оренбургу с войском. Они думали, что войско сие, к которому страх и молва присоединили несколько тысяч калмыков, идет их наказывать, между тем как Татищев, которого оно сопровождало, не имел другой цели кроме свидания и переговоров с ханом и значительнейшими султанами киргизскими. Желая удостовериться в его намерениях, они прислали к нему на встречу всеми уважаемого и нам уже известного старейшину *батыра Букенбая*, которого явная обязанность была спросить Татищева, *когда и с каким числом старшин прикажет он Абульхайру приехать в Оренбург*, а истинная цель состояла в том, чтобы *видеть число войска и удостовериться, нет ли в оном калмыков*.

Хотя Букенбай и успокоил своих соотечественников с сей стороны, однако Абульхайр, чувствовавший свои преступления, долго не решался ехать в Оренбург. Наконец, он прибыл и расположился с свитою своею под самую крепостию, но ехать к Татищеву боялся, отговариваясь тем, что особе владетельной неприлично сделать первое посещение генералу. В мысли сей особенно упорствовал он по требованию прибывших с ним старейшин, но Тевкелев как единоведец и человек, коротко ему знакомый, успокоил его и убедил отказаться от тщеславного требования. Уверение, что он поедет не к тайному советнику Татищеву, а в стан императорский, умерило требования его и решило, наконец, отправиться в Оренбург, который тогда был ни что иное, как укрепленный лагерь.

Свидание было назначено 3 августа (1738). Дабы сделать оное сколь возможно торжественнее и тем произвести более влияния на азиатцев, вообще любящих пышность,

¹² Указ Коллегии иностранных дел 22 марта 1738 года.

¹³ См. в архиве Коллегии иностранных дел донесения из Астрахани и указ Татищеву от 6 февраля 1738 года.

был выслан навстречу хану один майор с ротою драгунов, с двумя взводами гренадеров, с музыкою и 12 заводными лошадьми. Весь отряд сей, дождавшись Абульхайра на дороге, сопровождал его к Оренбургу.

Прочие бывшие там войска стояли на дороге под ружьем, и когда хан проехал мимо артиллерии, то она отдала ему честь девятью выстрелами. Пред палаткою Татищева, сходя с лошади, Абульхайр был принят поручиком, а у дверей палатки снаружи — майором, внутри же, при входе — полковником. В задней части палатки был поставлен портрет императрицы; на середине ожидал гостя главный начальник, окруженный штаб и обер-офицерами. Подойдя к нему, хан произнес на своем языке речь, который перевод при сем прилагается: “Ее величество государыня императрица российская, так же превосходит всех прочих царей, как солнце на небе затмевает все прочие светила. Хотя за отдалением видеть ее не могу, но сердцем милость ее чувствую, и вас, знаменитый господин начальник, принимаю за луну, озаренную сиянием ее величества, почему пред Вами мою покорность и верноподданическое повинование изъявляю; с победами над неприятелями поздравляю, и вперед успеха желаю. Себя самого, семейство мое и орды мои повергаю под защиту и покровительство ее величества, как под крыло могущественного орла, обещая вечную покорность. Вас же, господин генерал и мой приятель, поздравляю с приездом сюда, поручаю себя и ближних моих дружбе вашей и уверяю вас во взаимном с моей стороны благорасположении”¹⁴.

Татищев отвечал, что не оставит донести императрице о его покорности, обещал ему покровительство и защиту, а между тем предложил вновь принять присягу. Абульхайр отвечал, что уже однажды присягал, но, впрочем, готов присягнуть и вторично. Тогда немедленно был введен в палатку старший из магометанского духовенства с Кораном, и принесен золотой ковер, на который хан преклонил колена, и, выслушав клятвенное обещание, поцеловал Коран.

Немедленно после сего обряда Татищев надел на Абульхайра богатую, золотом оправленную саблю, которую как особенный знак милости хан должен был обна-

¹⁴ Речь сия не была писана, но произнесена словесно и уже после наизусть внесена в журнал первого ханского приезда. На сем основании мы позволили себе дурной перевод оной поправить, не изменяя нигде смысла. Рычков поместил ее в своей “Оренбургской истории” также с некоторыми против помянутого перевода поправками.

жать только против врагов России. В то же самое время старейшины и простые киргизы были приводимы к присяге Тевкелевым в других палатках.

Торжество заключено обедом, во время которого для удовольствия и удивления гостей пили за императорское и их здоровье с пушечною пальбою. На другой день приезжал в Оренбург старший сын ханский султан Нурали [23]. Он был принят также с разными, хотя меньшими против отца почестями, и также присягал в присутствии Татищева, а потом от имени императрицы получил в подарок саблю, серебром оправленную.

За первым свиданием начальника Оренбургской экспедиции с ханом киргизским последовало несколько других. Татищев и Абульхайр часто посещали друг друга в Оренбурге и под Оренбургом в стане ханском не только публичным, но и частным образом. На свиданиях сих было: 1. Эрали-султана, бывшего в Оренбурге аманатом, отпустить в орду, и вместо его взять другого сына ханского, Ходжу-Ахмета. 2. Хан принял на себя собрать и, освободив от неволи, доставить в Россию всех пленных россиян, находившихся не только в ордах казачьих, но и в соседственных владениях. Заметим, что обещания сего он не мог никогда исполнить, и что, давая оное, сам он, без сомнения, был уверен в невозможности оное сдержать. 3. В подтверждение своей покорности Абульхайр изъявил желание в 1739 году отправить ко двору супругу свою ханшу Папай. Целию сего предприятия, вероятно, было любопытство, подкрепленное надеждою получить от двора богатые подарки. 4. Между тем хан в благодарность за все оказанные ему милости торжественно вызвался и обязался покровительствовать и защищать караваны русские, при переходе их чрез степи киргизские. Основываясь на таком уверении, Татищев тогда же отправил в Ташкент первый купеческий караван, в котором часть товара была казенная, и над которым начальником назначен был поручик Миллер [24], а при нем послан для географических съемок один геодезии офицер.

Сей караван благополучно прошел чрез Меньшую и Среднюю орды казачьи, а в Большой за два дни пути от Ташкента был разграблен.

Пред отъездом хана в свои степи как ему, так и бывшим с ним султанам, старейшинам и простым киргизам даны были от имени императрицы разные подарки.

В Средней орде тогда еще не был избран хан на место умершего Шемяки, но она управлялась двумя султанами— *Абульмагметом* и *Аблаем* [25], которых Татищев вместо с Абульхайром приглашал для свидания в Оренбург. Ни один из них, однако ж, не приехал, а потому послан был к ним офицер с поручением узнать о расположении их к России, и о причинах, помешавших им быть в Оренбурге. В конце августа 1738 года посланный возвратился с несколькими старейшинами киргизскими, которые объявили Татищеву, что Абульмагмет и Аблай не могли воспользоваться сделанным приглашением только по причине удаления от Оренбурга аулов их, на Иртыше расположенных, но что будущую весною непременно придут они и примут присягу в верноподданстве.

Однако и сие свидание не состоялось, ибо Татищев в начале 1739 года уехал в Петербург, а преемник его князь *Урусов* [26], прибыл на границу уже в конце лета, и первое известие, которое он по приезде своем получил о киргиз-казаках Меньшой орды, состояло в том, что они почти на самой границе нашей разграбили два купеческих каравана, недавно из Оренбурга вышедшие. Таковы были первые опыты покровительства, обещанного ханом Абульхайром торговле нашей с Азиейю.

Вторым доказательством бессилия киргизских владельцев, или, говоря точнее, начальников, было то, что когда в 1740 году бежал за Яик главный башкирский бунтовщик *Карасакал* [27] с товарищами, то хан и султаны решительно отказались ловить беглецов.

Все сии происшествия, особенно разграбления караванов, были причиною, что в 1740 году Абульхайр постыдился ехать в Оренбург для свидания с князем Урусовым, отговариваясь болезнию и отдаленностию. К двум явным его отговоркам надобно присоединить третью, скрытую: он знал, что тогда в Оренбурге ожидали также нового хана Средней орды Абульмагмета, с которым он был во вражде, и пред которым хотел иметь первенство, но боялся быть с ним сравнен. А дабы избежать укоризн и не подвергнуться сомнениям, он прислал к князю Урусову сыновей своих султанов Нурали и Эрали.

Они были встречены и угощены с такими же почестями, как и отец их за два года пред тем. Приехавшим с ними киргизам равномерно оказаны особенные ласки. 75 старейшин обедали в палатке начальника, а для простого народа выставлены были на поле кушанье и пиво.

Хотя султан Нурали в сие время был уже совершенных лет, однако же, Абульхайр для путешествия в Россию дал ему в наставники почитаемого всеми киргизами и известного умом своим *батыра Джанибека* [28], который был принят в Оренбурге почти так же, как султаны, и вместе с ними получил при первом свидании разные подарки от имени русского правительства.

Первое посещение, сделанное детьми ханскими князю Урусову, заключалось в одних церемониях и взаимных вежливостях. При вторичном свидании их в Оренбурге было рассуждаемо о делах орды. Они объявили, что караван, отправленный Татищевым под начальством Миллера, разграблен Большою ордою, на которую они никакого влияния не имеют. Потом подобно отцу брались удовлетворить те требования, которых исполнение превышало их власть, а именно: возвратить товары, разграбленные близ Оренбурга, и вперед защищать все караваны, выходящие из России, а пленных россиян из казачьих орд выдавать и проч. Наконец, они объявили, что отец их просит дать ему несколько пушек для войны с хивинцами и построить город на реке Сыр, приказав прежде осмотреть и снять на план место, для оного назначаемое. Вследствие сей просьбы отправлены князем Урусовым на Сыр и оттуда в Хиву геодезист Муравин и инженер Назимов, которые, сочинив первую карту виденной ими части киргизских степей и Хивинского владения, возвратились в Россию чрез год после отъезда. В пушках Абульхайру решительно отказано под тем предлогом, что в новозаложенных крепостях на Урале их находилось очень мало.

Нурали и Эрали еще не уехали, когда прикочевали к Оренбургу давно ожидаемые Средней орды хан Абульмагмет и султан Аблай с многими родоначальниками, старейшинами и простым народом. При посещении ими князя Урусова оказаны им те же самые почести, с которыми был принят Абульхайр, но они, войдя в палатку начальника, вместо изустных речей, подали ему каждый по письму, содержание которых сходно с речью Абульхайра, а потому мы и не помещаем их здесь. Князь Урусов по прочтении переводчиком писем сих, отвечал на оные приветствиями, обещал за верное подданство именем императорским милость, а потом предложил как хану, так султану и прибывшим с ними киргизам, принять присягу. Беспрекословно повинувшись требованию российского начальника, Абульмагмет и Аблай немедленно стали на колена

на золотой ковер и, сняв шапки, поклялись в верности по обычаям своим; в заключение они поцеловали Коран и подняли его на головы свои, а к присяжным листам вместо подписи приложили печати. В подражание им 128 старейшин Средней киргизской орды в то же время приняли присягу в другой палатке, а народ присягал под открытым небом. За сим следовал обед, пушечная пальба и проч.

На другой день хан с Аблаем опять приезжали в Оренбург рассуждать о делах киргизских, причем князь Урусов особенно просил и увещевал их препровождать караваны из России и в Россию идущие, возратить товары, разграбленные Большою ордою, и прекратить ссоры между киргиз-казаками и волжскими калмыками. Последнего требования они не могли удовлетворить, потому что оно зависело от народа, привыкшего к грабежам и неповиновению своим повелителям, притом же калмыки наиболее страдали от Меньшой орды как с ними соседственной. В подтверждение сего заметим здесь, что в том же 1740 году сам Абульхайр посылал на разорение улусов калмыцких около 3000 киргиз-казаков.

Увещевание о препровождении купеческих караванов было не невозможно в исполнении. Если не Абульмагмет, то Аблай, имевший более власти, мог на себя принять сию обязанность, но она была невыгодна как для народа, так и для начальников оного, ибо плата за покровительство караванов, сколь бы она ни была высока, не могла вознаградить той прибыли, которую киргизы привыкли получать от грабежа товаров.

Чрез два дня после первого свидания с владельцами Средней орды, князь Урусов пригласил их, равно как и сыновей Абульхайра, к себе смотреть пехотные и артиллерийские учения войск. Абульмагмет и Аблай удивлялись оным и в особенности фейерверку, сожженному потом для них. Но Нурали и Эрали, избегая встречи с Абульмагметом, не только не приехали по приглашению на праздник, но в тот же день откочевали от Оренбурга, не простясь с князем Урусовым. Истинною причиною сего внезапного их отъезда, как после открылось, была молва до них дошедшая, будто бы по наущениям Абульмагмета хотят их задержать в России аманатами.

Хан и султаны Средней орды оставили Оренбург со всеми знаками покорности и доброго расположения к правительству русскому, но происшествия 1741 года застав-

ляют сомневаться в искренности их уверений и обещаний. Мы уже сказали выше, что известный возмутитель Башкирии Карасакал бежал в орды киргизские. Неизвестно, который из ханов или султанов принял его там под свое покровительство, но достоверно, что он, назвав себя братом зюнгарского владельца Галдан Цырена [29], с многими вооруженными киргизами ходил разорять жилища зюнгаров. Извещенный о его нападении, Галдан немедленно отправил для наказания грабителей до 15000 войска, которое преследовало их до самого почти Оренбурга, чрез степи киргизские, разоряя все на пути встречавшиеся аулы, убивая и увлекая как людей, так и скот. Наиболее пострадали в сем случае подвластные Абульмагмету и Аблаю [30]. Стремление мстителей было остановлено комендантом оренбургским, который, увидя приближение зюнгаров к границе, выслал сказать, что они нарушают мир, существующий между русским двором и Галдан Цыреном. Начальник войска зюнгарского немедленно отступил, объявив, что ни ему, ни владельцу его не было известно подданство киргиз-казаков России, и что они всех соседей своих выводят из терпения частыми набегами. В ответ сказано зюнгарам, что вперед должны они на Меньшую и Среднюю орды казачьи жаловаться правительству русскому, а не сами наказывать их. Разумеется, что ни Галдан, ни полководец его не могли понять справедливости такового дипломатического объяснения и продолжали управляться с новыми подданными России так, как они обращались с ними во время их совершенной независимости.

Происшествие сие было причиною принесенной Абульмагметом российскому правительству (около того же времени) просьбы построить ему в кочевьях Средней орды укрепленный город. Он знал, что то же обещано Абульхайру и почитал себя в полном праве требовать с ним уравниения.

Как ни силен был урок, нанесенный киргиз-казакам зюнгарами, но гораздо опаснее была туча, грозившая им с юго-запада. Страшный для Азии шах Надир приближался тогда к Хиве и, покорив ее, легко мог напасть на орды казачьи, почему кабинет петербургский уже принял меры к укреплению сколь возможно надежнее новой границы своей по Уралу. Предосторожность сия оказалась излишнею, ибо Надир прошел мимо степей киргиз-казачьих, не обратив на них внимания. Он не мог не знать, что поко-

рение народа кочевого вообще трудно, а добыча от завоевания оного ничтожна, и потому нимало не удивительно, что он оставил киргиз-казаков в покое.

Абульхайр в 1741 году овладел Хивою и находился в ней, когда войска персидские вступили в пределы Хивинского владения. При нем был тогда русской службы геодезист *Муравин*, посланный, как сказано выше, в 1740 году для обозрения при реке Сыр места, на котором Абульхайр просил построить город. Надеясь на сего офицера более, нежели на султанов своих, он отправил его от себя навстречу к шаху с приветствием и просьбою оставить его ханом хивинским. Надир принял Муравина весьма ласково, одарил его деньгами, платьем и пр. и отпуская назад, поручил ему сказать Абульхайру, чтоб он сам явился в стан персидский, где будет принят и вознагражден как подданный российской императрицы, с которою шах всегда желает жить в мире и дружбе¹⁵ [31].

От боязни ли и недостатка доверенности к словам Надира или от заговора, составленного некоторыми хивинцами против Абульхайра, он не явился к персидскому завоевателю и удалился в свою орду. По отъезде его хивинцы вздумали противиться войску персидскому и заперлись в городе. Надир в три дни взял оный приступом и назначил хивинским ханом одного из своих военачальников, но дал ему мало войска, а потому жители Хивы весьма скоро его убили.

На место сего кратковременного владельца избран Нурали (сын Абульхайра), но царствование его было также кратковременно. Узнав, что шах Надир, раздраженный поступком хивинцев, посылает войско для их наказания, Нурали поспешил оставить Хиву и соединиться по-прежнему с отцом своим в кочевьях Меньшой киргизской орды.

Однако ж, он и тут нашел себя не в безопасности. Гальдан Цырен (или Черен), выведенный из терпения набегами казаков во время войны его с китайцами, по окончании дел важнейших, вновь послал против них два отряда войска, из которых один устремился в Меньшую Орду, а другой в Среднюю. Абульхайр поспешил прибегнуть к российскому правительству и просить у него защиты. Кабинет императорский, исполняя желание хана,

¹⁵ Доказательством искренности сего объявления служит то, что русский татарин Янаев тогда же привез в Самару 10 человек россиян, бывших пленными в Хиве и коим Надир, возвратив свободу, приказал дать для отъезда в отечество каждому около 50 рублей и по лошади.

приказал впустить его в случае опасности с семейством и всеми прислужниками в крепость Оренбургскую.

Такое позволение было благодеянием для Абульхайра, но не могло защитить его от будущих нападений зюнгарских. Живя большею частию в середине степей своих, или около реки Сыр, он не всегда мог искать убежища в отдаленном от него Оренбурге, а зюнгары всегда могли отрезать его от оногo, заняв северную часть степей киргиз-казачьих. С запада помогли бы им единоплеменники их, волжские калмыки. Еще опаснее было положение Абульмагмета и Аблая, которых подвластные в многих местах были ближайшими соседями зюнгаров, и которые сами часто кочевали ближе от земель зюнгарских, нежели от Оренбурга.

Опасность сия, оправданная взятием в плен зюнгарами султана Аблая¹⁶, была причиною, что владельцы киргиз-казачьи, несмотря на подданство свое России, должны были искать благоволения зюнгарского хонтайдзи (Галдана). Абульмагмет отправил к нему послов с изъявлением покорности, и наконец, отдал ему в аманаты сына своего¹⁷.

Абульхайр, превосходя Абульмагмета умом и живя ближе его к границам России, с одной стороны, менее опасался зюнгаров, с другой же, более имел нужды в покровительстве императрицы российской, а потому решился поступить в сем случае самым хитрым образом. Он чрез ближних своих дал знать войску зюнгарскому, что готов добровольно повиноваться Галдану, и что пришлет к нему заложников повиновения, если он того потребует.

Гальдан, получив такое известие и, вероятно, полагая Абульхайра сильнейшим из владельцев киргиз-казачьих, сам прислал к нему своих чиновников удостовериться в его покорности и взять обещанных им аманатов. Приезд сих посланцев не лишил присутствия духа хитрого и оборотливого хана киргизского. Он не хотел и как подданный русский боялся исполнить требование зюнгаров, а потому решился их вести с собою в Оренбург, куда собирался он тогда ехать по приглашению нового начальника оренбургского Неплюева [32]. Две причины застав-

¹⁶ См. Инструкцию, данную в 1742 году майору Миллеру, который был тогда отправлен из Оренбурга к Галдан Цырену, и которому было поручено ходатайствовать об освобождении Аблая из плена.

¹⁷ См. в архиве Оренбургской пограничной комиссии показания поручика князя Уракова, в 1742 году бывшего в Средней орде.

ляли его поступить таким образом: во-первых, он желал показать правительству российскому свою преданность и строгое повиновение, во-вторых, хотел избавиться от ответственности пред Галданом в том, что не прислал ему аманатов, ибо, наверное, знал, что пограничный начальник русский его к тому не допустит.

Так и случилось. По приезде Абульхайра с посланцами зюнгарскими в Оренбург Неплюев объявил сим последним, что хан Меньшей киргиз-казацкой орды, будучи подданным России, не имеет права входить ни в какие сношения с иностранными владельцами, а еще менее давать им заложников. То же сказано им о Средней орде и хане Абульмагмете. Зюнгары возражали, что киргиз-казаки непрерывно нападают на земли их, что, не взяв у них аманатов, они не могут быть спокойны и что, впрочем, они сами вызвались удовлетворить сие требование, подобно Большой орде, которая, состоя в подданстве их, давно дает им не только аманатов, но и дань, и за то пользуется спокойствием. В ответ им повторено, что подданные России без воли своего правительства не могут ни давать, ни исполнять подобных обещаний. Об удержании же киргизов от набегов на владения зюнгарские принял на себя попечение сам Неплюев. Затем предложено посланцам отправиться в обратный путь; но они отвечали, что хотя очень довольны приемом Неплюева, однако ж, слова его для них недостаточны, ибо зная коротко киргиз-казаков, *равномерно обманывающих обещаниями покорности как россиян, так и зюнгаров, они не могут ожидать от них в будущем ничего, кроме воровства и разбоев*, а потому не смеют возвратиться без аманатов. В заключение они решительно сказали, что прибыли с поручениями от своего хонтайдзи не к русскому начальнику, а к хану Абульхайру.

Много труда стоило Неплюеву и самому Абульхайру убедить их ехать обратно с ответами, им данными, наконец, они отправились из Оренбурга прямо в свое отечество [33]. Для успешнейшего же внушения Гальдан Цырену, что киргиз-казацкой орды состоят в числе подданных России, и для вручения ему письма о том Неплюева, послан к нему, вместе с его чиновниками майор *Миллер*, бывший начальником первого каравана русского, разграбленного в Большой орде.

Это случилось в августе 1742 года [34]. В то же время Абульхайр с сыном своим Эрали, знаменитым батыром

Джанибеком, несколькими султанами, старейшинами и бывшим с ним простым народом присягал на верность в подданстве императрице Елисавете [35].

При сем случае, после угощения училась пред азиатцами с пальбою одна гренадерская рота. Зюнгарские посланцы тогда еще не отправились обратно, и Абульхайр, заметя их удивление, не упустил сказать им, что под защитою императрицы русской, которая имеет такие войска, можно быть безопасным.

По отъезде зюнгарских посланцев Неплюев всячески старался доказать Абульхайру, что ни Меньшей ни Средней ордам киргизским не должно тревожить владения Гальдан Цырена. Абульхайр охотно соглашался с таковыми убеждениями и ручался, что вперед подвластные ему не будут возобновлять прежних нападений.

Подобное внушение еще нужнее было хану Средней орды Абульмагмету, живущему в соседстве с зюнгарами и недавно испытывшему, сколь жестоко они мстят за обиды, им нанесенные. Неплюев ожидал его в Оренбурге около того же времени, и он уже был на один день пути от границы нашей, но вдруг возвратился, потому что до него дошли распущенные Абульхайром слухи, будто бы он и старейшины его по приезде в Россию будут задержаны. В надежде, что истинная причина удаления Абульмагмета останется для россиян тайною, Абульхайр выставлял пред Неплюевым свою всегдашнюю покорность в сравнение с мнимым упрямством своего соперника и всячески старался ему вредить.

Причину козней Абульхайра тогда было не одно желание сделать зло Абульмагмету, но также надежда успеть в предприятии, которого исполнение было довольно трудно. Он хотел заменить сына своего Ходжу-Ахмета, бывшего тогда аманатом в Оренбурге, другим сыном, Чингизом, но сей последний родился не от ханши, а от наложницы, и потому Неплюев, руководствуясь данными ему и предместникам его наставлениями, не мог его принять вместо султана Ходжа-Ахмета. Хан столько был раздражен отказом, что хотел тотчас уехать, но скоро утих и согласился ожидать на желание свое разрешения от высшего правительства.

Хитрость, коварство, властолюбие и вспыльчивость Абульхайра были совершенно противоположны кротости и доброте Абульмагмета, который по прибытии к нему посланного Неплюевым переводчика Уразлина откровенно

объявил причину своего возвращения из-под Оренбурга и потом, сознавшись, что боязнь заставила его отдать сына в аманаты Галдану, принял присягу на верность подданства императрице Елисавете. Вместе с ним тогда же в 1742 году присягнул в первый раз правительству русскому сильный султан киргиз-казачий *Барак* [36], который, повелевая значительную часть Средней орды, был называем подвластными своими ханом.

Как владелец независимый, он после присяги прислал в Оренбург своих посланцев с просьбою отправить их ко двору для личного принесения от его имени покорности императрице.

Не далее как чрез несколько месяцев доказал он, сколь неискренна была сия покорность. Посланцы его были представлены Елисавете, допущены к ее руке, осыпаны милостями и подарками; а самому послана чрез оренбургское начальство грамота* и золотая сабля с надписью его имени. Не выдав никогда Барака и зная, что он прежде никаких не имел сношений с Россиею, Неплюев почел должным вручить ему знаки императорской милости не иначе как лично, а потому отправил к нему, вместе с возвратившимися из Петербурга посланцами его нарочного чиновника для приглашения его в Оренбург. Высокомерный султан, досадуя, что грамота и сабля не привезены к нему посольством его, приказал чиновнику русскому сказать несколько грубостей и отправить его обратно, не допустив до себя. Первою причиною поступка столь наглого полагать должно слепое высокомерие Барака, второю считать можно то, что грамота не была сопровождена никакими подарками, кроме сабли.

Султан Аблай, около года томившийся в плену у зюнгаров, стараниями посланного к Галдану майора Миллера был освобожден весною 1743 года.

Сколь ни мало заключалось чистосердечия в изъявлениях киргиз-казачьими владельцами покорности России, сколь ни тщетны были их обещания выдавать пленных, защищать караваны и пр., но, по крайней мере, со времени принятия их в подданство до 1743 года ни они сами, ни подвластные их не осмеливались делать явных набегов на границы и крепости наши. В сем же году оказали они необыкновенные подвиги дерзости, и кто был главным виновником оных? Тот самый Абульхайр, который не

* Грамота дана 24 марта 1743 года.

переставал уверять правительство русское в своей верности и в исполнении всех обязанностей усердного подданного. Получив из Петербурга отказ в принятии аманатом его побочного сына Чингиза вместо султана Ходжи-Ахмета, он до такой степени озлобился, что начал поощрять своих киргизов к нападениям на пограничные поселения наши. Само собою разумеется, что подвластные его не замедлили воспользоваться внушениями, столь для них выгодными и столь близкими к их нравам и обычаям; тотчас начались грабежи, убийства, пленение людей и угоны скота. Толпы, заключающие в себе по 1000 и по 2000 грабителей, вторгались в малочисленные, едва основанные селения и увлекали с собою за Урал все, что не могло спастись от них или быть ими истреблено. Самые крепости и форпосты не избегали нападений. Под Илецким городком в один день пленено 82 человека. Прочих насилий и грабительств вычислять не будем¹⁸, но скажем только, что предводителем сих неистовых ополчений был родственник Абульхайра султан *Дербешали*, и что целию его было, насытившись разбоями, достигнуть Сорочинской крепости, где содержался тогда Ходжа-Ахмет, и увести его. Войска русские не допустили его до сей крепости, но не могли отвратить прочих набегов киргизских потому, что не ожидали оных, спокойно занимаясь строением укреплений. Лошади их частью были изнурены работами, частью распущены по полям, и оттого сделались добычею грабителей.

Между тем Абульхайр, скрывая свою злобу, не переставал письменно уверять в своей преданности России и повторять, что все нападения были производимы послушными ему киргизами; он даже советовал брать с них штрафы и казнить их. Когда же войска на границе нашей были усилены и башкиры, пользуясь отсутствием киргиз-казаков из своих жилищ стали врываться в их аулы и угонять у них лошадей, тогда Абульхайр действительно начал стараться прекращать набег, но уже не имел на то довольно власти. Алчный к добыче народ его не хотел успокоиться до тех пор, пока не был испуган известием о походе войск русских в зауральские степи, для наказания хищников.

Это была только молва, может быть, с умыслом распушенная благоразумным начальником Оренбургского

¹⁸ См. донесения Неплюева Коллегии иностранных дел 1743 года.

края, но истинные намерения русского правительства были не таковы. Оно совсем не желало терять образованного войска для преследования по безводным степям кочевых разбойников и полагало удобнейшим средством наказать их другим народом, столько же беспокойным и ненадежным как и киргиз-казаки. Словом сказать, хотели против их вооружить калмыков. Между тем Неплюеву¹⁹ приказано стараться при удобных случаях захватывать в аманаты киргизов знатнейших семейств. От сего ли распоряжения или от другой причины, но Абульхайр вдруг возвратил значительную часть россиян, взятых его ордою в плен при последних набегах, прочих обещался скоро выдать.

1744-й год не только не принес успокоения пограничным жителям России, но еще умножил опасность, в которой они находились, ибо хан Абульхайр сбросил личину и принял явное участие в неистовствах своего народа. Отважнейшие из его подвластных продолжали нападать на границы наши, а сам он, боясь приблизиться к Уралу, находил средства в середине степей своих мстить россиянам за удержание его сына. В начале ограбил он один караван, шедший из Астрахани в Хиву, и имевший несчастье проходить чрез его кочевья, потом остановил он на пути поручика Гладышева, отправленного из Оренбурга к каракалпакам, а у посланцев каракалпакских, вместе с ним возвращавшихся из Петербурга, не только отнял все их имущество, но даже и грамоту, от имени императрицы им врученную²⁰.

Поступки сии утвердили правительство русское в намерении наказать киргиз-казаков волжскими калмыками, тем более, что в то же время усилились ссоры и взаимные набеги обоих сих народов, а потому 24 апреля 1744 года дана наместнику ханства калмыцкого, *Дундук-Даше* [37] грамота о собрании сколько возможно вооруженных калмыков, которые, получив в Астрахани порох и свинец, должны были идти против киргиз-казаков и действовать по предписаниям оренбургского губернатора Неплюева. *Вся добыча, какую калмыки могли бы взять у киргиз-казаков, предоставлялась в их пользу.* Для предосторожности и по доверию к благоразумию Неплюева грамота сия была послана не прямо в орду калмыкскую, а к нему,

¹⁹ См. указ Коллегии иностранных дел от 31 октября 1743 года.

²⁰ В журнале Гладышева весьма замечательно, что он в 1742 году нашел в Меньшей киргизской орде одного английского купца по имени *Джока* [38] и покупал у него разные товары для подарков каракалпакам.

для употребления оной в пользу, когда будет необходимо. Неизвестно, какое было его мнение о мере столь решительной, но грамота Дундук-Даше осталась в Оренбурге и доныне подлинником сохраняется в архиве тамошней Пограничной комиссии.

Предположение, описанное в ней, не только не было исполнено, но вопреки оному, указом Коллегии иностранных дел велено препятствовать как калмыкам, так и киргизам переходить чрез Урал для взаимных нападений.

Полагать должно, что правительство переменило намерения свои по беспокойствам, тогда возникшим на сибирской границе. Хонтайдзи зюнгарский вдруг начал подвигать свои войска к нашим пределам, подданные его стали угрожать страже русской войною и разнесся слух, будто он решился напасть на Кольвано-воскресенские заводы, куда манили его тамошние драгоценные руды. Зюнгары в то время еще были сильны, и нападение их не могло быть сравниваемо с разбоями киргизов; а потому необходимость требовала приготовить им значительный отпор. Вследствие того все дерзости казачьих орд немедленно преданы забвению, и Неплюев получил приказание²¹ склонять их к набегам на зюнгаров.

Достигнуть сей цели было нелегко. Хан Абульхайр, невзирая на снисхождение ко всем его преступлениям, продолжал досадовать на Россию. Хан Средней орды Абульмагмет, избегая козней Абульхайра, удалился к Туркестану и тем почти прекратил сношения свои с оренбургским пограничным начальством; сверх того он имел менее нужды в защите России, нежели в покровительстве зюнгарского хонтайдзи, у коего был в аманатах сын его; наконец, Абульмагмет искал быть ханом в Туркестане, а город сей признавал над собою владычество Галдан Цырена.

Султан Барак, присягнувший пред тем за два года в подданстве России, живя далеко от границ наших, равным образом более страшился зюнгаров, нежели русских, и подобно Абульмагмету отдал сына своего в заложники зюнгарскому владельцу.

Сей последний старался всеми средствами привлечь к себе как султанов, так и простой народ Средней орды, для чего употреблял частию угрозы, частию ласки, и наконец, покупая на свой счет у русских разные товары,

²¹ См. Указ Коллегии иностранных дел от 3 ноября 1744.

посылал продавать оные в орде не только без выгод, но даже с потерю.

Сколь ни были противны видам двора нашего сии обстоятельства, однако ж древняя, наследственная ненависть киргиз-казаков к зюнгарам была столь еще сильна, что они не могли быть равнодушными ко внушениям русских и охотнее согласились оставить в покое границы наши, нежели отказаться от случая напасть на древних врагов своих, кои в сие время грозили им уже не местию, но совершенным порабощением. Хань и султаны, несмотря на покорность свою Галдан Цырену, боялись его владычества над собою более, нежели владычества русского, и разделяли с народом расположение к неприятельским действиям против зюнгаров. Особенно готовы были помогать войскам нашим те роды Средней орды, которые еще страдали от разорения, причиненного им зюнгарским войском в 1741 году почти под стенами Оренбурга. Они ожидали только открытия войны между Россиею и народом зюнгарским, и при первом известии о начале военных действий устремились бы на жилища своих разорителей со всею злобою полудиких. Но ожидания их оказались тщетными: зюнгары, несмотря на угрозы свои, оставили Россию в покое.

Таким только образом могли киргиз-казаки избежать грозы, уже висевшей над головами их, ибо сколь ни терпеливо сносило правительство русское набеги их на границу нашу, но, наконец, решено было строго наказывать их войсками, на линии Оренбургской находившимися, с присоединением к оным еще других.

Султан Ходжа-Ахмет, содержавшийся прежде как аманат в Сорочинской крепости, между тем перевезен в Петербург. Хотя Абульхайр, видя удаление от него сына, не мог быть доволен, хотя он сильно негодовал на Неплюева и позволял себе новые грубости в сношениях с ним, однако ж подвластные его в 1745 году не делали нападений на нашу границу. Рычков²², основываясь на словах одного бывшего тогда в Меньшой орде русского казака, пишет, что хан ее в сем году, подобно как и минувшем 1743 старался склонить своих подвластных к возобновлению набегов на правый берег Урала, и что простой народ не хотел ему в сем случае повиноваться, но мы не можем принять сего известия за справедливое

²² Прибавление к "Оренбургской истории".

по следующим причинам. *Во-первых*, киргиз-казаки слишком привычны к разбоям, чтобы отказать своему хану в предложении напасть на чужие земли и особенно тогда, когда они еще не имели случая испытать со стороны России силу ее оружия. *Во-вторых*, Абульхайр обращал тогда все свое внимание на Хиву, которой жители присылали к нему просить защиты от нападений туркменцев, состоявших под властью Персии, и потом просили в ханы себе султана Нурали. Письма о сем предмете, привезенные ему посланцами хивинскими, отправил он к Неплюеву и просил у него советов. *В-третьих*, тогда же беспрекословно присягал он у себя в ауле, пред посланным к нему российским чиновником на верность Петру III, наследнику Елисаветы, а потом возвратил около 30 человек россиян и калмыков, плененных его подвластными. *В-четвертых*, он жаловался на Неплюева высшему правительству²³, доказывая опытами, что, кроме личной ссоры с сим начальником Оренбургского края и кроме неудовольствия за отказ в перемене сына его, Ходжи-Ахмета, Чингисом, других неприязненных России намерений не имеет.

Что касается до предложенного султану Нурали достоинства хана в Хиве, то, хотя Неплюев именем императрицы²⁴ и старался всячески от одного отклонить Абульхайра, но сей последний никак бы не внял его увещаниям, если бы посторонние обстоятельства не отвратили его от исполнения желания хивинцев. Нурали получил приглашительное письмо от сына персидского шаха, который по праву завоевателя считал хивинское владение своею собственностью и уже готов был отправиться в Хиву, как вдруг оставленная им в сем городе жена известила его, что персияне послали к нему приглашение с намерением лишить его жизни²⁵. Весть сия удержала его при отце.

Между тем и владельцы Средней орды, около двух лет не имевшие никаких сношений с Россиею, приблизились к границам нашим и возобновили изъявления своей преданности императрице. Абульмагмет возвратился в Среднюю орду из Туркестана и прислал в Оренбург нарочного с предложением своих услуг, а потом повторил присягу на подданство. То же сделал и Барак-султан. Сей

²³ См. в архиве Оренбургской пограничной комиссии перевод письма Абульхайра и рескрипт Неплюеву от 17 сентября 1745 года.

²⁴ По указу Коллегии иностранных дел от 21 октября 1745 года.

²⁵ Прибавление к "Оренбургской Истории" Рычкова в описании происшествий 1745 года.

последний сверх того отправил от себя посольство в Петербург.

Киргиз-казаки еще не успокоились, когда обнаружилось новое волнение в калмыкской орде на Волге. Разнесся слух, что значительная часть оной, по приглашению Галдан Цырена, решилась бежать из России к соплеменникам своим зюнгарам. Молва сия, оправдавшаяся 26 лет позже, тогда была несправедлива; но потревожила правительство, особенно, когда с Урала получены были известия, что множество калмыков уже переправились чрез сию реку с нашею стороны на киргизскую, а из Сибири донесено, что войска зюнгарские в нескольких местах подошли к самому Иртышу. Впоследствии оказалось, что переход волжских калмыков за границу не имел другой цели кроме нападения на киргиз-казаков, у которых они тогда угнали множество лошадей, войско же зюнгарское спокойно возвратилось в свои пределы, и повелитель оного Галдан умер (1746).

Отступление сие, за которым скоро последовало разрушение Зюнгарского царства, успокоило сибирские границы, но не отняло у волжских калмыков желания соединиться с соплеменниками своими. Чтобы положить какую-нибудь преграду исполнению их намерений и вместе пресечь бесконечные взаимные грабительства калмыкской и киргиз-казачьих орд, тому и другому народу строжайше запрещено переходить чрез Урал, для присмотра же за сим назначен отряд русского войска. А дабы показать, что вперед подобные переходы не останутся без взыскания, то главнейшие из калмыков, участвовавшие в последнем набеге на киргизов, наказаны как государственные преступники и посланы на Волгу для примера своим соотечественникам.

Надеялись, что распоряжения сии водворят в обеих враждующих ордах тишину, но на самом деле оказалось другое. Может быть, строгое запрещение переходить чрез границу и казнь нескольких участников такового преступления подействовали на калмыков, но не остановили киргиз-казаков, привыкших в последние два или три года безнаказанно грабить не только калмыков, но и русских. Устройство крепостей и форпостов по нижней части Урала не препятствовало, но только замедляло набеги их на калмыков. Усиление же надзора внушило им средство избегать и сего препятствия. Море Каспийское в северной своей части зимою замерзает, и в сильные холода

не только люди и лошади ходят по оному, но всякие тяжести перевозятся без малейшей опасности. Воспользовавшись сим обстоятельством, киргиз-казаки в феврале месяце 1746 года перешли из своих степей в калмыцкие чрез море против устья Урала и сделали под Красным Яром столь сильное и неожиданное нападение на калмыков, что успели увлечь с собою около 700 человек обоего пола в плен, около 100 человек убили и угнали множество разного рода скота. За сим знаменитым разбоем последовало несколько небольших набегов на русскую границу.

Причиною сих дерзостей был опять хан Абульхайр, который, не переставая питать ненависти к Неплюеву, досадовал, что двор не удовлетворил жалоб его на пограничное начальство и не возвратил ему сына Ходжу-Ахмета, а потому решился мстить русским. Не довольствуясь вредом, причиненным России набегам его подвластных, он разругал посланного к нему от Неплюева с бумагами переводчика, посадил его под стражу и, продержав у себя около года, мучил его разными способами.

Этого не довольно. Абульхайр был так безрассудно злобен, что склонял народ свой удалиться от России на юг в пески и безводные пустыни, но киргиз-казаки знали выгоды земель, близких к границам русским, и потому решительно отказались повиноваться ему в сем случае. Тут обратил он свой гнев на тех подвластных, которые противились ему в намерении переменить жилища и писал к пограничным начальникам русским, чтобы людей сих, когда они будут приезжать в укрепления, задерживать как виновников всех беспокойств.

В то самое время, когда он таким образом невинных предавал суду, истинных разбойников приготовлял он к новому нападению на волжских калмыков и ожидал только зимы для их отправления. В январе 1747 года, когда лед на Каспийском море утвердился, они благополучно перешли мимо устья Урала и опять устремились на улусы врагов своих, но счастье на сей раз изменило им: калмыки были предуведомлены о нападении и удалились в западную часть своих степей. Гнаться за ними было далеко и опасно, а потому наездники возвратились с пустыми руками. К довершению неудачи, начались оттепели, лед на море сделался опасен, и им должно было переправляться чрез Урал, где ожидали их высланные к ним навстречу казаки яикские (уральские). Дорого стоило им пробиться чрез войско русское, ибо по переходе их на свою сторону

Урала найдено много убитых и еще более утонувших в реке, на которой тогда обломился лед. Большая часть их лошадей досталась в добычу русским.

Ослепленный гневом своим Абульхайр принял и сие наказание грабителей за новое оскорбление себе. Изыскивая все средства мстить России, он начал искать покровительства Персии.

Сын его Ходжа-Ахмет перевезен между тем из Петербурга в Казань, где влюбился в дочь одного татарина и требовал ее за себя в замужество. Дерзости Абульхайра против России были столь велики и столь часты, что нельзя не удивляться великодушному терпению, с которым переносил их двор петербургский. Чтобы показать сему хану новый опыт снисхождения к нему и народу его, в 1747 году прислан в Оренбург Тевкелев, который, как мы уже сказали выше, был единоведец киргиз-казакам, провел между ими более года, пользовался общим их уважением, знал их нравы, обычаи и всегда жил с Абульхайром в дружбе, а потому имел поручение укротить его советами своими, помирить его с губернатором Неплюевым и отдать ему султана Ходжу-Ахмета, но не иначе, как заменив его другим сыном, рожденным от ханши.

Смерть Абульхайра, скоро после того воследовавшая, не позволяет нам положительно сказать, каковы были бы последствия сношений его с Тевкелевым, но, в начале оных, Абульхайр обнаружил склонность к примирению. Летом 1748 года он приехал в Орскую крепость²⁶ для личного свидания с старинным знакомцем своим, и не только отдал ему в аманаты вместо Ходжи-Ахмета другого законного своего сына Айчувака, бывшего потом ханом, присоединив к нему детей нескольких старейшин своих, но и обещался возвратить немедленно всех плененных его подвластными россиян и дал письменное обязательство в том, что Меньшая киргиз-казачья орда вперед не осмелится нападать на границы русские. По возвращении в орду, Абульхайр послал тайным образом несколько доверенных киргизов к зюнгарскому владельцу с предложением ему в замужество своей дочери.

В то время, когда правительство наше, ничего не зная о сем последнем поступке Абульхайра, ожидало испол-

²⁶ Так назван был первобытный Оренбург по основании нового Оренбурга на том месте, где он теперь существует.

нения миролюбивых обещаний его, получено известие, что он убит.

Смерти его предшествовали следующие обстоятельства. Возвратясь из Орской крепости в свои аулы, он немедленно собрал толпу вооруженных киргизов и отправился с нею на разграбление несчастных каракалпаков, столь много страдавших от него и от его сыновей. Тут встретил он султана Барака, который давно питал к нему злобу, завидуя отличиям и преимуществам, ему оказанным правительством русским; особенно негодовал он на разграбление Абульхайром подарков, ему, Бараку, посланных от хивинского хана. Сверх того, оба они присваивали себе власть над некоторыми каракалпаками, поселившимися в Меньшей казачей орде. Оба были вспыльчивы, мстительны, и, следовательно, встреча их не могла обойтись без кровопролития. Барак, имея с собою более народа, начал сражение. Толпа, Абульхайра сопровождавшая, будучи малочисленнее, не устояла против первого удара и обратилась в бегство, хан, увлеченный ею, также должен был бежать. Султан *Шигай*, сын Барака, нагнал его, и сильным ударом копья сбил с лошади. Тогда подоспел к нему сам Барак и утолил кровожадную злобу свою убиением врага собственными руками²⁷.

Хотя каракалпаки весьма много страдали от Абульхайра, однако ж смерть его не только не облегчила их участи, но еще нанесла им новый удар. Барак, избавясь от соперника своего, не упустил случая напасть на них и их разграбить.

Как сей последний поступок с народом, почитавшимся в числе подданных русских, так и убийство хана, подвластного России, заставили Барака опасаться пребывания в местах, близких к нашим границам, а потому он поспешил удалиться от Аральского моря. Направив путь свой к Туркестану, он овладел городами Иканом, развалинами Отрара, Саганакон и остался между оными кочевать. Пребывание его тут было, однако ж, недолговременно, ибо в следующем 1748 году он вместе с двумя сыновьями своими, будучи у одного ходжи в гостях, отравлен ядом²⁸.

²⁷ Сведения сии почерпнуты нами из журналов Тевкелева, хранящихся в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

²⁸ Из бумаг, в архиве Оренбургской пограничной комиссии хранящихся, видно, что киргизы Меньшей орды, приезжая в то время на границу русскую, уверяли, будто бы Барак отравлен по приказанию зонгарского хонтайдзи, которому султан Нурали жаловался на убийство своего отца.

Известие о смерти Абульхайра не могло произвести неприятных впечатлений в России: поведение сего хана в последние годы жизни его было таково, что вступление нового повелителя в управление Меньшею ордою более подавало надежд, нежели производило сожаления. Достоинство империи Российской требовало только того, чтобы киргиз-казаки, как подданные ее, просили у императрицы новому своему начальнику утверждения в звании хана. Уничтожить избрание его по древним обычаям народным и заменить оное произвольным назначением двора, было опасно и не нужно, но склонить народ на выбор кого-нибудь из детей Абульхайра казалось нетрудным, а потому Неплюев отправил в Меньшую орду чиновника, с поручением стараться о доставлении ханского достоинства султану Нурали, когда же он будет избран, то убедить его и старейшин в необходимости отправить в Петербург посольство для испрошения у императрицы утверждения.

Мера сия имела успех: Нурали провозглашен в собрании народном ханом, и прибывшие в Оренбург с известием о том султан Джанибек и несколько почетных киргизов отправлены ко двору. Они говорили, что присланы как от Средней орды, так и от Меньшей, а потому просили наименовать султана Нурали ханом обеих орд, но требования сего нельзя было удовлетворить по многим причинам: *во-первых*, чиновник русский, при избрании Нурали присутствовавший, объявил, что из Средней орды участвовали в оном только один старейшина, а именно Джанибек-батыр, всегда почти живший при Абульхайре, и несколько десятков простых киргиз-казаков, которые, давно отделясь от Средней орды, равным образом жили между подвластными Абульхайра. *Во-вторых*, почти все знатнейшие султаны Средней орды имели сыновей или ближних родственников своих аманатами у зюнгарского владельца, который по сей причине начал объявлять свои притязания на всю орду сию, и правительство русское стало сильно сомневаться в ее покорности.

С другой стороны, не хотели оскорбить Нурали явным отказом в прошении его посланцев, а потому и положено наименовать его просто *ханом киргиз-кайсацким*, не упоминая ни об одной орде. Императорская грамота на новое достоинство дана ему 26 февраля 1749 года. Тогда же послана другая грамота на имя народа киргиз-казачьего об утверждении сделанного им избрания, а Неплюеву

предписано пригласить Нурали в Оренбург и возвести его в ханы торжественным образом.

Прежде, нежели будем говорить о сем обряде, скажем, что Неплюев и Тевкелев, стараясь об избрании Нурали, весьма много действовали посредством матери его, ханши *Папай*, которая по уму своему пользовалась отличным уважением всей Меньшей орды, и имела иногда весьма сильное влияние на управление оной. Любя русских, она часто удерживала мужа своего Абульхайра от исполнения намерений, вредных для России²⁹. Все сие доведено было до сведения двора петербургского, а потому султан Джанибек, возвратившись в орду, привез ей письмо от канцлера и кусок золотой парчи от имени императрицы.

В одно время с известием о выборе Нурали в ханы дошли до Петербурга слухи, что будто бы зюнгары, побуждаемые султаном Баракком, хотят напасть на Меньшую казачью орду. Хотя слух сей оказался неосновательным, однако, сделаны распоряжения для защиты киргизов от нападения.

В июле 1749 года по приглашению Неплюева прибыл Нурали с знатнейшими султанами, старейшинами и множеством народа к Оренбургу, близ которого на левой стороне Урала уже был заранее приготовлен лагерь для торжественного возведения его в ханское достоинство. Принят он в лагере, подобно отцу своему, с пушечною пальбою и музыкою. Начата церемония чтением императорских грамот, ему и народу его данных. Потом надета на него соболья шуба, шапка и сабля, от двора присланные. В заключение новый хан стал на колени, и пред народом присягнул на ал-Коране в верности России.

Мы не говорим здесь о подробностях сего обряда, потому что они повторяются при возведении каждого хана и потому, что поместили их в описании всех вообще обрядов и обычаев киргиз-казаков³⁰.

Нурали, сделавшись ханом, немедленно показал, что не довольствуется одним титулом, но желает власти: первая просьба, им принесенная правительству русскому, имела целию получить вспомогательное войско для отмщения Бараку за смерть отца своего, вторая заключалась в том, чтобы на границе нашей захватывали киргиз-ка-

²⁹ Она имела печать со своим именем; отличие совсем необыкновенное в народе, который привык обращаться с женщинами как с невольницами, удаляя их от всякого участия в делах общественных.

³⁰ См. часть 3.

заков, о которых будет он писать как о людях неблагонамеренных и вредных России.

Барак, или наследники его и все им подвластные, конечно, не избежали бы мщениа сыновей Абульхайра, если бы они получили от России вооруженное пособие, но сим не кончились бы подвиги Нурали. Он имел намерение обратить войско русское против всех своих врагов и особенно против владельцев Средней орды, которые не уважали его и которых желал он истребить, дабы подчинив роды и поколения, под властью их находящиеся, братьям своим, сделаться единственным ханом как в Меньшей, так и в Средней ордах.

К тому же клонилаь и вторая просьба его о задержании на границе русской неблагонамеренных киргизов. Он представлял ее как меру, нужную для спокойствия России, но истинною целию ее было властолюбие. В одном отношении она действительно была полезна и даже необходима для русских, ибо доставляла возможность предавать в руки правосудия хотя часть разбойников и, усиливая хана, умножала средства действовать посредством его на народ, но с другой стороны, то же обстоятельство могло быть источником бесчисленных несправедливостей и уничтожило бы едва возникавшую тогда меновую торговлю русских с киргиз-казаками.

По сим причинам на первое требование хана объявлен решительный отказ, второе обещано рассмотреть.

При отъезде из Оренбурга Нурали именем матери своей ханши Папай и всех братьев изъявил желание иметь какое-нибудь большое строение в виде памятника над могилою Абульхайра и для исполнения оного просил 1000 человек рабочих на 15 дней³¹. Желание сие было следствием тщеславия, очень свойственного всем киргиз-казакам, но оно было безвредно, и потому Неплюев донес об оном высшему правительству. Коллегия иностранных дел не только согласилась удовлетворить требованию семейства Абульхайра, но даже нашла, что оно будет полезно, если Нурали согласится избрать место для построения надгробного здания недалеко от границ России и перенесет в оное тело своего отца. Тогда можно бы постановить правилом, чтоб всех ханов Меньшей орды погребали тут же и около

³¹ Все личные переговоры ханов с пограничными начальниками записывались тогда в журналы, которые донныне хранятся в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

кладбища основать город, о построении которого Абульхайр сам просил. По таковым соображениям положено удовлетворить желание Нурали, и условия, на которых оно должно быть исполнено, объявлены ему чрез посланных из Оренбурга чиновника и инженера. Первому поручено всячески стараться, чтобы Нурали согласился основать кладбище и при нем город не далее как в 3, или 4 днях езды от границы, особенно же на Илеке, а второму велено осмотреть место, снять план оному и сочинить фасад строения.

Переписка и переговоры о сем предмете продолжались несколько лет. Правительство русское, соображаясь с обстоятельствами и поведением хана, то изъявляло готовность, то уклонялось от исполнения его желания, наконец, оно оставлено в забвении, как увидим ниже. Причины к тому были с обеих сторон довольно сильные. Нурали боялся, и подвластные его не хотели селиться близ военных линий русских, а потому первый ответ, ими данный касательно выбора места, был слишком нерешителен. Впоследствии времени вместо Илека, предложено ему основать кладбище и город при устье Эмбы, но поелику сия река также была недалеко от российской границы, и киргиз-казаки равным образом боялись³² на ней селиться, то хан и во второй раз не мог отвечать положительно. На месте же, в котором был погребен Абульхайр, равно как и в окрестностях оного, не было ни камня, ни известки, ни лесу для построения. Между тем, пока происходили переговоры, встретились в Меньшей орде дела важнейшие, и готовность правительства русского к удовлетворению просьбы семейства Абульхайра ослаблена обстоятельствами и временем. План и фасад надгробного здания, сочиненные посланным к Нурали инженером, доныне сохраняются неисполненными в Оренбургском архиве.

Кабинет императрицы Елисаветы и пограничное начальство оренбургское при возведении нового хана требовали от него только одной услуги, а именно, выдачи россиян, томившихся у киргиз-казаков в плену, о чем прислана ему была особенная грамота из Петербурга.

³² Подпоручик Ригельман, ездивший к Нурали для решительного соглашения о постройке надгробного здания, пишет, что киргиз-казаки, желая отвратить своего хана от приближения к границам России, напоминали ему о завоевании Казани и Астрахани и уверяли, что, если бы жители сих городов, некогда также кочевавшие, не поселились, то потомки их были бы доныне независимы.

Нурали и братья его взялись исполнить требование столь справедливое, но оно превышало слабую власть их, и потому осталось безуспешным, подобно сотням или тысячам таковых же требований и подтверждений.

Нурали едва успел возвратиться из Оренбурга в свои аулы, как вдруг приехали к нему от зюнгарского хонтайдзи послы, которые, основываясь на предложении, сделанном его отцом пред смертью, приехали просить у него сестру в замужество своему владельцу, за что обещали ему, вместо калыма, город Туркестан. Трудно было Нурали, признавая над собою владычество России, приступить к сему союзу, но еще труднее отказаться от родственных связей с владельцем столь страшным для врагов Нурали и особенно упустить случай без кровопролития овладеть Туркестаном, где некогда властвовали его предки, где были они погребены и где жил сам Абульхайр до изгнания его зюнгарами.

Колелемый то страхом, то надеждою Нурали не знал, на что решиться. Султаны и старейшины советовали ему немедленно отправить сестру к хонтайдзи, и потом в надежде на помощь сего владельца идти отмстить Бараку и подвластным его за смерть Абульхайра. Советы сии были очень согласны с собственными его желаниями, но он не упускал из вида, что они противны выгодам России, которая могла его наказать за неверность. К тому же у него тогда находился один русский офицер, прибывший вместе с ним из Оренбурга. При таком свидетеле ему нельзя было действовать иначе как тайно, а потому он отпустил послов зюнгарских без невесты, но с обещанием скоро доставить ее. Неплюеву же на вопрос о причине прибытия посольства отвечал, что оно приезжало от сына Галдан Цырена с предложением мира и дружбы.

Равным образом скрыл он, что зюнгары предлагали ему заменять находившихся у них в плену киргиз-казачков на волжских калмыков, которых Меньшая орда киргизская много имела тогда у себя в неволе. Обман его был бесполезен, потому что бывший тогда в орде русский офицер³³ донес о всем в настоящем виде пограничному начальству оренбургскому, а оно — высшему правительству. Сие последнее нашло, что родственная связь между зюнгарскими и казачьими владельцами может быть весьма вредна для России. Подобный пример уже случился. Когда

³³ См. журнал и рапорты капитана Яковлева в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

хан волжских калмыков *Аюка* [39] женился на родственнице зюнгарского хонтайдзи, *Дарме Бале*, то она уговорила сына своего Санжипа в 1701 году уйти с 15000 кибиток в Зюнгарию. Если же зюнгары, уже давно покорившие Большую казачью орду, и имевшие аманатов от всех знатнейших султанов Средней орды, соединились бы по родству владельцев и с Меньшею ордою, тогда все население земель, начиная с нынешних западных владений Китайской империи до северной части Каспийского моря, двигалось бы по мановению одного повелителя, и граница наша от верхнего Иртыша до устья Урала могла бы на всем протяжении своем подвергнуться нападению в один и тот же день.

Для отвращения такой опасности нельзя было правительству российскому не препятствовать хану Нурали сделаться шурином зюнгарского хонтайдзи, а потому велено употребить к тому все возможные средства [40]. Действительнейшим из оных полагали увещевания человека, уважаемого ханом и известного всей Меньшей орде, а именно Тевкелева, по сей причине опять нарочно посланного в Оренбург для личного свидания и переговоров с Нурали. В дополнение к советам, ласкам и обещаниям, которыми Тевкелев должен был осыпать киргиз-казаков, предписано Неплюеву приступить к немедленному началу надгробного памятника Абульхайру и, при нем жилища для ханов, в угодность Нурали и братьям его. Равным образом решено допустить принятие в аманаты вместо законного брата ханского³⁴, побочного *Чингиса*, в чем Абульхайру много раз было отказано. Между тем Нурали был встревожен распущенной молвою, что если хонтайдзи зюнгарский будет иметь от его сестры сына, то, для доставления ему достоинства единственного хана киргиз-казачьего, он истребит всех владельцев казачьих и их потомков.

К успокоению всех сомнений дочь Абульхайра, назначенная в супруги зюнгарскому владельцу, в 1750 году умерла. Смерть ее сделалась известна в Оренбурге прежде, нежели Тевкелев успел видаться с Нурали³⁵, а потому

³⁴ См. указы Коллегии иностранных дел от 2 ноября 1749 и 13 августа 1750 годов.

³⁵ В ожидании Тевкелева Неплюев посылал к Нурали и матери его для увещевания и для собрания сведений о послых зюнгарских одного из своих переводчиков, с которым он отправил в подарок хану как редкость 10 четвертей муки и 10 четвертей круп. Главною целию сего подарка была надежда приучить киргизов к вымену у россиян хлеба.

повеления о немедленном построении памятника над гробом его отца и о принятии Чингиса в аманаты как излишние в безопасное время остались необъявленными.

Не зная о новом снисхождении высшего правительства и соображаясь с прежними требованиями, Нурали в 1749 году отдал в аманаты вместо султана *Айчувака* другого законного брата своего, *Адила*, а в 1750 году заменил Адила сыном своим *Пирали*, которому было тогда только 5 лет.

В сие же время вошел в сношение с оренбургским начальством султан *Батыр* [41], отец тогдашнего хана хивинского *Каипа* и сын бывшего хана киргизского *Каипа* же, который, как уже известно, в 1718 году писал к Петру Великому. Батыр, наследовавший от отца своего ненависть к Абульхайру, никогда не признавал над собою его власти, а потому и с Россиею долго не имел никаких связей. Когда же часть Меньшей орды провозгласила его ханом, равным Нурали, и когда сын его сделался владельцем хивинским, то он еще менее стал уважать сына Абульхайра, надеясь, что Россия окажет ему не менее отличия. Он однако же не решился при начале сношений своих с Оренбургом, просить о признании его в ханском достоинстве, но чрез посланных своих (в 1750 году) только предложил оренбургскому начальству о направлении всех купеческих караванов, в Бухарию и Хиву идущих, чрез его кочевья, с тем, что он обязывается их препровождать и защищать. В подкрепление сего предложения и сын его, хан *Каип*, прислал из Хивы своего посланника с уверениями в дружбе и с тою же просьбою об отправлении караванов чрез аулы его отца. Удовлетворить желание сие было невозможно потому, что оно клонилось к явному оскорблению Нурали, который как подданный России и хан, ею утвержденный, званием своим обязан был защищать русское купечество в степях, между Уралом и Сыром лежащих, и уже принял на себя попечение о том. Правда, что старания его были ненадежны, но обещания султана Батыра, по отдаленности его от границ России еще менее представляли обеспечения, а потому сказано ему в ответ, что обязанность провожать караваны чрез земли Меньшей киргизской орды принадлежит Нурали, которому в сем отношении может он помогать и с которым должен он жить в согласии, если желает пользоваться покровительством России. Хивинскому посланнику дан Не-

плюевым ответ, ничего решительного в себе не заключающий, но, впрочем, весьма учтивый.

Распоряжения сии, не говоря о справедливости оных, были основаны на пользах России. Она тогда должна была поддерживать и даже усиливать ханов, ею данных или признанных, ибо слабость их власти не доставляла и даже не предвещала ей ничего хорошего. Уже почти двадцать лет орды киргиз-казачьи были в ее подданстве, почти двадцать лет теряла она деньги на удержание их в покое, на подарки султанам и старейшинам, на построение крепостей, на содержание войска и, несмотря на все таковые пожертвования, в двадцать лет она не только не могла обезопасить пределов своих от грабежей, но даже не приобрела верного средства выручать коренных подданных своих из плена от народа, который добровольно ей покорился. Отзывы Абульхайра о его бессилии были редки по его тщеславию и почитались ложными как по всегдашней хитрости его, так и по явной непокорности. Признания Нурали и много раз повторенные им просьбы об употреблении на границах наших баранты (задержание преступников или их родственников) были более чистосердечны, нежели каковыми казались сначала, а потому приняты во уважение. Они подтверждены мнением Тевкелева, опытного в сношениях с азиатцами, ответами многих султанов, от которых, равно как и от хана, без успеха требовали несколько лет возвращения пленных россиян, и примерами Хивы, Бухарии и других смежных владений, где баранта [42] признана неизбежною для обуздания кочевых народов.

Убеждаясь опытами и видя, что снисходительное терпение не уменьшает, а увеличивает дерзости киргиз-казачьих, правительство российское, наконец, решилось поступать с ними так же, как поступают прочие их соседы, а потому предписано³⁶ пограничному начальству в случае воровства или увлечения людей в плен немедленно требовать от хана возвращения похищенного, если же он не удовлетворит или посоветует сделать *баранту*, то захватывать при первом удобном случае родственников или даже *однородцев*³⁷ виновного (предполагая, что сам преступник уже не покажется русским) и держать их под стражею, пока пленный или покраденные вещи не будут

³⁶ Указ Коллегии иностранных дел от 27 ноября 1749 года.

³⁷ Принадлежащих к одному племени и роду.

возвращены из орды: мера, несогласная с нынешними понятиями нашими о справедливости, но в тогдашнее время необходимая для обуздания кочующих разбойников.

В то же время, дабы понудить хана Нурали к исполнению требований нашего правительства и доставить ему возможность без убытка награждать услуги, оказанные России его подвластными, положено ежегодно отпускать ему из казны денежное жалованье и посылать от имени пограничного начальника разные подарки. Выдачу жалованья велено, однако же, начать не прежде, как когда будут освобождены все или по крайней мере большая часть пленных россиян и волжских калмыков. Полагали, что это последует очень скоро, но вышло иначе, и Нурали получил оклад свой не прежде, как чрез пять лет после назначения оногo.

В начале 1750 года брат ханский султан Айчувак [43] с приятелем отца своего батыром Джанибеком и многочисленную толпою киргиз-казаков, частью Средней, а более Меньшой орд вздумали предпринять поход против народа, который, обитая по берегам Аральского озера, носил название *аральцев* [44], был малочислен и непривычен к войне. Легко догадаться можно, что таковое предприятие Айчувака и его сообщников было успешно, и что они возвратились в жилища свои с пленными, с табунами чужих лошадей и с множеством награбленных вещей разного рода. Но аральцы находились под покровительством хивинского хана, который не хотел оставить нанесенного им урона без удовлетворения, и потому задержал у себя в Хиве множество прибывших на мену подвластных хана Нурали и даже посланца его. Для освобождения сих киргиз-казаков нельзя было не возвратить аральцам хотя части их потери, особенно пленных.

Вслед за тем султан Эрали, подражая брату своему, напал на каракалпаков, но толпа, составлявшая его войско, была слишком малочисленна, а потому вместо получения ожидаемой добычи, он был взят в плен, а большая часть его сподвижников побита.

Возвратив ему чрез несколько месяцев свободу, Нурали приезжал в Оренбург для свидания с Неплюевым и Тевкелевым. Приезд сей не имел никаких важных последствий.

Сношения Средней орды с Россиею около сего времени были довольно редки. Хан ее, Абульмагмет, удалился в Туркестан и безвестно жил там до самой смерти, а султан

Барак, как сказано выше, отравлен. Преемники же их власти с русскими тогда еще не ознакомились. Султан Кучак, некоторыми поколениями провозглашенный ханом, не признан в достоинстве сем правительством русским и даже не искал его покровительства. Милости зюнгарского владельца были нужнее для него, равно как и для всех прочих султанов Средней орды. Один только Аблай, не взирая на тайные сношения свои с зюнгарами, не отставал от России, ибо большая часть его подвластных жила близ ее границ, и он чувствовал нужду в ее добром к себе расположении.

Сверх безопасности, он имел ввиду выгоды менового торга с русскими, а потому просил открыть оный в Троицкой крепости, представляя, что в Оренбург как ему, так особенно многим его киргиз-казакам, весьма далеко ездить [45]. Того же просил и батыр Джанибек, по смерти Абульхайра удалившийся из Меньшей орды. Исполнение просьбы их обещало пользу не только им, но и правительству русскому, давая возможность удобнее надзирать за Среднею ордою, а потому в 1750 году и открыт меновой торг в Троицке.

Гальдан Цырен пред смертью своею примирился с киргиз-казаками и, кажется, решился привязать их к себе более ласками и благодеяниями, нежели страхом, но сын его [46] имел другой образ мыслей и возобновил набеги. Средняя орда особенно пострадала от него в 1751 году около гор Улу. Потеряв множество людей, взятых зюнгарами в плен, большая часть оной должна была приблизиться к границе русской и почти смешаться с Меньшею ордою, достигнув реки Ори и гор Мугоджарских [47].

В 1752 году сношения России с Нурали-ханом имели целию не столько дела собственно киргизские, сколько распространение караванной торговли с Хивою, Бухариею, Ташкентом и чрез них и с прочими владениями Средней Азии до самой Индии, которую почитали источником всех богатств. Как ни далека она от степей киргизских, но чрез оные хотели сделать первый к ней шаг, а потому пособие хана Нурали, если б он чистосердечно оказал оное, было бы в торговом отношении для русских весьма важно.

С-сею целию оказаны ему разные снисхождения, и, между прочим, принят от него в аманаты вместо старшего сына султана Пирали самый младший, имевший не более трех лет от рождения.

С тою же целию, возвратясь к мысли, изъясненной императрицею Анною в Указе Кириллову 11 февраля 1736 года и согласной с вышеописанным желанием Абульхайра, опять предполагали основать город при устье Сырдарьи, а для первоначального поселения в нем отправить туда преступников, осужденных к ссылке. Но все сии предположения остались безуспешными.

Вражда ханов Абульхайра и Каипа, известная с начала 18 столетия, не кончилась их смертью, они передали ее в наследство детям и внукам своим. Впоследствии описания сего увидим, что она доныне еще не погасла и даже не ослабела между известнейшими потомками обоих родоначальников, но прежде, нежели дойдем до наших современников, опишем дела их предков. Постоянство, с которым оба рода продолжают друг друга ненавидеть и преследовать в течение 100 лет, а может быть и более (ибо неизвестно нам, в каких отношениях один к другому находились отцы Абульхайра и Каипа), заслуживает особенного внимания.

Выше сказано, что сын Каипа султан Батыр и сын сего последнего, хивинский хан Каип, прислали в 1750 году первый раз посланцев в Оренбург. Хотя предложения их, как клонящиеся к оскорблению признанного Россиею хана Меньшей орды, не приняты, но приезд посланцев и самое намерение султана Батыра завести связи с русскими уже возбудили в Нурали подозрение и возобновили наследственную ненависть. К тому же он не мог равнодушно видеть, что хотя русское правительство не согласилось направлять все вообще караваны чрез кочевья батыра, но сын его, будучи ханом хивинским, запретил своим купцам ходить из Хивы в Оренбург и из Оренбурга в Хиву иначе, как только чрез аулы отца своего. Сие распоряжение уменьшило и влияние Нурали на торговлю, и доходы, которые в виде пошлины брались киргиз-казацкими ханами с провозимых чрез их степи товаров. Раздраженный Нурали послал в 1753 году разграбить на пути первый хивинский караван, который будет идти в Россию или из России: приказание его исполнено. Киргизы алимулинского поколения каракитинского рода немедленно ограбили на реке Сагыз многих хивинцев и туркменцев, шедших с товарами под прикрытием киргиз-казаков того же алимулинского поколения, но чиклинского рода. Неплюев отправил в орду нарочного чиновника для убеждения хана отыскать грабителей и, отобрав у них товары, возвратить

онные хозяевам. Нурали решительно отвечал, что грабеж был произведен по его приказанию, за то, что султан Барак не только ему не повинуется, но возмущает против его Меньшую орду и по согласию с сыном своим принуждает хивинцев ходить с караванами чрез одни свои аулы. В оправдание же свое и в надежде вооружить Россию против Хивы Нурали писал в Оренбург, что Каип вместе с Баракком собираются нападать на границу русскую, почему советовал завоевать Хивинское владение, и обещал овладеть оным в несколько дней, если будет ему прислано в помощь 10000 русского войска с артиллериею.

Легко было отгадать цель, с которою он предлагал свои услуги, а потому Неплюев и Тевкелев, не внимая его внушениям, повторяли требование о возвращении товаров разбитого каравана, и упрекали его в поведении, неприличном достоинству хана. Бесплезны были бы убеждения их, если бы посланный с оными переводчик, по наставлению Неплюева, наконец не обнадежил Нурали, что удовлетворением ограбленных купцов приобретет он право просить себе от России уже назначенного ему, но не выдававшегося ежегодного жалованья. Это подействовало более всех увещаний, и хан начал стараться о возможной выдаче товаров, его подвластными отбитых.

Хивинский хан Каип действовал совсем иначе. В то самое время, когда правительство русское старалось о возвращении его купцам потерянной ими собственности, он велел задержать в Хиве русский караван и выпустил оный по требованиям оренбургского начальства и стараниям хана Нурали не прежде как почти чрез год. При возвращении сего каравана в декабре 1754 года вместе с ним приехал в Оренбург посланец от самого Каипа и бывший в Хиве чиновник русский.

Сей последний виделся дорогою с султаном Эрали, который просил донести Неплюеву, что он готов идти с братьями своими на Хиву для отмщения обид, нанесенных им и отцу их Абульхайру султаном Батыром и сыном его, что он намерен соединиться с недовольными подданными Каипа, лишить его жизни, занять его место, и, сделавшись владельцем Хивы, освободить всех русских пленных, там находившихся. На случай неудачи просил только о том, чтобы Россия обещалась выкупить его, если он сам попадется в плен.

Хивинский посланец, к удивлению, вместо исполнения поручений своего хана жаловался правительству русскому на его корыстолюбие и несправедливость, описывал несчастья, терпимые от него народом, и именем всех узбеков, к числу которых принадлежал он сам, просил помощи к низложению Каипа.

Хотя таковая просьба давала случай России наказать хивинцев за вероломство, а владельца их за дерзость, которая побудила его задержать в минувшем году оренбургский караван, но правительство русское в завоевании Хивы находило тогда более трудностей, нежели пользы. Притом вызов султана Эрали давал надежду приобрести некоторую власть над сею страню без малейшей потери крови, а потому³⁸ хивинскому посланцу, просившему помощи для свержения Каипа, отказано, не воспрещая, однако ж, ему просить о том же владельцев казачьих. Хану Нурали, судтану Эрали и прочим их братьям предоставлено идти на Хиву, и если бы счастье им послужило, то овладеть оною. Просьбу Эрали о выкупе его в случае пленения положено исполнить.

Много выиграла бы Россия в торговом отношении, если бы дети Абульхайра привели в действие намерения свои и успели бы занять Хиву, но, к сожалению, они даже не приступали к достижению цели, предположенной султаном Эрали. Причиною тому должно предполагать недостаток вооруженных людей, которых бы можно противопоставить соединенным силам Каипа и отца его Батыра.

Капитан князь Максютов, посланный тогда из Оренбурга в Меньшую орду, в донесениях своих писал, что Нурали-хан и братья его, собираясь идти на Хиву, созывали народное собрание, и что хотя собрание сие одобрило их намерения, но какой-то ходжа, у которого как у полусвятого приехали они просить благословения на поход, запретил им воевать с хивинцами, а они его послушались.

Средняя орда выдерживала тогда последние удары угасавшего могущества зюнгаров. В начале 1754 года она так была ими притеснена, что множество киргиз-казаков, к ней принадлежащих, просили правительство русское впустить внутрь линий жен и детей их, если сами они не могут быть впущены; некоторые же просили отвода земель у границы, и обещались завести селения.

³⁸ Указ Коллегии иностранных дел, 2 апреля 1755 года.

Такого рода стража была бы слишком ненадежна; да и самое принятие жен и детей киргизских в крепости наши было опасно, а потому сибирскому начальству сначала предписано было не уважать таковых просьб³⁹. Через несколько времени после того, часть Средней орды опять возобновила домогательство о принятии оной под защиту в укрепления наши. Тут правительство, внимая представлениям Неплюева, и желая приласкать киргизов, позволило им кочевать близ Уйской линии, а в случае нападения приказано пропускать их в самые пределы империи, требуя только аманатов в залог спокойствия.

Снисхождение сие, оказанное⁴⁰ в конце 1756 года, нашлось излишним, ибо тогда уже почти исчезли опаснейшие враги киргиз-казаков, зюнгары, которые при хонтайцзиях своих Батуре [48] и Галдан Цырене не только устрашали слабые владения Средней Азии и орды казачьи, но возбуждали справедливые опасения в императорах российском и китайском.

Зюнгары чрезвычайно быстро перешли от могущества к падению: в 1745 году, повинувшись Галдан Цырену, они еще могли движением своим сделать важный переворот во всей Средней Азии. При детях Галдана, не похожих на отца умственными способностями, народ сей приметным образом утратил прежний дух свой, но соседи еще не переставали его бояться. В 1756 году зюнгары уже были покорены, рассеяны и в таковом множестве истреблены, что земли их совсем почти опустели.

Причину разрушения Зюнгарского государства были, как известно, несогласия и возникшие от оных междуособия последних его владельцев, из которых главнейшим виновником гибели был *Амурсана* [49]. Поссорившись с соперником своим во власти над народом *Давацием* [50], он в 1754 году признал себя подданным Китая и просил помощь против *Давация* войска китайского. Император *Цян Лунь* принял его весьма ласково и дал ему сильную армию, которой велено было идти с ним, но не для доставления ему верховного владычества над зюнгарами, а для покорения сего народа, столь часто беспокоившего правительство китайское. Желание богдохана исполнено,

³⁹ Указ Военной коллегии от 31 января 1755 года.

⁴⁰ Указ Сената от 24 октября 1756 года.

и в 1756 году опустошенная Зюнгария присоединена к Китаю⁴¹.

Умный и предприимчивый султан Аблай не упустил воспользоваться ссорами владельцев зюнгарских и всячески содействовал продолжению их междоусобий, понимая совершенно, сколь необходимо для его собственного спокойствия и для внешней безопасности всех орд казачьих раздробление и обессиление древних врагов их. С сею целию не только дал он Амурсане⁴² и Лобаче (зюнгарскому же владельцу) убежище в своем ауле, но даже ходил за них сражаться⁴³ и помогал им истреблять своих соплеменников, когда же дела приняли другой оборот, и войско китайское начало одерживать верх над зюнгарами, то Аблай присоединился к победителям. Переменив союзников, он не переменял цели своей и продолжал вместе с китайцами истреблять ненавистных соседей своих так же, как истреблял их вместе с приверженцами Амурсаны, а когда Зюнгария совсем была покорена, и войско китайское, заняв ее, приблизилось к кочевьям Аблая, тогда он вышел навстречу победителям и признал себя подданным богдохана [51].

С сего времени (1756) китайцы внесли в число своих владений земли, на которых кочевал Аблай, а ему были немедленно присланы от Цян Луня грамота на княжеское достоинство⁴⁴ и календарь, или условия китайского вассальства [52].

Пока Аблай и преданные ему малосильные султаны с подвластными им казаками Средней орды опустошали Зюнгарию, Меньшая орда сражалась с единоверцами своими башкирами и нанесла им такую обиду, которая произвела в обоих народах вражду, донныне еще не совсем погасшую. Чтобы яснее описать это происшествие, надобно представить картину тогдашней Башкирии.

⁴¹ См. выписки из китайской книги Си-юй-вын-цзян-лу, помещенные в "Путешествии в Китай" г. Тимковского. Т. 1. С. 155 и проч. и описание Чжунгарии и Восточного Туркестана, перевод с китайского о. Иакинфа.

⁴² Амурсана, отложившись от Китая, скитался в ордах киргиз-казачьих, а потом искал спасения в России, где и умер.

⁴³ См. донесение капитана Яковлева, который был тогда в Средней Орде и несколько времени сопутствовал Аблаю, шедшему вслед за Амурсаною и Лобачею сражаться с зюнгарами.

⁴⁴ Так пишет китаец, сочинивший упомянутую книгу Си-юй-вын-цзян-лу, из которой выписку находим в "Путешествии" г. Тимковского (Т. 1. С. 253), и которая потом переведена на русский язык о. Иакинфом.

Быв под властью России со времен царя Иоанна Васильевича Грозного, она уже не раз поднимала знамя бунта и не раз была за то наказана. Бедствия, ей нанесенные возмущением, начавшимся в 1735 году, едва прекратились в 1742. Сколь ни было тяжело положение ее в течение сих семи лет и сколь ни велико число ее жителей, тогда пострадавших или совсем погибших, однако ж, остальные недолго пробыли в покое: 18 мая 1755 года они опять взбунтовались. Пламя вспыхнуло и началось убийствами россиян во всей Башкирии не только в один день, но почти в один час. Причиною оного были рассеянные везде возмутительные письма одного муллы по имени *Батырша*, который, упрекая всех правоверных мусульман в повиновении христианам, заклинал каждого верующего в бога и Магомета взяться за оружие, и уверял, что обреченные на гибель в сей священной брани удостоятся вечных наград, обещанных Кораном. Таковые же письма посланы им были в Казань к татарам и в орды казачьи. Сии последние, не упуская случая, действительно тотчас начали делать набеги на русские границы под видом помощи башкирам [53].

Положение Оренбургской линии сделалось тогда весьма опасным. Она была растянута более, нежели на тысячу верст, отделена от внутренних поселений русских и окружена с севера башкирами, а с юга — киргиз-казаками, большая часть так называемых крепостей и форпостов ее не имели укреплений, гарнизоны были малосильны. Словом, при малейшей неудаче все пограничные жители, исключая оренбургских, защищенных крепостию, могли погибнуть. К счастью, краем сим тогда управлял Неплюев: присутствие духа и деятельность его наблюдательного ума отвратили грозившую беду. Он немедленно соединил в нужнейших точках войска, под его начальством бывшие, тотчас потребовал подкреплений из Казани, с Дона от казаков и с Волги от калмыцкого хана, между тем вооружил против башкиров тептярей и мещеряков [54], обещал прощение тем из возмутившихся, которые изъявят раскаяние, а за голову *Батырши* и его первых помощников назначил важные денежные награды. В киргиз-казачьи орды тайно послал он от имени оренбургского ахуна на татарском языке объявления, в которых сей старейшина магометанского духовенства будто бы похвалял восстание башкиров, но опасался, что они, сделавшись независимыми от России, нападут на киргиз-казаков и поработят их.

Когда вспомогательные войска пришли и вступили в Башкирию, то жители ее, не имея сил противиться соединенным против них русским, калмыкам, темярам и мешерякам, бежали с женами и детьми в числе 50000 человек за Урал. Множество из них перебито при переходе чрез реку, прочие скрылись в киргиз-казацких ордах. Оставшиеся в жилищах своих просили пощады, но раскаяние их было нечистосердечно, и все ожидали нового возмущения. Для предупреждения оного, особенно же для воспрепятствования башкирам соединиться с киргиз-казаками, Неплюев принужден был приступить к мере весьма жестокой, но в то время и в том крае необходимой. Он отдал во власть киргиз-казаков жен и детей тех башкиров, которые бежали к ним из России. Министерство Елисаветы желало обезопасить границу средствами более сообразными с правилами человеколюбия и кротости, но должно было уступить силе обстоятельств, и Неплюев известил письмами хана, султанов и знатнейших старейшин киргиз-казацких, что все жены и дочери скрывающихся у них башкиров отдаются им с тем, однако ж, чтобы они мужей и отцов выдали на линию или, по крайней мере, изгнали из орд казацких. За выдачу беглецов были обещаны и другие награды.

Сластолюбивые киргизы с жадностию поспешили овладеть предоставленными им женщинами. Башкиры стали защищать свои семейства, но будучи малочисленны, не могли устоять и частью на месте лишились жизни, частью были выданы русским или сами возвратились в свои жилища с твердым и нетерпеливым намерением отомстить казачьим ордам.

Гнев и ревность немедленно вооружили в Башкирии толпы мстителей, кои просили у начальства позволения ехать за Урал. Неплюев отвечал, что государыня не позволяет переходить границу, а между тем тайным образом велел начальникам крепостей и кордонов не замечать самовольных переходов из Башкирии в степи зауральские. Пользуясь мнимою оплошностию стражи русской, толпы башкиров устремились в орды казачьи, и, нападая на них, грабили, убивали, разоряли, а жен и детей увозили.

Хан Нурали жаловался: ему отвечали из Оренбурга, что киргиз-казаки сами навлекли на себя все беды принятием в свои аулы вероломных беглецов, и что вся Башкирия стремится к таким же подвигам. Подвластные Нурали стали сражаться и отбивать нападения, а башкиры

беспрестанно возобновляли оные, и потому взаимное истребление обоих народов продолжалось до того времени, пока Неплюев нашел средства оное прекратить. Башкирам строжайше подтверждено не ездить за Урал, киргиз-казакам для безопасности предложено удалиться на юг от Урала, а начальникам пограничным предписано не допускать с обеих сторон переходов, для чего и стража на границе усилена.

Кровопролитие уменьшилось, но вражда между обоими народами донныне продолжается, взаимные баранты, возобновляемые от времени до времени, поддерживают ее. Такие последствия дают повод обвинять правительство русское в жестокости, но вникнем в обстоятельства того времени, взглянем на географическое положение Оренбургского края, посмотрим, какие народы живут в нем, и около него, заметим малое число войска, тогда оберегавшего границу, и мы увидим, что мера, принятая Неплюевым, была единственным средством к спасению всего вверенного ему края, а может быть, и большей части юго-восточной России.

Рассуждая беспристрастно, нельзя не согласиться, что Россия в то время должна была принести одну из двух жертв: или башкиров, или коренных россиян, и если она пожертвовала первыми для спасения последних, то, конечно, не заслужила тем порицания.

В отыскании и выдаче на границу нашу бежавших за Урал башкиров весьма много содействовали оренбургскому начальству как сам хан Нурали, так и братья его Эрали и Айчувак. В угодность России, они сражались не только с беглецами, но даже с киргизами, их защищавшими. Хотя усердие сие было не совсем бескорыстное, однако ж, будучи подкреплено другими знаками доброжелательства, оно принято во уважение правительством русским и в награду за оное велено начать⁴⁵ производство хану жалованья, определенного еще за пять лет пред сим, и удержанного потому, что он не выдавал пленных наших. Потом также в виде милости, дозволено Нурали каждые два или три года посылать в Петербург ко двору родственников своих или знатнейших султанов и старейшин. Поездки их в столицу, с одной стороны, обещали выгоды и подарки хану и послам его, а с другой — были полезны и для правительства русского. Посланцы во время своего

⁴⁵ Указ 25 августа 1755 года. Хану дана тогда же о сем императорская грамота.

пребывания у двора могли служить аманатами, а между тем, знакомясь с нашими нравами, обычаями и постановлениями, они могли привыкать к ним и привозить с собою в орду европейские понятия о разных вещах.

Вражда и взаимные нападения башкиров и киргиз-казачков, отвратив соединение их, спасли множество россиян от гибели, однако ж, они не доставили безопасности границе русской. Плававшие мщением башкиры, несмотря на запрещение переходить чрез Урал, продолжали делать набеги на кочевья своих врагов и разорять их, киргизы же не переставали наказывать разорителей сих даже внутри Башкирии. Врываясь в оную чрез границу, они сражались с русскою стражею, а, возвращаясь назад, нападали на поселения русские. Происшествия сии повторялись часто. Хан и благонамеренные султаны не могли усмирить своих подвластных и, откровенно признаваясь в своей бессилии, писали, что простой народ даже подозревает их в тайной связи с оренбургским начальством для совершенного порабощения всех орд киргиз-казацких русскому владычеству⁴⁶. Вследствие сего правительство решилось увеличить власть хана Нурали и вместе с тем составить план к наказанию киргиз-казачков таким образом, чтоб они, наконец, хотя один раз почувствовали всю силу и могущество империи Российской. Уже предписано было сочинить подробную карту западной части киргизской степи, уже занимались изысканием удобнейших средств к походу за Урал и все предвещало Меньшей казачьей орде сильную грозу⁴⁷, но открывшаяся тогда между Россиею и Пруссиею семилетняя война остановила оную.

Между тем многочисленное народное собрание Меньшей Орды, соединившееся (1756 г.), вероятно, для рассуждений о предстоявшей опасности, не только не противилось требованиям хана и братьев его о выдаче русских пленных и беглых башкиров, но даже взялось помогать им. Особенно усердствовали России в сем случае султаны Айчувак и Эрали.

⁴⁶ Султан Айчувак, усердствуя России, еще в 1754 году писал к Неплюеву, что простые киргизы подозревают его, равно как и хана, в тайном против них союзе с оренбургским начальством, а потому боясь утвердить в сей мысли своих подвластных, просил, чтобы, когда станут их укорять в письмах к нему из Оренбурга, то и его самого укоряли бы вместе с ними. Об известных ворах говорил, что может только указывать их тайно, но не выдавать, предоставляя правительству русскому посылать за ними отряды войска.

⁴⁷ См. Указ 10 июля 1756 года.

В начале 1757 года наместник хана волжских калмыков *Дундук-Даши* известил астраханского губернатора, что все киргиз-казаки намерены перейти в турецкие владения на Кубань, и что будто бы они уже просили о том правительство оттоманское посредством нарочного посольства. Трудно было поверить сему известию, однако ж, осторожность требовала узнать, какую степень правдоподобия оно имело и на чем основано? По сведениям, из Меньшей орды полученным, чрез нарочно посланного в нее офицера⁴⁸, оказалось, что киргиз-казаки совсем не помышляли о Кубани, а напротив того *Дундук-Даши* и еще два владельца калмыцкие сами присылали к хану *Нурали* доверенных людей с извещением о намерении крымских татар напасть на Россию и с приглашением помочь им так же, как решились помогать калмыки. *Нурали* не отвергнул предложения, но просил уведомить его, когда крымцы исполнят свое намерение.

Такое двуличное поведение *Дундук-Даши* и всегдашняя вражда подвластных ему калмыков с киргиз-казаками заставляют думать, что истинною целию его в сем случае было желание склонить *Нурали* к походу в Россию и, пользуясь отсутствием большей части Меньшей орды из жилищ своих, напасть на беззащитные ее аулы.

Впрочем, это только предположение. Оно не было доказано опытом, потому что ни крымские татары, ни киргиз-казаки в 1757 году не нападали на Россию и, следовательно, волжские калмыки не имели случая ни помогать первым, ни разорять последних. Поведение Средней орды в 1758 году тревожило правительство российское более, нежели слухи о соединении *Нурали* с ханом крымским. Одна часть сей орды, ворвавшись в границы наши, позволила себе увлечь в плен около 220 человек татар Кузнецкого ведомства, известных под именем *двоеданцев* (с них в одно время брали подати и русские и зюнгары). Другая, и самая значительная часть Средней орды, хотя не делала набегов на пределы русские, но, заняв земли вытесненных зюнгаров, приблизилась к китайским владениям и казалась слишком преданною Китаю. Повелитель оной султан *Аблай*, хотя присягал на подданство России, но после того был под покровительством зюнгарского хонтайдзи, *Галдан Цырена* и, наконец, как выше сказано, получил от богдохана грамоту на достоинство китайского

⁴⁸ См. донесения князя *Уракова* 1757 года, в арх. Оренбургской пограничной комиссии.

князя. Следовательно, уверения в покорности, которые он от времени до времени возобновлял правительству русскому, не значили ничего и полагаться на оные было бы весьма неблагоприятно, тем более, что сношения его с Китаем становились довольно часты. В 1756 году приезжал к нему китайский посол. В 1758 году был у него второй чиновник богдохана, старавшийся склонить всю Среднюю орду к торжественному вступлению в число подданных Китая.

Аблай уклонился от исполнения сего требования не по уважению к присяге, им данной России, но потому, что находил двусмысленное положение свое выгоднейшим: оно, во-первых, доставляло ему более независимости и уважения от обоих государств, во-вторых, он боялся явно отказать от России, потому что значительная часть киргиз-казаков, ему повиновавшихся, кочевала при границах русских, в местах весьма выгодных.

Однако ж, Россия не могла довольствоваться его притворною покорностью. Сверх набегов киргизских, она тогда опасалась нашествия врага гораздо сильнейшего. Китайское войско, опустошив Зюнгарию, подступило к границе сибирской и грозило проникнуть внутрь государства.

Опасение сие скоро миновало, ибо китайцы не замедлили удалиться в свои пределы, но восстановление мира между двумя империями казалось непрочным до того времени, пока не кончились споры и переговоры их о выдаче зюнгарского владельца Амурсаны, признавшего себя подданным Китая и потом бежавшего в Россию. Смерть его прекратила все несогласия, но прежде, нежели она последовала, и спокойствие утвердилось, оренбургское начальство по воле высшего правительства уже вошло в сношения с киргиз-казаками владельцами Средней и Меньшей орд, о вспоможении войскам русским в действиях против Китая и о нападении на западные владения оного.

Хану Нурали дана на сей случай 19 марта 1758 года от имени императрицы грамота, в которой он приглашался к содействию, потому что китайцы, *наруша мир, учинили на наши сибирские границы наступление*. Неизвестно, почему грамота сия осталась неотправленною, и донныне хранится в Оренбурге, но по делам того года видно, что Нурали нарочно посланному к нему с подарками и сло-

весными убеждениями чиновнику русскому объявил согласие свое идти против китайцев, и готовиться к походу.

Другой чиновник, возвратясь из Средней орды, донес, что Аблай-султан также обещается сражаться с китайцами за русских. Для подтверждения своего обещания прислал он в Россию двух посланцев, которые уверяли, будто бы он никогда не признавал себя китайским подданным, но всегда оставался верным России, с китайцами же входил в сношения и оказывал им притворную покорность только из одного страха. Сколь ни были очевидно ложны сии уверения⁴⁹, но они с целию приняты за истинные, и Аблай не только похвален за постоянную преданность России, но получил в награду от императрицы дорогую саблю, и обнадежен другими милостями на будущее время.

Хану Нурали за его намерение идти сражаться с китайцами⁵⁰ также оказаны правительством русским разные снисхождения.

Так, например, по случаю смерти его сына, бывшего в Оренбурге аманатом, ему следовало без всякого отлагательства представить другого, но он медлил, отговаривался, и начальство пограничное имело приказание не принуждать его к тому. Равным образом тогда же велено построить для него и для братьев его на казенный счет, близ Урала, сараи и загороды для зимовки их скота. Наконец, как хан, так и знатнейшие султаны получили тогда многие подарки.

Для успокоения всех киргиз-казаков с севера и для отвращения от них нападений, которые могли остановить их даже и в то время, когда бы они приготовились идти против китайцев, строжайше предписано наблюдать, чтобы башкиры не переезжали за Урал.

Некоторые неудобства в построении скотных дворов для хана и султанов, беспрестанные просьбы их о перепуске на зиму в степи астраханские и опасения, что исполнение сего требования подаст повод к разорению волжских калмыков были причинами, понудившими правительство российское в 1757 году возвратиться к мысли о построении укрепленного города при устье Эмбы. По-

⁴⁹ В то же время китайский трибунал иностранных дел в одном из листов своих российскому сенату писал, что султан Аблай торжественно вступил в подданство Китая. См. бум. в архиве Коллегии иностранных дел.

⁵⁰ Нурали даже изъявлял тогда готовность помогать русским в войне с Персией, хотя, впрочем, не имел никакой возможности привести свое предположение в действие.

лагали, что если нельзя склонить хана и его казаков к постоянному жительству в сем городе, то, по крайней мере, они не откажутся, для сохранения стад и табунов своих, зимовать в оном, однако ж, и сие предположение, подобно вышеописанному нами, осталось донныне неисполненным.

По смерти Амурсаны и по окончании неприятной переписки о нем, происходившей между правительствами русским и китайским, приготовления России к отражению китайцев и вспомоществование, обещанное ханом Нурали и султаном Аблаем сделались излишними, но двор петербургский еще долго после того опасался, чтоб киргиз-казаки не удалились от границ России в опустошенные земли зюнгаров. Средняя орда, по связям Аблая с Китаем и по стараниям китайцев о привлечении оной в свое соседство, уже казалась очень близкою к перемене жилищ. Полагали, что если она удалится на восток, то и Маленькая орда последует ее примеру.

Переселение сие не могло вредить России в отношении к безопасности, ибо киргиз-казаки, сделавшись ее подданными, не перестали быть хищниками и продолжали разорять пограничные области ее так же, как и прежде, но удаление их принесло бы ей значительный вред в торговом отношении, а потому она непременно желала удержать полудиких подданных своих на местах прежнего их жительства.

Первым средством к достижению таковой цели было сохранение доброго расположения к русским в султанине Аблае, который ежедневно приобретал в народе своем более и более силы и скорее всех мог подвинуть оный к важному предприятию. Значительная часть Средней орды уже именовала его своим ханом. Сам он в сношениях с пограничными начальствами нашими еще называл себя султаном, но по власти своей и по достоинству китайского князя, полученному им от Цян Луня, он легко мог переменить внезапно титул свой и назваться повелителем всей Средней орды без всякого позволения или содействия России. Поступок сей был бы противен достоинству империи, ибо Средняя орда считалась в российском подданстве, но отвратить это происшествие запрещением было невозможно, наказывать же за оное вооруженною рукою было бы слишком невыгодно. Итак, положено ласками и кротостию довести Аблая до того, чтобы он сам, именем народа, просил императрицу Елисавету наименовать его

ханом. В ожидании таковой просьбы назначено ему ежегодное денежное жалование от России и послан к нему чиновник, которому поручено искусным образом указать султану путь к ханскому достоинству и объявить, что для получения оного должен он, подражая Нурали, дать в аманаты сына своего.

Вопреки ожиданиям, Аблай принял посланца русского весьма дурно и не согласился отдать сына, к тому же получены были достоверные известия, что прежде утвержденный Россиею хан Средней орды *Абульмамат* еще был жив, а потому возведение нового хана отложено до времени.

В 1760 году киргиз-казаки Средней орды сделали сильное нападение на диких киргизов, или бурутов [55], и нанесли им большой урон, потом потревожили они часть новозавоеванных областей Китая и увлекли из оных некоторых жителей в плен. Китайцы потребовали их обратно от Аблая, а для подкрепления своего требования выслали войска⁵¹.

Появление оного произвело в Средней орде великий страх. Не только желание китайского правительства немедленно было удовлетворено, но и на русскую границу тогда же выдано значительное число башкиров, татар барабинских и пленных россиян.

Впрочем, Россия возвращением своих подданных обязана не столько страху, китайскими войсками произведенному в казаках, сколько стараниям и власти Аблая, который, хотя был подданным двух империй, однако ж, по политическим видам всегда старался отвращать набеги своих подвластных на Россию и потому граница ее, против Средней Орды лежащая, всегда была безопаснее, нежели военная линия на Урале.

Теперь обратимся к Меньшей орде, которой хан и его братья казались гораздо более преданными России, нежели Аблай. С открытия весны до половины лета она грабила пограничные селения наши. За что? За то, что волжские калмыки угнали у нее в последнюю зиму много скота, и что на Урале была стража, препятствовавшая ей идти на Волгу возвращать свою потерю. Может быть, к сей первой причине присоединялась и вторая, которая была менее важна, но могла также иметь влияние на поведение орды. Осенью минувшего 1759 года хан Нурали и братья его приезжали в Оренбург. Губернатор тамошний Давыдов, за-

⁵¹ См. донесение переводчика Гордеева 1760 года в архиве Оренбургской пограничной комиссии.

ступивший место Неплюева, принял их неучтиво (что всего хуже) не сделал им никакого подарка, что оскорбило их до такой степени, что они не хотели проститься с ним и решительно отказались исполнять его требования.

От сих обеих причин дерзость Меньшей казачьей орды непрерывно возрастала, а хан отзывался бессилием своим, и потому из Петербурга предписано⁵² калмыков понудить к возвращению покраденных лошадей, а киргиз-казаков за набеги их наказывать отправлением в земли их войска, которое бы отыскивало виновных и взяло их имущество или, по крайней мере, захватило бы их родственников, не касаясь, однако ж, людей посторонних.

В 1761 году часть Меньшей орды опять нападала на границы России и опять была наказана вооруженною рукою. Причины возобновления неприятельских действий были те же, что и в минувшем году: калмыки не возвращали киргизских лошадей, а хану и братьям его не оказывали в Оренбурге должного внимания, хотя, впрочем, они с начала года не принимали участия в набегах. Осенью же султаны Эрали и Айчувак так были огорчены дурным с ними обращением губернатора Давыдова, что начали останавливать караваны, в Оренбург шедшие. Айчувак даже имел намерение откочевать с семиродским поколением к пределам Китая на бывшие зюнгарские земли. Для сохранения прежнего усердного расположения сих двух султанов высшее правительство, вопреки поступкам местного оренбургского начальства, назначило им обоем ежегодное жалованье.

Таковое положение дел Меньшей орды и двусмысленное, хотя, впрочем, безвредное для России поведение султана Аблая были причиною, что при восшествии на престол императора Петра III известительные о том грамоты посланы к хану и знатнейшим султанам киргизским без требования от них новой присяги. Думали, что они откажут в оной, и потому положено исполнить сей обряд тогда только, когда они сами будут в Оренбурге. Для сохранения их в подданстве и для отвращения их тем от дружественных связей с Китаем правительство русское продолжало не щадить ни стараний, ни издержек. В наставлениях, данных сибирскому и оренбургскому пограничным начальствам в начале 1762 года, предписано знатнейших киргиз-казаков всячески ласкать, щедрою ру-

⁵² Указ Коллегии иностранных дел, 18 июля 1760 года.

кою давать им подарки и награждения, а которые пожелают, для тех строить за казенный счет близ границы скотные дворы и сараи.

К султану Аблаю велено немедленно послать инженерных офицеров, с тем, чтобы они, построив ему дом со всеми нужными принадлежностями и помещениями, обнесли оный валом в виде крепости. Для самолюбия киргиза такой знак отличия был очень важен⁵³. Сими и другими подобными средствами киргизские султаны и хан удержаны были в преданности (по крайней мере наружной) России. Получив грамоты о восшествии на престол Екатерины II, Нурали, Аблай и Айчувак присягнули немедленно.

Должно, однако ж, заметить, что не только Аблай, давно сделавшийся подданным двух держав, присягая новой императрице русской, не имел намерения отказаться от связей с Китаем, но даже и хан Нурали, подражая ему, хотел в сие время войти в сношения с китайским двором; а потому, не далее как в том же 1762 году, посольство его, равно и посланцы от султана Батыра из Меньшей орды и от султана Абульфейса, сына Абульмамет-хана из Средней, отправились в Пекин. Все они были щедро одарены богдоханом, особенно посланцы хана Нурали⁵⁴, который, возгордись тем, сделался невнимателен к требованиям России.

Подвластные его между тем возобновили прежние нападения на волжских калмыков и потом требовали, чтобы их непременно пропустили зимовать на правый берег Урала. В требовании сем им уже не раз было отказано. Получив новый отказ, они до того озлобились, что хотели насильно вступить со стадами и табунами своими в пределы России на зиму. Такая наглость была причиною, что Екатерина решилась дать наместнику ханства калмыцкого *Убаше* 10 мая 1763 грамоту⁵⁵ о наказании вооруженною рукою Меньшей киргиз-казачьей орды, если оренбургский губернатор уведомит, что хотя часть оной перешла чрез границу. То же позволение велено было дать башкирам и яикским казакам, однако никто не воспользовался оным, ибо киргизы остались в своих степях.

⁵³ Дом хану Аблаю действительно построен против Петропавловской крепости, но несколько лет позже.

⁵⁴ См. донесение переводчика Гордеева по возвращении его из Средней орды в 1763 году.

⁵⁵ Грамота сия осталась в Оренбурге, где теперь и сохраняется.

Хитрый султан Аблай, угождая несколько лет двум властям, одна другой противоположным, был в сие время приглашаем на помощь третьей, которая менее прочих была нужна ему для безопасного существования в своей орде, но к которой влекли его заповеди Корана и собственное честолюбие.

В одно почти время с покорением Зюнгарию китайцы овладели так называемою Малою Бухариею, или Восточным Туркестаном, и простирали свои виды на завоевание других слабых магометанских владений Средней Азии. Ожидание нападения и невозможность отразить оное понудили ханов ташкентского, кокандского и других, столь же бессильных соседей их предварительно искать защиты от Китая у афганского владельца *Ахмета* [56] который, как сильный государь и мусульманин, должен был принять под покровительство единоверцев своих. Жители Кашгара, Яркенда и других уже покоренных китайцами городов равным образом просили его об освобождении их от владычества неверных [57]. Побуждаемый столь многими просьбами, Ахмет послал против Китая сильное войско, которое, остановясь между Ташкентом и Кокандом, вошло в переговоры с китайцами [58]. Пока происходили переписки и пересылки, усердные магометане со всех сторон присоединились к своим защитникам и всех убеждали словами и письмами поспешать к ним на подкрепление. Абульмамет, почитавшийся ханом Средней казачьей орды, также получил пригласительное письмо, но поелику он уже давно не управлял киргиз-казаками, то и переслал воззвание к Аблаю⁵⁶. Сей последний, конечно, приступил бы к общему союзу магометан, если бы хотя несколько менее связан был с китайцами. Предупреждая его готовность помогать своим единоверцам, двор пекинский, весьма незадолго до получения им от Абульмамета приглашения, прислал ему грамоту, позволявшую занять окрестности реки Или и, обнадежив его всегдашнюю защиту, взял в аманаты к себе его тестя султана *Султанамета*⁵⁷, несколько старейшин и детей их [59].

Нурали также было предложено соединиться с афганцами, и хотя он не отказался от того решительно, однако, по положению своей орды, и обстоятельствам, не мог идти с войском к границам Китая. Калмыки, с одной стороны,

⁵⁶ Копия сего письма привезена тогда же (1763 года) в Оренбург посланным в Среднюю орду башкиром Теригуловым.

⁵⁷ Донесения вышеупомянутого переводчика Гордеева.

и башкиры, с другой, не упустили бы воспользоваться отсутствием киргиз-казаков и не только разграбили бы все их имущество, но увлекли бы в плен к себе всех жен и детей их. Нурали справедливо страшился сего бедствия, ибо башкиры еще живо помнили жестокие обиды, нанесенные им Меньшею ордою в 1755 году и многие из них еще не были отмщены. Калмыки в 1762 году вытерпели новый удар от киргиз-казаков, пришедших на Волгу по льду чрез море Каспийское. В том же году бежали за Яик 200 кибиток туркменцев, долго живших с калмыками; киргизы, впустив их в свои земли, взяли всех в неволю и разделили между собою.

Сношения России с киргиз-казаками в первые годы царствования императрицы Екатерины II более, нежели когда-либо, направляемы были к двум предметам: во-первых, к заведению в обеих ордах поселений, во-вторых, к обеспечению караванной торговли.

Для первого хотели возобновить прежнее предположение о построении при устье Эмбы укрепленного города и в нем дома для хана Нурали, но так как подвластные его боялись видеть русских среди своих степей, то велено было завести вместо крепости маленький стан в виде редута для промышленников, занимающихся на Каспийском море рыбною ловлею, а дабы и сие заведение не возбудило негодования ордынцев, то положено открыть с ними в оном меновой торг, посредством которого бы снабжали их казенным хлебом за самую низкую цену. Тут же предполагалось учить их сенокосению и построить сараи для зимовки их скота, а если бы их потребовали, то и жилища им самим; равным образом повторены всем пограничным начальникам предписания о построении за Уралом и Иртышем не только зимних помещений для стад и табунов киргизских, но даже домов всем желающим селиться. Сибирскому же начальству приказано немедленно завести на речке *Колчаклы* целое селение и доставить оному все возможные выгоды. Словом, правительство всячески старалось возбудить в кочующих подданных своих охоту к оседлости, но они постоянно удалялись и доньше удаляются от оной, частью по сильной привычке к кочевой жизни, частью по боязни потерять дикую свободу свою, которую ценят выше всех благ.

Для обеспечения торговли надобно было искать средств новых, ибо тридцатилетний опыт доказывал, что ни ханы, ни султаны киргиз-казацкие на всем пространстве земель

своих не могли доставлять купеческим караванам верной и несомненной защиты. Слабость их власти и частые междоусобия, оставаясь донныне почти непреодолимыми к тому препятствиями, отнимают и донныне возможность обезопасить в полной мере караванные дороги, ведущие к нам купцов тащкентских, кокандских или их восточных соседей. Что касается до сообщений с бухарцами и хивинцами, то Россия имеет для оных другое направление, а именно Каспийское море, которое до принятия ею орд киргизских в свое подданство, служило единственным путем для торговли ее не только с Персиею, но и с Среднею Азиею. Екатерина не замедлила обратить свое внимание на сие обстоятельство, и потому, отложив надежды на пустые и тщеславные обещания киргизских владельцев, хотела сосредоточить в Астрахани все торговые сношения своих подданных с Бухариею и Хивою. Но предложение это не было исполнено, с одной стороны, потому, что азиатцы нашли его для себя не совсем выгодным, а с другой — потому, что оно грозило совершенным упадком Оренбургу и Троицку, равно как железным и медным заводам, в их окрестностях учрежденным.

Впрочем, намерения правительства русского относительно направления торговли с Среднею Азиею, не препятствовали оному всячески поддерживать меновой торг с киргиз-казаками, который сначала производился в одном Оренбурге, потом открыт в Троицке, а в 1764 году учрежден и в Семипалатинской крепости. Сия последняя назначена торговою точкою по просьбе султана *Абульфейза*, сына известного хана Абульмагмета и брата туркестанского хана *Полаата*. Он управлял в Средней орде сильным найманским поколением, был независим, но кочевал на прежних зюнгарских землях, и потому искал покровительства богдохана. Не имев никогда сношений с Россиею, и не присягав ей в верности, он без всякого обмана прислал к сибирскому пограничному начальнику одного почтенного старейшину просить своим подвластным позволения торговать с русскими в Семипалатной, и желание его было немедленно удовлетворено.

В то же время султан Аблай просил правительство русское о присылке к нему 10 человек хлебопашцев, которые бы могли выучить земледелию его киргизов. Екатерина повелела сию просьбу исполнить, взяв, однако ж, от Аблая надежных аманатов, которые бы могли обеспечивать свободу посланных к нему россиян.

Хан Нурали, гордившийся сношениями своими с афганским войском и с Китаем, в 1764 году писал прямо к императрице российской как о приглашении, ему сделанном всеми мусульманами Средней Азии участвовать в войне против китайцев, так и об отличном приеме, оказанном его посольству в Пекине. Оба сии обстоятельства давали ему повод тщеславиться и в мечтаниях о своей значительности требовать от России разных снисхождений и послаблений, в которых ему было неоднократно отказываемо. Возобновленные требования Нурали не были удачнее прежних. Ему посланы из России благодарность за доставление известий об афганцах и несколько подарков с вежливым, но весьма неудовлетворительным ответом. Подчиненная ему орда между тем не утихала и продолжала нападать то на волжских калмыков, то на русские пограничные поселения, не отвыкая и от внутренних непрерывных междоусобий, которые не заслуживают подробных описаний. Таким образом провела она 1765 и 1766 годы. В следующий, 1767, русское войско наказало ее очень чувствительно, преследуя и отыскивая грабителей в самых недрах орды.

Нет сомнения, что Нурали был озлоблен наказанием, однако ж, он не долго обнаруживал свое негодование, потому что имел нужду в милостивом расположении Екатерины II. Боясь, чтобы ханское достоинство, после его смерти не перешло в чужое поколение, он просил о назначении ему при жизни наследника или наместника и о торжественном возведении российским правительством в сие новое звание старшего сына его султана *Ишима* [60]. Желание это было ново, но не противоречило видам России. Правда, что она могла назначить ханом Меньшей орды кого-нибудь из братьев Нурали, но поелику тогда не было причины предпочитать их всем другим султанам и поелику императрица Анна, обещав Абульхайру сохранить достоинство ханское в его потомстве, не ограничила себя никакими правилами в назначении его преемников, то желание Нурали могло быть удовлетворено. Личные достоинства султана Ишима также не препятствовали исполнению намерений его отца. Нужно было только предварительно удостовериться, не возродит ли учреждение звания ханского наместника неудовольствия в народе киргиз-казацьем и не воспротивится ли оный признанию будущего своего повелителя; равным образом нужно было знать, каково сам Ишим расположен к России, и не

произведет ли предполагаемое нововведение каких-нибудь вредных последствий. Все таковые сведения приказано было собрать на месте, в самой орде, и потом доставить их в Петербург. Оренбургское начальство отвечало, что, по обычаям киргизским, после смерти Нурали следует быть ханом одному из братьев его, а не из сыновей. Министерство возразило, что правило наследства в частной жизни не должно быть применяемо к преемничеству ханского достоинства, ибо оное всегда переходило от одного лица к другому не иначе, как по избранию народа. Впрочем, для избежания всяких междоусобий и ропота, положено было склонить киргиз-казаков к произвольному выбору Ишима в наместники ханства, и потом утвердить народное желание.

Пока происходила о сем предмете переписка и собирались сведения, наступил 1771 год, в котором бегство калмыков из России отвлекло от дел киргизских не только правительство русское, но и самих киргиз-казаков, как увидим ниже, а потому предположение хана Нурали о назначении султана Ишима его наместником осталось без всякого исполнения.

Он бы мог достигнуть своей цели, если бы смерть меньшего сына его в 1769 году, бывшего в Оренбурге аманатом, не огорчила и не вовлекла его в упрямство, хотя простибельное для отца, но неприятное для правительства русского. Это был уже второй сын, которого лишился он в Оренбурге, и оба померли младенцами. Приписывая потерю сию недостатку присмотра, Нурали ни под каким видом не хотел давать нового заложника из своих детей, да и сам не поехал в Оренбург, куда был приглашаем несколько раз тамошним начальником для переговоров. К огорчению его присоединились ссоры, возникшие у него с братьями, зависть тем знакам внимания, которые правительство русское оказывало им, действуя чрез них на Меньшую орду успешнее, нежели чрез него, и, наконец, досада на собственное бессилие. Все сии чувствования тревожили хана, препятствовали ему поступить хладнокровно, и возбудив в нем дерзость, отклонили двор петербургский от принятой мысли, увеличить власть его над киргиз-казаками, что прежде полагали необходимым. Таким образом, Нурали довел себя до того, что ему начали оказывать гораздо менее уважения, что братьям его, невзирая на ссору их с ним, посланы были в награду за усердие сабли, а просьба его о назначении ежегодного

жалованья осталась без внимания. Ему даже отказано было в позволении отправить в Петербург посланцев, упорство в присылке аманата велено оставить без внимания, объяснив ему, что Россия и без залога может привести киргизов в повиновение⁵⁸.

То же и в том же году (1770) писано было и султану Аблаю, который, надеясь на получение разных выгод и преимуществ от России, сам вызвался отдать одного из сыновей своих в аманаты, а потом, когда увидел, что некоторые требования его не могут быть исполнены, отказался от собственного своего предложения под разными вымышленными причинами.

Возобновление набегов на оренбургскую границу в 1770 году навлекло было Меньшей орде новое наказание⁵⁹ от правительства русского и, если она избавилась от оногo, то обязана спасением своим волжским калмыкам, которых бегство из России дало совершенно другой оборот делам ее, обратив войска русские в союзников киргиз-казаков.

Приступаем теперь к описанию сего путешествия⁶⁰.

Отечество калмыков, или, говоря точнее, тургутов, которых остатки донные кочуют на правом берегу Волги в Астраханской губернии, было в нынешних западных пределах Китайской империи. Они оставили оное потому, что терпели частые нападения от соседов своих зюнгаров, коих могущество с начала XVII столетия беспрестанно возрастало, и которые, часто нападая на них, грозили им совершенным покорением. Недостаток сил для отмщения притеснителям и страх сделаться их рабами понудили тургутов удалиться на запад.

В 1636 году пришли они в Россию, и быв приняты царем Михайлом Федоровичем [61] в число его подданных, получили для кочевания своего обширные земли по обеим сторонам Волги.

⁵⁸ Указ Коллегии иностранных дел от 16 марта 1770 года.

⁵⁹ 10 января 1771 года дан был Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу рескрипт императрицы об отправлении войска в степь киргизскую для наказания хищников и выручки пленных.

⁶⁰ Почитаем долгом предуведомить наших читателей, что предлагаемое здесь описание побега тургутов из России и сражений их с киргиз-казаками почерпнуто из двух источников, весьма достоверных, а именно: 1) из журнала капитана Рычкова, посланного вместе с войском русским под начальством генерал-майора Траубенберга для преследования бежавших тургутов, и 2) из описания сего бегства китайского князя *Циши*, переводом коего на русский язык мы обязаны г. Липовцову (см. "Сибирский вестник" 1820 года).

По завоевании китайцами (1756 года) Зюнгари и по истреблении большей части ее жителей, слабые остатки их из поколений *дербет*, *хоит* и *хошут* в числе 10000 кибиток вспомнили о живущих на Волге соплеменниках своих и, забыв древние несогласия, соединились с ними под предводительством *Шерен* [62], одного из усерднейших сподвижников известного зюнгарского владельца Амур-саны.

Шерен и подвластные ему калмыки вышеупомянутых поколений принесли с собою из Зюнгари чувства и желания, совсем неодинаковые с теми, которые имели тургуты, уже более 120 лет жившие в России. Первые привыкли к междоусобным войнам и сражениям; последние — к миру, нарушаемому только грабительствами киргиз-казаков.

Первые пылали мщением к китайцам, изгнавшим их из отечества, и надеялись возвратить оное силою оружия, вторые были в земле, на которой родились и в которой наслаждались тишиною. По обыкновенному порядку вещей казалось, что новые подданные русские, утомясь долгими бедствиями войны и соединясь с гораздо превосходнейшим числом старых жителей берегов Волги, должны были с радостью навсегда остаться в безопасном месте. Пространство, отделяющее Волгу от бывшей Зюнгари, присоединение сей земли к Китаю и жестокость, с которою она была опустошена войсками богдохана, еще более удостоверяли в том, что калмыкам, в Россию пришедшим, невозможно возвратиться в прежнее отечество, но опыт показал совсем противное. Шерен и сопутствовавшие ему дербеты, хоиты и хошуты не только сами не отказались от желания опять кочевать на прежних землях, но возбудили к тому же и тургутов, родившихся в России.

Рассеяв разные слухи о неприязненных и даже варварских будто бы намерениях русского правительства против всех калмыков, Шерен вместе с беспокойными соумышленниками своими овладел умом слабого и доверчивого тургутского повелителя *Убаши* [63], воспользовался несогласиями его с ближайшим к нему русским начальством, прельстил его надеждою переменить название подданного на достоинство независимого владельца и убедил бежать из России чрез степи киргиз-казачьи, в древнюю Зюнгарию [64].

Простой народ, испуганный ложными слухами и подстрекаемый духовенством, не изъясил сопротивления. Убаши решился и по совету с князьями и ламами (духовными) назначил для выступления в поход то время, в которое Волга покроется льдом. Распоряжение сие было необходимо потому, что, хотя сам Убаши и находился на левой стороне реки, но многие тургуты кочевали по правому берегу ее и не могли перейти к нему с имуществом своим иначе, как по льду.

Зима в 1770 году была теплая, реки южной России не замерзали, и Убаши, напрасно ожидая до января месяца присоединения к себе калмыков, на правой стороне Волги кочевавших, принужден был оставить их и отправиться в путь только с теми, которые были на одном, с ним берегу. Они выступили 5 января 1771 года. Число их простиралось до 30000 кибиток⁶¹.

По приближении к Яику оренбургский губернатор дал знать хану Нурали, что калмыки идут нападать на киргиз-казаков, а потому именем высшего правительства предоставил ему право сражаться с ними и пользоваться от них всею возможною добычею, но с тем, чтобы после обратить их на прежние жилища в границы России. То же самое объявлено сибирским пограничным начальством Средней орде, чрез Аблая и других султанов. В подтверждение объявлений 27 января 1771 года дана на имя Нурали и всего народа киргизского императорская грамота об удержании бежавших тургутов.

Излишни были всякого рода побуждения и старания к исполнению таковых распоряжений. Всякий киргиз-казак почитал особенным счастьем возможность исполнять оные, наследовав от отца, деда и отдаленнейших предков своих вражду ко всем поколениям калмыков, всякий спешил идти сражаться с ними и грабить их. Менее нежели в месяц вооружились все орды казачьи, и вся степь, от берегов Яика до границ Китая, наполнилась толпами воинов, с нетерпением ожидавших появления пред ними людей, которых по одному их происхождению и имени, не говоря об обидах, ими нанесенных, почитали они врагами своими.

Нурали немедленно отвечал на грамоту, что не только готов исполнить волю русского правительства, но уже выступил с подвластными своими против бегущих. В то

⁶¹ Так сказано в журнале Рычкова, но "Географический словарь Российского государства" полагает 28162 кибитки.

же время получены чрез Сибирскую линию известия, что и Аблай с Среднею ордою уже готов к войне. Айчувак и другие султаны писали то же. Даже Каип, бывший ханом в Хиве и по изгнании из оной подданными своими, живший в Меньшей орде, обещал соединиться с войсками русскими. С восточной части степей киргизских ожидали калмыков султан Абульфеис, сын Абульмагмет-хана, султан Большой орды Эрали и, наконец, в заключение, дикие киргизы, или буруты, превосходящие всех соседственных с ними народов жестокостию и отважностию.

Какой ужасный ряд ударов должны были вынести тургуты. Какая непрерывная цепь нападений, убийств и грабежей предстояла им на пути до берегов реки Или, куда стремились они не в виде войска, всегда готового на отражение неприятелей, но шли с женами, детьми, стадами и всем имуществом своим.

В помощь киргиз-казакам немедленно назначены были и несколько отрядов русского войска, но действия их по разным обстоятельствам не соответствовали ожиданиям правительства, а потому основательные надежды на удержание калмыков оказались тщетными, и вооружение всех орд казачьих послужило только к истреблению значительной части безжавших тургутов, но не к возвращению их в пределы России.

Первую преграду им должно было положить яицкое (уральское) казачье войско, чрез земли которого они пришли, и которому потом велено было их преследовать, но оно тогда возмутилось и решительно отказалось выйти из своих жилищ.

Другой отряд состоял из казаков оренбургских. Он выступил в степь киргизскую и соединился с ханом Нурали в первой половине февраля, но лошади сего отряда были так изнурены недостатком корма, что он отстал от хана и, наконец, должен был возвратиться в свои границы.

В замене одного назначено было регулярное войско. Тот же недостаток корма зимою в степях зауральских и потеря времени для переписок и приготовлений были причиною, что сие войско под начальством генерал-майора Траубенберга выступило за границу из Орской крепости не прежде 12 апреля. Ему велено было, соединившись с ханом Нурали, встретить калмыков на Иргизе, но он прибыл к сей реке тогда, как они были уже на Тургае. Потеряв, таким образом, возможность действовать иначе

как с тыла, русские вместе с войсками ханов Нурали⁶² и Каипа⁶³ устремились в погоню за тургутами. Около гор Улу солдаты от голода и дурных вод начали страдать опухольями, а лошади приставать и во множестве падать, между тем калмыки день ото дня более и более удалялись, и невозможность остановить их делалась очевиднее. Наконец, генерал Траубенберг принужден был повторить направление свое с востока на север и возвратиться в Россию чрез Уйскую крепость как ближайшую точку границы русской.

Киргиз-казаки одни не могли удержать калмыков, да и не имели в том нужды, они достигли своей цели непрерывными нападениями на бегущих, грабежами и увеличением многих пленных. Султан Айчувак разбил одну часть их на реке Сагиз, другая сильно пострадала на Ори от хана Нурали. Он же одержал победы близ гор Мугоджарских и на реке Ужим. Аблай несколько раз сражался и везде с успехом. В некоторых местах действовал он вместе с султаном Абульфеисом, и соединенные силы их нанесли неприятелям чрезвычайный вред, особенно числом пленных.

Эрали, Большой орды султан, также приглашал Аблая к совокупному действию против калмыков. Аблай отказал ему в помощи, но не остановил его тем в исполнении предпринятого намерения. Эрали нашел других союзников и нанес бегущим подданным Убаши чрезвычайный урон как в людях, так в скоте и имуществе разного рода. Подробности сего происшествия мы уже видели в историческом описании Большой орды.

Избавясь от киргиз-казаков, тургуты увидели себя в руках бурутов (1772) и потерпели от них поражение, далеко превосходящее все предшествовавшие оному потери их, особенно пленными. Кровожадные и хищные буруты преследовали их до самой границы китайской, или до так называемой *Новой линии, которая учреждена на бывших зюнгарских землях и в которую Убаши вступил не в виде самовластного владельца, каковым мечтал быть, ос-*

⁶² Нурали при сем случае весьма много говорил начальнику войск русских о своей преданности России и жаловался, что от него не потребовали пособия для войны с Пруссиею и Турциею (см. журн. Рычкова).

⁶³ Нурали с своими киргизами присоединился к русскому войску недалеко от озер *Аксакал-Барби*, а Каип на *Караганли-Тургае*, в 754 верстах от Орской крепости.

тавляя Волгу, но в виде униженного подданного, спасающего собственную жизнь. Число приведенных им в Китай калмыков составляло менее половины того, которое вышло с ним из России. Прочие погибли на пути [65].

В 1773 и 1774 годах юго-восточные области России были приведены в сильное волнение мятежными действиями Пугачева. Земли, к Уралу прилегающие, почти от верховья его и до устья, находились в наибольшей опасности, потому что (уральские) яицкие казаки были первыми соумышленниками ложного Петра, а башкиры первыми его союзниками. Для защиты от мятежников войска, составлявшие пограничную стражу, соединились в главнейших крепостях, и граница осталась без прикрытия. Никто не мог останавливать набегов неприятелей внешних, ибо всякий думал о спасении себя от опаснейшего врага внутреннего, а потому не без основания боялись того, что киргиз-казаки соединятся с бунтовщиками, войдут в пределы империи, разграбят и разорят все пограничные поселения. Сего не случилось, потому что казаки яицкие и башкиры, составлявшие войско Пугачева, были враги киргизов.

Впрочем, вражда их только помешала им идти вместе внутрь России, но не защитила границ наших от обыкновенных грабежей и набегов, которые Маленькая казачья орда весьма часто повторяла во время пугачевского бунта.

Из рапортов полковника *Симонова*, бывшего тогда комендантом в Яицком городке (нынешнем Уральске), видно, что хан Нурали вооружил довольно большую толпу своих подвластных, но не предпринимал никакого движения, ожидая близ границы решения дел. По уверениям его и даже по содействию, им оказанному в выдаче некоторых беглых бунтовщиков, полагать можно, что он намерен был держать сторону законного правительства России, но пограничное начальство, невзирая на то, опасалось, чтобы при удачном для Пугачева обороте обстоятельств хан не присоединился к ложному Петру.

Основываясь на сем обстоятельстве и в отмщение многих частных набегов, сделанных киргизами на границы русские во время бунта, оренбургское начальство по усмирении мятежников отправило в 1774 году для наказания Меньшей орды отряд войска, который успел возвратить многих пленных россиян, отбил много скота и дал почувствовать свою силу дерзким грабителям.

Во внутренности Меньшей орды произошло около сего времени происшествие, заслуживающее внимания. Некоторые поколения туркменцев, кочующих около Каспийского моря, избрали султана Пиргали [66] (второго сына Нурали) своим ханом. Новый владелец, оставив отца, немедленно перешел кочевать к подданным своим близ дороги, ведущей из Хивы в Сарайчик и Гурьев. Тут сделал он себя весьма скоро известным сбором чрезмерных пошлин с купеческих караванов.

В 1775 году киргиз-казаки не тревожили Россию. Меньшая Орда оставалась в покое потому, что живо чувствовала наказание, ею испытанное в минувшем году от войск русских. Средняя несколько времени казалась подозрительною, потому что рассеялся слух, будто Аблай, пользуясь последним возмущением башкиров, присылал нарочных для приглашения их сделаться его подданными, но по розысканиям открылось, что молва сия была ложна.

В июне и октябре того же года некоторые старейшины и султаны, независимые от Аблая, прислали к начальнику сибирской линии своих посланцев с предложением подданства России. В числе оных находился сын хана Абульмагмета Абульфeis; просивший себе ежегодного денежного жалованья, того же просили сын и племянник Аблая. Императрица Екатерина, получив о том донесение, ответствовала рескриптом (25 мая 1776 года) на имя оренбургского губернатора как главного правителя дел киргизских, что предложения частных присяг на подданство от киргизов Средней орды основаны только на ожидании подарков от двора, что они совершенно излишни, ибо вся орда принята в число подданных русских еще императрицею Анною, что удовлетворение таковых просьб возбудит множество новых требований, и что назначение ежегодных и постоянных денежных выдач для правительства делается обязанностью. Киргизов же приучает почитать снисхождение необходимостью, а потому гораздо лучше и действительнее ласкать их неопределенными подарками. Мысли сии показывают глубокое познание народа киргизского и представляют зрелый плод 46-летней опытности (с 1730 до 1776 года).

Приезжавший в Россию в том же 1775 году бухарский посланник Ирназар Максютов, производя переговоры о средствах обезопасить караванную торговлю русских с бухарцами, возобновил мысль о построении города в киргизской степи при устье Эмбы. Правительство русское

изъявило готовность исполнить⁶⁴ оную, однако ж, мысль эта, подобно первым предположениям по сему же предмету, не осуществилась.

Из донесений императрице Екатерине оренбургского губернатора Рейнсдорпа в марте и апреле месяцах 1776 года, видно, что Меньшая орда опять начала тогда неприятельские действия против России, и что, хотя после удара, нанесенного ей войском русским в конце 1774 года, пограничному начальству запрещено было посылать вооруженные отряды за Урал, однако ж, сам хан Нурали просил о том, отзываясь недостатком власти для усмирения буйных киргизов своих.

Напротив того, султан Аблай в то же самое время становился день ото дня сильнее. Превосходя всех современных владельцев киргизских летами, хитростию и опытностию, известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ордах сношениями своими с императрицею российской и китайским⁶⁵ богдоханом, Аблай соединял в себе все права на сан повелителя Средней орды. Уверенный в своих достоинствах, он искусно привлекал к себе приверженцев важностию своею и осторожным поведением, грозил врагам⁶⁶ своею силою и признавал себя, смотря по нужде, то подданным русским, то китайским, а на самом деле был властитель совершенно независимый. Это сделалось особенно приметным после 1771 года, когда он стал менее заботиться о сохранении наружной покорности своей России, менее лицемерить и начал явно называться ханом.

Правительство русское спросило его, почему принял он сей титул. Аблай смело отвечал, что приобрел оный победами над тургутами и по смерти Абульмагмета, избранием не только от всех орд киргиз-казацких, но и от туркестанцев и ташкентцев, прибавляя, что подобно независимым предкам своим и предшественникам, в достоинстве казачьего хана, намерен жить в Туркестане при гробе Хаджи-Ахмета⁶⁷ [67]. Уже поздно было тогда напоминать

⁶⁴ Вследствие указа о сем предмете, данного 17 декабря 1775 года, окрестности Эмбы и рек, в нее впадающих, сняты на карту геодезистом Васильевым.

⁶⁵ Некоторые киргизы, приезжавшие на границу нашу, уверяли, что Аблай говорил по-китайски.

⁶⁶ Известнейший из них был сын Барака султан Даир, который жаловался оренбургскому губернатору, что Аблай несправедливо присваивает себе ханское достоинство.

⁶⁷ Хаджи-Ахмет, похороненный в Туркестане, почитается киргиз-казаками одним из первых святых.

Аблаю об обязанностях верноподданного. Надобно было искать средств, по крайней мере, поддержать в ордах киргизских мнение, что нельзя сделаться ханом оных без посредства России, а потому императрица приказала отправить к Аблаю чиновника, который бы частным образом склонил его просить утверждения от правительства российского в новом своем достоинстве. На предложение сие он согласился и объявил, что пошлет в Петербург сына своего султана Тугума. 25 ноября 1777 года велено ему официально объявить о соизволении императрицы на принятие его прошения, если он пришлет оное на письме, а не на словах. В противном же случае сына его обратить с границы в орду.

Аблаи не обнаружил ни малейшего сопротивления в присылке письменного прошения, а потому султан Тугум, привезший оное в Петербург, был принят весьма милостиво, и 22 октября 1778 года отец его императорскою грамотою утвержден ханом Средней орды. Грамота сия и с нею соболья шуба, сабля, шапка и проч. присланы были в Оренбург. Для получения оных и принятия присяги Аблаи приглашаем был в Оренбург, Троицк, или хотя на Сибирскую линию, но когда он отказался приехать, то правительство русское соглашалось даже на то, чтобы он присягнул у себя в орде в присутствии русского чиновника, который бы тогда вручил ему знаки ханского достоинства. Аблаи и на сем условии не согласился дать новой присяги в верности. Он полагал, что требования от него наружных знаков покорности имели целию сделать его сомнительным в глазах китайцев, которым он тогда оказывал преимущественную преданность, а потому все сделанные ему со стороны России предложения были безуспешны и предназначенная ему грамота, равно как и прочие знаки ханского достоинства остались в Петропавловской крепости, против которой жил он в построенном ему от правительства русского доме.

Непокорность Аблая сделалась еще очевиднее, когда он, получив отказ в присылке к нему русского войска для войны с дикими киргизами, решительно отказался выдавать из своей орды как пленных россиян, так и туркменцев, которые были увлечены из Астраханской губернии калмыками и остались у киргиз-казаков. Справедливо раздраженное дерзостью Аблая правительство русское прекратило ему выдачу жалованья, и потом искало средств унижить его власть поддержанием и усилением кого-нибудь

из султанов, находившихся с ним во вражде. Некоторые меры к тому уже были приняты, даже думали взять его в плен и отправить внутрь России, но он в то самое время, собрав войско, отправился на бурутов, нанес им сильное поражение, взял с них аманатов и остался кочевать близ Туркестана.

Живя тут, построил он сыну своему султану Адилю по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казаков Большой орды при речке Талаш-дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству. Плененных им во множестве бурутов отослал он в северную часть Средней орды, где они и дети их донныне живут, составляя род, известный под именем *джаны, или яны-киргиз, то есть новые киргизы.*

В 1781 году Аблай возвращался к границам России, но в дороге, на 70 году от рождения умер и похоронен в Туркестане. По получении известия о том в Пекине, китайское правительство прислало в орду почетного чиновника, который, отыскав семейство умершего хана, совершил в присутствии оного торжественное поминовение по усопшему.

Таким образом кончились сношения Аблая с Россией. Хотя непокорность сего владельца в последние годы его жизни была совершенно явная, однако ж, она не имела никаких важных последствий. Меньшая орда, которой хан казался и (как из поступков его заключать можно) действительно был предан в сие время правительству русскому, несравненно более беспокоила пограничных жителей наших, продолжая обычные ей набеги и грабежи. В 1775 году, как сказано выше, императрица Екатерина запретила посылать войска за Урал для наказания киргизов, и хотя не только оренбургское начальство, но и сам хан вновь предложили ту же меру в 1776 году, однако ж она не была принята, ибо высшее правительство непременно желало заменить строгость снисходительностию. Недолго продолжалась сия система, столь благоприятная для киргиз-казаков; они хищничеством своим скоро заставили переменить ее. Сам Нурали в другой раз сознался в необходимости наказывать виновных, а потому, 4 октября 1779 г. Екатерина рескриптом на имя оренбургского губернатора разрешила не только преследовать воров войсками, но и по-прежнему захватывать в случае нужды их родственников и даже соседей, дабы семейства людей, таким образом взятых, старались о выдаче виновных или, по крайней мере, о возвращении плененных ими россиян.

Южная часть Средней орды по смерти Аблая, как говорит предание, потерпела весьма сильный урон от киргиз-казаков Большой орды, которые напали на нее и отогнали значительное число разного скота. Ограбленные не остались в покое и отомстили своим неприятелям. Северная часть Средней орды не участвовала в сей барианте. По смерти Аблая избрала она себе в ханы сына его, султана *Вали* [68], который, дорожа покровительством России, не хотел с нею ссориться, а потому просил себе утверждения в новом достоинстве своем. Просьба его исполнена, и он в 1782 году генерал-поручиком Якоби [69] в крепости Св. Петра торжественно провозглашен ханом Средней орды.

Избрание Вали киргиз-казаками, повиновавшимися Аблаю, и утверждение его в новом достоинстве не помешало, однако ж, появлению в той же Средней орде другого хана, избранного поколением найманским и утвержденного китайским богдоханом.

Потомки древних найманов, вошедших в состав нынешнего казачьего народа, повиновались во времена Аблая султану Абульфеису (сыну хана Абульмагмета и брату туркестанского хана Пулата), который, хотя входил иногда в сношения с сибирским начальством, как сказано выше, и просил даже себе жалованья от России, но состоял в подданстве Китая. В 1783 году он умер, оставив после себя сына *Булу* и пасынка *Хан-ходжу*, рожденного от известного хана *Барака*. Один из сих султанов должен был наследовать власть Абульфеиса, но каждый из них имел своих приверженцев, кои не могли согласиться в выборе и распрями своими возмутили все поколение найманское. Беспokoйства кончились тем, что большинство голосов оказалось на стороне Хан-ходжи, и он сделался повелителем прежних подданных Абульфеиса. Китайский император, узнав о том, прислал ему чрез одного из высших чиновников своих грамоту на ханское достоинство. Министерство богдохана нашло меру сию нужною, потому что почитало, или по крайней мере, называло всю Среднюю орду владением Китая, а Аблая — князем китайским. Увидя, что сын его Вали предается России, оно, для поддержания достоинства своей империи, спешило заменить его другим, покорным ему владельцем киргиз-казакским.

Исключая *Вали*, прочие сыновья и ближайшие родственники Аблая мало имели связей с Россиею, некоторые

из них явно признали себя подданными Китая. Так поступил султан *Чингиз*, который в 1784 году приходил с войском из степей своих в Ташкент для усмирения происшедшего там бунта. Другой брат хана Вали, султан *Тыз*, также преданный китайцам, известен нам по вражде своей с дикими киргизами, или бурутами.

Тыз не один раз нападал на кровожадных соседей своих. Война, начатая с ними Аблаем, была поддерживаема и продолжаема многими отделениями киргиз-казаков, живущих близ границ китайских, но бурутов, привыкших к вечным сражениям, нелегко было победить. Китайцы также испытали действия их храбрости и не раз были ими отражаемы, и потому неудивительно, что султан *Тыз*, безрассудно напав на них с горстью людей, был совершенно разбит и взят в плен, из которого выкупился на позорных условиях.

Еще более пострадал от бурутов киргиз-казачий старейшина *Берды-хожа*⁶⁸. Управляя тою частию Меньшой орды, которая кочует около границ Китая и повинуется богдохану, он много раз сражался с дикими киргизами и большею частию без успеха. В 1785 году одержал он над ними довольно значительную, но последнюю победу. Помогая китайскому войску, шедшему против их с реки Или, он устремился на них от реки Аягуз, и нанес им весьма сильный удар. Ободренный удачею, *Берды-хожа* в следующем году опять выступил в поход с небольшим числом своих приверженцев и дойдя до реки *Жидис*, остановился ожидать себе подкрепления. Буруты, пользуясь его малосилием, в первую ночь напали на него, разбили и самого взяли в плен. Отчаянный старейшина киргиз-казачий, зная нравы своих неприятелей, не мог надеяться на счастье в будущем, и потому с намерением ускорить конец свой, заколол бурута, который вез его к своему родоправителю. Раздраженные поступком сим буруты немедленно остановились и умертвили *Берды-хожу* самым бесчеловечным образом. Сначала отрубили ему голову, руки и ноги, потом распорол живот и сложили в оный все отсеченные члены.

⁶⁸ Сей самый *Берды-хожа* в июле месяце 1785 года приезжал в Семипалатинскую крепость и сообщил русским изложенные здесь известия о сыновьях *Аблая* и о бурутах. Известия сии в первый раз напечатаны в "Сибирском вестнике" 1820 года, книга 3, откуда мы их и заняли.

Отмщение за убийство, столь отвратительное, доказало, что киргиз-казаки, уступая бурутам в храбрости, не уступают в жестокости. Брат Берды-хожи *Аккаяк* и сыновья его *Лепес* и *Чока* в удачном нападении на бурутов успели взять в плен сына их старейшины и привести его в аул свой. Тут бросились на несчастного пленника жены Берды-хожи: каждая из них хотела умертвить его, каждая нанесла ему несколько ран, и он умер под ударами женских рук.

Возвращаясь к Меньшей орде, скажем, что в десятилетие, заключающееся между 1781 и 1791 годами, она была предметом весьма многих попечений правительства российского. Попечения сии имели целью водворить в ней тишину и благоустройство, но остались без всякого успеха и потому, несмотря на все старания, необходимость заставила по-прежнему прибегнуть к оружию для наказания хищников, которые, не внимая никаким убеждениям, продолжали нападать на границу оренбургскую.

Приняв решительное намерение ввести в народе киргизском хотя какой-нибудь распорядок и от оногo постепенно приближаться к учреждениям постоянным, Екатерина в 1782 году повелела: *во-первых, открыть в Оренбурге особенное пограничное правление под названием пограничной экспедиции*, которое всеми возможными средствами должно было стремиться к исполнению благих ее намерений относительно к киргиз-казакам. *Во-вторых* она отменила существовавшее с основания Оренбургской линии запрещение перепускать скот киргизский на зиму в пределы⁶⁹ России. *В-третьих*, тогда же строжайше подтвердила начальникам пограничных мест, чтобы они неослабно смотрели за соблюдением правосудия и оказывали киргизам возможное покровительство и справедливую защиту⁷⁰. *В-четвертых*, отпущены значительные суммы денег для построения на границах оренбургской и сибирской мечетей и при них школ и караван-сараев.

Соединением всех сих заведений в главнейших точках границы императрица желала не только сблизить киргиз-казаков с русскими, но и смягчить нравы их.

⁶⁹ Впрочем, надобно заметить, что киргизы, невзирая на сие запрещение, весьма часто украдкою прорывались чрез Урал и уходили с скотом своим зимовать в степи астраханские.

⁷⁰ Таковая воля Екатерины написана ею 27 декабря 1782 года на докладе оренбургского начальника, генерал-поручика Алухтина.

Тщетны были все труды и издержки, ибо народ сей нисколько не оказал расположения к образованию. В следующем 1783 году он нападениями своими на границу русскую столько нанес вреда, что нельзя было опять не наказать его вооруженною рукою, почему в феврале месяце 1784 года послан был за Урал отряд войска, состоявший из 3462 человек, но он не нашел виновных и для возвращения плененных россиян взял 43 киргиза, которые не принимали никакого участия в последних грабежах, а потому раздраженные родственники их немедленно устремились на правый берег Урала для отмщения за своих. Независимо от сего нападения пограничные жители России в других местах тогда же были разоряемы такими киргиз-казаками, которые грабили не из мщения, но только по жадности своей к корысти [70]. Между ними отличался некто Сырым-батыр [71]. Вслед за сим выведем мы его на поприще истории как человека, избранного орудием для важнейших переворотов в народе киргиз-казацъем. Между тем скажем, что грабежи⁷¹ его с сообщниками понудили выслать в начале 1785 года из России в степи зауральские два отряда войск. Первый состоял из 2760 человек и отправлен был из Оренбурга к вершинам Эмбы, второй составляли 1250 казаков, которые вышли из Уральска к устью той же реки. Снега воспрепятствовали войску сему действовать согласно предположениям, однако ж, поход оногo оказался не совсем бесполезным. Оно взяло в плен 213 человек жён и детей, для выкупа которых много было вывезено плененных прежде россиян.

Само собою разумеется, что караванная торговля России с Средней Азиею в таких обстоятельствах не могла процветать. Обещаниям хана и султанов защищать караваны уже перестали верить, убедясь опытом в бессилии их и усмирить скоро хищников не надеялись, и потому искали средств обезопасить торговлю страхом оружия. С сею целию предполагали построить крепости на реках Эмба, Темир и на пути к оным из Илецкой защиты или сделать только одно укрепление в Мангышлаке при море Каспийском и отправлять чрез оное караваны из Гурьева; от Оренбурга же до Гурьева безопасно ходили бы они по Нижне-Уральской линии. Ни одно из сих предположений не было приведено в действие частью по чрезвычайной

⁷¹ В 1784 киргиз-казаками одной Меньшей орды увезено русских 176 человек, а в следующем 1786 году — 175 человек. Сверх того сколько убито?

трудности исполнения, а частью потому, что прежние торговые пути имеют для бухарцев и хивинцев некоторые выгоды. Новые были бы вернее, однако ж, не совсем еще безопасны от нападений.

Пограничная экспедиция оренбургская управляла делами киргиз-казаков, или, лучше сказать, заведывала сношениями правительства с сим народом, но не могла входить в разбирательство частных тяжб между жителями обеих сторон границы, а потому императрица приняла благодетельное намерение учредить такое судебное место, в действиях которого киргиз-казаки принимали бы равное с русскими участие, и которое служило б им училищем правосудия. Так, по крайней мере, думала Екатерина, подписывая 2 мая 1784 года указ об открытии в Оренбурге *пограничного суда*. Он был составлен под председательством оренбургского обер-коменданта из двух чиновников, двух купцов и двух поселян русских, из одного султана и шести старейшин киргизских, из одного депутата от башкиров и одного от мещеряков. Должность, оному предписанная, заключалась в разборе судебных дел, как уголовных, так и гражданских, возникавших между киргиз-казаками и пограничными жителями России.

Вместе с сим заведением, от которого ожидали великой пользы, подтверждено⁷² открыть скорее и мечети с училищами для киргизских детей. Мечети были окончены в Оренбурге и Троицке в 1785 году. Получив о том известие, Екатерина еще раз повелела⁷³ немедленно построить в тех же местах училища и караван-сарай или меновые дворы. Неусыпные старания сей государыни о благе киргиз-казаков основаны были на внимательности ее к делам и на беспристрастном познании истинного состояния полудиких подданных своих.

Всегдашние грабежи их не отвратили ее от намерения внушить им охоту к благоустройству, потому что, с одной стороны, она справедливо прощала им многие дерзости как людям, не понимающим выгод общественного порядка, с другой стороны, прозорливый ум ее не замедлил открыть, что набеги киргизские были нередко вынуждаемы оскорблениями и даже насилиями пограничных россиян, не говоря уже о башкирах, которые, вопреки всем запре-

⁷² Того же 2 мая 1784 года.

⁷³ 4 сентября 1785 года.

щениям, очень часто прорывались в степи зауральские и разоряли своих врагов.

Действительно, многие набеги были плодом мщения, к числу таковых, однако ж, не принадлежат дерзкие подвиги сильного скопища хищников, собравшегося у границ России в 1784 году. Оно состояло из трех тысяч человек, было предводительствуемо упомянутым уже батыром Сырымом и долго угрожало разным пограничным укреплениям Оренбургской линии; наконец сие отважное и многочисленное скопище успело нанести сильный удар крепости Таналыцкой и отряду войска, против него посланному.

С 1785 года во внутреннем управлении Меньшей казачей орды начинается переворот, весьма замечательный для историка и очень любопытный для политика. Цель, с которою переворот сей был предпринят, заключалась в том же благодетельном желании Екатерины и ее министерства водворить спокойствие в народе киргизском; средства, которыми местное пограничное начальство достигло сей цели, мы опишем далее.

Барон Игельстром [72], выступивший тогда в должность генерал-губернатора оренбургского и начальника границы российской от моря Каспийского до Тобольской губернии, нашел Меньшую орду в сильном волнении, а пределы вверенных ему областей в опасности. Толпы вооруженных киргизов, разъезжая за Уралом, беспрерывно грозили нападениями и не позволяли пограничным жителям заниматься полевыми работами, а где могли, там увозили людей, грабили селения и угоняли скот.

Нападение батыра Сырыма на Таналыцкую крепость было одним из первых событий, случившихся по приезде барона Игельстрома в Оренбург. Пользуясь сим случаем, хан Нурали поспешил уведомить нового начальника, что все грабежи и разбои производятся послушными ему киргиз-казаками, что Сырым не только не признает над собою его власти, но возмущает против него всю орду, и что в предупреждение еще большего вреда как для России, так и для киргизского народа необходимо должно наказать грабителей вооруженною рукою, а зачинщиков удалить из орды. В заключение хан по-прежнему сознавался в своем бессилии и просил помощи для усмирения разбойников.

Все это было справедливо, но не принято в уважение, потому что в Оренбурге не хотели верить чистосердечию Нурали, и новое начальство, против него предубежденное,

полагало спокойствие в орде невозможным без перемены прежнего образа управления или, по крайней мере, без нового хана.

Первое лицо, на котором остановился барон Игельстром в выборе нового повелителя, был сын султана Батыра *Каип*, некогда владевший Хивою и изгнанный из неё жителями за корыстолюбие и жестокость. Мы уже не раз говорили об нем, равно как и об отце его. Высшее правительство не могло не знать прежних неприязненных поступков сего султана с подданными русскими и поведения его в Хиве, а потому выбор его в ханы сначала был отлагаем до собрания подробных⁷⁴ о нем сведений и, наконец, оставлен императрицею без утверждения⁷⁵.

Каип два раза был представляем в ханы. Первое представление о нем было сделано потому, что барон Игельстром, твердо решившийся ввести в Меньшей киргизской орде новый образ внутреннего управления, составил для сего два проекта.

В первом предполагалось разделить орду по числу главных ее поколений (*семиродского, байулынского и алимулинского*) на три части и назначить в каждую особого хана, ограничив власть новых повелителей народа таким образом, чтобы они были истинными исполнителями приказаний главного начальника Оренбургского края. Другое предположение состояло в том, чтобы совсем уничтожив в Меньшей орде достоинство ханское, мало-помалу распространить на нее действие *учреждения*, изданного Екатериною для управления губерний.

Сия последняя мысль, почерпнутая в одном из любимых и замечательнейших творений самой императрицы, была преимущественно одобрена и утверждена в Петербурге. Высшее правительство не остановилось на рассуждениях о возможности или невозможности привести оную в действие, потому что оренбургское начальство само предложило ее и, следовательно, должно было иметь способы к ее исполнению.

Получив одобрение на представления свои, барон Игельстром немедленно начал вводить новый порядок. Первое движение его имело последствия, совершенно согласные с предположенною целию.

⁷⁴ Рескрипт императрицы барону Игельstromу от 12 ноября 1785 года.

⁷⁵ Таковой же рескрипт от 12 ноября 1786 года.

Он разослал по всей орде без посредства Нурали торжественные объявления, в которых, умалчивая о хане и султанах, увещевал старейшин и народ составить собрание для всеобщего соглашения жить в покое между собою и в покорности правительству российскому, оставить грабежи, нападения и ожидать милости за раскаяние или строгого наказания за продолжение поступков, противных общему спокойствию. Объявления сии почти совсем погасили остатки слабой власти ханской. Множество киргиз-казаков, прежде повиновавшихся Нурали, отпали от него, соединились с его врагами, и все вместе составили *народное собрание*, в котором не было ни одного султана, а предводителем оного сделался уже два раза упомянутый нами *батыр Сырым*.

Доверенность, оказанная в сем случае Сырму народом, весьма обыкновенна и совершенно сообразна с понятиями киргиз-казаков о величии души. Но кто не удивится отличному уважению, которое умел приобрести в Оренбурге человек, бывший за год перед тем начальником разбойничьей шайки и нападавший с нею на войско и укрепления русские?

Все поступки Сырыма показывают, что он был человек с диким, беспокойным, мстительным, но сильным характером и с редкою предприимчивостию. Прославив себя между наездниками, он не замедлил отличиться и в совете, собранном для водворения общего спокойствия, когда увидел в оном новые и блистательнейшие для себя выгоды. Будучи непримиримым врагом хана, не столько по личным с ним ссорам, сколько по зависти к наследственным преимуществам его рождения, Сырым всячески хотел доказать бесполезность ханской власти и заменить недостаток знаменитых предков собственными подвигами [73]. Под влиянием его *народное собрание* без всякого прекословия присягнуло в верности императрице российской, обещалось прекратить все грабежи, стараться о сохранении во всей орде мира и исполнять все повеления русского правительства, но в залог ожидаемого им от России покровительства требовало, чтобы наследники Абульхайра, включая в число оных и самого Нурали, были навсегда лишены права быть ханами Меньшей орды.

Можно ли не узнать в требовании сем желания Сырыма? Нурали и братья его были дурными правителями народа по слабости своей, а не по жестокости, следовательно, не могли возбудить к себе общей ненависти в

такой степени, чтобы отчуждение их от власти вся орда почитала необходимым условием своего спокойствия. Замечание сие тогда же было сделано правительством, но оно не могло переменить хода дел потому, что мысль об уничтожении ханского достоинства была принята гораздо прежде. К тому же мирные расположения народного собрания и хитрое поведение Сырыма казались благоприятными водворению спокойствия в орде.

И в самом деле 1786 год отличался от многих предшествовавших годов, а особенно от двух последних, тишиною и умножением связей народа киргиз-казацкого с россиянами. Правда, что и в нем были беспокойства, возникшие от того уничтожения, до которого были доведены все вообще султаны, особенно же потомки Абульхайра, однако ж, это не препятствует заметить, что в течение 1786 и 1787 годов выменено у киргиз-казаков на Оренбургской линии скота более, нежели когда-нибудь⁷⁶, что в сии же два года увлечено с границы русской пленных менее, нежели во все прочие годы, составляющие тринадцатилетие, от начала 1782 до 1794 года⁷⁷, что равным образом в 1786 году, до вызова хана Нурали из орды для ссылки в Уфу и до задержания брата его Айчувака в Уральске, вывезено подвластными их довольно много русских из плена. В том же году 45000 кибиток зимовали внутри пределов России и весною возвратились за Урал, не нарушив тишины.

Такое начало действий новой системы управления Меньшею ордою не могло не быть приятно как для императрицы, сильно желавшей устроить киргиз-казаков, так и для главного пограничного начальника, который шел к цели ему предназначенной, по стопам своей государыни, и который видел себя в возможности угождать ей и вместе благотворить целому народу. С сими мыслями барон Игельстром не только забыл прежнее поведение батыра Сырыма, но принял его под свое особенное покровительство, избрал его орудием своих действий, завел с ним непосредственную переписку и входил в переговоры как

⁷⁶ См. приложенную нами к Статистическому описанию ведомость о количестве скота, вымененного у киргизов русскими промышленниками с 1754 до 1820 года.

⁷⁷ Для удостоверения мы помещаем здесь следующие данные сему тринадцатилетию: в 1782 году с линии, простирающейся от Звериноголовской крепости до Гурьева, взято киргизами в плен 34 человек; 1783—21, 1784—176, 1785—175, 1786—12, 1787—2, 1788—43, 1789—53, 1790—90, 1791—34, 1792—40, 1793—60, в 1794 г.—42 человека.

с поверенным или представителем всего *собрания народного*. Извещенный о том хан писал, что Сырым коварный обманщик, что он нисколько не думает о водворении спокойствия, но печется только о собственных выгодах, что мнения, им приписываемые целому собранию, принадлежат ему одному, что он в душе истинный враг России и проч. Время оправдало обвинения сии, но в устах униженного, бессильного владельца и при обстоятельствах, совершенно противных уверениям хана, они не могли казаться справедливыми, а потому были оставлены без внимания, правда, что к ним присоединял Нурали некоторые несомненные знаки своей преданности России, ибо в то же время прислал несколько вырученных им из орды русских пленников, предлагая детей своих в аманаты и отдавал самого себя в распоряжение правительства, но все это было поздно. Тогда была нужна не личная его покорность, а сила власти или ума, могущая действовать на всю орду. Сырым уже приобрел сию силу своими умственными способностями, своим влиянием на народ и покровительством пограничного начальства русского, следовательно, по наружности он обещал принести более пользы, нежели хан, который в течение 37 лет постоянно обнаруживал свое бессилие.

Участь сего владельца заслуживала сожаления, но барон Игельстром по образу мыслей своих о нем и по принятой системе не находил более возможности терпеть его в орде, а потому просил позволения вызвать его в Россию. Получив разрешение⁷⁸, он не замедлил привести оное в исполнение при первом встретившемся случае.

Приверженцы Сырыма в угождение ему и в удовлетворение собственного корыстолюбия не только делали хану явные оскорбления, но, наконец, напали на его аулы и разграбили найденное в них имущество. Беззащитный Нурали искал спасения под кровом российского могущества и просил пограничное начальство о военном прикрытии; получив отказ, он решился для сохранения жизни своей на время переехать в Оренбург. Из Оренбурга переехал он в Уфу, где и умер по прошествии четырех лет. Между тем брат его султан Айчувак остался в Уральске.

Излишне было бы описывать впечатления, произведенные сими происшествиями в детях Нурали и других потомках Абульхайра. Старший и известнейший из них как

⁷⁸ В рескрипте императрицы от 3 июня 1786 года.

умом своим, как и храбростию был султан Эрали, имевший прежде (как выше видно) частые сношения с Россиею, но лет за шесть пред сим он овладел каракалпаками и жил с ними на реке Сыр⁷⁹. Он совершенно знал главного виновника несчастий, постигших его братьев, знал причину, лишившую их того благодетельного покровительства России, которым Абульхайр и потомство его пользовались более полувека, а потому решился напасть на Сырыма, и выступил против него с малым, но надежным войском. Счастье благоприятствовало султану Эрали в сем походе: *представитель народного собрания* (так называл себя Сырым) сделался его пленником.

В то же самое время некоторые другие роды Меньшей орды, хотя и не были преданы семейству Абульхайра, но равным образом не хотели следовать внушениям Сырыма или главнейших его сообщников, и привыкнуть иметь у себя ханов, избрали в сие звание не раз упомянутого нами *Каипа*. Третья часть орды не хотела признавать Каипа, но подобно подвластным его повторяла, что казаки должны иметь у себя хана, что предки их находили сие нужным, и что они не желают отступать от обычая, освященного временем, а потому просили возвратить Нурали или заменить его кем-нибудь другим. Сырым между тем оставался в плену у Эрали.

Обстоятельства сии поколебали решимость оренбургского начальства, и барон Игельстром, не желая допустить киргиз-казаков до новых междоусобий, представил об утверждении Каипа ханом всей Меньшей орды. Совсем иначе думала императрица. Приняв однажды намерение ввести в степях зауральских образ управления, сообразный с устройством внутренних областей России, она не желала переменить мыслей своих без особенной нужды, а потому решительно отвечала барону Игельstromу (от 12 ноября 1786 года) отказом.

Оставляя в стороне рассуждения о вреде или пользе ханской власти в киргизском народе, скажем только, что после всех объявлений, сделанных Меньшей орде в течение 1785 и 1786 годов, после вывоза Нурали в Россию и после многих мер, принятых ко введению между киргизами нового образа управления, Екатерина не могла отказаться от плана, едва только составленного, без ущербса собст-

⁷⁹ Переводчик оренбургский Бекчурин, переезжая чрез реку Сыр в 1781 году уже нашел там султана Эрали повелителем каракалпаков.

венного величия, и, следовательно, ответ ее был гораздо более сообразен с достоинством империи русской, нежели новое предложение оренбургского местного начальства.

Впрочем, если бы императрица и решилась восстановить ханское достоинство в Меньшей орде, то она и тогда не предпочла бы Каипа прочим султанам, имевшим гораздо более прав на предпочтение, нежели он. Утверждению властолюбивых видов Каипа противились разные обстоятельства, а именно: 1) тогда же было доношено из Оренбурга, что он по изгнании своем из Хивы, живя около реки Сыр, часто грабил проходившие караваны и показывал неоднократно явную неприязнь России; 2) второе препятствие заключалось в обещании, данном императрицею Анною Абульхайру, назначать ханами в Меньшую орду его потомков; 3) третье состояло в том, что на стороне Нурали были не только его родственники, но сильнейшие владельцы Средней орды, между которыми первое место занимал султан *Худайменды*, сильный числом покорных ему киргиз-казаков, сильный властью, над ними приобретенною, и умом своим. Принимая участие в судьбе Нурали, он ходатайствовал за него у правительства русского⁸⁰. Вали-хан писал то же, сильно защищая потомков Абульхайра, которого называл отцом всех ханов киргизских, повинующихся России, и первым виновником подданства как Меньшей, так и Средней орд⁸¹. Наконец, в следующем, 1787 году, даже часть *собрания народного*, по уважению к памяти Абульхайра, многими киргизами почитаемого святым, опять пожелала видеть Нурали⁸² в орде.

Все сии обстоятельства говорили в пользу Нурали, но не ручались за будущее спокойствие киргизского народа, а потому не остановили исполнения решительных намерений русского правительства касательно введения в Меньшей орде распорядка, сообразного с *учреждением об управлении губерний*.

Между тем батыр Сырым получил свободу и начал опять действовать на народ, соответственно желаниям оренбургского пограничного начальства, пока оные не противоречили собственным его видам. Под личиною преданности России и благодарности местному начальнику,

⁸⁰ См. донесение барона Игельстрома от 15 июля 1786 года и приложения к оному.

⁸¹ См. донесение барона Игельстрома от 18 декабря 1786 года.

⁸² Его же донесение от 29 сентября 1787 года.

избравшему его своим орудием, Сырым весьма много способствовал барону Игельstromу в преобразованиях, которые в течение 1787 года сделаны в Меньшей орде.

Главнейшее из них есть учреждение посреди орды судебных мест под названием *расправ*. В *алимулинском* и *байулинском* поколениях, по многочисленности оных, открыто две расправы, в *Семиродском* поколении — одна. Каждая *расправа* состояла из председателя и двух членов, которые обязаны были ежедневно съезжаться вместе и в общем присутствии своем, рассматривая все поступающие к ним просьбы, делать определения по оным, удовлетворять обиженных или притесненных, а недовольным предоставлять право переносить дела на апелляцию в Оренбургский пограничный суд. Поелику члены таковых судилищ были вообще безграмотные, то вся письменная часть возложена на мулл или письмоводителей, которые находились в каждой расправе с помощниками, и которые были обязаны помечать все вступившие бумаги, вписывать их в журналы, составлять извлечения, протоколы, делать допросы, вести настольные реестры, записывать часы присутствия, сочинять рапорты, сообщения, предписания и проч., и все по формам, данным от оренбургского начальства.

Сверх того, в каждом их трех поколений, составляющих Меньшую орду, избранно было по одному *главному* и по несколько второстепенных старейшин для наблюдения за поведением народа.

В числе трех главных находился батыр Сырым, принадлежавший к байулинскому поколению. Все избранные для исчисленных нами должностей на первое трехлетие чиновники были приведены к присяге на верность службе, потом утверждены⁸³ в своих новых званиях императрицею, и получили назначение значительного жалованья деньгами и хлебом.

После такового начала барон Игельstrom, основываясь на уверениях Сырыма и увлекаясь воображением своим, почитал водворение спокойствия в Меньшей орде несомненным, а потому уже приготовлялся к построению посреди степей городов, мечетей, караван-сараев и училищ; доносил о том государыне и предполагал во всем сообра-

⁸³ Предварительное разрешение императрицы Екатерины на открытие расправ дано барону Игельstromу рескриптом от 3 июня 1786 года, а утверждение избранных в должности старейшин 7 декабря 1787 года.

зоваться с учреждением внутренних губерний, и с правилами, для народного просвещения в России изданными.

Недолго продолжались столь лестные надежды и пиитические виды. В следующем, 1788 году, они уже начали ослабевать и потом весьма скоро совершенно исчезли. Издавна привыкший к волнению и грабегам народ, наскучив бездействием, возобновил прежние междоусобия; он был подстрекаем, с одной стороны, родственниками Нурали, с другой — Каипом, и с третьей — Сырымом. Приверженцы сего последнего были многочисленнее и беспокойнее всех прочих. Султаны не могли иметь над ними никакой власти, потому что не были ими уважаемы; старейшины же, избранные для наблюдения за поведением народа, и начальники расправ были бессильны, не смели повелевать и следовали общему стремлению.

К сим внутренним обстоятельствам присоединилось одно внешнее. Турки, бывшие тогда в войне с Россиею, старались восстановить против нее бухарцев; а бухарцы возмущали Меньшую казачью орду, с каковою целию предлагали сначала пособие султану Эрали для возвращения хана Нурали силою, а потом вошли в сношения с Сырымом и прислали к нему, равно как и к другим единомышленникам его, письменное воззвание следующего содержания.

“Храбрым воинам, биям и старейшинам Сарытай-бию, Сырым-батыру, Шукуралы-бию, Садырбеку, Барак-батыру, Даждан-батыру мир и благословение, а потом слово наше. Слава Вышнему Богу. По милости Его Святой все наши дела текут благополучно. Одна только у нас скорбь: недавно от православного турецкого государя, наместника божия, прибыл к нам посол с грамотою, извещающею, что неверные россияне со всех сторон собирались и, соединясь с семью европейскими державами против турецкого государя, выступили в поход. А как вы живете к россиянам ближе, нежели мы, и, следовательно, сражаться с ними умеете лучше нас, то мы предлагаем всем рабам Божиим и последователям Мухаммеда, уповающим на ходатайство Пророка нашего, соединиться с войском турецким делами и духом и отправиться на поражение неверных, за что великую мзду получить можно. Если же кто в том походе упустит нанести неверным возможный удар, тот имеет опасаться от Бога жестокого гнева и на ходатайство Пророка нашего да не уповаает. Впрочем, просим словесному объявлению посланного дать веру”.

“Слышим мы, что у вас, казаков, собственных мудрецов или ученых людей нет; почему никак не можете исполнить узаконений Пророка нашего. Поелику же господь Бог всем народом повелел знать учение его и, сообразуясь с оным молиться, содержать пост и давать милостыню из имения своего, то познание грамоты для чтения книг принадлежит к богослужению. У нас ныне находится источник мудрости: ибо из всяких народов, а именно из узбеков, таджиков, арабов и туркменцев много есть учащихся в школах наших, а от вас, народа столь многочисленного, не находится ни одного ученика. В Коране Пророк наш предписал, чтобы всякий правоверный, не только муж и жена, но и малые дети учились закону, боялись Бога, и когда в состоянии найдутся, то друг друга увещевали бы, а потому советуем вам прислать сюда из всякого рода по два, или по три человека для научения. Ежели увещаний ваших не послушают, то силою возьмите от всякого рода по два или по три человека. Пропитание им будет от нас. Когда же они окончат учение и сделаются сведущими в законе, то возвратятся в дома свои с правилами благочестия, с привычкою к молитве и посту. Если же вы, *народ казачий*, имея возможность исполнить наше предложение, оставите оное без исполнения, то сделаетесь на сем свете изменниками Богу, а в день Воскресения будете гореть в адском огне. Ежели бы мы сей истины вам не предложили, то сами заслуживали бы в сем свете название неверных, а в будущем подвергли бы себя вечному адскому огню.

Впрочем, с нашим почтением пребываем. Лета 1202 от Эгирь, (или 1788 от Рожд. Христова)”.

К письму сему приложена была чернильная печать бухарского аталыка (первого министра) Шаг-Мурата.

Сырым, невзирая на сношения свои с оренбургским начальством, отвечал бухарскому аталыку, что сам он и все приверженные ему готовы повиноваться заповеди божией, но начать войны с Россиею не смеют иначе, как когда вступят в нее бухарцы и прочие азиатские народы.

Поступок сей дошел до сведения правительства русского; Сырыма начали подозревать, стали открывать его коварство и потеряли к нему доверенность. Он же с своей стороны не хотел сносить унижения, и хотя еще несколько времени продолжал притворяться преданным, но не оказывал прежней готовности к содействию видам оренбургского начальства; между тем соумышленники его уже

грабили русских по-прежнему. Нападения на границу ежедневно умножались, внутренние междоусобия в орде усиливались, султаны и часть народа требовали себе хана, старейшины же, избранные для присмотра за поведением народным, равно как и члены расправ, ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалованья, а на орду не имели никакого влияния. Все это можно было предвидеть, если бы барон Игельстром более руководствовался опытом, нежели воображением.

В таком положении ничего более не оставалось как обратиться к прежнему управлению и восстановить ханское достоинство. Восстановлению сему представился весьма благовидный предлог в 1790 году, когда Нурали умер в Уфе, завещав детям своим быть всегда покорными России.

Одна склонность правительства русского к назначению в Меньшую орду нового хана была уже громовым ударом для Сырыма и сорвала с него личину. Увидев, что лучшие надежды его исчезают, и, потеряв всю прежнюю значительность, он более не мог и не имел нужды притворяться, а потому возвратился к прежним занятиям своим и начал злодействовать открыто.

Замечательнейшие подвиги злобы его начинаются с 1790 года, но прежде, нежели приступим к описанию оных, мы почитаем обязанностию упомянуть о некоторых узаконениях, изданных императрицею Екатериною, для пользы орд казачьих, в то время, когда водворение в них тишины казалось возможным и близким.

13 августа 1786 года по просьбе султана Средней орды, Худай-Менды об отводе ему земли, предписано было пограничному начальству не только удовлетворить его, равно как и подвластных ему киргизов, но и выдать каждому семейству, желающему селиться, денежные пособия без возврата. 15 июля 1788 года дозволено всем киргиз-казакам, переходящим в Россию, давать земли, не требуя на то никаких разрешений.

28 февраля 1789 года утвержден штат для киргизских училищ на Оренбургской линии и определен отпуск из государственной казны ежегодного жалованья учителям, а ученикам — ежедневных кормовых денег; отцам же их, для поощрения, положено давать похвальные листы, подарки и проч. 30 апреля 1789 года повелено барону

Игельstromу составить для киргиз-казаков проект Уложения, основанный на народных обычаях, нравах и изустных законоположениях.

Хотя необходимость ханского достоинства в Меньшей орде уже была признана Россией, но хана еще не избирали, когда Сырым прервал прежние дружелюбные сношения с оренбургским начальством и объявил себя первым врагом россиян. Не довольствуясь возмущением своих соотечественников и нападениями на жителей правого берега Урала, он искал себе помощи в Бухарии, и в 1790 году посылал к бухарскому хану, с просьбою о том доверенных людей. Аталык ханский отвечал ему, что вспоможение будет прислано чрез несколько времени, а между тем советовал продолжать набеги на российскую границу. Один из посланцев, получивших в Бухаре ответ сей, был после взят в плен уральскими казаками и сам сообщил о своем посольстве достовернейшие известия.

В 1791 году в марте месяце Сырым, надеясь возбудить всю Меньшую орду к впадению в Россию, созвал при устье Эмбы многочисленное народное собрание и разослал повсюду возмутительные письма. Предприятие его не имело полного успеха, потому что султаны, особенно потомки Абульхайра, уже извещенные в сие время о желании императрицы Екатерины восстановить между ними ханское достоинство, старались угождать российскому правительству. Что касается до частных набегов, то единомышленники Сырыма повторяли оные почти беспрерывно в течение 7 или 8 лет.

Главнейшие из сих набегов были произведены после избрания султана Эрали ханом по назначению императрицы, что случилось в том же 1791 году. Узнав о смерти Нурали, государыня 29 января повелела наименовать Эрали его преемником и, не ожидая никаких представлений, послать ему грамоту на достоинство хана Меньшей орды. Исполняя Высочайшую волю, главный начальник Оренбургского края немедленно известил сына Абульхайрова о чести, которою он был удостоен и для принятия оной торжественным образом пригласил его на границу в конце лета. Эрали с подвластными своими приблизился в назначенное время к Уралу и 4 сентября в 15 верстах от Орской крепости был провозглашен ханом.

Избрание его происходило следующим образом. В назначенный день и час главный начальник пограничного Оренбургского края генерал-поручик Пеутлинг [74], сопро-

вождаемый войском, выехал к собравшимся киргиз-казакам и прежде всего велел прочитать им грамоту императорскую, в которой было сказано, что Эрали назначается ханом как по личным достоинством своим, так и по праву старшинства в роде Абульхайра, потом предложено народу приступить к обряду избрания по древним обычаям своим.

В то самое время явились к Пеутлингу посланцы батыра Сырыма, султана Абулгази Каипова и некоторых старейшин с объявлением, что они не согласны на выбор Эрали. Им ответствовано, что он назначен волею императрицы. На другой день по провозглашении нового хана, т. е. 5 сентября, избраны шесть депутатов для отправления в Петербург с просьбою об утверждении Эрали.

6 числа получено в Оренбурге письмо от туркменского хана Пирали, сына Нурали, в котором владелец сей, еще в 1784 году просивший принять его с народом в число подданных России, повторял прошение свое. Письмо его отправлено в Петербург, и 31 октября того же года дан был указ о принятии его в подданство.

Между тем Сырым день ото дня более и более обнаруживал мести за уничтожение власти и влияния, которым он пользовался в орде, в то время, когда достоинство ханское почиталось излишним. Уважение к нему соотечественников, основанное на прежней его значительности и на личной храбрости, еще не совсем исчезло. Он еще имел довольно много средств вредить России и преданным ей султанам киргиз-казачьим, особенно, когда соединились остатки приверженного ему народа с подвластными Каипа, незадолго пред сим умершего и завещавшего в наследство детям своим ту же ненависть к потомству Абульхайра, которая была передана ему отцом его и дедом. По смерти Каипа киргиз-казаки, ему повиновавшиеся, остались под властью сыновей его, султанов Абулгази и Буркана⁸⁴. Сырым вступил с ними в союз и умел, превосходством ума, обратить их в орудия своих желаний.

Имея необходимую нужду в их помощи, Сырым перестал внушать народу презрение к ханскому достоинству вообще, как делал прежде, но везде объявлял избрание Эрали незаконным, потому что будто бы барон Игельстром

⁸⁴ Третий их брат, Ширгазы, был тогда в русской службе, жил долго в Петербурге, привык к блестящему двору Екатерины и, казалось, сделался европейцем, но, возвратившись потом в орду в начале нынешнего столетия, показал себя достойнейшим потомком кровожадных своих предков; о прочих сыновьях Каипа не известно ничего достопамятного.

заклучил с собранием Меньшей орды договор, в котором обещал именем правительства удалить навсегда потомков Абульхайра от звания ханского. Употребляя против России все возможные средства, он не забыл призвать в помощь и Коран Магометов, объясняя, что в нем запрещено мусульманам покоряться властям христианским. С тою же целию уговаривал он киргиз-казаков прекратить (1791) мену с русскими и, если можно, откочевать в глубину степей; разглашал, что ожидает обещанного ему бухарским ханом вспомогательного войска; посылал (в 1793) сына своего просить такой же помощи в Хиве, и хотя получил явный отказ, но хвалился успехом сего нового посольства. В 1792 году прислал он к правителю уфимского наместничества Пеутлингу предерзкое письмо, в коем осмелился не только поносить его самыми грубыми выражениями, но даже укорять императрицу; наконец, в бешенстве своем, он торжественно объявил России войну. Последствиями сего объявления были несколько новых разбойничьих набегов, сделанных Срымом на Илецкий городок, Калмыкову крепость и некоторые другие места Илецкой линии.

Хан Эрали не мог обуздать врага своего, и потому в 1792 году просил правительство русское о высылке в орду войска для наказания виновных. Императрица не исполнила его просьбы, ибо справедливо презирая злобу Сырыма, не желала проливать крови киргиз-казаков, тем более, что жестокий удар, им нанесенный в 1790 году среди степей их уральскими казаками, совсем не соответствовал ее человеколюбивым видам.

Среди волнений, колебавших в сие время Меньшую орду, достойны замечания просьбы хана Эрали о построении ему дома близ Орской крепости, и султана Ишима о заведении посреди степи города. Исполнение последнего требования по тогдашним обстоятельствам было невозможно, просьба же Эрали была бы, конечно, удовлетворена, если б он в июне 1794 года не умер после трехлетнего управления Меньшею ордою.

В столь короткое время и в обстоятельствах смутных хан сей не имел возможности отличить себя, но ум его, соединенный с готовностію содействовать видам российского правительства, могли сделать его истинно полезным для народа своего.

По получении в Петербурге известия о смерти его императрица повелела узнать, кого желают киргиз-казаки

иметь у себя ханом и преимущественно удостовериться в расположении их к султану Ишиму [75], старшему сыну Нурали, который давно был известен преданностью своею России, и которому, как по личным достоинствам, так и по уважению народа, следовало быть преемником титула, принадлежавшего отцу, деду и отдаленнейшим предкам его.

Права сии подкрепляемы были обстоятельствами. Меньшая орда разделилась тогда на две части. Первая в лице султана Абулгази, сына Каипова, повиновалась союзнику и наперснику его батыру Сырыму. Вторую управлял Ишим. На первую Россия не могла полагаться, ибо потерпела уже от нее много вреда и ожидала вперед действий неприятельских. Вторая вмещала в себе султанов и старейшин наиболее благоприятствовавших России, следовательно, нельзя было не предпочесть ее, и не оказать преимущества ее главе.

Заметим, однако ж, что и сия часть орды безусловно желала избрать Ишима в ханы: она требовала, чтоб он сделался повелителем самовластным, не признавал над собою владычества России и для того откочевал бы в глубину степей, к Сырдарье. Ишим, привыкший возлагать все надежды на покровительство государей российских, сам известил оренбургское начальство о требованиях своего народа, прибавляя, что подвластные Сырыма не только препятствуют ему отыскивать и преследовать грабителей, но даже требуют с него *кун*, или заплаты 2000 баранов за высылку им пред тем в Оренбург двух известных хищничеством своим киргиз-казаков. Такая откровенность Ишима и обещание не удаляться от пределов России заставили правительство русское всячески стараться о возведении его в ханское достоинство. В половине сентября 1795 года приверженцы его собрались по приглашению оренбургского начальства близ Оренбурга, а 17 числа он был ими избран и провозглашен ханом. Тогда же дали они пред Кораном клятву жить в мире между собою и не беспокоить границ русских.

Возвышение Ишима не уменьшило его преданности к власти, даровавшей ему новый титул. Будучи ханом, он не переставал по возможности исполнять требования России вопреки желаниям большей части своего народа, в котором чрез то приобрел множество врагов. В отвращение опасности, навлеченной благонамеренною его взыскательностью за преступления и козни Сырыма с сообщниками,

императрица Екатерина решилась послать ему военный отряд, который бы охранял его и вместе служил для исполнения приговоров над виновными.

Сверх того положено было учредить при Ишима для удобнейшего управления Меньшею ордою *диван*, или совет ханский. Члены оного, избранные народом из отличнейших султанов и старейшин, должны были исполнять волю хана, помогать ему, делать представления и вместе с ним жить в домах, которые велено было построить им в степи на урочище *Тайсугане*.

Предположения сии не исполнились, потому что в ноябре 1797 года Сырым-батыр напал на Ишима под форпостом Красноярским и, злодейски умертвив его, разграбил потом все имущество, ему принадлежавшее.

Такой поступок Сырыма, казалось, положил последний предел терпению правительства российского, но где и как возможно было наказать его? Кто мог доставить его в Россию? Конечно, можно было послать за ним отряд войска, но поиски подобного отряда, иждивение на содержание его за границею, потеря солдат от голода и жажды, самое истребление соумышленников Сырыма не обещали верного успеха в преследовании, и потому не будем удивляться, что сей отважный злодей избежал всякого наказания за поступки свои против России.

Впрочем, киргиз-казаки, следовавшие его примеру и грабившие в то время границы русские, не все остались безнаказанными. Зимом с 1797 на 1798 год сильный отряд уральских казаков выходил за Урал, и не только нанес тяжкий удар многим грабителям, но взамен угнанных ими из России табунов взял у них несколько тысяч лошадей для раздачи обкраденным пограничным жителям. Вслед за тем напали на них башкиры и отогнали еще до 5000 лошадей.

Разумеется, что киргиз-казаки ни той, ни другой потери не могли оставить без отмщения. Из сего возродились новые набеги, новые баранты и новые с обеих сторон обиды. Для прекращения оных были учреждены на границе комиссии из депутатов башкирского, киргизского и калмыцкого народов, равно как уральских и оренбургских казаков. Сии комиссии должны были разбирать предъявляемые им со всех сторон жалобы и доставлять возможные удовлетворения, а несправедливые или невозможные требования стараться потушить навсегда.

Комиссии не достигли предназначенной им цели и даже почти не приступали к возложенным на них занятиям, ибо никто не являлся на суд.

В то же время многие киргиз-казаки разных орд просили позволения навсегда водвориться в пределах России. Просьбы их разрешены указом от 30 сентября 1797 года, вследствие которого из одной Средней орды перешло в разные места до нынешнего времени более 12000 кибиток.

Управление Меньшею ордою по смерти Ишима возложено на Совет, составленный из султана *Айчувака* (сына Абульхайрова) как председателя, и из шести советников — от каждого из трех поколений по два. Все они были избраны бароном Игельстромом, который в сие время вторично начальствовал в Оренбургском пограничном крае и вторично подал высшему правительству мысль о возможности управлять киргизами без хана. Получив утверждение своих представлений от императора Павла, он назначил Совету иметь всегда пребывание на реке Хобде, и открыл оный там чрез посланного из Оренбурга магометанского муфтия, Мугаммед-Джана Гусейна [76] в августе месяце 1797 года. Советники присягнули в верности и поклялись исполнять свои обязанности с усердием, а для наблюдения за начальным поведением их сам муфтий оренбургский остался между ими на несколько времени. Надзор его оказался весьма скоро излишним, потому, что ордынцы не хотели иметь Совета, не относились к нему с делами своими и требовали хана.

Сообразуясь с желанием их, велено было в том же году приступить к избранию преемника Ишиму. Значительнейшая часть орды хотела возложить сие звание на султана *Каратая* [77], сына Нуралиева. Но преданность его России была сомнительна. Гораздо более внушал доверия российскому правительству и гораздо более имел на своей стороне прав к получению ханского достоинства председательствовавший в Совете сын Абульхайра и дядя Каратая султан *Айчувак*. В октябре месяце 1797 года собравшиеся близ границы русской киргизы провозгласили его ханом своим, а в следующем 1798 году император Павел утвердил его начальником всей Меньшей орды. Совет, составленный для управления ордою, после смерти Ишима получил повеление постоянно оставаться при *Айчуваке*, и назван *Советом ханским*.

Из дел Оренбургского архива видно, что Айчувак много раз отличал себя не только преданностью России, но

и влиянием на киргизский народ во время управления оным хана Нурали, а потому возведение его в ханское достоинство обещало полезные следствия. Ожидание сие, однако ж, не оправдалось опытом. События летами хан не мог действовать по-прежнему и был начальником весьма слабым. Внутренние междоусобия, баранты, разграбления караванов и нападения на границу русскую, особенно же на башкиров, равно как последовавшие за тем отщепеня, поиски и наказания привели Меньшую орду при Айчуваке в чрезвычайное расстройство. Комиссии, учрежденные, как выше сказано, из депутатов разных народов для разбора и удовлетворения взаимных жалоб, не могли действовать и потому закрылись. Хан же не имел довольно силы ни для наказания виновных, ни для защиты утесненных. Беспорядок и безначалие, всегда более или менее владевшие народом киргиз-казацким, день ото дня возрастали и становились сильнее; наконец смятение сделалось всеобщим.

Обстоятельства сии произвели весьма важные следствия. Множество киргиз-казаков, всегда кочевавших близ Урала, удалились от оногo в глубину степей и отказались от повиновения потомкам Абульхайра. Одни из них соединились с некоторыми поколениями Средней орды и избрали себе новые жилища, другие перешли к устью Сыра и, разорив каракалпаков, наименовали своим ханом султана *Абулгази Каипова*. Третьи напали на туркменцев и, принудив их уступить некоторые земли свои, заняли большую часть перешейка, отделяющего Каспийское море от Аральского. Сам Айчувак и с ним некоторые султаны принуждены были для спасения жизни перейти чрез Урал и остановиться в пределах России до того времени, пока утихнет общее смятение.

Султан Букей [78] (сын Нурали), занимавший место председателя в ханском совете, поступил еще иначе. Живя близ пределов Астраханской губернии, и зная, что после бегства калмыков осталось в ней множество земель, совершенно пустых и весьма выгодных для кочевого народа, он в 1799 году решился оставить навсегда степи зауральские и перейти на урочище, называемое *Рыньески*. В сей решимости и в надежде скоро сделаться отдельным ханом Букей отнесся к главному начальнику Грузии и Астраханской губернии, генералу Кноррингу с просьбою об исходатайствовании ему позволения занять места, им избранные между Волгою и Уралом, о доставлении ему

возможности завести там из киргиз-казаков своих селения и о назначении к нему для сохранения порядка 100 казаков с офицерами [79].

Предложение, столь выгодное и полезное, не могло оставаться без внимания. Генерал Кнорринг довел оное до сведения императора Павла, и государь 11 марта 1801 года дал указ о приведении оного в исполнение.

Не теряя времени, Букей осенью того же года (1801) начал готовиться к переходу в пределы России. Киргиз-казаки, за ним последовавшие, большею частию принадлежали к *байулинскому* поколению, из *алимулинского* было мало, из семиродского почти никого, все же вместе составляли они около 10000 кибиток. Заняв Рын-пески, они весьма скоро сделались самым очевидным и разительным доказательством выгод, проистекающих от мирной жизни. В то самое время, когда разоренные и истощенные междоусобиями соплеменники их приводили из-за Урала детей своих в поселения русские для продажи, подвластные Букею не только оставались покойными, но день ото дня богатели, и чрез 7 или 8 лет стада и табуны их удесятирились. Казалось, что пример, столь приманчивый для всякого кочевого народа, должен был возбудить охоту к подражанию во всех киргиз-казаках, но привязанность к дикой свободе и к родине действуют сильнее всех примеров.

Теперь следует нам возвратиться к Средней орде, которой историческое описание мы прервали почти на самом вступлении сына Аблаева, *Вали*, в ханское звание. Долговременное молчание наше о сей части народа казачьего произошло, во-первых, от непрерывной связи происшествий, случившихся в Меньшей орде в последние двадцать лет минувшего столетия, во-вторых, от единообразного спокойствия Средней орды в то же время, и в-третьих, от того, что сие самое спокойствие делало как внешние её сношения с Россиею, так и внутренние происшествия малозамечательными.

Изложение таковых причин, без сомнения, во всяком читателе произведет желание знать, отчего Средняя орда наслаждалась и донныне наслаждается спокойствием более, нежели Меньшая, тогда как обе составляют один и тот же народ?

По нашему мнению, два обстоятельства производят сие различие: *географическое положение земель*, обеими ордами занимаемых, и *разность во нравах*, происшедшая

частью от того же географического положения, частью от других причин. Объяснимся подробнее.

Меньшая орда только с одной восточной стороны имеет соседями единоплеменников своих, но с юга часто нападают на нее хивинцы, с севера живут башкиры, жадные враги ее, с запада она прежде весьма много терпела от уральских казаков. Получая, таким образом, сильные удары с разных сторон, она не могла долго оставаться в покое и привыкла к волнению внутри и к набегам на чужие земли. Ханы ее между тем всегда отличались бессилием. Средняя орда, напротив того, живет в местах, к которым с запада прилегают киргиз-казаки Меньшей орды, с востока — такие же соплеменники их Большой орды и китайские пограничные поселения, с севера — большою частью Сибирская линия, коей жители очень смиренны, с юга — или опять киргиз-казаки Большой орды, или подданные нынешнего Кокандского ханства (разумея в оном Ташкент, Туркестан и проч.), мало привыкшие к войне и несклонные к набегам на племена киргиз-казахьи. При таком соседстве Средняя орда подвержена только нападениям башкиров, смежных с нею около Троицкой крепости, и иногда бурутов, на юг от нее живущих, но пространства, на которых оба сии народа могут вредить Средней орде, столь малы в сравнении со всеми землями ее, что нельзя не согласиться в преимуществе ее географического положения против Меньшей орды и не заключить, что она менее сей последней тревожима извне.

Объявив *первую* мысль нашу, мы полагаем весьма нетрудным вывести из нее *вторую*, ибо нет сомнения, что народ, реже защищающийся от внешних нападений и реже побуждаемый к отмщению, становится смиреннее того, который вечно борется с врагами своими. Заметим в дополнение, что ханы и султаны Средней орды всегда имели более силы и влияния на подвластных своих, нежели повелители Меньшей орды. Особенно полезно было в сем отношении долговременное управление Среднею ордою Аблаем в качестве султана, а потом хана.

Киргиз-казаки, повиновавшиеся Аблаю, привыкнув при нем к возможной в полудиком народе тишине и покорности, оставались спокойными и при сыне его Вали, хотя, впрочем, хан сей, с одной стороны, не имел достоинств отца своего для внушения к себе всеобщего почтения, а с другой — долго не хотел искать опоры в покровительстве России, не внимал требованиям сибирско-

го пограничного начальства, отказывался выдать туркменцев, бежавших с калмыками из Астраханской губернии и задержанных Аблаем и, наконец, притеснял старейшин, преданных российскому правительству. В 1789 году многие из почитавшихся его подвластными перешли с султаном Большой орды Тугумом на вечное пребывание в Россию и получили для поселения своего земли около Усть-Каменогорской крепости.

В 1793 генерал-поручик Штрандман [80], начальствуя Сибирскою линиею, выслал в степи казачьи отряд войска, с помощью которого туркменцы освободились из плена киргизского, но Вали столь был огорчен потерю их, что жаловался императрице. В удовлетворение свое получил он позволение приехать в Петербург для личного объяснения всех своих нужд и требований, но не воспользовался сим позволением потому, что боялся оставить орду. Наконец, по смерти брата своего Чингиса он объявил, что все жалобы его происходили от советов сего последнего и примирился с местным начальством сибирским, дав обещание содействовать оному во всем.

Таковой поступок не был, однако же, доказательством совершенной его преданности России. Подражая отцу, он хотел поддерживать сношения свои с Китаем, и потому зимою с 1794 на 1795 год посылал сына своего к богдохану для засвидетельствования покорности, а родоначальников, исключительно преданных России, продолжал притеснять. Следствием того было, что в январе 1795 года два султана, 19 старейшин и 43360 человек им подвластных, с 79000 разных других киргиз-казаков Средней орды подали на имя императрицы прошение об избавлении их от власти хана Вали и принятии в непосредственное заведывание российского правительства. Исполнение сего прошения было слишком затруднительно и не обещало России никаких выгод. Между тем Вали изъясил раскаяние и подал надежду к примирению с недовольными, а потому все осталось в прежнем положении.

Что касается до той части Средней орды, которая прилегает к Уральской линии и имела, как выше сказано, соседями своими башкиров, то она в 1795 году служила самым убедительным доказательством изложенного нами рассуждения о причинах, делающих Среднюю орду вообще покойнее Меньшей. В то самое время, когда смежные с нею роды и отделения киргиз-казаков спокойно производили на Сибирской линии меновую торговлю с русскими,

она сделала несколько набегов на Челябинский и Верхне-Уральский округа, разорила там несколько селений, взяла много пленных и угнала довольноное число табунов из мщения за воровство и обиды, нанесенные башкирами. Наконец, она решилась удалиться в глубину степей своих и возвратилась к пределам России только по приглашениям бывшего главным начальником Оренбургского края генерала Вязмитинова [81].

В 1798 году, по примеру Меньшей орды и по просьбе хана Вали положено было открыть в Петропавловской крепости суд для разбора тяжб и несогласий киргиз-казаков Средней орды с сибирскими пограничными жителями. В 1800 году суд сей, составленный из депутатов обоих народов, получил свое образование, но киргизские члены оного не являлись несколько лет, а потому он и не был открыт до 1806 года.

Здесь положим мы предел подробному историческому описанию киргиз-казацких орд. Изложив все известные нам в сем народе события до конца XVIII столетия, мы не будем вычислять происшествий XIX века. Время, протекающее от начала оного, еще слишком близко к нам, и суждения наши о сем периоде могли бы показаться или пристрастными или неуместными и сомнительными. Почитаем, однако ж, нужным для перехода от прошедшего к настоящему быстро означить хронологический порядок, в котором ханы Средней и Меньшей киргиз-казацких орд следовали один за другим.

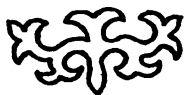
Вали, получивший ханское достоинство после отца своего в 1781 году, оставался в оном до смерти, постигшей его в 1821 году. В последние годы он, однако же, не был единственным ханом Средней орды, ибо по несогласиям его с некоторыми родоначальниками и по просьбам многих киргиз-казаков в 1816 году назначен в Среднюю орду императором Александром [82] другой хан — *Букей*, сын Барака, умерший в 1819 году [83]. Вместе с ним исчезло и звание ханское в Средней орде. Ныне разделена она на округа, и управляется особым учреждением, которое мы помещаем в конце сей книги [84].

Меньшею ордою управлял *Айчувак* до 1805 года, в котором сам отказался от ханского достоинства по болезням и старости. Преемником Айчувака был сын его *Джантюра* [83], убитый в 1809 году двоюродными братьями своими, детьми хана Нурали, с их сообщниками. По смерти Джантюра Меньшая орда оставалась более двух

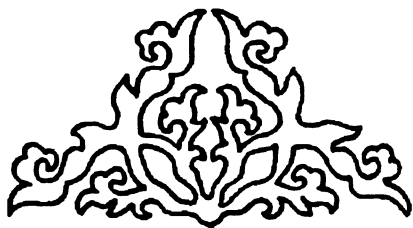
лет без хана, а в 1812 году возведен в сие достоинство брат его *Ширгазы*[86], который еще жив, но Меньшею ордою не управляет, ибо она также разделена на три округа, начальники коих независимы от хана.

Вместе с *Ширгазы*, т. е. в 1812 году, султан *Букей* (сын *Нурали*) наименован был ханом киргиз-казаков, перешедших с ним из-за Урала в Астраханскую губернию и получивших от того название Букеевской Орды. *Букей* умер в 1815 году, оставив после себя несколько сыновей, из которых старший *Джангир*[87] возведен в ханское достоинство в 1824 году. Он и теперь управляет киргиз-казаками, живущими в Астраханской губернии.

Сим заключается список ханов киргиз-казачьих, признанных и утвержденных российским правительством. К ним не принадлежат ни *Барак*, ни *Батыр*, ни *Каип*, ни сын его *Абулгази*, которые, как сказали мы выше, были избраны в ханы только немногими приверженцами своими. Последний из них, невзирая на титул свой, по уверению очевидцев⁸⁵, был едва не нищий. Власть его и влияние на народ были столь слабы после батыра *Сырыма*, что мы здесь и не упомянули бы о нем, если бы сам он, братья его и, наконец, его дети, между которыми замечателен султан *Арунгази*[88], не продолжали постоянно отличать себя наследственною враждою к потомству *Абульхайра*. Мы следовали за постепенным ходом сей взаимной в обоих семействах вражды в течение целого столетия. Читатели знают, что в начале прошедшего века сия вражда уже существовала между *Абульхайром* и *Каипом*. От них перешла она к детям, внукам и правнукам, у которых не угасает донныне, и которые постоянно сохраняют ее для потомства своего, может быть, еще на целое столетие, или более.

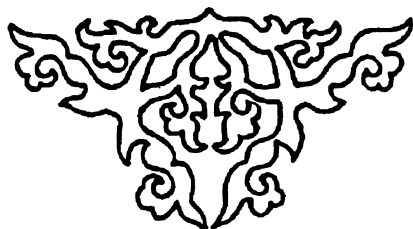


⁸⁵ См. записки доктора *Большого*, взятого в плен киргизами в 1803 году.



Часть III

*ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИЗВЕСТИЯ*





Глава ПЕРВАЯ

ЧИСЛО НАРОДА



Первые два вопроса, которые рождаются при имени всякого малоизвестного народа, суть следующие: “Где он живет и как он многочислен?”

Мы отвечали на первый, описывая положение и границы страны, занимаемой киргиз-казаками, но определить точно число их почитаем совершенною невозможностию. Если многие образованные державы европейские не могут безошибочно узнать количества своих подданных, то чего ожидать от полудиких, которые не имеют никакого положительного устройства, беспрестанно переносят с место на место жилища свои, и которых одно слово “перепись” может привести в волнение.

Хан Меньшей казачьей орды, Нурали [1]¹, желал сделать исчисление подвластных ему киргизов и возложил сей труд на сыновей своих, управлявших разными отделениями народа, но при первом шаге встретил препятствия и, не достигнув цели, возбудил только общее подозрение и ропот.

Четвертая доля киргиз-казаков, перешедших в 1801 и 1802 годах с султаном Букеем [2] в Астраханскую губернию на вечное пребывание и пользовавшихся там самыми выгодными местами, возвратилась в 1820 году за Урал потому только, что разнесся слух, будто бы хотят им сделать перепись и поселить их.

Присоединим к таковой черте народного характера пространство степей, казачьими ордами занимаемых, разделение сих орд на множество частей, и мы увидим, есть ли средство исчислить их с точностию.

Все, что ныне можно сказать о числе киргиз-казаков, заключается в сведениях, ими же сообщенных и подле-

¹ С 1749 по 1786 год. См. историческое описание в ст. о Нурали.

жащих великому сомнению, во-первых, по всегдашней склонности их к преувеличению всех предметов, особенно в рассказах о могуществе своего народа, во-вторых, по невозможности, в которой они находятся, иметь о сем предмете основательные известия. Вот причины, по которым почти все или, по крайней мере, большая часть исчислений, донные составленных чиновниками русскими на Оренбургской и Сибирской линиях [3] о народонаселении степей киргиз-казацких, чрезвычайно увеличены. По нашим соображениям, все три орды киргиз-казацкие должны составлять около 500000 кибиток, из коих в Большой орде заключается до 100000, в Средней² — до 210000, а в Меньшей — около 190000³.

Число людей, живущих в каждой кибитке, не всегда равно, но кажется, что в сем случае можно взять за среднее количество 5 или 6. По таковому расчету выйдет, что Большая орда киргизская содержит в себе от 500 до 600000, Средняя — до 1360000, Меньшая — около 1100000, а все три — от 2500000 до 3000000 душ обоего пола [6].

Глава ВТОРАЯ

РАЗДЕЛЕНИЕ

Сколь ни были различны поколения, составившие нынешние киргиз-казацкие орды, но они все, наконец, слились в один народ, живший в одном месте и имевший общего начальника, или повелителя. Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством. Предания говорят то же и прибавляют, что народ сей после смерти одного из

² Г. Броневский [4] в своих записках о киргизах (см. "Отечественные записки" на 1830 год, месяц май) полагает, что 84 волости, составляющие Среднюю орду, заключают в себе 500000 юрт и до 3 млн. душ. Расчет сей нам кажется преувеличенным. Еще менее точным находим мы исчисление, представленное Омской пограничной комиссии султанами и старшинами киргизскими и возвышающее Среднюю орду до 537000 кибиток. Описание капитана Андреева [5], уменьшающее сие число до 176400 кибиток, правдоподобнее, судя по времени, в которое оно составлено (1790 год).

³ Меньшая орда в первые годы XIX столетия потерпела значительный урон в людях как от внутренних междоусобий, так и от несогласий с соседями.

единственных своих ханов был разделен его сыновьями на три части, которые по старшинству новых повелителей получили название *Большой*¹, *Средней* и *Меньшей* [1], что счастье и несчастье в войнах произвели неравенство в числе сих орд, и что каждая из них, постепенно умножаясь, подразделилась на несколько поколений, принявших имена начальников своих или сохранивших названия древних предков, как то сделали найманы, кипчаки [2] и проч. От поколений произошли роды, от родов — отделения, отрасли отделений и части отраслей.

Исчислить все сии подразделения едва ли возможно. Труды, необходимые для такового предприятия, превосходят всякое терпение и требуют долговременного пребывания с киргизами не только в каждом отделении рода, но и в каждой части отделения². Итак, ограничимся вычислением одних *поколений* и *родов*, начав с Меньшей орды как с ближайшей к Европе, и приняв за основание записки, оставшиеся нам от Тевкелева [3], о котором, мы говорили в историческом описании и которого известия о сем предмете (по времени, в какое были они собираемы и по точности их) заслуживают несравненно большего вероятия, нежели сбивчивые показания нынешних киргизов.

Меньшая орда прежде составлялась из сильного племени *Алчин* [4] и семи малых родов, которые, не имея силы противостоять в междоусобиях и барантах многочисленным алчинцам, были соединены знаменитым в народе киргизским ханом Тявкою [5] в одно поколение, известное ныне под именем *семиродского*³. Название древнего алчинского племени, состоявшего из поколений *алимулинского* и *байулынского*, еще находим в бумагах хана Абульхайра (впоследствии времени, от множества соста-

¹ Большую орду прочие почитают старейшею, или древнейшею.

² Сколько надобно иметь усердия и охоты к родословию для того, чтобы сверять и разбирать показания, в которых один киргиз говорит, что род его разделяется на 5 или на 6 частей, другой однокореец же его, уверяет, что их 12, третий смешивает со своими отделениями посторонние, четвертый, и самый откровенный, отзывается совершенным незнанием.

³ Известие сие также взято из записок г.-м. Тевкелева, составленных в 1740 году, и по древности своей оно гораздо вероятнее показания некоторых из нынешних киргизов, кои, забыв существовавшее почти за 100 лет пред сим предание, решительно говорят, что семиродское поколение произошло от 7 сыновей одного родоначальника.

вившихся в оном подразделений, оно забылось). Почему ныне

А. Меньшая орда обыкновенно делится на три главные части:

I. Поколение *алимулы*.

II. Поколение *байулы*.

III. Поколение *джетиуруг*, или *семиродское*.

Поколение *алимулы* состоит из шести родов [6]: *кара-сакал*, *каракисяк*, *китя*, *дюрткара*, *чумекей* и *чикли*.

Поколение *байулы* — из 12 родов: *адай*, *джаппас*, или *яппас*, *алача*, *байбакты*, *маскар*, *берш*, *тазлар*, *иссен-темир*, *черкес*, *тана*, *кызылкурт*, *шихлар*.

Поколение *семиродское* — из семи родов: *табын*, *та-ма*, *кердери*, *джагалбайлы*, *кереит*, *тиляу* и *рамадан* ⁴.

Б. Средняя орда разделяется на четыре поколения [7]:

I. Поколение *аргын*.

II. Поколение *найман*.

III. Поколение *кыпчак*.

IV. Поколение *увакгирей*, составленное, подобно семи-родскому, тем же ханом Тявкою из трех родов.

Роды поколения *аргинского* суть: *каракисяк*, *каравул-кисяк*, *чарджитим*, *джанджар*, *чакчак*, *дюртавул*, *аты-гай*, *алтай*, *тебич*, *табаклы*, *борчи*, *карпак*, *басантиен*, *агышкалкаман*, *канджигали*, *козюган*, *кукшал* [8].

Роды поколения *найманского*: *акбура*⁵, *булатчи*, *ка-рагирей*, *тирстамгалы*, *дюртавул*, *кукджарлы*, *иргиняк-лы*, *семизбаганалы*⁶, *садыр* [9].

Роды *кыпчакского* поколения: *торьайгыр*, *туючка*, *кытабак*, *бултун*, *карабалык*, *кундялян*, *танабуга*, *узун*, *кукборон* [10].

Увакгирейское поколение составлено из родов: *увак*, *гирей* или *кирей*, и *тараклы* [11].

С. Большая орда вначале составила из поколений *уйсун*, или *усун*, *тулатай* и *саргам*, впоследствии вре-мени от Средней орды отделилось к ней поколение *кон-крат*, или *кунрат*.

Из первых произошли роды: *ботбой*, *чимир*, *джанис*, или *яныш*, *сикам*, *абдайсуван*, *сарысулы*, *чанычкылы*, *канклы*, или *канлы*, *джалаир* и проч. [12]

⁴ С Меньшею ордою кочуют некоторые отделения Средней, равно как и с Среднею смешались некоторые из Меньшей. Обстоятельство сие не разрушает родословия народного.

⁵ Акбура значит *белый волк*.

⁶ Семизбаганалы значит *имеющие жирных ягнят*.

Конкратское поколение составило следующие роды: *байларджанджар, уразгельды, кульджегач, бочман, токубулат, яманбай, куракуся, этимляр, куюшкансыз*[13].

Каждый из всех вычисленных родов разделяется, как сказано выше, на *отделения*; отделения состоят из *частей*; сии последние опять имеют свои *подразделения* и все под особыми наименованиями. Например, Меньшей орды байулынского поколения *маскарский* род имеет два отделения: *кутлугадам* и *массак*. Отделение *кутлугадам* состоит из двух частей: *курман* и *бабаназар*. В части *курман* три подразделения: *атамкан, умяр* и *кудайгул*. В части *бабаназар* два подразделения: *абдушишукур* и *джи-дик*.

Какую огромную книгу составила б роспись всех сих подразделений в трех ордах!

Не утомляя внимания наших читателей сим исчислением, скажем только, что с размножением народа киргизского увеличивается в нем число новых подразделений, а первоначальные названия поколений мало-помалу приходят в забвение. Таким образом, байулинцы и алимулинцы перестали называться общим древним именем *алчин*; таким образом, уже теперь есть киргизы сих двух *поколений*, которые не знают, что происходят от оных и помнят только *род* и *отделение* свое.

Заклучим из сего, что лет чрез 100 большая часть вычисленных нами названий отраслей киргизского народа останется только в наших архивах и в памяти немногих стариков.

Впрочем, все сии разделения относятся только к простому народу: высший класс ведет особую родословную, а потому все вообще киргизы разделяют себя на два разряда — на *белую кость* и на *черную кость*[14]. К *белой кости* принадлежат только *ханы* и потомки их, носящие название *султанов*. Ревностные мусульмане относят сюда же *ходжей*, или потомков святых угодников магометанского календаря⁷. *Черную костью* называют не только простой народ, но даже старейшин и прочих начальников, не имеющих наследственного достоинства.

⁷ Г. Клапрот в примечаниях своих к переводу путешествия г. Тимковского в Пекин, говорит, что слово *ходжа* означает вообще *господина, ученого* (doteur), а не потомка Магомета. Замечание сие не препятствует мне повторить то, что единогласно говорят все киргиз-казаки.

Основываясь на сем различии говорят: “Вот султан чистой белой кости, потому что он происходит от хана, как по мужской, так и по женской линиям; а *этот смешанной белой кости* потому, что мать его из простого народа.”

Вот уже начало аристократии! Мы не составляем особь классов, из теленгутов⁸ или прислужников ханских и султанских, ни из кулов или невольников. Первые принадлежат вообще к простому народу и пользуются одинаковыми с ними правами[15]. Последние почитаются товаром или вещьми и не принадлежат к киргизским поколениям, но состоят из пленных русских, персиян, калмыков и проч.[16].

Глава ТРЕТЬЯ

РАЗМЕЩЕНИЕ, ИЛИ ГЛАВНЫЕ МЕСТА КОЧЕВАНИЯ

Само собою разумеется, что все вычисленные нами поколения и роды киргиз-казаков, переходя или перекочевывая с места на место, не могут иметь постоянных жилищ и владеть землями, однако ж, для избежания по возможности междоусобий они большею частью (особенно зимою) придерживаются одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменять сего обычая.

Ныне¹ кочуют они, говоря приближенно, около следующих мест:

МЕНЬШАЯ ОРДА

Алимулинское поколение почти все проводит зиму на Сыре, Куване и (пересохшей) Яндыдарье, в песках Кара-Бурсук и около устья Эмбы. Только малая часть зимует по Илеку, Ори и Уралу, от Красногорской крепости до Верхне-Озерной. Летом же кочуют алимулинцы по рекам Темиру, Эмбе, Сагызу, Уилу, Илеку, Хобде, Ори и Ир-гизу, в горах Мугоджарских и в песках Каракум.

Байулынского поколения роды: *адай, черкес, тана, байбакты, шихлар, маскар, кызылкурт, иссентемир,*

⁸ Г. Клапрот в своем “Magasin Asiatique”, говоря о теленгутах, живших около озера Телецкого, полагает их монголами, забывшими свой язык и принявшими турецкий.

¹ Сведения сии были собраны в 1821 году.

часть рода *джаннас*, большая часть родов *алача*, *тазлар* и *берч* кочуют против Нижне-Уральской линии и проводят лето между Уралом и Эмбою, при озерах Каракуль² и реках Кулдагайты, Булдурты, Уленты, Джусалы, Чунгурлау, Анкаты, Уилу и до Хобды; зимою — около Каспийского моря при устьях Эмбы и Урала, у заливов против Гурьева и некоторые, особенно из рода *адай*, — в Манкышлаке. Остальные части родов *тазларского*, *алачинского* и *берчского* — около рек Сыра и Кувана и в Каракуме. Большая часть яппасцев, летом — против Троицка, по рекам Тургай и Тобол, зимою — по Сыру и Кувану.

Сверх того почти из всех родов байулынского поколения кроме *яппаского*, небольшие части, как сказано во втором томе сего сочинения, перешли в 1801 и 1802 годах с султаном своим Букеем в Астраханскую губернию и, составляя там так называемую ныне Букеевскую орду, кочуют в Рын-песках и в окрестностях.

Семиродского поколения: род *джагалбайлы* зимует около рек Иргиз, Орь, Кумак, Сугундук и около гор Карача; лето проводит близ границы русской, от Верхне-Озерной крепости до Верхо-Уральска и на юг до р. Иргиз.

Роды *кердеринский* и *таминской* зимою кочуют по Уралу от Оренбурга к Уральску и ниже; летом — по рекам Донгуз, Хобда, Канлыз, Илек.

Табынского рода большая часть в соседстве с двумя предыдущими; другая — около рек Тобол, Тургай, Сыр, Куван и Эмба, а третья — с Среднею ордою около Исели, Цу и в песках Ареметей.

Керейт зимует на Сыре; летом приближается к Иргизу, к горам Карача и к Троицку.

Тиляв, или *тиляу*, и *рамадан*, зимуя близ керейтского рода на Сыре и Куване, летом переходят к Тургаям и озеру Уркач-Кандыклы.

СРЕДНЯЯ ОРДА

Аргинское поколение кочует около гор Улуг, Боян-ола, Иреймен, Кызыл, Куюча, Мукча; в урочищах Урч-Бурлык, Кыл-Чакты, Уч-Кундан, Бикцентей; по рекам Тур-

² Куль значит озеро, а *таг* или *тау* — гора, потому мы, большею частью, откидываем сии нарицательные имена от собственных, в связи с коими оные обыкновенно употребляются киргизами.

гай, Нура, Тобол, Иртыш, Сарысу, Ишим, Исель, Убаган, Улкояк, Аят, в песках Кара, Тусун и при озерах Кызыл, Куржан, Тиба, Бишкун.

Найманского поколения главная часть в горах Тарбагатайских, в вершинах Иртыша и в других местах на западной границе китайских владений; прочие кочуют по вершинам Ишима, по Тургаям, Кара-Узяку, Сыру, Кувану, Лапсу, Куксу, около озер Ак, в горах Улуг, Кичи и проч.

Кипчакское поколение — около Исели, Тургая, Чакиака, Убагана, Тобола, Аяти, Муюнлы, Уя; против Троицка, Степной и Усть-Уйской крепостей; также в песках Каракум, в урочищах Аман-Карагай, Эбелей, Едис, Тиряклы.

Увак-кирейское поколение — по рекам Убаган, Ишим, Уй, Тогузак, Иртыш, Исель, Сарысу, и Цу, или Чу; также в песках Ичкунгур; около озера Кечубай-Чаркар и против крепостей — от Степной до Верхо-Уральской; также против Звериноголовской и Пресногорьковской.

БОЛЬШАЯ ОРДА

Роды вышеописанные кочуют по рекам Чу, или Цу, Таласу, Или, Куксу, Каратал, Чирчик, Сыр, Сарасу, около озер Кара, Ала, Алсу, Анамаз; около городов Кульджа, Кашкар, Кукан, Ташкент, Туркестан; близ гор Каратау, Тарбагатай, Чингис-Цазан, на урочище, называемом Семь-рек, и в других местах около границ китайских владений, в бывших землях зюнгарских. Некоторые живут в самых городах Ташкенте, Туркестане и соседственных с ними селениях.

Поколение *кунграт* кочует частью в тех же местах, а частью с *найманами*.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Образ жизни киргизов есть живая картина времен патриархальных. Вид целого народа пастушеского и, можно сказать, живущего почти исключительно для своих стад; селения или аулы, мгновенно исчезающие и на

других местах опять вновь являющиеся; простота и близость сего состояния к природе имеют много занимательного и пленительного для глаз романиста и поэта. Люди с воображением пылким могут, глядя на киргизов, представлять себе беспечных пастухов счастливой Аркадии [1], или спокойных современников Авраамовых [2]; могут мечтать о мнимом блаженстве людей, не знакомых с пороками, царствующими в больших городах; могут искать у них предметов для эклог и идиллий, но хладнокровный путешественник видит в них только полудиких и сравнивает их с геродотовыми скифами, чингисовыми монголо-татарами, нынешними бедуинами, курдами [3], жителями берегов Енисея, готтентотами [4], и другими, подобно им, грубыми племенами Азии и Африки.

И, действительно, киргизские орды много сходствуют с ними нравами и образом кочевой жизни, необходимым для прокормления многочисленных стад, за коими они следуют с подвижными домами своими из одного места в другое.

Жилище киргиза есть *кибитка*, или *юрта*, то есть со всех сторон округленная палатка, состоящая из деревянных решеток, покрытых войлоками и имеющая сверху, над самую срединю, большое круглое отверстие, по произволу открываемое и закрываемое: чрез него проникает свет и выходит дым, когда разводят в кибитке огонь. Вышина таковых *юрт*, совершенно сходных с калмыцкими [5], простирается от 4 до 8 аршин; диаметр — от 8 до 15 и более. Решетчатые стены оных привязываются волосяными веревками к вбитым в землю кольям; двери бывают деревянные, резные, с разными украшениями и вставленными в них разноцветными косточками, а иногда вместо дверей развешивается простой войлок. Тесьма, служащая для связывания и поддержания решеток, обыкновенно шерстяная, у богачей бывает шелковая. Внутренние бока на лето покрываются занавесами, сплетенными из соломы и разноцветных ниток. Во время сильной жары, когда нижние войлоки поднимаются, занавесы сии защищают от солнца, и, пропуская свежий воздух, предохраняют внутренность юрты от пыли и сора. Кибитки простых киргизов обыкновенно делаются из войлоков *серых*, знатные и богатые употребляют для сего *белые* войлоки, а у некоторых сильных султанов Средней и Большой орды юрты бывают обтя-

нуты красным сукном и подбиты шелковыми тканями. В противоположность последним самые бедные вместо войлоков покрывают жилища свои рогожами, дерном и камышом¹.

Часть кибитки, противолежащую дверям, обыкновенно занимают сундуки, покрытые коврами; на них кладутся халаты, шубы и другие одежды; по сторонам развешиваются сабли, ружья, луки со стрелами, седла, конская сбруя, порошницы и разные снаряды; также утиральники, или полотенца, чайники, кувшины, турсуки (кожаные мешки), иногда копченые лошадиные ноги и мясо. На полу (разумеется, земляном), устланном коврами, или войлоками, стоят большие чаши, котлы, деревянные изголовья, на которые кладут подушки, и особого рода ящики (с разными украшениями), в коих держат мешки, наполненные кумысом (см. статью о пище).

Снимая и вновь разбирая таковую кибитку в полчаса времени, киргиз перевозит ее летом на верблюде туда, где находит для скота своего достаточный корм и воду. Следовательно, он зависит от стад и табунов своих более, нежели от чего-нибудь. Частное и подробное описание его скотоводства предложим мы после; между тем, должны наперед сказать, что на сем занятии основаны почти все его обязанности и общественные отношения, так что с какой стороны ни взглянем на него, везде увидим в нем вооруженного пастуха и найдем источник большей части как нравственных, так и физических его действий в охоте и привычке к скотоводству.

Бесперывные переходы, или перекочевки киргиз-казачков с места на место нисколько не кажутся им тяжелыми, напротив, они находят в оных одно из первых удовольствий и почитают себя счастливыми, что не связаны к земле.

Летом кочевая жизнь действительно имеет много приятностей, но зимою она ужасна. Тогда занесенные со всех сторон снежными сугробами и дрожащие от несносного холода жители степей киргизских почти не выходят из кибиток своих и, сидя беспрестанно у огня², в одно и то же время страдают, с одной стороны, от жары, а с другой — от мороза. Между тем ветер чрез верхнее отверстие и двери наносит к ним хлопья снега и иногда,

¹ См. изображение юрты в виньетке сей книги, под деревом.

² Где нет дров, там употребляется для огня скотский помет.

превращаясь в сильную бурю, опрокидывает войлочное жилище со всеми в нем укрывающимися. Между тем нагие дети выползают из-под войлоков или овчин, которыми они обыкновенно бывают накрыты, и, садясь в горящую золу, обжигают себе руки или ноги; вопли их раздражают слух.

В защиту от всех бедствий и неприятностей зимы киргиз-казаки стараются проводить оную в лесах, камышах, между буграми или в песках южной степи.

Сказав выше, что как *зимние*, так и *летние* кочевья их не могут быть ни точно определены, ни всегда сохраняемы одними жителями, мы прибавили, однако ж, что они довольно постоянно возвращаются на первые. Это потому, что не везде можно найти необходимые для зимнего кочевья выгоды, и что в середине зимы глубокие снега не позволяют переменять мест.

Притом некоторые киргизы, особенно из кочующих при границе русской, осенью заготавливают сено, делают для скота землянки и городят, где можно, плетни для защиты от ветра, особенно северного.

Терпя много от морозов и зимних метелей, или буранов, киргиз-казаки всегда с восхищением встречают весну. Большую часть летних дней просыпают или пьют кумыс, почти не употребляя мяса, а по ночам собираются вместе, пируют и рассказывают друг другу сказки или слушают музыкантов, играющих на чибызге, кобызе или балалайке.

Самым лучшим временем года почитается у них осень. Тут совершают они отдаленнейшие путешествия³, тут бывают празднества; тут же по большей части производятся и баранты [6], коим тогда способствует темнота ночей и достаточная тучность лошадей для выдержания быстрых и больших перегонов.

Киргизы редко кочуют большим числом в одном месте; ибо стадам их тогда бывает тесно, но составляют общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами, и переходя вместе с одного кочевья на другое, не разлучаются без особенных причин. Такое подвижное селение называют они *аул*; количество кибиток в оном зависит от случая.

³ Заметим мимоходом, что суеверие не позволяет киргизу пускаться в дальнюю дорогу в исходе месяца.

Некоторые живут в Хиве, Бухаре, китайских владениях, Ташкенте, Коканде и имеют там свои дома, земли, сады⁴, но число их очень невелико.

Глава ПЯТАЯ

О ПОСЕЛЕНИИ КИРГИЗ-КАЗАКОВ

Существование между киргизами чего-то похожего на разграничение рождает мысль о возможности постоянно поселить каждый род их или поколение на местах, ныне оным занимаемых, но мысль сия совсем исчезает при внимательном рассмотрении свойств страны и народа, о котором говорим.

Первый и почти единственный источник богатства казахских орд, первое и любимейшее их занятие состоит, как уже сказано, в скотоводстве, а для поддержания оногo в такой же обширности, в какой оно теперь, необходимы места пространные, которые не могут и не должны (судя по склонности кочевых народов к *барантам*) иметь точных пределов. Притом, пастбища обыкновенно бывают у киргизов двойкие: одни летние, другие зимние. Ничем не закрытая, ровная и тучная пажить очень хороша для скота летом, но зимою потребны для оногo, в особенности для овец, частые холмы, которые могли б защищать от бурь и ветров, пески, вбирающие в себя воду, и потому скорее обнажающиеся от снега, камыши и кустарники, служащие в пищу верблюдам и вместе для топки или для согревания пастухов. По сим-то причинам видим, что все почти роды имеют одни кочевья летние, другие зимние, и последние, по большей части, бывают южнее первых. По сему-то баганалин-найманец, проведя лето на Ишиме или Тургае, идет на зиму к Куван-дарье, а яппасец в ноябре месяце удаляется с менового двора из Троицка к берегам Сыра. То же можно сказать и о многих других. Следовательно,

⁴ Говорят, что в последних годах минувшего XVIII столетия один богатый киргиз Меньшей орды дюрткаринского рода, по имени *Кара-Булат* сделал на берегу Сыра маленькое глиняное укрепление и внутри оногo построил из глины же мечеть, возле которой сам жил в кибитке, посреди многих кочевавших с ним родственников. В укрепление сие, названное *Кара-Булат-там*, т. е. *стеною Кара-Булата*, и скоро развалившееся, купеческие караваны заходили покупать съестные припасы и платили владельцу за переход чрез его кочевья небольшую пошлину. Возле укрепления были пашни.

киргизы должны или иметь двойные жилища, или уменьшить свое скотоводство. В последнем случае они нанесут урон и себе и соседям, которых все торговые связи с ними имеют целью только вымен скота.

С другой стороны, нельзя предположить и того, чтобы все киргизы могли из пастухов обратиться в земледельцев, ибо, не говоря уже об отвращении их от сего состояния, они имеют слишком мало мест, способных к хлебопашеству [1], что яснее можно видеть из географической части сего сочинения.

Впрочем, если бы киргиз-казаки и занялись хлебопашеством, то вознаградит ли оно произведенное поселением уменьшение скотоводства? В скоте нуждаются все народы, смежные с степями киргизскими, но хлеба у них много своего, и оный на месте всегда будет дешевле привезенного издалека. А ежели ни русский, ни китаец, ни коканец, ни бухарец, ни хивинец не заплатят киргизу за труды, употребленные им для обработки земли, тогда что даст он им за разные необходимые для него мануфактурные изделия, которые выменивает он теперь на скот?

Присоединим к сему физические перемены, которым подвержены киргизские степи. Орошавшие их, по словам Птолемея, реки *Димас* и *Баскатис* не существуют. *Кендерлика*, означенного в "*Большом чертеже*", не находим, *Кызылдарья*, столь часто упоминаемая Абулгази-Баядурханом и показанная на всех прежних картах, исчезла, *Яндыарья*, почти в наших глазах происшедшая, при нас же перестала течь. Озера *Аксакал-Барби* уменьшились, высоты *Сарыбулак* и *Куктырнак*, отстоящие ныне часов на восемь пути от Аральского моря, были прежде, по словам стариков киргизских, омываемы волнами морскими. Много малых озер и колодцев совсем высохло; наконец, некоторые обширные развалины, свидетельствующие прежнее население, стоят на местах, где нет капли воды, но где она, конечно, была. Для кочевого народа таковые явления незначительны, потому что он беспрестанно меняет места, но людям, имеющим оседлость, они губельны.

Теперь упомянем о закоренелом и, впрочем, справедливом предубеждении всех киргиз-казачков, что они должны потерять свою свободу¹, коль скоро поселятся в

¹ Правительство русское несколько раз строило на свой счет для султанов киргизских (как-то для Аблая и других) дома и всеми средствами старалось приохотить кого-нибудь из них, хотя для примера, к оседлости; но все попечения остались тщетными.

домах, потом взглянем на взаимные нравственные отношения их родов и поколений. Месть одного частного человека другому, участие, принимаемое в одной семействами их, аулами, отделениями, даже целыми родами и возникающие из того непрерывные баранты принуждают иногда сотни кибиток оставлять обыкновенные жилища свои и для избежания преследований безвозвратно переходить на другие отдаленные места.

Таким образом, целый народ каракалпаков, бывший независимым, имевший своих ханов и кочевавший на реке Сыр, от частых нападений и мщения киргизов за древние обиды, рассеялся и в конце минувшего столетия потерял политическое бытие свое[2]. В 1740 году большая часть Средней орды и хан ее Абульмагмет кочевали на Ори и Хобде; Абульхайр жил тогда более на берегах Сыра, или Кувана, и потому писал в 1742 году Неплюеву в Оренбург: *“Я с Меньшею ордою на Сыре, а Средняя орда близ вас, генерал”*. Теперь видим совсем противное: ни один из родов Средней орды не приближается к Оренбургу. Подобно сему, многие аулы алимулинского поколения, зимовавшие всегда на Сыре, по вражде с однородцами своими, которым покровительствует хивинский хан, в 1821 году пришли на зиму к Илеку. В то же время несколько других аулов, обыкновенно кочевавших у границ наших, удалились к Хиве. Все сие ведет нас к заключению, что киргиз-казаки при настоящем образе их жизни и в ныне занимаемых ими землях не могут поселиться; что польза их собственная и выгоды соседственных с ними держав, особенно России, требуют, чтобы они состояние богатых пастухов не меняли на состояние бедных земледельцев, и что самые степи их как будто нарочно созданы для кочевой жизни. Не заведением селений водворится в ордах сих тишина и согласие, но строгою справедливостию и приучением к подчиненности можно довести их до того, что они, наконец, почувствуют благодетельные следствия мира.

Глава ШЕСТАЯ

ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Наружность киргизов ясно показывает смесь происхождения монголо-турецкого. Лица их не так плоски и широки, как у калмыков, но узкие черные глаза, малый рот, выдавшиеся скулы, редкая, клочком на конце подбородка растущая борода отличают их от племен турецких и приближают к монгольским. Причины тому заключаются: а) в смешении их с разными отраслями монгольского племени; в) в том, что сластолюбивейшие из них предпочитают калмычек собственным женщинам, и что, быв прежде с одной стороны окружены зюнгарами, а с другой — нынешними волжскими калмыками, они всегда старались похищать у них для себя жен. Последствия сего смешения еще явственнее в женском поле, нежели в мужском. Женщины почти все черноволосые; мужчин же более темно-русых. У первых глаза меньше, нежели у последних, но как те, так и другие телом крепки и дородны, роста вообще среднего¹, смуглы, в молодости нередко статны, но вообще вялы, непроворны и непригожи. Нам случилось, однако же, видеть несколько мужчин, которых можно было по росту, стану и чертам лица назвать красавцами. Что касается до красавиц киргизских, то они не поражают европейцев. Румянец их игривый, глаза сверкают, но неприятная форма оных и всегда выдающиеся скулы не удовлетворяют понятиям нашим о красоте.

Близкий к природе образ жизни, простота пищи, беспечность, невредный климат и свежий воздух, которым дышат киргизы, делают их здоровыми, долговечными, сильными и крепкими к перенесению голода, жажды и стужи. Солнечный жар не изнуряет их, но комнатная теплота им тягостна и причиняет головные боли, особенно тем, которые редко бывают в пограничных городах и селениях. Зрение их достойно удивления: стоя на ровном месте, они видят небольшие предметы верст за 10 и более: где европеец с острыми глазами усматривает только неясные точки, там они различают очертания предметов и цвет.

¹ В Большой орде народ кажется вообще выше, нежели в Средней и Меньшей.

Пробыть день без питья и два дня без пищи совсем не тягостно для здорового киргиза, зато при первой возможности он съест и выпьет за трех. Нельзя без изумления смотреть на людей, славящихся в сем народе обжорством: они истребляют, как звери, невероятное количество мяса и кумыса. Один из таких, съев в присутствии нашем ягненка месяцев шести, вызвался тотчас уничтожить другого, и товарищи за него ручались.

Примером силы их может служить особого рода забава, употребляемая на пиршествах и состоящая в том, что один киргиз привязывает к седлу своему барана и скачет с ним между собравшимися по обеим сторонам его пути зрителями, а силачи, желающие прославиться, обязаны на всем скаку вырвать у несчастного животного ноги.

Искусство ездить верхом, с самого младенчества приобретаемое киргиз-казаками, составляет первое гимнастическое их достоинство. Они, так сказать, рождаются на лошадях и с самими дикими из оных обращаются необыкновенно смело и ловко. Женщины не только не уступают в сем случае мужчинам, но иногда и превосходят их. Как те, так и другие ездят на коротких стременах, и обгибая ногами лошадь, держатся чрезвычайно крепко.

Луком и стрелами владеют они довольно искусно, однако ж, оружие сие не столь общее у них, как у башкиров. Ружья, особенно с замками, у них редки, а пистолетов они почти совсем не знают. Из сего видно, что они небольшие стрелки.

Привыкшие почти всегда быть на лошадях, имея искривленные от верховой езды ноги, и нося беспокойные сапоги, они вообще ходят очень медленно и иногда даже с трудом.

Многие любят бороться, но кулачного боя не знают.

Опрятности не соблюдают, моются очень редко, в пище неразборчивы.

Большая часть Меньшей орды и многие из Средней любят нюхать табак, выучившись тому у русских, они называют его *носовой* [1] и носят или в сумках у пояса, или в бараньих рогах. В Большой орде мало нюхают, но зато, подражая китайцам, много курят табак и в случае нужды вместо трубок употребляют кости.

Говоря вообще, киргизы часто достигают глубокой старости: 80-летние между ими нередки, иногда встречаются и столетние. Болезни заразительные не опустошают орд казачьих, и в них заметно мало уродов. Правда, что к

ним иногда с границ наших заходит сибирская язва, и что многие умирают мучительною смертию от оспы², но оба бича сии совсем не свирепствуют с тою силою, какую могли бы они иметь в стране, где врачебная наука не останавливает сильных действий растроенной природы человека. Что касается до обыкновенных болезней, то киргизы наиболее страдают от горячки, сыпи и рези в глазах (причиняемой дымом), особенно же от того ужасного зла, которое, как справедливо или несправедливо говорят, Колумб привез к нам в Европу из Америки, вместе с слитками золота, и которое, неизвестно каким образом, распространилось между сими полудикими³, не имеющими тесных связей ни с одним из европейских народов.

Повторяем, однако же, что все вычисленные болезни нечасты, что киргизы вообще здоровы, и что они со времени принятия их в подданство России, размножаются очень быстро. Причина последнего обстоятельства очевидна: до 1730 года были они окружены зюнгарами с востока, волжскими калмыками и уральскими казаками с запада, башкирами и сибирскими казаками с севера, и все сии народы были с ними почти в непрерывной войне. С принятия же их под покровительство России, тревожившие их русские подданные усмирены, а Зюнгарское государство, между тем, пало.

Глава СЕДЬМАЯ

ПИЩА И ПИТЬЕ

Историческое описание пищи и напитков народа может иногда служить мерою для определения постепенных его успехов в просвещении, богатстве, изнеженности нравов и в роскоши; с другой стороны, степень образования его определяет и род пищи, им употребляемой. Руководствуясь сим последним правилом, не мудрено всякому угадать, что стол киргиза должен быть очень прост. Как пастух,

² Болезнь сия внушает киргиз-казакам особенный страх, зараженных оною они иногда бросают без присмотра и поспешно удаляются от них.
³ Некоторые думают, что болезнь сия родилась у самих киргизов от неопытности.

и пастух по ограниченности понятий и нужд своих богатый, он приготовляет его из одних произведений скотоводства, не зная даже употребления печеного хлеба и не стесняя, без крайности, организма своего назначением часов для обеда, или ужина, но утоляя голод и жажду, когда пожелает. Обыкновенные кушанья его суть мясо — баранье, лошадиное, козлиное, иногда верблюжье и изредка говядина.

Занимающиеся земледелием или торгующие с соседственными народами готовят жидкую кашу из пшена, и так называемый *баламык*, состоящий из муки, поджаренной с салом и разведенной водою. Подобно сему, поджаривают в сале и потом варят рожь, ячмень, пшеницу и просо.

Сарачинское пшено употребляют только богатые. Лошадиное мясо и копченые окорока из оногo также считаются лакомством для бедных, питающихся по большей части бараниною и *куртом*, который делают, наподобие наших сухих сырников, из кислого коровьего, либо овечьего, молока. Всякий киргиз, отправляясь в путь, привязывает к седлу своему мешок, наполненный куртом, и, разводя, где нужно, по несколько кусков оногo в воде, утоляет вместе и голод и жажду¹. Другогo рода сыр киргизский называет *ереметчик*[1]. Он сладок, употребляется вместо лакомства и вываривается из овечьегo же или козьегo парногo молока с сушеными телячьими желудками.

Копченые ноги сытогo киргизскогo жеребенка очень вкусны, и жир, окружающий их, отменно нежен. Нет сомнения, что они, будучи приправлены искусным поваром, составили бы прекрасное блюдо на столе какогo-нибудь европейскогo *гастронома*, если бы предрассудок или обычай не удаляли от кухни нашей сие столь чистое животное.

Известнейшее киргизское кушанье, называемое *биш-бармак*², приготовляется из мяса, мелко искрошенногo и смешанногo с кусочками сала [2].

¹ Монголы чингисовых времен не только приготовляли и употребляли *курт* таким же образом, как киргизы, но и давали оному то же самое название. См. "Путешествие Рубруквиса" (или Руисбрука). Гл. 6.

² *Биш* значит пять, а *бармак* — палец. Название, очень хорошо выражающее предмет, ибо *биш-бармак* не едят иначе, как пятью пальцами.

Из сала и жира разных животных киргизы делают также колбасы.

Соли во всякой вообще пище употребляют очень мало, хлеба печеного не едят и не могут иметь у себя, потому что не имеют печей.

Рыбой питаются немногие, ее употребляют по большей части бедные, живущие при реках или озерах; дичины киргизы почти не стреляют [3].

Между напитками их первое место занимает *кумыс*, за ним следуют выгоняемое из него вино *айрян*, *арака*, *саумал* и простое молоко [4].

Кумыс готовится следующим образом: вливают свежее кобылье молоко в турсук, или кожаный мешок, прибавляют к нему немного кислого коровьего молока, или курту и, оставляя смесь сию киснуть, бьют оную деревянною колотушкою, к концу которой приделывается деревянный же круг с провернутыми в нем скважинами, или кусок дерева, выдолбленный снизу. Через два или три дня кумыс поспекает, и его начинают употреблять, беспреестанно подбавляя вместо отлитого количества свежее кобылье молоко. Таким образом, напиток сей, однажды сделанный, долго не переводится. Киргизы очень любят оный и не имея возможности делать его зимою, так много пьют летом, что раздуваются или пухнут, и почти не употребляют никакой другой пищи. Они справедливо находят его сытным и здоровым, ибо кумыс точно имеет много питательных частиц, и многие, не только слабые грудью, но даже близкие к чахотке, поправляют оным свое здоровье³.

Из кумыса выделывают вино. Предназначенную для сего жидкость вливают в чугунный котел, который ставят над ямою, служащею вместо печи, и накрывают колпаком из сырой кожи. Малое пространство, между сею крышкой и котлом, замазывают глиною, оставляя место только для железной трубки, соединяющей его с другим, таким же образом зарытым, но пустым, котлом. Потом, в яме разводят огонь: от действия оногo кумыс начинает испаряться, а пары переходят чрез железную трубку из первого в другой сосуд и, собираясь вместе, производят кисловатое

³ *Кумыс* есть любимый напиток большей части всех кочевых народов, как древних, так и новых. Чингисхан и потомки его, не взирая на все свои богатства, уважали и любили кумыс на менее киргизов. План Карпин и Рубруквис были тому свидетелями. См. "Путешествия" их.

мутное вино. Перегнав оное еще раза два, можно получить хороший спирт.

Саумал есть кумыс, смешанный с водою и свежим молоком.

Айрян не что иное, как окисленное коровье или овечье молоко, которое так же сохраняют, как и кумыс.

Напиток, известный под именем *арака*, очень редок и гонится из сарачинского пшена.

Ханы, султаны и некоторые богачи начинают ныне пить чай с сахаром или медом, а отделения, кочующие близ границ китайских, употребляют кирпичный чай, подобно монголам.

Глава ВОСЬМАЯ

ОДЕЖДА

Одежда киргиз-казаков также, как и всех почти азиатцев, длинная, широкая и, по-видимому, совсем неспособная к верховой езде, в которой проводят они большую часть своей жизни.

У мужчин она состоит: 1. Из обыкновенных халатов, или армяков, называемых чапанами. Летом носят они по одному, или по два, а зимою по несколько чапанов, нижний заменяет рубаху. 2. Из пояса с привешенными к нему ножом и *калтою*, или сумкою, для огнива, трута, табаку и печати. 3. Из круглой остроконечной шапки, на которую при выезде в гости или в дорогу надевается другая — летом валяная из белой овечьей шерсти с загнутыми и разрезанными полями, а зимою большая меховая с тремя ушами. 4. Из шаровар, которые бывают столь широки, что надеваются сверх халата; на них выкладываются золотым шнурком разные узоры. 5. Наконец, из больших сапогов с разными вышивками, с острыми загнутыми носами и с высокими каблуками, сделанными таким образом, что не привыкший к оным, не может на них ходить. Рубах киргизы не носят.

Чапаны, или халаты, шьются из бархата, сукна, шелковых и бумажных тканей — русских, китайских, бухарских, хивинских и ташкентских, или коканских; бедные носят собственной работы грубое сукно, или армячину, войлоки и даже рогожи. Воротники, полы и подола богатых халатов обкладывают золотыми и серебряными по-



Киргизь-Казакъ.

зументами. Самый щегольской цвет оных красный или малиновый. Для зимы настегают их на хлопчатую бумагу или на верблюжью шерсть. Сверх того во время сильных морозов киргизы носят еще крытые разными материями шубы, а для спасения от ветров и дождей надевают *яргаки*[1] и *кожаны*, или *джахи*[2]. Первые шьются из жеребьячьих и козлиных шкур, шерстью наружу, а другие — из козлиных голых кож, выделанных таким образом, что они не пропускают сквозь себя мокроты.

Отправляясь в какое-нибудь путешествие или в поход против неприятелей, киргизы нашивают на спину верхнего платья по одной или по две сумочки с писаными молитвами [3], которые, как они говорят, делают их храбрыми и предохраняют от болезней, ран и проч.

Пояса бывают кожаные и шелковые с разными серебряными или медными бляхами и сердоликами. Калты и ножи также украшаются серебром и камнями.

На исподние шапки по большей части употребляют бархат или плис и позумент. Верхние шапки для лета всегда бывают валяные, зимние шьются из разных мехов, покрываются также бархатом или другими шелковыми материями и также обкладываются позументами.

Шаровары носят суконные, плисовые и кожаные.

Сапоги делаются из красных и черных кож, по большей части лицом внутрь, иные шьют их из бархата с какою-нибудь подкладкою.

Головы у киргизов вообще бритые, однако же некоторые из молодых людей заплетают на макушке и висках косы. Бороды подбривают или выщипывают только около губ. Многие продевают любимым детям своим обоюга пола кольца сквозь носовой хрящ.

Платье женщин мало отличается от мужского. Оно также длинно и широко, но до пояса с пуговицами и не все разрезное, а более похожее на рубаху. Некоторые киргиз-казачки носят простые халаты, или *чапаны*, надевая их подобно мужчинам, летом по одному и по два, а зимою по несколько. Шьют их из парчи, бархата, канфы, тафты и разных других узорчатых тканей, как шелковых, так и бумажных. Руки украшают кольцами, перстнями, браслетами, уши серьгами, грудь серебряными бляхами и разного вида нагрудниками или другими камнями. Пояса носят шелковые или шерстяные. Сапоги и шаровары женщин такие же, как у мужчин.

Головной убор замужней женщины состоит из высокой шапки, представляющей усеченный конус. Верхняя часть оной обвертывается большим кисейным, шелковым, или полотняным покрывалом, которого середина спускается клином на спину, а концы на плечи; на лоб, под покрывало, подвязывают накладку, обшитую мехом выдры и украшенную золотыми или серебряными бляшками, жемчугом, кораллами, а иногда даже драгоценными камнями. Нитки с сими украшениями висят по щекам, плечам и груди до пояса, а иногда и до земли.



Курнос-Касатка
гюльча

Девушки носят бархатные или парчевые шапки, совсем конусообразные и похожие на мужские, убирают их золотыми или серебряными бляхами, позументами и жемчугом, низ обшивают выдровым или бобровым мехом, а к верху прикалывают птичьи перья и пришивают кисти.

Волосы как у женщин, так и у девиц всегда заплетены. Женщины разделяют их на две или на три косы, из которых две висят по плечам с разными подвесками, или завиваются около шапки, а третью, обшивая в бархате, опускают по спине до земли. Иногда вместо сей последней косы привязывают лопасть и украшают ее кистями, лентами и проч. Незамужние заплетают свои волосы во многие тоненькие косы, которые унизывают серебряными бляхами, змеиными головками, а к концам пришивают кисти, ленты и проч. Как те, так и другие, употребляют румяна и белила гораздо более, нежели европейские женщины.

Поелику мы сказали выше, что киргизы почти живут на лошадях, то к полному одеянию их принадлежит и конской убор.

Седла у мужчин отличны от женских. Первые более похожи на обыкновенные казачьи, в последних, задняя часть плоская и широкая, отчего они очень покойны. Первые по большей части кожаные и очень редко бархатные или плисовые, последние чаще делаются из бархата и шелковых тканей, нежели из кожи. Луки оправляют серебром, бирюзами, сердоликами, узды, поводы, нагрудники украшаются серебряными, а иногда даже золотыми насечками и бляхами, с вделанными в них сердоликами или другими камнями. Стремена бывают серебряные, железные и деревянные. Плетки также оправляют серебром.

Нарядные платья и красивейшая сбруя конская употребляются (особенно женщинами) не только на празднествах или при посещениях, но и во время перекочевков с одного места на другое.

К сему тому приложены три изображения вышеописанных одежд на мужчине, женщине и девице.



*Κυπριος-Καβάρκα
καμυφλά*

Глава ДЕВЯТАЯ

ВООРУЖЕНИЕ

Киргиз-казаки сражаются копьями, саблями, стрелами ружьями и чаканами, а для защиты от неприятельских ударов надевают на себя панцири и иногда шлемы.

Ружья их без замков, но с скважинами на том месте, где должна быть полка, и с приделанными к лолам деревянными сошками, или подставками, на которых устанавливают их, когда хотят стрелять. Фитиль, служащий вместо замка, делается из таволожной коры, натирается порохом, зажигается высекаемым на него огнем и, наконец, подносится к скважине ружейного ствола. Само собою разумеется, что из такового ружья нельзя стрелять иначе, как сойдя с лошади, и что удары оного должны быть метки, но сколько времени потребно для каждого выстрела? и каково обороняться киргизам от регулярного войска?

Чакан есть топорик, насаженный на длинную рукоятку. Раны, им наносимые в голову, большею частию смертельны.

Луки и стрелы, сделанные самими киргизами, нехороши, лучшие получают они от башкиров, монголов и китайцев. Сабель совсем не умеют делать и достают их, равно как панцири, ружья и большую часть пороха, из Хивы, Бухарии, Персии, Ташкента и Кашкара. Порох делают некоторые у себя дома, но весьма дурной, ибо не знают пропорции составных его частей. Селитру для оного находят на древних могилах. Капитан Рычков [1], бывший в степях киргизских с войском, в 1771 году посланным из России для возвращения бежавших с Волги калмыков, пишет, что киргиз-казаки умеют делать не только обыкновенный черный, но и белый порох; он не мог, однако же, никакими средствами выведать тайны составления оного. Пули льют они в формы, делаемые из аспида, или другого камня.

Во время войны и набегов для сообщения известий, вместо телеграфов зажигают огни и употребляют по условиям разные другие знаки.

Для перевоза оружия и съестных припасов киргизы берут в поход по нескольку лошадей и лучших берегут для сражений.

К вооружению киргизов принадлежали прежде знамена. Каждый *род* имел свое большое знамя и каждое

отделение свой значок, которые все тщательно сохранялись в мирное время и вывозились только на войну, но не на баранты. Сражавшиеся с одной стороны для отличия союзников от неприятелей не только делали значки одинакового цвета с главным знаменем, но и навязывали себе на руки такого же цвета платки, ленты или нашивали лоскутья какой-нибудь материи. Для той же цели всякий род имел свой особенный военный пароль [2], с которым толпы киргизов донныне вступают в сражения и значительнейшие грабежи. Так, например, пароль рода табынского есть слово “тустаган” (чаша); пароль кердеринского рода “кудж-ахмет”; таминского — “кара-бура”; чумякейского — “дуют” и проч. Ханы и султаны все имеют один особенный пароль, выражаемый словом “аркар”, которого уже простой народ не может употреблять. В случае общего смятения, где соединяются киргиз-казаки всех родов и званий без различия, все кричат “алача!”. Хранителем главного знамени в походах избирался один из почтеннейших султанов или старшин, который после военного начальника, был первым лицом.

Глава ДЕСЯТАЯ

ВЕРА И СУЕВЕРИЕ

“Какой вы веры?”, — спросил я однажды двух киргиз-казаров. “Не знаем”, — отвечали они. Ответ сей услышите от большей части их соотечественников. И в самом деле трудно решить, что такое киргизы — магометане, манихеяне [1]¹ или язычники?

Все они вообще имеют понятие о высочайшем существе, сотворившем мир, но они поклоняются ему по законам Корана, другие смешивают учение исламизма с остатками древнего идолопоклонства, третьи думают, что кроме божества благого, пекущегося о счастии людей и называемого ими *худай*, есть злой дух, или *шайтан*, источник зла². Сверх того киргизы признают существование многих других духов, верят колдунам, ворожеям [2].

¹ Манес — основатель манихеизма признавал, что мир управляется двумя равносильными началами: добрым и злым.

² *Шайтан*, *сатан* у евреев, *ариман* у магов и *иблис* у магометан есть одно и то же.

Однако же, из всех частей сего смешения различных исповеданий преимущественно пред прочими обнаруживается магометанское³ и, хотя оно совсем не производит в казачьих ордах того фанатизма, которым одушевлены прочие мусульмане, но они уверены, что люди, не чтущие их Пророка, суть неверные (*кафир*), которых можно мучить и против которых должно употреблять оружие. Киргизы так думают не только о христианах, ламайцах [3] или народах всякого другого исповедания, но даже о магометанах *шиитского* толка, ибо сами себя причисляют к *суннитам* или, лучше сказать, не понимая сего различия, знают только, что турки, татары, бухарцы, хивинцы и другие соседи одинакового с ними вероисповедания, а персиян и прочих последователей Али [5] почитают раскольниками. По сей-то причине ни один суннит не может быть рабом в киргизских ордах, а шиит, христианин и калмык, взятые в плен, продаются и содержатся одинаково.

Одно из главнейших правил Корана, соблюдаемых киргизами, есть многоженство. Они весьма усердно следуют оному, когда достаток позволяет им платить за жен установленный народными обычаями *калым*. (См. ниже о *свадьбах*).

Постов и омовения — весьма благоразумного постановления Магометова — киргизы не соблюдают, молиться по пяти раз на день находят они для себя трудным, мечетей и избранных среди себя мулл не имеют. Иногда молитвы читаются стариками в присутствии многих стоящих около них на коленях, но по большей части всякий молится когда и где хочет. Некоторые же совсем никаких обрядов религии не исполняют. Число усердных *мусульман* так редко в сем народе, что *исламизм* совсем бы мог в нем угаснуть, если бы не поддерживали оного духовные, часто приезжающие из Бухарии, Хивы, Туркестана, и муллы, определяемые российским правительством к ханам и родоначальникам для исправления при них должности письмоводителей. Сильные султаны сами нанимают таких

³ Неизвестно, когда сделалась магометанская религия общею у киргизов, но мы знаем, что Кучум, последний хан сибирский, пришел в Сибирь из Казачьей орды [4] и, утвердившись на престоле, тотчас начал обращать новых подданных своих в веру магометанскую, которую сам исповедывал и для распространения которой отец его *Муртаза* прислал ему ахуна и множество мулл. Происшествие сие случилось, как всем известно, в половине XVI столетия. См. "Сибирскую историю" Фишера (введение, § 86, 87 и пр.)

секретарей, и они, будучи единственными толкователями Корана, заключающего в себе и гражданские законы, делаются судьями и советниками правителей народных. *Хаджи*, т. е. посетившие Мекку и подобные им святоши, объезжая орды киргизские, обогащаются в них совершением богослужения, гаданием по ал-Корану, предсказаниями и продажей талисманов, или писаных молитв, которые, как сказали мы выше, пришиваются в сумочках к платью и по суеверному мнению киргиз-казаков делают их непобедимыми, сохраняют от ран и нападений, удерживают на предпринятом пути, не позволяя сбиваться с оно, и избавляют от всяких зол.

Едва ли кто-нибудь из киргиз-казаков был в Мекке, но они почитают Туркестан святым местом, и многие из них, особливо из кочующих близ сего города, ездят в оный для поклонения гробу святого Кара-Ахмет ходжи, чрезвычайно ими уважаемого. Кроме сего, по их мнению, многие могилы, в степях существующие, скрывают в себе останки святых (*авлия*). Они ездят им поклоняться, читают над ними молитвы, призывают их, приносят им в жертву скот, который тут же сами съедают и привязывают к траве, кустарникам, или вбитым в землю кольям лоскутья, волосы и ленты⁴, полагая, что души святые обитают над своими телами в *местах счастливых*, и что они нисходят на гробы свои при воззвании к ним. Равным образом думают, что и души всех прочих покойников во время поминовения сходят на землю со звезд, где пребывают они и где, смотря по роду жизни своей, они находятся у духов добрых или злых. Киргизы полагают также, что каждый день зависит от особой звезды, счастливой или несчастливой, и оттого они разделяют дни на благополучные и злосчастные.

Для умиловивления злого духа читают молитвы, приносят ему жертвы, раскидывают оные на все стороны и потом, протягивая руки кверху, заклинают его быть снисходительным.

Усопшему для получения места в киргизских святцах иногда бывает довольно того, чтобы над прахом его выросло какое-нибудь большое дерево.

Между киргизами являются и полусвятые, или юродивые, которые, не имея пропитания, одеваются в изо-

⁴ Покок [6] в Specimen Hist. Arabum пишет, что магометане, приходящие на поклонение в Мекку, совершают почти такие же жертвоприношения.

рванные рубища, ходят из одного аула в другой, поют пронзительным голосом молитвы, представляют из себя вдохновенных, делают предсказания и достигают своей цели, то есть поправляют свое состояние или, по крайней мере, получают нужное содержание. Некоторые еще далее простирают свои желания и, являясь под названием Пророков, собирают многочисленные толпы последователей. Такого рода люди показывались не раз, и последний из них проповедывал в Средней орде в 1821 году, но недолго. Ни один из сих проповедников не выдавал, однако ж, нового учения и не оставил после себя учеников.

Дабы иметь самое убедительное доказательство суеверия почти всех киргизов вообще и плутовства немногих, пользующихся оным, опишем их колдунов и гадателей, которым приписывают они силу не только узнавать прошедшее, настоящее и будущее, но производить холод, жар, бури, гром, ветры, дождь, снег, излечивать всякого рода больных, отвращать грозящие бедствия; и все чрез знакомство с духами.

Колдуны и гадатели разделяются на несколько родов.

Многочисленнейшие называются *джаурунчи*, или *яурунчи*. Они гадают по бараньим костям, которые сначала очищают от мяса, потом кладут в огонь и жгут до тех пор, пока они обгорят и истрескаются. В трещинах, таким образом произведенных, видят они все на свете, по ним рассказывают прошедшее и предвещают будущее. Капитан Рычков, о котором говорено выше, описывает любопытное гадание одного яурунчи, происходившее при нем у хана Нурали, когда сей последний пожелал знать, где находились калмыки, бежавшие из России, и догонит ли их посланное за ними войско наше? Вот его слова:

“По мнению сего гадателя, все предбудущее изобразилось некими чертами на соженной лопатке, а потому, рассмотрев ее с задумчивостию и вниманием, поведал стоящим вокруг него нижеследующее: что в полудни прошедшего дня соединился с калмыками некий невидимый дух, именуемый *аврях*. Он только возжег в народе великую робость и смущение пришествием российских войск, но в полудни сего дня достиг до них другой *аврях* [7], который произвел в них еще больше страха некими ужасными предзнаменованиями, приемлемыми ими за знаки предстоящей им гибели. Наконец, вся судьбина их должна зависеть от третьего *авряха*, который, если придет к ним на другой день после пришествия последнего, то

будет он спасителем их от напасти ожидаемой, которая приводит в ужас весь народ. В сем состояло предвозвещение гадателя, кое все киргизы, не исключая и самого хана, почитали истинным пророчеством. Легко предвидеть можно, что он сам предсказанием таким, имеющим двойное толкование, всегда соблюдает народное почитание и веру, ибо если бы подлинно случилось с калмыками какое-либо несчастье, слова первого предсказания показали сие событие: но когда случилось бы тому совсем противное, то он напомнил бы своим суеверам, что они спасены от напасти пришествием третьего авреха”.

Если дельфийский оракул мог давать подобные ответы грекам, то мудро ли, что и джурунчи пользуются доверием киргизов? Несколько султанов клялись мне, что таковой прорицатель, бывший у хана Меньшей орды Джантюри [8], пред смертью его, говорил ему, глядя на горящую кость баранью, что убийцы его едут, назначал расстояние, в котором они находятся, определял час, в который лишится он жизни и что будто бы все исполнилось по словам сим с величайшею точностию. Хан смеялся над предсказанием, но в минуту смерти раскаялся и тем еще более утвердил свидетелей сего происшествия в старинном их предрассудке⁵.

Рамчи [9], составляющие второй класс прорицателей, гадают по цвету пламени, которым горит баранье сало, бросаемое ими в огонь, при сем читают они молитвы и призывают духов.

Джудузчи суть астрологи, предсказывающие и гадающие по звездам, в которых живут знакомые им духи⁶.

Всех забавнее и вместе страшнее *баксы*, или *бахчи*, очень похожие на сибирских шаманов. Одевание их бывает иногда обыкновенное длинное, иногда же короткое, или изорванное рубище одною наружностью своею уже действующее на воображение зрителей их трагикомических представлений. Образ прорицания их тоже не всегда одинаков. Бакс, которого мне случалось видеть, вошел в кибитку самым тихим шагом, с потупленными глазами, с важным лицом и в рубище. Взяв в руки кобыз, составляющий подобие гудка, сел он на ковер, заиграл, запел

⁵ Точно так же гадал на бараньих костях Мангухан, внук Чингиса, когда был у него Рубруквис. См. описание его путешествия, гл. 37.

⁶ Астрологические гадания запрещены Кораном. Невзирая на то, не только киргиз-казаки, но сам султан турецкий прибегает к оным в важных случаях и торжественным образом. См. Охсона *Tabl. Gen.* т. 1.

и начал тихо качаться, а потом делать разные телодвижения. С возвышением голоса ускорялись и становились труднее его кривлянья. Он бился, вертелся, вытягивался и сгибался как неистовый, пот лил с него градом, пена клубилась из рта. Бросив кобыз, вскочил он, вспрыгнул, затряс головою, стал кричать пронзительным голосом и созывать духов, то маня их к себе руками, то отмахивая от себя тех, которые были ему не нужны. Наконец, выбившись из сил, с лицом бледным, с глазами, налившимися кровью, бросился он на ковер, испустил дикий крик и умолк как мертвый. По прошествии нескольких минут, привстав, озирался он на все стороны, как будто не зная где он, прочел молитву, и начал предсказывать, основываясь, как говорил, на бывшем ему тогда видении.

В "Сибирском вестнике" 1820 года (книжка 6) помещено любопытное описание киргизского чародея другого рода. Выпишем оно.

"Он был ташкентец степенного вида, имел на голове чалму, подобно ходже или мулле, а на себе белое полосатое длинное платье, подпоясанное белым же кушаком; в руках держал он высокий костыль, оправленный медью, убранный разноцветными камнями и обвитый проволокою с привязанными к нему тремя долгими и широкими значками, одним из белой ткани и двумя из шелковой. Он сел на скамью посредине юрты, читал молитвы и призывал по именам, почитаемых магометанами угодников, назначая каждому из них занятие, которые будто бы к нему и предстали, причем чувствовал он великое восхищение и вместе досаду, что один злой дух препятствовал ему слышать их откровения. Для прогнания сего принужден он был соскочить со своего места, бегал с костылем по юрте, даже выскочил из оной вон, сел на оседланную лошадь и ускакал в поле, более четверти версты, по возврате же оттуда повертывался, сидя на лошади, несколько раз на все стороны, размахивал костылем и вошел в юрту со спокойным духом, радуясь, что прогнал своего неприятеля. Там сел по-прежнему на скамью и с особенным благоговением призывал своих угодников, а спустя несколько времени впал в некоторое беспамятство, повалился на землю и производил столь сильные движения, что четыре человека едва могли его держать. Наконец чрез 10 минут успокоился, пришел в совершенное чувство и на вопросы присутствующих пересказывал сделанные ему откровения. Он говорил им, что текущий год окон-

чится благополучно, без войны и всяких других несчастий для народа, словом, все обещал, что только могло их утешать, или питать приятною надеждою”.

В Большой орде баксы наряжаются в белые саваны, садятся на белых лошадей и скачут по полям как беснующиеся.

Паллас[10] говорит еще об одном роде киргизских чародеев, которых называет *джаадугар*[11] и кои приписывают себе искусство обвораживать пленных так, что они в побеге непременно должны сбиться с дороги. Для сего выбивают у них волосы, сыплют им на язык золу, велят отступить на три шага назад и проч.

Есть, кроме того, у киргизов другие способы ворожить и колдовать, которые, однако ж, мало разнятся, от вышеописанных. Не входя в подробности скажем вообще, что многие из занимающихся сим ремеслом, действуют не одними кривляниями, но имеют некоторые познания в ботанике и химии. Искуснейшие из них, как говорят, безвредно ходят голыми ногами по раскаленному железу, стоят на острых саблях и горящих угольях, глотают ножи, плети и впускают в горло сабли.

Колдовство и обман составляет не только часть религии киргиз-казаков, но и главнейшую часть медицины их, ибо они прибегают к оным в самых опасных болезнях.

Бакс лечит следующим образом:

Сначала садится он против больного, играет на кобызе, поет, кричит диким голосом, беснуется и делает разные вышеописанные кривляния, потом вскакивает с места, читает бессмысленные речи, берет плеть и бьет оною страждущего в надежде изгнать из него всех нечистых духов, производящих болезнь; наконец, лижет его языком, кусает до крови зубами, плюет ему в глаза и схватывая нож, бросается на него, будто с намерением зарезать.

Такое лечение иногда сопровождается разными другими, столь же смешными обрядами и продолжается 9 дней. Некоторые медики уверяют, что оно, невзирая на всю его странность, может быть иногда полезно в болезнях, от раздражения происходящих.

Другого рода киргизские обманщики, называющие себя лекарями, имеют еще иные средства для легковверных. Они разводят огонь, раскаляют в оном железо и топят баранье сало, потом, соединяясь с предстоящими зрителями, и дав каждому из них по зажженной свече в руку, делают торжественные ходы и носят около больного или три чаши

с горящими свечами, наполненные всякою всячиною, или растянутых коз и овец, коими толкают больного 9 раз и которых кожи предоставляются в пользу врача.

Иногда вместо баксов лечат муллы. Сии последние для изгнания болезней и нечистых духов, употребляют только чтение ал-Корана и некоторых бессмысленных молитв, во время которых думают и плюют в глаза больному⁷. Вера, или суеверие, занимая место искусства, делает и сей третий способ лечения иногда действительным. Подобные приемы встречаем у многих просвещенных народов.

В некоторых случаях больные киргизы призывают к себе на помощь в одно время и мулл и баксов и разных других обманщиков. Первые не мешают вторым, последние живут в согласии с теми и другими. Все действующие в таковых собраниях имеют одну цель — получить плату за труды, а потому всякий отправляет свое ремесло без раздоров.

Невежество, суеверие и обман всегда подают друг другу помощь и везде, хотя в разных видах, но соединенными силами, угнетают род человеческий.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ

ПРАВЫ

Если бы Руссо[1] прожил несколько месяцев в казачьих ордах, если бы он хорошо узнал народ сей, по невежеству, грубости, беспечности и порывам страстей, столь близко подходящий к состоянию его естественного человека, то может быть, мы не читали бы ни его рассуждений о неравенстве людей и о вреде наук, ни тех прекрасных и остроумных софизмов, которыми наполнены многие другие его сочинения, ни того, что враги и почитатели сего славного мизофилантропа написали в его защиту и опровержение.

Примеры убедительнее слов. Никакие рассуждения не заставили бы его сознаться в заблуждении, но шестимесячное пребывание у киргизов и ближайшее рассмотрение

⁷ Небесполезно заметить, что во всех сих суеверных обрядах киргизы строго соблюдают числа 3 и 9, например, 9 дней лечения, 3 чаши, 9 овец, 3 значка у баксов и проч.

нравов их произвели бы более, нежели все возможные доводы.

Народ, о котором мы говорим, конечно, не состоит из антропофагов, или каннибалов [2], не приносит в жертву подобных себе, не находит забавы в убийстве или травле их зверями и даже имеет свои добрые качества. Но какой европеец захочет обратиться в его состояние? Какой мечтатель позавидует обществу людей, которые незнакомы ни с наслаждениями нравственной природы, ни с средствами улучшить самое физическое существование свое, которые, закоренев в грубости, боятся всего того, что могло бы их смягчить, которые думают, что величие состоит в одной жестокости, и что храбрый должен вечно проливать кровь, которые, наконец, понимают только выгоды частные, не возносясь до тени понятия о пользе общей, о сем источнике величайших добродетелей, о сем единственном основании счастья всех и каждого?

Монтескье [3], разделив Азию на два пояса — на северный и южный — предположил, что она не имеет пояса умеренного и заключил, что жители первой сильны, воинственны, храбры и деятельны, а жители второй слабы, изнежены, ленивы и робки, что первые любят свободу, а последние склонны к рабству, что первые родятся быть завоевателями, а другие — рабами.

Не говоря о том, что большая часть племен, населяющих великую, или, как обыкновенно говорят, независимую Татарию [4], и причисленных сим знаменитым писателем к поясу северному, по свойствам своим принадлежит скорее к южному, скажем только, что характер киргизов исключает их из обеих половин. Они не могут быть помещены в одном разряде с народами северными потому, что не имеют ни деятельности, ни мужества, ни духа завоеваний, принадлежащих сим последним. Равномерно нельзя их отнести и к народам южным, потому что они не изнежены, не слабы и не знают не только рабства, но и подданства. Они составляют класс, средний между двумя предыдущими [5].

Киргиз подходит к южному азиатцу ленисткою своею. Чего недостает в климате для произведения сего свойства, то довершает в нем образ жизни: большую часть лета от жары проводит он во сне, а зимою почти не оставляет своей кибитки потому, что снега засыпают все пути. Притом не зная никаких искусств и ничем почти не занимаясь, кроме скотоводства, он ни в какое время не

видит нужды много трудиться. Жены и дочери составляют также одну из причин, поощряющих его к лени, освобождая от всех трудов по домашнему хозяйству. Видя хотя немного достаточного киргиза, лежащего в совершенном бездействии близ турсука (кожаного мешка), наполненного кумысом, нельзя не вспомнить гомеровых циклопов [6], которые *не пахали, не сажали и не сеяли, а жили на счет богов*. Таковая праздность рождает в киргизе беспечность, сластолюбие и болтливость. Она же делает его до чрезмерности любопытным и даже жадным ко всяким новым слухам. Никакая почта не может сравниться в скорости с молвою, которая как ветер пустынь разносит новости по ордам киргизским. Коль скоро приезжает в аул гость, особенно издалека, то все тотчас собираются слушать его, и за все угощение никто не требует от него другой платы кроме рассказов. Богатые и знатные сообщают своим приятелям новости с нарочными вестниками.

От вида ли единообразных и утомительных для зрения степей, или от другой какой причины, большая часть киргиз-казаков угрюма и не предается шумным веселостям. Многие столь задумчивы, что удаляясь от всякого общества, проводят по несколько часов в уединении.

Легкомыслие и доверенность в тех случаях, где не вмешивается корысть, суть черты, наиболее приближающие их к природе. Последнее из сих свойств совершенно противоположно характеру большей части азиатцев, возрастающих под таким правлением, которое приучает всех к подозрению. Следовательно, киргизы доверчивее прочих жителей Азии, потому, что не живут под игом деспотизма. Заключение наше подтверждается тем, что части сего народа, кочующие около Китая и подвластные оному, также зависящие от Коканда, Ташкента и проч., гораздо более имеют скрытности, пронырства и склоннее к подозрениям, нежели обитающие внутри степей единоплеменники их, которые ничего не боятся.

Замечательно, однако же, что все киргиз-казаки умеют соединять доверчивость свою со склонностию обманывать, особенно тех, которые не мусульмане¹. Обманы их немногосложны, не сопровождаются большими кознями, не хитры, но часты. На обещания их никак нельзя полагаться,

¹ В Коране сказано, что лихоимство не может иметь места между магометанином и неверным.

особенно, когда они дают оные в нужде или в надежде что-нибудь выиграть. Получив желаемое, они уже не думают об исполнении данного слова. Само собою разумеется, что в народе, имеющем такие правила честности, нет прочных договоров.

Китайский писатель князь Циши [7] в описании побегов тургутов из России в Зюнгарию, говорит о киргизах: “Кочевые народы сии тогда только хранят данное слово, когда видят, что за нарушение оно жестоко будут наказаны, впрочем, нет для них ничего столь священного, чего бы они не нарушили из одной корысти”².

Казалось бы, что люди, имеющие нужды ограниченные, не знакомые с роскошью и не умеющие употреблять своих богатств, должны быть равнодушны к прибыткам и небольшим потерям, но здесь находим совсем противное. Корыстолюбие киргизов простирается до чрезвычайности. Много раз случалось мне видеть между ними ужасные драки за раздел самых маловажных вещей. Бывшие у них в плену рассказывают, что когда случится им ограбить какой-нибудь караван, то они разрывают на части последние безделицы; например: если попадутся им часы, то один берет себе колесо, другой винтик, третий стрелку и так далее. Потом всякий, возвратившийся с грабежа, должен еще разделить добычу с родными и приятелями своими, после чего ему остается за все труды и за все буйство самое ничтожное возмездие. Когда же он уступает какую-нибудь вещь в долг или в подарок, то непременно требует за оную вдвое против истинной ее цены. Между тем неотступно выпрашивает у родных или приятелей своих все, что ему нравится.

Столь же неутомим он и во всех вообще требованиях. Нигде не нужно более терпения, как в сношениях с киргизом, особенно по делам службы. Как бы ни были нелепы его просьбы и сколько бы раз ни была доказана ему невозможность исполнить их, он возобновляет оные при каждом удобном случае. Если же делают ему удовлетворение только с намерением избавиться от него, то успех свой приписывает он не снисхождению того, кто уступает, но слабости его и становится в требованиях

² Описание сие переведено с китайского на русский язык г. Липовцовым и помещено в “Сибирском вестнике” 1820 года (книж. 10 и 11).

своих еще неумереннее. Черта сия должна быть принимаема в соображение при всех сношениях с сим народом.

Не будем говорить здесь о суеверии киргиз-казаков, ибо выше мы представили много доказательств одного, но упомянем о скупости, о гордости пред слабыми, о низости пред сильными и о вспыльчивости.

Видя киргиза, равнодушно и иногда со слезами слушающего или рассказывающего какое-нибудь трогательное происшествие, видя его восхищающегося не только изящными предметами и хорошими делами, но даже удачными выражениями, думаешь, что он должен быть добр и сострадателен. Мысль сия исчезает при взгляде на нечувствительность его к бедным соотечественникам своим³ и к несчастью.

Признательность к благодеяниям и почтение к старикам, или *аксакалам*⁴, суть лучшие черты его характера и почти единственные его добродетели. В них только видишь, что сердце его имеет искру доброты.

Качество сие много бы произвело в нем хорошего, если бы грубость, невежество и необузданное своеволие не подавляли одного.

Под именем храбрости киргизы разумеют хищничество и буйство. Неустрашимость, свойственная самым необразованным умам, им совсем не принадлежит. Войны правильной они не ведут и вести не могут по недостатку подчиненности, распорядка и согласия, но нападения, как на проходящие чрез степи их караваны, так и на границы соседственных с ними народов делают они очень часто. Однако ж толпы таковых хищников редко бывают многочисленны. Набеги свои производят они по большей части ночью, нечаянно и без всякого порядка, но с удивительным стремлением и криком, имея при себе разного рода оружие, как то: сабли, ружьи, стрелы, палки, камни и, наконец, арканы, или веревки для пленения неприятелей.

Первый удар их, или первая атака, если так можно назвать нападения разбойников, бывает всегда сильна, и устоять против оной нелегко. В ней совокупляют они всю храбрость свою, но при первой неудаче теряют ее, стремительно переходя из дерзости в робость и обращаясь в бегство. Если же принуждены бывают спешиться, то совсем не могут защищаться. Следовательно, вся смелость

³ Число нищих в киргизском народе очень значительно. Их обыкновенно называют *байгушами*.

⁴ *Аксакал* значит белобородый.

их заключается в надежде на лошадей и на получение корысти.

Таков воинственный дух большей части кочевых народов — как древних, так и новейших. Геродот [8] в кн. IV, описывая поход Дария Гистаспа [9], в Скифию, говорит: “Конница скифская, нападая на персидскую, всегда обращала ее в бегство, но сия последняя удалялась под защиту пехоты, и скифы, уstraшенные видом оной, возвращались назад.” Тацит [10] (Histor lib. I.), упоминая о нападении роксолан [11] на Мезию, при Оттоне [12], замечает: “Mirum dictu ut sit omnis Sarmatorum virtus velut extra ipsos; nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum; ubi per turmas advenere, vix ulla acies obstiterit”.

(Удивительно, что вся храбрость сарматов [13] находится как будто вне их. Нет народа слабее в пешем бою, но где нападают они (конными) толпами, там лучшее войско едва может им противостоять.)

Подобный сему образ войны, или говоря точнее, образ нападений, видим в истории страшных монголов и ныне находим у бедуинов, курдов, туркоманов [14] и других подобных им народов.

Сомкнутый фронт или *каре* регулярной и опытной пехоты должны устоять против десятерного числа киргизов. Одна пушка может истребить их невероятное множество. Дрожа от страха при одном виде оной, они теснятся против нее, стараются один за другим спрятаться и тем подают возможность каждому ядру вырывать целые ряды людей. Один караван, разграбленный киргизами на пути в Бухарию, долго оборонялся от хищников поставленную на верблюда самоварною трубкою, которую приняли они за пушку, или фальконет, и от которой, когда ее на них наводили, два или три раза обращались они назад. Какое ужасное опустошение может произвести в народе сем одна рота артиллерии, если она будет искусно употреблена.

Главнейшая причина такой трусости заключается в том, что киргизы, как мы уже сказали, не ведут решительной войны, но нападают только случайно, небольшими толпами и не имеют понятия о правильных сражениях, один гром пушек уже поражает их страхом. Прибавим к тому, что они почти никогда не сражаются с другою целию, кроме корысти, а побуждение столь низкое не может сделать целого войска неустрашимым.

Свойства сии не мешают им, однако ж, наносить сильный вред самым храбрым неприятелям отгоном лошадей при малейшей оплошности, грабежом обозов при разделении сил и, если возможно, похищением арканами часовых с передовых цепей. Равным образом набеги их на границы наши всегда оканчиваются не сражениями, а угоном скота, захватом безоружных людей, потравой лугов, истреблением сена, и, наконец, скорым бегством. Все сие служит доказательством, что киргизы — не воины, но только вооруженные вору, или пастухи.

Впрочем, должно заметить, что их корыстолюбие и жадность к добыче, соединенные с суеверием, могут произвести многое.

Киргизы не кровожадны, но и это хорошее качество происходит от того же корыстолюбия, а не от доброты сердца. Они не стараются истреблять неприятелей потому, что всегда ищут не победы, но добычи. Они не убивают пленных потому, что находят более выгоды в продаже их бухарцам, хивинцам или другим соседственным с ними народам.

Гостеприимство, оказываемое киргизами своим соотечественникам и без всякой платы, наблюдаемое как один из священнейших законов вероисповедания, не распространяется на чужеземцев, а тем менее — на иноверцев. Европейец, который бы вздумал странствовать по ордам их без вооруженного прикрытия, неминуемо встретит неволю. Магометанин сунитской секты, без друзей и покровительства, если попадетя в руки людей несколько просвещенных исламом и не станет обороняться, то будет только ограблен. Персиянина же и всякого подобного ему шиита ожидает одна участь с христианином.

Отважные жители гор Кавказских, конечно, во всех отношениях страшнее киргизов для неприятелей своих, но у них законы гостеприимства священны, и всякий чужеземец, принятый черкесом под покровительство, безопасен [15]. В киргизских ордах никто не ручается и не может ручаться за безопасность путешественника.

Непостоянство и ветренность киргизского народа, соединяясь с корыстолюбием, делают у него все связи непрочными и долго будут препятствовать введению посреди оного учреждений полезных. Хан Меньшей орды Ширгазы [16], с которым я говорил о сем предмете, отвечал мне: "Наш народ есть стадо диких коз. Сколько ни старайся

приучать их к чему-нибудь, при первом шорохе все бегут в разные стороны”.

Хан Абульхайр в письмах своих Тевкелеву, не раз говорил: “*Моя легкомысленная казачья орда*”.

Склонность киргизов к тщеславию особенно обнаруживается в высшем классе. Доказательством одного может служить строгость, с каковою разбирают они происхождения султанов от *чисто* ханской крови, или от *смешанной* с простонародною. Сюда же принадлежит охота их всем рассказывать свои подвиги, а те, которые имеют от правительства нашего медали, сабли и похвальные листы, непременно показывают их всякому русскому. Даже сыновья и внуки киргизов, получивших таковые знаки отличия, присваивают себе права отцов или дедов своих. Медали, за неимением орденской ленты, часто привешиваются на каком-нибудь ремне или шнурке.

При ограниченности желаний, при скупости и неумении наслаждаться выгодами жизни, народ сей не извлекает из богатства другой пользы, кроме тщеславия. Однажды спросил я одного владельца 8 000 лошадей, почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: “Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает что они мои, и всякий говорит, что я богат.”

Вот каким образом молва о богачах киргизских разносится по ордам, вот каким способом приобретают они уважение своих соотечественников и титул *бай* (богач), часто дающий им преимущество пред потомками ханов и пред самыми достойными старейшинами. Итак, не у одних просвещенных народов богатство предпочитается душевным свойствам, полудикий, не умеющий пользоваться оным, также поклоняется сему кумиру, как и европеец.

Нет ничего ужаснее мщения киргиз-казаков и последствий одного. Сие пагубное свойство ввело между ими то опустошительное зло, которое, заняв место законного удовлетворения за обиду, лишило их истинной храбрости и заменило ее всегдашним стремлением к грабежу, которое истребляет, разоряет, развращает их и которому дают они название баранты (*gerpe'sailles*).

Зло сие состоит в бесперывных отгонах друг у друга скота и возникающих из того междоусобных драках. В

прежние годы баранты производились, как говорят, только по приговору судей, или старейшин и тогда только, когда виноватый решительно отказывался удовлетворять истца. Ныне же всякий обиженный, обокраденный, или недовольный собирает шайку наездников, приезжает с нею к своему неприятелю, нападает на его жилища и угоняет табуны или стада его. Само собою разумеется, что сей последний защищает свою собственность, призывает к себе на помощь соседей своих и старается отразить хищников. Если же он в том не успеет, то едет с товарищами в аул неприятеля, взаимно нападает на него и угоняет скот, не различая правых от виновных. Таковое отмщение повторяется, число участвующих в одной ссоре беспрестанно увеличивается, стада и табуны⁵ истребляются, пламя мщения раздувается, и целые тысячи народа стонут от зла, произвольно введенного и охотно поддерживаемого.

Отличающиеся проворством и удалством в сих неистовствах не только не терпят презрения, но почитаются храбрыми и получая название *батырей*⁶ или богатырей, прославляются во всех ордах. Многие из них, давно уже оставившие свет, еще живут в памяти потомков, и имена их воспеваются как имена людей, составляющих украшение и славу народа. Вот героизм киргизский! Вот понятия их о величии души!

Киргиз-казак, который не может отомстить нанесенной ему обиды, в минуту гнева похож на беснующегося. Один из ордынцев, кочевавших в 1821 году около Антоновского форпоста, почти на глазах моих дал сам себе несколько ран ножом оттого, что при драке его с одним русским несколько уральских казаков отняли у него противника, прежде, нежели он успел довольно наказать его. Другой,

⁵ Баранты чрезвычайно уменьшают в ордах киргизских число скота, потому что при отгоне его не берегут, и значительная часть оного дорогою при быстром перегоне издыхает, пристаёт, получает потом болезни и нередко заражает здоровые стада и табуны. Притом количество скота, доставшееся барантою в полную добычу, спешат уменьшить, убивая в пищу.

⁶ Тамерлан в своих наставлениях, писанных им для детей и потомков, не раз говорит, что отличившиеся храбростию в сражениях полководцы и воины его получали исключительное название *Behader*, которое Ланглес / (Institut.polit. et militaires de Tamerlan) / переводит на французский язык словом *brave*. Тамерланов *багадыр*, киргизский *батыр*, монгольский *батур*, означает одно и то же понятие, напоминают нам русских *богатырей*. Все сии слова должны быть отрасли одного корня, или даже только изменения одного и того же изречения. *Бох*, или *бог* значит по-турецки: *мощный, сильный, господин*.

будучи приговорен биями к наказанию, пришел в такое неистовство, что сам себя ранил, убил топором отца, нанес рану дочери и изрубил несколько лошадей.

Если же после разных препятствий и долговременных исканий обиженный находит предмет своей ненависти, то делается совершенным тигром. Несколько лет назад казаки Меньшей орды байулинского поколения берчского рода, мстя за смерть своих родственников, напали на алимулинцев и взяли часть врагов своих в плен. Воображение едва ли может придумать участь, каковой были подвержены сии несчастные, между которыми находились и невинные. Победители привели их на могилы убитых ими, принудили их к противоестественному преступлению, и потом всех поодиночке тут же умертвили, а старейшине разрезали горло, и собрав кровь его, горстями пили ее. То же бывает, когда убийцу выдадут родственникам убитого. Они сперва перерезывают ему главнейшие жилы, потом разрезают все составы тела: иногда же распарывают живот и кладут во внутренность одного отсеченные руки, ноги и голову. Такова была смерть Берды-ходжи, старейшины той части Меньшей орды, которая подвластна Китаю. Мы о нем говорили в историческом описании.

Из всех трех орд казачьих Меньшая кажется наиболее потерпела от междоусобий. Баранты в ней чрезвычайно усилились в начале нынешнего столетия и дошли до того в 1813, 1814 и 1815 годах, что толпы матерей и отцов, лишенные пропитания, приходили на границы наши и продавали детей своих, не находя другого средства к спасению им жизни. В 1815 году около Гурьева куплено было русскими в течение одного месяца около 100 таких. За мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек — по 3 и по 2 куля ржаной муки⁷.

В Средней и Большой ордах баранта также существует, но говоря вообще, они как во внутреннем управлении, так и в сношениях с соседями (исключая вражды с дикими киргизами) спокойнее Меньшей орды. Доказательством тому служит история их. Различие сие весьма давно замечено российским правительством. Тевкелев еще в 1753 году писал к хану Нурали: *“Средняя орда не так ос-*

⁷ Г. Броутон, живший между маратами[17], пишет, что в народе сем не только матери продают своих детей рупии по две (около 5 рублей), но что беднейшие из женщин с малютками своими ищут пищи в скотском помете и едят зерна, которые в нем находят. См. *Les Marattes*, trad. l'anglais par Breton, T. 1, page 42.

лушна, как *Меньшая*, ибо пленных наших выдает и виновных сама наказывает." То же можно видеть в журналах и донесениях чиновников русских, бывших в Средней орде как в прошедшем, так и в нынешнем столетиях.

Старые киргизы говорят, что будто бы предки их соблюдали очень строго твердость во всех кровных союзах и целомудрие. Ныне признаются они, что добродетели сии очень много ослабели, а оттого почти все связи основаны на личных выгодах каждого.

В заключение скажем о привязанности киргизов к своему отечеству, или, лучше сказать, к земле своей. Благоразумнейшие из них очень чувствуют, что безначалие и раздоры долго еще не позволят им наслаждаться благоденствием народным, но все хотят лучше терпеть, нежели оставить те места, на которых родились и выросли, тот образ жизни, к которому привыкли. Правда, что несколько тысяч кибиток вынуждены были навсегда перейти из степей своих в пределы России; множество бедных, или так называемых байгушей, и теперь переходят внутрь границ наших, но большая часть их, невзирая на спокойствие, которым теперь пользуются, и на богатства, которые приобрели в России, желают возвратиться на Родину. Поселенные между башкирами, беспрестанно бегают за границу; байгуши, живущие у русских в рабочих, нажив что-нибудь порядочное, спешат к своим соотечественникам в орды; из 7 или 8 000 кибиток, водворившихся в Астраханской губернии, почти третья доля в 1820 году возвратилась⁸ в прежние кочевья. Мы не могли без особенного удовольствия смотреть на сих последних, когда они, перешед чрез Урал, и ступив на отечественный берег свой, прыгали от радости и целовали землю. Султан Меньшей орды Ширгазы [18], сын бывшего некогда хивинским ханом Каипа, очень долго жил в Петербурге, был в русской службе майором, находился несколько лет при одном из первых вельмож Екатерины II и, разумеется, должен был привыкнуть к выгодам, удовольствиям, даже прихотям европейской жизни. Несмотря на все это, он возвратился в орду и умер в ней истинным киргизом во всех нравственных отношениях.

Женский пол казачьего народа по многим причинам должен быть предпочтен мужскому.

⁸ В 1824 году киргизы сии вторично перешли в Астраханские степи.

Киргизки далеко превосходят киргизов в трудолюбии. Они отправляют все домашнее хозяйство, на них лежит половина попечений о скоте, они сверх того занимаются рукоделиями и приготовлением одежды себе и детям, они же должны заботиться обо всем нужном для мужей своих, даже иногда седлать им лошадей и сажать их верхом. За все сии труды награждены они рабством, имеют в мужьях своих владельцев, или господ⁹. Правда, что их не заключают в гаремы и предоставляют им свободу в обращении с мужчинами, но снисхождение сие невольное, ибо: 1) заключение жен введено там, где у всякого их по несколько, где климат и сложение тела подвергают добродетель их всегдашней опасности и где ревность их может производить беспорядки не только в домашней, но и в гражданской жизни. Киргизы же, как увидим далее, кроме богачей, имеют большею частью только по одной жене, и женский пол у них не может нарушать общественного порядка, потому, что сей порядок не существует; 2) народы, у которых есть серали, ведут жизнь постоянную и запирают женщин внутри домов своих, но киргизская кибитка не может защитить от любопытных и не остановит поползновения к неверности; 3) турки, персияне и почти все прочие поклонники Магомета имеют у себя невольников, которые женам господ своих доставляют возможность жить в вечной праздности, и евнухов, которые охраняют гаремы от всяких покушений. Киргизы же очень редко держат у себя первых, и к счастью соседей своих, совсем не знают последних; сами же ленивы, следовательно, жены их, занимаясь всеми домашними работами, не могут не показываться сторонним мужчинам.

К трудолюбию киргиз-казачки присоединяют свойственные полу их добродушие, чадолюбие и сострадательность. Бывшие у киргизов в плену отзываются о них гораздо лучше, нежели о мужчинах.

⁹ Один французский писатель, говоря о религии и нравах секты несериев, пишет: *Les femmes sont regardees comme faisant partie des bestiaux de la maison* (Journal Asiatique 1824; 27 Cahier).

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ

ОБЫЧАИ

Обычаи и обряды народа составляют часть нравственности его. Познание оных столько же нужно для политика, как и для историка. Из описания обычаев наблюдательный ум может извлекать истины очень важные.

Мы начнем сию статью вычислением главнейших обыкновений киргизов в домашней жизни и потом перейдем к обычаям общественным:

РОЖДЕНИЕ

Рождению киргиза предшествует суеверие. Коль скоро беременная женщина почувствует приближение родов, то призывают к ней гадателей, или баксов, которых присутствие и предсказания почитают средством к облегчению страданий родильницы.

У иных же, особенно в Средней орде, к родам приглашают всех ближних соседей, как мужчин, так и женщин, и потом, когда все соберутся, протягивают чрез кибитку или юрту веревку, по которой заставляют родильницу ходить взад и вперед. Когда настает минута ее разрешения, то одна из присутствующих родственниц или приятельниц обхватывает ее руками и давит ей живот с намерением ускорить рождение младенца. Если силы одной женщины недостаточны для произведения желаемого действия, то место ее заступает мужчина или ей помогают несколько других женщин. Всякий входящий при сем случае в кибитку, должен родильницу ударить три раза полою платья и сказать: “Чык” (выходи).

ИМЕНА

Имена младенцам даются иногда тотчас по рождении, а иногда по прошествии года, или когда они начнут ходить. В выборе имен отец и мать не руководствуются ничем, кроме произвола своего. Иные заимствуют их от урочищ, от очертания лица и обстоятельств, предшествовавших рождению, другие от имени первого вошедшего в кибитку при родах, многие стараются подбирать всем сыновьям своим имена сходные, сообразуясь с именем старшего. Например, я знал четырех братьев: Аргимбая, Алчибая, Алтымбая, и Миндибая.

Для любопытных приведем здесь еще несколько имен мужских и женских:

МУЖСКИЕ

Арслан,
Булька,
Абульгазы,
Идига,
Ишгазы,
Маненбай,
Яманча,
Мендиар,
Азимджан,
Каратай,
Иссянгильди,
Чуман,
Якаш и проч.

ЖЕНСКИЕ

Папай,
Айханым,
Ханымджан,
Кале,
Ани,
Тойбигя,
Чонум,
Каблань,
Майдана
и проч.¹

ОБРЕЗАНИЕ

Постановление Магомета об обрезании соблюдается киргизами с несравненно большею против прочих законов Корана точностию. Они совершают оное над детьми своими от 3 до 10 лет их возраста, большею частию посредством мулл, нарочно обучающихся сему искусству и исполняющих оное при чтении молитв как священный обряд религии. Родители в то время дают праздники.

ВОСПИТАНИЕ

По рождении младенцев пекутся только о прокормлении их. Рубашек им не делают, но завертывают их в какое-нибудь полотно или от холода — в овечьи шкуры. Малютки, выползая из таковой одежды нагие, иногда в горячую золу, а иногда на снег, с первых дней своей жизни приучаются ко всем переменам воздуха.

Некоторые матери сыновей своих пеленают и кладут их между коленами и ступнями подушки для того, чтобы ноги их сделались несколько вогнутыми, и от того более способными к верховой езде. Само собою разумеется, что

¹ Муж, по мнению киргизов, никогда не должен сказывать другому имени жены своей, если его о том спрашивают.

в кочевом народе отцы не могут употреблять трудов на воспитание сыновей своих, и что уменье смотреть за стадами и ездить верхом на требуют больших попечений. О женщинах, родящихся для работ и услуг своим мужьям, нельзя сказать того же: они непременно должны заниматься обучением дочерей своих разным искусствам, необходимым в домашней жизни, как то: прясть, ткать, шить одежды, готовить пищу, делать разные узорчатые занавески, вышивать шелком, золотом и проч.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Выше говорили мы, что, следуя Ал-корану, киргизы соблюдают многоженство. Число жен, однако же, редко соответствует у них желаниям мужей, потому что они приобретают их покупкою, которая называется калым и возрастает с количеством жен², так что вторая стоит дороже первой, третья — дороже второй и так далее. По сему правилу, несколько жен может иметь токмо богач, а недостаточные простолюдины вообще имеют по одной. Нурали, хан Меньшей орды, имел 16 или 17 жен и сверх того около 15 наложниц (которых также можно держать и которых дети мало отличаются от законных), а потому он был отцом 32 сыновей и 33 или 34 дочерей.

Молодые мужчины большею частию не по выбору своему берут первых жен, но по назначению родителей, девицы же всегда подчинены воле их. Оттого истинная привязанность между супругами встречается редко. Многие отцы, особенно знатные и богатые, сговаривают детей своих еще в пеленах.

Первое основание брака составляют условия о числе калыма и сроке уплаты оногo. Когда условие сделано, то мулла освящает его, трижды вопрошая отцов или родных жениха и невесты: *согласны ли они соединить своих детей?* — и читая молитвы о благоденствии будущих супругов при свидетелях или посредниках, избираемых для решения споров, которые впоследствии времени могут возникнуть между договаривающимися сторонами. Сговор сей заключается каким-нибудь пиршеством, приглашением гостей и разными забавами.

² Количество калыма не определено. У бедных он состоит из 5, 6 и менее овец, а у богачей доходит до 200 лошадей или 500 и 1000 овец, с прибавлением разного рода имущества и иногда невольников или невольниц.

Потом жених или отец его начинают выплачивать калым, а отец невесты prepares ей приданое, какое желает или какое обещался дать³. Пока калым не выплачен, свадьба не совершается, но жених имеет право посещать невесту наедине и даже спать с нею вместе, не нарушая, однако же, целомудрия.

В некоторых поколениях и родах свидания сии сопровождаются следующими обрядами. Перед отъездом жениха к невесте отец его делает домашнее торжество: призывает муллу, читают за здоровье отправляющегося в путь молитвы и поют в честь его песни, наряжают его в богатое платье, дают ему лучшее седло с красивою сбруею, хорошую лошадь и отправляют. Прибыв в аул своей будущей подруги, он является к отцу ее или старейшему в семействе, объявляет цель своего прибытия, испрашивает позволения разбить свой белый шатер или палатку и ищет подарками и угождениями приобрести дружбу жены невестинного брата или другой подобной ей родственницы, с тем, чтобы она могла быть посредницею сношений его с нареченною женою, которую между тем от него скрывают. Таковыми средствами и подарками всем женщинам, принадлежащим к семейству, достигает он наконец предмета своих желаний: ему приводят в шатер невесту, и оставляют с нею наедине.

Хотя свидание сие иногда бывает первым в жизни для обоих будущих супругов, но поелику предшествовавшие оному обряды исполнены, и калым ежели не весь, то частью выплачен, следовательно, отступить в сие время от заключенного до половины супружества нельзя, без гонения родителей или мщения и взысканий обиженной стороны. Впрочем, к такой решительной мере не приступают почти никогда и потому, что девицы не смеют открыто желать, а мужчина имеет средство утешить себя в одном неприятном для него супружестве другим, по собственному выбору. И опять от сего обычая страдают только одни женщины.

После первого посещения невесты жених в некоторых местах получает право всегда видеть ее наедине и потому оставляет в ее ауле белый шатер свой⁴ до свадьбы; в других он должен возвратиться к отцу и не возобновлять

³ В числе приданого непременно должна быть кибитка, в которой будет жить невеста, сделавшись женою.

⁴ Обряды сии возможны только людям достаточным; бедные сокращают их поневоле.

свиданий своих с невестою до совершенной уплаты калыма.

Если прежде свадьбы один из сговоренных умрет, то разбирается, имел ли жених тайные свидания с невестою или нет. В первом случае ему или родственникам его возвращается $1/2$ отданного им калыма, во-втором — $4/5$, остальное предоставляется родным невесты. Разбор сей делается потому, что нареченные супруги весьма часто поспевают в тайных свиданиях наперед воспользоваться будущими правами своими, а корыстолюбивые родственники невесты представляют возможность преступления, как право на удержание не принадлежащего им имущества.

Если от преждевременных наслаждений невеста делается беременною, то, совершив скорее свадьбу, отдают ее жениху, хотя бы калым не был выплачен.

Когда же все идет должным порядком, и жених, выплатив калым, желает окончить свадебный обряд, то он дает знать о том будущему тестю и, наконец, сам является к нему с близкими своими. Тут родственники невесты приступают к нему с требованиями подарков: один снимает с него халат, другой шапку, третий берет пояс, узду, седло и проч., и всякий приговаривает: *это за воспитание невесты*. Равным образом (как увидим ниже) поступают и родственники мужа, когда привезут к ним приданое молодой жены.

Пока готовят приданое, подруги и приятельницы невесты собираются к ней по вечерам работать, одевать ее и петь песни⁵.

По окончании всех свадебных приготовлений, жениха и невесту, наряженных в лучшее платье, приводят в кибитку, назначенную для совершения брака. Мулла ставит их посредине, ставит пред ними чашу с водою и, накрыв оную полотном, читает молитвы; потом спрашивает соединяемых, охотно ли они приступают к браку, и трижды поит их водою, наконец, дает оную пить всем предстоящим. Если же сих последних много, то он только окропляет их. Некоторые муллы в чашу с водою кладут при сем случае стрелу с привязанным к ней клочком от гривы жениховой лошади и с лентою невесты, другие вместо того погружают в воду написанные на бумаге молитвы.

⁵ Это русские девичники.

После сего главного обряда, который соответствует венчанию христиан, новобрачной надевают на голову вместо девичьего женский убор и сажают ее посреди кибитки, в которой собравшиеся около нее женщины поют песни. Молодой муж подъезжает к дверям оной и просит позволения войти, но его долго не пускают. Наконец, он врывается, силою отнимает жену, выносит ее, сажает с собою на лошадь, и увозит или к себе⁶, или в приготовленную для них в том же ауле кибитку, и тут уже никто не нарушает их уединения.

В некоторых частях Меньшей и Средней орд невесту в день свадьбы носят по всему аулу на ковре, прощаться. В Большой орде, она сама ходит и прощается со всеми.

Во многих поколениях обычай врваться новобрачному в кибитку молодой супруги и силою увозить ее, не существует. Вместо того, после совершения брака женщины отводят молодую на ночь в белый шатер, где она видалась с женихом, еще будучи невестою, и оставляют ее там, по удалении провожатых туда же приходит и жених. Между тем к шатру привязывают лошадь с нарядным убором и халат. Поутру, если молодой муж нашел жену свою добродетельною или, по крайней мере, невинною против него, надевает приготовленный ему халат, садится на лошадь и приезжает с радостным лицом к тестю, где между тем ожидают его приветствия и поздравления созванных гостей. Если же муж находит жену свою виновною и если не сам он участник преступления ее, то имеет право приготовленную для него лошадь заколоть, одежду изорвать, кибитку изрубить и, покрыв таким образом преступницу позором, требовать от отца ее возвращения калыма или другую дочь без всякой новой платы.

Заметим здесь мимоходом, что строгие требования сии, введенные древними обычаями, ныне очень ослабели, как говорят старики, потому что целомудрие вообще не так сохраняется, как прежде.

Счастливо оконченная свадьба заключается празднествами, пирами, скачками и разными играми.

К отъезду новобрачных от отца молодой жены собирается весь аул, в котором она жила. Тут отец торжественно вручает зятю навьюченное на верблюдах и лошадях

⁶ Рубруквис пишет в 9-й главе своего "Путешествия", что обычай сей существовал в его время (1254 году) у монголов. Они доньше соблюдают оный, как видим из "Путешествия в Китай чрез Монголию" г. Тимковского (т. III., с. 316).

приданое, а потом делает дочери своей наставления, увещевает ее быть верною и добродетельною, прощается с нею и, наконец, посадив ее на лошадь, подводит за повод к мужу⁷. Молодые супруги отправляются обыкновенно при слезах и воплях собравшихся на прощанье женщин.

По приезде в аул мужа отец его дает праздник и созывает гостей. Между тем возле кибитки его ставят кибитку новобрачной и выкладывают приданое ее, из которого жадные родственники поспешают выбрать себе то, что им нравится, и дарить ей в замену другие, по большей части худшие вещи. К приданому жены немедленно присоединяется и та часть имения, которую отец отделяет всякому женатому сыну.

Для доказательства расторопности и рачения молодая жена обязана несколько дней по прибытии в аул мужа, вставая как можно ранее, ходить открывать верхи кибиток у родственников его.

Сколько бы жен киргиз не имел, всякая из них при малейшем его достатке, живет в особой кибитке, или юрте, потому-то и полагается правилом, что невеста должна в приданом своем непременно иметь кибитку.

Старшая, или первая, жена называется байбича (богатая жена) [1], она одна — настоящая хозяйка дома. Если бы муж и не любил ее, он обязан иметь к ней уважение и внушать оно прочим женам своим, которые между тем, будучи все равны, не имеют никаких друг пред другом преимуществ и находятся в некоторой зависимости от байбичи. Впрочем, приданое их не мешается и всегда остается принадлежащим той, за которую получено. Осторожные мужья даже и скота жен своих никогда не смешивают в одном стаде. Обыкновение сие введено для того, чтобы имущество матери доставалось только ее собственным, а не другим детям ее мужа.

Байбича может оставить мужа, если имеет к тому важные причины, и возвратиться к родным своим, младшие жены не могут сделать того же [2].

По смерти мужа старший брат его или старший сын вступает в управление домом. Дядя, заступивший место отца, обязан выдать племянниц замуж с приданым, которого количество хотя не определено, но должно быть

⁷ Иногда вместо отца совершает обряд сей один из почетнейших родственников.

соответственно состоянию семьи, а остальное имущество разделяется между племянниками.

Многие киргизы женятся на калмычках, не принуждая их переменять религии, но в выборе жен из своего народа соблюдают самые отдаленные линии родства. Многие даже почитают непозволительным брать жену из одного с собою родового отделения. Например, джаголбайулинец не женится на женщине, принадлежащей к роду джаголбайлы, но будет искать себе жену в другом поколении или, по крайней мере, в другом роде семиродского поколения. Впрочем, правило сие не общее. В противоположность оному некоторые киргиз-казаки признают, что по смерти одного брата, другой, делающийся главою его семейства, имеет право жениться на одной из младших жен покойника⁸ [3].

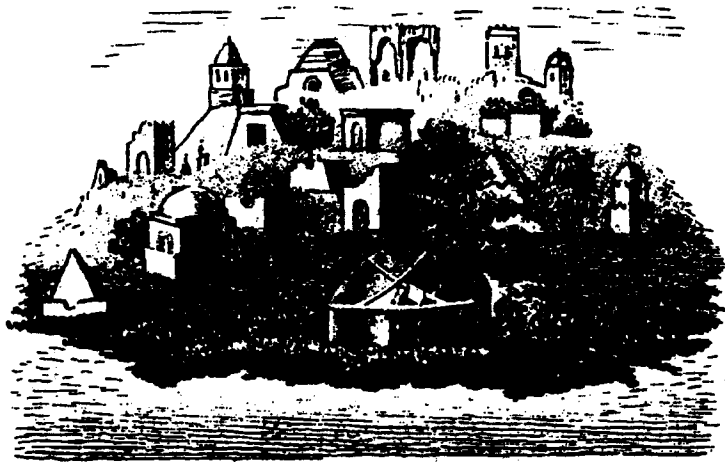
ПОГРЕБЕНИЯ И ПОМИНКИ

Смерть киргиза, по обычаям народным, должна быть сопровождаема не только печалию его родственников, но всеми знаки вольного или невольного отчаяния жен. Коль скоро покойник испустил дух, они обязаны немедленно поднять вопль и крик, плакать, биться, царапать себе лицо и рвать волосы, вычисляя добродетели умершего, храбрость его и важнейшие подвиги.

Трагические представления сии продолжаются весьма долго, иные, до истечения года, ежедневно возобновляют их по утрам и вечерам пред куклою, или болваном, который, будучи одет в платье покойника, служит плачущим вместо его изображения. Последний обычай более существует в некоторых частях Средней орды.

Мертвое тело поспешно обмывается, наряжается в лучшее платье или пеленается в холст и кладется на ковер. Потом становятся около него все ближние, а мулла между ими читает молитвы и прославляет отличные качества покойника. Наконец, несут или везут его на верблюде к могиле в сопровождении родственников и плачущих женщин, с навязанным на длинном шесте черным платком вместо знамени. По прибытии на место погребения опять читают молитвы и потом уже опускают тело в могилу. Иногда зарывают вместе с телом оружие, конскую сбрую и уборы умершего, иногда же сверх того убивают лошадь

⁸ Обыкновение сие весьма ясными словами запрещено в Коране (гл. 4).



Кладбище на острове реки Сира

его, и мясо оной, сварив, едят, а кости на той же могиле сожигают.

С могилы все возвращаются в аул покойника есть и пить, причем, у набожных магометан опять читают молитвы за упокой души. Между тем посреди или возле той кибитки, где жил усопший, выставляется на шесте черный платок или кусок какой-нибудь черной ткани, для означения траура, и знак сей остается на целый год⁹. Иные на празднествах, делаемых при похоронах, раздают почетнейшим гостям подарки из имущества умершего, которое тогда выкладывается для зрителей наружу. У других гости получают при сем случае только кусочки одежды покойника на память.

Богатых людей, умирающих зимою, в некоторых поколениях Средней и Большой орд, вместо погребения вешают на деревьях, обернув в войлок или в полотно, весною же отвозят их в Туркестан и хоронят там близ гроба киргизского пророка Ходжи-Ахмета.

Могилы копаются так, чтобы из главной ямы была в боку другая маленькая, и в сию-то последнюю кладется мертвое тело для того, чтобы земля, которая насыпается на главную яму, не давила покойника. Иногда с той же

⁹ По смерти Абулхайра жена его ханша Папай писала к Тевкелеву, чтобы он прислал ей черное знамя, "которое обняв, слезно плакала бы она и с которым бы кочевала".

целью делают в могиле сруб или плетень, и накрывают досками, а потом уже сыплют землю. Возвышенные места и холмы предпочтительно избираются киргизами для погребения умерших. Иные сверх того еще делают над ними насыпи или ставят разного рода памятники.

Вид кладбища киргизского есть одно из любопытнейших зрелищ для путешественника. Тут утомленные однообразием и пустотою степей глаза останавливаются или под тенью дерева¹⁰, или на складенных из камней и глины пирамидах, башнях и высоких оградах. В одном месте видит он копыя с развевающимися на них конскими гривами, лентами и платками; в другом — решетки, служившие стенами кибитки, или каменные и деревянные чалмы, а иногда просто груды камней. На могиле славного наездника находит он седло с копьем, лук, стрелы, над птицеловом — какое-нибудь грубое изображение беркута или ястреба¹¹, над младенцем — колыбель и проч.

Над гробом хана Абульхайра на речке Улкиаке в 470 верстах от Орской крепости было построено квадратное здание со сводом, под которым положено тело с саблею, копьем и стрелами. Посаженное над ним дерево принялось, и хан признан святым.

Могила одного известного бия Джаны (около урочища Тюгушкана) со всех сторон обнесена каменною стеною выше сажени с глиняными по углам башнями.

Верстах в 50-ти от Усть-Уйской крепости на берегу Тобола стоят также развалины каменного строения на могиле одного киргиза. Такого же рода памятники находят во многих других местах.

Кроме кладбищ, принадлежащих киргиз-казакам, в степях их находятся многие древние могилы, которые приписывают они ногайцам, некогда в сей стране обитавшим. Ногайские могилы отличаются высотой, обширностью и часто состоят их огромных насыпей таких камней, кои привезены издалека; иногда находят в них золотые и серебряные украшения для конской сбруи, монеты и проч.

Киргизы несколько раз поминают своих родственников, и обряд сей наблюдается ими весьма точно. Поминки совершаются после смерти чрез 40 дней, чрез 100 дней, и чрез год; а у иных и чрез 9 лет.

¹⁰ Выше заметили мы, что если дерево, посаженное над могилою, примется, то погребенный в ней признается святым (авлия).

¹¹ Некоторые зарывают вместе с мертвыми посуду, им принадлежавшую.

Важнейшими почитаются те, которые делаются по прошествии года. Случай сей требует необходимого и богатого праздника, а потому при разделе имения покойника старший в семействе непременно отделяет часть на поминки, родственники со своей стороны также жертвуют для сего праздника, кто чем может. Если оно несоответственно богатству или званию умершего, то наследники подвергают себя укоризнам встревоженной тени его и покрываются стыдом в глазах своих знакомых. У богатых людей годовые поминки чрезвычайно дорого стоят. Пригласив множество гостей, выслушав молитву за упокой души усопшего, призвав тень его и вычислив знатнейшие его подвиги в жизни, закалывают белую лошадь, варят ее и присоединяя к прочим, заранее приготовленным кушаньям, начинают ее есть и пить кумыс. Потом приступают, так же, как на свадебных пирах, к играм, скачкам, песням и разным другим забавам, в которых отличающиеся проворством и искусством получают от хозяев награды и иногда весьма значительные. Бывшие на поминках известного в Меньшей орде батыра Сырыма [4], уверяли меня, что оные стоили наследникам и родным более 2 500 овец, до 200 лошадей, до 5 000 ведер кумысу, несколько кибиток, панцирей и множество разных других вещей, розданных отличнейшим наездникам, стрелкам и борцам. При таком же празднике в память Средней орды батыра Хангильды употреблено, как говорят до 5 000 овец, до 250 лошадей и проч.

Свадьбы, похороны, поминки суть обряды, относящиеся к семейственной жизни, но праздника и увеселения, которые их сопровождают, суть уже обряды общественные. По сей неразрывной связи одних с другими мы перейдем теперь от первых к последним.

ПРАЗДНИКИ И ЗАБАВЫ

Празднества киргизские состоят в следующем:

Коль скоро приглашенные гости соберутся, хозяева просят двух или трех из почетнейших посетителей угощать прочих и смотреть за порядком, самых же знатнейших избирают для раздачи наград в играх. Потом разносят по всем очищенным для праздника кибиткам кушанья и огромные чаши с кумысом¹². Подкрепив силы,

¹² Богатые родственники и приятели в пособие хозяину привозят с собою на празднества свой кумыс и даже пригоняют скот для угощения.

приступают к разным играм и забавам, как то: к борьбе, скачке, стрельбе из лука, песням и музыке.

Если скачка по качеству или количеству лошадей заслуживает внимания, то ею начинают праздник. В сем случае все зрители собираются около цели, к которой положено прискакать и возле которой расставляют награды, предназначенные отличнейшим из лошадей; тут же и судьи, избранные для раздачи оных. Между тем другая часть судей или посредников отправляется к тому месту, с которого должна начаться скачка и наблюдает, чтобы все желающие участвовать в ней пустились с одной линии и в одно мгновение по данному знаку. Место отъезда избирается от цели в 20, 25 и 30 верстах, иногда в 50 и 60; некоторые уверяют; что случается и далее. На первой половине сего пути порядочные ездоки (избираемые почти всегда из мальчиков) сдерживают своих лошадей и берегут их силы, а на второй уже пускают во весь дух. Если лошадь утомится, приближаясь к цели, то хозяин и родственники или приятели его, выезжающие обыкновенно навстречу скачущим, не останавливая ее, накидывают ей на шею один или два аркана, начинают четырьмя или пятью плетями погонять ее, тянут за узду, кричат, шумят, и тащат ее таким образом к мете. Беда тому, кто в сие время неумышленно или, как иногда бывает, с намерением замедлить бег лошади попадает на пути скачущим. Горячность, в которую они тогда приходят, дикие крики их, шум, топот и облака пыли не позволяют им ни видеть, ни слышать. Нередко лошади до того утомляются, что достигнув меты, мгновенно падают мертвыми.

Само собою разумеется, что первый всадник, прискакавший к цели, получает драгоценнейшую из наград, второй — следующую за нею и так далее. У знаменитых богачей для первого приза иногда назначается до 100 лошадей, или несколько невольников, верблюдов, панцирей, халатов и сотни овец, а на последний часто достается одна коза.

Есть другого рода скачки у киргизов, в которых мужчины спорят о ловкости и искусстве в верховой езде с женщинами или девушками. Тут забавляющиеся обоего пола ездоки разделяются попарно, и каждый мужчина обязан, догнав ту, которая с ним в паре, остановить ее, или, по крайней мере, рукою коснуться до ее груди. Как ни грубы киргизские красавицы, однако, они до сей сво-

боды допускают только тех, которые им нравятся, от прикосновения же неприятной руки освобождаются они ловкостью, увертками и, наконец, в нужде, плетью, которой удары большею частью соразмеряют со степенью привязанности или ненависти к преследователям своим. Таким действительным средством не мудрено женщине поставить мужчину в почтительное от себя расстояние, тем более, что ей не запрещено оставлять следы своего гнева и на лице нерасторопного человека.

Второе место в забавах киргизского народа занимает стрельба из лука. Умеющие владеть оружием сим пускают стрелы в цель не только стоя неподвижно на земле, но на скаку с лошади и даже стоя на седле. Некоторые стреляют в бросаемые пред ними вверх шапки и кольца. Это напоминает карусели европейских рыцарей!

Борьбу киргизы также довольно любят и борются с искусством, схватывая друг друга за пояса, но кулачного боя не знают.

На праздниках или пирах¹³ по несколько десятков человек пускаются бегать и, хотя все киргиз-казаки вообще имеют очень мало проворства в ногах, однако, отличающиеся в беганье пред прочими, равно как искуснейшие стрелки из лука и победители в борьбе, получают награды, но награды очень маловажные в сравнении с теми, которые даются на скачках.

Люди, искусные в гимнастических упражнениях, или имеющие отличных скакунов, могут являться на праздники и показывать способности свои или лошадей своих, не быв приглашены.

Показать гибкость своего тела, поднять что-нибудь с земли на скаку, подвернуться под лошадь, усидеть на седле, когда один или двое тянут всадника с лошади арканами — вот опыты удалства, которыми киргиз-казаки наиболее привлекают внимание зрителей на празднествах. Между играми вместе отдыха молодые гости обоих полов поют.

Ниже будет сказано, что песни киргизские почти всегда импровизируются, это обстоятельство делает их чрезвычайно занимательными и разнообразит увеселения поющих. Они или разделяются на два хора, из которых

¹³ Киргизы борются и бегают взапуски большею частью полунагие, а иногда и совсем голые.

в одном женщины, а в другом мужчины, или составляют пары для дуэтов.

Женщины в песнях выражают преимущества своего пола и жалобы на мужчин, мужчины, в свою очередь, оправдываются, выхваляют себя и описывают прелести любви. Как с той, так и с другой стороны говорят иногда колкости и довольно остроумные ответы, которые тотчас замечаются и выхваляются слушателями.

В зимнее время молодые киргизы и киргизки еще иначе забавляются. В декабре месяце 1820 года на празднике у одного из султанов, кочевавших тогда около озер Каракуль, мне случилось видеть следующую игру: сначала играющие мужчины и девицы сели все в один круг, потом хозяин принес небольшую баранью косточку, и, положив ее на колени одной из девушек, предложил развязнейшему из мужчин открыть игру. Гость тотчас встал, сложил руки назад, подошел к той девице, на коленях которой лежала косточка, и стоя, начал нагибаться с тем, чтобы взять ее зубами, не разводя рук и не трогаясь с места. После него все мужчины начали делать то же, и похвалы с веселыми криками сыпались на тех, которые достигали своей цели с точностию; неловкие же получали от девицы, державшей косточку, по несколько легких ударов плетью.

Когда все мужчины, в круге сидевшие, испытали по очереди свою гибкость, началась другая игра. Один из них взял ту же косточку в зубы, и все женщины должны были подходить к нему с тем, чтобы зубами же выдернуть ее у него прежде, нежели он закроет оную губами своими. Проворные исполняли сию обязанность довольно удачно; неповоротливая должна быть целовать того, который держал косточку.

На иных праздниках бывают видимы еще другого рода забавы, например: силачи вырывают у живого барана ноги, или бросают в большую чашу с кумысом монеты, и желающие должны отыскивать их на дне ртом и проч. Многие киргизы находят особенное удовольствие смотреть на прозорство знаменитых едоков, которые на праздниках являются для распространения своей славы и истребляют невероятное множество мяса и кумысу.

Наконец, на пиршества приглашаются для увеселений отличнейшие музыканты с кобызами, чибызгами и бала-лайками [5].

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ ЗНАКИ ВЕЖЛИВОСТИ

Встречи и приветствия, которые киргизы при свиданиях делают друг другу, определяются степенью их знатности, богатства и сердечного расположения.

Человек, ничтожный к хану или сильному султану, не смеет подходить иначе, как сложив руки на груди и низко кланяясь, а если тот, к кому он подходит с таким подобострастием, пожелает в знак особой милости протянуть ему руку, то он сжимает ее обеими своими руками, становясь на одно колено. Человек среднего состояния подходит к своему начальнику с поклоном, но не складывая рук. Хан же, или сильный повелитель, в ответ на приветствия своих подчиненных кладет руку на плечо простолюдина, жмет руку того, к кому имеет уважение, и обнимается с приятелями своими. Если киргиз встречается на пути человека знатного или богатого, то сходит с лошади и обеими руками своими сжимает одну его руку, если же встретит хана, должен остановиться на дороге и дожидаться, пока он проедет, между тем наклоняет голову, прижимает руку к груди и громко приветствует его.

Люди равного звания, но некоротко знакомые, только жмут друг другу одну руку; приятели подают одному обе руки, и потом сперва протягивают оные в одну сторону, а потом в другую, или наоборот, прижимая между тем грудь к груди. Движения сии занимают место обнимания.

Женщины также должны соблюдать при встречах общепринятые обряды. Женщины равного состояния просто кланяются одна другой, не протягивая рук и никогда не целуясь; но пред ханшею или знатною султаншею должны они потупить взоры и, кланяясь, гладить себя по щеке рукою. Пред старшими родственниками молодая женщина становится на одно колено.

Правителям слабым и султанам без власти чернь отказывает даже и в наружных знаках почтения, пред сильными соблюдают их очень строго.

Когда родоначальник любим, или почтен, все приходят к нему просить советов. Отправляясь на баранту или в какой-нибудь поход, требуют от него наставлений. При последнем случае читают иногда молитвы, клянутся быть согласными и приносят в жертву лошадь или другое какое-нибудь животное белое. Если же белого нет, то выбирают такое, на котором по крайней мере пятно белое, особенно на лбу, и потом его съедают.

ИЗБРАНИЕ ХАНА

Любопытный и важнейший обряд киргиз-казачий есть избрание хана. Опишем оный подробно.

Как скоро в назначенное для сего время и место начнет собираться народ, тотчас открываются частные совещания, тотчас составляются маленькие круги для решения, кого избрать себе главою и кому поручить быть представителем каждой толпы в верховном Совете знатнейших правителей народных? Когда число прибывших на выбор делается довольно велико, назначают решительное общее собрание и расстилают рядами ковры и войлоки, на которых султаны, старейшины, бии и родоначальники садятся по старшинству в знатности или власти, а простой народ становится за ними сзади. Начало сего заседания, как и везде, тихо, а окончание всегда шумно. Почетнейшие по летам и опытности открывают оное, смелейшие оживляют, сильнейшие дают направление и, наконец, все вместе производят споры, которые продолжают иногда дня два, три и более. Когда же хан избран, несколько знатных султанов и старшин идут объявлять ему о том, сажают его на тонкий белый войлок и, подняв на головы свои, опять опускают на землю. Тут на смену их с стремлением бросается народ также поднимать нового повелителя своего и качать его несколько времени при громких восклицаниях и криках. В заключение войлок, служивший вместо трона, а иногда самую одежду ханскую разрывают на мелкие части, и всякий старается унести с собою какой-нибудь из них лоскуток, как памятник того, что он был участником выбора.

Обычай сей есть остаток времен чингисовых. План-Карпин [6] говорит, что в его присутствии¹⁴, Каюк [7], восходя на престол деда своего Чингиса, был также посажен на войлок и поднимается вверх знатнейшими чиновниками монгольскими. Гайтон пишет¹⁵, [8], что и сам

¹⁴ Voyage de Plan-Carpin en Tartarie, en 1246 et 1247 vid. Chap. IX.

В Издании сего путешествия Бергероном вместе Каюк (Caуuc) напечатано Суупе. Ошибка сия, без всякого сомнения, принадлежит не сочинителю, но переписчику или типографщику. Человеку, не знающему истории чингисовых потомков, немудрено по сходству литер читать Суупе там, где неясно написано Сауус, или Сууус, но План-Карпину невозможно было изуродовать таким образом имя сего хана.

¹⁵ Histoire des pays Orientaux, Ch. 16.

Чингис был таким же образом качаем при избрании его в ханы. Пети-де-ла-Круа повторяет то же¹⁶ [9].

Благодарность нового хана за полученное достоинство изъясняется немедленно праздником, который он дает все-му присутствующему народу и на котором не щадит он ни баранов, ни лошадей, ни кумысу.

Желая придать в глазах непросвещенных азиатцев более важности званию ханов, правительство русское положило всегда сопровождать утверждение их великолепием и разными церемониями. Обыкновение сие постоянно соблюдается со времени избрания в ханы Меньшей орды Нурали. Для любопытных читателей, мы представим в пример описание торжества, с которым в 1812 году был возведен близ Оренбурга в ханы бывший султан Меньшей орды Ширгазы, сын Айчуваков.

По получении известия об утверждении избрания Государем императором военный губернатор оренбургский, князь Волконский [10], назначил день для торжественного возведения и дал знать как самому хану, так и знатнейшим султанам, родоправителям и старейшинам киргизским, чтобы они к 23 числу августа прикочевали с народом к левому берегу Урала.

22 августа один штаб-офицер с несколькими обер-офицерами и переводчиками послан был в степь объявить приблизившемуся к границе хану, что на другой день будет торжество.

23 числа начало церемонии возведено в 7 часов утра тремя пушечными выстрелами с крепости. В 8 часов один штаб-офицер с двумя обер-офицерами и конвоем приехал сказать Ширгазы, что приготовления кончены и что его просят отправиться на место торжества.

Между тем посланы были к нему карета и две коляски. В карету сел он сам с одним султаном, с присланным к нему штаб-офицером и переводчиком, коляски наполнялись почтеннейшими султанами и приближенными. Впе-

¹⁶ В *Histoire du Grand Genghizcan*, печат. в Париже 1710 года на стр. 78 сказано: *Sa harangue finie, en le fit metre, sur un feutre noir(?) qu'on avoit etendu sur la terre, et la personne qui etoit chargee de porter la parole, lui annonca hautement la volonte des peuples Mogols. // Lui remontra, que quelque pouvoir, qu'il eut, il le tiendroit du Ciel; que Dieu ne manqueroit pas de benir ses desseins s'il gouvernoit ses sujets avec justice; et qu'au contraire il le rendroit miserable, s'il abusoit de sa puissance: ce que lui marquoit le feutre sur lequel il etoit assis. Apres cette remontrance, sept Cans, le releverent d'un air de ceremonie, et le porterent sur le trone, qui avoit ete prepare au milieu de l'assemblee.*

реди ханской кареты ехали два офицера с четырьмя урядниками, сзади оной — 50 казаков. За прочими экипажами следовали толпы конных киргизов.

В то же самое время, когда отправился хан от своей кибитки, выехал под данному знаку и военный губернатор из крепости. По прибытии обоих на место торжества стоявшие в ружье войска отдали честь, забили в барабаны и заиграла музыка. Войска при сем были следующие: 200 казаков оренбургских, один полк тептярский, 300 башкирцев, гарнизонный полк пехоты и артиллерийская рота.

Тотчас по приезде военный губернатор, взойдя вместе с ханом на приготовленное возвышение, объявил всему собравшемуся народу Высочайшую волю Государя на утверждение Ширгазы и велел читать императорскую о том грамоту на русском и татарском языках.

Потом хан стал на ковре на колени и произнес торжественно пред Ал-Кораном присягу в верности России, повторяя слова оной вслед за читавшим ее по утвержденной форме первенствующим из магометанского духовенства. В заключение поцеловал он Коран, поднял его на голову и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи печать свою.

После того произведены были 21 выстрел из орудий артиллерии, бывшей в строю, и 11 выстрелов из шести орудий с крепости; из ружей пущен беглый огонь, барабаны зазвучали, и музыка опять заиграла. Между тем надели на хана присланные для него от двора соболью, богатою парчою покрытую шубу, шапку и золотую саблю с надписью его имени. Шапку надевал на него генерал-майор, шубу-полковник, а саблю — подполковник. Наконец, военный губернатор вручил ему императорскую грамоту на ханское достоинство и он, поцеловав ее, поднял на голову.

Тут все разъехались, но в 4 часа пополудни военный губернатор опять прислал к хану карету и коляски, для приглашения его со свитою к обеду. При входе его в комнаты заиграла музыка, за обедом, после императорской фамилии, пили за его здоровье с пушечною пальбою; после обеда дан был бал.

На другой день киргизы были угощаемы в степи без церемоний. На третий день в степи же сделан им прощальный обед и роздано множество подарков.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ

ПРОСВЕЩЕНИЕ¹

Ни образ жизни, ни нравы, ни религия не позволяют киргизам быть образованными. Все просвещение их состоит из нескольких слабых лучей, почти неволью озаряющих человека, который хотя немного мыслит, имеет воображение и принимает впечатления окружающих его предметов, но и сии познания их обезображены суеверием.

ЯЗЫК

Язык их есть испорченное турецкое наречие, в котором много слов не понятных как для турка, так и для татарина крымского, казанского, а иногда даже и для оренбургского. Сверх того, где турки и татары пишут *ш*, там киргизы говорят *с*, где у первых *я*, *у*, *иш*, *ио*, *ю*, там произносят они *джа*, *дже*, *джи*, *джо*, *джу*: вместо *г* употребляют *х*. Большую часть гласных выражают неявственно, а буквы *а* и *э* часто так смешивают, что их почти нельзя различать или, лучше сказать, составляют между сими двумя звуками третий, средний.

ГРАМОТА

Киргиз, понимающий Ал-Коран и, следовательно, знающий по-арабски, слывет чудом мудрости. Умеющий читать и писать на своем, т. е. на татарском[1] языке, почитается ученым, вообще же не знают они грамоты. Ханы, султаны и бии в сем случае не отличаются от последних подвластных своих² и имеют у себя письмово-

¹ Статья сия была напечатана в "Северном архиве" на 1825 год, откуда заимствована и переведена издателями парижского журнала "Bulletin des sciences Géographiques" 1827.

² Императрица Екатерина, желая пролить на киргизов хотя несколько лучей просвещения, указами 1782, 1784, 1785, 1786 и 1789 годов повелела строить для них на границе мечети и школы, учащихся содержать на счет казны, а отцам их оказывать преимущества, давать похвальные листы, подарки и проч. Воля ее была исполнена: строения сделаны, но всегда были пусты и, наконец, развалились. Столь же тщетны были до 1822 года труды шотландских миссионеров, живущих в некоторых пограничных городах русских и очень усердно старающихся проповедывать ордам киргиз-казачьим правила своей религии. После выезда моего из Оренбурга открыто там Неплюевское училище, в котором, как слышно, учатся с успехом и киргиз-казаки. Известие утешительное.

дителей или мулл, которые читают им получаемые бумаги и отвечают на оные.

РУКОПРИКЛАДСТВО

Повелители орд и родов к письмам своим только прикладывают печати, на коих вырезаны их имена. Та же печать, приложенная к белой бумаге, служит вместо доверительной грамоты тому, кто предъявит оную, слова его приемлются вместо письменного послания. Простолюдины, не имея печатей, употребляют тамги, или знаки, особенные для каждого рода и заменяющие подписи и гербы как в рукоприкладстве, так и в клеймении скота, или другого какого имущества³.

Для примера мы представляем в конце книги некоторые изображения сих знаков.

ПОЭЗИЯ И МУЗЫКА

При всей, однако ж, грубости и при всем невежестве киргизского народа мы находим в нем начала поэзии и музыки.

Моисей, Давид, Гомер, Полибий, Платон, Аристотель [3] говорят о существовании сих изящных искусств в те времена, когда мир, так сказать, еще был в пеленах; новейшие путешественники нашли их у большей части полудиких. Киргизы, столь близкие по многим отношениям к сим последним, представляют новое доказательство того, что человек родится поэтом и музыкантом.

Конечно, поэзия их не подчинена правилам науки, и они не сочиняют стихов, но, надеемся, что ни один просвещенный читатель не откажет им в понятиях о стихотворстве, когда узнает, что они, подобно древнейшим народам мира, имеют песни, в которых прославляют подвиги своих героев, описывают природу и поют любовь. Слова сих песен редко выучиваются и никогда почти не переходят в неизменном виде от одного к другому [4],

³ Тамги заимствованы киргизами у монголов [2], которые распространили их употребление не только в Средней Азии, но, вероятно, и в Индии, ибо у индийцев слово "тамга" означает то же понятие, что у киргизов. Г. Abel Remusat в "Recherches sur les langues Tartares, (Т.1, с.233) пишет: "Dans la langue vulgaire de l'Indostan, un certain nombre de mots d'origine Mongole, tels que: Darouga, Chef; Tamga, marque, distinctive etc.". Ланглес, встретив слово "тамга" (tamgha) в персидском переводе книги "Les Instituts politiques et militaires de Tamerlan", затруднялся, как выразить оное и, наконец, перевел словами: brevet d'officier(?).

но всякий сам сочиняет их, всякий киргиз сам импровизатор и по-своему выражает происшествия, мысли и чувствования, мешая их с изображениями встречающихся глазам предметов. Легко себе представить можно, что таковые внезапные произведения бывают по большей части бестолковы и уродливы, особенно там, где употребляются сравнения, которые, как известно, составляют любимую риторическую фигуру всех азиатцев; однако бывают между оными и удачные, в некоторых песнях встречаем не только гармоническое падение стихов, но даже иногда и рифмы.

Вот две киргизские песни в переводе:

Черны брови не сурмены,
Привязали вы меня к себе.
Я люблю верно тебя,
Отгоняешь ты меня.

Давай, давай овса лошади,
То пеший на дороге не останешься;
Отдай скотину за девку,
То век с ней не расстанешься.

Я сильно в тебя влюбился,
Позволь мне с собою поиграть.
Молоденек, молоденек для игры,
Лошадь упали тебе на шею.

Бросился ястреб на уток,
На стадо, стадо большое.
Я сам болен весь,
И еда на ум нейдет.

Против дверей вода стоит,
Моя пола обмочилася;
В том ауле две девки,
Обе в меня влюбились.

Сосна-дерево выросло,
На него туман упал;
Вчера к себе меня не пустила,
Когда-нибудь сама приласкаешься.

* * *

Видишь ли этот снег?
Тело моей милой еще белее.
Видишь ли эту кровь, текущую из зарезанного барана?
Щеки ее еще алее.
Видишь ли этот обожженный пень?
Волосы ее еще чернее.
Знаешь ли, чем пишут муллы у нашего хана?
Брови ее темнее чернил их.
Видишь ли пылающий уголь?
Глаза ее сверкают еще сильнее.

Песни киргизские сопровождаются иногда музыкою, иногда же составляют дуэты, терцеты и квартеты, в которых певцы поют один за другим по куплету. Содержанием таких концертов бывает или простой рассказ, или спор и соперничество в любви, или похвалы какому-нибудь знаменитому гостю, которого хотят почитать.

Место эпической поэмы занимают у киргиз-казаков сказки [5], исполненные чудес, волшебства и убийств. Герои оных часто подражают европейским рыцарям XII и XIII столетий; ездят по степям искать приключений, сражаются с колдунами, богатырями и славнейшими наездниками, входят в связи с женами своих неприятелей и освобождают несчастных от тиранства мужей, получают от красавиц своих талисманы, прославляют в песнях прелести их, разоряют, грабят для них аулы, похищают их и, наконец, привозят к себе для того, чтобы уделить им четвертую или пятую часть своего сердца. Одна мысль о такой награде за верность смущает душу европейской женщины, но киргизка, родившаяся и возросшая для рабства, принимают ее если не спокойно, то, по крайней мере, с покорностью и без удивления.

Красноречивые рассказчики умеют украшать повесть уподоблениями и природе подражающими словами: они голосами изображают крики разных животных, дополняют описания телодвижениями и, входя в положение своих героев, принимают в них самое живое участие. Во всех рассказах сего народа видно пылкое воображение и склонность к пиитическому энтузиазму.

Мелодия, или, говоря просто, голоса киргизских песен менее терпят изменения, нежели слова, ибо они почти все одинаковы, просты, однообразны, унылы и утомительны для слуха, как то можно видеть из прилагаемых в конце книги примеров.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Главные музыкальные инструменты киргизов суть *кобыз* и *чыбызга* [6].

Кобыз похож на старинный русский гудок и даже немного на скрипку, но не имеет верхней деки и состоит из выдолбленного полушара с приделанною к нему сверху ручкою и с выпуском внизу для утверждения подставки. Струны, на *кобыз* навязываемые, очень толсты и свиваются из конских волос. Играют на нем, сжимая его в коленях (как виолончель), коротким смычком.

Два пьесы Киргизы-Кизилы!

№ 1



№ 2.



Тоны, издаваемые сим инструментом, отменно грубы и нечисты, однако ж, я слышал на нем подражание пению разных птиц, очень близкое к природному.

Чибызга есть дудка, выделяемая иногда из дерева, а по большей части из камыша, и имеющая около аршина длины с тремя или четырьмя на конце прорезанными отверстиями без всяких клапанов и перегородок внутри. Играть на чибызге значит петь внутренностью гортани. После сего не мудрено заключать, что она в дикости и грубости звуков должна еще превосходить кобыз.

Некоторые из киргизов заняли у русских балалайки [7] и другого рода инструмент, который известен в разных местах Европы под разными наименованиями. В России простой народ называет его варган (орган) (guimbarde). Он делается обыкновенно из железа или стали, а играют на нем, прикладывая его к зубам и приводя в движение тоненький стальной прутик, занимающий в нем место струны [8].

Греки находили, что музыка необходима для исправления нравов; киргизы употребляют ее для распространения суеверия и для лечения больных.

Как то, так и другое видели мы при описании трагикомических представлений баксов, которые отправляют должности гадателей и лекарей.

ВРАЧЕБНОЕ ИСКУССТВО

Впрочем, пустые и суеверные обряды сих мнимых лекарей не составляют всего врачебного искусства киргизов: они действительно знают многие полезные лекарства,

а потому мы должны дать читателям понятие о киргизской медицине.

От боли в груди пьют они взвар, составляемый из корня дикой розы, или шиповника, с медом и коровьим маслом. *От чесотки* и некоторых других болезней купаются в воде соляных озер.

Лом в костях унимают, намазывая больные члены соком, вытекающим из распаренного осеннего овечьего помета или привязывая к больному месту тот же помет сожженный.

Опухоли разгоняют припарками из разных трав.

Больные ноги окуривают парами киноvari, которую под ними жгут на угольях.

Ознобленные члены как можно скорее опускают во внутренности нарочно убиваемой для сего случая овцы. Тем же средством лечат и раны.

От переломов пьют тертую медь и еще какой-то толченный камень.

Растение, называемое ими *шираз*, употребляют они вместо *сальсапарилли*.

Медвежья желчь служит, подобно настойке испанских мух, для *восстановления истощенных сил*. Ею же мажут больную спину.

В некоторых случаях обвертывают больных в теплые, только что содранные шкуры разных⁴ животных, в других едят киноварь, пьют овечью кровь, растопленное сало и проч.

Ноги птицы, называемой ими *тилегус* и похожей на куропатку, иссушив, толкут и дают пить с водою больным белою горячкою и укушенным бешеными собаками.

Нет нужды объяснять, что все таковые сведения киргизов в медицине суть только опыты, открытые случаем и врожденным всякому человеку физическим стремлением пещись о сохранении своей жизни. Сведения сии не основаны ни на какой теории и передаются от одного другому изустно.

⁴ Г. Эверсман следующим образом описывает сей способ лечения: киргизы берут недавно снятую кожу дикой лошади, а за неимением и старую, но не более как за год пред тем содранную, размягчают ее, потом посыпают внутреннюю часть толченою корицею с камфорой и зашивают в нее больного: так оставляют его на сутки и в сие время стараются в нем производить испарину; в пищу дают ему только вареное мясо без соли. Чрез 24 часа средство сие должно произвести полное действие. Г. Эверсман, как искусный врач, полагает, что такое лечение может быть весьма действительно; впрочем, с какого бы животного ни была снята кожа, действие лекарства сим не изменяется.

Скажем теперь несколько слов об астрономических познаниях киргизского народа.

Пастух, живущий всегда под открытым небом, скрывающийся от зноя дневного под тению дерев, скал или в пещерах и потому почти всегда наслаждающийся величественным зрелищем ясной ночи; пастух, не имеющий других часов кроме солнца, луны и звезд, другого занятия кроме рассматривания их — невольно и неприметно знакомится с большею частью светящихся над его головою точек, узнает время восхождения и захождения их, замечает расстояние одной от другой и проч.

Таким образом халдеи положили основание астрономии, таким же образом и киргиз-казаки приобрели некоторые понятия об оной. Но суеверие, везде скоро обратившее науку сию в собрание ложных умствований, не замедлило подавить начала оной и в сем народе: киргизские звездочеты, подражая европейским астрологам, употребили познания свои не для дальнейших наблюдений светил небесных, но для обмана. Населив небо добрыми и злыми духами, они поставили себя посредниками между сими горными жителями и легковверными соотечественниками своими; начали гадать по звездам, подчинили влиянию их землю и все дни года, стали предсказывать по ним будущее, пугать, обнадеживать — одним словом, придали им все те свойства, которых действие на слабые умы всегда отражается в собственную их пользу.

Происшедшие от сего вздорные мнения о существовании на всех светилах разных духов и сношения с ними гадателей уже описаны нами⁵. Здесь обратим внимание только на истинные астрономические познания киргизского народа, сохранившиеся среди множества басен. Большая часть оных носит на себе печать естественной простоты и пастушеского образа жизни своих основателей.

Полярная звезда по маловидному течению своему и по положению на севере занимает у киргизов главное место на небе и называется *темир-казык*, т. е., *железный кол*⁶. Ею руководствуются они в ночных путешествиях, по

⁵ См. статью "О вере и суевериях".

⁶ Герберштейн, говоря о татарах в своих "Commentar. rerum Moscoviticarum" (издание 1571 г. Базель, с. 89) пишет: "Stellarum, inprimis vero poli arctici, quem ipsi sua lingua Selesnikoll hoc est, ferreum clavum, vocant aspectu cursum suum dirigere solent".

ней узнают страны света, к ней обращаются, когда собьются с дороги.

Венера, восходящая вечером, когда гонят стада с полей в аулы, или поутру, когда скот пускают с ночлега на паству, носит у них название *пастушьей звезды* (*чубанджудусы*) [9].

Не разделяя звезд, составляющих *Большую медведицу* (*джиды-караки*) [10], киргизы говорят, что они состоят из семи волков, которые гонятся за бегущими от них двумя лошадьми, *акбузат* (белый мерин) и *кукбузат* (серый мерин) и что, когда первые, догнав сих последних, съедят их, то сделается преставление света. Сближение их будет знаком приближающейся кончины мира.

Плеядам дают они название дикого барана (*аркар*, или *уркар*) [11], и поелику сие небесное животное их весною несколько времени бывает невидимо, то они думают, что оно нисходит в землю и выгоняет из оной траву, нужную для питания подобных ему земных баранов и овец.

Созвездие Девы называют они *сюнбюля*, Тельца — *саур*, Близнецов — *джауза-берюджи* и проч. Млечный путь, по направлению которого, как думают киргиз-казаки, летают птицы из Европы в Азию и обратно, именуют они *птичьей дорогою* (*кушнун джулы*, или *юлы*) [12].

Зная положение и течение большей части светил небесных, киргиз смело пускается ночью в путь по степям, в которых нет ни дорог, ни тропинок, и не только безошибочно достигает желаемой цели, но даже определяет на каждом шагу час или время, протекшее от начала ночи, и место, где застанет его утро. Таким же образом, смотря на солнце, назначает он, сколь давно показалось оно на горизонте и когда сокроется. По сим замечаниям располагает он занятия свои, отдых, путешествия, остановки, выезды, свидания. Словом сказать, он смотрит на небо, как европеец на карманные часы.

МЕТЕОРОЛОГИЯ

Киргизы знают также метеорологию. Многие из них, особенно старики, имевшие случай наблюдать перемены атмосферы в течение нескольких десятков лет, предсказывают жар, холод, снег, засуху и начало каждого времени года. Равным образом по переменам погоды летом определяют наперед состояние атмосферы в соответствующие времена зимы; по осени заключают о весне и проч.

Прорицания их заслуживают ту же степень вероятия, как и наши метеорологические календари.

СЧИСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Год у киргизов начинается с марта месяца. Первый день оного называют они *науруз*, т. е. новый год; и месяцам дают наименования зодиакальных знаков.

Разделение сие вошло к киргизам в употребление вместе с магометанскою религиею, а потому немногие и употребляют оное: большая часть знает только весну, лето, осень и зиму, не различая месяцев.

Некоторые же дают им еще другие названия: март — *кокос*; апрель — *мамыр*; май — *мамрай*; июнь — *аряй*; июль — *чилдай*; август — *сюнбуля*; сентябрь — *саражатамыз*; октябрь — *карачакаус*; ноябрь — *джюттичаскан*; декабрь — *кантор*; январь — *джиштунай*; февраль — *бырдыны*[13].

У персиян заняли они и составление недели, которую начинают, следуя Ал-Корану, с субботы. Названия дней удержали они персидские: сембе (вместо шембе) — суббота, джексембе — воскресенье, дюсембе — понедельник, сисембе — вторник, сярсембе — среда, бийсембе — четверг, джума — пятница.

Последняя празднуется как у христиан воскресенье.

Счисление от Эгиры[14], или бегства Магомета, известно в киргизском народе только ученым муллам, прочие не имеют и понятия об оном, но более считают монгольскими юбилеями[15], содержащими в себе по 12 лет, из которых каждое носит название какого-нибудь животного⁷.

⁷ Летоисчисление сие употребляется ныне в большей части Азии и известно одним под именем монгольского, другим — под именем уйгурского, турецкого и проч. По древности его должно полагать, что оно изобретено еще в баснословные времена монголо-турецкой истории, но кем и когда, того никто не знает. Пети-де-Лакруа в предисловии к шеферединовой "Истории Темерлана" пишет, что Улугбек, внук Тамерлана и известный восточный астроном, говорит об оном, но относительно к происхождению его отзывается незнанием. Абель-Ремюза[16] (в *Recherches sur les langues Tatares*, т. I, р. 300) решительно называет оное киргизским и полагает, что киргизы составили его, подражая китайскому 12-летнему циклу. Жаль, что мнения сего не подтверждает он доказательствами и объяснениями. Во всяком случае, здесь под именем киргизов должно разуметь не киргиз-казаков, которые еще не существовали тогда, как описываемое нами счисление лет было уже давно в употреблении, но древних киргизов, или нынешних кара-киргизов. Мы здесь заметим только, что название пятого месяца есть число китайское: лу, или лун-лу, по-китайски значит дракон — и герб империи.

Порядок оных следующий: первый год называется мыший (*сычкан*), второй — коровий (*сыгыр*), третий — барсовый (*джулбарс*), четвертый — заячий (*тугушкан*, или *куян*), пятый — драконовый (*лу*), шестой — змеинный (*джилан*), седьмой — лошадиный (*джильки*), восьмой — бараний (*кой*), девятый — обезьяний (*пичин*), десятый — куриный (*таук*), одиннадцатый — собачий (*ит*), двенадцатый — свиной (*дунгуз*).

За сим следуют опять мыший, коровий и так далее, тем же порядком [17].

Считая таким образом, киргиз говорит, что какое-нибудь происшествие случилось назад тому три года куриных, т. е. 36 лет, или четыре года бараньих и два простых, т. е. 50 лет, или два года коровьих и семь простых, т. е. 31 год и так далее.

МЕРЫ И СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЯТЬ КОЛИЧЕСТВО ВЕЩЕЙ

Не зная другой торговли кроме меновой, киргизы не имеют ни монет, ни весов, ни определенных мер, как у других народов. Монеты заменяются у них баранами или овцами, числом которых определяют они цену большей части вещей. Предметы, подлежащие весу, берут они глазомером.

Протяжения измеряют временем, зрением и слухом: когда говорят о большом пространстве, то означают во сколько дней или в какую часть дня можно оное проехать на лошади и на верблюде. Определяя места близкие, принимают за меру расстояние, на котором может быть слышен крик человеческий⁸, или на котором глаз перестает видеть⁹, а поелику выше сказали мы, что киргизы отличаются необыкновенною остротою зрения, то три или четыре видимые глазами их пространства составляют на ровном месте целый день доброй конной езды.

Некоторые вместо разделения времени на часы делят день от восхождения до захождения солнца на четыре равные части.

⁸ Расстояние сие, называемое киргизами *чакрым* [18], пограничные жители наши переводят словом *верста* и полагают равным версте. Башкиры и татары версту называют тоже *чакрым*.

⁹ Те же пограничные жители наши называют это *видок* и говорят: два видка, три видка и так далее.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ И ЗАКОНЫ

(Gens) superstitione ac lascivia discors et mobilis,
inscia legum, ignara magistratum.

Tacitus, *Historiae*, Lib.I.

(Народ) суеверный, распущенный, склонный к волнениям и мятежу, незнакомый с законами и государственным управлением.

Тацит, *История*, кн. I.

ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ

Нет ничего, кажется, легче как постигнуть, что спокойствие того общества, в котором мы живем, есть необходимое условие для счастья нашего, и что, следовательно, добровольное старание о ненарушении оною собственными поступками должно быть первою и естественною обязанностию всякого человека. Самый грубый, самый необразованный ум может открыть истину сию без руководства. Но так ли она легка в исполнении, какую кажется? Так ли легко быть добродетельным, как говорить о добродетели, и всякий ли образованный человек добродетелен?

Мы видели нравственное состояние киргизов: на нем основано и политическое положение их, из него истекает и образ управления, и гражданское их устройство.

Европеец, привыкший к порядку, законам, подчиненности и притом видящий почти все азиатские владения под игом деспотизма, узнав о разделении народа киргизского на орды, поколения, роды, отделения, и о существовании в оном ханов, султанов, биев, предполагает, что каждая орда, конечно, имеет самовластного главу, которому повинуются беспрекословно все начальники поколений, ее составляющих; что каждому из сих последних подчинены правители родов его поколения; что правитель рода заведывает всеми отделениями своих однородцев и так далее. Словом сказать, он подумает, что киргизы живут под неограниченною властью своих начальников, но ближайшее рассмотрение открывает у них анархию. Употребляем выражение сие не в строгом смысле, ибо совершенное безначалие не может быть продолжительно, но непрочность властей, у киргизов существующих, неопределительность оных, слабость, свобода переходить из-под

одной к другой, отсутствие законов, ненаказанность преступлений очень близки к тому понятию, которое обыкновенно разумеется под словом “анархия”.

И по сей-то причине народ киргиз-казачий не имеет ныне самостоятельного политического бытия. Географы обыкновенно полагают Большую орду вообще независимую, а Среднюю и Меньшую решительно причисляют к подданным русским. Как то, так и другое неточно и несправедливо. Только некоторые роды Большой орды могут назваться независимыми, из остальных одна часть находится под властью Коканского владения, другая повинуется Китаю, а третья признала над собою владычество России¹. Средняя и Меньшая также не все вообще под одним правлением: из оных подданными российскими называют себя только роды, кочующие в северной части степей, за Уралом и Иртышом, и имеющие необходимую нужду в покровительстве пограничных русских начальников; прочие, живя в отдалении, или не признают над собой никакой посторонней власти, или отдают себя под защиту других соседственных владений. Таким образом, китайцы присваивают себе часть Средней орды и некоторые кочующие близ их земель отделения Меньшей, другая же небольшая часть сей последней подвластна хивинскому владельцу.

Впрочем, в добровольном подданстве киргизов всем чужеземным правительствам должно видеть не решительное намерение оставаться под властью их или желание сим способом ввести у себя спокойствие и порядок, но необходимость искать защиты или надежда получить какие-нибудь выгоды в торговле. Нередко побудительною причиною подданства их бывает властолюбие начальников, предполагающих усилиться покровительством могущественной державы или, наконец, просто желание их получить богатые подарки от того владельца, которому они покоряются. Примеры тому беспрерывно встречаем в историческом описании связей сего народа с Россиею. Не повторяя их здесь, напомним только, что таковые же виды были одною из главнейших причин, побудивших Абульхайра и Абулмамета добровольно покориться с ордами своими императрице Анне, и прибавим, что сохранением власти над киргизским народом Россия обязана, конечно, не святости клятв и обещаний, первоначально данных

¹ См. “Исторические известия”, т. II.

сими ханами и потом повторенных всеми преемниками их, но своей силе и торговле.

Ни один усердный магометанин не почитает священным договор, заключенный с христианином, тем менее уважает оный киргиз, не имеющий закона выше личной выгоды своей. По сим правилам, покорность его чужеземным правительствам рождается, изменяется и оканчивается вместе с нуждами: переходя от границ наших к пределам Хивы или Китая, делается он из русского подданного китайским, или хивинским, а приезжая в Ташкент или Кокан, называет себя ташкентским, коканским и проч.

Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечения в плен людей, разграбления караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы о подданстве своем России. Также поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими².

Точно также думают они и об отечественных властях, переменяя подчиненность свою по обстоятельствам. Когда один признанный ими над собою начальник начинает преследовать их за какое-нибудь преступление, то они переходят к другому, если же и сей последний не захочет укрывать их, тогда ищут они третьего или четвертого, который бы принял их под свою защиту за какую-нибудь плату, и за обещание впредь делить с ними будущую их добычу.

Благодаря невежеству, грубости и алчности народной таковые снисходительные покровители преступников очень часты в киргизских ордах. Число оных еще более умножается от бессилия родоправителей, от недостатка средств честным образом распространять свою власть, от множества виновных и от невозможности наказывать злодеяния. Какого порядка ожидать и от самого честного начальника толпы людей, повинующихся только тогда, когда необхо-

² В 1795 году начальник Сибирской линии послал г. Бурнашева [1] в Бухару. Кроме писем к хану бухарскому у него было письмо к султану киргиз-казачьему Букею. Когда бухарцы увидели на сем письме надпись: "С. Букею, подданному императрицы российской," то немедленно именем своего хана спросили г. Бурнашева: "Почему султан сей назван подданным русским, когда он со всеми подвластными ему киргизскими и прочими народами состоит единственно только в подданстве бухарского владельца?" См. "Путешествие от Сибирской линии до Бухары в 1794 и 1795 годах", напечатан. в "Сибирском вестнике 1818 года", ч.2.

димось понуждает, и совершенно ничем не жертвующих для общего блага; людей, в которых стремление к грабительству беспредельно, которых невозможно удержать в зависимости без послабления и из которых всякий ищет сам повелевать, если имеет хотя малую к тому возможность? Что предпримет самый строгий, справедливый и благоразумный правитель, когда он не имеет ни войска, ни иждивения для содержания какой-нибудь полиции, которая надзирала бы за подвластными ему и приводила в исполнение его распоряжения или, по крайней мере, защищала бы его самого от насилий за соблюдение им правосудия?

Здесь следует упомянуть, что хотя повелители киргизов и получают с них плату скотом и разного рода вещами, но приношения сии делаются без всякого порядка и по большей части в случаях особенной нужды в покровительстве; определенной же подати народ киргиз-казачий вообще не платит, и умнейшие родоначальники тщетно проповедают оному статью из Ал-Корана о *зекате*³, повторенную древними законами киргизскими. Одна только необходимость или сила напоминают им об ней. Аблайхан[2] и Хотай-Менды-султан в Средней орде и Арунгазы-султан[3] в Меньшей пытались приучить своих подвластных к правильному платежу определенной подати, но успех не соответствовал желаниям их, хотя, впрочем, разными способами получали они от повиновавшихся им киргиз-казаков значительный доход.

Мы не исключаем из сего правила *ясака*, платимого частию Большой орды китайскому правительству⁴ и состоящего из одной головы рогатого скота со 100 и одного барана с 1000. За дань сию, собираемую только для поддержания права называть всех киргиз-казаков подданными своими, двор пекинский ежегодно посылает подарков несравненно более, нежели чего она стоит. Министерство богдохана делало ему уже несколько представлений об

³ *Зекат* есть известная часть дохода, которою мусульмане обязаны жертвовать на общественные и богоугодные предметы.

⁴ Абульхайр, вступая в подданство России, торжественно обещал за всю орду свою платить *ясак* и давать войско, но правительство наше никогда не требовало ни того, ни другого.

⁵ См. "Путешествие в Китай" г. Тимковского (ч. I, с. 254) и далее выписку из китайской книги "Си-юй-вынь-цян-лу", в коей помещен любопытный ответ, данный киргизами китайцам при первом требовании от них подати. Вот он: "Небо производит траву и воду, скот есть дар неба, пасем его и себя пропитываем сами: за что же будем давать другому?"

отмене оной. Путешественники⁵ говорят, что жадные киргиз-казаки приезжают ежегодно в Пекин под видом поклонения единственно для получения подарков: *китайский государь дает им чины и отличия, но они, выехав из Китая, все сие большею частию уничтожают и кидают знаки достоинств.* То же делают они с наградами от российского двора получаемыми, исключая денег и халатов, которые имеют внутреннюю ценность.

Киргиз-казаки, около Ташкента и Туркестана кочующие и повинующиеся ныне владельцу кокандскому, одни могут составлять прямое исключение из того, что сказано нами о сборе подати в сем народе *вообще*, особенно, если они донныне столь же послушны, как были во время владения Ташкентом Юнус-ходжи [4]. Тогда не только с точностию платили они положенную на них дань — по одному барану со ста, — но, боясь повторения строгих наказаний, уже однажды ими испытанных от сего хана, исполняли все его требования. Бии и старейшины, ответственю за спокойствие в своих волостях, являлись в положенные времена к хану доносить о благополучии, а в случае важных ссор и приключений приводили с собою к нему на суд виновных или тяжущихся. Юнус-ходжа сам входил в разбирательства значительнейших распрей и не только в наказание приказывал отбирать у виновных имущество их, но даже казнил⁶.

Не такова власть обыкновенных правителей казачьих, включая в число оных и самых ханов, которые прежде были во всех трех ордах, а с половины прошедшего столетия остались только в Средней и Меньшей⁷. Преданные России киргиз-казаки избирают их, а правительство российское утверждает и почитает верховными повелителями обеих орд, но повинуются им только роды, участвовавшие в избрании их и кочующие близ границ наших, и то не все. Прочие, не признавая ни владычества России, ни властей ею поставляемых, управляютя самопроизвольно избранными старейшинами (*аксакалами*), биями [5], батырами и султанами. Некоторым из сих последних они также дают титул ханов. Впрочем, и сии правители, равно как начальники, российским правительством утвержденные, не целыми, без исключения, поколениями, родами

⁶ См. журнал Поспелова, который, как уже сказано выше, был в Ташкенте в 1800 году.

⁷ Это было писано в 1822 году. Ныне правительство российское совсем уничтожило ханское достоинство в казачьих ордах.

или отделениями повелевают, но толпами или партиями, часто составляющимися из киргизов разных родов, разных поколений, иногда даже разных орд. Большая же часть султанов, при границах России кочующих и величающих себя пышными названиями *повелителей*, в самом существе не имеют никакой власти и отправляют должность стряпчих. Влияние их на дела простого народа начинается осенью и оканчивается с началом весны, т.е. оно существует только зимою, когда киргизы приближаются к границам нашим и постоянно проводя близ оных несколько месяцев, необходимо нуждаются в людях, которые имели бы какое-нибудь звание от русского правительства полученное, и могли бы за них ходатайствовать у пограничных властей наших.

Хитрейшие из таких султанов успевают вместе и обогащаться, и давать поступкам своим вид усердия к общей пользе или преданности России, за которую получают от правительства нашего похвальные листы и подарки.

С.-Петербургский архив Коллегии иностранных дел, равно как архивы оренбургской и омской пограничных комиссий, наполнены жалобами ханов и султанов киргизских на неповиновение подвластных им и на собственное бессилие с убедительными доказательствами невозможности выдавать им преступников на границу нашу потому, что подобными действиями подвергают они себя мщению, разграблению и даже смерти.

Сия последняя причина, сия опасность, грозящая всякому беспристрастному старейшине или родоначальнику, не только служит преградой благотворным намерениям русского правительства, но поддерживает неустройства и преступления во всех отделениях киргизского народа, как независимых, так и подвластных китайцам и коканцам. Естественная привязанность к жизни и собственности невольно делают самых благонамеренных и справедливых людей покровителями хищников.

К удивлению, однако же, при всех своевольствах и при всем безначалии казачьего народа некоторые из повелителей оного присваивают себе право жизни и смерти над своими подчиненными. Правда, что смертные приговоры их не произносятся по произволу или собственному их определению, но всегда бывают находимы в велениях никому из них непонятного Ал-Корана, однако ж, зная сколь слаб свет исламизма в степях киргизских, нельзя

повиновение в сем случае назвать действием одной религии. Ближе приписать оное силе повелевающего, слабости семейства или рода, к которому принадлежит осужденный на казнь, и мщению исполнителей смертного приговора или надежде их, по обычаю народному, получить часть остающегося после него имущества⁸.

Причины, на которых основываются выборы начальников киргизских, суть доказанная опытом *способность вникать в разбирательство тяжб и правосудие, многочисленность семейства*, дающая повелителю возможность подкреплять волю свою силою родственников⁹, *богатство и происходящая от него щедрость, старость лет*, естественным образом внушающая уважение и служащая почти первым правом на отличие там, где не умеют еще отдавать справедливости качеств ума и сердца, и какие-нибудь *чрезвычайные подвиги в общенародных делах или войне*.

В ханы избирают только султанов, которых достоинство, как мы видели, есть наследственное. Все прочие начальники могут быть и часто бывают из простого народа. Происхождение в сем случае не уменьшает власти их. Как бы ни была *бела кость* ханского потомка, но если он умом, богатством или другими качествами не составил себе значительного числа приверженцев, то голос его не делает перевеса в собраниях народных.

Собрания, о которых здесь упоминаем, бывают очень часто. В делах маловажных они состояются из родственников, приятелей и соседей. При совещаниях же о предметах, относящихся до целого народа или поколения, они принимают вид сеймов. Тут уже являются все родоначальники, батыры, богачи и старейшины с толпами любопытных. Сильнейший или почтеннейший открывает заседание предложением дела, потом начинаются толки, рассуждения, предположения и споры, которые по большей части продолжаются несколько дней сряду. По вечерам главнейшие ораторы дают клиентам своим отчет в занятиях дня и отбирают их мнения. По утрам все опять собираются в главном сейме и привозят новые умственные

⁸ Мысль сия не касается тех случаев, в которых киргизы хладнокровно убивают и терзают пленных: тут один делается полным властелином, а другой вещью, и, следовательно, все рассуждения о правах одного на другого излишни.

⁹ Самые ханы боятся старейшин многочисленных семейств и стараются жить с ними в дружбе.

запасы. Наконец, после многих прений или составляется общее положение, которое немедленно объявляют толпящемуся кругом народу, или члены совета начинают ссориться и разъезжаются по домам, не сделав ничего кроме шума, а иногда и драки.

Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие.

Сей золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана их Тявки¹⁰, который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений, и в летописях казачьих должен стоять наряду с солонями и ликургами [6]. Усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввел в них устройство, порядок, но и дал им многие законы.

Киргизы Большой и Средней орд утверждали, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки.

Не останавливаясь на изысканиях о том, кому принадлежит первенство законодательства киргиз-казачьего, изложим краткий свод оного.

Первое место в нем занимает закон возмездия: за кровь мстить кровию, за увечье — таким же увечьем (Droit du taillon).

За воровство, грабеж, насилие, прелюбодеяние казнить смертью.

По сим постановлениям, родственники убитого имеют право лишать жизни убийцу, а отрубивший руку, ногу ухо и проч. должен быть лишен той же части тела. Впрочем, наказания могут быть смягчаемы по приговорам судей или согласию истцов, и тогда преступник наказывается только установленною за всякое преступление платою¹¹. Убийца возвращает себе жизнь, платя кун, т. е. отдавая за каждого убитого мужчину 1000, а за женщину 500 баранов. Изувечивший или отрубивший другому какой-нибудь член платит равным образом определенное число скота. Большой палец стоит 100 баранов, мизинец 20, и так далее.

¹⁰ См. Историческое описание.

¹¹ Закон, известный всем магометанам, ибо он основан на Коране, которого в части 1-й, главе под словом: *теляца* (русск. перев.), сказано: *“Правоверные! Вам учреждается закон воздавать равное за равное для убитых.; но если брат простит кровь брата своего, то с преступника можно взыскать другое какое удовольствие.”*

Кто убьет султана или ходжу, тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами, наказывается пенею в 9 скотин, а за побои — 27 скотин.

Если жена умертвит мужа, то она непременно предается смертной казни, от которой не может спасти заплата куна, если родственники не простят ее. Из правила сего исключаются беременные жены, которые за убийство мужей не наказываются, но навсегда предаются презрению и почитаются бесчестными. Если муж убьет жену, то он может избавиться от казни, заплатив кун.

Родители за убийство детей своих ничем не наказываются, но женщина, умертвившая от стыда младенца, незаконно рожденного, предается смерти. Самоубийцы погребаются в отдельных местах.

Ежели женщина будет сбита с ног всадником и изувечена и от того родит мертвого ребенка, то с виновного взыскивается плата по следующему расчету: за младенца до пяти месяцев за каждый месяц — по одной лошади, а за младенца от 5-ти до 9 месяцев за каждый месяц — по одному верблюду.

Изнасилование равняется убийству и потому подвергает виновного смертной казни или заплате куна мужу за жену и родственникам за девицу; но женитьба на изнасилованной девице и уплата за нее калыма избавляет преступника как от смертной казни, так и от куна.

Муж, заставший свою жену в прелюбодеянии, может ее убить и, если сделает сие тотчас по открытии преступления, остается безнаказанным. Во всяком другом случае, он может просить судей о приговоре к смертной казни неверной жены и ее соблазнителя, если преступление их доказано; если же четыре благонадежных человека присягнут за них в невиновности, то суд не подвергает их никакому взысканию.

Увезший чужую жену, без ее согласия, наказывается смертью или взысканием куна, а если похищение последовало с согласия увезенной, то похититель может удержать ее, заплатив мужу калым и доставив ему сверх того девицу без калыма.

Обидевший женщину, обязан просить у нее прощения, а в случае отказа в оном платит бесчестие.

Кровосмешание подлежит смертной казни, но она заменяется наказаниями по приговору семейства, ибо пре-

ступления сего рода не передаются на рассмотрение сторонним людям.

Богохульника, избличенного семью свидетелями, должно убивать камнями.

Ежели кто примет христианскую веру, у того родственники отнимают все его имение.

Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется.

Сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с навязанным на шею старым войлоком: корову сию водят вокруг аулов и сидящего на ней бьют плетью; а дочь связывается и предается матери для наказания по ее произволу.

Избличенный в воровстве возвращает трижды девять (27) раз украденное, и наказание сие называется *айбана*. Если покража состоит в скоте, то виновный должен придать к верблюдам одного пленного, к лошадям одного верблюда, к овцам одну лошадь. Сто верблюдов равняется 300 лошадям и 1000 овцам.

Кто сделал и воровство и убийство вместе, тот платит за два преступления. Жена и дети, знавшие о воровстве мужа или отца и не донесшие на него, не подвергаются никакому взысканию, ибо на старшего в семействе не позволено доносить.

За убитую охотничью собаку или беркута хозяин может требовать невольника или невольницу.

Ежели сын, отдельный от отца, умрет бездетен, то имение его поступает к отцу его. Малолетние дети отдаются в опеку ближайшим родственникам, а если их нет, посторонним надежным людям.

Духовные завещания делаются при родственниках и муллах.

Лошади, коровы и овцы, бывшие в чужих руках, взыскиваются с приплодом, какой был, кроме скота, барантою угнанного; а для удостоверения в том, что нет утайки, требуется от передержателя присяга.

Разбирать ссоры и произносить приговоры над виновным должны если не сам хан, то правители или старейшины тех аулов, к которым принадлежат истец и ответчик, приглашая к разбирательству еще и избранных обеими сторонами двух посредников.

Если ответчик имеет подозрение на судей, он может их устранить.

Если ответчик к суду не явится или присужденной пени заплатить не может, то она взыскивается с его родственников или с его аула, предоставляя оному право вернуть свою потерю совершением над виновным судебным приговором.

Для удостоверения в преступлении требуется не менее двух и иногда трех свидетелей. За отсутствием свидетелей допускается прибегать к присяге, но давать оной ни истец, ни ответчик сами за себя не могут — за них должны присягать люди, известные своею честностию. Если же никто за обвиненного не присягает, то он осуждается. Женский пол, равно как работники, слуги и рабы, к свидетельству не допускаются. Судьям и посредникам за решение дела положено давать 10-ю часть всего иска.

Если осужденный не исполняет приговора суда или начальник аула умышленно уклоняется от разбирательства дела и тем покровительствует преступнику, то истец получает право с позволения своего старейшины произвести *баранту*, т. е. с родственниками или ближайшими своими соседями ехать в аул ответчика и тайно отогнать к себе скот его, но возвратясь домой, должен объявить о том своему начальнику, который наблюдает, чтобы количество возмездия соразмерно было иску¹².

В дополнение к сим законам должны быть присоединены следующие достопамятные постановления хана Тявки:

Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов собирались осенью в одно место, в середине степи, для рассуждения о делах народных.

Чтобы ни один киргиз не являлся в собрания народные иначе как с оружием. Безоружный не имел голоса, и младшие могли не уступать ему места.

Чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества, ежегодно.

Всякому поколению, роду и отделению иметь свою собственную *тамгу* (знак, заменяющий герб). Тамги сии тогда же и розданы с обязанностию накладывать их на

¹² Сие последнее обстоятельство показывает, что баранта была допущена древними постановлениями киргизскими совсем не в том виде, в каком ныне существует и в каком мы выше ее описали.

весь скот и имущество для различения что кому принадлежит¹³.

Нельзя не заметить разительного сходства вычисленных нами узаконений с уставами большей части европейских народов во времена младенчества их. Жестокий, но близкий к необразованной природе человека закон мщения и возмездия (*Drouit du taillon*) существовал почти у всех народов во время их младенчества. Мы находим его у евреев, греков, римлян, арабов, германцев, скандинавов и, наконец, у предков наших, славян. Евреи даже имели особое выражение (*goel*) для наименования мстителя пролитой крови. В арабском языке есть также слово, которым означает ближайший родственник убитого (*tair*), непременно обязанный отмстить кровь его собственной рукою. В похвалу сим мстителям написаны многие стихотворения арабские¹⁴. Моисей подтвердил¹⁵ закон возмездия. Солон¹⁶ предписал исполнять оный афинянам. Римляне поместили его в своих 12 скрыжалях¹⁷.

Чем грубее были народы, тем тверже и непоколебимее исполнялся обычай мстить кровию за кровь. По мере смягчения нравов действие оногo ослабевало и заменялось постановлениями более кроткими. Таким образом, убийце позволено было искупать жизнь свою и избавляться от мщения родственников убитого им человека отдачею скота или другого имущества. Таким образом определена и плата за увечье, отсечение члена и другие подобные преступления.

Введение первого из сих двух постановлений, не говоря о народах древних, видим ясно в российской истории X и XI столетий. Слова *wärheld*, или *währ-geld* у норманнов [7] и происшедшее от оногo у предков наших слово *вира*¹⁸, значит не что иное, как плату за убийство¹⁹. Впрочем, закон возмездия столь известен в истории всех народов, что нет никакой нужды о нем распространяться.

¹³ Тамги, как мы уже сказали, донныне употребляются с великою пользою. От сего названия взято слово *таможня*.

¹⁴ *Hist. du Mahometisme*, par Mills, p.380.

¹⁵ Исхода Гл. 21, 24.

¹⁶ *Кто выколет другому одно око, тот да лишится обоих своих очей*. См. *Petiti leges Atticae*, VII, 3, Paris, 1635.

¹⁷ *Aulus Gellius* I.XX. c.1; I.VIII.c. 3.

¹⁸ См. Шлецера [8] "Русскую правду" и разные древние грамоты. Нестор [9] упоминает о вире при описании царствования Владимира I [10]

¹⁹ Эверса [11] *Das älteste Recht der Russen*. Dorpat.

Плата, киргиз-казаками установленная за отсечение членов и увечье, напоминает нам таковые же законоположения франков, аллеманов, лангобардов [12] и других народов, прежде населявших Германию²⁰.

В киргизских народных собраниях, в выборах ханов, в постановлении всегда носить при себе оружие видим обычаи тацитовых германцев.

Заметим, однако же, что киргизы перестали в точности исполнять постановления своего законодателя или законодателей. Основания оных сохранены, но круг действия изменился, и сила исчезла.

Право отмщения за кровь не забыто, но власть родоправителей ослабела: приговоры судебные не уважаются, воровство почти не почитается преступлением, определенные подати не существуют, ханы не смеют являться в середине степей повелителями и предпочитают спокойное управление небольшим числом своих приверженцев опасной обязанности разъезжать по ордам для водворения правосудия и порядка; дух междоусобий и разделений сделался всеобщим, нигде не замечается ни согласия, ни тени патриотизма, самое даже обыкновение не являться никуда без оружия уничтожилось.

Не уважая законами и обычаями своих предков, киргиз-казаки еще менее повинуются постановлениям держав, к поданным которых причисляют их географы.

С лишком 90 лет они находятся под властью России, и 90 лет правительство печется о водворении между ими какого-нибудь порядка, но едва только ныне начинает видеть начала успеха. Внушения, труды, издержки на заведение меновых дворов, школ и мечетей; построение некоторым султанам домов для привлечения к оседлости; заведение ханского Совета, родовых расправ и пограничных судов; производство ханам и родоначальникам жалованья; содержание при них на счет казны мулл или секретарей; позволение зимовать внутри пределов империи — все тщетно. Меры сии мало подвинули киргиз-казаров к образованию. Школы и мечети пусты, дома, приготовленные для жилья, развалились, никем не быв обитаемы, требования пограничных комиссий или судов почти никогда не удовлетворяются. Самый Совет ханский, в Меньшей орде учрежденный (в 1806 году) с благотельной целию приучить полудикие орды к правосудию,

²⁰ См. Heroldi et Lindebrogii collect. legum antiquarum.

а потому обязанный решать все внутренние дела по обычаям народным и состоящий, под председательством почетнейшего султана, из шести советников, добровольно избираемых всеми родами, никогда не собирается.

Итак, почти решительно можно сказать, что все законодательство киргизское заключается ныне только в произвольной и никаким правилам не подчиненной баранте и иногда в вышеупомянутой нами власти ханов и сильнейших султанов казнить таких преступников, которых смерть не может произвести сильного ропота в народе²¹.

КАЗНИ

Сии несчастные лишаются жизни двояким образом: они бывают или повешены на деревьях, или удушены. В последнем случае осужденный приводится пред собрание старейшин, родоправителей и народа с веревочною на шее петлею, который концы с обеих сторон держат по два или три человека. Потом мулла, или занимающий его место читает приговор. По окончании оного повелитель, или глава собрания дает рукою знак, по которому исполнители его воли, держащие концы веревки, вдруг начинают тянуть их в обе стороны со всею силою и задушают страдальца. В заключение его привязывают к хвосту необузданной степной лошади и пускают в чистое поле. Удары копыт, пни, кустарники, камни довершают действие, начатое силою веревки²².

Если преступление не так велико, то вместо смертной казни преступника до половины обнажают, намазывают ему лицо сажею, надевают на шею кусок черного войлока, велят ему держаться зубами за веревку, привязанную к хвосту лошади, и потом заставляют его бегать за нею; между тем двое погоняют ее кнутьями, а двое других поощряют его тем же средством к бегу.

О ПРИЧИНАХ БЕЗНАЧАЛИЯ

Велика зависимость правительства от нравов народных, но еще более влияние образа правления на дух и свойства народа. Безначалие, грабежи, убийства киргизов, конечно,

²¹ Не излишним почтаем повторить, что это писано в 1822 году.

²² Жаль, что вы не приехали двумя или тремя часами ранее, говорил мне однажды хан Меньшей орды при посещении мною его аула, вы бы видели, как здесь, пред моею кибиткою, удушили двух киргизов, уличенных в разбойничестве. Словами сими хотел он мне дать понятие о своей силе и правосудии.

происходят от невежества, грубости, корыстолюбия, хищничества и мстительности их, но пороки сии существуют, распространяются и наносят им разные бедствия только потому, что нет силы для удержания оных, нет власти, которая бы укрощала их и пеклась об общем благе. А без законов, без порядка и подчиненности какой народ когда либо наслаждался благоденствием? “Добродетель поставлена природою после свободы, но она также бежит от чрезмерной вольности, как и от рабства”²³.

Все соседи киргиз-казаков управляются или монархическим или деспотическим правлением, все родственные им народы живут в рабстве, достойном сожаления, а они почти совсем не знают подчиненности, у них не существуют даже ни имя подданного, ни имя владельца. Явление очень любопытное для политиков!

Если будем искать причин оного, то главнейшую найдем в образе кочевой жизни сего народа и в бесплодии земель его. Никакая отечественная власть не могла покорить киргизов донные потому, что не имела средств, а чужеземные владельцы не видят в завоевании их десятой доли выгод, нужных для замены той потери в людях и деньгах, которой будет стоить пребывание войска в степях, вообще бесплодных, бесприютных. К тому же завладение землями кочевого народа не составляет покорения жителей. Занять страну, киргизами обитаемую и даже изгнать их из оной, если бы нашлась в том польза, не невозможно, но какие силы нужны для удержания в повиновении двух или трех миллионов людей, не имеющих никакой оседлости и ценящих грубую свою независимость выше всех благ мира!

Вот укрепления, ограждающие киргизов! Вот непроборимый оплот настоящего их положения!

Если бы природа не защитила их сими способами, то они бы давно все влились в состав какого-нибудь соседственного азиатского государства.

Может быть, и шах Надир[13] по завладении Хивою пожелал бы иметь название повелителя киргиз-казацких орд, если бы бедность оных, препятствия природы и уважение к императрице российской не преградили ему пути на север от Хивинского владения.

²³ Esprit des Lois.

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ

СЕЛЬСКОЕ ДОМОВОДСТВО

СКОТОВОДСТВО

Всякий знает, что народы кочующие суть общества пастухов: и так, нужно ли говорить, что главнейший, или лучше сказать, единственный источник богатства и любимейшее занятие киргиз-казаков составляет скотоводство? Размножению оного способствует как образ кочевой жизни, от него же родившийся и им существующий, так еще более соленость трав, покрывающих степи киргизские. Домашние животные, на них разводимые, суть: овцы, лошади, верблюды, рогатый скот и козы.

Стада овец изумляют здесь многочисленностью своею. Едва ли есть где-нибудь в мире такая страна, в которой бы видно было их более. Богатейшие из киргизов имеют оных тысяч по двадцати. Наружным видом овцы киргизские, по словам Палласа, похожи на индейских: носы у них горбатые, нижняя губа длиннее верхней, уши большие, повислые. Отличительнейшая же часть их есть курдюк, или широкий, жиром наполненный хвост, из которого вытапливают от 20 до 30 фунтов сала. Целая овца иногда весит от 4 до 5 пудов и дает сала до 2 пудов. Они вообще так крепки, сильны и высоки, что 10 и 12-летние дети могут ездить на них для забавы верхом. Цвет их обыкновенно темно-рыжий, шерсть длинна, растет клочками и до того груба, что на самое толстое сукно употреблена быть не может; стригут ее осенью. Принося большею частью по два ягненка, овцы сии чрезвычайно быстро размножаются и переносят с удивительно кротостию непогоду, голод и жажду. Хотя зимою и бывают они тощи от недостатка корма, но зато весною очень скоро поправляются и тучнеют от соляных трав.

Выгоды, получаемые киргизом от овцы, чрезвычайно важны: он питается мясом ее, он укрывается от холода шубою, выделанною из ее кожи, покрывает жилище свое войлоками из ее шерсти, получает от нее молоко и любимый свой курт. Овца служит ему для определения цены вещам вместо денег, и наконец, она же составляет главнейший предмет торговли его со всеми соседними народами и едва ли не главнейшую цель их связей с ним. Короче сказать — овца киргиза кормит, одевает и знакомя с соседями, доставляет ему все нужное и приятное.

Жаль, что мы не можем определить, сколько миллионов овец имеют все казачьи орды. Известно только то, что редкий из богачей знает число оных в своих стадах.

Несмотря на разнообразие и многочисленность выгод, приносимых киргизу овцою, он не мог бы существовать без *верблюда*, который при благодетельной для степей способности переносить жару и голод, возит на себе все имущество и даже дом его, которого шерсть прядется и употребляется на одежду, молоко и мясо — в пищу, а молодые шкуры — на шубы. Животное сие очень справедливо назвал Бюффон [2] *кораблем степей*.

Верблюды, у киргизов находимые, вообще *двугорбые*. Одногорбых (*Dromadaires*) редко держат они потому, что климат свой полагают для них слишком суровым, да и двугорбых в жестокие холода обшивают войлоками. Молодым верблюдам, около года после рождения или еще и прежде, прокалывают носовой хрящ¹ и вдевают в оный палочку или кость, к обеим концам которой привязываются веревки, служащие вместо узды и поводов для управления; потом учат их становиться на колени и вставать по знаку, данному хозяином. Приученный верблюд послушен как нельзя более. Закричат ему: “Чок”, и он тотчас становится на колени. Наложив на него вьюк, говорят: “Атчу”, — или просто махнут, и он немедленно встает. Ноша или вьюк его обыкновенно разделяется на две равные части, которые, лежа на боках, соединяются на спине и которые в больших путешествиях обе не превышают 16 или 18 пудов весу. На расстояния близкие навьючивают более. Один день обыкновенного верблюжьего хода, составляющего общую меру путешествий в степях, равняется расстоянию от 40 до 50 верст. Верхом на верблюдах преимущественно ездят женщины. Богачи имеют сих животных по 400, 500 и более. Особенно много разводят их в Большой орде и вообще на песках южной полосы, где они необходимее и где климат для них благоприятнее.

Дромадеры и двугорбые верблюды часто совокупаются между собою, и дети их бывают иногда с одним, а иногда с двумя горбами. Дромадеры всегда бурого цвета, двугорбые верблюды бывают белые.

Лошади киргизские замечательны по своей крепости, легкости и быстроте. Доказательством сих качеств служат:

¹ На голову навязывают им разных цветов ленты, для того чтобы нельзя было их *сглазить*. Думаю, что русским не нужно изъяснять значение сего слова.

способность их переносить по целым суткам голод, большие пространства — от 70 до 100 верст, — на них проезжаемые безостановочно²; общий для всего скота недостаток в степи корма зимою и описанные нами скачки на 40, 50 и более верст. Ростом они невелики, статьями редко красивы, шерстей бывают различных, но более светлых; вороная же очень редка потому, что выгорает от непрерывного действия солнечных лучей. В северной части киргизской степи лошади крепче и многочисленнее, нежели в южной. Первая имеет более лугов и вообще изобильна ковылем, который составляет прекраснейший конский корм. В южной полосе трав мало, и жар делает лошадей часто бесплодными. Средняя орда богаче лошадьми, нежели прочие. Часть Меньшей орды, водворившаяся в Астраханской губернии, также развела оных очень много. Есть киргизы, которые считают в табунах своих по 8, 9 и даже 10 000 лошадей. Табуны сии большею частью разделяются на три рода. В одних держат жеребят, в других — меринов, в третьих — маток, которых охраняют вместо пастухов жеребцы.

Рогатый скот, хотя и разводится некоторыми родами Средней орды в изобилии, однако, вообще говоря, киргизы небогаты оным, потому что присмотр за ним во время зимы требует многих трудов, а выгоды от него незначительны. К тому же падеж часто истребляет его. Сто лет назад киргизские орды, как говорят, совсем не имели рогатого скота; но после развели его от каракалпаков и отбили стада одного у проходивших чрез земли их в 1771 году из России в Зюнгарию торгоутов [3]. Ростом киргизские коровы низки, сложены нехорошо, но крепки и дают много молока. Быки еще крепче и широкогруды.

Коз держат только потому, что они служат путеводителями стадам овец, и что сии последние по привычке, или по природному свойству, не двигаются с места иначе, как когда перед ними пойдут вперед несколько коз. Если же козы тронулись, то стадо овец уже ничем нельзя остановить. Во время перегонов скота чрез Урал в начале

² Сочинитель статьи о *киргиз-кайсаках Средней орды*, помещенной в № 26 "Сына отечества" на 1829 год, пишет: "Я был очевидцем, как один султан, по виду богатырь, в коем весу было около 8 пудов, с несколькими киргизами, имея каждый двух лошадей, перебежали в одни сутки 300 верст, частью чрез горы и по каменистому грунту... Лошади разбились ногами, но все остались живы и по надлежащей выдержке, без всякого врачевания получили здоровье и прежние силы".

и в конце зимы мне случилось видеть сотни погибших овец от того, что козы пошли на такие места, где лед был тонок и где они проваливались в воду. Вторая польза, доставляемая козю, есть пух ее.

Из повальных болезней киргизские стада и табуны страдают и истребляются только сибирскою заразою, которая, умерщвляя рогатый скот и лошадей, впрочем, почти не действует на овец. Паллас приписывает это густой шерсти, овцу покрывающей. Верблюды иногда умирают от ядовитых трав и имеют особенного рода болезнь, называемую *сарп*, от которой ноги их пухнут, кожа на подошвах трескается и из трещин вытекает гной. Излечивают ее, обрезая подошву и обвязывая ноги в сырую кожу, а потом больное животное водят взад и вперед с тем, чтобы испорченные соки, опускаясь вниз, вытекали вон. От коросты лечат верблюдов взваром из травы, называемой киргизами *песья моча* (*poligonum frutescens*). Тот же отвар дается прочему скоту вместо слабительного. Не говоря подробно о всех средствах, употребляемых киргизами для скотолечения, скажем вообще, что они в сем искусстве сделали многие полезные открытия. Пограничные жители наши особенно выхваляют их коновалов.

Но ветеринарное искусство не может спасти табунов и стад от жестоких зим, и сильный холод, несмотря на привычку к оному, бывает ужаснейшим бичом скотоводства киргиз-казаков. Впрочем, при настоящем множестве овец, лошадей, коз, рогатого скота и верблюдов, покрывающих степи киргизские, едва ли можно найти средство, которое бы совершенно защищало их от суровой зимы. Какой величины должно быть строение для помещения 10 или 15 000 овец, 5 000 или 6 000 лошадей и где найти материалы для оного в пустой степи?

Однако ж, люди предприимчивые и имеющие частые сношения с соседственными народами, принимают для сбережения своего скота зимою разные меры. Например, иные копают землянки и вынимаемую из оных землю так складывают около краев выкопанного пространства, что она составляет вал; потом посреди ямы ставят колья одинаковой с валом высоты, кладут между ими тонкие жерди или хворост и покрывают сверху камышом. Таким образом составляется погреб, или, лучше сказать, сарай, который, имея стены земляные и толстую камышовую крышу, может спасти стада от всяких непогод. В лесных местах делают даже плетневые сараи и хлевы, но все это

редко и возможно только для малого количества скота. Кто имеет оного много, тот для спасения от зимних буранов или метелей, старается держать его зимою или в лесу, где оный есть, или между частыми холмами, или в камышах. А дабы сколько-нибудь защититься от бури, если она застанет на месте совершенно открытом, то многие возят с собою колья и войлоки. Когда поднимается жестокий ветер, то колья расставляют в линию, растягивают между ними войлоки и к той стороне, которая закрыта ими от ветра, сгоняют скот.

Пастухи, отправляющиеся с скотом на зиму в места, отдаленные от своих аулов, сверх кольев и войлоков для защиты скота, возят собственно для себя особенного рода кибитки, несравненно меньше обыкновенных и называемые *кош*. Так, например, поступают киргизы Меньшей орды, в самой западной части степи кочующие и имеющие позволение перегонять скот свой в Астраханские степи для прокормления оного там во время зимы. Сие позволение русского правительства есть великое благодеяние для ордынцев, ибо места, на которые допускают их зимовать, изобильнее травами, более закрыты от ветров и теплее, нежели зауральские степи.

Теперь следует отвечать на вопрос: *как и чем кормят киргизы скот свой зимою?* Не имея ни сена, ни овса, ни другого какого-либо хлеба, они осенью при избрании мест для зимней кочевки, отыскивают хорошие травы, потом, когда снегом покроеет землю, на сии замеченные пастбища пускают сначала лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхушки травы. За ними, на то же место выгоняют рогатый скот и верблюдов, продолжающих есть начатую лошадьми траву и съедающих средину стеблей. Но низшей части оных, близ корня находящейся, верблюды глотать не могут по природному устройению органов питания; а потому и овцы, выпускаемые на пастбу после всего прочего скота, на одном и том же месте находят себе пищу. Сей образ продовольствия стад и табунов называется *тебеневкою*. Пограничные русские жители таким же образом прокармливают свой скот зимою.

Для одних овец, особенно когда их мало, пастухи, или хозяева сами разрывают снег. Где есть *саксауловые* деревья³, там верблюды и овцы питаются зимою иглами оных.

³ См. географическое описание.

Само собою разумеется, что от такой бедной пищи животное не тучнеет, но она поддерживает жизнь его, а в этом заключается все, что нужно для киргизского скота, привыкшего переносить голод, жажду и все перемены погоды. Киргизы, заготавливающие для табунов и стад своих сено, не составляют важного исключения из общих обычаев, число их еще очень мало. Вообще скот в Большой орде крупнее, нежели в двух прочих. Причиною тому умеренный климат. Зимы в той стране гораздо теплее, нежели на Иртыше или Яике.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие есть верный шаг к оседлости и гражданской жизни. Все народы от состояния звероловов, птицеволовов или рыболовов переходили к состоянию пастухов и, наконец, сделались земледельцами [4]. Киргизы поступили бы также, если б они были стеснены и ежели бы степи их были способнее к возделыванию. Теперь хлебопашеством занимается только весьма малая часть⁴ сего народа. Главнейшие его пашни лежат по берегам рек и озер. Мы не можем вычислять их здесь, но скажем, что они завезены в недавнем времени и большею частию людьми бедными, не имевшими достаточного скотоводства для пропитания своего. Первыми учителями киргизов в хлебопашестве были каракалпаки и ташкентцы [5].

Впрочем, земледелие не делает их оседлыми. Они кочуют около пашен своих только до того времени, пока хлеб спеет. Сжав его и обмолотив, они берут с собою нужную часть онога, а остальную зарывают в землю до будущего посева и уходят в другие места. Роды хлеба, ими засеваемые, суть: яровая рожь, пшеница, ячмень и особенно просо. Некоторые сеют дыни и арбузы. Зерно проса, по собственным их уверениям, при хорошем урожае, дает им от 50 до 60 зерен; зерно пшеницы и ячменя приносит от 10 до 15.

В хлебопашестве киргизов всего любопытнее поливка, или наводнение нив, для которых обыкновенно избирают они покатоности гор близ воды, или низкие берега и делают разного рода водохранилища.

⁴ Говорим вообще, ибо если отделять Большую орду от двух прочих, то в ней земледельцев много, особенно в той части ее, которая кочует около Ташкента и Туркестана.

Если пашня при речке, которая летом пересыхает, то возле ее сберегают воду следующим образом; на самом краю берега насыпают вал, который не допускает внешней полый воды стекать обратно в реку и, следовательно, служит первой стеною бассейна, вторую и противоположную первой составляет идущее от берега возвышение, которое препятствует воде разливаться далее, а с боков между возвышением и валом в узких местах делаются плотины. Коль скоро в приготовленный таким образом бассейн весною нальется вода, то она остается в нем как в пруду и, будучи ограждающими ее валом и плотинами возвышена над пашнею, возле лежащею, доставляет возможность поливать оную во все время, пока вода не испарится.

Пашни, у больших рек лежащие, поливаются летом чрез запружение их, как будет объяснено позже.

Если нивы лежат около небольшого озера, то самое озеро обращают в бассейн, обрывая его кругом валом. Сим легким средством сохраняют в нем большую часть втекающей в него весною воды и возвышают поверхность ее так, что проводить оную на поля делается весьма удобно.

Если пашня удалена от воды, то проводится к ней из реки или из озера ров, на конец его выкапывается яма сажени в 2,5 или в 3 в поперечнике, а в яме устраивается машина [6], состоящая из трех колес разной величины. Меньшее из них, будучи движимо руками, приводит в обращение среднее, а среднее служит к приведению в действие третьего большого, которое, приделанными к нему узкими ведрами, черпает воду и потом выливает ее в желоб, проведенный на пашню. Впрочем, таковые машины, перешедшие к киргизам от бухарцев или ташкентцев, требуют немалых издержек и искусных работников, а потому очень редки.

Колеса, черпающие воду, употребляются и на тех нивах, которые близки к воде, но лежат на равнине и для которых нельзя сделать возвышенного бассейна.

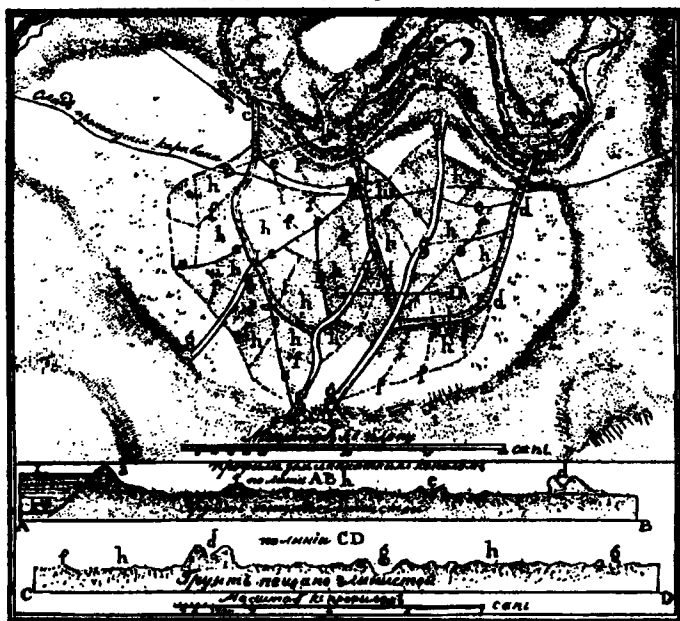
Где несколько пашен вместе, там хозяева оных копают один общий главный ров, и потом каждый из него проводит воду на свою собственную ниву. Запруживают его так, что один земледелец, наводнив свою пашню, разрезывает перегородку, отделяющую его от соседа, и пускает воду к нему, сей последний то же делает с третьим и так далее.

Каналы для поливки пашен, устроенные около реки Сыр, замечательны как пространством своим, так и глубиною. Говорят, что они выкопаны до занятия сей страны киргиз-казаками [7].

Как на тех полях, где вода для поливки удержана в возвышенных бассейнах, так и в тех случаях, где она поднимается из ямы колесом, посредине пашни делается один или два главных вала с желобами наверху, от валов сих проводятся в обе стороны меньшие валики с такими же желобками и, наконец, к сим валикам примыкают еще низшие валики или бороздки, разделяющие пашню на квадраты или параллелограмм. Главный вал делается выше валиков, валики выше бороздок, и потому вода свободно может переливаться с первого на вторые, и с вторых на третьи. Устроение сие яснее можно видеть из прилагаемого плана киргизской пашни, снятого одним из русских инженерных офицеров при реке Ирғиз.

Буквы означают на сем плане следующие предметы:
aa — насыпь, для удержания воды от разлива;
в — место, где во время маловодия бывает плотина;

Планъ киргизской пашни.



cc — места, где насыпь *aa* прорезывается для впуска воды на главные валы с желобами;

dd — главные валы, на кои пускается вода;

ee — малые валы, на кои течет вода с главных валов и потом стекает на бороздки;

ff — бороздки, на которые течет вода с малых валов и с коих она разливается по пашне;

gg — каналы ниже горизонта пашни для спуска воды после наводнения;

hh — пашни;

i — горизонт воды весной или летом по запружении реки;

к — горизонт воды в реке среди лета.

При сем устройстве можно наводнить или всю пашню вдруг или только желаемую часть оной. В последнем случае стоит только заложить или залепить глиною⁵ те места, где к главному валу примыкают валики, на которые не нужно пускать воды. В местах, скудных водою и у людей бедных, не имеющих достатка устроить колеса для подъема воды, она вливается в желоб кожаными мешками и разными деревянными сосудами. Некоторые даже употребляют для черпания оной журавцы, делаемые в России при колодцах [8].

Время для поливки назначается смотря по месту, погоде и количеству воды. В северной части степи, на тучных землях иные пашни наводняются только два раза в лето, в южной полосе и на песчаных местах, многие поливают чрез 3 и 4 дня.

Пашут киргизы сохою [9], составленною из деревянной развилины с овальным железным на конце сошником и с длинною, вверху к ней приделанною палкою, которая служат дышлом и к которой прикрепляется ярмо для запряжки двух верблюдов, волов или лошадей. Малые пашни иногда взрывают заступами [10]. Вместо бороны служат киргизам пуки древесных ветвей или хворосту, привязываемые к лошадиным хвостам [11]. Для жатвы употребляют они маленькие серпы, а иногда просто выдергивают колосья из земли руками. Молотят лошадьми и быками, гоняя их на веревках по колосьям сжатого хлеба.

⁵ Удобство делать желоба из глины для поливки заставляет киргизов избирать под свои пашни преимущественно земли глинистые.

В заключение заметим, что киргиз-казаки прежде сеют, нежели пахут, или, лучше сказать, что они раскидывают семена на поле прежде обработки оногo и потом уже вспахивают.

ЗВЕРОЛОВСТВО

Звероловство киргиз-казаков совсем не так значительно, как бы оно могло быть у народа кочующего, однако ж, они занимаются оным, и шкуры, добываемые сим промыслом, составляют довольно значительную статью их торговли с соседями.

Средства, употребляемые ими для ловли зверей, многообразны. Любимейшее и любопытнейшее из них есть лов беркутами (род орла, называемого *falco fulvus*), которых получают киргиз-казаки от башкиров [12] из гор уральских и учат так же как ястребов, а потом возят с собою на седлах, накрывая головы их чехлом для того, чтоб они не были развлекаемы посторонними предметами. Встречая добычу, киргиз немедленно снимает с беркута покрывало, беркут летит, бросается на зверя, впускает когти в его тело, стягивает его и держит, пока хозяин подъедет к нему довершить поражение копьем, чаканом или просто плетью. Сим способом ловят не только зайцев, лисиц, диких коз, но даже и волков. Иногда беркут, бросаясь на голову зверя, выклеывает ему глаза. Почти также употребляют киргиз-казаки выученных ястребов и соколов, но только против слабых животных.

Сайгаков ловят таким образом: заметив место, к которому стада их приходят на водопой, втыкают в землю близ оногo на какой-нибудь покатости полукругом несколько рядов заостренных отрезков камышей, а на концах полукруга насыпают земляные курганы в рост человеческий; охотники между тем где-нибудь сзади прячутся. Как скоро сайгаки придут к приготовленному таким образом месту, их пугают сзади, а они, принимая насыпи земляные за людей, нападающих на них с обеих сторон, бросаются в средину полукружия и напираются на острые верхи камышей. Тут берут их руками.

Для ловли подобным образом кабанов, вбивают в землю заостренные колья и потом выгоняют их на оные, зажигая камыши, в которых они живут.

То же делают и с тиграми или юлбарсами. Кроме того, для животных сих двух родов ставят еще иногда капканы. Наконец, отважные киргизы, как говорят, вы-

ходят на бой с тигром без всякого другого оружия, кроме толстого стеганого халата, в левой руке и кинжала в правой. Халат накидывают зверю на голову, а кинжалом поражают его в бок, после чего он слабеет и истекает кровью.

Малосильных зверей киргизы ловят силками, иных застегивают плетьюми и нагайками, других травят собаками, но очень мало бьют их стрелами из луков и еще менее — огнестрельным оружием.

Дикие лошади, или куланы, обыкновенно сходят с Устюрта к морю на водопой почти всегда по одной ими протоптанной тропинке. Тропинки сии отыскиваются охотниками, и по открытии обсаживаются разными кустами, за которыми прячутся все участвующие в ловле, исключая одного или двух человек, оставляемых на высотах для подания знаков. Коль скоро стадо лошадей дойдет до моря, то охотники бросаются на них из засады и начинают стрелять в них из ружей и луков. Испуганные животные обращаются назад, но выстрелы скрывшихся по дороге охотников заставляют их вторично бежать к морю, бросаться в оное и плавать до тех пор, пока есть силы. По прошествии некоторого времени изнеможенные лошади приближаются к берегу, и тут их ловят без труда и оружия.

РЫБОЛОВСТВО

Ни количество рыбы, добываемой киргизами, ни способы ловить ее не заслуживают внимания. В пищу употребляют ее большею частью только бедные люди, живущие при некоторых озерах и реках, а предметом внешней торговли она быть у них не может, ибо некуда ее сбывать. Посему рыболовство в народе киргиз-казачьем, хотя и начало с некоторого времени распространяться, но все еще незначительно.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ

РУКОДЕЛИЯ И ИСКУССТВА

Говоря вообще, степень просвещения народа служит к определению степени искусств, в нем существующих, однако ж, есть необразованные народы, которых изделия

удивляют Европу. О киргизах нельзя сего сказать — все рукоделия у них в младенчестве.

Замечательнейшее из оных есть выделывание кож. Шкуру, на которой желают сохранить шерсть, или волос, вымыв в теплой воде, сперва очищают ножом от мясных частей, на мездре остающихся, потом, в течение четырех или пяти дней, мочат ее по нескольку раз кислым и соленым коровьим молоком, после, расстилают ее на солнце и, когда она высохнет, то долго мнут руками. Для сохранения оной впоследствии времени от сырости, коптят ее в дыму, опять мнут руками и шерсть расчесывают, а мездру натирают мелом.

Кожи бараньи и козьи, употребляемые для одежды, называемой *даха*, или *джаха*, приготовляются так: остриги шерсть, спрыскивают их теплою водою, свертывают в трубки и кладут в теплое место, где держат до тех пор, пока волосные корни отпреют и станут вылезать. Тут скоблят шерсть ножами, просушивают кожу на воздухе и потом кладут в кислое молоко дня на три или четыре. Вынув из молока, сушат в тени, мнут руками, коптят в дыму, опять мнут руками, пока дадут надлежащую мягкость и, наконец, красят в темно-желтый цвет краскою, составляемою из корней ревеня или из каменного чая с квасцами и бараньим салом. Состав сей густ, как кашица, и кожи, с обеих сторон намазываемые оным в течение двух или трех дней, после каждого раза просушиваются и мнутся, от чего получают свойство не пропускать сквозь себя влаги и мыться как полотно, не теряя цвета.

Для сохранения в путешествиях воды киргизы, равно как башкиры, бухарцы и большая часть народов Средней Азии, имеют мешки из целых бараньих кож, в которых незашитое горло служит единственным отверстием и в которых вода не только сохраняется весьма долго во время жаров, но еще бывает прохладна. Мешки сии называются *турсук*, *мяш* [1].

Сверх того в киргизских ордах делается много разного вида и величины сшитых кожаных сосудов. Кожи, для них предназначаемые, равно как и прочие, оставляются в начале преть в теплом месте, потом очищаются от шерсти и квасятся в кислом соленом молоке, наконец, растягивают их на кольях и вырезают из них желаемого вида части, которые немедленно сшиваются тонкими жилами. Сшитый таким образом сосуд высушивается и, будучи между тем выправляем руками, не только получает пред-

назначенный ему вид, но делается твердым. Наконец, дабы не сообщал он жидкостям ни вкуса, ни запаху, ни цвета, его копят⁶.

Жилы, которыми сшиваются кожи, предварительно сушат и толкут ступами. Из шерсти овечьей делают киргизы различные употребления. Самую лучшую прядут, красят и ткут из нее род ковров или, переплетая ее с камышом, составляют занавески для кибиток [2]. Грубую употребляют на войлоки. В последнем случае разбивают ее палками так, чтобы не было комков, расстилают на старом войлоке, уравнивают, поливают кипящею водою, скатывают вместе с подложенным войлоком в трубку, стягивают веревками, и потом или топчут ногами, или бросают вверх и бьют о землю. Наконец, разбивают трубку и находят шерсть, превратившуюся в войлок.

Из козьего пуха валяют шапки, из верблюжьей шерсти пряденой ткут плотную материю, очень похожую на обыкновенный шерстяной камлот с косыми рядами и известную в России под именем *армячины*. Ее никогда не красят, но для крашения прочих изделий шерстяных употребляют, как мы сказали, корешковый ремень, каменный чай, маориону, бук и проч.

Мыло киргизское выделяется из овечьего сала и из золы, которую доставляет трава, называемая ими *ит-сигаг*, т. е. собачья, или песья, моча. Оно имеет черноватый цвет и свойство выводить из белья всякого рода пятна.

Веревки вяжут из конских волос и козлиной шерсти.

Из ремесленников между киргизами известны серебрянники, медники, кузнецы, токари. Первые и вторые делают большею частью украшения для лошадиной сбруи, для поясов с сердоликами, бирюзами и золотыми насечками, также женские головные уборы, нагрудники и проч. Кузнецы делают ножи, копья, чеканы, удила для лошадей и другие необходимейшие в домашней жизни вещи. Ножи и кинжалы выделывают они из старых кос, от русских получаемых. Токари большею частью точат деревянные чаши, которые иногда бывают необыкновенно велики. Впрочем, все произведения сих ремесленников вообще грубы и потому не обращают на себя особенного внимания.

В статье *о воспитании* говорили мы, что женщины киргизские занимаются вышиванием разных узоров шел-

⁶ Рубруквис пишет, что монголы таким же образом выделявали кожаные сосуды в его время (в 1254 году).

ками, бумагою, серебром и золотом. Здесь следует прибавить, что искусство сие у них в таком же почти младенчестве, как и все прочие.

Глава СЕМНАДЦАТАЯ

ТОРГОВЛЯ

Сколь ни часты нападения, беспокойства и грабежи, производимые киргизами в пределах смежных с ними владений, но торговля заменяет все потери и делает соседство их очень выгодным, особенно для Китая и еще более для России. Хивинцы, бухарцы, ташкентцы, коканцы, жители северной части так называемой Малой Бухарии, или Восточного Туркестана, также торгуют с ними, но с меньшими против русских и китайцев выгодами. Причины тому следующие: 1) разнообразие и множество отпускаемых Россиею и Китаем киргиз-казачьим ордам мануфактурных изделий и притом таких, которые большею частию не имеют другого выхода за границу; 2) необходимость для России и Китая в сырых произведениях, получаемых от киргизов дешевою ценою взамен помянутых изделий; 3) меры, принимаемые правительствами обоих государств для распространения сей торговли; 4) многочисленность людей, на которых польза ее простирается и, наконец, 5) в отношении к России обширность пространства, на котором торг с киргиз-казаками производится и обогащает пограничных жителей Оренбургской и Сибирской линий.

Киргизы по всей вообще торговле своей в таком отношении к русским, в каком мы по некоторым отраслям промышленности к англичанам и французам. Не должно, однако же, под именем торговли киргизской, разуместь торговлю на деньги, какую ведут между собою европейцы.

⁷ Впрочем, меры сии совсем не одинаковы в обеих землях. Русское правительство для достижения своей цели употребляет издержки и заботы, делает разные заведения, строит меновые дворы, дает купцам привилегии, вооружает караваны, расточает подарки. Китайцы же ограничиваются притеснениями и деспотическою строгостию: они сами ценят пригоняемый к ним скот, дают за оный столько товаров или слитков серебра (*ямбы*), сколько определено собственными постановлениями, а иногда сколько вздумают, и для отвращения всяких разбирательств, жалоб или объяснений с правительством не впускают киргизов в города свои.

У киргиз-казаков она еще находится в том первобытном виде, которой имела у всех народов во время их младенчества. Короче сказать, она заключается не в продаже или покупке, но в мене одной вещи на другую. Привыкнув таким образом получать и сбывать все товары свои, киргизы (говоря вообще) никак не хотят знакомиться с монетами соседственных государств, и боясь быть обманутыми при продаже на деньги, всегда требуют оных чрезвычайно много, а при покупке дают слишком мало.

Главные места, куда приходят они для мены, следующие: на российской границе: Оренбург, Троицк, крепости Петропавловская, Пресногорьковская, Омская, Семипалатинская, Устькаменогорская и Уральск. Сверх того, киргизы ведут меновой торг во многих других крепостях и даже форпостах. Значительнейшая из всех сих торговых точек есть Оренбург. Время самой деятельной меновой торговли заключается между половиною июля месяца и началом ноября или концом октября. Тогда приезжает на оренбургский меновой двор по несколько сот и по тысячи человек в день, а в 1780-м году (как видно из дел архива) бывало тысячи по две.

С китайцами торгуют киргиз-казаки наиболее в Гульдже, или как говорят сами китайцы, в *Или*⁸, и в Чугучаке (по-китайски Чухучу, или Тарбагатай).

Для мены с прочими народами ходят в Хиву, Бухару, Кокант, Ташкент и проч. Жители сих последних городов сами возят иногда товары свои в киргиз-казачьи орды или променивают их на пути чрез оные в Россию. Только русские и китайцы никогда не ведут с ними торговли иначе как на своих границах. Товары, получаемые от киргиз-казаков соседями их, во всех местах одни и те же. Ничего нет легче, как определить их после всего выше описанного. Всякий читатель догадается, что они состоят почти из одних произведений скотоводства. Вычислим оные: овцы, лошади, рогатый скот, верблюды, козы, козий пух, разного рода и разных животных шерсть, шкуры козловые, коневые, бараньи и коровьи, также шкуры волков, лисиц, корсаков, зайцев и сурков, войлоки, армячина, дахи, тулупы, рога сайгачьи, корень марионы. Вот предметы, которыми орды казачьи снабжают Россию. С

⁸ Клапрот (в "Journal Asiatique, Decem", 1824) говорят, что *Илибальк* (город Или), Кульджа и Алмалик означают один и тот же город.

некоторыми изменениями в количестве и с самыми малыми исключениями доставляют они то же и прочим торгующим с ними народам.

Мы не говорим здесь о золоте и серебре, которые с 1748 по 1755 годы в Оренбург и Троицк были привозимы киргиз-казаками вместе с бухарцами и хивинцами. Случайное и удивительное явление сие было кратковременным следствием смерти шаха Надира, после которой разграбленные сокровища его разошлись по всей почти Азии в таком множестве, что не только купцы бухарские и хивинские, но самые простые киргиз-казаки приезжали в пограничные крепости наши с мешками, наполненными индийскими рупиями и другими восточными монетами или слитками из оных. В течение сих пяти или шести лет на одну Оренбургскую линию, по таможенным ведомостям, привезено до 50 пудов золота и до 4 600 пудов серебра. Сколько сверх того тайно ввезено монет, зашитых в пояса и платье? О множестве золота, вошедшего в Россию сим последним средством доносило местное начальство оренбургское⁹ Коллегии иностранных дел, прибавляя, что мена скота киргизского тогда чрезвычайно уменьшилась в Оренбурге. Хивинские купцы скупали на пути большую часть лошадей и овец, шедших в Россию, гнали их в Хиву, где тогда был общий недостаток в скоте после войны, продавали там разбогатевшим своим соотечественникам очень дорого и приезжали потом на границу русскую с наличными деньгами для покупки нужных им товаров. Киргизы и сами делали то же.

Никто, конечно, не в состоянии определить, в каком виде находилась мена киргиз-казаков с южными соседями их назад тому сто лет, и какие в течение сего столетия претерпевала она изменения, но для показания хода торговых сношений с Россией мы прилагаем здесь историческое обозрение оных, извлеченное из дел архива оренбургской таможни (как главной торговой точки) со времени открытия оной.

Древнее сих известий найти невозможно потому, что до заложения Оренбургской линии киргиз-казаки не производили с русскими никакой постоянной торговли и были известны им только по набегам своим.

⁹ См. донесения Неплюева и Тевкелева 1752 года в архиве Коллегии иностранных дел.

Ведомость

о количестве вымененного в Оренбурге от киргиз-казаков скота с 1745 по 1821 годы

В каких годах	Число лошадей и жеребят	Число быков	Число баранов	Число козлов
1745	552	2	3053	52
1746	731	4	4300	275
1747	816	3	5063	238
1748	855	2	6029	176
1749	930	3	7718	331
1750	1184	6	8213	281
1751	1575	10	7735	378
1752	5515	22	16,147	457
1753	10,084	28	24,313	511
1754	6005	32	22,111	342
1755	1761	15	13,147	334
1756	4021	25	15,384	272
1757	4462	1	15,767	12
1758	7064	1	23,597	2304
1759	4141	84	22,870	1778
1760	3757	54	19,530	1589
1761	3187	43	37,768	2945
1762	2639	153	101,820	4456
1763	3299	390	93,330	6871
1764	2840	225	72,734	6776
1765	1626	199	55,134	4540
1766	2088	164	96,972	5102
1767	2696	357	131,378	5800
1768	1740	654	176,922	10,600
1769	1993	354	153,616	6696
1770	889	276	113,115	9354
1771	935	203	168,602	7269
1772	769	302	188,078	11,522
1773	804	142	196,016	8199
1774	171	36	30,237	724
1775	1218	164	172,495	3733
1776	3145	382	153,052	2998
1777	3787	675	141,272	3789
1778	4503	813	146,898	4751
1779	3504	430	182,672	5630
1780	4643	379	225,486	7250
1781	5724	437	205,616	8283
1782	5915	443	221,531	9037
1783	4140	363	189,292	8765
1784	2470	447	211,485	8785
1785	2013	362	202,151	6452
1786	3559	1021	372,917	12,218
1787	3127	708	362,134	13,033
1788	4921	313	205,569	9204
1789	2829	810	236,032	7485
1790	2154	1325	187,286	5968
1791	1738	1415	209,011	8508
1792	1859	678	270,373	9600

В каких годах	Число лошадей и жеребят	Число быков	Число баранов	Число козлов
1793	1444	506	198,614	7967
1794	2480	429	176,575	6474
1795	1100	431	241,749	8510
1796	1489	542	179,227	5553
1797	2859	1077	114,441	3497
1798	3187	957	223,238	7425
1799	2250	1268	132,065	7166
1800	2116	867	85,221	2605
1801	1639	939	98,635	2547
1802	1727	703	110,139	3841
1803	1995	1719	122,495	5513
1804	942	357	95,827	3802
1805	776	401	105,240	4452
1806	355	154	67,699	3001
1807	146	60	25,454	1250
1808	192	393	77,435	3515
1809	42	291	89,900	6935
1810	36	342	65,699	5639
1811	6	428	49,288	8438
1812	6	451	36,880	1004
1813	53	225	18,316	207
1814	8	301	23,705	394
1815	21	707	40,013	761
1816	184	1425	70,373	1567
1817	61	565	52,470	2716
1818	14	455	90,558	299
1819	9	315	143,336	1417
1820	68	1074	160,296	3268

В дополнение к сей таблице, основываясь на уверениях старых таможенных чиновников, должны мы прибавить, что в прежние годы число вымененного скота всегда показывалось в ведомостях по разным уважительным причинам неполное и, следовательно, все означенные здесь количества должны быть нами увеличены. По сей причине и по словам оренбургских старожил, надобно полагать, что в цветущее время мены с киргизами, как то: в 1786 и 1787 годах, выменивали у них ежегодно до 5 000 000 овец в Оренбурге и столько же в прочих местах нашей границы. Следовательно, в Россию всего входило до 1 000 000 овец в год. Число лошадей, полученных на Оренбургской и Сибирской линиях, вместе доходило в иные годы до 50 000. Ныне же во многих местах сами киргизы берут их от русских и в большом количестве. Верблюдов киргизских идет в Россию очень мало, но их выменивают в значительном количестве бухарцы, хивинцы и ташкентцы. Торг рогатым скотом киргизским вообще очень не важен. В Россию наиболее идет он чрез Троицк.

Если верить нынешним киргиз-казакам, то предки их в счастливые времена выпускали в Китай, Бухарию, Хиву и прочие соседственные земли разного скота не менее того, что тогда же выходило от них в Россию. По сим известиям могли они променивать во все стороны ежегодно до 2 000 000 овец и около 100 000 лошадей, не считая прочих товаров. Событие может быть вероятное в прошедшем веке, но совершенно невозможное теперь! Междоусобия и баранты так уменьшили стада и табуны киргизские, что они и половины показанного количества скота не выпускают ныне, а в первых годах текущего столетия мена русских с киргизами была, как видно из вышеприложенной таблицы, еще в худшем состоянии.

Для составления общего известия о ней в наше время по всему пространству границы поместим здесь выписку из всех таможенных ведомостей Оренбургской и Сибирской линий за 1819 и 1820 годы.

В 1819 году выменено разного скота:

В Оренбурге	145,077
Троицке	2,356
крепости Петропавловской	69,679
Семипалатинской	9,945
Омской	3,238
Пресногорьковской	4,485
Устькаменогорской	4,220

К сему прибавить должно число скота, вымененного в землях уральского казачьего войска [1], также в заставах Коряковской [2] и Николаевской, в таможене Бухтарминской [3] и по разным крепостям, где нет меновых дворов, что составляет до 120 000. Итого: 359.000

В 1820 году выменено:

В Оренбурге	164,706
Троицке	12,335
крепости Петропавловской	82,880
Семипалатинской	15,017
Омской	625
Пресногорьковской	5,316
Устькаменогорской	586

В землях войска уральского, в Бухтарминской таможене, в заставах Николаевской и Коряковской и по разным

крепостям, где нет меновых дворов, до 130 000. Итого: с лишком 411 000.

При открытии мены с киргизами в 1736 году, правительство российское положило брать с них, равно как и с прочих иноземцев, таможенной пошлины по два процента с цены привозимого товара. В 1739 году прибавлен еще один процент. В 1750-х годах брали по пять процентов. Наконец, положено ничего не требовать с киргизов за мену; но брать 10 процентов с русских купцов при ввозе ими товаров на меновой двор.

Взамен отдаваемого киргизами скота и других сырых произведений своих получают они из России разные железные, чугунные и медные вещи, например: котлы, таганы, приборы к седлам, наперстки, иглы, ножницы, ножи, топоры, косы, замки и проч., равным образом бархаты, сукна, парчи, шелковые ткани, позументы, платки, ленты, выбойки, тесемки, сундуки, квасцы, купорос, бисер, маленькие зеркала, холст, нюхательный табак, белила, румяна, выделанные кожи или юфть¹⁰, шкуры выдровые, муку и проч.

Все товары сии, исключая весьма немногие, обыкновенно бывают собственно русские, и большая часть оных не идет от нас никуда в Европу. Сообразим замечание сие с числом скота и разных произведений скотоводства, получаемых нами от киргиз-казаков, потом повторим, что до учреждения Оренбургской линии киргизы не имели никаких постоянных торговых сношений с русскими и, наконец, спросим: “Подлежит ли сомнению польза, получаемая Россией от установления связей с казачьими ордами?”. Какой другой народ доставил бы нам в таком же большом количестве произведения, вымениваемые нами теперь у них? И кто взял бы от нас все те товары, которые мы ныне им отпускаем?

Еще очевиднее польза торговли, производимой россиянами с водворившимися в Астраханской губернии так называемыми внутренними, или букеевскими киргиз-казаками. Подробные сведения о торговых сношениях сего

¹⁰ Все азиатцы, на Оренбургской линии торгующие, обыкновенно называют русскую юфть *болгарою* (болгара). Слово сие, как известно, есть остаток древнего Болгарского царства, некогда процветавшего на берегах Волги в нынешних губерниях Казанской и Симбирской. Оно снабжало Среднюю Азию всеми произведениями севера и собственными изделиями, в числе коих было всегда множество выделанных кож.

народа находим в журнале мануфактур и внутренней торговли на 1828 год. Выпишем оные:

“Торговля внутренних киргизов производится:

1. По Узенской линии, в особенности в Глининском форпосте, чиновниками и казаками уральского войска и несколькими купцами из внутренних городов, которые променивают и продают в течение всего года товары, большею частию российских фабрик, и хлеб, а от киргизов выменивают и покупают до 100 000 баранов. Торговцы сии в течение мая, июня и июля месяцев выезжают по большей части в Нарын-пески и к Кушуму, потому что около Узеней в сие время киргизов бывает немного.

2. По нижней части Уральской линии, от Кулагинской крепости до Гурьева городка, и особенно в Сарайчике, во время зимы, когда киргизы кочуют недалеко от сих мест. Число получаемых здесь от них баранов простирается может до 25 тысяч.

3. В Мочагах по берегу Каспийского моря, от Гурьева до Астрахани, куда выезжают камышинские купцы со значительным количеством хлеба, и из Астрахани татары и армяне. Баранов здесь получается до 50 000.

4. Около Астрахани, на так называемом калмыцком базаре, также зимою. Здесь киргизы променивают около 50 000 баранов, получая за них большею частию бумажные изделия хивинские и от калмыков до 1 000 верблюдов.

5. При Елтонском озере, куда в летнее время приезжают купцы с хлебом и с товарами из Саратова и Камышина. Баранов здесь променивается весьма мало, а хлеб и товары покупаются больше за деньги. Первого расходуется до 10 000 четвертей.

6. В удельном селе Чертаиже, где 1 октября бывает ярмарка. Здесь киргизы выменивают и покупают значительное количество пшеничной муки и проса и променивают много овчин, сырых кож и сала. Количество промениваемых баранов незначительно, потому что позднее время сей ярмарки не благоприятствует отгону баранов во внутренность империи, и сверх того киргизы стали посещать ее недавно.

7. По кордонам Чижинским и Деркульским. Торговля здесь незначительна и непостоянна, потому что киргизы здесь живут временно. Она производится живущими по сим кордонам казаками и несколькими чиновниками

уральского войска, и вымениваемые бараны отгоняются обыкновенно в Уральск.

8. По кордонам Кушумским. Торговля здесь производится большею частью летом выезжающими из Глининского форпоста торговцами и живущими по кордонам сим казаками.

9. При Ханской ставке. Здесь начинает образовываться торговля довольно важная: российские торговцы продают и променивают хлеб и товар. В октябре и ноябре месяцах 1827 года разошлось хлеба около 30 000 четвертей.

10. Значительнейшая торговля производится в самых кочевьях киргизов. При урочищах Уялы и Чапчаги бывает съезд, и купцы, приезжающие из внутренних городов, большею частью покупают на наличные деньги баранов, а сверх того непрерывно разъезжают по орде купцы, и даже киргизы с товарами, взятыми от купцов на комиссию. При первом месте и около оногo продается около 75 000, при втором — около 50 000, а в отдаленных от сих мест кочевьях — не менее 25 000 баранов.

11. В колониях, расположенных по луговой стороне Волги от Саратова до Камышина, киргизы покупают, частью же и выменивают, значительное количество хлеба, табаку и некоторых мелочных товаров. Количество промениваемых здесь баранов незначительно, но торговля сия приметно возрастает, потому что колонисты ласковым и честным обхождением привлекают к себе киргизов более и более.

12. С некоторого времени киргизы начали гонять на ярмарки по Оренбургской и Саратовской губерниям лошадей, которых продают ежегодно около 3 000.

Количество сбываемых киргизами Внутренней орды ежегодно баранов может быть определено в 400 000, за которых они по средней цене минувшего 1827 года, именно по 6 руб. 50 коп., получают денег и товаров на 2 600 000 руб. За 3 000 лошадей положить можно 100.000 руб.

Сверх того они продают: пуху козьего около 4 000 пуд по 20 руб. на 80 000 руб.;

кож конских 15 000 от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. каждая — на 25 000 руб.; овчин 100 000 по 60 коп.— на 60.000 руб.; шкур заячьих сырых 10 000 по 50 коп. — на 5.000 руб.; сала бараньего 10 000 пуд от 5 до 6 руб.— на 55.000 руб. Цена всех сбываемых произведений — 2 925 000 руб.

Мягкой рухляди в продажу вовсе не поступает, потому что в местах, Внутреннею ордою занимаемых, зверей мало, да и добываемые шкуры употребляются на одежду самими киргизами.

Еще продают рога сайгачие, кошмы и некоторые мелочные вещи, но в столь малом количестве, что оные не заслуживают никакого внимания.

Китайцы наиболее снабжают киргиз-казаков шелковыми тканями, фарфором, парчами, лакированную посуду, иногда чаем, серебром и разными изделиями своих мануфактур.

Бухарцы, хивинцы и ташкенты также большею частию променивают им бумажные и шелковые ткани, стеганные халаты, ружья, сабли, порох и проч. Взамен же из орд киргизских сверх произведений скотоводства получают они невольников¹¹, увозимых с границ русских.

Говоря о торговле собственно киргиз-казаков, нельзя не сказать нескольких слов о посредничестве их в торговых сношениях России с Среднею Азиею, о посредничестве самом вредном и всегда опасном, но к которому невольно прибегают купцы хивинские, бухарские¹², ташкентские, кашкарские и других соседственных городов потому, что не могут достигнуть пределов наших, ни возвратиться из оных иначе, как чрез степи киргизские, где, как известно, нет проложенных дорог, и где странник без путевода и защиты ежеминутно подвержен опасности быть ограбленным, убитым, или умереть от недостатка воды. Притом же киргизы сверх обязанностей хранителей и *вожатых (карекаш)*, принимают на себя перевозку товаров на своих верблюдах.

С первого взгляда кажется, что последнее обстоятельство должно служить к облегчению торговли и доставлять выгоды как тому народу, который получает плату за провоз, так еще более тем купцам, которые без постороннего пособия должны бы были проходить ужасные

¹¹ Перевозя пленного или невольника из одного места в другое, киргизы обыкновенно сажают его верхом и потом связывают ему руки назад на спину, а ноги под брюхом лошади, которую между тем провожатый берет за повод.

¹² До принятия киргиз-казаков в подданство России или, лучше сказать, до основания Оренбургской линии, бухарцы и хивинцы торговали с русскими в Астрахани, приезжая в оную на судах с восточного берега Каспийского моря и большею частию с Мангишлака, где оставляли они караванных верблюдов своих. Впрочем, бухарцы посылали иногда караваны свои и в Сибирь.

степи на собственных верблюдах, и, следовательно, встречать гораздо более остановок в пути, но внимательное рассмотрение открывает, что сие пособие киргизов наносит купцам Средней Азии бесчисленные затруднения, препятствия и потери.

Затруднения начинаются тем, что хозяева товаров, условившись в цене провоза¹³, и выступая в путь, теряют всякое право располагать ходом каравана или вмешиваться в какие-либо по оному распоряжения. Вожатые делаются господами: избирают направление путешествия, располагают дневками, ночлегами, временем выходов, привалов и проч., повинуюсь только своему караван-баше, т. е. главе каравана, и то не всегда. Менее заботясь о краткости пути и возможности скорее совершить оный, нежели о собственных выгодах, они обыкновенно стараются проходить чрез свои аулы, где могут без издержек сделать новые запасы для дальнейшего продовольствия в дороге, где отдыхают они несколько дней, и в случае нужды переменяют усталых или ненадлежащих верблюдов. Обыкновение сие определило направление дорог и сообщило им разные названия: есть дорога чумякейская, которая проходит чрез места, занимаемые чумякейским родом, от того же даны названия дорогам дюрткаринской, япасской и проч.

Необходимость следовать дорогою, избранную вожатыми, и потеря времени в путешествии ничтожны для купцов в сравнении с опасностями, которым они беспрестанно подвержены в киргизских степях. Здесь останавливает их какой-нибудь сильный султан и за проход чрез свои кочевья требует произвольно им назначаемой пошлины или грозит задержать все товары. Тут встречает их другой повелитель толпы с такими же требованиями и угрозами. А там нападает на них вооруженная шайка разбойников, которая или по вражде с вожаками их, или по природному своему стремлению к хищничеству решилась разграбить караван и исполняет свое намерение с обычным неистовством.

Слабые роды почти никогда не отваживаются провожать караваны. Защита сильных надежна тогда, когда нет важных распрей. А во время междоусобий многочисленных поколений для торговли нет никакой безопасности — тог-

¹³ За провоз от Оренбурга до Бухары в 1820, 1821 и 1822 годах брали киргизы с верблюда от 80 до 120 руб. на ассигнации. До Хивы платили около 2/3 тех же цен.

да караваны делаются жертвою злобы или баранты, как собственность вожаков.

Иногда расхищают их по одной только зависти к выгодам, получаемым султаном или родоначальником, который часто провожает их. Султан Меньшей орды Каип, бывший несколько времени ханом хивинским, в 1752 году задержал большой караван, из Оренбурга в Хиву или Бухарию шедший без всякой другой причины, кроме той, что правительство российское предоставило ханское достоинство в Меньшей орде преимущественно потомкам Абульхайра. Хан Нурали, сын Абульхайра, отмстил тем же и велел грабить караваны из Хивы в Оренбург шедшие, а когда губернатор Неплюев послал спросить его о причине сих грабежей, он отвечал: *“Потому, что купцы ходят не чрез мои аулы, а чрез аулы моего врага”*.

Россия много употребляла кротких мер к отвращению сих насилий и грабежей, но все они оказались недействительными, и опыт доказал, что доколе киргиз-казаки не изменят народного характера своего или не будут обузданы вооруженною рукою, дотоле не процветать торговле нашей с Средней Азиею. Истина сия есть плод столетних испытаний и наблюдений.

У С Т А В О СИБИРСКИХ КИРГИЗАХ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Сибирские киргизы принадлежат к сословию кочевых инородцев и имеют с ними равные права. Посему прилагаются к ним с точностию следующие статьи общего Устава о инородцах:

1) О правах кочевых инородцев (часть первая, глава V), выключая участия в общих по области повинностях и содержания Степного управления.

2) О инородцах почетных (часть первая, глава VII).

3) О законах и обычаях (часть первая, глава VIII).

4) Общие основания Наказа по управлению инородцами (часть третья, глава I).

§ 2. Страна сибирских киргизов составляет внешние округи Омской области. Посему главные основания к устройству их управления изображены во второй части Общего учреждения об управлении Сибири.

§ 3. Сей особенный Устав о киргизах содержит: *во-первых*, подробное изложение обязанностей их управления; *во-вторых*, особенные постановления о киргизах по различию их с другими инородцами; *в-третьих*, порядок введения сего Устава в действие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Разделение

§ 4. Сообразно с настоящим состоянием заливных киргизов, кочевья их разделяются на волости, волости же на аулы, кои сохраняют нынешние их наименования.

§ 5. В ауле вообще полагается от 50 до 70 кибиток, а в волости — от 10 до 12 аулов.

§ 6. Для удобнейшего управления волостями соединяются оные в округи.

§ 7. Округ содержит вообще от 15 до 20 волостей.

§ 8. Округи преимущественно состояются из тех волостей, кои, считаясь в одном роде или поколении, обвыкли уже быть совокупно, и из волостей, им соседственных.

§ 9. Каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли, и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства.

§ 10. Разграничение сие произвестъ посредством офицеров квартирмейстерской части, при линейном начальстве положенных.

§ 11. Составленные таким образом округи по положению своему суть или пограничные или *близлинейные*.

§ 12. *Пограничные* округи суть те, которые имеют соприкосновение с землями, от России не зависящими. Постановляется правилом, чтоб число сих округов было сколько возможно менее.

§ 13. *Близлинейные округи* суть те, кои прилегают к настоящим Сибирским линиям. Постановляется правилом, чтоб число сих округов было сколько возможно более.

§ 14. Каждый округ, кроме наименования по положению своему, носит еще собственное название по имени знатнейшего урочища на занимаемых оным землях.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Управление

Отделение первое

Состав управления

§ 15. Аулы управляются *старшинами*.

§ 16. Волости управляются *султанами*.

§ 17. Для судных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы, называемые *биями*, удерживают свое значение и название.

§ 18. Для управления целым округом избирают волости *старшего султана*.

§ 19. В каждом округе учреждается *окружной Приказ*.

§ 20. В Приказе под председательством старшего султана присутствуют: два *российских заседателя*, определяемых областным начальником, и два *заседателя из почетных киргизов, по выбору*.

§ 21. Округной Приказ имеет свою канцелярию, переводчиков и толмачей, по штату.

§ 22. Округной Приказ имеет полицейскую и судную власть.

§ 23. Внутреннюю стражу в округе составляет команда линейных казаков, на местопребывание Приказа командированных и, буде возможно, постоянно там водворенных.

§ 24. В случае надобности часть сей стражи в потребном числе людей отделяется и в волости.

Отделение второе

Порядок выборов

§ 25. Старшины для управления аулами выбираются от самих киргизов и утверждаются в сем звании *окружным Приказом*.

§ 26. Выборы старшин производятся чрез каждые три года; может один и тот же старшина выбран быть на несколько сроков сряду.

§ 27. Султаны в выборе старшин не участвуют, но, представляя о выбранном *округному Приказу*, могут присоединять к тому свои мнения.

§ 28. Приказ не отменяет выбора, но в случае несогласия на сей выбор представляет областному начальству.

§ 29. Выбор старшин производить в аулах словесно. Большинство голосов решит оный.

§ 30. Звание султанов есть наследственное.

§ 31. Право их на управление волостями должно переходить только по одной прямой нисходящей линии и по первородству, но и в сем случае сообразно с нынешними обычаями должно предварительно истребовать согласие общества, которое может избрать и другого султана, но не вверяет ему власти без утверждения областного правления.

§ 32. Ежели султан не будет иметь наследника, то брат его или ближайший родственник не иначе заступает его место как по действительному выбору целой волости и с утверждения областного Правления.

§ 33. Таким же образом поступать, ежели род султана совершенно прекратится.

§ 34. Султаны, не управляющие волостями, хотя и не лишаются своего звания, но не должны нимало вмешиваться в управление.

§ 35. При начальном разделении волостей киргизы, отходящие от одного султана в состав новой волости, могут быть от него переданы в управление сыну или брату, ежели волость принять его согласится; в противном случае постановляет султана по выбору волости.

§ 36. Старший султан избирается одними султанами, заседатели же от киргизов в Приказе избираются биями и старшинами. Тот и другие утверждаются областным начальником.

§ 37. Старший султан избирается на три года, заседатели — на два года.

§ 38. Не запрещается избирать одного султана или заседателя более одного срока сряду.

§ 39. Общие выборы производить в августе месяце.

§ 40. Частные выборы по случаю открывающихся где-либо вакансий производятся только для временного замещения до общего выбора.

§ 41. Все выборы производить в местопребывании Приказа по большинству голосов наличных; не могущие явиться по болезни или другим причинам могут к известному сроку присылать свои отзывы письменно, которые и будут иметь силу голоса.

§ 42. Не явившийся лично и не приславший письменного отзыва почитается согласившимся на учиненный выбор.

§ 43. Число голосов с означением, в чью пользу поданы, объявляется в округе во всенародное известие.

§ 44. Сколько для удобства сих выборов, столько же и в удовлетворение народному обычаю, в назначенный день давать в том месте, где находится Окружный приказ, праздник для киргизов, состоящих в округе, на счет сумм, по штату положенных.

§ 45. Тогда же с приличными обрядами доставлять и все полученные в течение года для султанов, старшин и других киргизов за особенные отличия высочайшие награды.

§ 46. Приветствие старшему султану по выборе его киргизы должны делать с особенными по их обычаю обрядами. То же наблюдают они при каждом возобновлении выборов, хотя бы и прежний султан оставался.

§ 47. Праздники делать ежегодно.

§ 48. Вновь избранный старший султан не вступает в отправление должности прежде, нежели получит утверждение от областного начальника.

§ 49. Тогда без всяких обрядов сменяет он предместника и о том объявляется всенародно.

§ 50. Все вообще киргизские старейшины, будучи избранны к отправлению должностей и утверждены в их звании без воли высшего правительства и без сдачи преемникам не слагают с себя произвольно ни прав, ни обязанностей. Они суть местные чиновники, для управления народом постановленные.

Отделение третье

Сравнение в чинах

§ 51. Старший султан имеет быть везде признаваем и почитаем в чине майора российской службы, пока пребывает в должности.

§ 52. Даже и после срочной смены старший султан считается в числе почетнейших султанов и, ежели прослужит три срока, имеет право просить диплом на достоинство дворянина Российской империи; чин же удерживает тот, который ему действительно пожалован будет.

§ 53. Заседатели в Приказе, как российские, так и от киргизов, буде не имеют чина выше, считаются в 9-м классе.

§ 54. Султаны, управляющие волостями, имеют значение чиновников 12 класса.

§ 55. Старшины и бии, ежели не имеют действительных чинов, считаются наравне с сельскими головами.

ГЛАВА ТРЕТИЯ

Наказ полицейский

Отделение первое

По окружному управлению

§ 56. Старший султан есть земский чиновник, которому по избранию его родовичей вверяется от российского правительства местное управление. Он распоряжается всеми способами к сохранению тишины и порядка и к достижению благосостояния подведомственных ему людей.

§ 57. Все дела производит он чрез окружный Приказ.

§ 58. Окружной Приказ есть присутственное место, от имени коего должны исходить все повеления в зависящие от него волости.

§ 59. Все вообще султаны с подведомственными им волостями состоят в точной зависимости окружного приказа.

§ 60. Власть окружного Приказа далее того округа, где он учрежден, не простирается. В случае нужды он сносится с тем приказом до коего дело, по местному управлению, принадлежит.

§ 61. Общее свойство всех полицейских дел, вверяемых окружному Приказу, есть сохранение внутренней тишины и частной безопасности лиц и имуществ мерами предупреждения и пресечения. В сем отношении Приказ равняется земскому суду внутренних округов и имеет все права и обязанности сего установления с применением к особенным о киргизах правилам.

§ 62. Посему Приказ обязан:

1. Действовать к охранению народа от общих бедствий и подавать в таковых случаях нужную помощь.

2. Заботиться о просвещении, трудолюбии и хозяйственных выгодах всех и каждого.

3. Употреблять все средства к немедленному искоренению обычных киргизам беспорядков, а именно: грабежей, баранты и неповиновения власти.

4. Не допускать никого до самоуправства, но в каждой обиде доставлять удовлетворение следствием и судом.

5. Явно нарушающих порядок брать под стражу и предавать суду, но не нарушая общей тишины; в случае же противодействия многих или целой волости, охраняя прочих, немедленно доносить областного начальству и действовать по его предписанию.

6. В случае опасений наряжать разъезды и пикеты.

§ 63. Без исследования, суда и приговора Приказ не наказывает никого.

§ 64. Следствие производить чрез отряжаемых на место российских заседателей при посредстве одного бия по выбору волости.

§ 65. Приказ не предпринимает никаких военных экспедиций и вверяемую стражею действует только как обыкновенную полицейскую команду.

§ 66. Запрещается преследовать преступников или беглецов, уходящих в другие округа, но должно немедленно для принятия нужных мер уведомить тамошний Приказ.

§ 67. Пойманных в степи беглецов из российских поданных отсылают Приказы для суждения к ближайшему внутреннему начальству.

§ 68. Окружной Приказ обязан знать о всех тех, кои имеют пребывание на земле, управлению его вверенной. Посему:

1. Окружной Приказ имеет у себя верные списки султанам и старшинам, с означением занимаемых ими мест, и отмечает все случающиеся в том перемены.

2. Имеет сведения о местах, занимаемых волостями и аулами во всякое время года и о переменах в том случающихся.

3. Ведет народную перепись по числу кибиток и проверяет оную чрез каждые три года.

4. Имеет сведение о землях, ежели поступят оные кому-либо во всегдашнее владение, как равно и о заседаниях, на них сделанных.

§ 69. Приказ получает сведения о проходящих чрез ведомство его купеческих караванах и охраняет оные. Посему:

1. Всякий иноземец, переходящий чрез киргизскую степь на сибирские линии, является в первый Приказ, чрез местопребывание которого будет следовать. Приказ берет с него сказку и отсылает в ближайшую таможню, а между тем снабжает себя письменным видом.

Примечание. Письменный вид необходим для пропуска на линию, кого бы то ни было.

2. Письменный вид, взятый в одном Приказе, объявляется в другом, ежели таковой на пути случится.

3. Ежели целый караван или торговый иноземец не желают посетить местопребывание ни одного Приказа,

тогда может явиться на линию с письменным видом, взятым от султана пограничной волости.

4. Все люди, при караванах находящиеся или отдельно следующие, за беспорядки, ими чинимые, подвергаются на месте исследованию, но для дальнейших об них распоряжений представлять областному начальству.

§ 70. Приказ имеет постоянное пребывание, если можно, в середине мест, занимаемых округом.

§ 71. В порядке производства дел, прилагаются общие по сему правила, с тем, что окружной Приказ за общим подписанием членов ведет журнал делам, которые производить будет.

2. Дела производить на русском и татарском языках.

3. По делам распорядительным в случае разноречия членов исполнение чинится по голосу старшего султана. Поданные против одного голоса представляются на рассмотрение областного Управления.

§ 72. Приказ заведывает и духовными, к киргизам определяемыми.

§ 73. В ведении Приказа состоит вся воинская стража и все заведения в округе.

§ 74. Стража сия не приступает ни к каким действиям без точного назначения Приказа.

§ 75. Места, занимаемые стражею, укрепляются подобно прочим форпостам. Здесь помещаются все заведения при округе.

§ 76. Сверх сих общих правил, постановляются особенные, по положению округов.

1. Об округах пограничных

§ 77. В пограничных округах по распоряжению областного начальства имеют быть постоянными знаками утверждены пределы принадлежащих киргизам земель.

§ 78. Далее сих пределов запрещается киргизам откочевывать.

§ 79. Пределы сии по распоряжению окружного Приказа должны быть тщательно надзираемы посредством разъездов из воинской стражи и из самих киргизов под наблюдением старшин.

§ 80. В приличных местах должны быть устроены постоянные караулы и маяки.

§ 81. За всякие беспорядки, производимые киргизами вне постановленных пределов, немедленно предаются они суду как нарушители тишины.

§ 82. Выходящие по торговым делам иноземцы должны являться к ближайшему султану и иметь от него вид для предьявления в Приказе той волости, куда они отправляются.

§ 83. О всех таковых выданных бумагах султан извещает Приказ своего округа.

§ 84. Иноземцев, желающих переселиться в киргизскую степь, не принимать без позволения их собственного правительства, но и в сем случае — по разрешению областного начальника.

§ 85. До того времени, пока торговля с Китаем чрез киргизскую степь учредится на лучшем порядке, позволяется употребление нынешних обрядов, но рекомендательные письма российским купцам дают сами старшие султаны или предоставляют волостным султанам, которые известны пограничным правителям. Сие позволение давать от приказа письменное.

§ 86. Переходящих без позволения правительства в киргизскую степь китайских подданных предоставлять областному начальству, которое отсылает оных для выдачи в Кяхте.

§ 87. Внутренняя стража в пограничных округах должна быть многочисленнее, нежели в прочих.

II. Об округах близлинейных

§ 88. На особенную обязанность близлинейных Приказов возлагается, чтоб ни под каким видом без позволения не переходили киргизы на внутреннюю сторону их кочевьями:

§ 89. Кочующие близ линии могут по нуждам их бывать в крепостях и редутах, форпостах и селениях, подобно как крестьяне и другие инородцы сие делают для сбыта их произведений.

§ 90. Переход на действительное кочевье внутрь линии позволяется не иначе, как по сношению окружного Приказа с земским судом.

§ 91. Таким образом перепущенные киргизы имеют только право кочевать на тех землях, которые заключаются в пределах Омской области и, считаясь в отлучке от округа, должны состоять в непосредственной зависимости местных земских судов.

§ 92. Ежели бы киргизы пожелали кочевать далее во внутренности сибирских губерний, то позволение на сие дается им не иначе, как по предварительному сношению областного начальника с гражданским губернатором.

§ 93. Во все время пребывания вне Омской области киргизы состоят в зависимости местного губернского и земского начальства.

§ 94. Окружные Приказы вообще охраняют вверенных им людей от притязаний со стороны живущих внутри и на самой линии.

§ 95. Наблюдают, дабы предоставленные казакам на заливнейных местах выгоды не выходили из назначенных пределов. Казаки сии, находясь в округах, пребывают в зависимости Приказа.

Отделение второе

По волостному управлению

О султанах

§ 96. Султан управляет вверенною ему волостию на праве волостного головы.

§ 97. Суд и расправа от него не зависят.

§ 98. Каждый султан имеет при себе помощником по своему назначению сына или ближайшего родственника.

§ 99. Для производства дел султан имеет письмоводителя, знающего русский и татарский языки.

§ 100. Все сведения, потребные окружному Приказу, непосредственно доставляются от султанов и потому должны они собирать оные лично по своему ведомству.

§ 101. Приказ вообще действует чрез султанов и потому они приемлют к действительному исполнению все его повеления.

§ 102. Султаны мимо своего Приказа не производят никаких письменных сношений, исключая жалоб, на самый Приказ приносимых.

§ 103. Старшинами в аулах султаны распоряжаются словесно и не посылают к ним никаких бумаг, кроме всенародных объявлений, если таковые получены будут от Приказа.

§ 104. Султаны исполняют судебные приговоры.

§ 105. На личную султанов ответственность возлагается исполнение всех предписанных правил, охранение общей

и частной безопасности и вообще спокойствие и тишина в волостях.

§ 106. Известясь о вредном где-либо покушении, султаны немедленно извещают Приказ и требуют его пособия, но запрещается им мстить или делать поиски прямо чрез подведомственных им киргизов.

§ 107. Султан не распространяет своей власти ни в какой волости, вверенной другому султану. Хотя бы сей последний и искал его содействия по поводу старшинства в роде. Оба они во всех случаях прибегают к окружному Приказу.

§ 108. Проступок против вышеозначенного правила считать наравне с самоуправством.

О старшинах в аулах

§ 109. Старшина управляет вверенным ему аулом на праве сельского старосты.

§ 110. Старшина состоит в точной зависимости султана той волости, которому вверенный ему аул принадлежит.

§ 111. Все личные приказания султана исполняет с точностию.

§ 112. Доставляет оному все потребные сведения.

§ 113. Без ведома султана не откочевывает с места на место.

§ 114. Сохраняет тишину и порядок в вверенном ему ауле.

§ 115. Мимо султана не производит ни с кем по службе сношений.

§ 116. Те старшины, коим, по согласию народа и звания бия присвоено будет, имею право принимать оное.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. *Наказ хозяйственный*

Отделение первое. *Казенное хозяйство*

Назначение сумм

§ 117. Старшие султаны, члены окружных Приказов и султаны, управляющие волостями, получают жалованье в положенном по штату числе, равно как лекари, письмоводители, переводчики и толмачи.

§ 118. Окружным Приказом и для волостных дел назначается канцелярская сумма.

§ 119. Назначается сумма на призрение бедных, пользование больных и учебные пособия.

§ 120. На постройку зданий в степи назначается в единовременной отпуск сумма по мере надобности и ремонтная — на поддержание оных.

Порядок расхода и отчетов

§ 121. Всему движению денежных сумм при окружных Приказах ведутся на обыкновенных правилах шнуровые книги.

§ 122. Султаны и старшины в расходе на казенные надобности вверяемых им сумм, подают только простые счета.

§ 123. Порядок записи сумм в шнуровые книги, ревизия и отчеты составляются на общем порядке.

Постройка зданий

§ 124. В каждом округе имеют быть построены следующие здания: 1) дом для помещения окружного Приказа, его членов, чиновников, канцелярии, переводчиков и толмачей; 2) молитвенный дом с жилищем для духовенства; 3) больничный дом для помещения от 150 до 200 человек; 4) казарма для помещения казаков, ежели не представится возможности водворить оных.

§ 125. На все сии здания составляются предварительно планы и сметы и с означением местных средств к приведению в исполнение, представляются на утверждение высшего правительства.

§ 126. До того времени, пока постройки сии совершены будут, все заведения при открываемых округах поместить в особых кибитках.

§ 127. Скорейшая постройка предположенных зданий возлагается на попечение областного начальника.

Отделение второе. Сборы и повинности

Сборы вещественные

§ 128. Каждый округ, со дня введения в оный нового распорядка, пользуется пятилетней льготой от всех податей.

§ 129. В течение льготных лет могут от киргизов принимаемы быть одни только добровольные приношения

для больниц, школ и на благотворительные заведения, как скотом, так вещами и деньгами.

§ 130. Равномерно могут киргизы, по нынешнему их обыкновению, делать вспоможения своим султанам.

§ 131. О каждом таком вспоможении извещать окружные Приказы, которым поставляется в обязанность наблюдать, дабы пособия сии отнюдь не были вынужденные.

§ 132. Содержание духовенства вообще возлагается на попечение султанов.

§ 133. Пожертвования киргизов на благотворительные заведения поступают в Приказы, которые ведут им счет запискою в шнуровые книги; и как большая часть таковых жертвований состоять может в скоте, то употребляют оный по мере надобности, излишний же затем продается. Вырученные деньги совокупно с денежными приношениями составлять должны экономию тех заведений.

§ 134. По окончании льготного времени собирать с киргизов ежегодно ясак скотом со ста голов одну, с верблюдов ясак не собирается.

§ 135. Областное управление предварительно обязано для каждого года составить смету, сколько потребно лошадей в ремонт казачьим полкам и сколько потребно какого именно рогатого скота для учрежденных по линии гошпиталей, равно для больниц и благотворительных заведений в степи.

§ 136. По таковой смете, Главным управлением утвержденной, отсылается потребное число скота в те места, куда назначено из общего годового сбора.

§ 137. Остальной за тем скот продавать при таможах, и вырученные деньги отсылать в государственный доход.

§ 138. Количество скота счислять также по волостям при общей народной переписи и на три года почитать постоянным.

§ 139. Сбор с киргизов делать по волостям.

§ 140. Сборы делать один раз в году, в летнее время.

§ 141. Принимая ясак, не делать излишней браковки, лишь бы только рогатый скот был здоров, а лошади годны к употреблению.

§ 142. Употребление гербовой бумаги и тому подобные штемпелевые налоги во взаимных между киргизами делах не допускаются, но в исковых денежных делах между ими и россиянами сборы сии производятся на общем законном основании.

Очередные повинности

§ 143. Очередные повинности киргизов состоят в одном устройении внутренних сообщений.

§ 144. Каждый аул с волостным султаном и волостной султан с окружным Приказом имеют сообщение, равно и сии последние между собою и с областным начальством.

§ 145. Сообщение сие имеет чрез киргизов, по очереди с каждого аула, на верховых лошадях отряжаемых.

§ 146. Сии отряжаемые киргизы имеют обязанность хранить и исправно сдавать все вверяемые им бумаги.

§ 147. Посылки из аулов к султанам могут быть ежедневно, от султанов в Приказы и от Приказов к областному начальству и между собою один раз в неделю по обыкновенным делам.

§ 148. В случаях чрезвычайных посылаются нарочные.

§ 149. Сих нарочных, как равно всех чиновников и служителей, по службе отправляемых, обязаны киргизы возить от одного аула до другого по письменным видам.

Отделение третье. Внутреннее хозяйство

Народное продовольствие

§ 150. Хотя хлеб и не составляет существенной потребности киргиз-кайсаков, но дабы предохранить их от крайней нужды в случае истребления табунов их заразою и вместе с тем поощрить их к земледелию, полагается при каждом округе открыть казенную хлебную продажу.

§ 151. Заготовление и доставка хлеба производится по распоряжению областного начальства сообразно с тем порядком, какой вообще по части заготовления в запасные магазины хлеба в сибирских губерниях наблюдается.

§ 152. На первое заготовление хлеба производится из казны ссуда для каждого округа по 30 000 руб. В последствии капитал сей должен возрастать собственным своим оборотом, когда же растет оный более, нежели в два раза с половиною, тогда данную ссуду в казну возвратить.

§ 153. Собственное приобретение по оборотам сего капитала составит особенную для каждого округа экономическую сумму по продовольствию.

§ 154. Сумму сию почитать общественною и в счет оной наблюдать все установленные правила.

§ 155. Для составления сего приобретения, при продаже хлеба на весь употребленный капитал, считая покупку,

доставку, содержание смотрителей и вахтеров и проч., полагать прибыли по 10-ти процентов.

§ 156. Производство продажи разделить на два разряда — для богатых и для бедных. Для первых отпускать хлеб с приращением, выше сего означенным, для последних — с уменьшением сей прибыли или и вовсе без оной, по усмотрению и назначению областного начальства.

§ 157. Цены предварительно должны быть объявляемы по третям года.

§ 158. Продажу бедным производить не более как по три пуда вдруг.

§ 159. Продажу с процентами может делать и до 100 пудов вдруг, но не более.

§ 160. Хлеб продавать на деньги.

§ 161. Смотрителей и вахтеров определяет областное Правление. Жалованье и довольствие производить им из хлебного капитала.

§ 162. Магазины и лавки построить из той же суммы; в расчете продажной цены полагать проценты на сию издержку.

§ 163. Положение сие нимало не стесняет вольной продажи хлеба в киргизскую степь.

§ 164. Самое действие сего положения должно быть до того только времени, пока вольная продажа в степи не усилится. По усилении же ее магазины содержать единственно для бедных и для умерения цен, на общих правилах о сибирских магазинах.

§ 165. Употребление киргизами соли из озер, на их землях находящихся, как равно и продажу оной между собою, вперед до усмотрения оставить свободными.

§ 166. Продажа вина в киргиз-кайсацкой степи запрещается. Для одних праздников, даваемых правительством ежегодно, позволяется оному покупать небольшое количество вина на линии.

Распространение промышленности

§ 167. Из земель, назначенных для каждого округа, отделить, во-первых, удобные для земледелия, скотоводства и других заведений при местопребывании Приказа от пяти до семи квадратных верст, собственно для старшего султана, которыми он может пользоваться, пока пребывает в должности, не лишаясь права на участие в общих пастбищах.

§ 168. Недвижимые на сих землях заведения при смене старшего султана оцениваются и продаются в его пользу.

§ 169. Отвести на том же основании по две квадратные версты для каждого киргизского заседателя.

§ 170. Отвести на том же основании по одной квадратной версте для российских заседателей.

§ 171. Водворяющихся в степи казаков наделить 15-десятиною пропорцією.

§ 172. Затем каждому киргизу, который пожелает производить хлебопашество или иметь другие на месте хозяйственные заведения, отводить для сего по 15-ти десятин на душу.

§ 173. Окружные Приказы должны заботиться как об охранении сих земель, так и о том, дабы не были оные оставляемы без возделывания.

§ 174. Ежели на отведенной земле в течение пяти лет не сделано будет никакого заведения или хлебопашества, тогда земли сии должно отбирать и предоставлять другим.

§ 175. При отводе наблюдать, что ежели на одну и ту же землю будет много желающих, тогда право владения решить им по жребию, в присутствии трех свидетелей из числа биев.

§ 176. Так же поступать и в случае многих разных требований на одну землю под временное кочевье.

§ 177. Вообще кочевье на не отведенных никому землях, для киргизов, состоящих в одном округе, почитать свободным.

§ 178. Султанам под хозяйственные заведения отводить тройную пропорцию, старшинам же двойную.

§ 179. Земли, отведенные для хлебопашества и заведений, переходят в наследство как недвижимая собственность, выключая тех, которые не лицам, но занимаемым ими местам присвоены и на коих, как выше сказано, одни недвижимые заведения составляют собственность.

§ 180. Переводчики и толмачи на отвод земель имеют право равное с казачьими офицерами.

§ 181. Российские заседатели в Приказах и казаки, составляющие стражу, должны подать первый пример к возделыванию земель и хозяйственным заведениям.

§ 182. На отведенных им землях должны они стараться завести хлебопашество и, буде представится возможность, садоводство, пчеловодство и проч.

§ 183. Они должны употребить все старание, чтоб султаны, старшины и прочие киргизы, убеждены были в

пользе таковых заведений; доставлять им к тому все способы и помогать нужными советами.

§ 184. Они обязаны внушать киргизам, дабы охраняли вспаханные свои поля от потрав приличными огорожами.

§ 185. Областное начальство заботится, дабы требования на сельскохозяйственные инструменты могли быть удобно удовлетворяемы покупкою и меною на линии или в самой степи.

§ 186. При каждой команде, командированной в степь, завести как неподвижные, так и подвижные кузницы.

§ 187. Киргиз, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и проч., равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, получают право на особенную награду, о назначении которой представлять на Высочайшее усмотрение.

Отделение четвертое. *Торговля.*

Общие правила

§ 188. Каждый киргиз имеет право сбывать собственные свои произведения и изделия свободно, как внутри своего округа, так и вне оною, даже и на самой линии чрез таможи и заставы.

§ 189. Чрез таможи и заставы каждый киргиз может пригонять стада свои для продажи во внутренние города.

§ 190. Султаны могут отправлять целые караваны как за границу, так и на линию, но отправление на линию производится чрез таможи и заставы.

§ 191. Всякий российский торговец, имеющий право заниматься торговлею в другой губернии, может чрез таможи и заставы ввозить свои товары для мелочной продажи в киргизскую степь.

§ 192. Азиатским иноземцам, которые поодиночке входят будут к киргизам для мелочного торга, позволять сие могут султаны, каждый для вверенной ему волости: позволятся султанам брать с них пошлины, какие взимать признают за удобнее, по согласию и в пользу целых обществ.

§ 193. Движение караванов должно быть в киргизской степи без всяких пошлин.

§ 194. Продажа и мена товаров при караванах также должны быть в киргизской степи без пошлин.

Обращение монеты

§ 195. Во всех округах Омской области обращается монета российского чекана и государственная ассигнация с такою же свободою, как и во внутренних губерниях.

§ 196. На монету и ассигнации позволяется покупка у киргизов их изделий и произведений без всякого стеснения.

§ 197. Меновой торг, независимо от сего, производится на прежнем основании.

Таможни

§ 198. Впредь до утверждения действительной государственной границы линия таможенных учреждений остается на сибирских линиях.

§ 199. Таможни на Сибирской линии действуют на том порядке, какой вообще наблюдать оным предписано.

§ 200. Сбор пошлин остается в настоящей его силе.

§ 201. С переходящих на кочевку внутрь линий киргизов положенный Указом 1800 года сбор и в течение льготных лет производить по-прежнему.

§ 202. Но как киргизская степь не составляет действительной границы, следовательно, и главные торговые места — Петропавловск и Семипалатинск — не можно почитать портовыми, то посему право торговли чрез посылку караванов присваивается там не токмо первой, но и второй гильдиям.

§ 203. Все выходящие на сибирские линии иноземцы должны переходить чрез таможни и заставы и являть в оные полученные в степи виды, которые, будучи надписаны таможеню, служат им для градских и земских начальств вместо пашпортов.

§ 204. Равномерно и пропуск в степь российских подданных, выключая линейных казаков, должно делать чрез таможни и заставы с обыкновенными внутренними пашпортами.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Наказ судебный

§ 205. Все судные дела киргизов разделяются на три рода: а) уголовные; б) исковые, в) по жалобам на Управление.

§ 206. Уголовными делами относительно к киргизам почитать только: 1) государственную измену; 2) убийства;

3) грабежи и баранту; 4) явное неповиновение установленной власти.

§ 207. Все прочие дела, даже и самая кража, доколе нравы их образованием не изменятся, почитаются исковыми.

Отделение первое. *Дела уголовные*

§ 208. Уголовный суд производится не иначе как по предварительному следствию.

§ 209. Следствие поступает на рассмотрение в окружный Приказ.

§ 210. Окружный Приказ в сем случае имеет значение уездного суда.

§ 211. Член, производивший следствие, не имеет голоса в решении.

§ 212. Дела уголовные решаются на основании общих государственных узаконений и по большинству голосов.

§ 213. Старший султан в судных делах имеет только обыкновенное право председателя.

§ 214. Решения по уголовным делам поступают на ревизию областного суда.

Отделение второе. *Дела исковые*

§ 215. Все исковые дела разбираются посредством биев в аулах и волостях.

§ 216. Бии решают оные словесно, по киргизским законам и обычаям.

§ 217. Таковое решение приводится в исполнение в то же время.

§ 218. Ежели бы кто решением биев не был доволен, тогда с представлением ясных доказательств может возобновить дело подачею письменной просьбы областному начальству.

§ 219. Областное начальство, посредством окружного Приказа, дает таковым делам следственный ход и решает оные также по степным киргизским законам.

§ 220. Биев за неосновательные решения подвергать ответственности и взысканию тогда только, когда ясно будет обнаружены со стороны их злоупотребления.

Отделение третье

Дела по жалобам на низшие управления высшим

§ 221. Жалобы на старшин приносятся султанам и Приказу.

§ 222. Жалобы на султанов поступают к старшему султану, который маловажные имеет право рассмотреть и окончить словесно, значительные же предлагает Приказу.

§ 223. Жалобы на старшего султана, на членов Приказа и начальника стражи подаются письменно областному начальству.

§ 224. Виновные из них судятся по законам.

§ 225. Жалобы на казаков, ежели оные будут маловажны, разбирает и оканчивает офицер, командующий стражею.

§ 226. Обличенные в важных проступках предаются суду на тех же правилах, как и прочие линейные казаки.

§ 227. Жалобы от проходящих караванов и от русских людей, по разным случаям в степи бывающих, приносятся султанам, которые дают им установленный ход.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. *Особенные установления*

§ 228. Особенности установления суть часть медицинская, карантинные, установления духовные и по части народного просвещения, благотворительные заведения.

Отделение первое. *Часть медицинская*

§ 229. В каждый округ определяются по два лекаря для пользования как служащих, так и обывателей.

§ 230. При округе учреждаются неподвижные больницы.

§ 231. В больницы сии принимаются из киргизов преимущественно бедные и тяжело больные, сколько позволит помещение.

§ 232. Прислуга в больницах составляется из бедных киргизов и содержится на счет обществ.

§ 233. Медицинские установления состоят в ведении окружного Приказа и в зависимости дивизионного доктора.

§ 234. Медицинские чиновники употребить должны всевозможное старание ко введению между киргизами прививания предохранительной оспы. Успехи в сем деле вменены им будут в особенное отличие.

§ 235. Медицинские чиновники для пользования больных должны делать разъезды по округам.

Отделение второе. *Карантины*

§ 236. Ряд карантин, на сибирских линиях устроенных для предохранения от скотских падежей, остается в его действии.

§ 237. Ежели падеж на скот свирепствовать будет внутри линий, тогда карантин имеют обратное действие, то есть служат к охранению степи киргиз-кайсаков, но остаются также на попечении и ответственности областного начальства.

§ 238. Ежели падеж на скот возникнет внутри степи, тогда окружной Приказ немедленно извещает о том ближайшего окружного начальника на линии для принятия нужных осторожностей.

§ 239. В то же время старается он пресечь всякое сообщение между зараженными и незараженными волостями посредством устройства пикетов на удобных местах.

§ 240. Приказ убеждает киргизов в перемене пастбищ.

§ 241. Доставляет медицинское пособие.

§ 242. Старается учредить подвижные карантин для испытания сомнительных стад.

§ 243. Султаны и старшины обязаны всеми средствами содействовать в сем деле и немедленно извещать об открывшейся заразе, так что каждое в сем случае упущение вменится им в вину.

Отделение третье

Установления духовные и по части народного просвещения

§ 244. Поелику вера киргиз-кайсаков по сие время в сущности более языческая, нежели магометанская, то представляется надежда к обращению многих из них в христианство. Областное начальство может испросить особенную в степь миссию, с тем дабы действовала она одними уверениями и убеждениями без малейшего принуждения.

§ 245. Ежели бы в каком-нибудь округе обращено было в христиан до 1 000 человек, то областное начальство обязано испросить пособия к постройке там церкви и постановление местного священника.

§ 246. Священники стараться должны учредить при себе школы для обучения юношества закону, чтению, письму и первым правилам арифметики, вообще содействуют местному начальству по части народного просвещения.

§ 247. Дети султанов и старшин, буде пожелают, принимаются в военно-сиротские отделения, на линии устроенные, на казенное иждивение.

§ 248. Дети сии по обучении грамоте и арифметике возвращаются к их родителям и родственникам, или по желанию их определяются на службу.

§ 249. Каждый киргиз имеет право сына своего поместить в учебные заведения, внутри империи находящиеся, на общих правилах.

§ 250. В заведении школ, кроме назначенных при духовенстве, не только не делать киргизам воспрещения, но, напротив, содействовать всеми средствами.

Отделение четвертое

Благотворительные заведения

§ 251. Приказ каждого округа обязан всеми средствами заботиться, чтоб никто из вверенного ему народа не терпел нищеты и не оставался без призрения.

§ 252. Для сего преимущественно истребляет он праздность; бродяг размещает в услуги при общественных установлениях, как то: в больницах и проч., или отдает в работники зажиточным киргизам, сохраняя в последнем случае беспристрастие, обоюдные выгоды и порядок.

§ 253. Увечных, престарелых, сумасшедших и вообще не имеющих возможности пропитывать себя трудами, приемлет он на особенное свое попечение и доставляет им общественное призрение.

§ 254. Для приюта людей сего рода иметь в каждом округе от пяти до десяти кибиток собственно от правительства и уделять для них больничную прислугу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Ответственность

Управление

§ 255. Ответственность Управления определяется приложением правил в общем Наказе для управления Сибири изложенных.

§ 256. За беспорядки и своевольство от киргизов ответственуют султаны.

§ 257. Султан, обличенный в попущении грабежа или баранты, а еще более в том участвующий, немедленно передается суду.

§ 258. Султан за неповиновение окружному Приказу и за непозволенные сношения с иностранцами также передается суду.

§ 259. С каждого из членов Приказа взыщется по законам за притеснения и другие злоупотребления, в которых обличен будет.

§ 260. Окружный Приказ ответственует за все сделанные им распоряжения.

§ 261. Приказ ответственует за действия вверенной ему стражи.

§ 262. Приказ, султаны и старшины ответственуют за вверяемое им казенное или общественное имущество.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Особенный наказ областному начальству

§ 263. Областной начальник обязан употреблять все способы к сохранению внутреннего порядка и внешней безопасности, почему он имеет право преследовать производящих грабежи и мятеж, а равно и отражать набеги иностранцев вооруженною рукою.

§ 264. Областной начальник обязан особенно стараться, чтобы с независимыми от России землями заключены были положительные условия для сохранения обоюдного спокойствия и по делам торговым. Само собою разумеется, что окончательное утверждение таковых условий представляет он высшему правительству.

§ 265. Областной начальник заботится о просвещении и домообзаводстве киргизов.

§ 266. Приводит в известность земли, занимаемые киргизами, и разграничивает оные между ими посредством офицеров квартирмейстерской части.

§ 267. Обязывает учредить, где нужно, укрепленные места на общих правилах.

§ 268. Один раз в году областной начальник отправляется сам или отряжает особых чиновников для обозрения и ревизии порядка в степи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Особенные права и обычаи киргизов

§ 269. Каждый киргиз, будучи российским подданным, имеет полную свободу по позволению общества и местного своего начальства отлучаться для собственных своих нужд, промыслов и работы, куда пожелает, на общих правилах и на праве, всем сибирским кочевым инородцам предоставленным.

§ 270. Равномерно и каждый другой российский подданный имеет право отлучаться в киргизские степи как бы в соседственную губернию с узаконенным пашпортом, но не иначе, как чрез таможду.

§ 271. Каждый киргиз может переходить в другое государственное сословие, селиться внутри империи, вступать в службу и записываться в гильдии, где пожелает, на общих правилах.

§ 272. Находясь внутри империи временно по увольнению, зависят киргизы от местного начальства; вступая же в другое сословие, подвергаются всем его обязанностям.

§ 273. Вступая в сословие, обязанное платежом податей, пользуются киргизы пятилетнею льготою и свободою от рекрутства.

§ 274. В волостях, образованных по сему Уставу, сила и действие Указа 1808 года о приобретении киргизов в чистое владение, прекращается.

§ 275. Султаны над подведомственными им киргизами не имеют права ни владетеля, ни помещика, но суть только волостные правители, от высшего начальства с согласия народа постановленные.

§ 276. Посему всякий киргиз от притеснений Султана имеет право просить у ближайшего начальства защиты.

§ 277. Невольники, ныне находящиеся у киргизов, остаются при их владетелях с правом продажи, передачи и наследственного владения, но строго запрещается вновь приобретение в неволю природных киргизов.

§ 278. Число сих невольников и самая их принадлежность должны быть известны окружному Приказу, и все передачи производить с его ведома.

§ 279. Всякий киргиз может иметь недвижимую собственность.

§ 280. Султаны составляют высшее и почетнейшее между киргизами сословие и освобождаются от телесных наказаний.

§ 281. Поелику настоящим установлением доставляется киргизам полная свобода в сношениях с Высшим российским правительством, то посылка от них особых deputаций становится ненужною.

§ 282. Но дабы не были лишены они способов лично уверяться в расположении к ним верховной власти, позволяется султанам целого округа совокупно отправлять депутации в С.-Петербург, но не иначе как на счет тех самых округов и по желанию народа.

§ 283. В таком случае местное Главное управление может позволять сии депутации и отражает с своей стороны пристава.

§ 284. На счет казны депутации приемлются тогда только, когда само высшее правительство потребует оных.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Порядок приведения сего Устава в действие

Отделение первое. Общие правила

§ 285. Настоящий Устав приводится в действие постепенно, начиная с тех волостей, которые особенно испрашивали себе покровительства и присягнули уже в верности подданства, засим приглашаются прочие волости, близ линии кочующие.

§ 286. При самом введении настоящего порядка чрез особо посланных в степь чиновников и письменно областного начальства с особенными обрядами, случают сему приличными, объявить всенародно, что вся степь киргизкайсаков Средней орды приемлется в особенное покровительство и на попечение российского правительства.

§ 287. Тогда же объявить, что различия в правах между верноподданными и залинейными накакого не будет, и что как те, так и другие, могут переходить внутрь линии и опять возвращаться.

§ 288. Объявить, что отныне впредь баранта почитаема будет грабежом и за оную, как равно и за убийство, виновные не ослабно будут преследуемы и строго наказаны.

§ 289. При сем случае внушить: во-первых, что дальнейшее послабление междоусобных беспорядков сего рода вовлечет киргизов в крайнюю бедность в самом скором времени; во-вторых, что от недостатка у них внутреннего устройства целые семейства погибают в болезнях, от которых могут быть пользованы и даже предохранены; в-третьих, что от сего же самого неустройства отвергнутые обществом преступники наши проложили к ним путь и под видом торговцев стесняют их и разоряют.

§ 290. Все статьи из настоящего Устава, относящиеся к правам, выгодам и обязанностям киргизов, как равно и самые объявления, должны быть переведены на их языки, напечатаны и предварительно объявлены.

§ 291. Наконец, не умолчать и о том, что к принятию сего Установления не будут они принуждаемы, но, приняв оное единожды, отступить уже не позволитсЯ.

§ 292. Округи открывать один после другого по мере тех средств, какие областное начальство иметь будет.

§ 293. От прочих волостей ожидать областному начальнику депутатий и принуждения никому не делать.

§ 294. Вообще для введения сего Установления действовать убеждением и доказательством на самом деле пользы его для киргиз-кайсаков, чрез покровительство волостей, поступивших в округи, и сохранение в оных порядка.

§ 295. Успех по введению нового порядка возлагается на особенное попечение областного начальника.

§ 296. Он употребить должен все благоразумие к истолкованию киргизам прямой их пользы и всю бдительность, дабы заведенный порядок шел с точностию и неупустительно.

§ 297. В сем случае областной начальник под главным управлением генерал-губернатора Западной Сибири облакается особенною властью действовать, всеми зависящими от него способами, для общей пользы.

§ 298. Действия свои сообразует он вообще, с наставлениями и требованиями Главного управления, доставляет оному сведения об успехах и в потребных случаях испрашивает его пособий и разрешений.

§ 298. По истечении двух лет с открытия округа действует областное начальство уже с точностию на предписанных правилах.

§ 299. В течение первых двух лет может употребить более чиновников, нежели сколько положено, из других, состоящих в его владении, и может ревизовать чаще порядок.

§ 301. Областное начальство вправе представлять о всем, что для общей пользы в отмену или дополнение сего Устава впоследствии времени, по местному усмотрению, признает нужным, но ничего не вводит без утверждения Высшего правительства.

Отделение второе

Прием волостей в порядок нового устройства

§ 302. Число принимаемых в одно время волостей в порядок нового устройства должно соразмерять со способами к утверждению в оных начальства, дабы тем лучше могли они почувствовать выгоды нового состояния пред прежним.

§ 303. Просьбы о том принимать областному начальнику, подобно, как прежде делалось, на так называемое верноподданство.

§ 304. На разрешение Высшего правительству просьб сих не представлять, но доносить только оному для сведения об успехах сего дела и об открытии каждого округа.

§ 305. Введение нового порядка делать с особыми приличными обрядами и киргизов к присяге приводить по их обычаю.

§ 306. Поелику при открытии округов будут происходить и выборы, то делать и положенные праздники.

§ 307. Первые выборы делать на срок до августа месяца следующего года и с того уже времени считать двухлетний и трехлетний сроки.

§ 308. Дела по баранте, в последний год пред введением нового управления возникшие, разобрать на порядке дел исковых, прежде же случившиеся покрыть забвением.

Отделение третье

Отношения к волостям, не поступившим на положение нового устройства

§ 309. Волости, не поступившие на положение нового устройства, почитать так, как ныне считаются за линейные киргизы.

§ 310. В охранение от их беспорядков оградить открытые округа разъездами и пикетами.

§ 311. Не давать им права торговли во внутренности округов, но позволять только торговлю на линии при таможах.

§ 312. За баранту и убийство, произведенные ими в волостях, открытых по сему Уставу, преследовать, предавать воинскому суду и доставлять обиженным удовлетворение.

§ 313. Так же поступать и за насилие проходящим чрез их земли караванам.

§ 314. Дела их с киргизами, в округах состоящими, разбивать по установлениям сих последних.

§ 315. С киргизами Малой орды, пока не введено будет у оных внутреннего устройства, поступать как с киргизами, не поступившими на положение нового порядка.

§ 316. Ежели бы не большее число аулов или волостей, из коих не можно составить целого округа, просили о принятии их на положение нового устройства, то могут они составить особое отделение от ближайшего округа в зависимости Приказа, пока не умножатся до того, чтобы составили свой округ; или с согласия учрежденного округа, могут навсегда поступить в оный, но в сем случае таковое согласие необходимо.

Отделение четвертое

Движимость линии

§ 317. Сибирские линии в значении стражи не составляют учреждения на всегдашние времена, но по мере распространения порядка в занимаемых киргизами землях, стража сия подвигается вперед и, наконец, должна кончить постоянным утверждением себя на действительной государственной границе.

§ 318. Временное утверждение пикетов и разъездов во внутренней степи по мере надобности зависит от распоряжения областного начальника.

§ 319. Действительное перенесение линии на границу не допускается без разрешения Высшего правительства.

§ 320. Таковому устройству надлежит в свое время представить обстоятельный и подробный план, соображаясь с обстоятельствами, выгодами линейной стражи и местным положением.

Штат расходам на счет казначейства по управлению киргиз-кайсаками Средней орды.

Штат для одного округа					
	Число людей	Одному в год		Всем	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Старший султан	1	1200	—	1200	—
Заседателей российских	2	1000	—	2000	—
Заседателей от киргизов	2	200	—	400	—
Секретарь	1	900	—	900	—
Переводчики, они же и столоначальники	2	800	—	160	—
Толмачей	3	300	—	900	—
Лекарей	2	1000	—	2000	—
На содержание канцелярии при окружном Приказе	—	—	—	2000	—
Султанов, управляющих волостями	20	150	—	3000	—
При них письмоводителей и толмачей	40	300	—	12000	—
На канцелярские расходы султанам	—	100	—	2000	—
Итого:	—	—	—	28000	—
На больницу				500	—
ремонт постоянных зданий				1000	—
заведение школ и училищных пособий				500	—
Поддержание благотворительных заведений				500	—
Ежегодные праздники				500	—
Итого:				3000	—

Таковых округов при введении нового устройства во всей степи будет восемь, следственно, вся потребность ежегодного расхода для внутреннего управления составит тогда 248 000 руб.

Сверх сего ассигновать единовременно на постройку в степи положенных зданий, по мере открытия округов, для каждого из них по 30 т. руб.

Отпуск пограничной суммы прекратить, но отпускать ежегодно областному начальнику экстраординарных 3 000 руб.

Примечание. 1. Отпуск и расход сумм делать соразмерно числу открытых округов кроме экстраординарных для главного начальства, которые отпускать в полном числе.

2. Жалованье султанам и прочие выдачи для волостей производить по числу оных в каждом округе.

ТАМГИ,

*или знаки, употребляемые Киргизъ-Казаками
вместо подписей и клеймов.*

МЕНЬШОЙ ОРДЫ

<i>Родовъ:</i>		<i>Родовъ:</i>	
<i>Чикили</i>		<i>Машкаръ</i>	
<i>Каракисакъ</i>		<i>Тазларъ</i>	
<i>Чумакъи</i>		<i>Черкесъ</i>	
<i>Дюфтъ-Кара</i>		<i>Табаты</i>	
<i>Агай</i>		<i>Тыама</i>	
<i>Джапасъ</i>		<i>Кердери</i>	
<i>Алата</i>		<i>Джагалбайзы</i>	
<i>Тертъ</i>		<i>Керимтъ</i>	

СРЕДНЕЙ ОРДЫ

<i>Нокаитий</i>		<i>Родовъ</i>	
<i>Кытракылого</i>		<i>Кыакокого</i>	
<i>Кыайманского</i>		<i>Кырейского</i>	



КОММЕНТАРИИ





ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Киргиз-казацьи орды. Имеются в виду казахские жузы. Этнонимы “киргиз-казаки”, а также “киргиз-кайсаки”, “кайсаки” — были широко распространены в России в сер. XVIII — нач. XX вв. применительно к казахскому народу. Замена самоназвания казахов другим названием, согласно мнению большинства советских исследователей, произошла в результате стремления отличать в официальных документах этот народ от русского казачества сопредельных регионов Южного Урала и Западной Сибири. (О времени появления и значении термина “казак” см.: Самойлович А. О слове “казак” // Антропологические очерки. Л., 1927; Ибрагимов С. К. Еще раз о термине “казак” // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана: ТИИАЭ АН КазССР. 1960. Т.8). Ошибочное название казахов сохранялось до национального размежевания Средней Азии. На V Съезде Советов Казахстана в 1925 г. национальная автономия казахов, носившая название Киргизской АССР, была переименована в Казахскую АССР. Таким образом было официально восстановлено правильное наименование казахов. В 1936 г. Казахская АССР преобразована в Казахскую Советскую Социалистическую республику.

[2] Азиатский департамент. Был создан в Министерстве иностранных дел России в апреле 1819 г. с целью формирования внешнеполитического курса правительства на Ближнем и Среднем Востоке. Он состоял из двух отделений: первое занималось делами турецкими, персидскими, взаимоотношениями с Грузией и горскими народами; второе отделение ведало делами кочевых народов Кавказской, Астраханской и части Саратовской губерний, казахов, среднеазиатских народов, а также личным составом департамента (см.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. С. 18—26; Лобинцева М. А. К

вопросу о создании Азиатского департамента МИД России // Иран: Сб. статей. М., 1971. С. 84—91).

[3] Имеется в виду хан Младшего жуза Сергазы (годы правления 1812—1824), второй сын хана Айчувака (см. коммент, 43, гл. 5, ч. II), с которым А. И. Левшин часто общался по долгу службы в 1820—1822 гг. в качестве помощника председателя Оренбургской пограничной комиссии В. Ф. Тимковского (1781—1832 гг.). Власть Сергазы распространялась на часть родов семиродского поколения и отдельные роды байулинского и алимулинского поколений (о них см. коммент. 4, гл. 2, ч. III).

[4] Многие из документов, выявленных А. И. Левшиным в 1812—1822 гг. в Архиве Оренбургской пограничной комиссии, не сохранились до настоящего времени. Поэтому две последние главы второй части его труда (Исторические известия о казахах) вполне правомерно рассматриваются учеными не только как научное исследование, но и как ценный источник по истории казахского народа XVIII— начала XIX вв.

[5] Речь идет о публикациях А. И. Левшина в Северном архиве (1823—1825 гг.), Вестнике Европы (1820 г.), Московском вестнике (1827 г.), Литературной газете (1831 г.) и в изданиях научных обществ Франции.

[6] Имеются в виду Парижское географическое и Парижское азиатское общества, членом которых А. И. Левшин был избран в конце 1827 и в начале 1828 гг. во время своего первого пребывания в Европе.

[7] Егор Казимирович Мейендорф (1798—1865). Офицер Генерального штаба, секретарь дипломатического посольства А. Ф. Негри в Бухарском ханстве в 1820 г. По заданию Азиатского департамента МИД собирал географические и историко-этнографические материалы о территориях, по которым пролегал маршрут дипломатической миссии. А. И. Левшин ссылается на его известную работу, опубликованную на французском языке с предисловием французского издателя, "Voyage d'Orenbourg a Boukhara fait en 1820. Paris, 1826; (см. русский перевод: Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Сер. Центральная Азия в источниках и материалах XIX— начала XX вв. М., 1975).

Часть I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СТРАНЕ, КИРГИЗ-КАЙСАКАМИ ЗАНИМАЕМОЙ

[1] Дикие киргизы. Широко распространенный в до-революционной России термин, обозначающий киргизов. Использовался в исторической литературе с целью отличия киргизского народа от казахов ("киргиз-кайсаков"). Некоторые русские исследователи еще в XVIII в. полагали, что при многих чертах общности этих двух народов следует более четко дифференцировать киргизов, за которыми утвердилось название "диких", а также черных, кара-киргизов, дикокаменных киргизов. Буруты — так в китайских и монгольских источниках называли киргизов (см.: *Абдыкалыков А.* О термине "буруты" // СЭ, 1963. № 1. С.123—127; *Имангалиев М. С.* К вопросу о восточных и западных бурутах (киргизах) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XVI годичная сессия ЛОИВАН СССР. Л., 1989). Под впечатлением этих восточных источников некоторые европейские и русские авторы XVIII — начала XIX в. (И. П. Фальк, И. Г. Георги и др.), в свою очередь, ошибочно отождествляли киргизов с казахами Старшего жуза и называли и тот и другой народы бурутами.

[2] Малая Бухария. В русской литературе XVII — нач. XX в.— Восточный Туркестан (ныне южная часть Синьцзян-Уйгурского Автономного района КНР) в отличие от Большой Бухарии — Западного, или Русского Туркестана.

[3] Тимур (Тамерлан) (1336—1405). Эмир, знаменитый полководец и фактический правитель Средней Азии при последних чагатаидах (1370—1405). К концу правления Тимура его империя простиралась от присырдарьинских степей до берегов Персидского залива и от Пенджаба до Закавказья. Умер в Отраре в начале большого похода на Китай.

[4] Шараф ад-Дин Али Йазди (Шерефеддин) (1 половина XV в.). Персидский хронист, родом из Йезда, умер в 1454 г. Автор "Зафарнама"— второго официального сочинения тимуридской историографии (написано в 1425 г.), наиболее полного и детального свода данных о Тимуре. Опираясь на ряд недошедших источников, хроника содержит ценнейшие сведения по истории Казахстана во второй пол. XIV— нач. XV в. (о хронике см.: *Стори Ч. А.*

Персидская литература: Биобиблиографический обзор (Пер. с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель.) М.: Наука, 1972. Ч. 2. С. 797—807).

[5] Эдуард Алексеевич Эверсман (1794—1860). Известный русский географ, натуралист, путешественник, сопровождал посольство А. Ф. Негри в Бухару в 1820 г. На основе собранных во время этого путешествия материалов подготовил и издал книгу на немецком языке, посвятив первую часть пройденному пути, ботанико-географическим и этнографическим сюжетам, а вторую часть — характеристике физико-географических условий, истории, экономике и памятникам архитектуры Бухарского ханства (см.: *Reise von Orenburg nach Buchara. Nebst einem Wortverzeichniss aus der afghanischen Sprache, begleitet von einem naturhistorischen Anhang und einer Vorrede von N. Lichtenstein.* Berlin, 1823.)

В 1825—1826 гг. Эверсман работал в составе экспедиции Ф. Ф. Берга на Устюрте, а в 1828—1829 гг. — с Г. С. Карелиным в Букеевской орде. Итогом этих многолетних исследований явился трехтомный труд “Естественная история Оренбургского края”, опубликованный в 1840 г. В первой части книги дана обобщенная характеристика природных условий Западного Казахстана.

[6] Христиан Генрих (рус. Христиан Иванович) Пандер (1794—1865). Крупный ученый-эмбриолог, палеонтолог и анатом. В 1820 г. участвовал в дипломатической миссии А. Ф. Негри в Бухарское ханство. По материалам, собранным во время поездки, подготовил работу “Естественно-историческая (натуральная) история Бухары. Описание страны, заключенной между Оренбургом и Бухарой”, опубликованную в качестве приложения к французскому изданию труда Е. К. Мейендорфа в 1826 г. (см. коммент. 7, Предисловие).

[7] Федор Федорович Берг (1793—1874). Граф, офицер Генерального штаба, возглавил в 1825—1826 гг. военно-топографическую экспедицию на плато Устюрт, обследовавшую восточное побережье Каспийского моря. В состав экспедиции вошли Э. А. Эверсман, В. Д. Вольховский, Б. Лемм, П. Ф. Анжу. Ими изучено геологическое строение, орография и гидрография, определены границы и протяженность ряда географических объектов от Каспия через плато Устюрт до Аральского моря. (Об экспедиции см.: Яншин А. Л., Гольдберг Л. Д. Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963).

[8] Петр Симон Паллас (1741—1811). Выдающийся ученый-географ, биолог, этнограф, действительный член Петербургской Академии наук. В 1768—1774 гг. возглавил экспедицию Академии наук, обследовавшую северо-западный, центральный и восточный регионы Казахстана. Результаты его научных исследований обобщены в трехтомнике “Путешествие по разным провинциям Российского государства”. (Спб., 1773—1788. Т.1—3).

[9] Николай Петрович Рычков (1746—1784). Русский офицер, участник академической экспедиции 1768—1774 гг. По указанию П. С. Палласа в 1771 г. присоединился к отряду русских войск, преследовавшему калмыков (торгоутов), ушедших с низовьев Волги (см. Коммент. 22, гл. 4. Ч. II). В составе отряда дошел до Улутауских гор, собрав по пути следования важные географические и историко-этнографические материалы (См.: Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-кайсацкой степи в 1771 г. Спб., 1772).

[10] Яков Петрович Гавердовский. Офицер, возглавил в 1803 г. торгово-политическую миссию в Бухару. В 780 верстах от Оренбурга и в 70 верстах от Сырдарьи караван был почти полностью разграблен казаками шымырского рода, а многие члены посольства попали в плен. Несмотря на неудачный исход миссии, Гавердовский сумел собрать оригинальные географические и этнографические материалы о Казахстане. Они нашли отражение в нескольких записках, представленных им в Азиатский департамент МИД, и в специальном рукописном исследовании “Обозрение киргиз-кайсацкой степи” (см. РО ЛОИИ кол. 115, № 495). Этот труд был хорошо известен А. И. Левшину, которой широко использовал его данные в своем исследовании о казахском народе, особенно во второй и третьей частях работы.

[11] Иван Петрович Шангин (ок. 1785—1822). Горный офицер, служивший в ведомстве Колывано-Воскресенских горных заводов. В 1816 г. возглавил специальную экспедицию по обследованию природных богатств Северного Казахстана. Собранные в ходе экспедиции сведения по географии, минералогии и этнографии края он изложил в работе “Дневные записки путешествия по киргизской степи”, частично опубликованной в журнале “Сибирский вестник” (Спб., 1820. Ч. IX—XI). Рукописные и печатные материалы И. П. Шангина явились одним из основных источников Левшина при написании физико-географиче-

ского очерка Казахстана в первой части “Описания Киргиз-казацких орд”.

[12] Имеется в виду могила, точнее, мавзолей казахского хана Младшего жуза Абулхайра (1693—1748) (см. коммент. 40, гл.3. Ч. II), расположенная в северо-западном Казахстане на берегу р. Улкояк, впадающей в Тургай.

[13] Александр Гумбольдт (1769—1859). Выдающийся немецкий географ, естествоиспытатель и путешественник. Заложник основы географии растений, сравнительного земледения и климатологии. В 1829 г. побывал в азиатских владениях России, в том числе на территории Западного и Восточного Казахстана. Результатом научных исследований этих территорий явился знаменитый труд “Центральная Азия: Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии” (перев. с франц. М., 1915).

[14] Григорий Федорович Генс (1786—1845). Русский государственный деятель, служивший в Оренбурге с 1807 по 1844 гг. В 1825—1844 гг. занимал должность председателя Оренбургской пограничной комиссии. На этом посту активно содействовал расширению и улучшению русско-казахских отношений, а также ввел в практику пограничной администрации разностороннее изучение Оренбургского края. В течение многих лет регулярно занимался сбором географической и историко-этнографической информации о Казахстане и Среднеазиатском междуречье. Будучи военным инженером по образованию, составил геолого-географическое описание малоизвестного тогда пространства между реками Тобол и Тургай (см. Личное дело Г. Ф. Генса // ЦГА РК, ф.4, оп. 1, д. 1547, 1579, 2298). В работе А. И. Левшина имеется в виду этот материал.

[15] Иоганн Петр Фальк (1727—1774). Шведский ученый-натуралист, приглашенный в 1768 г. в Россию Академией наук по рекомендации К. Линнея. Во главе одного из отрядов экспедиции Академии наук в 1768—1774 гг. обследовал северо-восточные регионы Казахстана и территорию Юго-Западной Сибири. По его инициативе участник экспедиции врач Х. Барданес совершил в 1771 г. самостоятельную поездку в казахскую степь, в ходе которой обследовал территории Центрального и Юго-Восточного Казахстана. Собранный И. Фальком и Х. Барданесом обширный географический и этнографический материал о восточных регионах России и казахской степи после смерти ученого был издан И. Г. Георги (см. ком-

мент. 21, разд. II, Ч. 1) в России на немецком языке (см.: *Falk I. P. Beytrage zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Band 1—3, St.-Petersburg, 1785—1787.*). Частично труд был переведен на русский язык и издан в XIX в. (см.: ПСУП. Т. VI; Спб., 1824.; Т. VII. Спб., 1825).

[16] Михаил Семенович Поспелов (род. в 1774 г.). Чиновник ведомства Колывано-Воскресенских горных заводов. В чине шихтмейстера возглавил совместно с Т. С. Бурнашевым (см. коммент. 35 этого разд.) в 1800 г. посольство в Ташкент, направленное по просьбе ташкентского владельца Йунус-ходжи (см. коммент. 26, гл. 4. Ч. II) для оказания помощи в разработке местных природных богатств. Материалы посольства были частично опубликованы в 1818 г. (см.: СВ. Спб., 1818. Ч. 2,3). Более полное издание было подготовлено Я. В. Ханыковым (см.: Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. // ВРГО, 1851. Ч. 1. кн. 1, С. 1—56).

[17] Петр Иванович Рычков (1712—1777). Первый член-корреспондент Российской Академии наук, известный экономист, географ и историк Оренбургского края. Большую известность в России получили его труды “История оренбургская” и “Топография, или описание Оренбургской губернии”, опубликованные Г. Ф. Миллером (см. коммент. 53, разд. I. Ч. I) в научно-популярном журнале “Ежемесячные сочинения в пользу и увеселению служащие” в 1759 и в 1762 гг. Впоследствии эти работы неоднократно переиздавались в России.

[18] Синяя орда — Кок-орда. Наименование части улуса Джучи (см. коммент. 6, гл. 3. Ч. II), встречающееся в древнерусских источниках. Название восходит к преданию о том, что Чингисхан (см. коммент. 7, гл. 1. Ч. II) после смерти своего старшего сына Джучи произвел раздел его улуса на три части между сыновьями последнего. Белая Золотая Орда досталась Бату (см. коммент. 40, разд. II. Ч. I), Синяя орда — Эджэну, Серая — пятому сыну Джучи Шайбану (см.: Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 106—165; *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме.* (Перев. и ис-ие В. П. Юдина). Алма-Ата, 1992).

[19] Иван Муравин. Геодезист, служил в 40-х г. XVIII в. в Оренбурге. В 1740—1741 гг. находился в казахских аулах при хане Абулхаире (см. коммент. 40, гл. 3. Ч. II).

Важные историко-этнографические и географические материалы о Хиве и казахской степи, собранные И. Муравиным и его спутником офицером Д. В. Гладышевым, находились в фондах Оренбургской пограничной комиссии и там были изучены А. И. Левшиным. Большая часть этих материалов опубликована дореволюционными и советскими исследователями (см.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740 г. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным [Предисл. Я. В. Ханыкова] // Географические известия. Спб., 1850. С.519—599; МИКССР. Т.2. Ч.2. Алма-Ата, 1948. Док. № 6,7; КРО — 1. Алма-Ата, 1961. Док. № 76, 83).

[20] Хаджи Халифа (Гаджи Гальфа), Кятиб Челеби, настоящее имя — Мустафа ибн Абдаллах (ок. 1600—1658). Арабский ученый, турок по происхождению. Автор многотомного арабоязычного библиографического словаря арабской, персидской и тюркской литературы “Кашф аз-зунун (Раскрытие сомнений относительно названий книг и отраслей науки), в котором отмечено более 14 тыс. рукописей, многие из которых уже утеряны. Ему принадлежит также написанное на османско-турецком языке “Джихан-нума” (Книга о вселенной)— географическое сочинение, составленное по восточным и западным источникам. В нем, в частности, есть ссылки на “Атлас” Меркатора, “Географию” Авраама Ортелиуса и “Fabrica mundi” Лоренцо д’Ананиа (последнее написано в 1582 г.) и др. Кроме того, Хаджи Халифа — автор истории османских морских походов и “Историко-хронологических таблиц” на османско-турецком языке (см.: *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература: Избр. произведения. Т. IV. М.; Л., 1957. С. 615—619).

[21] Николай Николаевич Муравьев (-Карский) (1794—1866). Известный государственный и военный деятель, исследователь и путешественник. Возглавлял дипломатические миссии в Хиву и Туркмению в 1819—1821 гг. Итоги первой поездки отражены в книге “Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева” (М., 1822).

[22] Цянлун (Кен Лунга). Девиз правления четвертого императора династии Цин (1736—1796), личное имя — Хунли, храмовое имя — Гаоцзун.

[23] Европейские миссионеры. Члены католических духовных миссий. Проникли в Китай еще в XVI в. Первый миссионер из Европы Маттео Риччи в 1601 г. был

допущен в Пекин. Духовные миссии (главным образом иезуитские) находились в Китае вплоть до начала XIX в. В XVII—XVIII вв. они внесли большой вклад в научное изучение Китая и сопредельных стран. Благодаря их картографическим изысканиям, французский географ д'Анвиль (1697—1782) издал в 1737 г. в Гааге полный атлас Китайской империи (*J. B. B d'Anville. Nouvel atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Tibet: contenant les cartes générales et particulieres de ces pays... La Haye, 1737*), который стал основой последующих карт Азии вплоть до русских и английских географических исследований в XIX в. (см.: *Бартольд В. В. Работы по истории востоковедения. М., 1977. Т. IX. С. 286—300*).

[24] Генрих Юлий Клапрот (1783—1835). Немецкий путешественник и востоковед, жил в Париже. Автор работ по истории тюркских и монгольских народов Центральной Азии. В 1804—1811 гг. работал в Петербургской Академии наук. После отъезда во Францию поддерживал научные связи со многими русскими исследователями.

[25] Иван Унковский. Русский офицер, был направлен в 1722 г. в Джунгарию с дипломатической миссией к хунтайджи Цэван Рабдану (см. коммент. 46, гл. 3. Ч. II). Результаты своей поездки отразил в путевом журнале. (см.: *Посольство к зюнгарскому хунтайчжи Цэван Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского // Путевой журнал за 1722—1724 гг. Спб., 1887*).

[26] Хунтайджи (хонтайдзи). Титул джунгарских ханов Батура (годы правления: 1635—1653) и Цэван-Рабдана (1697—1727). Остальные джунгарские правители — Сенге (1654—1670), Галдан (1670—1697), Галдан-Цэрэн (1727—1745) (см. коммент. 8, гл. 4, Ч. II), Цэван-Дорджи-Намджи (1745—1750), Лама-Доржи (1750—1753) (см. коммент. 46, гл. 5. Ч. II) и Давац (1753—1755) (см. коммент. 16, 17, гл. 4 Ч. II; 50, гл. 5. Ч. II) — в русских и китайских документах XVII—XVIII вв. называются просто ханами или владельцами.

[27] Андрей Урезов (Урасов), Степан Сомов. Капитан и поручик, военные инженеры, участники экспедиции гвардии майора И. М. Лихарева (1719—1720), направленной Петром I в Тобольск и к верховьям Иртыша на поиски золота. Летом 1719 г. Лихарев отправил Урезова на оз. Зайсан. Путешественники на лодках объехали озеро в поисках места для постройки крепости и осмотрели устье Черного Иртыша, затем вернулись в Тобольск. Сам

И. М. Лихарев совершил поездку на оз. Зайсан весной 1720 г. После столкновения с джунгарами отряд был вынужден вернуться в Тобольск и на обратном пути в месте прохождения Иртыша через Алтайские горы заложил Усть-Каменогорскую крепость. Во время экспедиции были произведены съемки пройденной местности и сделана карта съемок (см.: *Миллер Г. Ф.* Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железинская, Ямышевская, Семиполатная и Усть-Каменогорская // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Спб., 1760. Ч. 1). В последние годы советскими историками обнаружен дневник ("Ведение") А. Урезова, позволяющий составить более полное представление о результатах этой экспедиции (см.: *Княжецкая Е. А.* Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719—1720) // СНВ. М., 1989. Вып. XXVI. Кн. 3. С. 10—35).

[28] Джунгары (зюнгары). Западные монголы, жившие в XVII—XVIII вв. на территории Джунгарии, Тарбагатай и Семиречья. В русской исторической литературе они назывались также зюнгарскими калмыками и ойратами. В первой половине XVII в. эти племена составили сильный союз — Джунгарское ханство, оттеснившее на второй план восточных монголов (см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635—1758). Изд. 2-е. М., 1983).

[29] Аполлон Аполлонович Жемчужников (1800—1846). Офицер-декабрист, находившийся в ссылке в Оренбургском крае с 1827 по 1843 гг. Неоднократно принимал участие в военных экспедициях и в дипломатических поездках в казахские степи и в ханства Средней Азии. В 1824—1825 гг. сопровождал совместно с полковником С. Т. Циолковским большой торговый караван Е. Кайдалова из Оренбурга в Бухару. Свообразным отчетом об этой поездке явилась рукопись "Сведения, собранные на пути из Оренбурга в Бухару в 1824—1825 гг.". Именно эти записки имел в виду А. И. Левшин, ссылаясь на журнал Жемчужникова. (О нем см.: *Галшев В. З.* Записки декабриста А. А. Жемчужникова о Казахстане и Средней Азии // Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-ата, 1978. С. 93—105; *Он же.* Декабристы и Казахстан. Алма-Ата, 1990. С. 31-37.).

[30] Птолемей Клавдий (II в. н. э.). Древнегреческий ученый — астроном, географ, математик. Автор геоцентрической теории, ряда трудов по математике и др., в том числе, “География”; Абульфеда (Абул-л-Фида) (1273—1331 гг.) — сирийский историк и географ, автор сочинений “Мухтасар фи ахбар ал-башар” (Сокращенные сведения рода человеческого), а также географического труда “Таквим ал-булдан” (Упорядочение стран), в котором есть сведения о территории обитания кыпчаков и куманов.

[31] Книга Большому чертежу. Объяснительный текст к карте России XVII в., составленной в 1627 г. Содержит подробное описание утраченной карты Русского государства, включающее все имеющиеся на ней надписи и изобразительные материалы, и потому является ценным историческим источником. (См.: Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.: Л., 1950).

[32] Филипп Петрович Назаров. Переводчик тюркских языков при командующем отдельным Сибирским корпусом, совершивший в 1813—1814 гг. поездку в Ташкент и Коканд. (см.: Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова. Спб., 1821.; 2-е изд. М., 1968).

[33] Ходжент (Ленинабад). Один из древнейших городов в Средней Азии, западные ворота, через которые проходил путь из Ферганской долины в Самарканд и в другие пункты Средней Азии; в 1991 г. восстановлено историческое название города. Отрар — древнейший торговый и ремесленный центр в бассейне средней Сырдарьи. До VIII в. он был известен под названием Тарбан. С VIII в. наряду с именем Отрар в письменных источниках нередко упоминается и другое его имя — Фараб. В связи с монгольским нашествием в 1219—1200 гг. Отрар подвергся сильным разрушениям. Но уже с середины XIII в. по XV в. он вновь становится важным экономическим и военно-политическим центром в регионе. Постепенно под воздействием политических и иных условий экономика Отрара шла к спаду, и к концу XVIII в. жизнь здесь прекратилась, а на месте города остались лишь развалины, известные под именем Отрар-тобе. С начала 1970-х гг. в Отрарском оазисе ведутся раскопки Южно-Казахстанской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова. Результаты комплексного исследования материалов раскопок городища

Отрар-Тобе отражены в монографических трудах (см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Они же. Позднесредневековый Отрар (XVI—XVIII вв.). Алма-Ата, 1981); Тункат (Тонкат) — один из средневековых городов Средней Азии.

[34] Иоганн Лоренц Мосгейм (1694—1755). Немецкий ученый, автор сочинения “Церковная история татар”, изданного в Хельмштедте (Брауншвейг): Moshemus I. L. *Historia Tartarorum ecclesiastica*, Halmstadii. 1741; Николай Корнелиуссон Витсен (1641—1717) — голландский географ и юрист, бургомистр Амстердама. Посетил Россию в 1664—1667 гг. как член нидерландского посольства. Автор известного сочинения “*Norden en Oast Tartarie*, (Amsterdam, 1692), включающего сведения о сибирских народах. Авраам Ортелий (Ортелиус) (1527—1598) — голландский ученый, географ и картограф. Составитель первого в мире историко-географического атласа (1598 г.). В 1578 г. выпустил в свет первый историко-географический словарь (см.: Яцунский В. К. Историческая география. М., 1955. С. 104—129).

[35] Тимофей Степанович Бурнашев (1771—1850 гг.). Горный офицер, служивший в ведомстве Кольвано-Воскресенских горных заводов. В 1794 г. возглавил совместно с А. С. Безносиковым посольство в Ташкент, маршрут которого пролегал по территории Центрального и Юго-Западного Казахстана. Поездка оказалась неудачной, и путешественники были вынуждены из Бухары возвратиться в Омск (см.: Путешествие от Сибирской линии и до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. // СВ. Спб., 1818. Ч. I—II), В 1800 г. во главе нового посольства вместе с М. С. Поспеловым Бурнашев совершил поездку в Ташкент из Ямышевской крепости к р. Нуре и далее через Голодную степь Бетпак-Дала (о поездке см. коммент. 16 этого разд.). Почти две трети путевых заметок Поспелова и Бурнашева были отведены описанию территории и населения Казахстана.

[36] Савва Большой (1769—1827). Доктор медицины, сотрудник торгово-политической миссии Я. П. Гавердовского в Бухару (см. коммент. 10, разд. I. Ч. I), Пробыл в плену у казахов около года. За это время изучил казахский разговорный язык и собрал много интересных сведений о казахском народе (см.: Записки Саввы Большого о приключениях его в плену у киргиз-кайсаков в

1803 г. и 1804 г. // Сын отечества. Спб., 1822. Ч.76, 77, 80).

[37] Карл Христиан Фридрих Ледебур (1775—1851). Профессор естественной истории Дерптского (ныне Тартуского) университета; Александр Андреевич Бунге (1803—1890). Врач в ведомстве Кольвано-Воскресенских горных заводов; Карл Антонович Мейер (1795—1855). Видный российский ботаник-систематик, директор Петербургского ботанического сада. В 1826 г. осуществили научную экспедицию на Алтай и в некоторые районы Восточного и Северо-Восточного Казахстана. На основе собранных материалов подготовили и издали в Берлине в 1829—1830 гг. двухтомный труд на немецком языке (рус. перев. В. В. Завалишина. Путешествие по Алтайским горам и Джунгарской киргизской степи. Новосибирск, 1993. 414с.). Второй том этой работы, написанный К. Мейером, посвящен географическому описанию и этнографии Восточного Казахстана.

[38] Григорий Иванович Спасский (1784—1864). Русский ученый-историк. Автор ряда статей и очерков по истории и культуре народов Сибири и Центральной Азии. С 1818 по 1824 гг. издавал в Петербурге журнал “Сибирский вестник”, переименованный затем в “Азиатский вестник” (см.: Мухина С. Л. “Сибирский вестник” 1818—1824 гг. и “Азиатский вестник” (1825—1827) о народах Сибири // Ученые записки Ошского гос. пединститута, 1959. Вып. 3; Скоблякова А. В. Русский востоковед Г. И. Спасский: Некоторые сведения о научной и публицистической деятельности // Страны Востока в политике России в XIX— начале XX вв. Иркутск, 1986).

[39] Иоганн Эбергард Фишер (1697—1771). Академик, известный исследователь Сибири. В 1730 г. по приглашению Петербургской Академии наук приехал в Россию. В 1739 г. принял участие в сибирских экспедициях Академии наук. Соавтор “Сибирской истории” Г. Ф. Миллера, изданной на русском языке в 1774 г. в Петербурге.

[40] Иван Иванович Лепехин (1740—1802). Видный ученый-натуралист, географ, путешественник. Участвовал в академических экспедициях 1768—1774 г. г., обследовал территории Урала, Сибири, северной части казахских степей (см.: Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768,

1769, 1770, 1771 и 1772 гг. в 4-х частях. Спб., 1771—1805).

[41] Федор Карпович Набоков (1768—1831). Казачий офицер, служивший в Сибирском ведомстве казахов Среднего жуза в Омске. В апреле 1816 г. по указанию командира Сибирского корпуса Г. И. Глазенапа был назначен начальником поисковой экспедиции в казахскую степь для выявления заброшенных рудников и месторождений полезных ископаемых. Результаты этой поездки подробно отражены в “Дневном журнале майора Набокова” (см.: ГАОО, ф. 6, оп.1, д.25, л. 7—11).

[42] Описанный круг памятников представляет собой симбиоз культового ритуала, строительной культуры, монументального и в немалой степени изобразительного искусства кочевого населения Арало-Каспия. Ввиду недостаточной разработанности древней и средневековой этнической истории Западного Казахстана, этот комплекс имеет важное значение в исследовании проблем этногенеза казахского народа. О нем см.: *Аджигалиев С. И.* Зодчество Арало-Каспия: ареал, хронология, традиция // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб. Центр. Совета Казахстана об-ва охраны памятников истории и культуры. Алма-Ата, 1988. Вып. 3. С.105—116; Франческо (Франциск) Балдуччи Пеголетти — флорентийский купец. (О его путешествии см.: *Фридрих Аделунг*: Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч.I. С. 86—87).

[43] Сарайчик, Сарайчиковская крепость. Город на р. Яик (Урал), существовавший в XIII— начале XVII в. Развалины его лежат в 18 км выше г. Гурьева (Атырау). По описанию арабского путешественника Ибн Баттуты, Сарайчик был знаменитым ремесленным и торговым городом, в который съезжались купцы из разных стран.

[44] Осип Юлиан (Иванович) Сенковский (1800—1858). Писатель, журналист, один из основоположников русского востоковедения. Издатель журнала “Библиотека для чтения”, публиковавший там свои восточные повести под псевдонимом барон Бромбеус.

[45] Андрей Терентьевич Путинцев. Переводчик Бухтарминский таможни. В 1811 г. посетил в Синьцзян с целью изучения китайского рынка (см.: Дневные записки переводчика Путинцева // СВ. Спб., 1819; Ч. 7).

[46] Дмитрий Телятников. Казачий офицер, служивший на Сибирской линии. В 1796 г. был отправлен в

составе русского посольства (А. С. Безносовых, Я. Быков) в сопровождении султана Среднего жуза Букея из Омска в Ташкент (Журнал похода и другие материалы посольства см.: ГАОО, ф.36, оп.1, д.60, л. 9-13 об.; *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 240—257).

[47] **Зибберштейн.** Лекарь Омского гарнизонного полка. В октябре 1825 г. был отправлен пограничной администрацией в составе военной экспедиции полковника Ф. К. Шубина в Старший жуз и в Северную Киргизию для сбора сведений о торговых путях в Среднюю Азию. За восемь месяцев пребывания среди казахов и киргизов он собрал большой разнообразный материал о природе и населении Южного Казахстана и Северной Киргизии (см.: Путевые записки лекаря Зибберштейна (Предисл. М. П. Вяткина) // Исторический архив. М.-Л., 1936. Т. I).

[48] **Уч-Турфан (Турпан).** Город в Восточном Туркестане (Синьцзяне).

[49] **Ламаистские (ламайские) капища.** Здания, где отправлялись буддийские религиозные обряды. Построены джунгарами (ойратами).

[50] **Ногай (ногайцы).** Население Ногайской орды или Мангытского юрта, государства, выделившегося из Золотой орды в конце XIV в. при Едыгее. В XV— первой пол. XVI в. ногайцы населяли территорию между Яиком (Уралом) и Нижней Волгой. Распад Ногайской орды на независимые части относится ко второй половине XVI в.

[51] **Аблайкит (Аблаинкит)** — ламаистский монастырь-крепость, развалины которого находятся в 60 км к югу от г. Усть-Каменогорска в южных отрогах Калбинского хребта. Построен в 1654—1656 гг. калмыцким тайшой Аблаем (отсюда название Аблайкит — "Аблаево капище"), разрушен в 1670 г. Памятник неоднократно обследовался Г. Ф. Миллером, В. Шишковым, И. Г. Гмелиным, Г. Спасским, К. Риттером и др. (см.: *Черников С. С.* Памятники архитектуры ойрат-калмыков (материалы) // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960, В. I).

[52] **Бурханы.** Скульптурные изображения буддийских божеств, сделанные из разных материалов.

[53] Более подробные сведения об истории изучения и содержании тибетских и монгольских рукописей, найденных членами экспедиции И. М. Лихарева в 1720 г. в Верхнем Прииртышье, см.: *Княжецкая Е. А.* Новые све-

дения об экспедиции И. М. Лихарева // СНВ. Вып. XXVI. М., 1989. С. 10—35; Воробьева-Десятовская М. И. Лист тибетской рукописи из “Аблай-Кита”. Там же. С. 36—42.

[54] Герард Фридрих Миллер (1705-1783). Известный историк и исследователь Сибири, член Петербургской Академии наук (с 1731 г.), автор многочисленных трудов по географии, истории и этнографии народов Сибири и Казахстана.

[55] Имеется ввиду статья Г. И. Спасского (см.: коммент. 38 этого разд.), опубликованная во II и III частях Сибирского вестника за 1818 г.

[56] “Развалины Семи Палат” — несохранившийся культово-жилищный комплекс калмыков XVII в., известный также под названием Доржыкит (Доржынкит) и “Каменные мечети” (в русских источниках начала XVII в) Комплекс находится неподалеку от совр. г. Семипалатинска (которому дал название) и состоял из семи зданий — “палат” из сырцового кирпича, каменных блоков с деревянными конструкциями перекрытий [о нем.: см.: коммент. 51, а также: Армстронг И. А. Семипалатинские древности // Известия Археологического об-ва. 1860. Т.2. Вып. 4.].

[57] Семен Богданович Броневский (1786—1858). Офицер, начальник отдельного Сибирского корпуса (1823—1826), омский областной начальник (1827—1835 гг.), генерал-губернатор и командующий войсками в Сибири. По заданию Московского общества сельского хозяйства и Азиатского департамента МИД собирал разнообразные сведения о казахах. Его основная работа — “Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды (ОЗ. Спб., 1830. Ч. 41-43).

[58] Здесь описан известный “Кызылкентский дворец”, остатки которого находятся в горах Кент на терр. Карагандинской области. В литературе памятник датируется по-разному: XIII—XV вв., XVII в. С. С. Черников считает его храмом Учурту-тайши, старшего брата Аблая (см. коммент. 51). (Описание памятника см.: Никитин В. П. Памятники древности Каркаралинского уезда // Записки РАО. Нов. сер. Т. VIII. В. 1—2, Спб., 1896; Смаилов Ж., Бейсенов А. Қызылкеніш сарайы // Білім және еңбек. 1987. № 6).

[59] Останки этой стены находятся неподалеку от Каркаралинска в урочище “Мухтарово” и описаны В. П. Никитиным (см.: коммент. 58 этого разд.)

[60] Это широко известный мавзолей Кесене XV—XVI вв., находится на старинном кладбище в 8 км южнее пос. Варна Челябинской обл. (недалеко от границы Костанайской обл.) Памятник, представляющий собой редкий образец портално-купольных “шатровых” мавзолеев, в настоящее время реставрирован (о нем см.: *Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910; Мендикулов М. М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951).*

[61] Культовое сооружение (поминальный храм), известное в литературе, как “мавзолей Козы Корпеш-Баян сулу” находится в Семипалатинской области в 6 км к юго-западу от ж/д станции Тансык. По архитектуре (тип широко распространенных каменных пирамид — дынов, уйтасов) и стилистике каменных изваяний памятник относится, по всей видимости, к кимако-кыпчакскому времени (IX—XI вв). В некоторых изданиях датируется более поздним временем (XVI—XVII вв.) и связывается даже с ойрат-калмыками, что маловероятно. Казахи издревле связывают памятник с героями широко известного лирического эпоса. Каменные изваяния, о которых пишет Левшин (всего их было четыре), утеряны. (О памятнике см.: *Валиханов Ч. Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 1; Конкашпаев Г. К. Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста. 1984; Сембин М. Козы Көрпеш-Баян сулу кешені // Білім және еңбек. 1987. № 1; Ходжаев М. Б. Сооружение Козы Корпеш // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986).*

[62] Здесь смешаны сведения о различных памятниках VIII—XIII вв. долин рр. Сарысу и Каракенгир в Центральном Казахстане: остатки мавзолея Жубан-ана (Джан-Ана Левшина?) расположены на правом берегу р. Сарысу и значительно удалены от долины Каракенгира, где действительно находится целый комплекс памятников: мазар Домбаул, мавзолеи Аяккамыр, Алаша-хана, Болган-ана, Жансейиттам, (Джучи) Жошы — хана, приписываемый сыну Чингис-хана, остатки многочисленных городищ (о них см.: *Маргулан А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950;*

Герасимов Г. Г. Памятники архитектуры долины р. Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957).

[63] Это место, как и некоторые другие, заимствовано у П. И. Рычкова (Топография Оренбургской губернии. 1762. Ч. I. С. 514). Развалины Белен-ана (поселение и мавзолей кыпчакского времени) находятся в низовьях р. Сарысу, археологически не исследованы.

[64] Ботагай (Бытыгай, Тотагай)— комплекс памятников (остатки поселений-городищ, караван-сарая, моста, древнего некрополя) в низовьях р. Нуры в Акмолинской области. А. Х. Маргулан отождествляет “древний Ботагай” (XIII—XVI вв.) с одним из городищ в устье Нуры (см.: Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 26). По Г. И. Спасскому (Сибирский вестник. 1818. Ч. III.) здесь в начале XIX в. находились два красивых мавзолея: Сырлытам и Сырлытам-2 (Сулутам). Средневековый портално-купольный мавзолей Ботагай зарисовал в 1862 г. Ч. Валиханов (Собр. соч. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 161). Следы его сохранились в 8 км к востоку от пос. Коргалжын (Кургальджино).

[65] Эти памятники отмечены в “Археологической карте Казахстана” (Алма-Ата, 1960). Об укреплении у горы Карт А. Х. Маргулан пишет: “Обширный холм с остатками высоких башен казахские народные предания связывают с легендарным Карабаем — отцом эпической героини Баян-сулу — и называют “Карабайдын ордасы” (см. его ст. в коммент 64. С. 22).

[66] Эти два мавзолея не сохранились.

[67] Остатки этих укрепленных городищ (всего их 7) находятся в долине р. Ишима ниже г. Атбасара. Народные предания связывают их с деятельностью Урус-хана и Тохтамышы (см. коммент 5 гл. II ч. II), два из этих городищ известны в народе под названием Оркошегы и Ормамбет (см. ст. Маргулана в коммент. 64. С. 22).

[68] О крепостном вале у оз. Жаксы-Жангызтау см.: статью А. Х. Маргулана, коммент. 64. С.21.

[69] Эти памятники в верховьях р. Тургая археологически не исследованы. В этом районе известны отдельные каменные юртообразные сооружения (Карадын, Екыдын), мавзолей Баксы и др. памятники (см., напр.: Археологическая карта Казахстана...).

[70] “Урочище Байтак” (правильное назв. урочища: Бескопа) находится в 12 км к югу от пос. Талдысай

Хобдинского р-на Актюбинской области. Здесь хорошо сохранился старинный некрополь, представленный мавзолеем Абат-Байтак (XIV—XV вв.) и комплексом (более 200) замечательных резных стел-кулпытасов (XVIII—нач. XX вв.). Памятники впервые упоминаются П. И. Рычковым со ссылкой на обследование подпоручика-инженера Ригельмана 1750 г. (Топография Оренбургская... СПб., 1762, Ч. I. С. 515). В конце XIX в. мавзолей описан Я. Я. Полферовым (Тургайская газета. 1896. № 6). Комплексное обследование некрополя произведено в 1979—1980 гг. (см.: *Аджигалиев С. И.* Абат-Байтак — выдающийся комплекс памятников народного зодчества // Известия АН КазССР. Сер. филол. 1983. № 2). Мавзолей, по преданию сооруженный над могилой батыра Абата (сына известного степного философа Асана Кайгы), принадлежит к очень редкому типу “шатровых” мавзолеев. Остатки упоминаемого Левшиным городища археологически не исследованы.

[71] Правильное название урочища — “Маулет берды” (от каз. “мәулет берді” — “создал условия”, “предоставил возможность”; в данном случае, очевидно, имелись ввиду благоприятные для проживания условия местности). Памятники находятся в среднем течении р. Уила, археологически не исследованы (см.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 127—128).

[72] Памятники “Старой Ногайской дороги”, соединявшей в средневековье Хорезм, Хиву и Нижнее Поволжье, описаны в специальной работе В. В. Григорьева (Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости // Записки РГО. 1861. Кн. 2). В послевоенное время большинство памятников исследовано археологами и архитекторами (см.: *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук в 1950 г. // Советская археология: Сборник статей. М., 1953. Т. XVIII; *Маньлов Ю. П., Юсупов Н. Ю.* Караван-сарай Центрального Устюрта // СА. 1982. № 1.; *Маньлов Ю. П.* Археологические исследования караван-сараяв Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1. Ташкент, 1982; *Мендикулов М.* Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987 и др.). “Узунтам” — по всей видимости, караван-сарай (крепость, по Л. Мейеру) и каменный брод Таскешу на р. Сагыз (см. *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб. 1865; *Толстов С. П.* Работы Хорезмской

археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг. // Труды ХАЭЭ. М. 1958. Т. II.).

[73] Кладбище Бакашы-аулие (XVIII—нач. XX вв.) находится на левом бер. р. Эмбы, в 18 км к ВСВ от пгт Кульсары. Еще в середине XIX в. здесь находился сырцовый мавзолей с коническим куполом (см.: Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963. С. 283), ныне совершенно разрушенный. Сохранились художественные надмогильные стелы-кулпытасы и надгробия типа “койтас”.

[74] Местность Ушкан находится в 20 км к югу от пос. Мунайлы Атырауской области. Название, возможно, происходит от имени местного “святого” Ушкан-ата. Здесь расположен известный некрополь Ушкан-ата (XIV—нач. XX вв.) с великолепными резными стелами — кулпытасами и остатки золотоордынского поселения (городища), отождествляемого Ф. Бруном с городом Трестарго итальянских карт XIV в. (см.: Брун Ф. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки Новороссийского Ун-та. Одесса, 1872. Т. 8. С. 32). Некрополь достаточно хорошо исследован (см.: Мендикулов М. М. Ушканские кулпытасы // Вестник АН КазССР. 1953. № 12).

[75] Здесь речь идет о памятниках урочища Мынсуалмас на северо-западной окраине Устюрта, которые упоминаются многими авторами XVIII—XIX вв.— Гербером, купцом Данилой Рукавкиным, подпоручиком Алексеевым 2, Л. Мейером, отмечавшим, что каждая крепость вмещала до 300 человек (см.: коммент. 72). Археологическое исследование показало, что здесь находятся остатки караван-сарая Коскудык XIV в. (см. ст. Ю. П. Маньлова, Н. Ю. Юсупова, там же). Неподалеку расположено старинное кладбище.

[76] Развалины Коптам (“множество домов, строений”) расположены в юго-восточной части песков Сам, на возвышенности и представляют собой остатки средневекового укрепленного городища XIV—XVII(?) вв., известного также в народе под названием “Ногайлы”. Стены четырехугольных кирпичных и каменных строений сохранились до 1920-х гг. Археологически не исследованы. Коптам, по всей видимости, следует связывать с городом Сам (Шам), упоминаемом в восточных и русских источниках (см.: Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVIII века. // Соч.

Т.Ш. М., 1965. С.65; *Басенов Т. К.* Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947. С. 23—25).

[77] Урочище Белеули находится в центральной части Устюрта, к северо-востоку от ж/д станции Бозстан и известно, прежде всего, своим знаменитым караван-сараям XIV в. Название, очевидно, произошло от имени (прозвища) местного "святого" некоего Белеули-ата (как следует из текста Левшина). Наряду с развалинами каменного караван-сарая с мощным порталом здесь расположены остатки сардоб (хранилищ пресной воды), колодцы, казахское и туркменское кладбища, карьер камня (См. работы Ю. П. Манылова и Н. Ю. Юсупова в коммент. 72).

[78] Караван-сарай Чурук находится между Коптамом и Белеули, в 54 км к северо-западу от последнего и аналогичен ему по структуре (см. статью Ю. П. Манылова, Н. Ю. Юсупова в коммент.72).

[79] Развалины средневековой (XII—XIII вв.) крепости Даулеткерей находятся на восточном чинке Устюрта на караванной дороге, идущей вдоль западного берега Арала. Рядом с ней находится древняя сигнальная сторожевая башня (см.: *Бижанов. Е.* Средневековая крепость Давлеткирей на Устюрте // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1965. № 4). Название происходит от первого (мусульманского) имени князя А. Бековича-Черкасского — Девлет-Гирей, экспедиции которого в нач. XVIII в. казахи ошибочно приписывали строительство этой крепости.

[80] В вышеуказанных районах к северу от Аральского моря до сих пор сохранилось большое количество памятников, в частности, "близ озер Барби" (район слияния Ирги́за и Турга́я) (о них см.: *Аджигалиев С. И.* Зодчество Арало-Каспия: ареал, хронология, традиции // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб-к Центрального Совета Казахского Общества охраны памятников. Вып. 3. 1988; *его же.* Неизвестная школа казахских зодчих Северного Приаралья // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989).

[81] Развалины древнего Жанкента (Джанкента, Янгикента — "Новое Селение") находятся в 20 км к юго-западу от г. Казалинска. В источниках город известен как важный политический центр кочевников Приаралья X—XIV вв. До середины XI в. являлся столицей (зимней резиденцией правителей) огузов (см.: *Толстов С. П.* Города огузов // СЭ. 1947. № 3). Как видно из текста А. И. Левшина, окрестности Жанкента обживались и в XVIII столетии каракалпаками и казахами. Хан Абулхайр даже

ходатайствовал пред царской администрацией о постройке ему здесь города, для чего и были посланы в 1740 г. (а не в 1742) для съемок в эти районы поручик Гладышев и геодезист Муравин. Однако, данный проект не был осуществлен.

[82] Джитыкала— это хорошо известный комплекс древних городищ, расположенных в урочище Жетыасар (Джетыасар)—"семь городищ", расположенных в 50—80 км к юго-западу от станции Жосалы (Джусалы). На самом деле памятников здесь было больше (около 20), которые, естественно, не могли представлять одно поселение, город (как пишет Левшин). Памятники эти связываются одними археологами с культурой древних тохаров и эфталитов, другими же — с культурой кангюйских племен (см.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979). К поздним насельникам низовьев Сырдарьи (казахам и каракалпакам) эти памятники не имеют прямого отношения, но они использовали отдельные укрытые участки древних укреплений для временных зимних поселений.

[83] Остатки сооружения Жынгыткала (Джингиткала) находятся в Казалинском районе Кызыл-Ординской области, в 12 км к югу от станции Байкожа. Археологически не исследованы.

[84] Указанные здесь памятники в основном исследованы Хорезмской археолого-этнографической экспедицией (см. работу С. П. Толстова в коммент. 82). Крепость Кумкала XII—XIV вв. находится в 110 км к западу от г. Кызыл-Орды. "Куюктам" можно сопоставить, с одной стороны, с городищами I тыс. н. э. Куюккала и Куюккескенкала (каз.: Куыккескенкала), находящимися, однако, в районе устья Куандарьи, но с другой стороны, и с аналогичным городищем Куюккала в дельте Амударьи. "Куюк-там" же на Жанадарье по исследованиям не известен. Также затруднительна идентификация "Ковен-кала" и "Кулчук-там", которое ранее (1820 г.) описал Е. К. Мейендорф (см.: Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.46). "Бузун-гисар"— по всей видимости, позднее городище Бузуккала. Под "Сарлытамом", очевидно, имеется ввиду мавзолей XIV—XV вв. Сырлытам, находящийся на берегу сухого русла Жанадарьи. Следует отметить, что значительно восточнее его, на Инкардарье (в 80 км к юго-западу от г. Кызыл-Орды) есть другой Сырлытам —

мавзолей 1298 г постройки, однако, в комплексе с крупным городищем.

[85] Археологические памятники среднего течения Сырдарьи хорошо изучены (сводку сведений о них см.: Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972).

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О РЕКЕ ЯКСАРТ ... (т. е. разд. II; разд. I— гл. 1—8)

[1] Амедей Пьер Жобер (1779—1847). Французский тюрколог, автор грамматики турецкого языка (1-е изд.— Париж. 1823; 2-е изд.— Париж, 1833), послуживший основой для “Грамматики турецко-татарского языка” (Казань, 1839) А. К. Казем-бека; Г. Ю. Клапрот — см. коммент. 24 к разд. I. Ч. I.

[2] Несмотря на многочисленные попытки решения этого вопроса, соотношение названий Аракс, Сыр, Яксарт остается до сих пор неясным. Путаница, возникшая еще в древности, связана, видимо, с двумя взаимозависимыми факторами: во-первых, названия эти принадлежат местным народам, по большей части кочевым, которые часто меняли места расселения и переносили топонимическую номенклатуру в новые места обитания; во-вторых, доступные нам источники зачастую разделены по времени целыми столетиями, и каждый автор заставлял известные ему народы на новых местах обитания. Попытки совместить известные автору книжные сведения предшественников с реальной картиной в той мере, как она была ему известна, приводили к большой путанице в этих данных. Точка зрения А. Левшина представляется методически более верной, чем попытки многих современных авторов приспособить данные античных источников к какой-либо априорной концепции. Что касается, рассуждений А. Левшина о расселении скифских племен (скифов, массагетов, исседонов и др.) (см. коммент. 12 гл. 2. Ч. II), то они, хотя и выглядят вполне логично, однако считаются доказанными не могут. Вопрос о расселении этих племен также до сих пор остается открытым и имеет мало шансов на окончательное разрешение по тем же причинам, что и локализация названий рек.

[3] Кир (др.-перс. Куруш). Имеется в виду персидский царь из династии Ахеменидов Кир II (557—529 г. до н. э.).

[4] Имеется в виду Александр Македонский (356—323 г. до н. э.). Полководец и государственный деятель, сын македонского царя Филиппа II и его жены Олимпиады.

[5] Томирис (Томира). Царица массагетов, победила в 530 г. до н. э. основателя Персидской державы Кира (Геродот. История I. С. 205—208, 211—214).

[6] Геродот Галикарнасский (род. 484 г., умер между 431 и 425 гг. до н.э.). Древнегреческий историк, автор знаменитого труда “История”, являющегося основным источником по истории древнего мира.

[7] Жозеф де Гинь (1721—1800). Французский ориенталист, автор первого в европейской науке крупного исследования по истории кочевников Центральной Азии, написанного на материалах китайских и других восточных источников и сверенного с европейскими авторами: см.: *Degulnes J. Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, t. I—V, 1756—1758.*); Иоганн Кристоф Гаттерер (1727—1799). Немецкий историк, автор “Введения в синхронную всеобщую историю” (Геттинген, 1771. Т. I, 2) ко “Всеобщей истории” (Геттинген, 1785—1787. Т. 1, 2), а также ряда работ о происхождении балто-славянских народов и гуннов.

[8] Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738). Немецкий ученый-востоковед. По приглашению Петербургской Академии наук в начале 20-х гг. XVIII в. переехал в Россию. С февраля 1726 г. занимал кафедру древностей и восточных языков (см. о нем: *Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Соч. Т.9. М., 1977. С. 32—34; Кононов А. Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд 2-е. М., 1989. С. 35).*

[9] Имеются в виду тюркские языки.

[10] Арнольд Герман Людвиг Геерен (Хеерен) (1760—1842). Известный немецкий историк, последний крупный представитель геттингенской школы государственных наук. Большую известность в науке приобрела его работа “*Heeren A. Ideen über Politik, den Verkehr, und den Handel der vornehmsten Volkehr der Alten Welt.* (Gottingen. 1793; Изд. 2-е. 1805).

[11] Ксенофонт (445—355 г. н. э.). Древнегреческий писатель и философ, ученик Сократа. В 401 г., находясь

при дворе персидского царевича Кира Младшего, принял участие в походе последнего против его брата и персидского царя Артаксеркса II Мнемона. После разгрома восстания возглавил тринадцатитысячный отряд греческих наемников, которые возвращались в Грецию. Приключения этого отряда по пути домой послужили основой для написания знаменитого “Анабазиса”, который сейчас является одним из ценнейших источников по истории Ирана и Передней Азии ахеменидского периода. Всего известно около 15 сочинений Ксенофонта, многие из которых представляют собой философские или публицистические трактаты.

[12] Страбон (64 г. до н. э.—24 г. н. э.). Греческий географ, современник образования Римской империи и заката эпохи эллинизма. Основными трудами его являются “Исторические записки” и “География”. “Исторические записки” не сохранились, известны лишь по цитатам в других источниках, а “География” дошла до нашего времени полностью и представляет собой великолепный источник по истории и географии рубежа нашей эры.

[13] Александр Бекович-Черкасский (ум. 1717 г.). Князь, происходил из Малой Кабарды (до крещения в православную веру носил татарское имя Девлет-Гирей-мурза). В 1714—1717 гг. по указу Петра I возглавил экспедицию к каспийским берегам Средней Азии и в Хиву. В 1717 г. члены экспедиции были вероломно уничтожены хивинским ханом. (О ее результатах см.: *Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства. Спб., 1777; *Иллерицкий В.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву. (1716—17 гг.)// ИЖ, 1940. № 7).

[14] Имеется в виду древнегреческий поэт и географ середины II в. Дионисий, написавший поэму “Описания населения земли”, в которой упоминаются скифские народы Евразии (см.: *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С.148, 152, 153, 162, 163, 167, 178, 179).

[15] Конрад Маннерт (1756—1834). Немецкий историк и географ, автор обширного труда “География греков и римлян, описанная из их сочинений” (Нюрнберг, 1788—1825, 1044).

[16] Ктесий Книдский. Видный врач, в 414 г. попал в плен к персам и служил при дворе сначала Дария II, затем Артаксеркса Мнемона в течение 17 лет. Основные

сочинения — "Персика" и "Индика". Несмотря на то, что сам Ктесий сообщает, что пользовался при написании своих сочинений персидскими архивами, в настоящее время доказано, что оба сочинения носят беллетристический характер и имеют своей целью лишь опровержение Геродота. Однако там, где Ктесий расходится с Геродотом, другими источниками подтверждаются обычно данные Геродота.

[17] Аристотель (384—322 г. до н. э.). Древнегреческий философ и ученый. Его труды, дошедшие до нас, охватывают самые различные отрасли знания. Среди европейских ученых нового времени наибольшей известностью пользовался его труд "Политика" (рус. пер. 1911 г.), в котором получили освещение вопросы государственного устройства древних стран.

[18] Арриан. Греческий историк конца I— нач. II в. н. э., ученик философа-стоика Эпиктета, занимал государственные и военные должности в Риме, был консулом в Азии. Написал, наряду с философскими сочинениями, ряд этнографических трудов ("Об аланах", "О парфянах" и др.), к сожалению, до нас не дошедших. Полностью сохранился лишь самый крупный труд Арриана — "Анабазис Александра", посвященный истории походов Александра Македонского. Поскольку сочинение это написано более чем через три столетия после Александра, ценность этого труда, как исторического источника, весьма относительна.

[19] Финны, югры, вогуличи. Имеются в виду народы, относящиеся к так называемой финно-угорской подгруппе урало-алтайской языковой семьи. В древности населяли большие пространства от Алтая до Северной Европы, затем были частично ассимилированы, частично вытеснены славянскими, иранскими и тюркскими народностями. Отнесение названий Яксарт и Сыр к этой группе языков не имеет под собой научной основы. Название "угры" часто упоминалось в источниках как обобщающее этническое имя зауральских манси и хантов, а также дунайских венгров (мадьяров). В "Повести временных лет" (XII в.) предки венгров названы "угрой", а предки хантов и манси "югрой". Позднее имя "югра" закрепилось преимущественно за хантами; вогулы (вогуличи) — старое название народа манси.

[20] Самоеды. Старое русское название ряда народностей Сибири, говоривших на самодийских языках. К ним

относятся ненцы, энцы, нганасаны и селькупы. В XVII—XVIII вв. самодийские народы (камасинцы, моторы, карагасы и др.) жили в северных районах Западной Сибири и на юге Сибири в районе Саянского нагорья. По мнению большинства исследователей, Южная Сибирь, в частности Алтае-Саянское нагорье, является древней родиной самодийских народов.

[21] Жозеф де Турнефор (Турнефорт) (1656—1708). Французский ученый, профессор ботаники в Париже. В 1700—1702 гг. совершил научную поездку в Малую Азию, Армению и в Персию. Его исследования этих территорий имели большое значение для развития естествознания в Европе (см.: *Pitton J. de Tournefort. Relation d'un voyage du Levant fait par ordre du Roi, contenant l'Histoire Ancienne et Moderne de plusieurs Iles de l'Archipel, de Constantinople, des Cotes de la Mer Noire, de l'Armenie, de la Georgia, des Frontieres de Perse et de l'Asie Muneure*, vol. I—II, Amsterdam, 1718 / Paris, 1717); П. С. Паллас. См. коммент. 8, разд. I; Иоганн Готлиб Георги (1729—1802)— известный немецкий ученый. По приглашению Петербургской Академии наук в 1770 г. приехал в Россию и получил назначение в экспедицию И. П. Фалька. Вместе с Фальком (см. коммент. 15, разд. I. Ч. I) совершил путешествие из Оренбурга через Башкирию и Урал по территории юго-западной Сибири и северным районам казахских степей. На основе собственных этнографических материалов и сведений других сотрудников академических экспедиций XVIII в. подготовил и издал фундаментальный труд “Описание всех в Российском государстве обитающих народов” (Спб., 1776—1777. В. 3-х ч.).

[22] Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788). Выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими работами по описательному естествознанию. Его основной труд —36-томная “Естественная история”.

[23] Муравьев Н. Н. См. коммент. 21, разд. 1.

[24] Берг Ф. Ф. См. коммент. 7, разд. 1.

[25] Шангин И. П. См. коммент. 11, разд. 1.

[26] Эверсман Э. А., Мейендорф Е. К., Пандер Г. Х. См. коммент. 7, Предисл.; коммент. 6,5, разд. 1.

[27] Птолемей К. См. коммент. 30, разд. 1.

[28] Патрокл. В “Илиаде” один из героев Троянской войны, друг Ахилла, убит Гектором.

[29] Назаров Ф. См. коммент. 32, разд. 1.

[30] Плиний Старший (23—79 г. н. э.). Римский писатель и ученый. Единственный сохранившийся труд “Естественная история” в 37 книгах — своего рода энциклопедия научных знаний того времени, включающая сведения по истории, географии, этнографии, искусству и т. п. Погиб в 79 г., наблюдая извержение Везувия и гибель Помпеи.

[31] Помпоний Мела. Римский географ I в. н. э., родом из провинции Бэтики в Испании. Автор трехтомного сочинения, обычно называемого “Хронография” или, по первым словам текста, “О положении городов”.

[32] Танаис. Название нескольких рек в древности, этимологически восходящее к древнеиранскому *дану* — “река, вода”, получившему широкое распространение в языках так называемой скифской, или северо-восточной ветви иранских языков. Эта основа сохранилась в названиях рек Дон, Дунай, Днепр и некоторых других. В древности распространение этого термина было гораздо шире, и вместе со скифскими племенами переходило с одной реки на другую. Многие источники отмечают, что река Яксарт называлась также Танаис, что предполагает либо названия на разных языках, либо различие следующего порядка: Яксарт — название реки, а Танаис — просто нарицательное “река”. Кавказские горы, по представлениям древних географов, тянулись вплоть до Индии, так что это название не может служить ориентиром для определения реки.

[33] Христофор Келлер (Целларий). Профессор университета в Галле, автор работы *Cellarius, Christophorus. Notitia orbis antiqui. Lipsiae, 1701—1706*, где впервые была предпринята попытка идентификации рек, названных у Геродота.

[34] Квинт Курций Руф (I в. н. э.). Римский писатель, автор “Истории Александра”. По исторической ценности его труд значительно ниже сочинения Арриана (см. коммент. 18, разд. II, Ч. I), так как автор воспользовался историей походов Александра как поводом для написания назидательных новелл, уделяя основное внимание занимательности изложения, хотя в некоторых местах он дополняет сведения Арриана.

[35] Абульфед. См. коммент. 30, разд. I.

[36] Абу-л-гази Бахадур-хан (Абулгази Баядур). (1603—1655 гг.). Шайбанид. Хивинский хан (1643—1663), сын Араб-Мухаммед-хана. Автор двух значительных сочи-

нений — “Шаджарат ат-турк” (Родословное древо тюрков) и “Шаджарат ат-таракима” (Родословное древо туркмен), содержащих важные сведения по истории народов Средней Азии.

[37] Аммиан Марцеллин (ок. 330— ок. 400). Римский историк, автор сочинения историко-биографического характера “Деяния”, охватывающего период с конца I в. (правление императора Нервы) до 378 г. Содержит много сведений как компилятивного, так и оригинального характера. До наших дней дошли лишь книги 14—31 этого сочинения.

[38] Бактрия (Бактриана). Древняя область в Средней Азии по среднему и верхнему течению Амударьи, охватывающая территорию современных южных областей Узбекистана и Таджикистана и северных областей Афганистана. В VI—IV вв. до н. э. Бактрия входила в древнеперсидскую державу Ахеменидов, а затем — в империю Александра Македонского. После ее распада на территории Бактрии и некоторых соседних государств возникло Греко-Бактрийское царство (ок. 250 г. до н. э.— между 140 и 130 г. до н. э.); после его распада Бактрия вместе с Согдом становится центром складывания Кушанского царства, созданного тохарами и другими племенами. В послемонгольское время область к югу от Амударьи именовалась Балх, по главному городу; Согд (Согдиана) — древняя область в бассейне р. Зеравшан и Кашкадарья (ныне на тер. Узбекистана и Таджикистана). В VI—IV вв. до н. э. Согд входил в державу Ахеменидов, впоследствии был покорен Александром Македонским и после его смерти (323 г. н. э.) вошел в царство Селевкидов. Во второй пол. IV—III вв. до н. э. Согд входил в Греко-Бактрийское царство, а в первые века н. э. — в Кушанскую державу. В конце IV—V вв. Согд подчинился хионито-эфталитским государям, в VI—VII вв. — древнетюркским каганам, в конце VII—нач. VIII в. был завоеван арабами.

[39] Марко Поло (1254—1323). Знаменитый итальянский путешественник, долгое время провел в Монголии и Китае. В 1271—1295 гг. путешествовал по южным областям Средней Азии, Памиру, Восточному Туркестану, затем по глубинным районам Внутренней Азии. Долгое время служил при дворе монгольского хана Хубилая (см. коммент. 11, гл. I. Ч. II), посетил самые отдаленные районы Монгольской империи. Книга Марко Поло “О

разнообразии мира” (М., 1955; Алма-Ата, 1990) является неоценимым источником по истории и географии Азии монгольской эпохи; Асцелин — монах-домениканец, был отправлен папой Иннокентием IV в. в Монголию 1245 г. одновременно с Плано-Карпини, но не проник дальше Персии. Столкновение с предводителем монгольских аванпостов в этой стране заставило его вернуться обратно; Джованни дель Плано Карпини (План-Карпин) (род. 1182 г., год смерти неизвестен). Францисканский монах, был отправлен папой Иннокентием IV во главе посольства к монгольскому хану в Каракорум. Его “История монголов” (М., 1957) представляет собой ценный источник по истории Центральной Азии XIII в.; Вильгельм, или Гийом, де Рубрук (Рубруквис) (род. между 1215 и 1220 г., ум. 1293). Голландский монах, путешественник. В 1253 г. вследствие ложных слухов о принятии монгольским ханом Мунке (см. след. коммент.) христианства, Рубрук был отправлен французским королем Людовиком IX для приглашения участвовать в крестовом походе. Его маршрут пролегал из Константинополя через южную Россию, Сарай, Кавказ, часть Средней Азии и юг Сибири. Он побывал при дворе Батыя, Мунке и других монгольских ханов, однако, поручение выполнить ему не удалось. Вернулся Рубрук с богатыми дарами от Мунке. Его главным трудом явилось “Путешествие в восточные страны” (В кн.: *Карпини Дж. История монголов...* М., 1957), представляющее большую ценность как источник по истории и географии монгольской эпохи.

[40] Батый, Бату, Саин-хан (ум. 1255). Монгольский хан, второй сын Джучи, внук Чингисхана. После смерти отца (1227) стал главой улуса Джучи (см. коммент. 6, гл. 3. Ч. II.), участвовал во всех главных походах татаро-монголов. В 1236—1243 гг. возглавлял военный поход в Восточную Европу, после возвращения из которой обосновался на Нижней Волге, там возникло монгольское государство Золотая Орда, простиравшееся от Иртыша до Дуная. В 1251 г. он участвовал в перевороте в Монгольской империи, во время которого при его поддержке выдвинулся великим ханом Мунке — родной брат Хубилая (см. СИЭ. Т.1. С. 167); Мунке (у А. И. Левшина Мангу) — сын Тулуя (см. коммент. 11. гл. I. Ч. II), внук Чингисхана, четвертый монгольский каан, великий хан. Фактически правил частью монгольских владений с 1248 или 1249 гг., а в июле 1251 г. после трех лет борьбы

(1249—1251) он был формально утвержден в этом звании всемонгольским курултаем.

[41] Антони Дженкинсон (ум. 1610 или 1611 г.). Английский купец и дипломат. В 1557—1572 гг. четыре раза посетил Русское государство. С разрешения Ивана Грозного в 1558—1559 гг. совершил поездку с торговым караваном из Астрахани по волжско-камскому пути через Мангышлак и Устюрт в Хиву и Бухару. Дженкинсон составил описание этого путешествия, являющееся важнейшим источником по истории взаимоотношений России с народами Средней Азии и по этнографии казахского народа (см.: *Английские путешественники в Московском государстве* (Пер. с англ. Ю. В. Готье). М., 1937; *Аленицын В. Д.* Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году // ЗРГООЭ. 1880. Т.6. Отд.2. С.43—56; *Есмагамбетов К. Л.* Что писали о нас на западе. Алма-Ата, 1992. С. 21).

[42] Эльшлегер Адам Олеарий (ок. 1599—1671). Немецкий ученый и путешественник, магистр Лейпцигского университета, член германского посольства в Москву (1633—1635) и Иран (1635—1639), отправленного Фридрихом IV, герцогом Голдштейн-Готторпским. На основе собранных материалов подготовил и опубликовал описание путешествия посольства в Персию, заключавшее в себе много ценных сведений о Московской Руси и сопредельных территориях Среднего Востока (см.: *Olearii A.* Ausführliche Beschreibung der Kundbaren Reyse nach Moskow und Persien, Schlesswig. 1671; Описание путешествия в Московию и чрез Московию в Персию и обратно. Спб., 1906. Рус. перев.).

[43] Корнелий де Бруин (Лебрюн, Дебрюн) (1652—1714). Голландский живописец. Совершил путешествие в 1701—1708 гг. через Россию в Персию, Индию и на Зондские острова. Собранные им во время этого путешествия сведения о Средней Азии были изложены в двухтомном труде (*C. Le Brun.* Voyage de Corneille Le Brun par la Moscovite, en Perse et aux Indes Orientales, t. I—II, Amsterdam, 1718.).

[44] Книга Большому чертежу — См. коммент, 31, разд. 1, Ч. I.

[45] Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). Русский писатель, публицист и историк, автор двенадцатитомной “Истории государства Российского”, опубликованной по частям в первой четверти XIX в.

[46] Федор Иванович (1557—1598). Русский царь с 19 марта 1584 г., последний представитель династии Рюриковичей, второй сын Ивана IV Грозного и Анастасии Романовой.

[47] Туран. В иранском эпосе область, населенная турами,— кочевыми племенами, враждебными оседлым иранцам. В настоящее время в науке установилось мнение, что туры — группа кочевых иранских племен, близких к сакам. В более позднее время туры отождествлялись с тюрками, отсюда Тураном стали собирательно называть области, населенные тюрками (см. коммент. 14, гл. 2. Ч. II); Мавераннахр (араб. “то, что за рекой”). Так называли арабы земледельческие области между Амударьей и Сырдарьей. Из арабской географической литературы это название перешло в персидскую историческую и географическую литературу и сохранялось вплоть до XIX в. (МИКХ, с. 50).

[48] Отнесение названия “Сыр” к тюрк. “сары”— “желтый”— ошибочно. Происхождение названия “Сыр” в настоящее время остается неясным. Существует гипотеза о связи этого названия с греч. “silis” (см.: *Кляшторный С. Г. Яксарт — Сырдарья // СЭ, 1953. № 3. С.189—190*)— название этой реки у Птолемея, от иранск. “sir”— “полный”, “полноводный”.

[49] Правильно — тюркскими племенами, к которым относятся кыпчаки, карлуки, канглы и другие народы, издревле обитавшие на территории Южного Казахстана.

[50] Хулагу (Гулагу) (1217—1265). Хан, основатель династии и государства Хулагуидов в Иране, сын Тулуя (см. коммент. 11. гл. 1. Ч. II), внук Чингисхана. В 1256 г. по решению великого курултая прибыл во главе монгольских войск на Ближний Восток, завершил завоевание монголами Ирана, Ирака и сопредельных стран. В том же году провозгласил себя государем и положил начало самостоятельной династии, хотя номинально признавал сюзеренитет великого хана (годы правления 1256—1265).

[51] Абу-л-Касим ибн Хаукаль (Ибн Хаукаль). Арабский географ X в., автор большого географического труда “Китаб ал-масалик ва-л-мамалик” (Книга путей и царств), оконченного в 997 г. н. э.

[52] Абд ар-Рашид ибн Салих ал-Бакуви Якути (Бакуви). Арабский географ XV в., автор географического сочинения “Китаб талхис ал-асар ва аджа’иб ал-мулк

ал-каххар” (Книга освещения замечательных мест и чудес победоносного царства).

[53] Мухаммед Тарагай Улугбек (1394—1449). Внук Тимура, правитель Мавераннахра, выдающийся математик и астроном.

[54] Кятиб Челеби. См. коммент. 20, разд. I.

[55] Захир ад-Дин Мухаммед Бабур (Бабер) (1483—1530). Тимурид, сын Умар Шейх-мирзы. Вначале правил в Фергане, откуда в 1504 г. изгнан кочевыми узбеками. Бежал в Индию, где основал династию Великих моголов (1526—1858). Автор историко-мемуарного сочинения “Бабур-наме”.

Часть II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

Глава первая. ОБ ИМЕНИ КИРГИЗ-КАЙСАКОВ И ОТЛИЧИИ ИХ ОТ ПОДЛИННЫХ, ИЛИ ДИКИХ КИРГИЗОВ

[1] “Турецкой истории”. Здесь и далее имеется в виду тюркской истории. Термины “турки”, “турецкий” использовались нередко в дореволюционной исторической литературе для обозначения всех тюркоязычных народов, т. е. в том значении, как сейчас употребляется термин “тюрки”. Термином “турки” сейчас называют только малоазиатских тюрок (*Бартольд В. В. Сочинения. Т.2. Ч.1. М., 1963. Предисловие. С.15.*)

[2] Абулгази-Багадур, Абу-л-Гази Бахадур-хан. См. коммент. 36, разд. 2. Ч.1.

[3] Огус-хан (Огуз-хан). Легендарный прародитель западно-тюркских племен. Древние сказания огузов об Огуз-кагане называют их прародиной долины Иссык-Куля и Таласа. Огуз-хан считается также мифическим родоначальником всех тюрко-монгольских племен; его генеалогия, повторенная во многих сочинениях средневековых восточных авторов, возводит его к Нуху (Ною).

[4] “Народ сей есть один из древнейших в Азии”. Это заключение автора скорее относится, судя по контексту, к енисейским кыргызам (см. коммент. 8 этой гл.), хотя древность истоков тяньшанских киргизов также несомненна. Легендарные предания о происхождении киргизов от гузов (огузов), зафиксированные в “Зайн ал-ахбар” Гардизи (XI в.) и “Маджму ат-таварих” Сайф ад-Дина Ахсикенди (XVI в.), указывают на местные корни этногенеза киргизов, на участие огузских племен в этногенезе

киргизского народа наряду со многими этническими группами. Сложение киргизской народности происходило на базе автохтонных племен и племенных объединений Тянь-Шаня, которые были ассимилированы тюркскими и монгольскими племенами центральноазиатского и южно-сибирского происхождения (История Киргизской ССР с древнейших времен до середины XIX в. Т. I. Фрунзе, 1984. С. 421—422 и др.).

[5] Земарх (Земарк). Возглавил византийское посольство 568 г. в Тюркский каганат. Оставил описание своего путешествия, в котором имеются сведения об обычаях и общественной жизни тюрков.

[6] Дизавул (Сильзибул). По византийским источникам, Синджиб — по арабским. Великий хан тюрков Истеми (ум. в 575 г.), правитель западных территорий Тюркского каганата, брат основателя Тюркского каганата Бумына (ум. в 552 г.). При нем тюрки достигли на западе пределов своего военного могущества. (Бартольд В. В. Тюрки. Соч. Т. 5. М., 1968; С. 576; История тюркского населения Восточного Туркестана // Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников. Алма-Ата, 1988. С. 9—54).

[7] Чингис. Монгольский завоеватель, провозглашен ханом Монголии в 1194 г., объединил под своей властью монгольские племена, разгромив при этом крупные объединения татар, меркитов, найманов, керейтов и других. В результате грабительских походов в Северный Китай, Восточный Туркестан, Казахстан, Среднюю Азию, Иран, Закавказье, Восточную Европу создал в начале XIII в. огромную Монгольскую империю (прав. 1206—1227 гг.).

[8] Киргизы, проживавшие “между реками Селенга и Икар-Муран”. Речь идет о кыргызах, тюркоязычных племенах на Енисее, в Туве и Хакасско-Минусинской котловине в пределах Саяно-Алтая, имевших в IX—X вв. свою государственность Кыргызской каганат. Енисейские киргизы в соответствии со сложившимися ныне взглядами на проблему этногенеза киргизского народа не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа — на их основе сложилась хакасская народность (Бартольд В. В. Киргизы: Исторический очерк // Соч. Т. 2. Ч. I. С. 471—543.; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., Л., 1949; Козьмин Н. Н. Хакасы: Историко-этнографический очерк Минусинского края. Иркутск, 1925).

В этой главе А. И. Левшин ведет речь о кыргызах — коренном населении современного Кыргызстана, в его время называвшемся в русских документах кара-киргизами, и ошибочно связывает их непосредственно с древними енисейскими кыргызами. На территорию Тянь-Шаня пришли не кыргызы, жившие на Енисее, а тюркоязычные племена, обитавшие ранее в пределах Восточного При-тяньшанья, Прииртышья, Алтая (История Киргизской ССР. Т.1. С.50, 429 и др.; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнографические и историко-культурные связи. Л., 1971).

[9] И. Э. Фишер. См. коммент. 39, разд.1. Ч.1.

[10] Г. Ю. Клапрот. См. Коммент, 24, разд.1. Ч.1.

[11] Таулай (Тули, Тулуй). Младший, четвертый сын Чингисхана (см. коммент.7, этой гл.), получивший по традиции во владение “коренной” юрт отца в Монголии и по этой причине не имевший права на наследование титула великого хана. Согласно расположению Чингисхана великим всемонгольским ханом мог быть Угэдэй и его потомки. Но в итоге развернувшейся борьбы два сына Тули — Мунке (см коммент. 40, разд.II. Ч.1) и Хубилай — стали великими ханами. Другой сын — Хулагу — известен как завоеватель Ирана (см. коммент. 50, разд.II. Ч.1).

[12] Рубруквис. См. коммент. 39, разд.II. Ч.1.

[13] Каракорум. Столица Монгольской империи, построена преемником Чингисхана Угэдэем около развалин древнего уйгурского города Каракорума, на левом берегу Орхона, притока реки Селенги, впадающей в озеро Байкал.

[14] Мангу-хан (Менгухан, Мункэхан). См. коммент. 49, разд. II. Ч.1.

[15] Угэдэй (Угадай). Третий сын и преемник Чингисхана. Его улус занимал часть территории Казахстана — земли восточнее бассейна р. Или в Семиречье, западный Алтай, ставки его войск располагались на берегах Эмиля и Кобука у Тарбагатая. В составе его “тысяч”, выделенных во владение войск, были джалаиры, сулдусы и другие племена. Угэдэй был великим ханом Монгольской империи в 1229—1241 гг.

После Угэдэя великим ханом стал его сын Гуюкхан (1246—1248), но в 1251 г. улус Угэдэя в итоге борьбы его наследников с потомками Тули, был ликвидирован, а земли и войска (племена) розданы сторонникам Мункеха-

на. В ходе длительной борьбы в 50—60-х гг. XIII в. потомков Угэдэя (в лице его внука Хайду) и Тули (в лице великого хана Хубилая и его брата Арик Буги) происходили значительные перемещения монгольских и тюркских племен, в их числе и киргизских, о чем и сообщает автор (см.: История Киргизской ССР. Т.I. С.382—393).

[16] Правильно: в тюркском тексте.

[17] Река Уйгур. Енисей, названный по имени уйгуров — одного из древнейших тюркоязычных племенных союзов токуз-гузов Центральной Азии. В VII—IX вв. на территории Северной Монголии древние уйгуры имели свою государственность. Уйгурский каганат (744—840 гг.) был одним из могущественных раннесредневековых тюркских государств.

[18] Аравитяне-арабы. Жители Аравийского полуострова, коренное население Арабского Халифата — централизованного теократического государства, возникшего в VII в. в связи с утверждением ислама и объединением арабских племен. В течение 10 лет в середине VII в. арабы захватили территорию Ирана, Палестины, Египта, нанесли удар Византии, затем перешли Амударью и вступили в борьбу с согдийцами, тохаристанцами, тюрками и другими народами Средней Азии. К середине VIII в. границы Халифата выходили за пределы правобережья Сырдарьи, включая округ Ша-ша — Ташкента. Включение Средней Азии в Халифат способствовало в конечном счете развитию контактов между различными народами, о чем упоминает и автор. (*Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.303—324; *Бартольд В. В.* История Туркестана // Соч. Т.II. Ч.I. С.118—126).

[19] Хазары. Население Хазарского каганата — полукочевые и оседлые племена и народы преимущественно тюркского происхождения, этнически близкие волжским болгарам. Хазарский каганат — ранне-средневековое государство в Восточной Европе, во второй половине VII—середине X в. занимавшее обширные территории в низовьях Волги, Приазовье, Подонье. Каганы Хазарии вели происхождение от тюркского правящего рода Ашина и считали себя прямыми наследниками правителей Тюркского каганата. Хазарский язык относится к западной (болгаро-печенежской) группе тюркских языков. В XI в. Хазарский каганат был ослаблен печенегами и гузами,

киевским князем Святославом (*Плетнева С. А. Хазары. М., 1986; Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966*).

[20] “Участь сего народа с XIV и до конца XVI вв. нам неизвестна”. Еще в X—XI вв. енисейские кыргызы распространили свою власть на Алтай, Прииртышье, Приобье. Часть енисейских кыргызов переместилась на эти территории. В источниках (Рашид ад-Дин и др.) они получили наименование “кыргыз”. В XIII в. эта область кыргызов вошла вместе с Южной Сибирью в состав Улуса Джучи (см. коммент. 6, гл.3. Ч.II). Постепенно они переместились с Алтая и Прииртышья на Северный Тянь-Шань, где вошли в состав местного тюркоязычного населения. Итогом этих процессов в XVI в. было образование киргизской народности (*История Киргизской ССР. Т.1. С.434—441*).

Упомянутые ниже Левшиным сибирские события XVII в. — времени продвижения русских в Сибирь — связаны с оставшимися на своих территориях группами енисейских и алтайских кыргызов. В XVII в. енисейских кыргызов с зависимыми от них племенами насчитывалось 8—9 тыс. человек.

[21] Монгольский Алтын-хан. Представитель династии Алтын-ханов, правивших в Восточной Монголии (в сев.-зап. части Халхи, на территории между оз. Хубсугул и Убса). Государство халхаских Алтын-ханов в течение трех четвертей XVII в. играло заметную роль в истории Южной Сибири, где Алтын-ханам удалось подчинить ряд племен и народов, в их числе и кыргызов, и принудить их к ясачной повинности (*Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1983. С.70, 142 и др.*) Первым из династии халхаских Алтын-ханов был Шолой-Убаши-хунтайджи.

[22] Владелец зюнгарский. Правитель (хунтайджи) Джунгарского ханства, ойратского государства в Западной Монголии (1635—1758 гг.).

[23] Татары. Здесь тюркоязычные сибирские племена, жившие по среднему течению Иртыша, в низовьях Тобола, Туры, Тавды, Исети, Ишима, по Таре и Оми, в лесостепи и степи, занимавшиеся кочевым скотоводством, знавшие и пашенное земледелие, в тайге — охотой и рыболовством. Отдельные родоплеменные объединения татар Западной Сибири и Алтая имели территориальные названия: татары тобольские, ишимские, тюменские, барабинские, чулымские и др. Исследователи отмечают

сложность этнической истории сибирских татар, относя их по языку в основном к кыпчакской группе тюркских племен. В процессе расселения еще в XII в. кыпчаки оттеснили и частично ассимилировали древние угорские племена Западно-Сибирской низменности, а с XIII в. в свою очередь подверглись воздействию монгольских этнических элементов (*Храмова В. В.* Западносибирские татары // *Народы Сибири* / Под ред. М. Г. Левина и Л. Г. Потапова. / М.-Л., 1956; *Бояршинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960; *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // *Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955.*)

[24] Зюнгарский владелец Батур. Основатель и первый правитель Джунгарского ханства (ум. в 1654 г., по другим данным — в 1606 г.). Считался потомком Эсмуна Дархана Нояна — сына ойратского правителя Монголии Эсеня из дома Чорос. Его внутренняя и внешняя политика способствовала укреплению Джунгарского ханства. Он являлся одним из организаторов всеойратского съезда правителей Халхи, Кукунора, Джунгарии и Поволжья (сентябрь 1640 г.), который выработал законы, направленные на урегулирование взаимоотношений между нойонами, объединение сил в борьбе против внешней опасности, укрепление власти ханов и других владетелей над кочевниками (см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. С.113—115).

[25] Имеется в виду Алтын-хан Омбо-Эрдэни, второй хан Халхи из династии Алтын-ханов.

[26] Лобзан (Лоузан, в источниках также, Лоджан Лубсан-гайджи, Лубсан-Сайн-хан, Лобдзан, Лодзан). Третий правитель Халхи из династии Алтын-ханов. Очередное вторжение его в киргизские кочевья в 1667 г. с целью закрепить зависимость киргизов и брать с них ясак вызвало противодействие этому ойратского правителя Сенге, также претендовавшего на господство над киргизами. Лубсан-гайджи был разбит, держава Алтын-ханов фактически перестала существовать (*Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. С.142).

[27] Кокандский хан. Правитель Кокандского ханства — одного из узбекских ханств Средней Азии, оформившегося как самостоятельное государство в середине XVIII в. на территории Ферганы при Ирдане-бие (1751—1770 гг.). Основателем династии кокандских ханов был узбекский феодал из племени уходжей минг Шахрух-бий

(1710—1722), захвативший власть в Фергане. В 80-х гг. XVIII в. под власть Коканда попадают все ферганские киргизы, города Узгенд и Ош, принадлежавшие им, а в начале XIX в. Кокандское ханство подчинило себе и северную Киргизию (История Киргизской ССР. Т. I. С. 490—499).

[28] В. В. Бартольд пишет, что бурутами называли киргизов калмыки (ойраты), казак-бурутами, т. е. казак-киргизами-ойраты и по их примеру русские называли и казахов. Появление этой ошибки, т. е. распространения на казахов названия “киргизы” (у ойратов — буруты) сначала у ойратов, потом у русских, по мнению В. В. Бартольда, произошло потому, что кочевьями казахов заполнялось все пространство между кочевьями Тяньшанских и Енисейских киргизов, т. е. из-за географической и этнокультурной близости этих народов (*Бартольд В. В. Киргизы: Исторический очерк.* С. 519, 524, 527).

[29] Джунгарское ханство после изнурительной, не менее столетия длившейся борьбы, было уничтожено в 1758 г. Цинской империей. Китайское войско “не только стерло ойратское государство с лица земли, но и истребило сотни тысяч его обитателей” (*Златкин И. Я. История Джунгарского ханства.* С. 279).

[30] “Причислены к подданным китайским”. Левшин прав, отметив, что это подданство было “более мнимое, нежели истинное”. Цинский император добивался от киргизов признания подданства, однако, они оставались независимыми: не принимали никаких вассальных обязательств, не выплачивали податей, “зависимость” ограничивалась лишь отправкой в Пекин послов (*История Киргизской ССР. Т. I. С. 479—480.*)

[31] Егор Федорович Тимковский (1790—1875 гг.). Русский путешественник и дипломат. В 1820—1825 гг. — пристав 10-й русской православной миссии в Пекине, в 1821—1830 гг. — начальник отделения Азиатского департамента МИД, в 1830—36 гг. — консул в Яссах. Большую известность приобрел благодаря написанному им трехтомному труду “Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах” (Спб., 1824), в котором описал многие стороны этнографии монголов, а также привел некоторые интересные сведения о казахах и киргизах.

[32] Олуты (зюнгары). Западные монголы. В монгольских источниках они называются ойратами, в мусульманских — олоатами (элюатами). В русских доку-

ментах калмыками стали называться и ойраты, переселившиеся в XVII в. в низовья Волги и Урала. Название “зюнгары” — от джунгары (монг. слово “джунгар” никогда не было этнонимом, оно во все времена означало левую сторону, левую руку. Этим словом называли левое крыло войск Чингисхана; в дальнейшем каждое монгольское владение имело свой “джунгар”, свою “левую руку”) (Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. С.21, 307).

[33] Манчжурскому генералу. По имени манчжурской династии, утвердившей власть в Китае в 1644 г. (Империя Цин).

[34] Циши. Имеется в виду китайский чиновник Чунь Юань, служивший в Синьцзяне в XVIII в. Его перу принадлежит несколько работ об ойратах, опубликованных Г. И. Спасокиным в журнале “Сибирский вестник” в пер. надворного советника Азиатского департамента МИД С. В. Липовцева. В том числе: Обзорение Зюнгарии, 1821. Ч.III. С.89—110, 133—148, 193—208; Ч.XVI. С.360—383; О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. 1820. Ч.XII. С.168—189, 214—235, 254—269; О возмущениях, бывших в Дзюнгарии и Малой Бухарии. 1823. Ч.III. Кн.18. С.101—122.

[35] Сибирские линии. К ним относятся три линии укреплений, основанные царским правительством в южных районах Западной Сибири для ограждения владений России от соседних кочевых племен. К ним относятся: Иртышская линия, расположенная на правом берегу р. Иртыш в его верхнем течении (крепости Ямышевская (1715), Омская (1716), Железинская (1717), Семипалатинская (1718), Усть-Каменогорская (1720) и семь промежуточных форпостов); Ишимская линия, проведенная в 1737 г. от Тобола (выше ст. Звериноголовской) через Ишимский острог на Иртыше до г. Омска и продолженная в 1739 г. на запад к верховьям Яика Уйскими (Верхней и Нижней) линиями, которые отделяли земли башкир от казахов, и Кольвано-Кузнецкая линия, протянувшаяся в 1747—1768 гг. из Усть-Каменогорской крепости через Бийск в Кузнецк. В 1752—1754 гг. Старая Ишимская линия потеряла свое значение и южнее ее от Верхней Уйской линии (от креп. Звериноголовской) через Петропавловск на Омск была сооружена Тоболо-Ишимская, или так называемая Новая (Горькая) линия длиной 548 км.

К Оренбургской линии относилась цепь укреплений, построенных в 30—40 гг. XVIII в. по р. Яику от его верховьев и до устья (Верхняя и Нижняя Яицкие линии). Она состояла из трех дистанций: Нижнеуральской, Самарской и Кизильской, которые все вместе заменили Закамские линии. На Оренбургской линии к концу 40-х гг. было 28 крепостей, в том числе Оренбург, Орск и городки Илецкий и Яицкий, 36 редутов и три казачьих станицы.

[36] Казачьих орд. Термин “орда”, применявшийся в старых русских источниках в отношении объединений казахских племен, ныне не употребляется, вместо него принят казахский термин “жуз”. (Прим. В. Ромодина в кн.: *Бартольд В. В.* Соч. Т. II. Ч. I. С. 97).

[37] Ермак. Казачий атаман Ермак Тимофеевич, возглавлявший отряд казаков, отправленный за Урал камскими солепромышленниками и купцами Строгановыми. В 1582 г. казаки Ермака разгромили войско сибирского хана Кучума, заняли его столицу Кашлык. В 1585 г. Ермак погиб (утонул) в Иртыше во время одного из сражений. Поход дружины Ермака положил начало присоединению к России Западной Сибири. Окончательное поражение Кучума и падение Сибирского ханства относятся к 1598 г.

Личность Ермака и его роль в продвижении русских в Сибирь вызвала противоречивые оценки в обширной исторической литературе. (См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Том 7. Сочинения. Книга IV. М., 1989; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. // Научные труды. Т. III Ч. I. М., 1955; *Мирзоев В. Г.* Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960; История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968; *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. 1985; *Козыбаев М. К.* Правда и мифы о Ермаке // История и современность. Алма-Ата, 1991. С. 136—161).

[38] Несколько исправив искаженное примерно с начала XVIII в. этническое название казахов, А. И. Левшин предложил сохранить эту сложную конструкцию из этнонимов двух народов (“киргиз-казаки и киргиз-кайсаки”) для казахского народа. Одну из причин этого он видел в

необходимости отличать имя этого народа от названия русского военного сословия (казаки сибирские, как и казаки уральские, казаки волжские). С 30-х годов XX в. во избежание терминологической путаницы в русском языке стали писать название казахского народа "казах". В казахском языке сохраняется самоназвание народа — "казак" (см. Предисловие В. Ромодина в кн.: *Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. С. 15*).

[39] Н. К. Витсен. См. коммент. 34, разд. I. Ч. I.

Глава вторая

ОБ ИСТОЧНИКАХ ДЛЯ ИСТОРИИ КИРГИЗ-КАЗАКОВ

[1] Имена собственные и исторические события, встречающиеся в приведенных автором преданиях, как он сам справедливо отмечает, "затемнены многими выдумками". Иногда их можно соотнести с тем или иным историческим лицом, но в совершенно искаженном представлении. Потомками хана Ишима, если имеется в виду хан Ишим (Есим), сын Шигай-хана (см. коммент. 26, гл. 3. Ч. II), правитель казахов в 1598—1613 гг. и в 1627—1628 гг. (в 1613—14 гг. ханская власть была узурпирована Турсунханом) (см. коммент. 36, гл. 3. Ч. II.) действительно являются "последующие ханы киргиз-казакские" — известные казахские ханы Джахангир (погиб в битве с калмыками в 1652 г.) (см. коммент. 37, гл. 3. Ч. II) и его сын Тауке (ум. в 1718 г.) (см. коммент. 45, гл. 3. Ч. II.). Но с каким Джаныбеком, "туркестанским ханом", связан родством Ишим, — не ясно. Предком Ишима был один из основателей Казахского ханства Джаныбек (см. коммент. 5, гл. 2; 42, гл. 3. Ч. II.). Легенда сделала современниками лица, разделенные полутора столетиями.

[2] П. С. Паллас. См. коммент. 8, разд. I. Ч. I.

[3] Ногаи (ногайцы). См. коммент. 50, разд. I. Ч. I.

[4] Сибирские татары. Собираемый этноним, обозначавший тюркоязычные племена Западной Сибири. Основное население (наряду с угорскими племенами) Сибирского ханства, образовавшегося в конце XV в. с центром в Тюмени (см. коммент. 23, гл. I. Ч. II.).

[5] Хан Орус. Очевидно, имя этого правителя из предания можно соотнести с джучидом Урус-ханом, наиболее известным правителем Ак-орды — государства на территории Казахстана в XIV—нач. XV в. К Урус-хану (он правил в 1368—1376/77 гг.) восходит родословная

основателей Казахского ханства Гирея (Урус-хан, Тохта-Кыйа, Пулад, Гирей) и Джаныбека (см. коммент.42, гл.3. Ч.II) (Урус-хан, Куйручук, Барак, Джаныбек). Урус-хан, по одним сведениям,— потомок Орда-Ичена, старшего сына Джучи-хана, по другим — потомок тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура (МИКХ. С.495—496).

[6] Тамерлан. См. коммент.3, разд.I. Ч.I.

[7] Взятие Астрахани русскими войсками произошло в 1556 г.

[8] Мавераннагер-Мавераннахр. См. коммент.47, разд.II. Ч.I.

[9] Фирдоуси (Абул-Касим) (род. между 934 и 941 гг.). Автор поэмы “Шах-наме”, известный поэт эпохи Саманидов, классик таджикско-персидской литературы.

[10] Султан Бабер. См. коммент.55, разд.II. Ч.I.

[11] Абулгази Багадур. См. коммент.36, разд.II. Ч.I.

[12] Скифы. Ранние кочевники, ираноязычные племена, населявшие в начале I тыс. до н. э. Центральную Азию, степи к востоку от Волги и Урала и передвинувшиеся в IX—VIII вв. до н. э. в Восточную Европу, в степи к северу от Черного моря и Кавказа, где стали известны античным авторам. Создали кочевническую культуру так называемого скифского типа на громадной территории от Монголии, Тувы, Алтая и до Причерноморья. Одной из характерных черт скифской культуры был “звериный стиль” в искусстве. Восточнскифские племена на территории Казахстана древние источники называли саками (История Казахской ССР в древнейших времен до наших дней: В 5 томах. Т.I. Алма-Ата, 1977.).

[13] Чете (Джете). Это название персоязычные авторы Шараф ад-Дин али Йазди (“Зафар-наме”), Мухаммад-Хайдар (в “Тарих-и Рашиди”) и др. упоминают как синоним названия “Могулистан” (государства на территории Юго-Восточного Казахстана и Киргизии в XIV—нач. XVI в.) (см. коммент.9, гл.3. Ч.II). Этим пренебрежительным именем (“разбойники”, “скитальцы”) называли могулов осевшие в Мавераннахре (см. коммент.47, разд.II. Ч.I) чагатаи (тюркские и тюрко-монгольские племена, называвшиеся так по имени бывшего правителя улуса Чагатая) за то, что те (т. е. могулы) сохраняли кочевой, “разбойничий” образ жизни.

[14] Туркестаном, а в древности Тураном (см. коммент.47, разд.II. Ч.I) называли в персоязычной литературе

регион расселения тюрков, в значении “страна тюрков”. В VI в., когда тюрки продвинулись до Окса (Амударья), Туркестан для персов начинался сразу севернее Окса. Для арабских географов IX—X в. Туркестан начинался севернее Сырдарьи (арабское завоевание оттеснило тюрков на север). В источниках XIV—XVII вв. термином Туркестан назывались земли вдоль Средней и Нижней Сырдарьи и Каратау (район Южного Казахстана). Позднее название вновь применялось и к Средней Азии. В XIX в. в этом значении историко-географический термин Туркестан вошел в научную терминологию (Бартольд В. В. Туркестан. // Соч. Т. III. М., 1965. С. 518—520).

[15] Туран. См. коммент. 47, разд. II. Ч. I.

[16] Кыпчак. Дашт-и Кыпчак, “Кыпчакская степь”. Так назывались в средневековой арабской, персидской и тюркоязычной литературе степные пространства от Иртыша, Улутау и Сырдарьи до Днепра, населенные в XI—XIV вв. кыпчаками и входившими в их политическое объединение племенами и народами. Дашт-и- и Кыпчак делился на западный и восточный, примерной границей была река Урал.

[17] Мухаммед ибн Арабшах (1392—1450 гг.). Автор сочинения “Аджаиб ал-макдур фи ахбар-и Тимур” (содержит сведения о походах Тимура в конце XIV в. на территорию Южного Казахстана, в Могулистан; представляют интерес историко-географические сведения об этих районах, данные о строительстве Тимуром крепости Аш-нара).

[18] Абульфеда. См. коммент. 30, разд. I. Ч. I.

[19] Кятиб-Челеби. См. коммент. 20, разд. I. Ч. I.

[20] Ж. Дегинь. См. коммент. 7, разд. II. Ч. I.

[21] “Относятся к истории народов, владевших прежде нынешними степями киргиз-казаков”. Регион восточной части Дашт-и Кыпчака, Туркестана (т. е. упомянутые выше области на Средней и Нижней Сырдарье, Каратау и Семиречья) является этнической территорией казахской народности. Этническими корнями и компонентами ее как и других тюркских народностей смежных территорий стали многочисленные, разноязыкие в прошлом племена и народы — от древних андроновских племен, саков, сарматов, исседонов, усуней, кангюев, гуннов, тюрков до более поздних тюркешей, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков, согдийцев, а также найманов, киреев, конгратов, джалаириров, дулатов и многих других, в том

числе позднесредневековых народов и этнополитических общностей — могулов, кочевых узбеков, ногайцев, татар, каракалпаков, башкир. Многие из этих народов упомянуты на страницах труда А. И. Левшина (см. также: История Казахской ССР. Т.1.,2).

Глава Третья

О НАЧАЛЕ КИРГИЗ-КАЗАКОВ И СОСТОЯНИИ ИХ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ПОДДАНСТВО РОССИИ, ИЛИ ДО 1730 ГОДА

[1] О. И. Сенковский. См. коммент. 44, разд. I. Ч. I.

[2] Татары. Здесь автор имеет в виду (см. прим. О. И. Сенковского на с. 152) татаро-монголов — основное население Монголии в XII—XIII вв. В составе татаро-монгольских племен были собственно монголы, кераиты, меркиты, ойраты, найманы, татары, кият-борджигины и другие этнические группы. Татарами именовались завоеватели из Монголии на Руси, на мусульманском Востоке, в Западной Европе. О многозначности этнонима “татары” в разное время и на разных территориях (татары монгольские, крымские, казанские и т. д.) см.: *Бартольд В. В. Татары // Соч. Т. V. С. 569—561; М., 1968; его же. Тюрки. Т. V. С. 576—595; Татаро-монголы в Азии и Европе: Сб. статей. М., 1977.*

[3] Ни в сказании о Рустеме, ни в какой другой части (Дастан) “Шах-наме” Фирдоуси упоминания о казахах и казахских ханах нет. Есть лишь сведения о тюркоязычном населении Средней Азии и соседних степных регионов под общим именем “тюрк”, упомянута и страна их Туран, т. е. территория к северу от Амударьи, противоположная Ирану.

[4] Казак. Наиболее полную сводку и научно аргументированную критику мнений об этом термине (или этнониме) см. в работе: *Ибрагимов С. К. Еще раз о термине “казак” // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 66—71.*

[5] Найманы. Тюркоязычные (по мнению ряда исследователей, в раннем средневековье монголоязычные) племена кочевников-скотоводов, объединившиеся в союз еще в VIII в. на территории от Верхнего Иртыша до Орхона, от Тарбагатай до Хангая. К началу XIII в., как и родственные им кераиты, имели, по сведениям Рашид ад-Дина,

свои этнополитические, государственные образования (улусы). В результате войн в период образования Монгольской империи найманы Куглукхана попали на Алтай, откуда вместе с меркитами и кераитами переместились в Восточный Казахстан и Семиречье. Источники XV—XVII вв. (см. МИКХ, а также труды Абулгази, Бабура, Рузбихана Исфагани) упоминают найманов среди населения Ак-орды, Ногайской орды, ханства Абулхайра (государства кочевых узбеков). Этноним найманы отмечен в составе казахов, узбеков, киргизов, алтайцев, ногайцев и др. Найманы-казахи — основное племя Среднего жуза (см.: История Казахской ССР... Т.2. С.43—49; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. М., 1982).

[6] Джучи. Старший сын Чингисхана (см. коммент.7, гл.1. Ч.II). Его удел занимал часть Семиречья, южную часть Западной Сибири и весь Восточный Дашт-и Кыпчак до Нижней Волги (см. коммент.16, гл.2. Ч.II). Ставка Джучи находилась на Иртыше. Похоронен на Сарысу (ум. в 1227 г.).

[7] Золотая Орда. Евразийское государство, основанное джучидом Бату-ханом (см. коммент.40, разд. II, Ч. I) в 1243 г. на базе улуса Джучи в степях от Иртыша до Нижней Волги. В нее входили Хорезм и Северный Кавказ, земли волжских болгар, Крым, Кыпчакские половецкие степи (т. е. Западный Дашт-и Кыпчак), в зависимости от Золотой Орды были русские княжества. Центром государства было Нижнее Поволжье, столицей — Сарай-Бату, затем г. Сарай-Берке. Основную массу населения составляли тюркские племена кочевников — кыпчаков, татар, найманов, канглы, карлуков, мангытов и т. д. В оседлых областях орды жили волжские болгары, мордва, греки, черкесы, хорезмийцы и др. Распалась Золотая Орда в первой половине XV в. На ее территории возникло несколько государств — Большая орда, Ногайская орда, Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства, ханство Абулхайра (государство кочевых узбеков). Их население стало называться ногаями, татарами, узбеками (см. История Казахской ССР... Т.2. С.119—137).

[8] Орда Чагатайская. Улус Чагатая, второго сына Чингисхана (см. коммент.7, гл. I. Ч. II). занимал в 30—40-х гг. XIII в. земли от южного Алтая до Амударьи, т. е. включал большую часть Семиречья, Мавераннахр и Восточный Туркестан; ставка Чагатая была на Или, недалеко от Алмалыка — главного города “области Иль-

Аларгу” (по Джемалю Карши). Видимо, в этой связи А. И. Левшин упоминает “Алмалыкскую орду”. В 60-х гг. XIII в. в результате длительных усобиц власть в Чагатайском улусе перешла к внуку Угэдея (см. коммент. 15, гл. I. Ч. II) Хайду. Его государство просуществовало около 40 лет. В начале XIV в. династия чагатаидов восстановила свою власть в Средней Азии и Семиречье.

[9] Могул Улус. Могулистан — государство чагатаидов во второй полов. XIV— нач. XVI в. на территории Семиречья, Киргизии и Восточного Туркестана. Северные границы доходили до территории калмыков, включая земли у Эмиля и Иртыша, Каратала и Балхаша. Ставка первых ханов находилась в Алмалыке. Позднее она перемещалась в зависимости от политической ситуации в Кашгарию, в Ташкент. (Отсюда у Левшина — Ташкентская орда). В состав населения Могулистана входили тюркские и тюркизированные племена: дуглаты и канглы, кераиты и аргыны, баарины и арлаты, барласы и булгачи и др. Их общее этнополитическое название — могулы. Часть их вошла в состав казахов, другая — в состав киргизов, уйгуров (см.: История Казахской ССР... Т. 2; Пищулина К. А. Юго-Восточный Казахстан во второй полов. XIV— нач. XVI в. Алма-Ата, 1977).

[10] “Узбеки, овладевшие Мавераннагером и Хорезмом”. Имеются в виду события рубежа XV—XVI вв., когда внук хана Абулхайра (1428—1468 гг.), правителя “государства кочевых узбеков”, Мухаммед Шайбани-хан (см. коммент. 19 этой гл.), завоевал Среднюю Азию у тимуридов. В исторической литературе утвердилось мнение, что название “узбек” употреблялось во второй полов. XIV—XV в. как собирательный политический термин, а не этноним для обозначения тюркских и тюркизированных племен Восточного Дашт-и Кыпчака (Казахстана), входивших в состав улусов джучидов Шайбани и Орда-Ичена, а затем — государства кочевых узбеков и Ак-орды (или Кок-Орды). Рузбихан Исфахани (начало XVI в.) относил к узбекам три народа (тайфа): узбеков-шайбанидов, казахов и мангытов (см.: МИКХ. Алма-Ата, 1969; История ССР... Т. 2; Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков.)

[11] Хан Дадам. Видимо, хан Могулистана Султан Саидхан, чагатаид, сын Султан Ахмад-хана, внук Йунус-хана, двоюродный брат Мирзы Мухаммад Хайдара, автора “Та’рих-и Рашиди”, и Захир ад-Дина Мухаммад Бабура

(коммент.55, разд. II. Ч. I). В 1514 г., будучи вытесненным казахскими ханами из Семиречья, утвердил власть в Восточном Туркестане, основав новое ханство — Могулию.

[12] Хан Арслан. Вполне очевидно, что имеется ввиду казахский хан Касым (род. ок. 1445, умер ок. 1520/21 гг.). Сын Джаныбек хана (см. коммент.5, гл.2. Ч. II). Правил с 1512 г., был наиболее могущественным казахским ханом. Мирза Мухаммед Хайдар сообщает о его встрече с Султан Саидханом. За Касым-ханом была замужем Султан Нигар-ханым, четвертая дочь Йунус-хана (хана Могулистана), доводившаяся теткой Захир ад-Дину Бабуру (см. МИКХ, с.222).

[13] Кыпчаки. Одно из крупных древних тюркских племенных объединений, в XI—XIII вв. основное население Дашт-и Кыпчака. Кыпчаки составляли два этнотерриториальных объединения: западнокыпчакское, или половецкое и восточнокыпчакское, или казахстанско-среднеазиатское. Среди кыпчакских племен источники называют токсоба, йета, буржоглы, кангоглы, дурут, анджоглы и др. Союз кыпчакских племен сложился в государственное объединение, кыпчаки фактически формировались в самостоятельную народность. Впоследствии кыпчакские этнические группы вошли в состав казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков, алтайцев, башкир, туркмен (см.: История Казахской ССР... Т.2. С.50—68; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.; Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989).

[14] Конрады (кунграт, унгират, хункират, у Рашид ад-Дина — кунгират, конгурат). Древнее монгольское племя, в период монгольских завоеваний распространились на запад, отуречились и впоследствии вошли в состав узбеков, казахов, каракалпаков, туркмен, киргизов и других тюркоязычных народностей (см.: Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С.34—35; Ахмедов Б. А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории узбеков // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С.25—27).

[15] Джалаиры. Собственно название джалаириров зафиксировано в источниках XIII—XIV вв. Они были среди четырех главных родов улуса Чагатая. Их считают и монголоязычными (В. В. Бартольд), и тюркоязычными (Н. А. Аристов) племенами. По сведениям Рашид ад-Дина,

они рассеялись в XIII—нач. XIV в. в Семиречье, на Средней Сырдарье, в районе Каратау. В состав джалаириров вошло много местных тюркских родов, живших на Сырдарье и Чу еще со времен ранних тюрков (сырманак, шуманак). Джалаиры вошли в состав узбеков, киргизов, бурят, казахов, каракалпаков. У казахов джалаиры составляют главную ветвь племени уйсун (см.: *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов. Конец XIX—нач. XX в. Алма-Ата, 1968; *История Казахской ССР... Т.2. С. 247; Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. С.34 и др.).

[16] Канглы (канклы). Древнейшие обитатели бассейна нижней и средней Сырдарьи, предгорий Каратау, западной части Семиречья. Предки племени канглы ведут происхождение от древнего племенного союза кангюй, канка (III—I вв. до н. э.). Вступали во взаимодействие и подвергались влиянию многих пришлых племен и народов — гуннов и согдийцев, тюрков и арабов, кыпчаков и монголов. Входили в состав могулов Могулистана, узбеков Ак-орды и ханства Абулхайра. Составили большие этнические группы в составе казахов, узбеков, а также киргизов, башкир, каракалпаков и других народов (см.: *Востров В. В., Муканов М. С.* Родоплеменной состав и расселение казахов; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. С.36 и др.).

[17] Дурман. Вошедшее в состав узбеков Средней Азии племя дурман зафиксировано для XV—XVI вв. рядом источников в составе племен Восточного Дашт-и Кыпчака, государстве Абулхайра (см. МИКХ).

[18] Карлуки (кырлыки). Известны на территории Казахстана с VIII в., когда они переселились в Семиречье с Алтая и Тарбагатая. В карлукскую конфедерацию (IX—X вв.) входили кочевые и полукочевые тюркоязычные племена тухси, чигил, халаджи, аргу, барсханы и др. Расселились в Илийской долине, в Прииссыкулье, в Таласской долине, на Средней Сырдарье, в Шамской области (Ташкент) и Фергане. В X—XII вв. играли большую роль в образовании и развитии Караханидского государства. Карлуки встречаются в Казахстане в составе государства кочевых узбеков. Впоследствии — одно из основных племен в составе узбеков (см.: *История Казахской ССР... Т.1., 2).*

[19] Мухаммед Шайбани-хан (Шахбахт-хан) (1451—1510 гг.). Шайбанид, сын Шах-Будаг-султана, внук Абул-

хайрхана, основатель государства Шайбанидов в Средней Азии в начале XVI в.

[20] Зигмунд (Сигизмунд) Герберштейн (1486—1566). Барон, немецкий дипломат и путешественник. Во главе дипломатической миссии императора Максимилиана I посетил Россию в 1517 и 1526 гг. Автор “Записок о Московитских делах” (рус. пер. А. И. Малеина. Спб., 1908; 2-е изд. Записки о Московии. М., 1988), содержащих географическое описание России и сопредельных территорий Западной Сибири и казахских степей. Сочинение Герберштейна явилось одним из основных источников для картографической и космографической литературы того времени (см. *Замысловский С.* Герберштейн и его историко-географические известия о России. Спб., 1884).

[21] Василий III. Иванович (1479—1533). Великий князь Московский (с. 1505 г.), Сын Ивана III Васильевича и Софьи Палеолог.

[22] А. Дженкинсон. См. коммент. 41, разд. II, Ч. I.

[23] Данила Губин. Служилый человек при Московском посольском приказе в 30-е гг. XVI в. Известно его донесение правительству от 1535 г., содержащее сведения о географическом положении кочевий казахов в первой пол. XVI в. (см. Продолжение древней Российской вивлиофики. Спб., 1791. Ч. 4. С. 244, 276, 283, 284; ЦГАДА, ф. Сношения России с ногайскими татарами, кн. I, л. 62, 63).

[24] Семен Мальцев. Русский посол, направленный правительством Ивана Грозного в Ногайскую орду. Упомянутые в этой главе сведения о казахах содержатся в статейном списке С. Мальцева за 1569 г., обнаруженном А. И. Левшиным в архиве Азиатского департамента МИД (см.: ЦГАДА, ф. 123, кн. 13, л. 286 об.— 293).

[25] Хакк-Назар-хан (Акназар). Джучид, казахский хан, сын Касым-хана (см. коммент. 12 этой гл.), внук Джаныбек-хана (см. коммент. 5, гл. 2; 42, гл. 3. Ч. II). Начало правления относится ко времени после 1537—38 гг., возможно, в 50-х гг. Погиб во время междоусобиц, вероятно, в 1580 г. Известен попытками расширить территорию ханства в борьбе с ногайцами на западе и с монгольскими правителями Восточного Туркестана на юго-востоке. В народных преданиях имя Хакк-Назар-хана связано с образованием во время его правления трех казахских жузов (см.: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. С. 117—118; *История Казахской ССР... Т. 2).*

[26] Шигай. Казахский хан, джучид, сын Джадик (Йадык)— султана, внук Джаныбек-хана (см. коммент.42 этой гл.). Стал казахским ханом после гибели Хакк-Назара в 1580 г. в преклонном возрасте. Упоминается в источниках последний раз в 1582 г., умер вблизи Бухары.

[27] Кучум, хан сибирский. Правитель Сибирского ханства во 2-й полов. XVI в. Сибирское ханство основано шайбанидом Ибаком в 80-х годах XV в., но власть Шайбанидов (чингисидов) оспаривали прежде владельцы тайбугинцы. В 1563 г. власть в ханстве захватил Кучум, убивший тайбугинцев Ядгара и Бекбулата. Относительно происхождения и этнической принадлежности Кучума нет точных сведений. Сибирская (Есиповская) летопись называет его сыном Муртазы, прибывшим из Казахской орды. Абулгази пишет, что Кучум-хан был потомком Шайбани (см. коммент.19 и 44 этой гл.), внука Чингисхана. Окончательный разгром хана Кучума относится к 1598 г.

[28] Сеид-Ахмад (тайбугинец Сейдяк). Сын Бекбулата, убитого ханом Кучумом. После гибели отца бежал в казахские степи. Получив помощь от казахского хана Тевеккеля (см. коммент. 30 этой гл.), сумел вернуть себе свою столицу город Искер.

[29] Ураз-Мухаммед (Ураз Мегмет). Казахский султан, сын султана Ондана, и внук Шигай-хана (см. коммент.26 этой гл.), был взят в плен в 1588 г. тобольским воеводой Данилой Чулковым вместе с сибирским ханом Сейдаком. Был освобожден из плена, но добровольно выехал в Россию. В 1600 г. Ураз-Мухаммед получил от Бориса Годунова Касимовское владение (История Казахской ССР... Т.2. С.292).

[30] Таваккул (Тевкель, Тевеккель). Казахский хан, сын Шигай-хана (см. коммент.26 этой гл.). Начало правления источниками не определяется. Вместе с отцом участвовал в 1581—1582 гг. в междоусобной борьбе узбекского хана Абдаллаха с его мятежными подданными в Ташкенте. Но в 1586 г. Тевеккель выступил уже против Абдаллаха, укрепил власть в Казахском ханстве. Присоединил города Южного Казахстана, а в 1589 г.— Ташкент. Умер в том же году в Ташкенте от раны, полученной в сражении под Бухарой.

[31] Федор Иванович. См. коммент.46, разд.II. Ч.I.

[32] Из содержания опубликованных в последнее время документов русско-казахских переговоров (см. КРО-1,

с.8-14) видно, что Таваккул рассматривал подданство “белому царю” в виде военно-политического союза с Москвой против правителя Бухары Абдаллах-хана, не связывая с этим дипломатическим актом идеи распространения вассальной сферы России на Казахское ханство. В ответной грамоте царя Федора Иоановича сообщалось, что он принимает казахов “под свою царскую руку” и обещает предоставить “царю и царевичам огненного бою” для охраны их “от всех врагов”.

[33] Книга Большому чертежу. См. коммент.31, разд. I. Ч.I.

[34] Длительная борьба казахских ханов за присырдарьинские города завершилась договором о включении в состав Казахского ханства, всего Туркестана (Южного Казахстана) вместе с крупным уделом Шайбанидов в Средней Азии Ташкентом в 1598 г. Договор с Аштарханидами, новой династией Мавераннахра, заключал наследовавший Тевеккель-хану его брат Есим (Ишим) -хан (см.: История Казахской ССР... Т.2. С.278—279).

[35] Хан Ишим. См. коммент. I, гл.2. Ч.II. По сведениям его современника Махмуда бен Вали, умер естественной смертью в сентябре-октябре 1628 г. (См.: Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв. С.120).

[36] Турсун-хан. Родословная этого казахского хана, правившего в Ташкенте, не выяснена. Источники называют его братом Ишим-хана, сыном Джалим-султана (тоже с неизвестным происхождением). Подробные сведения о Турсуне, узурпации им ханской власти Ишим-хана около 1613—1627 гг., см.: Султанов Т. И.. Кочевые племена Приаралья. С.119—120.

[37] Джангир-султан (Джахангыр-хан). Сын Ишим-хана (см. коммент. I. гл.2. Ч.II). Дата начала правления неизвестна. Длительное время боролся с калмыками (ойратами). Погиб в борьбе с хунтайджи Батуром в 1652 г. (См.: История Казахской ССР... Т.2. С.289).

[38] Эрдени Батур-хунтайджи. См. коммент.24, гл. I. Ч.II.

[39] Алексей Иванович Тевкелев (татарское имя Мамет, Муртаза, Мамет-мурза, Кутлумухамет). Переводчик восточных языков в императорской Коллегии иностранных дел, участник персидского похода Петра I (1722 г.), член Оренбургской экспедиции (конец 30—50-х гг.). Был послан в Младший жуз в апреле 1731 г. для приведения к

присяге на подданство хана Абулхаира с подвластным ему народом. Удачные результаты этой дипломатической миссии положили начало карьере А. И. Тевкелева на русской административно-политической службе. В 40—50-х г. он неоднократно направлялся в Оренбург для выполнения различных миссий. С февраля 1751 г. до 1759 г. являлся помощником губернатора Оренбургской губернии, вышел в отставку в звании генерал-майора в 1760 г. (см. о нем: *Ханыков Я. В.* Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева // *Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.* М., 1852. Кн. XIII).

[40] Абулхаир (1693—1748). Хан Младшего жуза (с 1710 г.), представитель династической линии Уснака (Усяка) — одного из сыновей основателя Казахского ханства Джаныбека (см. коммент. 5, гл. 2; 42, гл. 3. Ч. II). Предположительно в 1726 г. возглавил общеказахское ополчение в борьбе против джунгарского нашествия. Отличился в битвах при р. Буланты (1727 г.) и в урочище Анракай (1729 г.). В 20-х гг. выступил инициатором укрепления связей с Россией. В борьбе за власть был убит в 1748 г. султаном Среднего жуза Бараком (см. коммент. 36, гл. 5. Ч. II). (О нем см.: *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. *Алма-Ата*, 1948; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. *Алма-Ата*, 1971).

[41] Абулмамбет (Абуль-Магмет, Абулмамет) (?—1771). Хан Среднего жуза (1739—1771 гг.), сын хана Болата (см. коммент. 16, гл. 5. Ч. II). Был провозглашен ханом после победы над джунгарами.

[42] Джадик (Джадек). Отец Шигай-хана (см. коммент. 26 этой гл.), сын Джаныбек-хана — одного из основателей Казахского ханства. (Другие написания — Джадик, Йадик, Джаук). Сведения о Джаныбек-хане и его сыновьях на основе известий Абулгази, анонимного сочинения “Таварих-и Гузида, Нусрат-наме” и др., интерпретаций В. В. Вельяминова-Зернова см. в кн.: *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. С. 114.

[43] “Все ханы и султаны их почитают себя потомками Чингисхана”. Все упомянутые выше ханы являются чингизидами. Их родословная восходит к джучиду Урус-хану (см. коммент. 5, гл. 2, Ч. II).

[44] “Прочие ханы и султаны киргизы-казачьих орд происходят от Шейбани”. Генеалогия Урус-хана (см. ком-

мент.5, гл.2. Ч.II) восходит не к джучиду Шайбани (см. коммент.19 этой гл.), а к Орда Ичену или Тука-Тимуру. Династия Шайбанидов на территории казахских степей и Туркестана была постоянным противником линии казахских ханов. В частности, первым казахским ханам Гирею и Джаныбеку пришлось длительное время в последней трети XV в. отвоевывать власть у внука шайбанида Абулхайр-хана, правителя государства кочевых узбеков (см.: История Казахской ССР.. Т.2; МИКХ).

[45] Тауке-хан (Тявка), сын Джахангир-хана (см. коммент. 37 этой гл.). Известный казахский хан конца XVII— начала XVIII в. (умер в 1715 г.). С его именем связано создание свода законов “Жеты жаргы”. Столицей Казахского ханства при Тауке был г. Туркестан. После Тауке-хана во всех трех жузах появились свои ханы, родословные их запутаны (см.: Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья. С.121).

[46] Здесь допущена ошибка. С 1697 по 1727 гг. во главе Джунгарского ханства находился хунтайджи Цэван Рабдан, отец упомянутого А. И. Левшиным правителя ойратов Галдан Цэрена (см. коммент.8, гл.4). Он явился организатором вторжения джунгарских войск на территорию Казахстана в 1698—1699 гг., 1708, 1709—1712 гг., 1714, 1717, 1723, 1725 гг. Годы правления Цэван Рабдана (1697—1727) были временем большого военно-политического могущества Джунгарского ханства, активной его роли в жизни Восточной и Центральной Азии.

[47] Во главе ойратских войск, вторгшихся в 1723 г. на земли казахов, находился не Галдан-Цэрэн, как это ошибочно предполагал А. И. Левшин, а второй сын хунтайджи Цэван-Рабдана Шуно Доба (Шуно Лоузан). Галдан Цэрэн в этом походе не участвовал.

Глава четвертая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ БОЛЬШОЙ ОРДЫ С 1730 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

[1] Имеется в виду Старший казахский жуз (“Улы жуз — уйсын”), т. е. группа казахских племен, населявших в XVIII в. Семиречье, районы юго-западного и юго-восточного Казахстана. Зимние пастбища казахов Старшего жуза находились в песках южного Прибалхашья, Муюнкума, в долинах рек Или, Чу и Талас, а

летние — на высокогорных альпийских лугах Джунгарского и Заилийского Алатау, на северных отрогах Тянь-Шаня и хребта Каратау.

[2] Ералы, Эрали (ум. 1794 г.). Хан Младшего жуза (1791—1794), сын Абулхаира (см. коммент.40, гл.3. Ч.II), почетный аманат в посольстве А. И. Тевкелева. Оказывал услуги царскому правительству в 1755 г. при подавлении восстания башкир и в 1771 г.— при бегстве волжских калмыков из России. В 80-х гг. возглавил движение ханской партии против России в связи со ссылкой хана Нуралы в Уфу и задержкой султана Айчувака (см. коммент.43, гл.5, Ч.II) в Уральске (см.: МИКССР Т.4. Л., 1940. С.480. Прим.4; *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII века. С.233).

[3] Анна Иоанновна (1693—1740). Российская императрица (1730—1740).

[4] Абулхаир. См. коммент.40, гл.III.

[5] Текст грамоты см. КРО-I, с.118—119.

[6] Жолбарс (Юлбарс). Хан Старшего жуза (1720—1740). В 1723 г. от имени подвластных ему племен и жителей Ташкента признал зависимость от Джунгарского ханства. В 1739 г. в союзе с султаном Среднего жуза Аблаем (см. коммент.24 этой гл.) возглавил борьбу против джунгар, 5 апреля 1740 г. был убит.

[7] Иван Кириллович Кирилов (1689—1737). Обер-секретарь Сената, один из сподвижников Петра I и активный продолжатель его преобразований. В 1721 г. возглавил первые в России астрономогеографические и картографические работы, принимал активное участие в организации первой и второй Камчатских экспедиций (1725—1733). В 1734 г. был поставлен во главе вновь созданной Оренбургской экспедиции, сыгравшей важную роль в истории народов Южного Урала, Казахстана и Средней Азии (см.: *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С.45—47; *Новлянская М. Г.* Иван Кириллович Кирилов. Л., 1969).

[8] Галдан Цэрен (1671—1745). Джунгарский хан (1727—1745), старший сын Цэван Рабдана (см. коммент.46, гл.3. Ч.II). В годы его правления Джунгарское ханство достигло наивысшего могущества (см.: *Hummel A. W.* (ed.) *Eminent Chinese of the Ching Period.* Wash. 1943, Vol.1, p.759.; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. Изд. 2-е. М., 1983. С. 235—252).

[9] История казахско-ойратских отношений в XVI—XVII вв. изучена пока еще недостаточно. Известные историкам материалы свидетельствуют о наличии в этот период множества острых столкновений между двумя народами из-за пастбищ и приобщения к рынкам Средней Азии. Перевес сил был на стороне казахов, которые сумели не только отстоять земли в Семиречье и в Южном Казахстане, но и стали принимать активное участие в политической жизни Восточного Туркестана. Используя сложившуюся в Джунгарии трудную обстановку, казахские правители в 90-х гг. XVII в. продвинули свои кочевья на восток и юг в сторону ойратского государства. В результате этого в конце XVII— начале XVIII в. Джунгарское ханство оказалось стиснутым на ограниченной территории, причем давление извне усиливалось как с запада, так и с востока (см.: *Тынышпаев М. Т.* Великие бедствия (Актабан-Шубрунды). Алма-Ата, 1992. С.83—96; 137—149; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства... С.215—217; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII— первой половине XIX в. М., 1979. С.21).

[10] Имеются в виду походы джунгарских нойонов в Казахстан в 1739—1742 гг., в ходе которых ойраты проникли в Семиречье и в районы кочевий Старшего жуза, откуда стремились установить контроль над другими районами, принуждая казахов высылать в ставку хунтайджи алман и заложников (аманатов) (*Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии. С.62—66; *Моисеев В. А.* Джунгаро-кокандские отношения и казахские ханства: первая половина 40-х гг. XVIII в. // Вестник АН КазССР, 1989. № 10. С.66—74).

[11] Политические взаимоотношения казахов Старшего жуза с народами Средней Азии, в том числе с населением города Ташкента в XVIII в., остаются до сих пор слабо изученными в исторической науке. Отдельные аспекты политической истории Южного Казахстана этого периода исследованы в работах: *Чехович О. Д.* О некоторых вопросах истории Средней Азии XVIII—XIX вв. // ВИ 1956. № 3; *Она же.* Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. // История и культура народов Средней Азии: Древность и средние века. М., 1976. с.149—160.

[12] Толебий Алибекулы (Тюля-бий) (1663—1756). Влиятельный бий Старшего жуза, современник хана Тауке

(см. коммент.45, гл.3. Ч.II), оратор. Один из регламентаторов свода казахских законов “Жеты жаргы” (Семь истин). В период объединения трех жузов занимал должность верховного судьи и считался главным бием (улы бий). После распада Казахского ханства на отдельные владения управлял только Старшим жузом.

[13] Имеются в виду города Отрар, Сауран, Сайрам, Чимкент, расположенные по среднему течению р. Сырдарьи (о них см.: *Пищулина К. А.* Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII вв. // Казахстан в XVI—XVIII вв.: вопросы социально-политической истории. Алма-Ата, 1969).

[14] Письмо Толебия оренбургскому военному губернатору И. И. Неплюеву о предоставлении ему российского подданства от 24 сентября 1749 г. см.: КРО-I, док. № 184. С.484—485.

[15] Зайсан (Зайсанг). Наследственный представитель знати у ойратов и калмыков (каска-кайсан).

[16] Осенью 1751 г. правитель Среднего жуза Аблай (см. коммент.24 этой гл.) приютил у себя ойратских найонов Даваци и Амурсану (см. след. коммент. и 50, гл.5), бежавших от Ламы-Доржи — старшего сына Галдан Цэрена, ставшего в 1749 г. ханом Джунгарии (см. коммент.46, гл.5. Ч.II). При поддержке Амурсаны Даваци начал в 1751 г. борьбу против Ламы-Доржи. В этот период казахи Среднего и Старшего жузов оказывали Даваци и Амурсане активную помощь. Даваци, поддержанный Амурсаной и влиятельными султанами Среднего жуза, в конце 1753— начале 1754 г. стал единовластным правителем ханства. С этого времени начинается вражда между Амурсаной и Даваци. Источники свидетельствуют, что в конфликте между этими джунгарскими нойонами активное участие принимала казахская знать. Из показаний документов явствует, что правители Среднего и Старшего жузов уже после поражения Амурсаны в 1754 г. не раз вторгались в пределы Джунгарского ханства, захватывая богатую добычу — скот, пленных, ценности (См.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. С.286—302; *Хафизова К. Ш.* Казахско-китайские отношения в XVIII—XIX вв. // Цинская империя и казахские ханства: Вторая половина XVIII— первая треть XIX в. // Сб. документов. Т.I Алма-Ата, 1989. С.15—42).

[17] Амурсана (1722—1757). Джунгарский владетельный князь из рода Хойт. В период междоусобной войны

в Джунгарии в начале 50-х гг. XVIII в. активно поддерживал одного из претендентов на ханский трон князя Даваца (кит. Дебачи) (см. коммент.50, гл.5. Ч.II). Став правителем ханства, Даваца в ответ на требование Амурсаны отдать ему половину ханства послал против него войска и разорил его кочевья. Осенью 1754 г. Амурсана бежал в Китай и обратился к цинскому императору за помощью. Цинский двор решил использовать его и других ойратских перебежчиков в качестве орудия для разгрома Джунгарского ханства. Обманувшись в надеждах стать всеойратским ханом, Амурсана возглавил вспыхнувшее осенью 1755 г. национально-освободительное движение в Джунгарии. В 1757 г. восстание было жестоко подавлено цинскими властями. Амурсана бежал в Россию и умер в Тобольске от оспы (см.: *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск, 1980).

[18] А. И. Левшин допускает неточность при указании даты окончательного разгрома Джунгарского ханства. В 1756—1757 г. ойраты были еще способны сопротивляться завоевателям и только в 1758 г. после ряда крупных поражений Джунгарское ханство был уничтожено, уцелевшие группы ойратов вошли в состав империи Цинов (см.: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. Изд. 2-е, С.279—304).

[19] Богдыхан (богдохан). Монгольское название императора Китая.

[20] Это утверждение не совсем верно отражает ситуацию. Казахи возвратили свои кочевья в Семиречье еще в период междоусобиц в Джунгарском ханстве, т. е. до завоевания его Цинами. В 60-х гг. XVIII в. цинские отряды безуспешно пытались выдворить их из районов р. Лепсы и Каратал. В 1767 г. император Цяньлун (см. коммент. 22, разд. I. Ч. I) издал указ, “разрешающий” казахам пользоваться этими пастбищами (см.: *Цинская империя и казахские ханства: Вторая половина XVIII—первая треть XIX в. // Сб. документов. Т.2. Алма-Ата; 1989. Док. № 115, 117, 123 и др.*).

[21] Имеются в виду киргизы.

[22] Торгоуты (калмыки, тургуты). Одно из крупных калмыцких племен, участвовавших в объединении ойратов в Джунгарское государство. В XVII в. значительная часть торгоутов переселилась в низовья Волги, где образовала отдельное ханство. Современные волжские калмыки являются потомками тех торгоутов.

[23] Убаши (1744—1775 гг.). Наместник Калмыцкого ханства (1761—1771), сын Дондук-Даши (см. коммент.37, гл.5. Ч.II). В октябре 1762 г. был утвержден царским правительством в должности ниместника калмыков. В 1771 г. возглавил бегство калмыков в Джунгарию.

[24] Аблай, Абилмансур (1711—1781). Казахский хан Среднего жуза (1771—1780), один из наиболее крупных государственных деятелей в Центральной Азии Нового времени. Сын султана Вали и внук известного воителя султана Аблая, происходившего от потомков Джадика (см. коммент.42, гл.3. Ч.II). В первой половине XVIII в. приобрел большое влияние среди казахов, благодаря своим умственным и организаторским способностям, проявленным в борьбе с джунгарами. В 1740 г. принял российское подданство. Источники характеризуют Аблая как дальновидного политика, деятельность которого была направлена на создание сильного и независимого Казахского государства (см.: *Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII— начале XIX вв.* М., 1960; *Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии: Вторая половина XVIII— первая половина XIX в.* Новосибирск. 1983; *Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века: О внешней и внутренней политике Аблая.* Алма-Ата, 1988).

[25] Сведения А. И. Левшина о политическом положении в Южном Казахстане имели очень ограниченный источниковый фундамент, а поэтому являются весьма приблизительными. Более глубоко история взаимоотношений казахов Старшего жуза с Ташкентским владением в конце XVIII— начале XIX в. освещена в работах советских историков (см.: *Иванов П. П. Казахи и Кокандское ханство // Записки ИВАН СССР. Т.7. М., Л., 1959; Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте...*).

[26] Йунус-ходжа (Юнус-ходжа) (ок.1756/7—1805/6). Сын Инайат-ходжи, потомок Шейхантаура — сына Шейха Умара Багистани. Независимый правитель Ташкента (1794/5—1805/6). Пришел к власти, жестоко расправившись со своими соперниками, при поддержке казахских племен санчкалы (шанышкылы) и канглы, которые считались его муридами. Вел активную борьбу с кокандскими правителями, помогал их противникам в Фергане. В 1803 г., опираясь на казахов племени санчкалы, вторгся в Фергану, но был наголову разгромлен кокандскими силами под Гурумсараем (на берегу Сырдарьи).

После его смерти при сыновьях Султан-ходже и Хамид-ходже Ташкентское владение пришло в полный упадок, было подчинено, а в 1809 г. окончательно завоевано Кокандом (Чехович О. Д. Городское самоуправление в Ташкенте XVIII в. С.149—160; Бейсембиев Т. К. “Тарих-и-Шахрухи” как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С.96—97).

[27] Имеется в виду правитель Кокандского ханства Омар-хан (Умар-хан) (1785—1822)— кокандский хан (1810—1822). В его правление Кокандское ханство достигло политического могущества, были завоеваны присырдарьинские районы Казахстана, взят г. Туркестан (1816), подавлено освободительное движение казахских султанов (1821). По некоторым данным, был отравлен (см. о нем статью: *Nettleton Susanna S. Ruler. Patron, Poet: Umar Khan in the blossoming of the Khanate of Qoqan, 1800—1820— International Journal of Turkish Studies. 1981—1982, Vol.2, No.2. p.127—140.*)

[28] Суюк (Сюк) Аблайханов. Казахский султан, сын хана Аблая (см. коммент.24 этой гл.). В конце XVIII—первой половине XIX в. управлял группой родов Старшего жуза. В 1818 г. изъявил желание принять российское подданство. 18 января 1819 г. царское правительство официально признало казахов родов уйсун, жалаир и их разветвлений, подвластных султану Суюку, подданными Российского государства. (см.: *Букейханов А. Из бумаг султана Большой киргизской орды Сюка Аблайханова // Записки СПЗСОРГО. Вып.2. Семипалатинск. 1905. С.1-18; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957. С. 132—133.*)

Глава пятая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ СРЕДНЕЙ И МЕНЬШЕЙ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ ОРД С 1730 ГОДА ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

[1] Средней и Меньшей (Малой) киргиз-казачьими ордами в дореволюционный период называли две из трех больших групп родоплеменной структуры казахов, сложившейся в XVI—XVII вв. Казахи Среднего жуза занимали в XVIII в. обширные пространства Восточного, Северо-Восточного, Центрального и отчасти Южного Казахстана, которые простирались по линии Аральское море — р. Ир-гиз — р. Тургай, на восток — до бассейна р. Иртыш —

хребтов Алтай — Тарбагатай. На юге граничили по линии долина Сырдарьи — р. Чу — оз. Балхаш и продолжались на север до границ Томской и Тюменской губерний. Младший жуз занимал территорию Западного Казахстана: юго-западная часть — нижнее течение р. Урал, Эмба, пески Сам и п-ов Мангышлак, северо-западный Казахстан — среднее течение р. Урал, долины Хобды, Илек, Орь и отроги Мугоджарских гор, на востоке — долины рек Иргиз, Тургай, оз. Шалкар, М. и Б. Барсуки, Каракумы, нижнее течение Сырдарьи (см.: ККЭ, с.309, 481; *Муканов М. С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С.27; *Аргынбаев Х.* Образование казахских жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов Всесоюзной конференции. М., 1988. С.16—19).

[2] Абулхаир. См. коммент.40, гл.3.

[3] Каип-казахский хан (1715—1718), преемник Тауке, отец султана Батыра (Бахадур-хана) (см. коммент.41, гл.5. Ч.II) и дед хивинского хана Каипа (1745—1756). Убит султанами Среднего жуза в 1718 г.

[4] Письмо с изложением просьбы о подданстве было послано ханом Младшего жуза Абулхаиром (см. коммент.40. гл.3. Ч.II) имп. Анне Иоанновне в июле 1730 г. через посланцев — батыра Сеиткула Койдагулова и бия Кутлумбета Коштаева, отправленных с башкирским старшиной Алдарбаем к уфимскому воеводе Бутурлину, который затем уже переправил их в Петербург. Послы Абулхаира прибыли к императорскому двору в конце августа 1730 г. (см.: КРО-1, с.35—37; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата, 1971. С.131—132).

[5] Аральцы. Имеются в виду аральские узбеки.

[6] Речь идет о Цэван Рабдане, ошибочно названным Галдан Цэреном. (См. коммент.46, 47, гл.3)

[7] А. Бекович-Черкасский. См. коммент.13, разд.II. Ч.I.

[8] После неудач экспедиций А. Бековича-Черкасского в Хиву (1715—1716) и И. Д. Бухгольца (1715—1717) вверх по Иртышу правительство Петра I в своих отношениях с государствами Средней Азии, в том числе казахскими ханствами, было вынуждено перейти исключительно

к использованию дипломатических средств. Петр I рассматривал казахские степи как непосредственные подступы к крупнейшим азиатским странами — Индии, Китаю, Персии и Турции, которые традиционно занимали важное место в экономических и внешнеполитических интересах царского правительства. В связи с этим Петр I, находясь в 1722 г. в Астрахани, после возвращения из Персидского похода высказал желание о приведении в российское подданство “издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд”. По сведениям А. И. Тевкелева (см. коммент.39 гл.3. Ч.II), являвшегося переводчиком в этом походе, Петр I видел значение Казахстана для российской внешней политики главным образом в том, что казахские степи являются “ключом и вратами” “всем азиатским странам и землям”, “и той ради причине оная де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только через их во всех азиатских странах комоникацию иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять” (см.: *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. М., 1852, кн. 13, отд. 3, с.15; КРО-1, с.31; *Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII в. // Казахстан в XV—XVIII вв.: Вопросы социально-политической истории*. Алма-Ата, 1969. С.54—56).

[9] А. И. Тевкелев. См. коммент. 39, гл.3. Ч.II.

[10] Посольство А. И. Тевкелева сопровождали геодезисты Алексей Писарев и Михаил Зиновьев, 60 казаков и несколько башкирских старшин, в том числе знатные башкиры Алдарбай Исекеев, Таймас Шаимов, Косенши Бекходжин, Орадай Обозинов, Кидряс Муллакаев, Шимабатыр Кадырчиков, Отжас и Козяш Рахманкуловы и др. (см.: *Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России*. С.78, 81 и др.).

[11] Речь идет о старшине Букенбае, выходеце из рода табын племени жетыру Младшего жуза; не путать с Букенбаем — фактическим предводителем казахского ополчения в 1710—1723 гг. из рода канжигалы племени аргын Среднего жуза.

[12] Семеке (Шемяка) (?—1737). Хан Среднего жуза, сын Тауке-хана (?) (см. коммент.45, гл.3. Ч.II). Выдвинулся в число лидеров казахского народа в период джунгарского нашествия. Возглавлял группировку казахской знати, придерживавшуюся прорусской ориентации. 25 де-

кабря 1731 г. А. И. Тевкелев, Абулхаир и батыр Букенбай направили к Семеке послов с предложением принять российское подданство. Это предложение нашло поддержку у хана, который в июле 1732 г. принес присягу верности русской императрице. Однако подданство Семеке имело формальный характер (см.: КРО-1, док. № 38, с.91—93).

[13] Это сообщение не совсем верно отражает ситуацию. Принятие российского подданства ханом Абулхаиром и его приближенными произошло не в 1732 г., как это утверждает А. И. Левшин, а значительно раньше — 10 октября 1731 г. Подписание юридического акта состоялось на собрании казахских старшин, куда был приглашен и А. И. Тевкелев. На этом собрании после речи Тевкелева выступил старшина Букенбай и заявил присутствовавшим, что “в подданстве российском быть желает”. Его поддержали Абулхаир и Есет-батыр. Затем “присягу на ал-Коране учинили на российское подданство Абулхаир, Букенбай, Есет, его брат Худай Назармурза, а за ними 27 знатных старшин”. Часть старшин (“противная партия”), присутствовавших на собрании, присягу не принесли. Хан Среднего жуза Семеке на этом собрании не присутствовал. Он присягал царскому правительству в своих кочевьях уже в 1732 г. (см. коммент. 12 этой гл.).

Все обстоятельства принятия российского подданства казахами Младшего и части Среднего жузов в 1731—1732 гг. подробно отражены в специальном дневнике А. И. Тевкелева, являющимся ценнейшим источником по истории русско-казахских отношений 30-х г. XVIII в. (см.: КРО-1, док. № 33, с.48—86). Результаты дипломатической миссии А. И. Тевкелева, положившие начало присоединению Казахстана к России, получили обстоятельное освещение в научной исторической литературе (см.: *Аполлова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. Алма-Ата, 1948. гл. IV. С.186—254; *Басин В. Я.* Казахстан в системе внешней политики России. С.78—100; *Bodger A.* Aboulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and his Oath of Allegiance to Russia of October 1731 // *The Slavonic and East European Review*, London, 1980 vol.58, N 1, p.40—57.).

[14] Каракалпаки. С конца XVII и до середины XVIII в. населяли территорию по среднему и нижнему течению Сырдарьи. Они жили в тесном соседстве с казахами Младшего жуза и в экономическом и в политическом отноше-

ниях находились в зависимости от казахских ханов. Правили ими, по данным письменных источников, казахские султаны; при Тауке управлял некоторое время один из его ставленников Табурчак-султан. В 1709 г. упоминается в русских источниках в качестве хана каракалпаков Каип-султан, сын Табурчака. В 1722 г. ханом становится Ишим Мухаммед, в 30—40-х гг. каракалпаки были под властью хана Младшего жуза Абулхаира. Каракалпаки должны были ежегодно платить казахским ханам дань хлебом, выставлять конные войска, вместе с казахами участвовать в набегах на русские пограничные селения и соседние государства — Бухару и Коканд. В 20-е гг. XVIII в. в результате захвата джунгарами среднего течения Сырдарьи завершилось разделение каракалпаков на нижних и верхних: верхние каракалпаки попали в политическую зависимость от джунгар, а нижние — до 1743 г., а частично и до 1762 г. — от Младшего жуза казахов (см.: Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX вв.: К истории взаимоотношений в Россией и среднеазиатскими ханствами. Ташкент, 1968, С. 25—54).

[15] Нияз. казахский султан, двоюродный брат хана Младшего жуза Абулхаира.

[16] С конца XVI в. и до начала XVIII в. в Казахстане постепенно складывалась определенная традиция наследования верховной власти, согласно которой титул общекзахского хана стал преимущественно привилегией одной ветви потомков Джучи, происходивших по линии султана Джадика (Джадек, Жадиг) (см. коммент. 42, гл. 3. Ч. II), сына основателя казахского ханства Джаныбека (ок. 1469/70 — ок. 1473/74) и брата влиятельного казахского хана Касыма (1512-1518) (см. коммент. 12, гл. 3. Ч. II), — Тугум (30, конец 50, нач. 60-х гг. XVI в.), Шигай — (1580—1582), Таваккул — (после 1583—1598), Ишим (Есим) — (1598 — ок. 1613/14; ок. 1627 — нач. 1628), Джahanгир — (после 1644—1651/52), Тауке — (после 1651/52—1715), Болат — (1718—ок. 1723). В XVIII в. эту правящую ветвь династии чингизидов в регионе представляли ханы и султаны Среднего жуза (Семеке, Барак, Батыр, Абулмамбет, Аблай, Вали и др). (см. коммент. 41, гл. 3; 24, гл. 4; 12, 36, 41, 68, гл. 5. Ч. II.). В силу указанной традиции члены династии казахских султанов, происходившей от султана Уснака (Усек, Усяк, Осек), другого сына хана Джаныбека, по представлениям

казахов того времени, не обладали легитимными правами на ханский престол и поэтому играли менее заметную политическую роль в казахских жузах. Хан Абулхаир принадлежал именно к данной ветви чингизидов и в связи с этим не считался в кругах казахской знати законным претендентом на верховную власть. (О родословной казахских ханов и султанов см.: МИКХ. С. 42; *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследования о касимовских царях и царевичах. Спб., 1864. Ч. 2. С. 268—269; *Валиханов Ч. Ч.* Соч. в 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 165; Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 201; *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья. С. 112—121).

[17] И. К. Кирилов См. коммент. 7, гл. 4. Ч. II.

[18] В проектах И. К. Кирилова подробно охарактеризованы политическое положение казахских жузов и их взаимоотношения с соседями, что говорит о большой осведомленности автора проектов о жизни и истории казахского народа. В современных условиях эти документы представляют не только историографический интерес, но позволяют более четко уяснить основные мотивы и цели среднеазиатской политики России, а также место казахских степей в экономических и военно-стратегических планах царского правительства (см.: Проект обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // *Материалы по истории России / Сост. А. И. Добросмыслов. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 1; Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакской ордах И. К. Кирилова // ЛЮ ААН. Разр. 2, оп. 1, д. 164).*

[19] Речь идет о башкирском восстании 1735—1740 гг., вызванном усилением колониального гнета царизма и изъятием у башкир земель для строительства горных заводов и крепостей (см.: *Устюгов М. В.* Башкирское восстание 1737—1739 гг. М., Л., 1950; *Акманов И. Г.* Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735—1740 гг. // *Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 2. С. 101—142).*

[20] Джон Эльтон. Английский морской офицер, участвовал в картографических работах Оренбургской экспедиции. (См. о нем: *Попов Н.* Татищев и его время. М., 1861; С. 190; *Матвиевский П. Е.* Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // *История СССР. 1958. № 4. С. 133—145; Есмагамбетов К. Л.* Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992. С. 29—30.).

[21] Надир-шах (Тахмасп Кули-хан) (1688—1747). Персидский шах (1736—1747). Захватил и на некоторое время подчинил себе южные районы Бухары и Хорезма, но затем потерпел поражение от объединенных сил среднеазиатских ханств и возвратился в Персию.

[22] Василий Никитич Татищев (1686—1750). Известный государственный деятель, историк, географ, основоположник этнографии в России. Автор знаменитого труда “История Российская” М.,: Л., 1962—1968. Т. I—VII. В 1737—1739 гг. возглавлял Оренбургскую экспедицию.

[23] Нуралы — (? — 1790). Хан Младшего жуза (1748—1786), старший сын Абулхайр-хана (см. коммент. 40, гл. 3. Ч. II.). Стремился использовать российское подданство для усиления своего личного экономического и политического влияния в Казахстане. При нем наряду с ростом социального и колониального гнета в Младшем жузе, усилилась борьба за власть между разными группировками казахской знати. Политика Нуралы, опиравшаяся на поддержку оренбургской администрации, вызывала недовольство широких социальных слоев и явилась одной из причин освободительной борьбы казахского народа под предводительством Срыма Датова (1783—1797) (см. коммент. 71, гл. 5. Ч. II.). В 1786 г. императрица Екатерина II отстранила Нуралы от ханской власти.

[24] Карл Миллер. Поручик Пензенского гарнизонного пехотного полка. В 1738 г. возглавил первый русский торговый караван в Ташкент. 2 ноября 1738 г. вблизи Туркестана при уроч. Балакамбир караван был почти полностью разграблен казахами шымырского рода. Все члены посольства кроме К. Миллера попали в плен, но он, благодаря покровительству старшины Кунай-мурзы, сумел добраться до Ташкента. Там при содействии хана Жолбарса (см. коммент. 6, гл. 4. ч. II) и батыра Джаныбека (см. коммент. 28, гл. 5. Ч. II) Миллер собрал всех членов посольства и совместно с ними отправился в Россию. Российских границ он достигнул в июне 1739 г. (о судьбе каравана см.: *Абдураимов А. Первый русский купеческий караван в Ташкенте (1738—1739)*. // Известия АН УзССР. 1955. № 6. С. 87—93).

[25] Абулмамбет. См. коммент. 41, гл. 3; Аблай. См. коммент. 24, гл. 4.

[26] Василий Алексеевич Урусов. Генерал-лейтенант, начальник Оренбургской комиссии в 1740—1741 гг.

[27] Карасакал (Кара-хан) (ок. 1705—1749). Предводитель башкирского восстания 1740 г., выдавал себя за брата джунгарского хунтайджи Галдан Цэрена Шуну. После подавления восстания ушел из Башкирии в пределы Казахстана и нашел убежище у бия Казбека. Вскоре он покинул Каркаралинскую степь и в районе Черного Иртыша нашел нового покровителя в лице влиятельного вождя найманов батыра Кабанбая, у которого оставался до смерти. (См. о нем: *Валиханов Ч. Ч.* Шуна-батыр. Собр. соч. в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 8—13; *Игнатъев Р.* Карасакал — лжехан Башкирии. Труды Научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе Баш. АССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 38—66; *Моисеев В. А.* Степной самозванец // Простор, 1984. № 6).

[28] Джаныбек. Батыр Среднего жуза, рода сарыжетым шакшак, сподвижник хана Аблая (см. коммент. 24, гл. IV). Стоял во главе одного из ополченческих отрядов во время борьбы с джунгарами. В устном народном творчестве Джаныбек выступает также как популярной судебный оратор, отличавшийся большим красноречием, в частности, своими речами на межродовых судебных разбирательствах (см.: *Жанибек-батыр* // РО ЦНБ РК № 955). Умер в 1751 г.

[29] Галдан Цэрэн. См. коммент. 8, гл. 4. Ч. II.

[30] Речь идет о новом организованном вторжении джунгарских войск на территорию Казахстана в 1739—1742 гг. Зимой 1741 г. джунгарские войска численностью до 30 тыс. человек под командованием полководца Септеня вторглись во владения Среднего жуза (Центральный и Северный Казахстан). В одном из сражений в плен к джунгарам попал султан Аблай (см. коммент. 24, гл. 4). От верховьев Илека к Оренбургу был вынужден отступить Абулмамбет-хан (см. коммент. 41, гл. 3. Ч. II) со “своим улусом”. За короткий период джунгарам удалось опустошить кочевья казахов по Ишиму и Тоболу и нанести удар казахам Младшего жуза в районе р. Иргиз. В 1742 г. десяти тысячное войско джунгаров разграбило кочевья казахов на обширном пространстве от Ташкента до р. Ори. В результате военных действий 1741—1742 гг. часть территории Среднего жуза была временно оккупирована джунгарскими войсками (см.: *Красный Архив*, 1938, т. 2. (87), с. 138; КРО-1, с. 291; *Моисеев В. А.* К вопросу об ойрато-казахских отношениях в 30—40-х гг. XVIII в. //

Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 177—191).

[31] Подробное описание взаимоотношений Абулхаира с шахом Надиром содержится в путевых записках геодезиста И. Муравина (см. коммент. 19, разд I, ч. I), являющихся важным источником по истории взаимоотношений казахов с сопредельными народами.

[32] Иван Иванович Неплюев (1683—1773). Сенатор, русский государственный деятель. В 1721—1734 гг.— резидент в Константинополе. В 1742—1758 гг.— наместник Оренбургского края. Автор записок “Жизнь Ивана Ивановича Неплюева” (03, 1823—1826; отд. изд. Спб., 1893.) (О нем см. Витевский В. Н., И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889—1897. Вып. 1—5).

[33] Конкретные сведения о ходе переговоров И. И. Неплюева с ханом Абулхаиром и джунгарскими посланцами Кашкой и Буруном в 1742 г. в Орске содержатся в специальном журнале Оренбургской комиссии (см. КРО-1, док. № 26, с. 229—253).

[34] Результаты деятельности этой дипломатической миссии нашли отражение в путевом журнале К. Миллера (см. коммент. 24, гл. 5. Ч. II), являющимся основным и по существу единственным источником по истории русско-джунгарских переговоров конца 1742 — начала 1743 гг. В нем отмечается, что Галдан Цэрен (см. коммент. 8, гл. 4. Ч. II) не принял К. Миллера, стремясь по возможности скрыть свое трудное положение от посторонних глаз. Все переговоры с русским послом о “киргиз-кайсацких делах” он поручил вести нойону Сары-Манджи, командовавшему в то время ойратскими войсками в Семиречье. Основным итогом этих переговоров явилось освобождение султана Аблая из плена (о посольстве К. Миллера см.: *Чимит-доржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и России в XVII—XVIII вв. М., 1978. С. 152; *Моисеев В. А.* К вопросу об ойрато-казахских отношениях. С. 185—189; *Ерофеева И. В.* Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVIII в. и Казахстан (посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и Новое время). Алма-Ата, 1990. С. 43—67).

[35] Елизавета Петровна (1709—1761/62). Российская императрица (с 1741 г.), дочь Петра I.

[36] Барак (? — около 1750 г.). Влиятельный султан Среднего жуза, сын казахского хана Турсуна (умер в 1717 г.), владевшего Иканом и другими городами за Сырдарьей. В 1723—1730 гг. являлся одним из руководителей казахского народного ополчения в борьбе в джунгарами. Был непримиримым противником хана Младшего жуза Абул-хаира (см. коммент. 40, гл. 3. Ч. II). Их вражда закончилась убийством последнего в 1748 г. На рубеже 40—50-х гг. влияние Барака в Казахстане было достаточно сильным и распространялось на многие роды Среднего жуза, в том числе на родовое объединение конрад, кочевавшее в порубежных районах с кочевьями Старшего жуза.

[37] Дондук Даши (Дундук Даши) (ум. в 1761 г.). С 1741 г. — наместник Калмыцкого ханства, с 1757 г. — хан волжских калмыков.

[38] Роман (Реональд) Гок (Джок). Английский купец. В 30—40-х гг. неоднократно посещал казахские степи с торговыми целями. Сведения, собранные Р. Гокком и записанные с его слов в Оренбургской комиссии, содержат важную информацию об отношениях казахов с Россией, Хивой, Джунгарией и каракалпаками (см.: *Матвиевский П. Е.* О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // *История СССР*, 1969, № 3. С. 102—104; КРО-1, с. 206, 214; *Вяткин М. П.* К истории распада казахского союза // *МИКССР*. Т. 2. Ч. 2. 1741—1751 С. 11; *Есмагамбетов К. Л.* Что писали о нас. С. 33—34).

[39] Аюка (1646—1724). Хан волжских калмыков (с 1672 г.). Сын торгоутского хана Пунцука и дочери джунгарского хана Эрдени Батура-хунтайджи (см. коммент. 38, гл. 3). Титул хана получил от Далай-ламы в 1690 г. Русское правительство утвердило его ханом лишь в 1712 г. За годы правления Аюка значительно укрепил свою власть, расширил пределы ханства. В годы его правления калмыки принимали участие в войнах России с Турцией, Швецией, привлекались к охране южных рубежей Московского государства (см. о нем: *Очерки истории Калмыцкой АССР; Дооктябрьский период*. М., 1958; *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории волжских калмыков XVII—XVIII вв. Астрахань, 1922. Т. 1—4).

[40] Взаимоотношения двух соседних кочевых народов — казахов и ойратов — имели на протяжении столетий очень сложный и противоречивый характер. Неоднозначность их содержания, своеобразное переплете-

ние в исторической ретроспективе сил противостояния и тенденций к сближению династических, хозяйственных и политических интересов вызывала вполне объяснимую обеспокоенность царского правительства по поводу складывавшейся международной ситуации на его восточных рубежах. Однако внутренняя диалектика казахско-ойратских отношений только недавно стала предметом специального изучения и конкретно-исторического анализа. Различные аспекты этого вопроса рассмотрены в трудах: *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии...; *Моисеев В. А.* К вопросу об ойрато-казахских отношениях; *Он же.* Джунгаро-кокандские отношения и Казахские ханства: Вторая половина 40-х гг. XVIII в. // Вестник АН КазССР. 1989. № 10. С. 66—74; *Он же.* К истории казахско-ойратских взаимоотношений в начале 50-х гг. в. // Известия АН КазССР. Обществ. науки. 1987. № 4. С. 46—52; *Он же.* Джунгарское ханство и казахи. (XVII—XVIII вв.) Алма-Ата, 1991.

[41] Батыр. Казахский султан, сын казахского хана Каипа, правившего одновременно с Абулхайром в 1715—1718 гг., и отец хивинского хана Каипа (см. коммент. 3, гл. 5. Ч. II). Один из наиболее влиятельных султанов линии Джадика (см. коммент. 42, гл. 3) в Младшем жузе. В 1728 г. был привезен из Бухары и посажен на хивинский престол, но через несколько месяцев смещен. Во внешнеполитических связях являлся сторонником проджунгарской ориентации казахов (см. о нем: МИКССР. Т. 2. Ч. 2. С. 423 (прим.); МИКХ. С. 464, 566; *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. С. 127, 137, 138). Умер ок. 1771 г.

[42] Барымта (баранта). Насильственный угон скота, как правило, членов одного рода или семьи у другого с целью возмещения убытка или как акт возмездия за грабеж, убийство и прочие преступления (см. коммент. 6, гл. 4. Ч. III). Барымта как институт обычного права казахов, не тождественна грабежу вообще, предпринимаемому, как правило, с целью наживы. (Об этих различиях см. *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области. Т. I. Ташкент, 1889. С. 171). Однако в XVIII в. — первой половине XIX в. в связи с усилением процессов социальной дифференциации в казахском обществе и важными изменениями в системе международных отношений в Центральной Азии форма барымты стала широко использоваться различными группировками казах-

ской знати в междоусобных столкновениях, а также пограничными властями сопредельных государств в карательных и корыстных целях. В данном случае А. И. Левшин имел в виду второй тип “барымты”, широко практикуемый царской администрацией по отношению к казахам прилинейных аулов. Эта барымта представляла собой ни что иное, как форму колониального грабежа и сопровождалась, как и разного рода междоусобицы, многочисленными насилиями и произволом местных властей.

[43] Айчувак (ок. 1720—1810). Хан Младшего жуза (1797—1805), четвертый сын Абулхаира (см. коммент. 40, гл. 3. Ч. II). В декабре 1796 г. был поставлен во главе ханского Совета, созданного царским правительством для управления Младшим жузом. В октябре 1797 г. утвержден ханом Младшего жуза.

[44] Речь идет об аральских узбеках.

[45] Правильность выводов А. И. Левшина о большой роли торгово-экономических интересов в формировании внешнеполитической ориентации султана Аблая (см. коммент. 24, гл. 4) подтверждается конкретными историческими фактами. В сибирских архивах имеются документы, свидетельствующие о попытках этого влиятельного чингизида еще в 30-е гг. XVIII в. добиться от царской пограничной администрации разрешения торговать казахам в Чебаркульской и других сибирских крепостях (см.: *Ерофеева И. В.* Значение верхнеиртышских городов в торгово-экономическом освоении Казахстана и Западной Сибири в XVIII — сер. XIX в. // *Торговля городов Сибири конца XVI — нач. XX в.* Новосибирск., 1987. С. 225).

[46] Речь идет о старшем сыне Галдан Цэрена (см. коммент. 8, гл. 4) Ламе-Доржи (1726—1752), который 12 октября 1750 г. был официально утвержден ойратским ханом и с этого времени вел борьбу с другим претендентом на джунгарский престол — чоросским князем Даваци (см. коммент. 50, гл. 5. Ч. II). В январе 1753 г. был убит Даваци и Амурсаной (см. коммент. 16, 17, гл. 4).

[47] Здесь допущена неточность. Возобновление организованных набегов ойратов на казахские земли произошло не в 1751 г., а в сентябре 1752 г., когда 20-тысячная ойратская армия под командованием Саин Белека, Шакдора-даши и Батура-Убаши вторглась в районы пограничных кочевий казахов. Поводом для этих вторжений явилось нежелание султана Среднего жуза Аблая (см.

коммент. 24, гл. 4) и других влиятельных лиц в Казахстане выдать джунгарскому хану скрывавшихся у них нойонов Даваци и Амурсану (см. коммент. 16, 17, гл. 4. Ч. II). Сражения, развернувшиеся осенью и зимой 1752 г. между ойратской армией и казахским ополчением, проходили с переменным успехом, однако, перевес сил постепенно склонялся на сторону казахов. Исход этой борьбы был предрешен скрытным, затяжным рейдом Даваци и Амурсаны в Джунгарию и последовавшем вслед за ним убийством Ламы-Доржи 12 января 1753 г. Захватив власть, Даваци отозвал войска из Казахстана и направил Аблаю и Абулмамбету (см. коммент. 41, гл. 3. Ч. II) послания с предложением жить в мире и дружбе. С этого времени начался новый этап в казахско-ойратских отношениях, характеризующийся активным вмешательством казахских правителей в междоусобную борьбу джунгарских князей (см.: *Моисеев В. А.* К истории казахско-ойратских взаимоотношений в начале 50-х гг. XVIII в. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1987. № 4. С. 46—52).

[48] Речь идет об Эрдени Батуре-хунтайджи (см. коммент. 38, гл. 3). О внешней политике Галдан Цэрена см.: *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979; *Он же.* Россия и Монголия. М., 1987; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии и др.

[49] Амурсана. См. коммент. 17, гл. 4.

[50] Даваци. Последний правитель Джунгарского ханства (1753—1755), влиятельный ойратский князь, прямой потомок Батура-хунтайджи (см. коммент. 48 этой гл.). Его родовое владение находилось в Тарбагатае. С помощью Амурсаны в начале 1753 г. убил Ламу-Доржи и затем низложил и убил другого ойратского ставленника — Немеху-Жиргала. Подавив сопротивление своих противников, Даваци стал в 1753 г. ханом ойратов. Скончался в плену в Пекине в 1756 г. (см. Также коммент. 16, гл. 4).

[51] Мнение А. И. Левшина о мотивах, побудивших Аблая оказать поддержку мятежным ойратским князьям Даваци и Амурсане в борьбе за джунгарский престол, отражает только одну сторону этого сложного вопроса. В ходе изучения многочисленных источников по истории казахско-ойратских отношений советские историки пришли к выводу о том, что Аблай в своей внешней политике в

сер. 50-х гг. XVIII в. исходил преимущественно из широких общенародных интересов казахов, совпадавших во многом в этот период со стратегическими интересами Российской империи. С точки зрения внешней безопасности казахских жузов Аблаю представлялось наиболее целесообразным существование на границах Казахстана союзного ойратского государства, на престоле которого находился бы правитель, зависимый от казахского владельца, нежели могущественная империя манчжуров. Кроме того, определенную роль в тактике Аблая и его сторонников играли территориальные интересы казахской знати, побуждавшие ее бороться за возвращение своих земель в Семиречье и Юго-Восточном Казахстане, а также надеяться на приобретение ойратских кочевий в Северной Джунгарии (см.: Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А., Койгелдиев М. К. К вопросу об оценке исторической роли Аблая // Вестник АН КазССР. 1988. № 2. С. 30—31; Хафизова К. Ш. Казахско-китайские отношения в XVIII—XIX вв. С. 17—28).

[52] Изложение текста грамоты китайского императора Цянь Луна (см. коммент. 22, разд. 1. Ч. I) к Аблаю в русском переводе дано в работах дореволюционных востоковедов (см.: Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1756 гг.). Уфа, 1855. Т. 2. С. 109; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985. С. 303—304).

[53] Речь идет о башкирском восстании 1755 г., направленном против царской администрации и местной знати. Оно было вызвано усилением социального гнета, земельными притязаниями царизма и насильственной христианизацией башкирского населения, проводимой царскими властями. Определенную роль в подготовке восстановления сыграло воззвание муллы Абдуллы Алеева, по прозвищу Батырша, который призывал башкир, татар, казахов и узбеков к священной войне против “неверных” — русских. Однако Батырша не руководил восстанием, и все движение проходило фактически не под его лозунгами. Восстание носило стихийный и неорганизованный характер, чему способствовали противоречия в стане борющихся сил. Это обстоятельство явилось одной из основных причин его поражения (см.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. ч. 1. Уфа, 1956).

[54] Теттяри. Феодално зависимые от казны и башкирских общин безземельные местные и пришлые крестьяне; мещеряки (прав. мишари). Этнографическая группа тюркоязычных народов, преимущественно татар, выходцев из Симбирской и Казанской губерний, поселившихся в районе нижней Волги. Они вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. В 1798 г. образовали подобно башкирам 5 кантонов.

[55] Имеются в виду киргизы.

[56] Ахмад (Ахмет) — шах Дуррани (1747—1773). Основатель династии Дуррани в Афганистане (см.: *Ганковский Ю. В.* Империя Дуррани. М., 1958).

[57] Речь идет о попытках создания в начале 60-х гг. XVIII в. военной коалиции мусульманских правителей и народов Центральной Азии против экспансии Цинов. Более подробно обстоятельства этой несостоявшейся военно-политической акции были выяснены советскими историками сравнительно недавно, благодаря введению в научный оборот многих ранее неизвестных источников (см.: *Международные отношения в Центральной Азии (XVII—XVIII вв.): Документы и материалы.* Т. 2. М., 1989. Док. № 215, 219, 220, 221, 222—224, 227; *Гуревич Б. П.* Международные отношения в Центральной Азии. С. 187—198; *Кузнецов В. С.* Империя Цин и мусульманский мир // *Центральная Азия и соседние территории в средние века.* Новосибирск, 1990. С. 106—115).

[58] Посольство Ахмад-шаха прибыло в Пекин в начале 1753 г. Дипломатическая миссия имела ознакомительный характер, но, несмотря на это, факт ее отправления в Пекин с протестом против завоевательной политики Цинской империи в северо-западной части Центральной Азии получил широкий общественный резонанс и одобрение в Казахстане и Средней Азии.

[59] Это утверждение А. И. Левшина требует к себе весьма осторожного и критического отношения. В исследованиях советских историков убедительно показано, что цинские власти, несмотря на многочисленные заверения казахских правителей в своем расположении, упорно стремились удержать под своим контролем кочевья в Семиречье и в Северной Джунгарии и оттеснить казахов от границ Синьцзяна. Все попытки казахов решить вопрос о судьбе своих бывших кочевий на этих территориях путем дипломатических переговоров успеха не имели, ибо маньчжуро-китайские войска оставались непреклонными. Это

порождало довольно частые столкновения на границах Джунгарии с Казахстаном. Однако решительная борьба казахов за возвращение своих исконных кочевий в пограничных районах Семиречья вынудила маньчжуро-китайские власти в 1767 г. согласиться на то, чтобы в зимнее время они пребывали в Тарбагатае и в некоторых других местах при условии выплаты налога — с каждой сотни голов одну (см.: *Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии. С. 178—184*).

[60] **Есим (Ишим)**. Казахский хан (1795—1797), старший сын Нуралы-хана (см. коммент. 23, гл. 5). Был назначен ханом в 1795 г. после смерти Ералы (см. коммент. 2, гл. 4. Ч. II.) и в результате этого самым ходом событий был поставлен во главе султанской партии в период наибольшего обострения междоусобных столкновений в Младшем жузе. Был убит Срымом. (см. коммент. 71, этой гл.) в 1797 г.

[61] **Михаил Федорович Романов (1596—1645)**. Русский царь, родоначальник династии Романовых.

[62] **Шэрен (Шерен)**. Джунгарский нойон, бежавший со своими подданными через Казахстан и Сибирь к волжским калмыкам в 1757 г.

[63] **Убаши**. См. коммент. 23, гл. 4.

[64] Вопрос о причинах откочевки калмыков является намного сложнее, чем это представлял себе А. И. Левшин. До недавнего времени мнения многих исследований существенно расходились по этому вопросу. Одни из них считали, что откочевка 1771 г. была проявлением необузданного произвола и разгула кочевников (см.: *Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках. Спб., 1870. С. 10*). Другие исследователи, как, например, А. С. Пушкин, объясняли уход калмыков непосильным гнетом со стороны царских властей (см.: *Пушкин А. С. Собр. соч. в десяти томах. Т. 7. М., С. 88; Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963, гл. 1*).

В настоящее время наиболее признанной в науке является точка зрения, согласно которой откочевка калмыков в 1771 г. явилась следствием кризиса, который нарастал в Калмыцком ханстве с начала второй четверти XVIII в. под влиянием вольной и правительственной колонизации калмыцких степей со стороны земледельческого населения России. Эта колонизация вступала в противоречие в первую очередь с интересами крупного скотовод-

ческого хозяйства калмыцкой знати. Поэтому инициатива откочевки целиком и полностью исходила от узкой группы крупнейших и наиболее богатых калмыцких ханов, зайсангов и тайшей (см.: Очерки истории Калмыцкой АССР. С. 212—221; *Чимитдоржиев Ш. Б.* О перекочевках ойратов (калмыков) в XVII—XVIII вв. “Торгоутский побег” 1771 г. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989. С. 50—67).

[65] О судьбе волжских калмыков в Синьцзяне см.: *Санчилов В. П.* Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста. 1983; *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

[66] Пирали. Казахский султан, сын Нуралы-хана (см. коммент. 23, гл. 5), с 1770 г. — хан мангышлакских туркмен, бий шомекеевского рода.

[67] Имеется в виду мавзолей известного суфийского проповедника Средней Азии Ходжи Ахмада Ясави, расположенный в г. Туркестане (см.: Массон М. Е. Мавзолей ходжи Ахмада Ясави. Ташкент, 1930).

[68] Вали. Последний хан Среднего жуза (1781—1821), старший сын хана Аблая (см. коммент. 24, гл. 4), дед известного казахского ученого и просветителя Ч. Ч. Валиханова. В годы его правления значительно усилились центробежные тенденции в Среднем жузе, возросло количество междоусобиц.

[69] Иван Варфоломеевич Якоби. Генерал-поручик, в 1781 г. — сибирский и уфимский губернатор, губернатор Уфимского наместничества (1782), исправляющий должность губернатора Кольванского наместничества (1783), генерал-губернатор Иркутского и Кольванского наместничеств (1784—1788). (см. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII — начале XIX в. Красноярск, 1985. С. 202—207).

[70] Представления А. И. Левшина о “хищнических нравах казахов и якобы присутем им большом корыстолюбии и ”страсти” к грабегам базировались на европоцентристских концепциях общественного развития кочевников, игнорировавших специфические особенности социальной организации кочевого общества и соответствующие им традиции родового быта и культуры. Констатируемые автором взаимные набеги казахских дружин и нападения казахов на русские пограничные укрепления являлись в

значительной степени порождением экономического кризиса в казахском обществе, вызванного совокупностью внутренних (социально-экономических и политических) и внешних факторов. Среди последних важное место занимала земельная политика царизма, а также экспансионистские притязания сопредельных среднеазиатских государств (в основном Хивы и Коканда). Межплеменная рознь, карательные операции царских войск в казахских аулах, насильственное изъятие пастбищных земель под казачьи и переселенческие участки, вмешательство Хивы в политическую жизнь казахов, разжигание среднеазиатскими правителями междоусобных распрей казахских султанов — все эти факторы являлись действительной причиной обострения взаимоотношений в казахском обществе и препятствием нормальному развитию русско-казахских и русско-среднеазиатских торговых отношений, а не мифические “грабительские тенденции”, якобы присущие казахскому народу.

[71] Срым Датов (? — 1802 г.). Казахский батыр Младшего жуза из рода байбакты. В 80-х гг. возглавил восстание казахов, направленное против произвола царской пограничной администрации и сотрудничавшей с ней местной знати (1783—1797). Возглавляемое им народное движение казахов носило освободительный характер. В 1797 г. Срым бежал в Хиву, где, по некоторым данным, был отравлен в 1802 г. (см. Вяткин М. П. Батыр Срым. М.-Л., 1947).

[72] Осип Андреевич Игельстром (1737—1817). Барон, позднее граф. С 1784 по 1790 гг. был генерал-губернатором Симбирского и Уфимского наместничеств, затем — наместником Пскова (1792), наместником киевским и черниговским (1793), главнокомандующим русскими войсками в Варшаве (1794). В 1796—1799 гг. — военный губернатор в Оренбурге, после чего оставил службу. (см.: о нем: Юдин П. Барон О. А. Игельстром в Оренбургском крае (1784—1792; 1796—1798). // РА, 1897, кн. 1—6, с. 513—555).

[73] Данное утверждение поверхностно и тенденциозно. Многочисленные источники по истории народно-освободительного движения под предводительством батыра Срыма свидетельствуют о наличии глубоких объективных причин борьбы народных масс против ханской группы, объединившей султанов-чингизидов клана Абулхаира. Причины этого движения с достаточной ясностью изложил барон О.

А. Игельстром в донесении Екатерине II, подчеркнув, что Нуралы-хан “тому уже 30 лет, отделяя от себя всех лучших старшин, с которыми наперед имел согласие и советы, нимало не попечается о благе народном, но еще к удовольствию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит” (см.: МИКССР Т. IV. Док. № 11. С. 66). В то же время Срым и примыкавшая к нему старшинская группа, стремясь к пресечению злоупотреблений со стороны ханской власти, преследовала и свои, более узкие цели, отражавшие определенные социальные интересы патриархальной знати “черной кости”. Его программа не ставила задачи борьбы с симбиотической системой государственного протектората империи, она лишь стремилась устранить те формы зависимости от пограничных властей и местной кочевой аристократии, которые мешали сохранению традиционного положения в кочевом обществе привилегированных групп “черной кости” (старшин, биев, батыров и т. д.). (см.: *Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — нач. XIX в. // МИКССР. Т. IV. С. 3—38.*)

[74] Александр Александрович Пеутлинг. Генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств в 1790—1794 гг.

[75] Ишим-султан. См. коммент. 60 этой гл.

[76] Мухамеджан Хусаинов (Мугаммед-Джан Гусейн). Оренбургский муфтий, происходил из татарской торговой семьи деревни Султанай в Башкирии. В 1785 г. был назначен ахуном при Оренбургской пограничной комиссии, в том же году — первым ахуном, и в 1789 г. — муфтием. Неоднократно посылался пограничной администрацией в казахские степи с различными дипломатическими поручениями, много раз награждался царским правительством за заслуги в деле сближения казахов Младшего жуза с Россией. Умер в 1824 г. в Уфе. В своих журналах и донесениях оставил богатый фактический материал о политической жизни Младшего жуза, причинах внутренней борьбы в казахском обществе и движении батыра Срыма (см. о нем: *Вяткин М. П. Журнал Оренбургского муфтия // Исторический архив. Т. 2. М.-Л., 1939. С. 124—220.*)

[77] Каратай. Султан Младшего жуза, второй сын хана Нуралы (см. коммент. 23, гл. 5) от калмычки Рысс. После убийства в 1797 г. хана Есима (см. коммент. 60 этой гл.) вокруг него объединилась султанская партия

клана Абулхаира. Она требовала от Оренбургской администрации в ряде петиций утверждения Каратая ханом Младшего жуза. Однако в Оренбурге сделали ставку на Айчувака (см. коммент. 43 этой гл.) Каратай не примирился с назначением Айчувака в 1797 г. ханом и с этого времени начал вести активную борьбу за ханскую власть (1797—1814). В 1824 г. после упразднения ханской власти в Младшем жузе Каратай был назначен султаном-правителем западной части Орды. В 20-х гг. участвовал в подавлении народно-освободительного движения во главе с Жоламаном Тленши (1819—1825). Умер в 1826 г. (см. о нем: МИКССР. Т. IV. С. 491—492).

[78] Букей. Хан Внутренней Букеевской орды (1812—1815), сын Нуралы-хана (см. коммент. 23 этой гл.), племянник хана Есима (см. коммент. 60 этой гл.). До 1801 г. занимал должность председателя ханского совета. В 1797 г. выхлопотал разрешение у царской администрации кочевать казахам в Нарын-песках. В 1799 г. обратился с просьбой о разрешении ему перейти с подвластными казахами в Нарын-пески на вечную кочевку. Это разрешение было дано указом 11 марта 1801 г. Букей перешел за Урал на “внутреннюю сторону” с 5000 кибитками. 7 июля 1812 г. Букей был возведен вблизи г. Уральска в ханы Букеевской орды. Умер 21 мая 1815 г.

[79] В объяснении причин образования Внутренней орды у современных историков нет единого мнения. Некоторые исследователи рассматривали это событие как продукт колониальной политики царизма (*Шахматов В. Ф. Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946. С. 8*). В свою очередь, М. П. Вяткин считал, что образование особого ханства было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившемся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации (*Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941. С. 242*). Иная точка зрения высказана в работах Е. Б. Бекмаханова и С. З. Зиманова, считавших, что решающим фактором образования Букеевского ханства явилась острая социально-политическая ситуация, которая сложилась в Младшем жузе после подавления народного восстания под руководством Срыма (см. коммент. 71 этой гл.), и была обусловлена глубокими социальными причинами, тесно связанными с напряженной внутренней и внешнеполитической обстановкой в Западном Казахстане в тот период (*Бекмаханов Е. Б. Присоедине-*

ние Казахстана к России. С. 68; *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982. С. 19). По своей сути точка зрения А. И. Левшина близка последней позиции, которая в настоящее время является наиболее авторитетной в исторической науке.

[80] Густав Эрнстович Штрандман. Генерал-майор, в 1789—1800 гг. командовал войсками в Западной Сибири. Автор записки “Сибирь и ее нужды в 1801 г.” // РС, 1879. Т. 1. С. 150—156.

[81] Сергей Кузьмич Визмитинов (1749—1819). Граф, генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1794—1796), в 1796 г. в связи с восстановлением Оренбургской губернии был назначен военным губернатором. В 1796 г. отозван из Оренбурга. Впоследствии был военным министром (1802 г.), главнокомандующим в Петербурге (1805 г.), министром полиции, петербургским генерал-губернатором (1816 г.).

[82] Александр I (1777—1825). Российский император с 12 марта 1801 г.

[83] Букей (ок. 1737—1819). Хан Среднего жуза (1817—1819), сын султана Барака (см. коммент. 36 этой гл.). Его власть в основном распространялась на владения крупного родового объединения найман. (О нем см. *Букейханов А.* Из переписки хана Средней киргизской орды Букея и его потомков // ПКСО на 1901 г. Вып. V. Семипалатинск, 1901. С. 1—17).

[84] В 1822 г. известным государственным деятелем М. М. Сперанским при активном участии будущего декабриста Г. С. Батенькова был разработан “Устав о сибирских киргизах”, представлявший собой юридический документ, на основе которого должна была функционировать новая система административно-политического управления казахов Среднего жуза. Согласно Уставу, территория казахских земель, занятая кочевьями Среднего и частью Старшего жузов, получила название Область сибирских киргизов. Она разделялась на внешние и внутренние округа, во главе которых находились коллегиальные административные органы — приказы. Правами членов окружных приказов пользовались старший султан (выборное лицо от казахов султанского сословия — председатель), и два почетных казаха по выбору. Окружной приказ подчинялся областному правлению. С 1822 г. по 1834 г. было образовано в Среднем жузе восемь округов. Устав о Сибирских киргизах положил начало политиче-

скому подчинению Казахстана царскому правительству и явился важным шагом на пути утверждения верховной собственности российской короны на казахские земли (см.: *Материалы по истории политического строя Казахстана*. Алма-Ата, 1960. Т. I; *Зиманов С. З.* Политический строй казахов конца XVIII в. — первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958).

[85] Джанторе. Хан Младшего жуза (1805—1809), старший сын Айчувак-хана (см. коммент. 43 этой гл.). В начале 90-х гг. XVIII в. принимал участие в движении Срыма (см. коммент. 71 гл. 5), но потом перешел на сторону царского правительства. В 1805 г. Оренбургская администрация выдвинула его кандидатуру в ханы Младшего жуза в связи с полным бессилием хана Айчувака. Это назначение вызвало большое недовольство другого претендента на ханский престол — султана Каратая (см. коммент. 77 этой гл.), которого поддерживали многие влиятельные члены ханского Совета. После избрания Джанторе ханом борьба между соперниками еще более обострилась и завершилась убийством хана султаном Каратаем в 1809 г.

[86] Ширгазы. См. коммент. 3, предисловие.

[87] Джангир (1804—1845 гг.). Казахский хан Внутренней орды (1824—1845), сын Букей-хана (см. коммент. 78 этой гл.). Имел звание генерал-майора русской армии. Получил начальное образование у домашнего учителя-муллы, затем по воле отца был отдан для дальнейшего обучения и воспитания астраханскому губернатору Андриевскому, в семье которого он жил с небольшими перерывами около десяти лет. 24 июня 1824 г. Джангир был официально провозглашен ханом Внутренней орды в г. Уральске, умер 11 августа 1845 г. на 22 году правления. При нем произошло сращение ханской власти с властью пограничной администрации. Джангир являлся сторонником русского самодержавия, помещицкой системы хозяйства, дворянского образования и культуры (см. о нем: *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. С. 93—107).

[88] Арынгазы (Арунгазы). Хан Младшего жуза (1816—1821), сын султана Абулгазы, внук хивинского хана Каипа (см. коммент. 3 этой гл.), правнук султана Батыра (см. коммент. 41 этой гл.). В апреле 1816 г. был избран казахской знатью ханом Младшего жуза. Арынгазы пытался создать сильное казахское ханство путем объеди-

нения знати Младшего и Среднего жузов. Он добивался признания его ханом со стороны бухарского эмира, а также некоторое время пользовался поддержкой оренбургского губернатора П. К. Эссена. В 1821 г. был вызван царским правительством в Петербург, но был по дороге задержан и сослан в Калугу. Там он и умер в 1833 г. Такое решение было продиктовано стремлением царизма избавиться от влиятельного хана, а затем отменить ханскую власть. (см. *Вяткин М. П.* Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде. С. 31—39; *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 3.* Алма-Ата, 1979. С. 166—168).

Часть III. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

Глава первая. ЧИСЛО НАРОДА

[1] Нурали. См. коммент. 23, гл. 5. Ч. II.

[2] Букей. См. коммент. 78, гл. 5. Ч. II.

[3] Оренбургская и Сибирская линии. См. коммент. 35, гл. 1. Ч. II.

[4] С. Б. Броневский. См. коммент. 57, разд. 1. Ч. I.

[5] Иван Григорьевич Андреев (1743 — после 1804). Военный инженер, майор (около 1804 г.), служивший на Иртышской линии. С 1796 г. жил в Семипалатинске. Автор автобиографического сочинения “Домовая летопись” (ЧОИДР. М., 1870, кн. 4) и первого специального историко-этнографического исследования о казахах Среднего жуза “Описание Средней орды киргиз-кайсаков” (Новые ежемесячные сочинения. Спб., 1795—1796. Ч. СХ—СХVIII). (см.: *Масанов Э. А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. С. 78—82; *Ерофеева И. В.* Из истории изучения казахского народа в России в XVIII в.: Труды И. Г. Андреева // Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 25—32; *Алексеенко Н. В.* Хранители памяти. Алма-Ата, 1988. С. 14—29).

[6] Приводимые А. И. Лешиним данные об общей численности казахского населения всех трех жузов, основанные на его собственных подсчетах, далеки от действительности, так как автор не располагал подробными статистическими и картографическими материалами, а

также не владел методикой статистических исследований. Предпринятый советскими авторами анализ более точных данных полицейско-административного учета и применение новых методов демографических исследований дали на 1850 г. следующие цифры: в Младшем жузе казахи составили 1048537 душ, в Среднем жузе — 1367202, в Старшем жузе — 1561681 душ обоего пола, а всего казахов — 4931286 человек. (см.: *Бекмаханова Н. Е., Дулатова Д. И.* Народонаселение Казахстана в первой половине XIX в. в досоветской литературе // *История. Вып. 6.* Алма-Ата, 1973; *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: Последняя четверть XVIII — 60-е гг. XIX в. М., 1980).

Глава вторая. РАЗДЕЛЕНИЕ

[1] Образование казахских жузов является одной из наиболее сложных и слабоизученных проблем истории казахского народа. Причиной образования жузов, или орд, как их именовали в дореволюционной литературе, является, по мнению большинства исследователей, существование трех историко-географических областей: Юго-Восточный Казахстан; степи Центрального и Восточного Казахстана; пустынные, полупустынные территории и степи Западного, где в течение многих веков происходил процесс консолидации различных кочевых и полукочевых племен и родов, в основном тюрко-монгольского происхождения в крупные этнополитические объединения, на основе которых сформировались три жуза Старший, Средний и Младший (см. *История Казахской ССР.* Алма-Ата, 1979. Т. 3).

[2] Найманы, кыпчаки. Одни из основных племен Среднего жуза казахов, они же вошли в состав и других тюркоязычных народов — узбеков, башкир, ногайцев, каракалпаков, киргизов и др. (см. коммент. 5, гл. 3. Ч. II).

[3] Тевкелев А. И. См. коммент. 39, гл. 3. Ч. II.

[4] Алчин (по каз. — “алшын”). Общий собирательный этноним Младшего жуза. По преданиям казахов, до Тауке-хана (см. коммент. 45 гл. 3. Ч. II) Младший жуз состоял из алшынского союза разных родов, и Тауке-хан соединил семь слабых родов Среднего жуза и дал им имя жетыру, т. е. семь родов. Младший жуз стал после этого делиться на две части: алшын и жетыру. Прямое подтвер-

ждение достоверности этого события содержится в записке А. И. Тевкелева (см. коммент. 39, гл. 3. Ч. II), который сообщал об этом факте в Петербург, ссылаясь на информацию Абулхаир-хана (см. коммент. 40, гл. 3. Ч. II) и его окружения. Абулхаир-хан еще при жизни Тауке-хана был известен как храбрый искусный военачальник, а став ханом Младшего жуза, он, вероятно, ознакомился с генеалогическими преданиями казахов Младшего жуза. И даже в том случае, если он сам не был очевидцем этого события, то скорее всего имел возможность узнать о нем от живых свидетелей из числа родоправителей и биев Младшего жуза. Предположительно, в середине XVIII столетия алшынский союз разделился на части — алимулы и байулы. Младший жуз стал состоять из вышеперечисленных двух частей и жетыру (семиродское поколение является калькой казахского жетыру). С этого времени алшын становится собирательным именем всего Младшего жуза, включая и жетыру.

[5] Тявка-хан, правильно Тауке-хан. См. коммент. 45, гл. 3. Ч. II.

[6] У автора этнонимы нескольких родов Младшего жуза искажены. По-видимому, основной причиной этого являлись особенности перевода с казахского языка на русский. Корпус переводчиков верстался, как правило, из поволжских татар и башкир, которые произносили казахские имена, этнонимы и топонимы согласно законам своих языков. Ниже приводятся точные наименования родов. В начале дано написание А. И. Левшина, затем русское написание, и далее казахское: Каракияк — каракесек — қарақесек; китя — кете — кете; дюрткара — торткара — төртқара; чумекей — шомекей — шөмекей; чикли — шекты — шекті; алача — алаша — алаша; исентемир — есентемир — есентемир; черкес — шеркеш, или серкеш; тиляу — телеу — телеу.

[7] Здесь допущен ряд ошибок в описании родоплеменного состава Среднего и особенного Старшего жузов. Они объясняются, по-видимому, тем, что основными информаторами А. И. Левшина были представители Младшего жуза, имевшие смутное представление о составе Среднего и Старшего жузов. По народной традиции, Средний жуз составляли 6 племен: аргын, найман, кыпчак, конрат, уак, керей. Вполне вероятно, что Тауке-хану принадлежит инициатива объединения уаков и кереев в одно племя. Эти мероприятия были предприняты Тауке-ханом

в связи с усилением экспансии джунгарских нойонов в Казахское ханство — сильные племена и роды могут представлять сильные и хорошо вооруженные отряды для общеказахского ополчения.

Племя конрат (см. коммент. 14, гл. 3. Ч. II) ошибочно автором отнесено к Старшему жузу ввиду того, что конраты были соседями племен Старшего жуза, хотя им было отмечено на предыдущей странице в примечании В, что “с Меньшей ордой кочуют некоторые отделения Средней, равно как и с Средней смешались некоторые из Меньшей. Обстоятельство сие не разрушает родословия народного”.

[8] В приведенном списке аргынских родов А. И. Левшиным неточно даны основные роды и их родовые отделения, названия многих найманских и кыпчакских родов искажены: Кара-кисяк — каракесек — қара-кесек; каравул-кисяк, правильно просто караул — қарауыл; чарджитим — сарыжетим — сарыжетім; джанджар — вероятней всего, имеется в виду кожамджар из токал-аргынов-қожамжар; чакчак — шакшак — шақшак; дюртавул — тортауыл — төртауы; тебич — темеш — темеш, табаклы — табакты — табақты; борчи — боршы — бөрші; карпак — карпык — қарпық; басантиен — басентийн — бәсентийн; агыш-калкаман — это два отдельных рода — агыс и қалқаман — агыс, қалқаман; канджигали — канжыгалы — қанжығалы; козюган — козуюган — көзұйған; кукшал — кокшал — көкшал.

[9] Автор дал неправильный перевод этнонимов нескольких найманских родов: акбура переведено как “белый волк”. По-казахски волк “бөрі”, по-русски произносится как бури или бори. Здесь же акбура означает белый верблюд — самец, производитель; перевод “семиз-бағаналы” дан как “имеющие жирных ягнят”. Во-первых, А. И. Левшин объединял два совершенно разных рода “семізнайман” и “бағаналы”, во-вторых, в казахском языке имеется термин “бағлан”, обозначающий ягненка раннего окота, и кто-то сообщил А. И. Левшину неправильный перевод, перепутав слово “бағлан” со словом “бақан”, обозначающим “шест, которым открывали дымовое отверстие юрты”, отсюда название рода — “бағаналы”, т. к. их тамгой было изображение бакана. Булатчи — болатшы — болатшы; карагирей — каракерей — қаракерей; тирс-тамгалы — теристамгалы —

терістамғалы; дюрт-аул — тортауы — төртаул; кукджарлы — кокжарлы — көкжарлы; иргиняклы — ергенекты — ергенекті.

[10] Торы-айгыр — торыайгыр — торыайғыр; туючка — туюшке — түйішке; кытабак — китоба — китоба; кара-балык — карабалык — қарабалык; кунделян — көлденен — көлденен; тана-буга — танабука — танабұка; узун — узын — ұзын: кок-борон — кокмурун — көкмұрын.

[11] По генеалогическим преданиям, тараклы (по каз. тарақты), являются родом племени аргын, но, как отмечают знатоки преданий самих тарактинцев, таракты в давние времена являлись самостоятельным племенем и никогда не входили в состав ни уаков, ни кереев.

[12] Этнический состав Старшего жуза был намного сложнее, чем это представляли себе информаторы А. И. Левшина. Уйсынами называли казахи Среднего и Младшего жузов всех представителей Старшего жуза. Тула-тай — дулат — дулат; саргам — вероятнее всего сыргели, по-казахски сіргелі.

Ботбой — ботпай — ботпай; чимир — шымыр — шымыр; джанис, или яныш — джаныс — жаныс; сик-ам сикым — сиқым (это четыре основных рода племени “дулат”); далее приводятся неполностью племена Старшего жуза — абдайсуван — это два племени албан, или адбан, и суан; сарысулы — сарыуысын — сарыүйсін, канклы, или канлы — канлы — қаңлы.

[13] Приводим правильные названия родов племени “қоңрат” вслед за искаженными: байлар-джанджар — байлар-жандар — байлар — жаңдар; уразгельды — ораз-келды — оразкелді; кульджегач — кулшыгаш — құлшығаш; бочман — божбан — божбан; токбулат — токболат-токболат; яман-бай — жаманбай — жаманбай; куракуся — каракосе — қаракөсе; этимляр — жетимдер — жетімдер; куюшкансыз — куюскансыз — құйыскансыз.

[14] Белую кость — “ақсүйек” — составляли султаны, или по-казахски торе — “төре”, которые вели свое происхождение от старшего сына Чингисхана Джучи (см. коммент. 6, гл. 3. Ч. II) и ходжи (“кожа”), возводившие родословную к арабам — завоевателям Средней Азии и Южного Казахстана (см. коммент. 18, гл. 1. Ч. II). Все остальные казахи относились к черной кости — “қарасүйек”.

[15] Прислужников ханов и султанов казахи называли тюленгутами — “төленгіт”. Это была социальная группа, состоявшая из казахов разных родов, а также представителей других народов, которые находились на службе у казахской аристократической элиты. Они не пользовались равными правами с другими казахами, так как были вне родоплеменной структуры казахского общества. Благополучие и жизнь тюленгутов целиком находились в руках их покровителя-хана или султана. Они большей частью охраняли своих покровителей, исполняли их различные поручения. В правовом отношении тюленгуты представляли полурабов, полусвободных.

[16] Кулы. Рабы, использовавшиеся казахами в домашнем обиходе, а также на сельскохозяйственных работах. Эта социальная категория складывалась из пленных калмыков, русских, иранцев, захваченных в ходе военных набегов.

Глава четвертая. ОБРАЗ ЖИЗНИ

[1] Аркадия. Область в центральной части Пелопоннеса (Греция). В античной литературе и позднее, главным образом, в пасторальных XVI—XVIII вв., изображалась райской страной с патриархальной простотой нравов. Перен.— Счастливая страна.

[2] Авраам, Абрам. Мифический родоначальник евреев, в библейской мифологии отец Исаака.

[3] Бедуины. Кочевые арабы-скотоводы Передней Азии и Северной Африки; курды — народ, издревле населявший горные районы востока и юго-востока Малой Азии и сопредельных регионов. Расселены в Турции, Иране, Ираке.

[4] Готтентоты. Кочевые племена, проживающие с древнейших времен в Южной Африке. Впоследствии были оттеснены на юго-запад африканского материка и в значительной мере истреблены в период заселения Южной Африки народами банту, а затем европейцами (XVII—XIX в.). Готтентоты были скотоводами и вели кочевой образ жизни. В настоящее время сохраняется всего несколько племен готтентотов, живущих в резервациях и по-прежнему занимающихся скотоводством.

[5] Казахская юрта (киизуй или кигізуи). По внешнему виду и по некоторым конструктивным особенностям отличалась от калмыцкой. Последние имели ярко выра-

женный конусообразный облик и потому казались более массивными. В то же время у казахских юрт, имевших сферичную поверхность, круговое навершие — “шаңырак”, имел больший диаметр и соответственно больше купольных жердей — “ұйық” и т. д. (Подробнее см.: Муканов М. С. Казахская юрта, Алма-Ата, 1981).

[6] Баранта (искаженное от каз. “барымта”). В обычном праве казахов разрешалось истцу в случае, если обидчик не возмещал нанесенного ущерба, после того, как суд биев, признав его вину, вынес решение в пользу истца, давалось право для возмещения ущерба отогнать у обидчика или у его родственников соответствующее нанесенному ему ущербу количество голов скота, как правило, лошадей (см. также коммент. 42, гл. 5. Ч. II).

Глава пятая. О ПОСЕЛЕНИИ КИРГИЗ-КАЗАКОВ

[1] Здесь А. И. Левшин ошибается, так как значительные группы казахов в районах Сырдарьи, Юго-Восточного и Восточного Казахстана занимались поливным земледелием и ими была лишь освоена незначительная часть земель, на которых могли производиться посевы. Вероятнее всего, автор не имел сведений об этих регионах (см.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков. Алма-Ата, 1980).

[2] Каракалпаки. Известны на Сырдарье с конца XVI в. В XVII в. до переселения в Хорезмский оазис (40—60-е гг. XVIII в.), подчинялись казахским ханам или имели своего хана из казахских султанов (см.: Нурмухамедов М. К., Жданко Т. А., Камалов С. К. Каракалпаки. Ташкент, 1971; см. также коммент. 14, гл. 5. Ч. II).

Глава шестая. ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

[1] Носовой (искаж. от каз. “насыбай”). Изготавливался из золы некоторых сортов трав, содержащих дурманящие вещества. Вместе с ними растирали измельченные табачные листья с добавлением незначительного количества извести. Эту смесь не нюхали, а закладывали за нижнюю губу. В известиях других путешественников, напротив, особо подчеркивается, что казахи не пьют вина и не курят табака.

Глава седьмая. ПИЩА И ПИТЬЕ

[1] Ереметчик (по-каз. “ірімшік”).

[2] Биш-бармак (по-каз. “бесбармак”).

[3] Это утверждение неверно. Казахи издревле занимались облавной, загонной охотой и охотой с ловчими птицами. В пищевом рационе казахов мясо куланов, сайгаков, горных козлов играло заметную роль.

[4] А. И. Левшин получил не вполне достоверные сведения. “Айран” не вино, а кислое молоко, широко распространенное среди многих тюркоязычных народов, “саумал” — недобродивший кумыс, который, казахи не пили, т. к. он приводил к расстройству желудка.

Глава восьмая. ОДЕЖДА

[1] Правильно жаргак (жаргак).

[2] По-каз. “жакы” — доха из шкуры жеребенка.

[3] Казахи называют их “түмар”.

Глава девятая. ВООРУЖЕНИЕ

[1] Рычков Н. П. — см. коммент. 9, разд. 1. гл. 1.

[2] Вернее, не пароль, а клич по-каз. “Ұран”.

Глава десятая. ВЕРА И СУЕВЕРИЕ

[1] Магометане. Лица или народы, исповедующие мусульманскую религию; манихейне (манихейцы) — приверженцы манихейства — религиозного учения, основанного в III в. Мани, который, по преданию, проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. В основе манихейства дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Распространилось в I тыс. н. э. от Китая до Испании, подвергаясь гонениям со стороны зороастризма, христианства, ислама и др. В VIII в. эта религия господствовала в Уйгурском царстве.

[2] На самом деле вопрос о религии и верованиях казахов намного сложнее и до сих пор еще мало изучен. Специальных исследований по этой проблеме пока нет, а в этнологической и атеистической литературе рассматриваются главным образом отдельные вопросы истории общения казахов к исламу, сама история мусульманства и пр. В то же время практически не изучены доисламские верования казахов. Имеется лишь ряд работ, посвященных

культу предков, верованиям и обрядам в семейном быту, шаманизму. Между тем существует много свидетельств о том, что у казахов, наряду с исламом, сохранялись пережитки зороастризма, несторианства, пантеистических культов.

[3] Ламайцы. Имеются в виду приверженцы религиозного учения ламаизма. Ламаизм — тибето-монгольская форма буддизма. Был распространен у населения Тибета и среди монгольских народов Южной Сибири, Поволжья и Центральной Азии.

[4] Кучум. См. коммент. 27, гл. 3. Ч. II.

[5] Али — (? — 661). Четвертый халиф (с 656 г.) Арабского халифата, двоюродный брат и зять Мухаммеда. Убит хариджитами. Объявлен шиитами первым имамом.

[6] Эдуард Покок. Английский ориенталист XVII в., первый преподаватель арабского языка в Оксфорде. Им были изданы и переведены на латинский язык труды христианских и арабских историков Евтихия и Абу-л-Фараджа (см. о нем: *Encyclopaedia Britannica*, Т. XIX, р. 252 sq.).

[7] Правильно аруак (по-каз. аруак).

[8] Джантюря (Жанторе). См. коммент. 85, гл. 5. Ч.

II.

[9] Рамчи. Прав. ырымшы.

[10] Паллас. См. коммент. 8, разд. 1. Ч. II.

[11] Джаадугар (жадугер). Лицо, которое может заколдовать, заговорить кого-нибудь.

Глава одиннадцатая. ПРАВЫ

[1] Жан Жак Руссо (1712—1778). Французский мыслитель, писатель, композитор, выдающийся представитель философии европейского Просвещения. Философско-социологические идеи и этика Ж. Ж. Руссо оказали большое влияние на развитие гуманитарных идей в европейских странах в конце XVIII — первой четверти XIX в. С его именем связано становление новых подходов в этнологии. Широкую известность в Европе и России приобрела работа Ж. Ж. Руссо “Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми” (Трактаты. М., 1969. С. 31—108), а также другие его философско-этические трактаты, в которых содержится ряд важных теоретических положений по истории. Созданная им утопическая модель “естественного состояния” общества, базировавшаяся на идеалистических представлениях об истории первобытной

эпохи человечества, сыграла большую роль в повышении интереса европейской науки к изучению малоизвестных народов Азиатского Востока, Африки и Америки, а также послужила во многих случаях теоретико-методологической основой для разработки ряда конкретных историко-этнологических концепций (см.: *Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. М., 1978. С. 114—118. *Ерофеева И. В.* Европейское Просвещение XVIII в. и становление научной историографии Казахстана // Вопросы историографии и источниковедения дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1988. С. 50—86). Именно эту сторону вопроса имел в виду А. И. Левшин, избрав объектом своей научной полемики Руссо — признанного авторитета в теоретических вопросах социологии (см.: *Леви-Строс К.* Структурная антропология: Сб. переводов. М., 1980. С. 54 и др.)

[2] Антропофаги. Людоеды, то же, что и каннибалы.

[3] Шарль Луи Монтескье (1689—1755). Французский просветитель, писатель, социолог и историк, ранний представитель французской просветительской философии. Наиболее полное выражение его политическая теория и исторические взгляды нашли в произведении “Дух законов” (Избранные произведения. М., 1955), опубликованном в Женеве в 1748 г. Учение Ш. Л. Монтескье получило большой, хотя и противоречивый, отклик среди разных слоев российского общества. Его влияние испытали на себе многие русские авторы, писавшие о казахском народе в конце XVIII — первой пол. XIX в.

[4] Татария. Так называлась в европейской литературе XVII—XVIII вв. часть территории Евразийского материка, включавшая в себя обширные пространства Южного Урала, Юго-Восточной Сибири, казахских степей, Средней Азии, издавна являвшихся средой обитания тюркоязычных народов.

[5] В своих представлениях о национальном характере казахского народа А. И. Левшин опирался на изложенную Ш. Л. Монтескье в “Духе законов” историко-географическую схему, согласно которой климат той или иной страны является главным фактором, определяющим психический склад населяющих ее народов, а последний, в свою очередь, формирует в совокупности с природой, образом жизни, внешним окружением и прочими “естественными” условиями жизни народов их социальную организацию. По мысли Монтескье, в Татарии отсутствуют зоны уме-

ренного климатического пояса, и “ее страны, расположенные в очень холодном климате, непосредственно соприкасаются с теми, которые находятся в климате очень жарком”. Отсюда он делал вывод о том, что в Центральной Азии имеет место противостояние “сильных”, “воинственных” и “храбрых” народов (к которым, видимо, относил казахов), проживавших в холодных северных широтах, и народов “изнеженных”, ленивых и робких, которые издревле обитали в южных местностях региона. Первых Ш. Л. Монтескье характеризовал как прирожденных завоевателей, а вторых — как побежденных (см.: *Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. С. 387—391*). Легко заметить, что А. И. Левшин в ряде разделов своего труда выступает последовательным сторонником этой априорной и метафизической схемы. В современных условиях его точка зрения на проблемы социальной психологии и общественного развития казахов не выдерживает научной критики, так как базируется в значительной мере на идеалистических и внутренне противоречивых методологических посылах. В то же время она имеет определенный научный интерес, позволяя проследить пути развития европейской мысли в области истории и этнологии восточных народов.

[6] Циклопы. Мифические одноглазые великаны в повествовании Гомера о странствиях Одиссея.

[7] Циши. См. коммент. 34, гл. 1. Ч. II.

[8] Геродот. См. коммент. 5, разд. II. Ч. I.

[9] Дарий I Гистасп. Персидский царь из династии Ахеменидов (522—486 гг. до н. э.). Около 514 г. до н. э. совершил военный поход против скифов Северного Причерноморья, который закончился отступлением персидской армии.

[10] Корнелий Тацит (ок. 56 — ок. 117 гг. н. э.). Римский историк, широко известен своими историческими трудами “История” (в 14 кн., из которых дошли до нас 1—4-я кн. и начало 5-й) и “Анналы”, посвященными жизни Рима и всей империи.

[11] Роксоланы. Название племени, создавшего крупный военно-политический союз кочевых племен с центром в Северном Приазовье. Роксоланы — выходцы из среды сарматов Поволжья и Приуралья. Во II—I вв. н. э. отвоёвывали у скифов степи между Доном и Днепром. В I в. н. э. они занимали степи к западу от Днепра. Около 70 г. совершили набег на Мезию.

[12] **Отон (Оттон)**. Римский император (15 января — 17 апреля 69 г. н. э.), сменивший Гальбу.

[13] **Сарматы**. Общее название ираноязычных племен, расселившихся со II в. до н. э. по IV в. н. э. в степях от Тобола до Дуная (см.: СИЭ, т. 12, с. 559).

[14] **Туркоманы**. Прав. туркмены.

[15] На северном Кавказе гость находился под защитой хозяина до тех пор, пока пребывал в его жилище, за его пределами он мог быть ограблен соседями или даже самим хозяином (см.: *Гарданов В. К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 305—307).

[16] **Ширгазы (каз. Сергазы)**. См. коммент. 3, предисловие.

[17] **Мараты (Прав.— маратхи)**. Народность, проживающая в Индии в штате Махараштра.

[18] **Сергазы (Ширгазы) Каипов**. Казахский султан Младшего жуза, сын хивинского хана Каипа (см. коммент. 3, гл. 5. Ч. II). По распоряжению барона О. А. Игельстрёма (см. коммент. 72, гл. 5. Ч. II) в 1789 г. был отправлен в Петербург в качестве депутата от казахов. Принимал участие в шведской войне, был произведен в майоры. В 1790 г. сопровождал русское посольство в Бухару, в 1791 г. снова вернулся в Петербург, там же был в 1793 г. в должности адъютанта графа П. А. Зубова. В 1795 г. Сергазы приехал в казахские степи во время выборов в ханы Есима (см. коммент. 60, гл. 5. Ч. II), затем вместе с С. К. Визмитиновым (см. коммент. 81, гл. 5. Ч. II) поехал в Симбирск, а оттуда был отправлен в Петербург, где находился до 1798 г. В 1798 г. вернулся в Казахстан. Умер Сергазы в 1820 г.

Глава Двенадцатая. ОБЫЧАИ

[1] Перевод неточен, байбише (бэйбіше) — так называют первую жену в том случае, если у мужчины имеется несколько жен.

[2] Не только старшая жена, но и другие жены могут оставить мужа по причине его импотенции, жестокого обращения с ними и проч. Однако разводы у казахов были редки.

[3] Это право именуется в научной литературе правом левирата. Вдова, за которую в свое время был уплачен калым, считалась собственностью не только мужа, но и всех близких его родственников. Особенно строго это право соблюдалось, если у вдовы были малолетние дети. Их

нельзя было отпускать в род матери или в другой род, если вдова пожелает выйти замуж за представителя другого рода. Вдова, имевшая взрослых детей, могла отказаться выйти замуж за брата или близкого родственника покойного мужа, ее к браку в таком случае не принуждали, но она должна была остаться при родственниках мужа (*Аргынбаев Х. А. Семья и брак у казахов: Автореф. дис. докт. ист. наук. Алма-Ата, 1975*).

[4] Батыр Срым. См. коммент. 71, гл. 5. Ч. II.

[5] А. И. Левшин под балалайкой, по-видимому, имеет в виду домбру.

[6] План Карпин, Плано Карпини. См. коммент. 39, разд. II. Ч. I.

[7] Гуюк (Каюк). Внук Чингисхана, ставший после смерти отца Угедея (см. коммент. 15, гл. 1. Ч. II) верховным ханом монголов. Умер в 1248 г.

[8] Гайтон. Представитель царского дома в Малой Армении. В XIV в. принял католичество и составил для европейцев на латинском языке сочинение о Монгольской империи под заглавием "Восточная история". (см.: *Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. / Пер. с древнеармянского и перевод А. Г. Галстяна. М., 1962*).

[9] Пети де-ла-Круа Франсуа (1653—1713). Французский переводчик и историк-ориенталист.

[10] Григорий Семенович Волконский (1742—1824). Князь, оренбургский военный губернатор (1803—1817 гг.). С 1817 г. член Государственного Совета.

Глава тринадцатая. ПРОСВЕЩЕНИЕ

[1] В дореволюционной литературе тюркоязычные народы именовались татарскими или турецко-татарскими, поэтому автор здесь казахский язык называет татарским.

[2] Тамги (по-каз. таңба). Не были заимствованы казахами у монголов, как пишет А. И. Левшин, они существовали с глубокой древности у всех кочевых племен Евразии и Северной Африки.

[3] Моисей. Мифический библейский вождь и законодатель древних евреев, автор "Ветхого завета" (Пятикнижия); Давид. Второй царь древнего Израиля, основатель династии, считается автором сборника "Псалмов", особо почитаемых у христиан и евреев. У мусульман первый известен как Муса, второй — Даут; Гомер — легендар-

ный древнегреческий поэт, которому приписывается создание величайших произведений античной и мировой литературы “Илиады” и “Одиссеи”; Полибий (ок. 200 — ок. 120 гг. до н. э.) — древнегреческий историк, автор “Истории” в 40 кн., от которых сохранились полностью лишь первые пять книг. Эта работа представляет собой фактически первую попытку изложения “всеобщей” истории Греции, Македонии, Малой Азии, Сирии, Египта, Карфагена и Рима в их взаимной связи, описываются события 220—146 гг. до н. э.; Платон (428 или 427—348 или 347 гг. до н. э.). Древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа, сочинения Платона включают 34 диалога, “Апологию Сократа” и 13 писем. В его произведениях рассматриваются проблемы этики, политики, психологии, педагогики, натурфилософии и теории познания; Аристотель. См. коммент. 17, разд. II. Ч. I.

[4] Ввиду непродолжительного пребывания в Оренбургском крае, А. И. Левшин не смог достаточно глубоко изучить духовную культуру казахского народа. В связи с этим в его описании народного творчества казахов имеется ряд поверхностных суждений, базирующихся на европоцентристских представлениях о духовной жизни кочевых народов Востока. Казахский фольклор, поэзия, музыка имели древние корни, восходящие к эпохе их предков — тюрко-монгольских и древнеиранских племен. Казахские акыны, жырау, сказители, музыканты развили эти богатые традиции и, несмотря на отсутствие письменности, сохранили героический эпос (“Кобланды-батыр”, “Алпамыс”, “Ер-Таргын”, “Камбар-батыр” и др.), лиро-эпические поэмы — “Козы-Корпеш — Баян-Сулу”, “Кыз-Жибек” и др.; стихи, песни, инструментальную музыку Казтургана (XV в.), Асан Кайгы, Доспамбета (XVI в.), Бухар-жырау (1693—1787) и др. (см.: История казахской литературы. Т. 1. Алма-Ата, 1968).

[5] Кроме волшебных у казахов имелся также большой цикл бытовых сказок, сюжеты многих из них имеют общие корни с фольклором многих тюркоязычных, финно-угорских и других народов.

[6] Чибызга. Правильно сыбызгы.

[7] Балалайку русские заимствовали у тюрков, а не наоборот.

[8] Казахи называют его “шанқобыз”, и он широко распространен у народов Сибири, Центральной Азии.

[9] Джиды-каракчи. Правильно Жеті қарақшы, т. е. семь разбойников, семь воров.

[11] Плеяды казахи называют “үркер”, а не Архар.

Уркер производное от слова “үрку” — испугаться. По казахским преданиям, семь звезд, составляющих созвездие “Плеяды”, испугались семи разбойников (Большой Медведицы) и сбились в кучу, поэтому их и называли Уркер (см.: Абишев Х. Рассказы о небе. Алма-Ата, 1962 (на каз. яз.).

[12] Правильно по каз. “құс жолы”.

[13] У казахов существовало несколько вариантов календаря, в которых отдельные месяцы имели разные названия. Наибольшее распространение получили следующие названия месяцев: наурыз (март-апрель), көкек (апрель-май), мамыр (май-июнь), маусым (июнь-июль), шілде (июль-август), тамыз (август-сентябрь), қыркүйек (сентябрь-октябрь), қазан (октябрь-ноябрь), қараша (ноябрь-декабрь), желтоқсан (декабрь-январь), қаңтар (январь-февраль), ақпан (февраль-март). Этот вариант календаря узаконен с 1990 г. на территории Казахстана.

[14] Эгира. Прав. — Хиджра.

[15] Двенадцатилетний животный цикл счисления времени был распространен во всей Центральной и Юго-Восточной Азии и не был изобретением монголов.

[16] Абель Ремюза (1788—1832). Французский ориенталист, профессор Парижского университета, автор ряда работ по истории и филологии народов Дальнего Востока, Центральной Азии и Сибири.

[17] Названия годов искажены. Приводим правильные названия на казахском языке: 1 год — тышқан; 2 — сиыр; 3 — барыс (у А. И. Левшина — джулбарс (тигр), барс — барыс; 4 — қоян; 5 — ұлу (по-каз. улитка, а не дракон. Дракон по-каз. айдахар, или аждаха); 6 — жылан; 7 — жылқы; 8 — қой; 9 — мешін; 10 — тауық; 11 — ит; 12 — доңыз. (Подробнее о народных календарях, в частности о казахском, см.: Исаков М. Халық календары. Алматы, 1980).

[18] Правильно — шақырым.

Глава четырнадцатая. ОБРАЗ УПРАВЛЕНИЯ И ЗАКОНЫ

[1] Т. С. Бурнашев. См. коммент. 35, разд. I. Ч. I.

[2] Аблай-хан. См. коммент. 24, гл. 4. Ч. II.

[3] Арынгазы-султан. См. коммент. 88, гл. 5. Ч. II.

[4] Юнусходжа. См. коммент. 26, гл. 4. Ч. II.

[5] Би. Влиятельные родоначальники, пользовавшиеся наследственными правами, осуществляли преимущественно судебные функции в казахском обществе. В социальной иерархии стояли на втором месте после султанов.

[6] Солон (между 640 и 635 — ок. 559 г. до н. э.). Крупный политический деятель и социальный реформатор Афин. Имя Солона было очень популярно в Древней Греции, его причисляли к “семи мудрецам”; Ликург (нач. IV в. до н. э. — 324 г. до н. э.). Видный государственный деятель древних Афин, выдающийся оратор.

[7] Норманны. Название, под которым в Западной Европе были известны народы Скандинавии в период их широкой экспансии в конце VIII — сер. XI в. В самой Скандинавии участников военных походов в страны Европы называли викингами, на Руси они были известны под названием варягов.

[8] Август Людвиг Шлецер (1735—1809 гг.). Немецкий историк, публицист и статистик. По приглашению Г. Ф. Миллера (см. коммент. 53, разд. I. Ч. I) в 1761—1767 гг. работал в России, изучал древнерусские летописи. Написал ряд работ по русской истории. Главный его труд “Нестор. Русские летописи на древнерусском языке, сличенные, переведенные и объясненные” (Геттинген, 1802—1809, рус. изд., Спб., 1809—1819. Т. 1—5. Ч. 1—3).

[9] Нестор. Монах Киево-Печерского монастыря (с 70-х гг. XI в.), древнерусский историк и публицист. По мнению многих исследователей, Нестор был составителем крупнейшего произведения древнерусской исторической мысли “Повести временных лет”, возникшего ок. 1113 г.

[10] Владимир. Князь киевский, по данным “Повести временных лет”, примерно с 980 г., сын князя Святослава Игоревича.

[11] Иоганн Филипп Густав Эверс (1781—1830). Русский историк, член Петербургской Академии наук (1809). С 1810 г. возглавлял кафедру географии, статистики и истории России в Дерптском университете. В 1826 г. издал капитальный труд “Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung.” (рус. перев. Спб., 1835), в котором попытался проанализировать “Русскую правду” в связи с политической и экономической историей России.

[12] Франки, аллеманы, лангобарды. Древнегерманские племена, населявшие территорию Западной Европы.

[13] Надир-шах. См. коммент. 21, гл. 5. Ч. II.

[1] Здесь под домоводством имеется в виду хозяйство казахов.

[2] Ж. А. Бюффон. См. коммент. 22, разд. II. Ч. I.

[3] Это утверждение А. И. Левшина не вполне справедливо — казахи, как и их предки, всегда имели определенное поголовье крупного рогатого скота. Так, Рузбихан сообщает, что в XVI в. узбеки напали на казахов и захватили богатую добычу и много скота, в том числе и коров. Часть коров действительно была захвачена у каракалпаков и калмыков (подробнее см.: Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Алма-Ата, 1980).

[4] Эта схема в настоящее время в науке пересмотрена. Не у всех народов переход от собирательства и охоты к земледелию пролегал через скотоводство. Так, в поймах крупных рек, в предгорной полосе переход к земледелию происходил непосредственно от собирательства, охоты, рыболовства к земледелию. То же происходило в тропиках, где собирательство, охота сосуществовали с примитивными формами земледелия. В средней полосе, в частности в зоне евразийских степей, существовало комплексное хозяйство — скотоводство в сочетании с поливным земледелием, из которого скотоводство выделилось в начале в форме полукочевого, а затем и кочевого в самостоятельную отрасль хозяйства, земледелие стало подсобным временным занятием, для лишившихся скота в силу разных причин скотоводов. В бассейне среднего и нижнего течения Сырдарьи и в Юго-Восточном Казахстане, несмотря на упадок орошаемого земледелия после монгольского нашествия, оно продолжало существовать в районах городов Туркестана, Сайрама и др. Занималась земледелием и определенная часть казахов этих регионов.

[5] Этот вывод объясняется недостаточным знанием автора истории развития земледелия у казахов. Более поздние русские исследователи, например, Л. Ф. Костенко, отмечали, что земледельцы среди казахов существовали издавна. Это положение было подтверждено исследованиями советских археологов и этнологов. Следует отметить, что земледелие у казахов развивалось в тесном взаимодействии с земледельческим хозяйством соседних народов — каракалпаков, узбеков (см.: *Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданствен-

ности. Спб., 1870; Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX вв. Алма-Ата, 1980).

[6] Это поливное устройство называется чигирь, по-каз. “шыгыр”.

[7] Многие роды казахов, населяющие ныне берега Сырдарьи, являются автохтонами данного региона (см., например: *Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968).

[8] Это приспособление именуется по-русски ручными черпаками, по-казахски “атпа”.

[9] Соха по-казахски “жерағаш”.

[10] Заступы А. И. Левшина — кетмени, по-каз. “кетпен”.

[11] Эти своеобразные “бороны” из ветвей колючих кустарников, по-каз. назывались “уал”.

[12] Казахи отлавливали птенцов беркутов и в горах, расположенных на обширной территории Казахстана.

Глава шестнадцатая. РУКОДЕЛИЯ И ИСКУССТВА

[1] Турсук. По-каз. — торсык, мяш — правильно мес.

[2] Эти изделия изготовлялись не из камыша, а из стеблей чия, которые переплетались шерстяными разноцветными нитями и назывались они “шымши”.

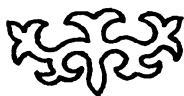
Глава семнадцатая. ТОРГОВЛЯ

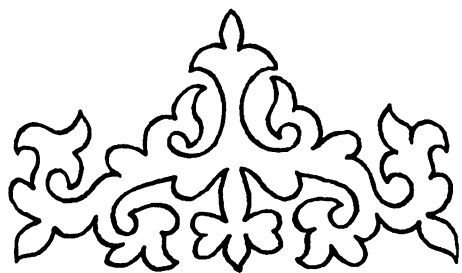
[1] Уральское казачье войско. Часть казачества, размещавшаяся по среднему и нижнему течению реки Урал (центр Яицкий городок, Уральск). Заселение этого района началось в конце XVI в. В начале XVII в. яицкие казаки уже признавали себя служивыми людьми Русского государства, но сохраняли значительную автономию. С 1734 г. на Урале создается Нижнеяицкая линия, оборона которой от набегов кочевников поручалась яицким казакам. Активное участие казаков в крестьянской войне под предводительством Пугачева привело к ликвидации остатков их самостоятельности. С 1782 г. Уральское войско управлялось то астраханским, то оренбургским генерал-губернатором. С 1868 г. по новому “Временному положению” оно подчинялось по гражданским делам общим местным органам, а в военных — генерал-губернатору вновь обра-

зованной Уральской области, который являлся также наказным атаманом.

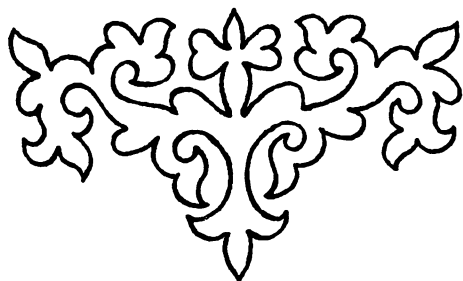
[2] Застава Коряковская. Ныне г. Павлодар.

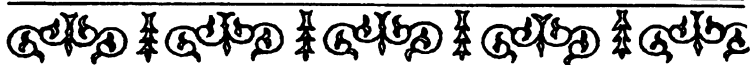
[3] Бухтарминская крепость. Основана в 1764 г. Являлась крайним пунктом внешней торговли России с восточными народами на сибирских линиях. 6 марта 1803 г. Сенат дал указание министерству “всячески распространять там (т. е. в Бухтарминской крепости) торг., поровнять сию таможенную с Оренбургской как привозом, так и отпуском и для того разрешить выпуск иностранной серебряной и золотой монеты”. Однако надежды правительства на превращение Бухтармы в основной пункт торговли с кочевниками в начале XIX в. не оправдались из-за отдаленности расположения этой крепости от населенных пунктов Томской губернии и Иртышской линии (см.: *Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986. С. 80-102).*





ПРИЛОЖЕНИЕ





ПОСЛЕСЛОВИЕ.

А. И. ЛЕВШИН И ЕГО ТРУД “ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ, ИЛИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ, ОРД И СТЕПЕЙ”



Левши́н Алексе́я Ираклиевича Левшина (1797—1879) — выдающегося русского ученого, литератора и государственного деятеля первой половины-середины XIX в. по праву занимает одно из видных мест в истории научной и общественной мысли дореволюционной России. Подобно многим другим ярким представителям Золотого века российской культуры, он обладал широким диапазоном творческих интересов и энергично стремился воплотить их в самых разных сферах интеллектуальной деятельности. Европейски эрудированный писатель и публицист, неутомимый путешественник, большой знаток классической литературы и “изящных” искусств, талантливый историк, этнограф, статистик, географ, искусствовед, экономист, редактор и видный организатор науки — А. И. Левшин оставил неизгладимый след своего глубокого и разностороннего интеллекта на многих важных событиях культурной жизни России предреформенной эпохи и уже в молодые годы приобрел широкую международную известность.

Самый первый и, без сомнения, самый крупный творческий успех ученого, определивший всю его последующую судьбу в науке и в немалой степени на государственном посту, непосредственно был связан с Казахстаном. Подготовленный и опубликованный А. И. Левшиным в 1832 г. фундаментальный труд о казахском народе единодушно был признан научной общественностью разных стран классическим произведением мировой востоковедческой литературы, которое по широте охвата научных проблем, богатству и оригинальности историко-этнографических сведений намного превзошло все исследования о казахах, написанные к тому времени. В этой

многоплановой работе в полной мере проявились обширные научные знания, исследовательский талант и блестящие литературные способности А. И. Левшина, а потому она не потеряла своего научного значения и интереса для читателей по сей день. Между тем сколько-нибудь подробная биография “Геродота казахского народа” до сих пор еще не написана, и многие обстоятельства его личной жизни, научной и общественной деятельности остаются неизвестны современным историкам и писателям.

Алексей Ираклиевич Левшин — выходец из старинного дворянского рода, известного в России еще с XIV в.¹ По генеалогической легенде Левшиных, их род восходит к уроженцу Швабии графу Суволу (Сцеволу) фон Левенштейну, принадлежавшему к одной из ветвей графов Кальвских. Во время очередных династических распрей в германских землях граф Сувол вынужден был покинуть родину, спасаясь от гонений папы Римского Урбана V (1362—1370) “за прилепление предков своих к цесарям швабского дому” и направился сначала в Ригу, а затем — Северо-Западную Русь².

По фамильным преданиям Левшиных, Сувол Левенштейнский прибыл в 1365 г. в сопровождении двенадцати преданных ему рыцарей к великому князю Дмитрию Донскому в Новгород, где через несколько дней на городском вече принял русское подданство и женился на новгородской боярышне Марии Васильевне (фамилия неизвестна). С этого времени он навсегда связал судьбу с Русским государством.

В Новгородской земле чужеземная фамилия швабского дворянина Левенштейн быстро получила новое звучание и стала произноситься по-русски Левштин, а по некоторым данным — Левша. За детьми и внуками графа Сувола уже прочно закрепилась фамилия Левшины, и под ней их

¹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году Спб., 1870. Ч. III. С. 24; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. Т. 1. Спб., 1895. С. 309—321; Лакиер А. Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 315.

² Общий гербовник. С. 24. Родословная книга благородных дворян Левшиных М., 1791. С. 2; Историческое сказание о выезде, военных подвигах и родословии благородных дворян Левшиных. М., 1812. С. 5—6. Основателем династии графов фон Левенштейн был Альбрехт фон Шенкенберг (ум. в 1304 г.), внебрачный сын германского короля и императора Священной Римской империи Рудольфа I Габсбурга (1273—1291) (см. *Grote, Hermann. Stammtafeln. Reprint der original Ausgabe von 1877, 6 Aufl. Leipzig. Zentralantiquariat der DDR, 1988. s. 462.*

семьи упоминались в новгородских писцовых и переписных книгах XV—XVI вв.³

В отличие от полуполюгендарного пращура Левшиных некоторые обстоятельства жизни и деятельности его потомков получили отражение в исторических документах⁴. В течение нескольких столетий представители разных поколений этого быстро разросшегося древа верой и правдой служили государству, участвовали в боевых кампаниях русских войск против поляков, шведов, турок, татар⁵, а белевский воевода Семен Семенович Левшин в 1536 г., защищая свой город от набега крымских татар, убил в сражении татарского царевича Ахмета, но потерял своего сына Данилу⁶. За проявленную смелость и мужество в защите государственных интересов страны Левшины неоднократно получали от русских царей вознаграждения в виде грамот, ценных подарков и земельных пожалований. В большинстве своем дальние и близкие сородичи А. И. Левшина были блестящие и преуспевающие офицеры русской армии. Их имения были разбросаны в Тульской, Екатеринославской, Курской, Харьковской, Московской, Орловской, Калужской, Воронежской и других губерниях России⁷.

В 1638 г. один из предков А. И. Левшина карповский воевода Яков Матвеевич Левшин за исправную службу получил от царя в наследственное владение поместье в деревне Хотин (ныне районный центр в Черновицкой области в 20 км от г. Каменец-Подольского), которое перешло затем к его детям и внукам, в том числе и к прадеду будущего историка надворному советнику Андриану Степановичу Левшину⁸.

Однако основное родовое имение Левшиных находилось в селе Пожилино недалеко от г. Ефремова Тульской губернии. Им владел “яко старший в роде” дед А. И.

³ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. С. 309; Родословная книга дворян. С. 2—3.

⁴ ЦГИАЛ, Ф. 1343, оп. 24, д. 1316; Перечень публикаций некоторых документов дан: Савелов А. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Изд. 2-е. Острогжск, 1898.

⁵ Родословная книга дворян. С. 3 и др.

⁶ Историческое сказание о выезде. С. 15—16; Присенко Г. П. Просветитель В. А. Левшин. Тула, 1990. С. 69.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 24, д. 1316. Историческое сказание о выезде. с. 7.

⁸ Там же, л. 4,4 об.

Левшина Алексей Андрианович Левшин. В молодости он служил в императорской лейбгвардии, но по состоянию здоровья был вынужден рано оставить военную службу и в чине прапорщика вышел в отставку. А. А. Левшин был женат на Пелагее Афанасьевне Беклемишевой, имел пятерых сыновей и двух дочерей⁹.

Отец будущего историка Ираклий Алексеевич Левшин (род. в 1772 г.) — третий сын Алексея Андриановича, — хотя и принадлежал к древнему московскому роду, но был небогатым мелкопоместным дворянином. По семейной традиции он связал свою судьбу с военной службой: во время войны со Швецией в 1788—1790 гг. служил лейтенантом на флоте под началом адмиралов Грейга и Круза, участвовал во многих сражениях и неоднократно был ранен. В возрасте 32 лет оставил военную службу, достигнув чина 7 класса. И. А. Левшин состоял в браке с дочерью советника коммерции В. В. Тулинова Сусанной Васильев-ной, от которой имел шесть детей (четыре сыновей и двух дочерей)¹⁰.

Старший сын надворного советника Алексей Ираклиевич Левшин родился в 1797 г. в Тульской губернии. Он был современником многих выдающихся деятелей российской культуры: А. С. Пушкина (1799—1837), историков А. О. Корниловича (1800—1834) и Н. А. Полевого (1796—1846), знаменитого живописца К. П. Брюллова (1799—1852) и других. Большая часть его детских лет была связана с Воронежем, где с 1801 г. Ираклий Алексеевич занимал должность президента местного ратсгауза, а после отставки в 1804 г. — тысячного начальника милиции Воронежского уезда (1807 г.)¹¹.

На первых порах становление интеллектуальных интересов и мировоззрения юного А. И. Левшина происходило в духовной атмосфере близких и дальних родственников,

⁹ Родословная книга. С. 89—91; Историческое сказание о выезде. С. 38.

¹⁰ Родословная книга. С. 89—91; Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. С. 316; Историческое сказание о выезде. С. 99—100.

¹¹ Историческое сказание о выезде. С. 99—100. Сообщение о 1797 г., как наиболее вероятной дате рождения А. И. Левшина, впервые высказано Л. А. Шейманом в рабочей памятке “К разысканиям, связанным с биографией и творчеством Алексея Ираклиевича Левшина, писателя, ученого, государственного деятеля” (машинопись. Фрунзе, 1964, л. 1). Та же дата указана у В. И. Чернопятова в “Дворянском сословии Тульской губернии” (Родословец, вып. III. М., 1909) и у Н. А. Милонова в кн. “Русские писатели и Тульский край”. Тула, 1971. С. 199.

которые не оставались в стороне от прогрессивных веяний эпохи, затронувших культурный мир провинциального русского дворянства. Новые просветительские идеи, настроения, вкусы, образы и понятия вслед за столицами на рубеже XVIII—XIX вв. распространились на провинцию, вовлекая в свою орбиту все более широкий круг провинциального общества. В Тульской губернии ярким представителем этого течения был один из родственников А. И. Левшина — видный деятель российской культуры и просвещения Василий Алексеевич Левшин (1746—1826)¹². Всю свою жизнь, за исключением восьми лет армейской службы, он провел в родовом имении селе Темряни Белевского уезда, расположенного недалеко от Пожилино (Ефремовский уезд)¹³.

В. А. Левшин сыграл выдающуюся роль в истории русского просветительства, так как органично сочетал в себе новый тип мышления с активной жизненной позицией и “смог стать с веком наравне”. Достижения его в области литературы, драматургии, сельского хозяйства имели широкий общественный резонанс и сделали известным его имя всей русской читающей публике того времени. Имя В. А. Левшина — литератора, автора знаменитых “Русских сказок” стоит в одном ряду с именами Н. И. Новикова, М. Д. Чулкова, Н. Г. Курганова, Ф. А. Эмина¹⁴. Таких людей в русской провинции начала XIX в. было не слишком много, поэтому его роль в формировании духовного облика юного А. И. Левшина поистине неопределима.

Родители А. И. Левшина стремились дать старшему сыну хорошее образование, стараясь учесть при этом его собственные интересы и требования времени. По некоторым данным, Алексей Ираклиевич успешно закончил Воронежскую гимназию, а затем поступил в Харьковский университет¹⁵.

В студенческие годы у него рано пробудился интерес к философии, которая преподавалась в Харьковском университете в духе модного тогда шеллингизма. Этот интерес сочетался с увлечением древней и новой историей, этнографией, классической эстетикой и литерату-

¹² Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. С. 191.

¹³ Присенко Г. П. Просветитель В. А. Левшин. С. 7.

¹⁴ Там же. С. 86.

¹⁵ Вишневецкая В. А. И. Левшин — исследователь Казахстана // Братство народов, братство культур. Алма-Ата, 1985. С. 10.

рой. Немалую роль в развитии разносторонних интересов молодого Левшина сыграло то обстоятельство, что среди его преподавателей были видные ученые и педагоги своего времени — доктор философии Иенского университета, последователь Ф. В. Шеллинга И. Б. Щад (1758—1831), профессор Марбургского университета, классик и приверженец эстетических подходов к истории древнего мира Х. Ф. Роммель (1781—1859), историк русского права, профессор И. Ф. Тимковский (1773—1853), специалист по римскому праву, профессор Ф. К. Швейкарт (1780—1857)¹⁶. Эти ученые оказали большое влияние на формирование интеллектуального кругозора и нравственного облика студентов Харьковского университета, способствовали пробуждению у многих из них стремления к научным исследованиям.

Несмотря на гонения, которым периодически подвергалась прогрессивная профессура университетов России во втором десятилетии XIX в., среди преподавателей Харьковского университета еще сильны были реформаторские настроения, во многом связанные с личностью его основателя В. Н. Каразина. Наиболее ярко передовые социальные идеи проявлялись в курсе лекций по истории русского права одного из лучших профессоров университета Ильи Федоровича Тимковского (1805—1816), который в 1816 г. был уволен с кафедры за прогрессивные убеждения¹⁷.

Многие общественно-политические идеалы своих наставников с воодушевлением воспринял и молодой А. И. Левшин. Сразу же после окончания университета он заказал себе печать со своим вензелем и республиканским изречением по латыни: “Любовь сограждан — моя награда”. В условиях того времени подобный жест мог быть воспринят русским обществом как вызов существующему режиму и свидетельство вполне определенной направленности общественно-политических взглядов. Не случайно один из приятелей А. И. Левшина посоветовал ему убрать

¹⁶ Багaley Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1906. С. 48—50, 70; Багaley Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Т. 1. Харьков, 1893—1898; Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 26, 31, 32, 39.

¹⁷ Багaley Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета. С. 49, 70; Харьковский государственный университет. С. 32.

эту печать и поменьше высказывать свое “удивление древнему Риму”¹⁸.

Одновременно с юношеским скепсисом по отношению к современной ему действительности к Левшину пришло понимание того, что существование крепостного права является основным источником несовершенства общественных отношений, а, следовательно, “освобождение крестьян есть первый и последний шаг ко всем улучшениям”. Много лет спустя он писал в своих мемуарах, что “носил в себе это убеждение с университетской скамьи и так был им полон, что в 1828 году провозгласил тост за освобождение крестьян”¹⁹.

В атмосфере общей увлеченности историей и литературой А. И. Левшин предпринял в студенческие годы первый опыт самостоятельных научных изысканий. В 1816 г. он подготовил и издал в типографии Харьковского университета небольшую книгу “Письма из Малороссии”, которая, по отзывам некоторых дореволюционных специалистов, “представляла для своего времени значительный литературный интерес”²⁰.

В этой ранней работе Левшин использовал широко распространенный в то время эпистолярный жанр, который в наибольшей мере соответствовал универсально-энциклопедическому типу мышления эпохи Просвещения. Преобладание в нем метафизического метода определяло тот факт, что повествование в форме путешествий или писем представляло собой мозаичное соединение разнообразных сведений по географии, истории, этнографии, политике, антропологии и “естественной истории”²¹. В этом отношении первая работа А. И. Левшина была истинным продуктом своей эпохи, отмеченной специфическим для нее способом формирования представлений о положении человека в окружающем его мире.

Однако уже в этом раннем произведении А. И. Левшин обнаружил большую эрудицию, наблюдательность и способность к дискурсивному мышлению, которое впоследствии станет одной из наиболее сильных сторон его

¹⁸ Голос № 120. 1(13) мая 1868 г.

¹⁹ Левшин А. И. Достопамятные минуты моей жизни // Русский архив. 1885. № 8. С. 475—477.

²⁰ Багалея Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории... С. 94.

²¹ Болдырев А. И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1986. С. 10—11.

исследовательской деятельности как профессионального историка. На страницах “Писем” личные впечатления автора о древних памятниках Украины и этнографические зарисовки местного населения сопровождаются ретроспективными экскурсами в далекое и сравнительно недавнее прошлое украинского народа, а также философскими размышлениями о феномене человека и проявлении общечеловеческих ценностей в нравах, традициях, праве и искусстве отдельных народов.

Социально-философские воззрения юного А. И. Левшина, изложенные в этой работе, несут на себе ощутимую печать мировоззренческих систем французских просветителей Ф. М. Вольтера, Ж. Л. Д’Аламбера, Ш. Л. Монтескье и Ж. Ж. Руссо, оказавших огромное влияние на утверждение нового типа ментальности в русской дворянской культуре.

В своих представлениях об обществе А. И. Левшин исходил из основополагающей идеи просветителей о вечности и неизменности природы человека, изначально заданной ему на все времена²². Социализированный индивид А. И. Левшина — эта еще не исторический субъект в многообразии его исторических проявлений, а надвременная абстракция такого, абстрактный человек “естественного права”. В исторических воззрениях А. И. Левшина раннего периода творчества преобладали механицизм, сводивший все многообразие общественных связей к каузальной зависимости, и детерминизм, вылившийся в исследовательской практике в господство случайностей. Причина и следствие были в нем настолько взаимосвязаны, что одно следовало с неотвратимостью из другого.

Исторический процесс в видении молодого А. И. Левшина был детермирован географическими и общественными условиями жизни людей. И те, и другие оказывают непосредственное влияние на обычаи и нравы, институты и законы — все они складываются объективно, с естественной необходимостью. Принцип естественного закона проявляется в мире человека в том, что “образ правления, воспитание, климат и местоположение, сильно действуя на природу человеческую, производят различия, как в нравственном, так и в чувственном ее состоянии. Отсюда происходит разнообразие

²² Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816, С. 65.

в вере, нравах, образе жизни и обрядах людей — разнообразие, замеченное у всех народов во всех веках”²³. В этой связи А. И. Левшин видел свою основную задачу в том, чтобы на опыте отдельных “многочисленнейших” народов исследовать природу “человека вообще”, то есть того сущего, что может быть подвергнуто эмпирическому изучению и рациональному объяснению²⁴. Перед нами наглядный пример проецирования на этнологию моральной проблемы, которая появляется на этом уровне мышления в качестве объектно-сущей модели интерпретации человеком своей субъективности, опосредованной верой в тождество природы и человеческого разума. В истории А. И. Левшин более всего ценил общие принципы, или так называемый естественный закон, который проявляется в обществе прежде всего как моральный закон. Не случайно поэтому для его представлений о предметной области историографии была характерна морально-прагматическая детерминация исторического знания.

В 1816 г. А. И. Левшин блестяще завершил свое образование в Харьковском университете со степенью магистра по отделению гуманитарных наук²⁵. Магистерский диплом открывал ему дорогу в самые престижные государственные учреждения страны.

Благодаря ученой степени и личным связям, А. И. Левшин весной 1818 г. поступил на службу в Коллегию иностранных дел. После реорганизации внешнеполитического ведомства и создания Азиатского департамента Министерства иностранных дел молодой чиновник был переведен в штат его сотрудников и определен в помощь В. Ф.Тимковскому, выполнявшему ответственные поручения по линии среднеазиатской политики правительства²⁶. Это назначение положило начало знакомству А. И. Левшина с историей народов среднеазиатского Востока, в том числе казахских степей. Позднее он писал об этом начальном этапе изучения казахов: “Первые понятия мои о сем народе почерпнуты из архива Азиатского

²³ Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 57.

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 63—64; Багалея Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории. С. 53.

²⁶ Там же; АВПР, ф. ДЛС и Х. Д., оп. 464, г. 1819—1825, д. 1986, л. 1—2.

департамента Министерства иностранных дел в течение 1819 и 1820 годов”²⁷.

Помимо постоянной работы с архивными материалами департамента, А. И. Левшину приходилось иногда выполнять и специальные поручения начальства. Так, по указанию министра иностранных дел, в 1820 г. он подготовил французский перевод таможенного устава для европейских губерний и был удостоен за этот труд личной награды императора Александра I, пожаловавшего своему подданному бриллиантовый перстень²⁸.

Широкий кругозор, большое трудолюбие и отличная общеобразовательная подготовка А. И. Левшина довольно скоро сделали его заметным среди других молодых чиновников в Министерстве иностранных дел. В официальных донесениях царю глава департамента К. К. Родофиникин оценивал своего подчиненного как “способного” и “прилежного” молодого человека, “ревностно” относившегося к служебным обязанностям на государственном посту²⁹.

Вместе с тем двухлетний опыт работы в престижном дипломатическом ведомстве страны содействовал не только расширению специальных знаний и интересов А. И. Левшина, но и значительно усилил его влечение к науке и прежде всего к историческим исследованиям. Под впечатлением обильной информации архивных источников и творческого общения с просвещенными людьми у А. И. Левшина возникает огромный интерес к казахскому народу.

По своей когнитивной предопределенности этот интерес был гораздо глубже, серьезнее и сильнее, чем традиционное для того времени увлечение в дворянской среде восточной экзотикой, и находился в одной логической цепи с ранее появившимися в “Письмах из Малороссии” этнографическими сюжетами об украинцах. Спонтанная, на первый взгляд, увлеченность А. И. Левшина историей казахов в действительности органично вписывалась в систему его гуманитарных ценностей и познавательных ориентиров, проистекавших из просветительского типа его мировоззрения.

²⁷ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. I. Спб., 1832. С.4.

²⁸ АВПР, ф. ДЛС и ХД. оп. 464, г. 1819—1825, д. 1986, л. 4 об.

²⁹ АВПР, ф. ГА II-25, оп. 70, гт. 1786—1842, д. 1, ч. II, л. 257, 261.

Известные нам материалы убеждают в том, что еще в юном возрасте А. И. Левшин испытал на себе, подобно многим представителям своего поколения, сильный импульс социологии и этики Ж. Ж. Руссо. Это влияние великого ума оказалось настолько глубоким и многосторонним, что даже в более зрелом возрасте, когда А. И. Левшин пришел эмпирическим путем к пониманию иллюзорности некоторых теоретических положений французского философа, он остался верен моралистической парадигме гносеологии Ж. Ж. Руссо и изначально обозначенным в ней принципам научного познания и преобразования действительности. Вместе с убеждением во вторичности общества по отношению к индивиду, его интересам, воли и разуму А. И. Левшин воспринял из учения Ж. Ж. Руссо утопическую теорию “естественного состояния”, которая позволяла исследователям, мыслящим “философски”, строить свои обобщения, привлекая материал неевропейских цивилизаций разных исторических эпох. Призыв женеvского философа искать объяснение утраченной гражданским обществом гармонии вечного разума с законами природы в “подлинных потребностях” и в “естественных способностях” человека³⁰ предполагал, прежде всего, установление конкретных фактов, заслуживающих внимания историка. В практике научно-исследовательской работы это приводило последователей Ж. Ж. Руссо к пониманию предмета истории как обширного свода извлеченных из прошлого нравственных примеров, то есть своего рода иллюстрации к вечным моральным истинам и универсальным законам.

В духе этой историографической традиции А. И. Левшин составил свое представление о цели исследования истории казахского народа, рассматривая ее в качестве важнейшей области приложения интеллектуальных сил. Изучение казахов имело смысл в его глазах не только для познания самого этого народа, но и в немалой степени для наполнения конкретным содержанием абстрактной схемы “естественного человека”, которую историк может лучше всего раскрыть на примере малоизвестных кочевых народов, живущих в определенной географической среде, в определенных экономических условиях и в определенных взаимоотношениях с внешним миром. Именно такое пони-

³⁰ Руссо Ж. Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Ж. Ж. Руссо. Тракаты. М., 1969. С. 44.

вание роли кочевников в познании мировой истории отчетливо присутствует в самой ранней работе А. И. Левшина о казахах, написанной в 1820 г. Это была первая и, вместе с тем, единственная попытка исследователя построить этнографическое описание казахского народа по канонам романтической историографии³¹. Все то увиденное, что не соответствовало требованиям “высшего разума” и “подлинной” природе человека, заслуживало со стороны автора порицания или скепсиса, а, напротив, замеченные им способности и добродетели казахов, по аналогии с известным образом, одобрение, восхищение и хвалу человеческому духу.

В дальнейшем на основе обобщения данных полевых исследований кочевников евразийских степей ученый смог убедиться в несостоятельности концепции “естественного состояния” и уже с большой долей иронии отзывался о попытках руссоистской реконструкции истории. На рубеже 20—30-х гг. проблема “естественного человека” по-прежнему оставалась в центре внимания автора “Описания киргиз-казачьих орд”, однако, давнее почтение и почти религиозный трепет перед ней сменились рассудочностью скептика при обращении к истории. Прошлое и настоящее казахского народа служило теперь для А. И. Левшина весомым аргументом опровержения этой изжившей себя умозрительной модели социума, которая сплошь и рядом мешала исследователям рассмотреть внутренний смысл разных эпох, не говоря уже о движущих силах самой истории.

Новая тенденция еще не была освобождена от морально-прагматических принципов и метафизического метода в историографии, но уже опиралась на критическое отношение к историческому материалу. История казахов как научное занятие, сохраняла для А. И. Левшина смысл только при наличии глубокой веры в то, что из нее можно почерпнуть новую ценную информацию о природе человека, естественном законе и общественных нравах. В предисловии к своему монографическому труду он следующим образом определил эту задачу: “Я старался сделать сочинение мое, сколько возможность позволяла, удовлетворительным для людей, ищущих в истории малоизвестных

³¹ Левшин А. И. Свидание с ханом Меньшей киргизской орды // Вестник Европы, 1820. Ч. 114. С. 129—139; О ней см.: Шейман Л. А. Пушкин за чтением литературы о народах Востока // РЯКШ, 1964. № 4. С. 27—28.

народов предметов для нравственных наблюдений, равно, как и для чиновников, кои подобно мне... будут находиться в сношениях с народом киргиз-казацким”³².

На формирование творческих интересов и мировоззрения А. И. Левшина в эти годы большое влияние оказал круг его общения, включавший сослуживцев по Министерству иностранных дел и столичных знакомых.

В Петербурге А. И. Левшин познакомился с историком-декабристом А. О. Корниловичем, имевшим к тому времени уже определенную известность в научных кругах. По всей вероятности, начало творческим контактам двух молодых людей было положено в стенах архива Азиатского департамента МИД, где они оба проводили большую часть своего служебного времени. В письме к дяде С. И. Корниловичу от 10 июля 1823 г. Александр Осипович Корнилович называет А. И. Левшина “своим другом и искренним приятелем”, что указывает на существование достаточно близких взаимоотношений между ними³³. Имеющиеся материалы позволяют также говорить о возможных встречах в столице будущего историка с А. С. Пушкиным, который почти одновременно с ним поступил на службу в Коллегию иностранных дел (1818 г.)³⁴. К сожалению, конкретные обстоятельства этого эпизода из биографии ученого историка пока не известны.

Без сомнения, самым важным событием в жизни А. И. Левшина этого периода следует считать его знакомство, а в дальнейшем плодотворное сотрудничество с Василием Федоровичем Тимковским (1781—1832) — одним из создателей Азиатского департамента МИД и в первое время руководителем обоих его отделений.

Впечатлявший современников феномен яркой и самобытной личности В. Ф. Тимковского занимает особое место в творчестве будущего историка раннего периода его исследовательской деятельности, что дало основание известному советскому литературоведу Л. А. Шейману писать относительно его влияния на молодого А. И. Левшина о “следах мощного излучения фигуры исключительного масштаба”. Всесторонне оценивая в данном контексте жизнь и деятельность Василия Федоровича Тимковского, исследователь подчеркнул, что даже личные враги этого выда-

³² Левшин А. И. Описание киргиз-казацких орд и степей. Ч. I. С. 9.

³³ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.-Л., 1957. С. 252.

³⁴ Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963. С. 22.

ющего человека, подобно желчному завистнику и недоброжелателю Ф. Ф. Вигелю, признавали за ним “ум и способности необыкновенные”, а друзья считали его гениальным³⁵. Имеющиеся в архивах страны документы о В. Ф. Тимковском, как и собственные его сочинения, в целом подтверждают эту оценку.

По общему признанию современников, Василий Федорович был самым талантливым из шести братьев Тимковских — сыновей обедневшего черниговского дворянина Федора Назарьевича Тимковского. Среди людей своего поколения он был известен как участник Отечественной войны и соавтор патриотических манифестов 1812 г., энергичный и компетентный правитель канцелярии при полномочном наместнике Бессарабской области (1816—1818 гг.), опытный администратор и дипломат³⁶. Отдавая должное огромной работоспособности и деловым качествам своего подчиненного, директор Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникин сообщал в 1820 г. в одной из докладных записок царю, что служебная деятельность В. Ф. Тимковского “всегда обращала на себя особенное внимание начальства... по отличным его познаниям, способностям и усердию”³⁷.

Ко времени создания Азиатского департамента МИД будущий начальник А. И. Левшина имел репутацию эрудированного и чрезвычайно одаренного человека, талантливого публициста, известного своей приверженностью к наукам, в особенности к истории. По авторитетному утверждению видного деятеля украинской культуры и просвещения XIX в. М. А. Максимовича, “сила пера его нередко уравнивалась с силою его увлекательного изустного слова”, в котором он “не знал ему равного”³⁸.

Но не только острый ум и высочайшая образованность В. Ф. Тимковского привлекали к нему молодого А. И. Левшина. Отличительными чертами этого государственного

³⁵ Шейман Л. А. Василий Тимковский и его путешествие по Лужице // “Letopis” — Т. 30/1. Bautzen. 1983. С. 12.

³⁶ Шейман Л. А. Василий Тимковский и его путешествие в Лужице. С. 12; Он же; К полемике вокруг путевого дневника В. Ф. Тимковского. // “Letopis”, В. 1987. Т. 34. С. 100—107; Он же. Аудиенция или допрос? О двух встречах Николая I после 14 декабря // РЯЛКШ, 1987. № 1. С. 37—49; Лаптева Л. П. Русский путешественник о лужицких сербах начала XIX в. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 86—92.

³⁷ АВПР, ф. ГА II-25, оп. 70, гт. 1786—1842, д. 1, Ч. 2. л. 257.

³⁸ Максимович М. А. Воспоминания о Тимковских с предисловием Н. Шугурова // Киевская старина. 1898. Т. 63. № 11. С. 269—270.

человека, составлявшими его притягательную силу для многих людей, современники считали самостоятельность суждений, прямой и независимый характер, личную смелость и преданность гуманистическим идеалам. В этой связи лучший биограф В. Ф. Тимковского историк и литературовед Л. А. Шейман писал о нем: "Василия Федоровича Тимковского именовали в отличие от его однофамильца "Тимковского-цензора"³⁹, "Тимковским-Катоном" в честь прославленного Катона Младшего или Утического, любимца Радищева и декабристов"⁴⁰.

В январе 1826 г. имя Тимковского даже появляется в делах следственной комиссии по делу декабристов, а П. И. Пестель, С. Г. Волконский и А. П. Юшневский в своих показаниях называют его как возможного деятеля тайного общества, существовавшего, по их словам, на Кавказе⁴¹. Нам неизвестны какие-либо конкретные факты, свидетельствующие об участии Василия Федоровича в оппозиционной деятельности, но принципиальная близость его идейных убеждений политическим программам деятелей тайных обществ подтверждается множеством документов и мемуарных свидетельств, и сомнений не вызывает⁴².

В 1821 г. после возвращения из Оренбурга в столицу В. Ф. Тимковский подготовил и направил в Азиатский департамент МИД пространную записку под названием "О нынешнем состоянии Оренбургской пограничной комиссии и о положении Меньшей Киргизской орды"⁴³. Это сочинение можно без преувеличения считать лучшим программным документом по национальному вопросу эпохи

³⁹ Имеется в виду Иван Осипович Тимковский (1768—1837) — петербургский цензор (1804—1821).

⁴⁰ Шейман Л. А. Аудиенция или допрос. С. 37—38.

⁴¹ Восстание декабристов. Т. IV. М; Л., 1927. С. 82, 98—99, 117—118; Т. XI, М; Л., 1954. С. 366—376; Шейман Л. А. Аудиенция или допрос. С. 38; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 174.

⁴² Сравнительный анализ общественно-политических взглядов В. Ф. Тимковского и видных идеологов декабризма дан: Шейман Л. А. Василий Тимковский и его путешествие по Лужице. С. 12—21; Он же. Василий Тимковский, декабристы, Пушкин... Вокруг записок о Киргизской орде // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1969. Вып. 2. С. 126—194.

⁴³ ЦГАИЛ, ф. 1291, оп. 81, д. 73, л. 83—105; Впервые этот документ был обнаружен и исследован Л. А. Шейманом, обратившим особое внимание на его политический радикализм и оригинальность подхода к национальному вопросу.

декабризма⁴⁴. Главная идея его заключалась в установлении дружественных и равноправных взаимоотношений России с казахским народом на основе предоставления ему права на политическое самоопределение, что неизбежно, по логике составителя документа, приведет казахов к добровольному союзу с русским народом и другими народами страны. Автор записки проявил себя убежденным сторонником гуманизации русско-казахских отношений. Для этой цели он считал необходимым “собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии сего кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства и сходно с ними принимать благоразумные и твердые меры к его устройению, и, так сказать, воспитывая оный и, приготовляя к новому бытию политическому, вести постоянно к высшему образованию”⁴⁵.

Такой масштабный конструктивный подход к определению роли и задач российской администрации в новоприобретенном крае был близок ценностным ориентирам молодого А. И. Левшина и побудил его последовать за своим идейным наставником в Оренбург. Отсюда позже проистекали стремление Алексея Ираклиевича глубоко изучить все доступные материалы о казахах в местных архивах, а затем — серия проблемных статей и фундаментальный трехтомный труд, специально посвященный казахскому народу.

В течение нескольких лет А. И. Левшин имел возможность в полной мере ощутить на себе всю силу обаяния личности В. Ф. Тимковского. Пятьдесят лет спустя, вспоминая на устроенном в его (А. Левшина) честь торжестве своего первого начальника, юбиляр акцентировал внимание присутствовавших на той важной роли, которую было суждено сыграть этому замечательному человеку в его личной жизни и творческой судьбе. А. И. Левшин говорил тогда, что В. Ф. Тимковский “пленил” его “светлым умом, прямою душой, сведениями и бойким пером,

⁴⁴ Для сравнения см. “Русская правда” П. И. Пестеля в кн.: “Восстание декабристов”. Т. 7. М., 1958. Показания Г. С. Батенькова в кн.: “Избранные социально-политические и философские произведения декабристов”. Т. 1. М., 1951, С. 175. Подробное изложение взглядов Тимковского по национальному вопросу см. в указанных публикациях Л. А. Шеймана и в исследовании кишиневского историка Оганян Л. Н. “Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в.” Ч. 1. Кишинев, Штиница, 1974. С. 85—86.

⁴⁵ ЦГИАЛ. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 36—36 об.

а потому в 1820 году он вместе с ним отправился в Оренбург в качестве его помощника по сношению с киргиз-казацкими ордами”⁴⁶.

С этого времени начинается новый, очень важный этап в служебной и творческой биографии А. И. Левшина, положивший начало его карьере профессионального историка и государственного деятеля.

В июле 1820 г. для исполнения официального рескрипта царя небольшая дипломатическая миссия в составе В. Ф. Тимковского, А. И. Левшина, П. Д. Черкасского и П. А. Корсакова отправилась в административный центр обширного Оренбургского края⁴⁷. Задачи миссии были четко определены в специальной инструкции МИД, в которой “особенному вниманию и попечению” В. Ф. Тимковского и его сотрудников “поручались” вопросы, касающиеся совершенствования местного судопроизводства, создания благоприятных условий для развития внешней торговли по оренбургской линии со странами Востока и улучшения политических взаимоотношений с казахами и народами сопредельных государств. Руководство деятельностью Оренбургской комиссии было возложено на В. Ф. Тимковского, который, по положениям инструкции, должен был действовать в тесном контакте с военным губернатором края П. К. Эссенем⁴⁸. Специальным рескриптом царя, адресованным на имя министра финансов графа Д. А. Гурьева, А. И. Левшин и его товарищ по Азиатскому департаменту князь П. Д. Черкасский назначались в помощь В. Ф. Тимковскому “для письмоводства”⁴⁹.

В знак своего особого расположения к сотрудникам дипломатической миссии и возлагаемых на них больших надежд Александр I издал специальный указ о повышении в чинах В. Ф. Тимковского и А. И. Левшина. В нем говорилось: “По уважению отличных познаний и ревностных трудов первого, равномерно особенного прилежания и способностей — второго, — всемилостивейше жалую Тимковского в статские советники и Левшина в коллежские ассессоры”⁵⁰. Отправляясь в далекий Оренбург, А. И. Лев-

⁴⁶ На память юбилея А. И. Левшина. Спб., 1868. С. 29.

⁴⁷ АВГР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, гт. 1819—1825, д. 1986, л. 1—2; На память юбилея А. И. Левшина. С. 29.

⁴⁸ АВГР, ф. ГА II-25, оп. 70, гт. 1786—1842, д. 1, ч. 2, л. 245—154.

⁴⁹ Там же, л. 256—261.

⁵⁰ Там же, л. 261.

шин увозил с собой на новое место службы много творческих планов и честолюбивых стремлений, надеясь обрести там желанный простор для плодотворной государственной и научной деятельности.

Однако первые же встречи сотрудников дипломатической миссии со служащими административного аппарата Оренбургского края быстро рассеяли у них многие романтические иллюзии. Глазам столичных чиновников представала удручающая картина откровенного произвола, некомпетентности и служебных злоупотреблений местных должностных лиц. Конкретное представление о ней можно составить на основании первого донесения В. Ф. Тимковского из Оренбурга в Азиатский департамент МИД (окт. 1820 г.). Он писал тогда: "Пограничную комиссию нашел я в большем неустройстве и безобразии, нежели воображал. В нынешнем ее положении она представляет расправу, съезжую избу, ничтожную канцелярию малой, но могущественной канцелярии пограничной, усиливаемой под правлением О. Г.... (т. е. оренбургского губернатора.— И. Е.). Пограничная комиссия есть чудное учреждение, без твердого основания, без точных положительных правил, без определенного отношения к местам и к лицам... Люди без образования, стесненные в содержании, скудные духом, более или менее замаранные хищением баранов и прочее, суть достойные мои товарищи в Комиссии... Секретарь есть творение Г... Переводчики слабы... Архив Комиссии, по случаю переделки дома ее, давно свален грудами в деревянном здании, принадлежащем тюрьме. Таково мое новое назначение"⁵¹.

Сложность положения В. Ф. Тимковского и его сотрудников усугублялась тем, что им предстояло действовать в условиях очень напряженной военно-политической обстановки в Оренбургском крае. Глубокий экономический кризис, охвативший в это время северо-западные регионы казахской степи, сопровождался острым противостоянием двух группировок казахской знати в борьбе за ханский престол. Во главе одной из них стоял внук хана Младшего жуза Абулхаира и сын хана Айчувака слабый и неавторитетный среди казахов правитель Сергазы (1812—1824). Его власть признавали только отдельные роды, кочующие возле линии. Другую партию казахской знати возглавлял султан Арынгазы, представлявший в Западном Казахстане

⁵¹ ЦГИЛ, ф. 1291, оп. 81, д. 73, л. 11—12 об.

влиятельную династическую линию Джадика. Независимый характер этого султана в сочетании с его умом и настойчивым стремлением к созданию сильной казахской государственности вызывали серьезное опасение в верхах. Кроме того, Арынгазы пользовался большой популярностью среди своих соплеменников, чего не могла не учитывать оренбургская администрация, пытавшаяся влиять на ход политических событий в Младшем и Среднем жузах⁵².

В связи с тем, что царское правительство пока еще затруднялось сделать окончательный выбор по отношению к тому или другому претенденту на ханский престол, В. Ф. Тимковский должен был внести в Азиатский департамент МИД необходимую ясность по этому злободневному вопросу и тем содействовать формированию политического курса России в западном регионе Казахстана. При отсутствии четких установок центральных властей, В. Ф. Тимковский как первое официальное лицо в Комиссии мог действовать только на свой страх и риск, с соблюдением максимальной осторожности. В интересах дела он старался избегать личных контактов с обоими соперниками и довольно часто использовал для переговоров с ними А. И. Левшина, полагаясь на его наблюдательность и дипломатический такт. О характере своих взаимоотношений с казахскими султанами начальник пограничной комиссии писал К. К. Родофиникину в сентябре 1820 г. в Петербург: "Я не видел хана, сколько он ни приглашал меня. Не желая раздражать одну сторону (т. е. Арынгазы. — И. Е.), а от другой (т. е. Сергазы. — И. Е.) слушать тысячи жалоб, всякий раз под какими-либо предложениями отклонял я эти предложения. Но на прошедшей неделе посылал к нему Левшина и Корсакова. Они хвалятся его усердным расположением и заметили, что у хана в кибитке всегда готовы заряженные пистолеты, а сыновья по ночам делают разъезды вокруг"⁵³.

В октябре 1820 г. по свежим впечатлениям об этом визите А. И. Левшин подготовил свою первую статью по этнографии казахов. Она была опубликована в журнале "Вестник Европы" под названием "Свидание с ханом Меньшей киргизской орды". Работа была построена в

⁵² См. об этом: Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — начале XIX вв. // МИКССР (1785—1828 гг.). Т. IV. М.; Л., 1940. С. 33—38, 495 (примеч.).

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 81, д. 73, л. 20.

традиционном для того времени жанре путевых записок и содержала подробное описание убранства казахской юрты, предметов домашнего обихода и народного обычая приема гостей. Для нее характерны яркие и образные зарисовки увиденных сторон быта и традиционной культуры казахов, свидетельствующие не только о наблюдательности молодого автора, но и о присущем ему эстетическом восприятии действительности. Содержание этой работы показывает, что А. И. Левшин еще не утратил в 1820 г. идеалистического представления о жизни кочевников и в духе популярной тогда школы романтиков писал, что "картина жизни кочевого народа должна быть очень сходна с картиною времен патриархальных, и взгляд на киргизцев легко напоминает нам современников Авраама, также кочевавших в земле обетованной. Степь киргизская и обитатели оной любопытны не только для ума наблюдателя, но и для воображения стихотворца"⁵⁴.

Впоследствии А. И. Левшину часто приходилось бывать в казахских аулах, общаться с ханом Сергазы, султанами и влиятельными родоначальниками. Много времени он проводил в юртах простых кочевников, глубоко вникал в их быт, культуру и повседневные нужды. Своей отзывчивостью, вниманием и добротой молодой чиновник расположил к себе многих людей. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют воспоминания барона Ф. А. Бюлера, побывавшего несколько позднее Левшина в зауральских степях. Историк рассказывал, что хан Джангир Букеев говорил ему: "Мы только раз и видели в наших степях человека, который соединял в себе столько доброты и честности". Подобные же отзывы об Алексее Ираклиевиче слышал я и под сенью дымных кибиток от старожилы киргизов из числа простолюдинов..."⁵⁵.

Выполнение служебных заданий Левшин успешно совмещал с научными исследованиями. Во время поездок в казахские аулы он записывал свои наблюдения, сведения, полученные от других лиц, данные народного фольклора, делал этнографические зарисовки. Все увиденное заносилось в дневники, которые затем дополнялись выписками

⁵⁴ Вестник Европы, 1820. Ч. 114. С. 136.

⁵⁵ На память юбилея А. И. Левшина. С. 15; Барон Ф. А. Бюлер под влиянием А. И. Левшина в 40-е годы XIX в. принял участие в ревизии князя П. П. Гагарина Астраханского края и собрал интересные этнографические материалы о калмыках и казахах Букеевской орды. Они нашли отражение в его печатных и рукописных работах об указанных народах.

из архивных документов и научной литературы. Вернувшись в Оренбург из трудных, многодневных, изматывающих путешествий, он сразу же приступал к камеральной обработке собранных материалов и подготовке их к печати.

В эти же годы по поручению правительства А. И. Левшин обследовал земли Уральского казачьего войска⁵⁶. Свое новое служебное поручение любознательный и энергичный чиновник использовал для сбора разнообразных сведений об уральских казаках. За сравнительно короткое время на основе собранных полевых материалов и данных письменных источников, обнаруженных в архиве г. Уральска⁵⁷, им было подготовлено большое научное исследование, посвященное уральскому казачеству. Интересно, что в этой работе А. И. Левшин предложил свое толкование термина “казак” и затронул важную проблему культурного влияния казахов на уральских казаков⁵⁸.

Несмотря на большую загруженность служебными делами и увлеченность научными исследованиями, А. И. Левшин как просвещенный человек с либеральными общественно-политическими взглядами, не мог оставаться в стороне от активной реформаторской деятельности В. Ф. Тимковского, направленной на искоренение разного рода служебных злоупотреблений в Оренбургском крае. Пятьдесят лет спустя, мысленно возвращаясь к оренбургскому периоду своей жизни, А. И. Левшин говорил: “Появление наше в Оренбурге было встречено недружелюбно: оно стесняло многие низшие власти в произвольных действиях их, и потому скоро возбудило неприятные отношения между начальником нашей маленькой миссии и главным начальником края”⁵⁹. Определенное представление о том, какие злоупотребления оренбургских властей имел ввиду в своих воспоминаниях А. И. Левшин, можно почерпнуть из составленных им в 1823 г. замечаний на инструкцию Азиатского департамента МИД полковнику Ф. Ф. Бергу, направлявшемуся во главе военного отряда в казахскую степь. В этом документе обращалось внимание высшего руководства департамента на политическую недалекость

⁵⁶ На память юбилея А. И. Левшина. С. 30; Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 33. 1896. С. 445.

⁵⁷ Галиев В. З. Декабристы и Казахстан. Алма-Ата, 1990. С. 132.

⁵⁸ Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 117.

⁵⁹ На память юбилея А. И. Левшина. С. 29.

ность и бесперспективность практикуемой оренбургскими чинами тактики запугивания казахов военными средствами. В то же время, полностью не отвергая возможности использования жестких мер против “барымтачей” или других “возмутителей спокойствия” в казахских аулах, А. И. Левшин считал необходимым свести случаи их применения к минимуму и добиваться того, “чтобы военные отряды, которые будут в степь посылаться, обращали более внимания на отыскание виновных киргизов, нежели на стада, ближайшим аулам принадлежащие, и наказывали преступников и возмутителей” иным способом, “нежели лишением собственности, как то много раз бывало”⁶⁰.

Тем не менее, даже эта в целом компромиссная точка зрения и уравновешенный тон не встречали понимания и поддержки у оренбургских властей. Более того, предпринимаемые В. Ф. Тимковским при поддержке А. И. Левшина меры по ограничению служебного произвола, пресечению насилия и грабежа в отношении казахов со стороны местных должностных лиц вызвали сильнейшее противодействие военного губернатора П. К. Эссена. Последний обращался в Азиатский департамент МИД с настойчивой просьбой о том, чтобы “г-на Тимковского, яко человека неусердного, беспокойного и строптивного, подвергнуть ответственности и действию законов, воспрепятствующих своевольство, неповиновение начальству и нанесение оному оскорблений”⁶¹. За драматическими перипетиями развернувшейся борьбы, которую В. Ф. Тимковский вел с присущим ему чувством собственного достоинства и полемическим блеском, сочувственно следили будущие декабристы в Оренбурге, о чем свидетельствуют позднейшие воспоминания барона В. И. Штейнгеля⁶².

Исход этого быстро разросшегося конфликта имел весьма своеобразные косвенные последствия для судьбы дальнейших научных изысканий А. И. Левшина. “Размолвка эта была причиною, — вспоминал он, — что Тимковский отправился в Петербург для объяснения с министерством, а я остался в Оренбурге без определенных отношений к местным властям и почти без дела. Обсто-

⁶⁰ МИКССР. Т. IV. Док. № 138. С. 437.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 81, д. 73, л. 137.

⁶² Шейман Л. А. Василий Тимковский и его путешествие по Лу-
жице. С. 17.

ительство это дало мне счастливую мысль заняться разбором архива Оренбургской пограничной комиссии”⁶³.

В Оренбургском архиве А. И. Левшин обнаружил целый ряд ценнейших документов. Среди них — распросные речи русских посланников в казахскую степь (М. Арапова, Я. Гуляева, Д. Гладышева, И. Муравина, И. Уракова и Р. Уразлина), переписка казахских ханов, султанов и родоправителей с местной администрацией, путевые дневники и маршруты путешествий по казахским землям русских дипломатов, горных инженеров, купцов, статистические ведомости среднеазиатской торговли России и проч. обстоятельное изучение всей совокупности этих документов позволило молодому исследователю составить подробную опись архивных дел, а также предпринять необходимые меры для улучшения условий сохранности документов.

Работа с историческими источниками увлекла А. И. Левшина и вызвала желание написать подробную историю казахского народа с древнейших времен. Но для реализации этого обширного замысла требовались соответствующие условия (нужная литература, консультации отдельных специалистов) и большое напряжение интеллектуальных сил. Последнего не могло обеспечить в тот период сильно пошатнувшееся здоровье А. И. Левшина⁶⁴. Поэтому он принял решение оставить Оренбург и 26 июля 1822 г. получил увольнение от должности. Через восемь месяцев после продолжительного лечения Левшин возвратился в Петербург и вновь поступил на действительную службу в Азиатский департамент МИД.

Вторичное пребывание Левшина в столице было непродолжительным. Вскоре после своего приезда он был представлен графу М. С. Воронцову, который незадолго до этого получил назначение на должность новороссийского генерал-губернатора и наместника Бессарабии и был занят в Петербурге укомплектованием штата своих сотрудников. А. И. Левшин принял предложение М. С. Воронцова занять место секретаря в его канцелярии и 31 мая 1823 г. отправился к своему начальнику в Одессу⁶⁵.

Начало службы на юге России совпало у А. И. Левшина с обработкой оренбургских материалов. В течение

⁶³ На память юбилея А. И. Левшина. С. 29.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 64—65.

⁶⁵ Там же; На память юбилея А. И. Левшина. С. 30.

первых месяцев 1823 г. он был занят подготовкой к печати работы об уральских казаках. В том же году она была опубликована в “Северном архиве”, издаваемом Ф. В. Булгариным, под названием “Историческое и статистическое обозрение уральских казаков”⁶⁶. Этот труд явился первым специальным исследованием в русской науке, посвященным уральскому казачеству, и поэтому сразу же привлек к себе внимание в научных и литературных кругах. Высокую оценку исследованию А. И. Левшина дал А. С. Пушкин, охарактеризовав его, как “сочинение, отличавшееся... истинною ученостью и здоровою критикой”⁶⁷. Книга об уральских казаках заслужила также одобрение супруги Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны, которая наградила автора золотой табакеркой за полезное и ценное исследование⁶⁸.

В середине 20-х гг. А. И. Левшин завершил ряд разделов своего основного историко-этнографического труда о казахском народе. В 1824 г. в письме к Ф. В. Булгарину (тогда еще не запятнавшему себя сотрудничеством с жандармами) он сообщал о своем намерении прислать в ближайшем будущем в “Северный архив” несколько статей о казаках и сопроводил это обещание текстом новой рукописи⁶⁹. В 1824 г. на страницах “Северного архива” было напечатано “Известие о древнем татарском городе Сарайчике”⁷⁰. Статья содержала описание развалин бывшей столицы Ногайского ханства в XIII—XVI вв. и соображения автора о времени и обстоятельствах появления города Сарайчика.

Вслед за публикацией этой работы в журнале Ф. В. Булгарина была опубликована статья А. И. Левшина “О просвещении киргиз-кайсаков”⁷¹. В ней излагались интересные сведения о религиозных обрядах, народной медицине и музыкальной культуре казахов, приводились образцы песен лирического содержания. Позднее эта статья была переведена на французский язык и напечатана в одном из изданий Парижского азиатского общества.

⁶⁶ Северный архив. 1823. ч. VI № 12 с. 381—339; ч. VII. № 13. с. 1—15; № 14. с. 101—120; № 15. с. 163—188.

⁶⁷ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах. Т. 7. М., 1976. С. 88.

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 535, оп. 1, д. 27, л. 111, 112.

⁶⁹ Русская старина. 1905. Т. 122. № 4. С. 210.

⁷⁰ Северный архив. 1824. Ч. 9. № 4. С. 179—190.

⁷¹ Там же. 1825. Ч. 18. № 24. С. 313—332.

В одесский период А. И. Левшин сблизился с графом М. С. Воронцовым. За короткое время, благодаря тактичности и деловым качествам, он вошел в доверие к влиятельному наместнику и между ними установились "отношения исключительные". Покровительство родовитого вельможи, безусловно, льстило самолюбию молодого, не лишенного честолюбия, чиновника. По собственному признанию ученого, сделанному уже в зрелые годы, под влиянием частого общения с графом Воронцовым его взгляды претерпели ощутимые изменения. "Таким образом,— вспоминал А. И. Левшин,— я в течение трех лет совершил дополнительный курс моего политического образования, и признаюсь, что за эти три года мои взгляды сильно изменились к лучшему"⁷².

Естественно, что "лучшими" преуспевающий царский сановник, каким А. И. Левшин был в 1868 г., мог считать взгляды отнюдь не демократические и оппозиционные. Однако было бы неверным вслед за известным историком видеть в процессе поправения его взглядов одно только влияние М. С. Воронцова. В определенном смысле отмеченная эволюция идей являлась результатом накопленного опыта и переоценки части юношеских иллюзий, не оправдавших себя в более сложной и суровой действительности. Об этом, в частности, говорят отдельные, не лишенные горечи, строки из письма А. И. Левшина Ф. В. Булгарину в 1824 г.: "Давно знал я, что Фемида редко ладит с музами, теперь еще более в том уверен. Но делать нечего; не нам, людям, политически и физически привязанным к послужным спискам, суждено примирить их. Бьюсь об заклад, что Гомер, Тацит, Гораций, если бы они жили с нами, не обошлись бы без 14 класса"⁷³. Думается, что многолетняя служба ученого во властных структурах империи также наложила определенный отпечаток на характер его общественно-политических воззрений.

Но несмотря на все превратности и искушения судьбы, А. И. Левшин не стал убежденным консерватором и, тем более, реакционером. По общему мнению современников и позднейших ученых, А. И. Левшин в разные годы жизни и на всех занимаемых им постах неизменно оставался европейски образованным человеком с прогрессивными взглядами, чуждым крепостническим предрассудкам

⁷² На память юбилея А. И. Левшина. С. 32—33.

⁷³ Русская старина. 1905. Т. 122. № 4. С. 210.

своей эпохи⁷⁴. Среди его друзей и хороших знакомых всегда были люди, придерживающиеся смелых и независимых суждений, в том числе из декабристской среды. Можно считать, что он принадлежал к категории трезво мыслящих государственных людей, сохранивших верность многим просветительским идеалам своей молодости.

В Одессе жизненный путь Алексея Ираклиевича вновь пересекается с пушкинским — оба литератора служили в 1823—1824 г. в канцелярии М. С. Воронцова. А. И. Левшин позднее вспоминал, что в то время в кругу его одесских друзей и приятелей была “звезда первой величины” “знаменитый поэт наш Пушкин”⁷⁵.

Многие стороны взаимоотношений А. С. Пушкина и А. И. Левшина остаются не известными современным исследователям, но, благодаря энергичным поискам литературоведа А. И. Шеймана, удалось установить, что А. С. Пушкин принимал активное участие в подготовке к публикации извлечения из монографии Левшина о казаках в журнале “Московский вестник” и в “Литературной газете”. Так, в феврале 1827 г. Пушкин обратился из Москвы к поэту В. И. Туманскому с письмом, в котором просил о присылке материалов для “Московского вестника” и спрашивал в связи с этим: “Нельзя ль чего от Левшина?”. 2 марта 1827 г. В. И. Туманский сообщал Пушкину из Одессы, что возьмет у Левшина “славную” для него статью из третьего тома “Описания киргизов”⁷⁶. В данном случае речь шла об очень важной для европейского востоковедения статье А. И. Левшина “Об имени киргиз-кайсацкого народа и его отличии от подлинных, или диких киргизов”⁷⁷.

В этой статье впервые в европейской науке принципиально был поставлен вопрос о действительном самоназвании казахского народа и неправомерности употребления по отношению к нему этнонима “киргизы”, или “киргиз-кайсаки”⁷⁸.

⁷⁴ Записка сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле в 1857—1858 г. // Русская старина. 1882. Т. 33. С. 239; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. М., 1958. С. 88—89; Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. С. 21—22; Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения. С. 119.

⁷⁵ На память юбилея А. И. Левшина. С. 31.

⁷⁶ Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. С. 15—17.

⁷⁷ Московский вестник. 1827. № 4. С. 432—451.

⁷⁸ Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения. С. 117.

О необходимости разграничения экзоэтнонимов двух самостоятельных народов: киргизов и казахов, с их этническими самоназваниями или эндоэтнонимами, говорили в своих исследованиях еще авторы XVIII в., например, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, И. П. Фальк и др.⁷⁹ Наиболее последовательно и компетентно ставил эту проблему в 1771 г. путешественник и исследователь Казахстана Х. Барданес в специальной рукописной работе о казахах “Киргизская, или казацкая хорография”⁸⁰. К сожалению, аргументы этого автора, как и идеи вышеназванных ученых, не получили впоследствии логического развития и фактически были преданы забвению. По верному замечанию советского этнолога В. М. Крюкова, смешение самоназваний с экзоэтнонимами, искажающими реальную этническую картину, в этнографической литературе XIX в. становится не исключением, а правилом⁸¹. В связи с этим выход в свет новой работы А. И. Левшина имел важное значение для развития научных представлений по этнологии казахского народа, обратив внимание на проблему самоидентификации казахов и киргизов других исследователей и ученых. Надо сказать, что и сегодня эта статья представляет для обществоведов немалый научный интерес как первый в европейской науке опыт исследования проблем этногенеза казахского и киргизского народов.

Важное значение для плодотворной работы А. И. Левшина над трудом о казахском народе имела его длительная служебная командировка в 1826—1828 гг. в Италию, Францию и Австрию⁸². Во время этой поездки он установил личные контакты с ведущими зарубежными коллегами и познакомил их с основными разделами своего исследования. По инициативе видных европейских ориенталистов А. П. Жобера и Г. Ю. Клапрота во французских научных журналах были опубликованы статьи Левшина “Об имени киргиз-кайсацкого народа...”, “Географическое и историческое описание р. Сырдарьи” и некоторые другие. Эти

⁷⁹ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 178; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1937. С. 314; ЛО ААН, ф. 3, оп. 35, д. 37, л. 203—204.

⁸⁰ ЛО ААН, ф. 3, оп. 35, д. 25а, д. 29; Ерофеева И. В. Территория и население Казахстана второй половины XVIII в. в трудах Х. Барданеса // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1981. № 3.

⁸¹ Крюков М. В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. Вып. 18. М., 1988. С. 13.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 70—71.

публикации обеспечили их автору большую популярность в кругу европейских востоковедов. Очевидным признанием научных заслуг Левшина в области истории и этнографии Средней Азии стало избрание его в конце 1827 г. членом Парижского географического общества, а в начале 1828 г. — членом Парижского азиатского общества⁸³.

После возвращения в Одессу А. И. Левшин продолжал напряженно работать над монографией, но смог закончить ее только к концу 1830 г. К этому времени члены редакции пушкинской “Литературной газеты” получили возможность познакомиться с содержанием полного текста и заранее предсказали автору большой успех. Предваряя появление книги в печати, они поместили в начале 1831 г. в двух номерах газеты краткие извлечения из рукописи под названием “Этнографические известия о киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких ордах”⁸⁴. Публикация сопровождалась примечанием издателя О. М. Сомова: “Мы смело скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь занимательные по своему предмету и по образу воззрения сочинителя и притом оживленные столь хорошим увлекательным слогом”. Завершалось примечание редакции проницательным прогнозом о том, что “Описание киргиз-казацких орд” будет новый и богатый вклад, приносимый русским ученым в общее европейское хранилище сведений об Азии. Нет сомнения, что книга г. Левшина будет немедленно переведена на иностранные языки, и что в других краях Европы ученые отдадут его труду полную и заслуженную известность⁸⁵.

В начале января 1831 г. вся техническая работа над текстом была полностью завершена и можно было отдавать рукопись в типографию. Однако в этот ответственный момент автору пришлось столкнуться с серьезными финансовыми проблемами. По соглашению с издателем, А. И. Левшин был обязан предварительно оплатить всю стоимость расходов на издание книги в размере 8000 руб. Эта огромная по тем временам сумма значительно превышала реальные возможности исследователя, который, по имеющимся сведениям, располагал тогда только своим скромным служебным жалованьем и еще “не имел за собой никакого свободного имени”, способного давать

⁸³ Там же, л. 70—71.

⁸⁴ Литературная газета, 1831, № 2, 3.

⁸⁵ Литературная газета. 1831. № 2 (5 января).

более солидный денежный доход⁸⁶. В то же время творческая работа, принося автору радость познания и минуты вдохновения, не могла служить источником денежных доходов. Неожиданно возникшие финансовые трудности угрожали затянуть надолго публикацию книги и побудили автора обратиться с письмом о помощи в Азиатский департамент МИД⁸⁷. Этот предусмотрительный поступок по существу решил судьбу его фундаментального труда.

Творческие планы А. И. Левшина очень удачно сочетались в внешнеполитической программой царского правительства на Среднем Востоке, предусматривавшей сбор разнообразных сведений о кочевых народах Центральной Азии и параллельно с ним проведение пропагандистских акций в стране и за рубежом по отношению к намеченному продвижению России в глубь казахских территорий. В основном по этим двум причинам обращение ученого в Азиатский департамент МИД сразу же встретило там благожелательный отклик, за которым последовали конкретные практические шаги.

Большую заинтересованность в судьбе научного исследования своего бывшего подчиненного и коллеги проявил директор департамента, компетентный и энергичный чиновник К. К. Родофиникин. При его активном содействии вице-канцлер МИД К. В. Нессельроде направил специальное прошение царю, в котором убеждал Николая I высочайше поддержать предложение своего ведомства об оказании финансовой поддержки А. И. Левшину для скорейшего издания его монографического труда. К. В. Нессельроде писал царю: «Находя сочинение сие полезным и желая, с одной стороны, сделать оное известным ученому свету, с другой,— принимая в уважение недостаток средств министерства в текущем году, я полагал бы в будущем из сумм на азиатских посланцев положенных... отпустить для напечатания той книги заимообразно без процентов на пять лет 8 тыс. рублей, учинив при том подписку на шестьдесят экземпляров министерства на счет той же взаймы отпускаемой суммы»⁸⁸.

21 марта 1831 г. Николай I удовлетворил эту просьбу⁸⁹, и тем самым проблема оплаты полиграфических затрат для А. И. Левшина была окончательно решена. В мае

⁸⁶ АВПР, ф. ГА VI—27, гг. 1831—1838, № 1, л. 34 об.

⁸⁷ Там же, л. 3.

⁸⁸ Там же, л. 3-3 об.

⁸⁹ Там же, л. 3.

1831 г. автор получил цензурное разрешение на издание монографии и сдал рукопись в печать.

Сочинение А. И. Левшина “Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей было напечатано в конце октября 1832 г. в петербургской типографии Карла Крайя. Оно состояло из трех томов: первый том содержал общую физико-географическую характеристику казахских степей, во втором — впервые излагалась история казахского народа с древнейших времен до начала XIX в., в третьем томе было дано подробнейшее описание этнографии казахов. К основному содержанию томов были приложены планы, таблицы, карты, схемы, литографированные и гравированные рисунки и другие материалы.

Труд вышел небольшим тиражом в количестве 400 экземпляров и довольно скоро стал библиографической редкостью⁹⁰. Тем не менее до середины 30-х гг. XIX в. даже этот весьма скромный тираж расхаживался с большим трудом среди читателей. Причину его “чрезвычайно медленного сбыта” руководство Азиатского департамента МИД видело в том, что “подобные ученые книги имеют в народе мало читателей” и потому “не доставляют автору никакого почти вознаграждения за труды”⁹¹. Эти соображения в общем недалеки от истины и должны быть приняты во внимание. Но, думается, более точное и убедительное объяснение возникшей ситуации с реализацией книги содержится в указанной автором цене трехтомника — 30 руб. за экземпляр⁹². Исходя из такой высокой стоимости издания, сделавшей его малодоступным для широкой читательной среды, основными покупателями “Описания киргиз-казахских орд” стали государственные учреждения России. Шестьдесят экземпляров монографии приобрел Азиатский департамент МИД, часть тиража — оренбургский и западно-сибирский генерал-губернаторы, остальные экземпляры были проданы в розницу министерствам: внутренних дел, государственных имуществ, просвещения; публичным библиотекам крупных городов, а также некоторым частным лицам⁹³.

⁹⁰ Геннади Г. Н. Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг. Спб., 1872. С. 102 (1 151).

⁹¹ АВПР, ф. ГА IV—27, 1831—1838 гг.; № 1, л. 38.

⁹² Там же, л. 34.

⁹³ Там же, л. 27—27 об., 38 и др.

Выход в свет трехтомной монографии А. И. Левшина стал заметным событием в научной и культурной жизни страны. Исследование сразу же привлекло к себе внимание видных сановников столицы и других официальных лиц, известных ученых, писателей, образованной российской общественности в центре и на местах.

Самые ранние отклики на опубликованный труд поступили от высших чиновников оренбургского и западно-сибирского ведомств в Азиатский департамент МИД. Сообщая К. К. Родофиникину свои первые впечатления о прочитанной книге, оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен 8 декабря 1832 г. писал в Петербург: "Поручение Ваше, милостивый государь, о предоставлении Министерству сведений о киргизах, по мнению моему, вполне совершенно неожиданным изданием сей книги. Она разве подлежать может впоследствии пополнениям и каким-либо исправлениям, но касательно ясности слога, разделения предметов и свода в систематический порядок многочисленных сведений и известий о стране, доселе почти незнакомой и собранных продолжительными трудами г. сочинителя, мне кажется, что он удовлетворил вполне каждого того, кому известно, с какими трудностями сопряжено быть первым историком народа безграмотного и бесприютного..."⁹⁴. Аналогичные суждения о монографии Левшина были высказаны в письмах К. К. Родофиникину генерал-губернатора Западной Сибири И. А. Вельяминова, начальника оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генса, министра просвещения князя К. А. Ливена и других видных царских сановников. Все они признавали большую познавательную ценность "Описания киргиз-казачьих орд", но вместе с тем отмечали и новизну самого предмета исследования, а также чисто литературные достоинства работы⁹⁵.

Одновременно с отзывами официальных лиц появились первые восторженные отклики на книгу А. И. Левшина в российской прессе. Так, анонимный автор рецензии на "Описание киргиз-казачьих орд", помещенной в двух номерах газеты "Северная пчела" за 1832 год, утверждал, что "подобные сочинения приносят большую пользу в настоящем, служа к распространению познаний о нашем Отечестве и его событиях, но еще более важны для

⁹⁴ Там же, л. 27.

⁹⁵ Там же, л. 25—38 об.

будущих писателей, которым представляют богатый запас материалов”⁹⁶. Такую же высокую оценку получил труд Левшина в прогрессивном российском журнале “Московский телеграф”. В разделе “Современная библиография”, содержащем обзор отечественных изданий за текущий год, книга Левшина была названа “одной из самых замечательных, явившихся в 1832 году”. Говоря о научном значении историко-этнографического труда, рецензент подчеркнул, что “мало выходит на русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обогащенных таким множеством любопытных сближений и замечаний”. В данной связи он выражал надежду на то, что в ближайшее время сочинение Левшина будет издано на французском языке и тем самым “обратит на себя внимание всех ученых людей и послужит для них рассадником новых сведений”⁹⁷.

Заслуженное признание получила работа Левшина и в Петербургской Академии наук. В 1833 г. она была представлена на соискание Демидовской премии. С этой целью профессор Петербургского университета статистик К. Ф. Герман и ученый-монголовед И. Я. Шмидт направили руководству Академии развернутые рецензии на опубликованный труд, в которых по достоинству оценили огромный вклад русского исследователя в изучение малоизвестного края. Отмечая большую новизну и оригинальность привлеченных А. И. Левшиным материалов по географии евразийских степей и непосредственно о самом казахском народе, К. Ф. Герман, в частности, писал: “Достоинство путешествий в странах неводеланных и еще мало известных, определяется массой собранных о них достоверных сведений и по этой самой причине предстоящее сочинение тем более выигрывает в ученном отношении”⁹⁸.

Более конкретен и сдержан в своем отзыве на работу А. И. Левшина был известный ориенталист И. Я. Шмидт. С позиций профессионала он отдал должное заслугам автора в изучении истории и этнографии казахского народа, но указал и на слабые стороны работы. Так, обращаясь к анализу глав по древней и средневековой истории

⁹⁶ Северная пчела. 1832. № 272. 11 ноября.

⁹⁷ Московский телеграф. 1832. Ч. 48. № 24. С. 544—545.

⁹⁸ Отчет Санкт-Петербургской академии наук о третьем присуждении учрежденных камергером П. Н. Демидовым премий за 1833 год. Спб., 1834, С. 5—6.

Казахстана, И. Я. Шмидт выразил сожаление, что А. И. Левшин “по незнанию восточных языков должен был прибегнуть к европейским источникам, и в выборе их был не столь счастлив, сколько желала Академия для пользы и совершенства. Именно данное обстоятельство, по справедливому замечанию ученого, не позволило автору в полной мере избежать ”в своей книге погрешностей, указанных ему не по какой-либо излишней взыскательности, но по самой строгой любви к истине”⁹⁹.

Таковы были самые первые впечатления современников о книге А. И. Левшина, появившиеся на страницах центральных научных и литературно-публицистических изданий. Надо сказать, что и в более поздний период этот труд безоговорочно оценивался разными поколениями ученых, как выдающееся достижение в науке. Так, известный русский ориенталист В. В. Григорьев пророчески писал в одной из своих работ, что со временем, когда казахи будут способны оценить все сделанное для них Левшиным, трехтомное сочинение его станет “главнейшим источником для истории этого народа, и должно занять в уважении его такое же место, каким пользовались у греков труды Геродота и Фукидида, какое занимает у немцев Тацитова книга о Германии”¹⁰⁰. В подтверждение правоты научного предвидения автора этих строк убедительно свидетельствует отношение к книге А. И. Левшина выдающегося казахского ученого и просветителя Ч. Ч. Валиханова. Не всегда соглашаясь со своим маститым предшественником в интерпретации конкретных этнических названий, Ч. Ч. Валиханов в то же время высоко ценил его огромный вклад в изучение истории и культуры казахского народа и неоднократно сопоставлял свои аргументы с суждениями русского ученого. Ч. Ч. Валиханов считал, что труды Левшина “относительно истории среднеазиатских кочевников будут всегда драгоценными” для науки, а их автора почтительно называл “Геродотом казахского народа”¹⁰¹.

В разное время труд А. И. Левшина получил высокую оценку у таких крупных ученых и деятелей науки России, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. И. Венюков, М. А.

⁹⁹ Там же. С. 7.

¹⁰⁰ Гречихова Ю. Современник Пушкина А. И. Левшин и его книга “Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей” // Альманах библиофила. Вып. 17. М., 1985. С. 229.

¹⁰¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. Алма-Ата, 1985. С. 63; Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 164.

Корф, И. В. Мушкетов, В. В. Бартольд, А. Н. Пыпин, Л. С. Берг, М. Тынышпаев и др.. Его работой широко пользовались специалисты разных отраслей: географы, картографы, историки, этнологи, языковеды, юристы, филологи, музыковеды, а также писатели и публицисты. Известно, например, что “Описание киргиз-казахских орд” внимательно изучал А. С. Пушкин¹⁰². Он использовал большие фрагменты из этой работы для написания “Истории Пугачева”. В примечаниях к этому сочинению поэт с большим уважением отзывался о научных достижениях историка¹⁰³. Монография А. И. Левшина занимала почетное место в его личной библиотеке¹⁰⁴. Не будет преувеличением сказать, что и в дальнейшем каждый исследователь, приступая к изучению истории Казахстана, неизбежно обращался к трехтомному труду А. И. Левшина как главному историческому источнику. Сознавая огромное значение первого обобщающего исследования о казахах для европейской науки, знаменитый русский географ и путешественник И. В. Мушкетов писал, что “сочинение Левшина представляет всю сумму знаний того времени о киргизских степях; ни до, ни после него не появилось другой работы, которая бы затмила сочинение Левшина, оно до сих пор лучший источник для знакомства с киргиз-кайсацкими степями”¹⁰⁵.

Это мнение в целом разделяло не только подавляющее большинство российских ученых, но и многие известные востоковеды за рубежом. Большой интерес к себе работа А. И. Левшина вызвала у великого А. Ф. Гумбольдта, который незадолго до ее появления в свет посетил в составе научной экспедиции азиатские регионы России. В 30-е гг. выдающийся немецкий путешественник и естествоиспытатель работал над обобщением своих материалов по географии Центральной Азии, с давних пор являвшейся его большой и “страстной” мечтой¹⁰⁶.

Осенью 1832 г. он писал российскому академику Ф. Ф. Шуберту в Петербург, что знакомство с “интересной книгой о киргизской степи” оказалось очень полезным для

¹⁰² Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. С. 30—31, 52—70.

¹⁰³ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 7. М., 1976. С. 88—100, 131, 132.

¹⁰⁴ Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. С. 30.

¹⁰⁵ Мушкетов И. В. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1800 гг. Т. 1. Пг., 1915. С. 107.

¹⁰⁶ Переписка А. Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 27, 112.

его дальнейшей работы: “Аральское море сразу приобрело иной вид, большой остров простирается в его северной части”¹⁰⁷. Десять лет спустя, в своем фундаментальном исследовании “Центральная Азия” А. Гумбольдт упомянул монографию А. И. Левшина в числе основных источников по орографии Западного Казахстана и неоднократно ссылался на ее данные при характеристике особенностей рельефа и ландшафтов на территории казахских земель¹⁰⁸.

За короткое время работа А. И. Левшина получила большую известность в Дании. В 1836 г. автор “Описания киргиз-казахских орд” по предложению датских специалистов был избран членом одного из самых авторитетных научных обществ этой страны — “Королевского датского общества северных антиквариюв”¹⁰⁹.

Еще более тепло труд А. И. Левшина был встречен коллегами-ориенталистами во Франции. По инициативе Азиатского и Географического обществ в Париже он был переведен на французский язык и издан одной книгой в 1840 г.¹¹⁰. В том же году отдельные извлечения из книги А. И. Левшина были опубликованы в итальянском журнале “Rivista eugorea” и, как считают некоторые исследователи, не исключена возможность, что существует итальянский перевод всей книги ученого¹¹¹.

Говоря о широком признании научных заслуг А. И. Левшина в России и среди специалистов европейских стран, следует особо подчеркнуть, что это обстоятельство имело исключительно важное значение не только для дальнейших творческих планов ученого, но и для его служебной карьеры. Очевидные научные достоинства фундаментального исследования о казахских степях обеспечили автору “Описания киргиз-казахских орд” репутацию “образованного, умного и деятельного человека”¹¹², репутацию, которая впоследствии никогда не оставляла его и неизменно помогала уверенно продвигаться по служебной лестнице вверх, не поступаясь чувством собственного достоинства, моральными принципами и взглядами.

¹⁰⁷ Там же. С. 117—118.

¹⁰⁸ Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. Т. 1. М., 1915. С. 32, 33.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284.

¹¹⁰ Levchin A. Description des hordes et des steppes des Kirghiz-Kazaks ou Kirghiz-Kaissaks. — Paris, 1840.

¹¹¹ Гречихова Ю. Современник Пушкина А. И. Левшин. С. 230.

¹¹² Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянском деле. С. 239.

Помимо весомого личного вклада в разработку актуальной и малоизученной казахской темы, А. И. Левшин оставил заметный след и в других сферах научного творчества. Его перу принадлежит первое в русской литературе фундаментальное исследование о знаменитых развалинах древнего итальянского города Помпеи¹¹³, а также опубликованные в разные годы научные статьи по российской истории, этнографии, искусству, экономике, статистике, мемуары.

Самоотверженная работа А. И. Левшина на пользу отечественной науке имела большой общественный резонанс. В 30—50-е гг. XIX в. историк был избран действительным и почетным членом десяти научных обществ России и почетным членом трех добровольных обществ европейских стран: Мекленбургского патриотического общества (1848 г.), Саксен-Альтенбургского общества хорошего обращения с животными (1849 г.) и Курляндского экономического общества (1849 г.)¹¹⁴.

Достойное признание получила научная деятельность А. И. Левшина и в Российской Академии наук, которая избрала его 29 декабря 1856 г. своим почетным членом¹¹⁵. Помимо этого он был удостоен звания почетного члена Харьковского университета (1855 г.), золотой медали Императорского Московского университета (1855 г.) и специальной медали Королевско-Лондонской комиссии за участие на Всемирной лондонской выставке в 1852 г.¹¹⁶.

Научную деятельность А. И. Левшин успешно совмещал с государственной службой, которая продолжалась около 60 лет. С 1831 по 1837 гг. он занимал должность градоначальника Одессы, затем, после вынужденной отставки, в течение одиннадцати лет (1844—1855), возглавлял Департамент сельского хозяйства в Министерстве государственных имуществ, а в 1856 г. был назначен на ответственный пост товарища министра внутренних дел¹¹⁷. С этого времени А. И. Левшин начал играть очень важную роль в деле подготовки отмены крепостного права. Более того, именно от него исходила инициатива в вопросе об

¹¹³ Левшин А. И. Прогулки русского в Помпеи. Спб. В тип. Бочарова, 1843. 232 с.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284.

¹¹⁵ Модзалевский Б. Л. Список членов Императорской Академии наук. 1725—1907. Спб., 1908. Разд. VII. С. 98.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284.

¹¹⁷ См.: Формулярный список А. И. Левшина. ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 28.

освобождении крестьян¹¹⁸. В историю великой реформы он вошел как “как один из самых первых государственных людей, двинувших... дело упразднения крепостного права”, и как “один из главных деятелей первоначальной эпохи этого великого преобразования”¹¹⁹. В 1861 г. за большие заслуги в подготовке крестьянской реформы Левшин был награжден Александром II памятной золотой медалью с царской надписью: “Благодарю”¹²⁰.

Служебная карьера А. И. Левшина увенчалась в мае 1868 г. высочайшим назначением на пост члена Государственного совета с сохранением за ним ранее пожалованного звания сенатора. Этот высший государственный пост стал последним в служебной биографии ученого.

Кроме государственной службы, много времени и сил историк отдавал в разные годы своей жизни общественной деятельности. В Одессе Левшин оставил память о себе как создатель, первый редактор и активный корреспондент газеты “Одесский вестник”, основатель нескольких училищ и публичной библиотеки в городе, энергичный организатор краеведческих изысканий в области истории и памятников искусства причерноморских степей, действительный член Одесского общества любителей истории и древностей¹²¹.

В середине XIX в. ярко проявился его незаурядный талант организатора науки: в 1845 г. Алексей Ираклиевич стал одним из основателей Русского географического общества, а после его создания — членом Совета и помощником председателя РГО (до 1873 г.). В рамках этого добровольного содружества ученых и исследователей страны Левшин активно участвовал в разработке важных научных программ, был в числе инициаторов организации таких крупномасштабных экспедиционных исследований в

¹¹⁸ О роли Левшина в подготовке отмены крепостного права см. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 32, 1895. С. 703 и др.; Ключевский В. О. Соч. в 9 томах. М., 1989. Т. 5. С. 264; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. М., 1957. С. 544. и далее;; История СССР XIX — нач. XX вв. (учебное пособие для студентов университетов под ред. член-корр. АПН СССР И. А. Федосова). М., 1981. С. 128—129; Эйдельман Н. Я. Революция сверху в России. М., 1989. С. 111.

¹¹⁹ Московские ведомости. 1868. № 91 (30 апреля); Некролог // Голос, 1879. № 261 (21 сентября).

¹²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 90—94.

¹²¹ РБС, т. Лабзина-Ляшенко. СПб., 1914. С. 160;; Геннади Г. Справочный словарь русских писателей и ученых. Т. 2. Берлин, 1880. С. 224; Шейман Л. А. Два одесских некролога о Пушкине // Временник пушкинской комиссии. 1973. Л., 1975. С. 117—124.

азиатских регионах России, как Каспийская экспедиция К. М. Бэра, энергично содействовал подготовке к изданию научных трудов талантливых российских и зарубежных ученых (К. Риттера, П. П. Семенова-Тян-Шанского, П. И. Кеппена, К. М. Бэра и других)¹²².

Даже в 70-е гг. XIX в., когда возраст “Геродота казахского народа” приблизился к восьмидесятилетнему рубежу, он, как и прежде, уделял большое внимание проблемам развития отечественной науки: напряженно работал в составе оргкомитета очередной Лондонской всемирной выставки и в подготовительном комитете Восьмого съезда Международного статистического конгресса, а за три года до смерти, откликнувшись на приглашение востоковеда В. В. Григорьева, принял участие в качестве почетного члена в работе Третьего международного конгресса ориенталистов, проходившего в Петербурге в 1876 году¹²³.

К концу 70-х гг. слабое здоровье вынудило Алексея Ираклиевича полностью отойти от научной деятельности и служебных дел. В последние годы жизни он оставался членом Государственного Совета, имел чин действительного тайного советника, был кавалером орденов Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й степени, Святого Станислава 1-й степени. Помимо этого А. И. Левшину были пожалованы в разное время ценные награды от российских императоров: бриллиантовый перстень (1820 г.), три золотые табакерки с алмазами (1823, 1856, 1876 г.), знаки отличия за многолетнюю беспорочную службу, бронзовая медаль на Андреевской ленте, учрежденная в память о войне 1853—1856 гг., золотая медаль за участие в подготовке освобождения крестьян¹²⁴.

¹²² Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845—1895. Т. 1. СПб., 1896. С. 1—4, 6, 136—138; Берг Л. С. Географическое общество за 100 лет. 1845—1945. М.—Л., 1946. С. 39—40, 174, 177—180; Каспийская экспедиция К. М. Бэра. 1853—1857 гг. // Научное наследство. Т. 9, Л., 1989; Сухова Н. Г. Карл Риттер и географическая наука в России. Л., 1990. С. 98—105.

¹²³ Семенов П. П. История полувековой деятельности. Т. 3. С. 496; ЦГИАЛ, ф. 853, оп. 2, д. 210, л. 7—7 об.; Труды Третьего Международного съезда ориенталистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1876. Т. 1. 1879—1880. С. XVII—XVIII.

¹²⁴ АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, гг. 1819—1825, д. 1986, л. 40 об.; ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 63—94; ф. 535, оп. 1, д. 27, л. 111, 112.

16 сентября 1879 г. Алексей Ираклиевич Левшин скончался в имени своей дочери в селе Хомутовка Дмитриевского уезда Курской губернии¹²⁵. Прах его был перевезен в Пожилино и погребен в фамильном склепе Левшиных¹²⁶. 25 марта 1884 г. в возрасте 42 лет ушел из жизни его единственный сын Федор Алексеевич Левшин, имевший чин статского советника в Министерстве государственных имуществ¹²⁷, а в 1896 г. умерла и вдова А. И. Левшина Елизавета Федоровна, в девичестве Брискорн¹²⁸.

* * *

Предлагаемое читателю фундаментальное исследование А. И. Левшина о казахском народе занимает особое место в его научном творчестве. Книга имеет выразительный заголовок: “Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей”. Назвав так свою работу, автор хотел подчеркнуть, что широко распространенное в литературе отождествление этнонимов “казак” и “киргиз” не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований, а употребляемый по отношению к казахам этноним “киргиз-кайсак” является неправомочным и восходит к более раннему — “казак”.

Своей книге А. И. Левшин предпослал краткое предисловие, в котором подчеркнул, что, принимая во внимание малоизвестность темы и большой интерес русской общественности к уже опубликованным разделам, он счел своим долгом завершить этот труд и подробнее познакомить читателей с историей и культурой казахского народа. Здесь же ученый писал, что “главным правилом... в сем отношении было: ничего не выдумывать и не заменять недостаток положительных сведений мечтательными предположениями”¹²⁹. Присутствие такого лейтмотива в творчестве А. И. Левшина зрелого периода его исследовательской деятельности нам представляется симптоматичным и позволяет говорить о расширении русской мыслью творческого освоения мира и появлении более строгих критериев научной ценности полученных знаний.

¹²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1162, оп. 6, д. 284, л. 58.

¹²⁶ Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. С. 197.

¹²⁷ ОПИ ГИМ РФ, ф. 159, д. 2, л. 1—24.

¹²⁸ Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. С. 197.

¹²⁹ Левшин А. И. Описание киргиз-казацких орд (Предисловие). С.

Создание первого специального исследования о казахском народе было, по существу, одним из важных проявлений процесса формирования истории как самостоятельной науки, который сопровождался в литературе переоценкой прежнего подхода к миру Востока. Развитие ориенталистики в России в это время постепенно обретало новое содержание и отчасти новые формы; в прозе, как и в поэзии, упрочивались черты реализма. Усиление внимания русской общественности к востоковедческой тематике, к объективному рассказу очевидца о странах Востока стало важной чертой времени и культуры¹³⁰.

На рубеже 20—30-х гг. XIX в. наиболее образованную часть русских читателей уже мало увлекал романтический рассказ о Востоке вообще. “Большой интерес вызывал теперь исторический труд об отдельных ориентальных регионах, ценилось умение автора, причастного к передовым идеям своего века, сохранить эстетическую дистанцию между далекой эпохой, запечатленной в памятнике, и своим временем, наконец, его гуманная, человеколюбивая позиция”¹³¹. Применительно к литературе, прямо или косвенно касавшейся кочевых народов Востока, это означало не только отказ от сочинения ориентальных аллегорий, столь популярных у просветителей прошлых веков, но и от романтического восхищения экзотической целостностью “естественного человека” и патриархальными чертами его родового быта.

В начавшейся полемике с руссоистским пониманием природы кочевого общества наиболее компетентные писатели и историки России поднимали в своих трудах многие важные вопросы, которые сохранили свою актуальность и в наши дни. А. И. Левшин писал тогда: “Если бы Руссо прожил несколько месяцев в казачьих ордах, если бы он хорошо узнал народ сей... столь близко подходящий к состоянию его естественного человека, то, может быть, мы не читали бы его рассуждений о неравенстве людей и о вреде наук, ни тех прекрасных и остроумных софизмов, которыми преисполнены многие другие его сочинения, ни того, что враги и почитатели сего славного мизофилантропа написали в его защиту и опровержение. Примеры убед-

¹³⁰ Белкин Д. И. Русские литераторы 20-х — начала 40-х годов XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. М., 1984. С. 55—56.

¹³¹ Там же. С. 56.

тельное слов. Никакие рассуждения не заставили бы его сознаться в заблуждении, но шестимесячное пребывание у киргизов и ближайшее рассмотрение их нравов произвели бы более, нежели все возможные доводы”¹³².

Некоторая полемическая заостренность ряда положений работы А. И. Левшина во многом объясняется его критическим пересмыслением романтической литературы о казаках, в которой преобладало поверхностное изображение кочевников в виде “беспечных пастухов счастливой Аркадии”, пребывающих в “мнимом блаженстве” и в неведении относительно “пороков, царствующих в больших городах”, а также не знакомых с явлением социальной несправедливости и угнетения¹³³. Для Левшина, современника Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. А. Полевого, А. О. Корниловича и Н. Я. Бичурина, обнажившийся вопрос о соотношении литературы и истории представлялся весьма актуальным, так как он выступал одновременно и как творец беллетристических произведений, и как автор научных исторических трудов. Отсюда проистекало его стремление дать всестороннее описание истории казахов, способное расширить горизонты науки и способствовать осознанию русским обществом реальных проблем социально-экономического и культурного развития кочевых народов восточных окраин.

Развивая в своей работе характерные для просветительской историографии мысли о том, что “образ управления и гражданское устройство кочевников основаны на их нравственном состоянии”, А. И. Левшин в то же время указывал на умозрительный характер и беспочвенность многих аргументов “естественного человека” и в связи с этим специально акцентировал свое внимание на тех “негативных” моментах общественного сознания казахов, которые, по его мнению, влияли на исторические судьбы народа и его политическую жизнь.

Чрезвычайно интересным и плодотворным явилось то, что А. И. Левшин не ограничился констатацией так называемых “воинственных” и “хищнических” нравов кочевников, которые по логике рационалистического подхода привели их к взаимной барымте, упадку экономики и к кризисным политическим и социально-экономическим яв-

¹³² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. 3. С. 68—69.

¹³³ Там же С. 18.

лениям. Он попытался объяснить сами причины, порождающие эти мифические нравы. При этом обращалось особое внимание на то, что в природных условиях аридной зоны степей, пустынь и полупустынь Евразии основной формой хозяйственной деятельности казахского населения являлось кочевое скотоводство, а “на сем занятии,— писал А. И. Левшин,— основаны почти все его обязанности и общественные отношения. С какой стороны мы ни взглянем на него (т. е. казаха.— И. Е.), везде... найдем источник как большей части нравственных, так и физических действий в охоте и привычке к скотоводству”¹³⁴. Из сказанного следует, что все особенности психического склада кочевников и социальную организацию казахского общества А. И. Левшин выводил из природной среды обитания и специфики материального производства номадизма. В том, что эти соображения были не случайны для историка, говорит следующий отрывок из его монографии: “Все соседи казаков управляются или монархическим, или деспотическим правлением..., а они почти совсем не знают подчиненности... Если будем искать причины оного, то главнейшую найдем в образе кочевой жизни и в бесплодии земель его... Если бы природа не защитила их сими способами, то они давно все влились в состав какого-нибудь соседственного государства”¹³⁵.

Таким образом, в исторической концепции А. И. Левшина рационалистические идеи просветителей, объясняющие происхождение социальных институтов и политического строя кочевников из духовной сферы (нравов и обычаев), противостояли поискам действительной закономерности общественного развития, характерным для того же просветительства. Так, во взглядах выдающегося исследователя казахского народа первой половины XIX в. выявилось противоречие, присущее всей русской историографии этого переломного периода.

По структуре многографического исследования А. И. Левшина делится на три части. Первая часть посвящена природным условиям жизни казахского народа, вторая — его истории в течение XVI—XVIII вв., третья — родоплеменному устройству казахов, их образу жизни, обычаям, культуре и т. п.

¹³⁴ Там же. С. 185—186.

¹³⁵ Там же. С. 6.

Первый том книги открывает большая глава, содержащая географический обзор казахского края. Для его написания А. И. Левшин использовал данные геодезических, топографических и гидрографических обследований степей, проведенных русскими остествоиспытателями и инженерами в первые два десятилетия XIX в. При описании западных регионов Казахстана он опирался главным образом на материалы экспедиций А. Ф. Негри 1820 г. и Ф. Ф. Берга 1825—1826 гг., а большую часть информации о северо-восточных территориях черпал из отчетов и дневниковых записей И. П. Шангина. Критически осмыслив все доступные ему материалы, А. И. Левшин отобрал в них только те сведения, которые подтверждались его собственными наблюдениями, или же другими письменными источниками. В результате этого ему удалось избежать многих традиционных для того времени ошибок и дать более или менее точную характеристику географического положения и природных ресурсов Казахстана.

В исследовании получили обстоятельное освещение орография, гидроресурсы, климат, характер почв, полезные ископаемые, растительный и животный мир Казахстана, археологические памятники некоторых обширных регионов края. Кроме того, А. И. Левшин привел все известные в его время геологические данные о степях. Их изучение дало основание автору утверждать, что земли казахов хранят “следы пребывания своего под волнами морскими”¹³⁶.

Большой научный интерес для своего времени представляли попытки А. И. Левшина охарактеризовать ландшафтные зоны на территории казахской степи¹³⁷. Под термином “киргиз-казачья степь” он понимал огромное пространство, заключенное между реками Уил, Урал, Тобол и Иртыш с северной стороны, Каспийским и Аральским морем на юго-западе, и на востоке — Алтайским хребтом и Цинской империей. Все это пространство автор делил на семь полос (зон или поясов), руководствуясь учением о ландшафтах, разработанных А. Гумбольдтом. В основе указанного учения лежала идея о закономерности связей явлений природы (климата, рельефа, почвы, растительного и животного мира и т. д.), опирающаяся на

¹³⁶ Там же. Ч. 1. С. 54.

¹³⁷ Бейсенова А. С. Исследование природы Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 63.

сравнительный метод в естествознании¹³⁸. Зональное деление А. И. Левшин производил с севера на юг и с запада на восток. При выделении зон или полос особое значение он придавал почве, климату и органическому миру (в основном растительности). По этим характеристикам ученый отнес первую полосу, заключающую территории северного Казахстана между 52° и 51° с. ш. к зоне, наиболее пригодной для земледельческих занятий. Остальные шесть полос, охватывающих подуральское плато, плато Устюрт, северное Приаралье, территории Юго-Западного и часть территорий Восточного Казахстана в районе оз. Зайсан, могли использоваться, по его представлению, преимущественно для кочевого скотоводства. Таким образом, внедрение в исследовательскую практику достижений новой географии, впервые осуществленных А. Гумбольдтом, позволило А. И. Левшину гораздо ближе своих предшественников подойти к проблеме взаимодействия мира природы и мира человека и охарактеризовать локальные различия экологических условий Казахстана, играющие важную роль в выборе людьми конкретных форм и способов экономической деятельности.

Специальный раздел первого тома автор посвятил географическому и историческому описанию реки Сырдарья, а также территорий, непосредственно примыкающих к ней и к Аральскому морю. Основными источниками для написания этого раздела явились сочинения античных и средневековых европейских авторов, данные русских летописей, записки отечественных и зарубежных путешественников XVIII в. В этом разделе он попытался осветить вопрос о месте нахождения древнего русла Сырдарьи, берега которой издавна населяли многие среднеазиатские народы. Однако достигнутый к тому времени уровень исторической критики материалов, как и состояние самой источниковой базы, делали решение этой задачи весьма малопродуктивным. Более успешными были попытки А. И. Левшина дать относительно подробное описание Аральского моря, тогда еще не исследованного учеными. Автор привел разные варианты его названия из русских летописей и местных народных преданий, сообщил интересные сведения о бассейне Ара-

¹³⁸ Саушкин Ю. Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980. С. 46.

ла и прилегающих к нему территориях из трудов русских и европейских ученых.

Текст первого тома ученый сопроводил “Картой земель, принадлежавших киргиз-казакам, и Туркестана”, составленной им в 1831 г. на основе новейших нарративных и картографических материалов. Она охватывала весь Казахстан, за исключением бассейна Черного Иртыша и Алтая. На этой орогидрографической карте впервые в истории картирования среднеазиатских территорий были относительно верно показаны истинные очертания Аральского моря и на нем помечено несколько крупнейших заливов, мысов, остров Барса-Кельмес и целая группа мелких островов.

В основном точно нанесены на карту более или менее крупные реки Западного Казахстана, северной части и Иртышского бассейна, соответствует действительности также расположение рек Аксу, Саркан, Биен, Каратал, Аягуз и Коксу, но крайне упрощенно передано течение р. Или, хотя оно и имеет здесь определенное широтное направление.

Большой степенью подробностей отличается также орографическая нагрузка карты. Мифические горные хребты, изображавшиеся ранее на Устюрте, заменены у Левшина реально существующими плато — “чинками”. На Мангышлаке показаны хребты Каратау и Актау под названиями “Каратаг” и “Актаг”, на востоке отдельно обозначены Калбинский хребет, Тарбагатай и Джунгарский Алатау, а к югу от Балхаша верно переданы контуры хребта Кунгей Алатау, а также незначительные возвышенности Сюгаты и Турайгыр¹³⁹.

Достаточно правильно отмечены на карте очертания и местоположение песчаных массивов Больших и Малых Барсуков, приаральских Каракумов и Кызылкумов. Гораздо менее точно передает карта А. И. Левшина орографию центральной и южной частей Казахстана, остававшихся долгое время недоступными для российских ученых. Пространство между 47—91° и 69—77° представляет собой белое пятно, где очень неопределенно показано только течение Чу и Таласа¹⁴⁰. Карта убедительно свидетельству-

¹³⁹ Горбунов А. П. Основные черты развития в России картографических представлений о территории Казахстана в течение XVII, XVIII и XIX вв. // Учен. зап. АГПИ. Сер. физ.-мат. и естеств.-географ. Алма-Ата, 1957. Т. 8. С. 122.

¹⁴⁰ Там же. С. 122—123.

ет о больших достижениях русской науки в области накопления географических знаний о Казахстане к началу 30-х гг. XIX в. и вместе с тем дает представление о тех серьезных проблемах, которые ей в будущем предстояло разрешить.

Второй том исследования, названный "Исторические известия о киргиз-кайсаках, или киргиз-казаках", подробно освещает историю казахского народа. В нем впервые в науке автор систематизировал все известные в его время западноевропейские и русские источники о казахах и проследил историю политических событий в регионе с XVI до начала XIX вв. О большом научном значении для современников этого исторического экскурса в далекое и сравнительно недавнее прошлое казахского народа один из рецензентов труда А. И. Левшина писал в 1832 г.: "Сия часть заслуживает особого внимания по важности предмета, новости оного, и по любопытным сведениям, изложенным с возможною точностью, принимая в уважение скудость материалов"¹⁴¹.

Историческая часть работы состоит из пяти глав. В качестве главы в монографию была включена ранее опубликованная в "Московском вестнике" статья А. И. Левшина "Об имени киргиз-казаков и отличии их от подлинных, или диких, киргизов". Она интересна прежде всего первой постановкой в науке проблемы этногенеза казахского народа. Кроме того, здесь приведены важные соображения автора об истоках происхождения названия "киргиз-кайсаки" и "киргизы" применительно к казахам. А. И. Левшин писал, что "набеги и грабежи древних, или подлинных киргизов на сибирские города и селения сделали имя их столь страшным и ненавистным, что россияне вместо брани, дали оное и казачьим ордам, которые после киргизов наиболее делали вреда южным областям Сибири". Наряду с этим, он считал, что "к составлению названия "киргиз-кайсаков" побуждало, конечно, и то, что народ сей, именуясь казаками, не мог быть в разговоре удобно отличаем от новых обитателей Сибири, ибо сам Ермак, сподвижники его и потомки их были казаки"¹⁴². Последнее утверждение, по-видимому, следует считать наиболее близким к истине, подтверждением чему может служить совпадение позиций А. И. Левшина с научной

¹⁴¹ Северная пчела. 1832. № 272. 11 ноября.

¹⁴² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. II. С. 21—22.

трактовкой этого вопроса в работах советских ученых разных лет¹⁴³.

Заслуживает одобрения и настойчиво проводимая русским историком мысль о том, что в целях восстановления исторической справедливости по отношению к казахскому народу следует “вместо искаженного слова “кайсак” употреблять “казак”, а потому говорить и писать “киргиз-казаки” или “киргиз-казачьи орды” вместо “киргиз-кайсаков” и “киргиз-кайсацких орд”. Таким образом можно сохранить сему народу название, которого, по крайней мере, вторая часть будет подлинное его имя, а первая останется при второй как прилагательное, или прозвание, данное россиянами”¹⁴⁴.

В двух последующих главах работы кратко излагается история казахов в эпоху средневековья. Автор критически осмыслил всю западноевропейскую и русскую литературу о казахском народе, но по причине незнания восточных языков не смог опереться на доступные в его время монгольские, тюрко- и персоязычные источники, а русских переводов этих материалов еще не существовало. В связи с этим ряд сведений, приводимых в исследовании Левшина по проблемам древней и средневековой истории казахов, не отличается большой степенью достоверности и полноты.

Особый интерес для современников представляли страницы третьей главы монографии, посвященные истории русско-казахских отношений XVI — нач. XVIII вв. В ней впервые систематизированы исторические сведения о казахах, накопленные в России к первой трети XIX в., и предпринимались важные попытки осмыслить сложный и противоречивый характер политической истории казахского народа накануне присоединения его к России. С сожалением можно констатировать, что со времени А. И. Левшина историческая наука не сумела продвинуться далеко вперед в изучении этой важной проблемы и ученым еще предстоит очень многое сделать для воссоздания более или менее полной и объективной исторической картины международных отношений на северных этнических границах Казахстана в эпоху позднего средневековья и в начале Нового времени.

¹⁴³ Ибрагимов С. К. Еще раз о термине “казак” // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР, 1960. Т. 8; Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. (См. примеч. С. И. Вайнштейна. С. 580).

¹⁴⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. 2. С. 92—93.

Наиболее ценными в научном смысле явились две последние главы второго тома, в которых Левшин попытался подробно осветить историю трех казахских жузов. В отношении казахов Старшего жуза ему не удалось в полной мере реализовать эту задачу, так как исследователь не располагал восточными источниками, а в доступных ему русских архивных материалах нужных сведений о населении Южного Казахстана было мало. Свои ограниченные возможности в изучении указанной проблемы хорошо сознавал и сам автор, говоря о том, что «присоединение к Российской империи Средней и Меньшей орд сблизило их с нами, но не доставило нам возможности следовать за постепенным ходом событий в Большой орде, оставшейся тогда в независимости: почему исторические познания наши о состоянии ее в XVIII столетии гораздо поверхностнее, нежели сведения о киргизах, подданных России»¹⁴⁵.

Обычно все исследователи Казахстана достаточно высоко оценивают второй том работы, в основном как ценный источник по широкому кругу исторических вопросов. Между тем в исследовании А. И. Левшина содержится много интересных мыслей и суждений, которые в ряде случаев не утратили своей научно-практической значимости и в наши дни.

Историческое обозрение Младшего и Среднего жузов со времени установления дипломатических отношений казахов с Российским государством до начала XIX в. дано автором довольно обстоятельно. В хронологической последовательности описываются все события, предшествовавшие и сопутствовавшие принятию населением Младшего жуза российского подданства, освещена внешняя и внутренняя политика казахских ханов, их взаимоотношения с царской пограничной администрацией, показан сложный и противоречивый характер политических процессов в Казахстане на протяжении XVIII — начала XIX вв.

Присоединение северо-западных и северо-восточных регионов Казахстана А. И. Левшин рассматривает как добровольное подчинение русской императрице хана Младшего жуза Абулхайра с подвластным ему народом, закрепленное присягой о подданстве в 1731 г. Подписание этого юридического акта явилось, по мнению исследователя, неизбежным следствием разрастания кризисных яв-

¹⁴⁵ Там же. С. 74.

лений в казахском обществе и было вызвано совокупностью объективных (внешних и внутренних) факторов и субъективных причин. К первой группе предпосылок в монографии отнесены внешняя опасность для казахов со стороны Джунгарии, столкновения с калмыками, башкирами, правителями среднеазиатских ханств, неустойчивое положение ханской власти и обусловленной им рост внутренних междоусобиц, торгово-экономические интересы казахской знати и потребность крупных скотовладельцев в новых пастбищах. Под субъективными причинами в исследовании выступают личное честолюбие и корыстолюбие самого хана Абулхаира и его ближайших сторонников (Семеке, Жолбарс и др.), “предполагавших усилиться покровительством могущественной державы”. Отмечая большую роль тех и других факторов в формировании внешнеполитической ориентации хана Младшего жуза на рубеже 20—30-х гг. XVIII в., историк писал: “...несчастные обстоятельства, непрерывные внутренние кровопролития, и хитрый ум хана Абулхаира изменили расположение народа до такой степени, что он после некоторых слабых опытов сопротивления решился по личным видам одного человека, привести в действие то, к чему не могло склонить его общее благо”¹⁴⁶. Надо сказать, что эти факторы определены А. И. Левшиным достаточно объективно. Их выделяет и современная историческая наука¹⁴⁷.

При описании конкретных исторических событий 30—40-х гг. XVIII в. в казахских жузах А. И. Левшин затронул отдельные серьезные вопросы, связанные с содержанием оформленного подданства. Таков вопрос об отношении к данному международно-правовому акту со стороны царского правительства и наиболее влиятельных политических сил в казахской среде (Абулхаир, Семеке, Жолбарс). Автор обращает внимание здесь на три существенных момента: возможный расчет казахских правителей на кратковременный характер подчинения иновечерской державе в надежде на скорое решение назревших проблем (“сравнив отдаленные выгоды независи-

¹⁴⁶ Там же. С 7 73.

¹⁴⁷ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3. С. 35—37; Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII — начале XX вв. Алма-Ата, 1981. С. 37—38; Ерофеева И. В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Историческая наука Советского Казахстана (1917—1956). Алма-Ата, 1990. с. 154—172.

мости с необходимостью скорой помощи и, может быть, твердо решившись при первом случае опять возвратиться к независимости, ближайшие приверженцы Абулхайра решились покориться императрице Анне"); специфичное для кочевого общества восприятие института подданства, отрицающее строгую подчиненность по вертикали и большую роль властных структур ("стремление к необузданной свободе"), и отсутствие у казахов самих традиций централизованной власти как действенного инструмента принуждения и внутривластной стабильности. Изначально противоположные по содержанию политические интересы и представления сторон явились, по убеждению А. И. Левшина, одним из основных источников тех драматических коллизий во взаимоотношениях казахских ханов и султанов с царской администрацией, которые были характерны для всей эпохи второй половины XVIII — начала XIX в.

В указанном контексте заслуживают внимания попытки автора "Описания киргиз-казацких орд" увязать внешнеполитическую деятельность некоторых наиболее влиятельных казахских правителей с экономическими потребностями кочевого общества, среди которых главную роль тогда играл земельный вопрос. Так, проблему подданства хана Среднего жуза Аблая А. И. Левшин рассматривает через призму заинтересованности казахов в пастбищах. Говоря о гибкой политике этого "умного и предприимчивого государственного деятеля", историк подчеркнул, что Аблай в противоположность некоторым менее дальновидным правителям Младшего и Среднего жузов постоянно старался сохранить дружественные взаимоотношения с Россией, "ибо значительная часть киргиз-кайсаков, ему повиновавшихся, кочевала при границах русских, в местах весьма выгодных"¹⁴⁸. Далее Левшин указал, что помимо соображений безопасности и выгод от использования удобных кочевков, Аблай руководствовался в своих действиях намерением учредить торговлю казахов в сибирских крепостях и получить военную помощь от России для борьбы с соседями.

Много ценных мыслей и наблюдений содержит исследование А. И. Левшина по вопросам истории международных отношений в Центральной Азии, в том числе о политических связях казахов с башкирами, калмыками,

¹⁴⁸ Левшин А. И. Описание киргиз-казацких орд. Ч. 2. С. 224.

Джунгарией, Цинской империей и Хивой. В нем впервые, по сравнению с другими историческими работами, (труды П. И. Рычкова, И. Г. Андреева, Г. И. Спасского, С. Б. Броневского и проч.) получили обстоятельное освещение масштабы и характер джунгарского нашествия ("актабын шубрунды"), прослежена эволюция казахско-ойратских отношений на протяжении 20—50-х гг. XVIII в., показано важное значение разгрома Джунгарии Цинами на изменение международной ситуации на границах казахских ханств. При изучении взаимосвязей казахов с соседними кочевыми и оседло-земледельческими народами автор отметил и попытался объяснить некоторые важные моменты формирования внешнеполитического курса России в регионе, но его интересные соображения о влиянии джунгарского фактора, особенно ойрато-казахских и ойрато-калмыцких отношений, на определение военно-стратегических приоритетов в политике царского правительства в Центральной Азии в середине XVIII в. пока еще не получили своего уточнения и более глубокого развития.

Особого упоминания заслуживают приводимые во втором томе меткие и точные характеристики крупных политических деятелей казахских жузов. Созданные на основе широкого круга эпических и документальных материалов, эти яркие по форме и впечатляющие исторические образы, прочно утвердились в сознании многих поколений историков и писателей. И поныне казахстанские исследователи, обращаясь к изучению внутренней и внешней политики таких казахских ханов, как Абулхаир, Абулмамбет, Аблай, других видных исторических личностей той эпохи, неизменно ссылаются на А. И. Левшина, как на одного из наиболее признанных авторитетов в жанре политического портрета.

Отмечая большие заслуги А. И. Левшина в изучении политической истории казахского народа, в то же время следует иметь в виду, что разработанная им концепция русско-казахских отношений по своей принципиальной сути не расходилась с официальной, по существу имперской, точкой зрения на эту проблему, в результате чего некоторые важные аспекты дореволюционного прошлого Казахстана получили у него тенденциозную и поверхностную оценку. Так, признавая факты злоупотреблений и насилия по отношению к казахам со стороны оренбургских пограничных властей, А. И. Левшин в то же время полностью оправдывал политику царской администрации в казахских

жузах, определяя ее характер, как “оборонительный”, направленный только на обеспечение безопасности юго-восточных рубежей России от набегов “воинственных номадов”, и в связи с этим резко осуждал освободительную борьбу народных масс под предводительством Срыма Датова, видя в ней только проявление честолюбия и корыстных интересов казахских старшин.

В других случаях он считал “буйный нрав”, жестокость и склонность к грабежу чуть ли не этническими чертами казахов, хотя они были присущи им не более, чем всем остальным народам. Категорически отвергая подобные необоснованные и несправедливые оценки, мы вместе с тем должны учитывать, что А. И. Левшин был представителем своей эпохи, воспринимавшим увиденное с позиции своего официального положения, своего сословия, своей культурной среды, полученного воспитания и образования, не исключавшего высокомерного подчас отношения к народам Востока. Стремясь быть беспристрастным летописцем и бытоописателем казахов, А. И. Левшин, тем не менее, подходил к поставленной им перед собой задаче с европоцентристских мировоззренческих позиций, под влиянием которых он некритически воспринял некоторые априорные суждения российских и зарубежных авторов по поводу нравственного облика казахского народа. При этом А. И. Левшин совершенно упускал из виду, что традиционное представление о якобы “дурных” нравах казахов отражало слабое знакомство европейцев с самобытной кочевой культурой азиатских народов и возникло главным образом из недопонимания их специфического образа жизни и своеобразных общественных отношений¹⁴⁹.

В некотором смысле отмеченная обличительная тональность авторских характеристик нравственных черт казахского народа была задана их целенаправленным антирусоистским пафосом в связи с наметившейся в русской литературе на рубеже 20—30-х гг. переоценкой прежнего романтического отношения к культуре Востока и утверждением новых принципов отражения действительности, согласно которым русский писатель “и в упоении

¹⁴⁹ На беспочвенность этих утверждений А. И. Левшина еще в начале 80-х гг. XIX в. обратил внимание выдающийся российский ученый В. В. Радлов, который писал, что “мы имеем здесь дело со ступенью цивилизации, противоположной культуре оседлых народов и нужно смотреть на их (т. е. казахов. — И. Е.) поступки и поведение с другой стороны”. См.: Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. С. 248—249.

восточной роскошью должен сохранить вкус и взор европейца”¹⁵⁰. Наконец, необходимо иметь ввиду, что А. И. Левшин сравнительно мало времени непосредственно соприкасался с самим казахским народом, и потому не располагал сколько-нибудь серьезными основаниями для широких обобщений и категорических утверждений. Выводы же, сделанные под впечатлением непродолжительного знакомства или в результате получения недобросовестной по разным соображениям информации, не могли быть на короткой временной дистанции подвергнуты особо тщательной проверке и потому не всегда являлись достоверными.

Правда, таких моментов в рассматриваемой работе сравнительно немного. Более того, А. И. Левшин часто вступал в противоречие с самим собой, говоря как о жестокости действий И. И. Неплюева и его преемников по отношению к казахам и башкирам, так и о разных достижениях в хозяйстве и культуре кочевых народов, где забывал о своих утверждениях, что ими руководит главным образом “страсть к хищничеству” и другим порокам. В целом же историческое исследование о казахам представляет собой ценный и добротный научный труд, получивший немалый резонанс в научном мире.

Особый интерес представляет третья часть книги А. И. Левшина, в которой дано этнографическое описание казахского народа. В предисловии автор указал, что этот том “есть плод его собственных... наблюдений и замечаний”, которые он “неоднократно сверял с показаниями самих киргиз-кайсаков и с мнениями людей, наиболее знающих сей народ”¹⁵¹. Этнографическая часть состоит из тридцати двух разделов, в которых подробным образом освещены все основные стороны экономического и социального развития казахов в XVIII — первой трети XIX в. Для ее подготовки А. И. Левшин привлек множество самых разнообразных источников, а также изучил внимательным образом работы своих предшественников по истории Казахстана. Благодаря этому, ему удалось не только систематизировать все накопленные к тому времени историко-этнографические сведения о казахам, но и существенно раздвинуть границы многих прежних представлений о кочевниках, их культуре и образе жизни.

¹⁵⁰ Белкин Д. И. Русские литераторы 20 — нач. 40-х гг. С. 56.

¹⁵¹ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. I. С. X.

Первые пять глав, основанные преимущественно на собранных А. И. Левшиным полевых материалах, посвящены этническому составу, образу жизни и миграциям казахов на территории региона. Сравнительно небольшие по объему, эти разделы насыщены ценнейшей этнографической информацией, поныне сохраняющей свое научное значение. Они, по существу, впервые позволили научному миру ознакомиться со сложной этносоциальной структурой казахского народа, его расселением, способом хозяйственной деятельности, типичными этническими особенностями и примерной численностью.

Исследователь сравнительно подробно списал родоплеменной состав Младшего и Среднего жузов, менее полно осветил структуру Старшего жуза. Несмотря на отдельные неточности, допущенные в работе (например, автор объединяет уаков и кереев в одно племя уаков-гирей), исследование А. И. Левшина дает в основном верную картину этнического состава и расселения казахов всех трех жузов на протяжении XVIII — первой четверти XIX в. Ученый указал основные места кочевания наиболее крупных племен и родов, особо подчеркнув, что все они, как и их подразделения, стараются “придерживаться одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменить сего обычая”. В дополнение к изложенному фактическому материалу А. И. Левшин впервые в исторической литературе дал начертания казахских тамг, что имело важное значение для последующего выявления родовой принадлежности и мест обитания различных социальных групп.

Большое внимание, которое уделено в работе освещению малоизученного родоплеменного состава казахского народа, было обусловлено прежде всего тем, что А. И. Левшин рассматривал этот вопрос в контексте более общей проблемы выяснения этносоциальной структуры кочевого общества. По его мнению, в основе общественной организации кочевников лежал племенной строй со своеобразной генеалогической иерархией родства. В общую конфигурацию этнической структуры исследователь включал субэтнические сословные группы (торе, кожа и проч.), обособленные от основной массы рядом привилегий, близостью к правящему слою. Сюда же входили патронимии в узком смысле этого слова, объединявшие группы относительно близких родственников. Аулы, или точнее, социальные группы низшего таксономического уровня, А. И.

Левшин рассматривал не только в качестве семейно-родственных объединений, но и хозяйственных организмов. Между ними были слабо развиты территориальные связи, в то время как общественная организация осознавалась казахами большей частью по генеалогической иерархии.

Кроме того, в работе неоднократно подчеркивается самоуправление общин и бессилие ханской власти, проистекавшее в кочевом социуме из дисперской организации общественного производства. Таким образом, труд А. И. Левшина впервые дает довольно четкую модель традиционной этносоциальной организации казахов, многие элементы которой в той или иной мере были учтены в более поздних работах дореволюционных ученых и ныне продолжают широко использоваться российскими и казахстанскими этнологами¹⁵².

Следует сказать, что этнические проблемы, связанные с выяснением состава, характера взаимосвязей и расселения казахских племен рассматриваются в работе А. И. Левшина в тесной сопряженности с социально-экономическими процессами, среди которых основное и определяющее место принадлежало системе материального производства номадизма. Справедливо отмечая, что кочевое хозяйство определяло все сферы жизнедеятельности казахского общества, Левшин рассматривает его особенно подробно. Заслуживают внимания великолепные по своей точности и полноте этнографические сведения автора об отдельных видах домашнего скота, о получаемой от него молочной и мясной пище, об изделиях из шерсти и шкур. Здесь же сообщается ценная информация об особенностях этих животных и условиях их содержания.

А. И. Левшин подчеркивает, что разведение скота и связанные с ним перекочевки казахов не являлись результатом произвольного выбора способа хозяйственных занятий, а были строго предопределены природными условиями окружающей среды. В этой связи значительное внимание автор уделит системе меридиального кочевания казахов, предполагавшей посезонное использование двух типов пастбищ: летних и зимних. При освещении этого слабо разработанного вопроса, он отметил такую характерную деталь эксплуатации пастбищных угодий, как на-

¹⁵² См.: Артыкбаев Ж. О. Этносоциальная структура казахов Северного и Центрального Казахстана во второй половине XIX в. АКД. Алма-Ата, 1989. С. 2; Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы — М., 1995.

личие существенных различий в условиях выпаса скота в зимнее и в летнее время. Исследователь заметил, что в зимний период кочевники были существенно ограничены в самой возможности кочевания присутствием и глубиной снежного покрова, а потому стремились проводить это время стационарно, либо свести число перекочевок к минимуму¹⁵³.

Говоря далее об организации системы кочевого скотоводства казахов, А. И. Левшин впервые в научной литературе обратил внимание на тот факт, что оно существовало как бы в дисперсном состоянии, в виде множества рассеянных по степи хозяйственных организмов. “Киргизы,— писал он,— редко кочуют большим числом в одном месте: ибо стадам их тогда бывает тесно”¹⁵⁴. Это очень важное положение ученого получило свое полное подтверждение и дальнейшее развитие на теоретическом уровне лишь в исследованиях последних лет на материалах ряда кочевых в прошлом народов евразийских аридных регионов¹⁵⁵.

Выделяя кочевое скотоводство как главную отрасль хозяйства казахов, А. И. Левшин попытался вместе с тем охарактеризовать роль, значение и масштабы распространения земледелия среди кочевого населения. Земледельческий труд ученый относил к числу вспомогательных хозяйственных занятий казахов, которое являлось главным образом уделом беднейших социальных слоев. Анализируя развитие хлебопашества на разных территориях региона, он обратил внимание, что земледельческие оазисы возникали прежде всего вблизи естественных водоемов, где “есть много долин, способных к хлебопашеству и населению, есть ключи чистой и здоровой воды, прекрасные луговые травы и леса”¹⁵⁶. Слабое развитие и незначительные размеры посевных площадей в казахской степи были обусловлены, по мнению автора, в первую очередь, неблагоприятными природно-климатическими условиями сре-

¹⁵³ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. III. С. 23.

¹⁵⁴ Там же. С. 24.

¹⁵⁵ Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984. С. 142—144; Он же. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 55—81; Марков Г. Е., Масанов Н. Э. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Сер. 8. История, 1985. № 4. С. 86—96.

¹⁵⁶ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. I. С. 35.

ды обитания казахского народа, препятствующими успешному выращиванию сельскохозяйственных культур. Характерно, что в отличие от многих своих предшественников и исследователей более позднего периода, А. И. Левшин не связывал непосредственно развитие земледелия с процессом оседания кочевых племен и писал по этому поводу, что “земледелие не делает их оседлыми.” Они “кочуют около своих пашен”, а после сбора урожая снимаются с этих мест¹⁵⁷.

В данном контексте особый интерес представляет сегодня вывод А. И. Левшина о нецелесообразности перевода кочевников на оседлость, которая, по его мнению, грозила казахам упадком благосостояния. Ученый полагал, что “польза их собственная и выгоды соседственных с ним держав, особенно России, требуют, чтобы они состояние богатых пастухов не меняли на состояние бедных земледельцев”¹⁵⁸. В советской исторической литературе это положение неоднократно оценивалось как методологически порочное и антинаучное в своей идейной основе, а его автор предстал в качестве казенного идеолога великодержавного курса оренбургских губернаторов П. П. Сухтелена и В. А. Перовского в регионе — противников приобщения казахов к оседлости и сельскохозяйственному труду.

Сегодня отношение ученых к данной проблеме нельзя считать таким однозначным, учитывая мнение некоторых компетентных кочевниковедов Казахстана о том, что оседание и соответствующие ему способы ведения хозяйства неэффективны в традиционной аридной среде обитания кочевников, в связи с чем процессы седентаризации в исторически обозримом прошлом никогда там не имели сколько-нибудь значительной сферы распространения и в доиндустриальную эпоху человечества практически были невозможны¹⁵⁹. Следовательно, скептическое отношение А. И. Левшина к перспективам приобщения казахов к оседлому образу жизни было для того времени далеко не беспочвенным, так как указанный переход совершали на глазах исследователя главным образом обедневшие семьи,

¹⁵⁷ Там же. Ч. III. С. 199.

¹⁵⁸ Там же. С. 30.

¹⁵⁹ Абылхожин Ж. Б., Масанов Н. Э. Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: Реальность и миф. // Всесоюз. науч. сессия по итогам полевых и антропологических исследований. 1988—1989. Тез. докл. Алма-Ата, 1990. ч. 3. С. 228.

лишившиеся скота, — своего основного средства существования в условиях кочевого хозяйства.

Определенное место в монографии уделено описанию домашних промыслов казахского народа, среди которых автор выделял по степени распространенности обработку шкур животных и выделку шерсти. Кроме того, А. И. Левшин указал на наличие в казахском обществе большого количества таких ремесленников, как медники, серебрянники, кузнецы и проч.

Не менее подробно рассмотрен в монографии и такой важный для понимания этногенетических процессов в крае вопрос, как развитие социальных отношений в кочевом обществе. В интерпретации этой сложной научной проблемы Левшин оставался в основном на методологических позициях своего времени, что не могло не сказаться на его конкретно-исторических взглядах. Следуя логике идеалистической концепции просветителей об определяющей роли “нравственного состояния народа” в политической организации общества¹⁶⁰, автор видел основные причины слабости верховной (ханской) власти у казахов в господстве анархических начал, под которыми подразумевал “своеволие” местных начальников и приверженность кочевников “необузданным страстям”. Эта ошибочная концепция общественного развития кочевников была широко распространена в трудах историков того времени и восходила еще к политико-правовой теории Ш. Л. Монтескье. Здесь ученый находился под сильным влиянием европейской историографической традиции, противопоставлявшей кочевые и оседлые народы, а потому не избежал известных тенденциозных представлений и преувеличений.

Тем не менее ряд наблюдений и мыслей Левшина о содержании института ханской власти в казахском обществе и ее взаимоотношениях с отдельными сословно-корпоративными группами кочевников, характере интеграции индивидов на уровне кочевых общин, об организации местного самоуправления, народных собраниях, роли обычного права в системе управления и т. п. сведения имеют в целом богатую и достоверную фактологическую основу и, хотя отдельные положения русского историка по этим вопросам были позднее уточнены и даже пересмотрены, но и по сей день они сохраняют большой научно-практический интерес и, пожалуй, нет ни одной работы по

¹⁶⁰ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. III. С. 154—155.

социальной истории кочевничества, где бы они не были в той или иной мере учтены.

При описании различных сторон быта и общественных отношений казахов А. И. Левшин приводит ценные сведения о нормах обычного права, регулировавшего жизнедеятельность кочевого общества на протяжении многих веков. В четырнадцатой главе он излагает содержание законодательного памятника хана Тауке, относящегося в конце XVII в. Вариант “Жеты жаргы” в передаче А. И. Левшина включает 34 фрагмента законов и занимает 9 страниц текста третьего тома монографии (с. 170—178).¹⁶¹

По признанию специалистов, он является второй, более полной редакцией “Уложения” хана Тауке, учитывая опубликованную в 1820 г. Г. И. Спасским запись одиннадцати фрагментов этого памятника в журнале “Сибирский вестник” (Ч. IX. СПб. С. 185—188). Между тем и эта редакция “Жеты жаргы” не представляет законодательный источник в первоначальном его виде. Как показали последние исследования советских историков, А. И. Левшин специально не выделял в своде известных ему норм обычного права казахов законы хана Тауке, в результате чего собственно нормы “Семи установлений” занимают довольно скромное место в его исследовании¹⁶².

Следует заметить, что наряду с изложением текста вышеупомянутого ценнейшего источника по истории казахов, ученый высказал некоторые интересные соображения о времени создания и общем характере законодательного “Уложения”. В дальнейшем все исследователи политического строя и правовых обычаев казахов обращались к “Жеты жаргы” исключительно по записи А. И. Левшина.

Проницательный взгляд ученого останавливался также на многих сторонах быта, народных традиций, материальной и духовной культуры казахов, которые остались вне поля зрения его предшественников, а спустя некоторое время недостаточно были оценены другими историками и

¹⁶¹ О факте выделения указанных фрагментов см.: Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М., 1982. С. 64.

¹⁶² Усеров Н. Исследование правового памятника “Жеты-жаргы”. АКД. Алма-Ата, 1977. С. 7; Ахметова Н. С. А. И. Левшин — исследователь обычного права казахов. // Известия АН КазССР. Серия обществ. 1981. № 4. С. 64; Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья. С. 65.

этнологами. Можно указать в этой связи на замечания А. И. Левшина относительно казахской музыки, в том числе о значении главных казахских музыкальных инструментов кобыза и сабызгы. Так, говоря о художественных возможностях кобыза, автор писал, что он “слышал на нем подражание пению птиц, очень близкое к природному”. Точно такое же пояснение он делает и по отношению сабызгы, которая, по сведениям исследователя, изготовлялась из камыша около аршина длиной и с 5—6 отверстиями. Кроме того, в отличие от других исследователей первой четверти XIX в., А. И. Левшин сообщил краткие сведения о домбре и старинном духовом инструменте шанкобызе или темиркобызе, на котором играли, “прикладывая его к зубам и приводя в движение тоненький стальной прутик, занимающий в нем место струны”¹⁶³. По сложившейся традиции он называет домбру балалайкой и считает, что ее казахи заимствовали у русских, но это утверждение было в дальнейшем полностью опровергнуто исследованиями советских музыковедов¹⁶⁴.

С большим интересом читаются страницы, посвященные народным обычаям казахов. Из красочного описания А. И. Левшина казахских ритуалов свадебных торжеств и поминок, сватовства, рождения детей, обычая приема гостей и др. можно почерпнуть массу интересных сведений о семейном быте казахского народа, а также о своеобразии брачных обрядов, связанных с выплатой калыма и сговором молодых.

В книге содержатся ценные материалы о праздниках и играх, состязаниях прославленных народных певцов-акынов, казахских преданиях и сказках. А. И. Левшин отметил большую силу приемов и изобразительных средств, используемых казахскими сказителями в произведениях устного народного творчества. “Красноречивые рассказчики, — писал он, умеют украшать повесть уподоблениями и природе подражающими словами: они голосами изображают крики разных животных... Во всех рассказах сего народа видно пылкое воображение и склонность к пиитическому энтузиазму”¹⁶⁵. Автором приведены также оригиналы

¹⁶³ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. III. С. 141.

¹⁶⁴ Там же. С. 141—142; Аравин П. В. Русские ученые о казахской музыке в XVIII — первой половине XIX в. // Музыкознание. Алма-Ата. Вып. IV. 1968. С. 8—9.

¹⁶⁵ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих орд. Ч. III. С. 140.

нальные сведения о народных развлечениях — борьбе, скачках, стрельбе из лука.

Подробные сведения сообщает А. И. Левшин о развитии метеорологических и астрономических знаний у казахов, принятой в среде кочевников-мусульман системы летоисчисления, мерах длины, веса и народной медицине. Большую научную ценность имеет содержащийся в монографическом исследовании богатый лингвистический материал. Казахский язык ученый справедливо относил наряду с татарским и турецким языками к группе тюркских языков, но вместе с тем фиксировал имеющиеся различия в их словарном составе и произношении отдельных звуков. Замечания Левшина о фонемах казахского языка, хотя и не вполне соответствуют современным представлениям, однако, по признанию лингвистов-тюркологов, свидетельствуют о наблюдательности и проницательности исследователя, точно подметившего ряд их специфических особенностей¹⁶⁶.

А. И. Левшин показал себя и как прекрасный лексикограф. Приводя в работе различные названия мест, по которым кочевали казахи, виды животных, растений и народные понятия, обозначающие те или иные социальные явления, он уделял большое внимание переводу, пояснению и толкованию казахских слов. В записях исследователя приводится большое количество местных топонимов, этнонимов и личных имен, представляющих интерес для современных историков и ономастов. Его суждения, факты и наблюдения по интерпретации и этимологизации казахских слов не потеряли своего научного значения и в настоящее время. Благодаря труду А. И. Левшина, в русский язык вошли и закрепились в нем такие казахские слова, как “аул”, “бай”, “байгуш”, “барымта”, “беркут”, “кумыс” и некоторые другие¹⁶⁷. Лингвистическими материалами ученого широко пользовались Ч. Валиханов, Н. А. Аристов, С. Аманжолов и другие известные этнологи и языковеды¹⁶⁸.

Обстоятельное изучение всех трех частей фундаментального труда А. И. Левшина убеждает в том, насколько

¹⁶⁶ Емельченко И. Р. А. И. Левшин как исследователь казахского языка. // Советская тюркология. 1975. № 4. С. 60.

¹⁶⁷ Там же. С. 65.

¹⁶⁸ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой орды и кара-киргизов. Спб.. 1895; Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959. С. 10, 22 и др.

значителен вклад русского ученого-востоковеда в исследование истории и этнографии Казахстана. Его труды оказали огромное влияние на развитие дореволюционной, советской и зарубежной историографии казахского народа и, несмотря на большую историческую дистанцию, отделяющую современную науку от эпохи создания "Описания киргиз-казацких орд", сохранили свою научную значимость и свежесть восприятия для читателей до сего дня¹⁶⁹.

В наше время труд А. И. Левшина является одним из основных источников при написании научных работ по разным проблемам политической и социально-экономической истории региона, истории культуры казахов, при исследовании этнических процессов в казахском обществе на протяжении XVIII — начала XIX вв. и других вопросов. Историки Казахстана постоянно обращаются к наследию этого выдающегося ученого, каждый раз открывая для себя новые факты, наблюдения, мысли и оттенки мнений, мимо которых по разным причинам прошли предшествующие поколения. Думается, что новое издание этого замечательного труда сделает его значительно более доступным не только для историков-профессионалов, но и для широкой читательской аудитории.

Пользуясь случаем, автор данного очерка выражает глубокую благодарность за ценные консультации и помощь в поиске необходимых документов о жизни и деятельности А. И. Левшина заведующему отделом русского и иностранных языков Киргизского научно-исследовательского института педагогики, кандидату исторических наук Льву Аврумовичу Шейману, доктору исторических наук, профессору Казахского государственного университета им. Аль-Фараби Нурбулату Эдигеевичу Масанову, заслуженному деятелю культуры Казахстана, библиографу Александру Сергеевичу Данилову, сотрудникам Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и Архива внешней политики России Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Ирина ЕРОФЕЕВА,
кандидат исторических наук

¹⁶⁹ Это обстоятельство отмечают и авторы фундаментального исследования "История отечественного востоковедения до середины XIX в.". М., 1990. С. 201-202, 397.



СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВГР** — Архив внешней политики России МИД Российской Федерации
АКД — Автореферат кандидатской диссертации
ВИ — Вопросы истории
ВРГО — Вестник Императорского Русского географического общества
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАОрО — Государственный архив Оренбургской области
ЗРГООЭ — Записки Русского Географического общества по отделению этнографии
ИЖ — Исторический журнал
КРО-1 — Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сборник документов). Алма-Ата, 1961.
ЛО ААН — Архив Российской Академии наук. Ленинградское (ныне Санкт-Петербургское) отделение
ЛО ИВАН — Институт востоковедения Академии наук РАН. Ленинградское (ныне Санкт-Петербургское) отделение
МИКХ — Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
МИКССР — Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. (1785—1828 гг.). М.-Л., 1940; Т. II. Ч. 2. (1741—1751 гг.). Алма-Ата, 1948.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея Российской Федерации.
ОЗ — Отечественные записки
ПКСО — Памятная книжка Семипалатинской области
ПСУП — Полное собрание ученых путешествий по России.
РА — Русский архив
РАО — Русское археологическое общество
РО ЛОИИ — Рукописный отдел Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) отделения Института Российской истории РАН
РС — Русская старина
РЯЛКШ — Русский язык и литература в киргизской школе
СА — Советская археология
СВ — Сибирский вестник
СНВ — Страны и народы Востока
СП ЗСОРГО — Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества.
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов Российской Федерации
ЦГА РК — Центральный Государственный архив Республики Казахстан
ЦИАЛ — Центральный государственный исторический архив Российской Федерации в г. Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге)
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абат, казахский батыр 449.
- Абдаллах-хан (1583—1598), шайбанид, бухарский (узбекский) хан 154, 481.
- Аблай, казахский султан, сын хана Джангира и дед хана Аблая 164, 489.
- Аблай, ойратский тайжи 445, 446.
- Аблай (1711—1781), хан Среднего жуза (с 1771 г.), сын султана Вали 102, 164, 174, 176, 198, 201, 202, 206, 225, 230, 235—242, 244, 247, 249—251, 253—259, 280—282, 299, 363, 487, 489, 490, 494, 496—498, 501—503, 506, 582, 583.
- Абулгазы, султан Младшего жуза, сын хивинского хана Каипа 274, 276, 279, 284, 511.
- Абулгази Баядур-хан, Абу-л-гази Бахадур-хан (1603—1655), хивинский хан и историк 125, 136, 137, 148, 153, 160, 162, 163, 299, 458, 463, 473, 475, 481, 483.
- Абульмагмет, Абульмамет, Абулмамбет (конец XVII в.—1771), хан Среднего жуза (с 1739 г.), сын хана Болата 161, 162, 165, 198—200, 202—205, 209, 211, 224, 239, 240, 242, 247, 250, 253, 254, 257, 300, 361, 497, 502, 583.
- Абульфедя, Абульфидя, Абу-л-Фидя (1273—1331), арабский географ и астроном 58, 110, 131, 132, 149, 150, 441, 458, 474.
- Абульфейс, Абулфейс (ум. 1783 г.), султан Среднего жуза, сын хана Абулмамбета 161, 241, 244, 250, 251, 253, 257.
- Абулхайр, правитель государства кочевых узбеков (1428—1468) 475—477, 479, 483.
- Абулхайр, Абульхайр, Абулхайр (1693—1748), хан Младшего жуза (с 1710 г.), сын султана Кажи 36, 68, 161, 162, 166—170, 178—188, 191—211, 213—224, 226, 228, 245, 264—268, 273—275, 278, 279, 284, 289, 300, 327, 340, 341, 361, 363, 399, 436, 437, 451, 482—485, 491—495, 498—501, 509, 514, 550, 580—583.
- Авраам, Абрам, мифический родоначальник евреев 295, 517, 552.
- Авриль Филипп, французский миссионер ХУП в. 128.
- Адиль, султан, сын хана Аблая 256.
- Адиль, султан, сын хана Абулхайра, брат хана Нуралы 222.
- Айтяк, Айтеке Байбек-улы (1682—1766), бий Младшего жуза 165.
- Айчувак (каз. Айшуак) (ок. 1720—1810), хан Младшего жуза (1797—1805), сын хана Абулхайра 214, 221, 222, 224, 232—234, 241, 250, 251, 265, 266, 278, 279, 283, 348, 432, 485, 501, 509, 511, 550.
- Аккаяк, брат казахского старшины Берды-хожи 259.
- Акназар-хан, см. Хаккназар.

- Алантуш, см. Жалантос.
- Д'Аламбер Жан Лерон (1717—1783), французский просветитель 540.
- Алача-хан, Алаша-хан, легендарный правитель казахов 146.
- Алдар, Алдарбай, см. Исекеев Алдар
- Алеев Абдулла (Батырша), предводитель башкирского восстания 1755 г. 231, 503.
- Александр Великий (Македонский) (356—323 гг. до н. э.), создатель мировой империи 112, 113, 116, 117, 120, 121, 123, 126, 453, 456, 459.
- Александр I, российский император (1801—1825) 283, 510, 542, 549.
- Александр II, российский император (1855—1881) 569.
- Алексеев, поручик 450.
- Али (ум. 661), арабский халиф 314, 520.
- Алтан-хан, Алтын-хан, основоположник династии ханов Восточной Монголии 139, 140.
- Аманжолов Сарсен Аманжолович (1903—1958), советский тюрколог-языковед, член-корр. АН. Каз. ССР. 594.
- Аммиан Марцеллин (ок. 330—ок. 400), римский историк 126, 459.
- Амурсана (1722—1755), джунгарский нойон 173, 229, 230, 236, 238, 248, 487, 488, 501, 502.
- Д'Ананиа Лоренцо, европейский миссионер 438.
- Д'Анвиль (Данвиль) Жан Батист Боргильтон (1697—1782), французский географ, картограф, путешественник 113, 115, 127, 439.
- Андреев Иван Григорьевич (1743—после 1804 г.), военный инженер, капитан 288, 512, 583.
- Андриевский, астраханский губернатор 511.
- Анжу Петр Федорович (1796—1869), российский географ, участник экспедиции Ф. Ф. Берга 52, 434.
- Анна Иоанновна, российская императрица (1730—1740) 169, 170, 178—180, 183, 184, 189, 190, 226, 244, 253, 268, 361, 485, 491, 582.
- Апухтин Аким Иванович (1724—1798), губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1783—1784) 259.
- Арабшах, см. Ибн-Арабшах.
- Аравин П. А., советский музыковед 8.
- Аралбай, старшина Старшего жуза 170, 184.
- Арапов Матвей, переводчик Оренбургской комиссии 555.

- Арасгельды, батыр Старшего жуза 170, 184.
- Арик Буги, брат монгольского хана Угэдея 465.
- Аристов Николай Александрович (1843-?), русский этнограф-тюрколог 478, 594.
- Аристотель (384—322 гг. до н. э.), древнегреческий философ и ученый 116, 351, 456, 525.
- Ариан (конец I- нач. II вв. н. э.), древнегреческий историк 117, 122, 123, 456.
- Арслан-хан, см. Касым-хан.
- Арсланов Шубай, служащий Оренбургской комиссии 172.
- Артаксеркс Мнемон, царь государства Ахеменидов 454, 455.
- Аршинский Данила Данилович, сын боярский, нерчинский воевода, посол. 139.
- Арунгази, Арынгазы (ум. 1833), хан Младшего жуза (1816—1821), сын султана Абулгазы 284, 363, 511, 550, 551.
- Асан Кайгы, казахский философ XVI в. 449, 525.
- Асанов Мансур, оренбургский казак 172.
- Асцелин, итальянский монах-домениканец 127, 459.
- Ахмет-шах, Ахмад-шах Дуррани (ок. 1721—1772), афганский шах (с 1747 г.) 242, 504.
- Ахмет, татарский царевич, чингизид, сын крымского хана 535.
- Ахметова Н. С., советский и казахстанский историк-правовед 8.
- Аюка (1646—1724), хан волжских калмыков (с 1672 г.) 221, 499.
- Аю-сырым, потомок мифического родоначальника казахов Шомекея 148.
- Бабер, Бабер-мирза, Бабур Захир-ад-дин Мухаммед (1483—1530), тимурид, основатель империи Великих Моголов 132, 148, 153, 154, 462, 473, 475, 477, 478.
- Байбек, теленгут 188.
- Байер Теофил (Готлиб) Зигфрид (1694—1738), немецкий историк-востоковед, акад. Петерб. АН 112, 454.
- Бакуви Абд ар-Рашид Ибн Салих (Якути), арабский географ XV в. 131, 462.
- Балкашин, царский чиновник 56.
- Барак (ум.1750), султан Среднего жуза, сын хана Турсуна 164, 206, 209, 211, 215—219, 225, 227, 254, 256, 283, 284, 483, 494, 499, 510.
- Барак, батыр Младшего жуза 270.

- Барданес Христофор, сотрудник экспедиции И. П. Фалька 436, 559.
- Багатур, см. Эрдени Батур-хунтайджи.
- Бартольд Василий Владимирович (1869—1930), российский востоковед, акад. Петерб. АН 468, 469, 478, 566.
- Батур, см. Эрдени Батур-хунтайджи
- Батур-Убаши, ойратский полководец 501.
- Батый (ум. 1255), хан Золотой Орды 127, 437, 460, 476.
- Батыр (ум. 1771), султан Младшего жуза, сын казахского хана Каипа, зять хана Абулхаира 161, 222, 226, 228, 241, 263, 284, 491, 494, 500, 511.
- Батырша, см. Алеев Абдулла
- Безносиков А. С., сержант, участник посольства к Йунус-ходже 442, 444.
- Бейсенова А. С., советский и казахстанский географ 8.
- Бекбулат, сибирский князь из династии тайбугинцев 156, 481.
- Беклемишев, царский чиновник 193.
- Беклемишева Пелагея Афанасьевна, бабушка А. И. Левшина 536.
- Бекмаханов Е. Б., советский историк 509.
- Бекович-Черкасский Александр (ум. 1717), кабардинский князь 113, 180, 451, 455, 491.
- Бекходжин Косенши, служилый башкир, участник миссии А. И. Тевкелева в Младший жуз 1731—1732 гг. 492.
- Бекчурин Мендияр, оренбургский переводчик 267.
- Бентам, полковник 94.
- Берг Лев Семенович (1876—1950), российский и советский географ, акад. АН СССР 566.
- Берг Федор Фёдорович (1793—1874), генерал-майор, руководитель военно-топографической экспедиции 1725—1726 гг. в Западный Казахстан 29, 52, 72, 118, 434, 457, 553, 575.
- Берды-хожа, казахский старшина 258, 259, 329.
- Бержерон Пьер (XVIII в.), издатель записок европейских миссионеров 347.
- Бехтень, киргизский правитель (князь) 139.
- Бичурин Никита Яковлевич, (о. Иакинф) (1777—1853), русский синолог 229, 573.
- Блеу Иоанн, Блеу Виллем Янсун (1571—1638), голландский географ, картограф и издатель 63.

- Болат (Пулат), хан Среднего жуза (ок. 1718—1723), сын хана Тауке 161, 165, 483, 492, 494.
- Большой Савва (1769—1827), врач, доктор медицины, сотрудник миссии Я. П. Гавердовского в Бухару 71, 82, 284, 442.
- Бопай (Папай), жена хана Абулхаира 197, 217, 218, 340.
- Борис Годунов (ок. 1552—1605), русский царь (с 1598 г.) 157, 481.
- Брискорн (Левшина) Елизавета Федоровна (ум. 1896), жена А. И. Левшина, дочь тайн. сов. Ф. М. Брискорна (1759—ок. 1824) 571.
- Броневский Семен Богданович (1786—1858), начальник Отдельного Сибирского корпуса (1823—1826) 106, 288, 446, 512, 583.
- Брутон, английский путешественник 329.
- де Бруин (Дебрюн, Лебрен, Лебрюн) Корнелий (1652—1714), голландский живописец и путешественник 128, 461.
- Брун Ф., искусствовед 450.
- Брюллов Карл Павлович (1799—1852), российский художник 536.
- Брюн Конрад (Мальт-Брюн) (1775—1826), датский географ, журналист 115.
- Букей (ум. 1815), хан Внутренней казахской орды (с 1812 г.), сын хана Нуралы 279, 280, 287, 293, 509, 511, 512.
- Букей (ок. 1735—1819), хан Среднего жуза (с 1817 г.) сын султана Барака 283, 284, 362, 444, 510.
- Букенбай, Богенбай (ум. 1741 г.), старшина, знатный батыр Младшего жуза рода табын, поколения жетыру 182, 195, 492, 493.
- Букенбай, Богенбай (1690—1775), батыр Среднего жуза, рода канжигалы, племени аргын 492.
- Букенбай, Богенбай, батыр Среднего жуза, рода шакшак, племени аргын 167.
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), русский писатель и журналист 556, 557.
- Бумын (ум. 552), основатель Тюркского каганата 464.
- Бунге Александр Андреевич (1803—1890), российский ученый-естествоиспытатель 443.

- Бупа, Бопа, сын султана Абулфеиса, султан Среднего жуза 257.
- Буркан, султан Младшего жуза, сын хивинского хана Каипа 274.
- Бурнашев Тимофей Степанович (1771—1850), горный инженер, участник российских посольств в Ташкент и Бухару 69, 101, 362, 437, 442.
- Бурун, ойратский посланник к хану Абулхаиру 498.
- Бутурлин Петр Леонтьевич (род. ок. 1683), бригадир, уфимский воевода 179, 491.
- Бухар-жырау (1693—1787), казахский народный поэт и сказитель 525.
- Бухгольц Иван Дмитриевич, подполковник, позднее бригадир. 491.
- Быков Яков, капрал, участник посольства Т. С. Бурнашева в Бухару 444.
- Бэр Карл Эрнест (рус. Карл Максимович) (1792—1876), немецкий и российский ученый-естествоиспытатель, акад. Петерб. АН 570.
- Бюлер Федор Андреевич (1821—1896), барон, российский историк, директор Московского Гл. Архива Мин-ва иностр. дел, зять А. И. Левшина 552.
- Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788), французский ученый-натуралист 118, 376, 457, 528.
- Бюшинг Антон Фридрих (1724—1793), немецкий историк, журналист и издатель 131.
- Вали, казахский султан, отец хана Аблая 164, 489.
- Вали (ум. 1821), хан Среднего жуза (с 1781 г.), сын хана Аблая 257, 258, 268, 280, 283, 494, 506.
- Валиханов Чокан Чингизович (1835—1865), казахский ученый и просветитель 5, 8, 448, 506, 565, 594.
- Валь Мартин (1749—1804), датский ботаник и путешественник 117.
- Василий III (Иванович) (1479—1533), великий князь Московский (с 1505 г.) 155, 480.
- Васильев, геодезист 254.
- Вельяминов Иван Александрович (1772—1837), генерал-губернатор Западной Сибири (1829—1834) 563.
- Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович (1830—1904), российский востоковед, почетн. член Петерб. АН 483.

- Венюков Михаил Иванович (1832—1901), российский ученый-географ и этнограф, публицист 565.
- Вечеслав, горный чиновник 57.
- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), чиновник по управлению Новороссийской губ. и Бессарабской обл., мемуарист 546.
- Визмитинов Сергей Кузьмич (1749—1819), генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1795—1796) 283, 510, 523.
- Витзен, Витсен, Витсен Николай Корнелиуссон (1641—1717), голландский географ и юрист 63, 137, 145, 155, 164, 442, 471.
- Вишневецкая В. А., советский и российский этнолог 8.
- Владимир I (ум. 1015), киевский князь (с 980 г.) 371, 527.
- Волконский Григорий Семёнович (1742—1824), оренбургский военный губернатор (1803—1817) 348, 524.
- Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865), генерал-майор, декабрист, сын Г. С. Волконского 547.
- Вольтер Мари Франсуа Аруэ (1694—1778), французский философ 540.
- Вольховский Владимир Дмитриевич (1798—1841), капитан Гв. Генерального штаба, декабрист 434.
- Воронцов Михаил Семёнович (1782—1856), граф, новороссийский губернатор 555, 557.
- Гавердовский Яков Петрович, глава российской торгово-политической Миссии в Бухару 36, 71, 88, 96, 435.
- Гагарин Матвей Петрович (ум. 1721 г.) князь, сибирский губернатор (1711—1719) 166.
- Гагарин П. П., князь 552.
- Гаджи Хальфа, см. Хаджи Халифа. Гадиль, см. Адиль.
- Гайтон (ум. 1308), армянский царь и путешественник 347, 524.
- Галдан Бошокту-хан (1645—1697), правитель Джунгарского ханства (с 1670 г.) 439.
- Галдан-Цырен, Галдан-Черен, Галдан-Церэн (1671—1745), джунгарский хан (с 1727 г.), сын Цэван-Рабдана 165—168, 171—173, 175, 179, 201—206, 209, 210, 212, 220, 225, 229, 235, 439, 484, 485, 487, 491, 497, 497, 498, 501, 502.

Галиев В. З., советский и казах- станский историк	8.
Гальба, римский император (сер. I в. н. э.)	523.
Гарбер, см. Гербер И. Г.	
Гардизи, персидский историк XI в.	463.
Гарткнох Иоганн Фридрих (1740— 1789), немецкий издатель и исто- рик	153.
Гаттерер Иоганн Кристоф (1727— 1799), немецкий историк	112, 115, 116, 123, 454.
Гаукаль, см. Ибн Хаукаль	
Геерен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842), немецкий историк	113, 115, 454.
Генс Григорий Федорович (1786— 1845), председатель Оренбургской пограничной комиссии	43, 94, 436, 563.
Георги Иоганн Готлиб (1729— 1802), немецкий ученый-географ и этнограф	118, 433, 436, 457.
Гербер (Гарбер) Иоганн Густав (ум. 1734), полковник русской регу- лярной службы	450.
Гербелот, см. Д"Эрбело.	
Герберштейн Сигизмунд (1486— 1566), германский дипломат	155, 356, 479.
Герман Карл Федорович (1767— 1838), российский статистик, акад. Петерб. АН	564.
Геродот, древнегреческий историк	112, 116, 120, 325, 454, 455, 522, 565.
де Гинь (Дегинь) Жозеф (1721— 1800), французский ориенталист	112, 115, 131, 140, 151, 454, 474.
Гирей (ум. в нач. 70х гг. XV в.), казахский хан, основатель Казах- ского ханства (не раньше 1469/70—не раньше 1473/74)	472, 483.
Гладышев Дмитрий, поручик, чи- новник Оренбургской комиссии	110, 172, 207, 438, 551, 555.
Глазенап Григорий Иванович (1751—1819), командующий Сибирскими линиями (1807—1819)	443.
Гмелин Иоганн Георг (1709—1755), немецкий ученый-географ, участ- ник 2-ой Камчатской экспедиции	445.
Гобиль (Гаубиль) Антоний (1689— 1759), европейский астроном, бо- таник и миссионер	137.
Гок (Джок) Реональд (Роман), ан- глийский купец	208, 499.
Гомер, легендарный древнегрече- ский поэт	351, 524, 557.
Гораций Флавий Квинт (65—8 гг. до н. э.), римский поэт	12, 557.

- Гордеев Филат, переводчик Оренбургской комиссии 238, 241, 242.
- Грейг Самуил Карлович (1736—1788), российский адмирал, командующий Балтийским флотом в русско-шведской войне 1788—1790 гг. 536.
- Гречихова Ю. Ю., советский и российский литературовед 8.
- Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), российский востоковед-тюрколог 449, 565.
- Губин Данила, служилый человек в Московском Посольском приказе, посланник в Ногайскую орду 155, 480.
- Гулаку, см. Хулаку.
- Гуляев Яков, чиновник Оренбургской комиссии 555.
- Гумбольдт Александр (1769—1859), немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник 43, 54, 436, 566, 567.
- Гурьев Д. А., министр финансов России 549.
- Гусейн, казахский султан, сын хана Таваккула 157.
- Гусейн Мухамеджан, см. Хусаинов Мухамеджан.
- Гуюк (Каюк), монгольский хан (1246—1248) 347, 465, 524.
- Давацци (Добачи, Лобачи) (ум. 1756), джунгарский хан (1753—1755), потомок Эрдени Батура-хунтайджи 229, 230, 439, 487, 501, 502.
- Давид, второй царь древнего Израиля 351.
- Давыдов Афанасий Романович, оренбургский губернатор (1759—1763) 239, 240.
- Дадам, см. Султан-Саидхан.
- Даждан, батыр Младшего жуза 270.
- Даир, султан Среднего жуза, сын султана Барака 254.
- Даир-кожа, легендарный правитель казахов 147.
- Данвиль, см. Д'Анвиль.
- Дарий I Гистасп, персидский царь (522—486 гг. до н. э.) 325, 522.
- Дарий II, персидский царь 455.
- Дарма Бала, родственница джунгарского хунтайджи, жена Аюки-хана 221.
- Датов Срым (Сырым) (ум. 1802), батыр Младшего жуза, предводитель народно-освободительного движения казахов 1783—1797 гг. 260, 262, 264—271, 273—277, 284, 342, 496, 505, 507—509, 511, 524, 584.

- Дебрэн, Дебрюн, см. де Бруин Корнелий.
- Дегинь, см. де Гинь Жозеф.
- Деланоз, Деланос, европейский историк 112, 115.
- Дербешали, Дербисали, казахский султан, зять хана Абулхаира 207.
- Джадек, Джадык (каз. Жадьк), султан, сын основателя Казахского ханства Джаныбека 161—163, 480, 483, 489, 494, 500.
- Джангир, Джахангир, Джангир (каз. Жангыр) (ум. 1652), казахский хан (после 1644 г.), сын хана Есима 160—163, 472, 482, 484, 494.
- Джангир (каз. Жангыр) (1804—1845), хан Внутренней орды (с 1824 г.), сын хана Букея 284, 511, 512.
- Джантюря, Джанторе (каз. Жанторе) (ум. 1809), хан Младшего жуза (с 1805 г.), сын хана Айчувака 283, 317, 511, 520.
- Джаны, Жаны, бий 341.
- Джаныбек, Жаныбек (ум. 1751), батыр Среднего жуза, первый тархан. 199, 205, 216, 217, 223, 225, 496, 497.
- Джаныбек, (каз. Жаныбек), казахский хан, основатель Казахского ханства (не раньше 1469/70—не раньше 1473/74) 472, 477, 480, 483, 494.
- Джаныбек, казахский (туркестанский) хан (после 1628—не раньше 1645), старший сын хана Есима 146, 472.
- Джаныбек, казахский султан 216, 217.
- Джахангир, см. Джангир.
- Дженкинсон Антони (ум. 1610/11), английский купец и дипломат 127, 128, 155, 461, 480.
- Джока, см. Гок Реональд.
- Джучи (каз. Жошы) (ум. 1227), старший сын Чингис-хана 153, 437, 460, 466, 472, 476, 516.
- Дизабул, Дизавул, см. Истеми.
- Дионисий, древнегреческий поэт и географ 114, 455.
- Дмитрий Донской (1350—1389), великий князь московский (1359) и владимирский (с 1362) 534.
- Добачи, см. Даваца.
- Дондук-Даша, Дундук-Даши, Дондук-Даши (ум. 1761), хан волжских калмыков (с 1757 г.) 208, 209, 235, 489, 499.
- Доспамбет, казахский акан XVI в. 525.
- Дюгамель Александр Осипович, военный топограф, сотрудник экспедиции Ф. Ф. Берга 52.

- Едигер, (Ядигер, Ядигяр), татарский князь в г. Искере из династии тайбугинцев 155, 481.
- Едикбай, казахский старшина 168.
- Едъгей (1352—1419,) эмир Белой орды, основатель Ногайской орды 445.
- Езид-хан, мифический правитель казахских племен 146.
- Екатерина II, российская императрица (1762—1796) 177, 241, 243—245, 253, 255, 256, 259, 261—263, 267, 269, 272—274, 276, 330, 350, 508, 556.
- Елизавета Алексеевна (1779—1826), российская императрица, супруга Александра I 556.
- Елизавета Петровна (1709—1761/62), российская императрица (с 1741 г.) 205, 206, 211, 219, 232, 238, 498.
- Емельченко И. Р., советский языковед-тюрколог 8.
- Ерали (Эрали), Ералы (ум. 1794), хан Младшего жуза (с 1791 г.), сын хана Абулхаира 170, 174—175, 184, 185, 187, 189, 191, 195, 197—200, 204, 224, 227, 228, 233, 234, 240, 250, 251, 267, 270, 273, 274, 275, 485, 505.
- Эратосфен, см. Эратосфен
- Ерзакович Б. Г., советский и казахстанский музыковед, акад. АН КазССР. 8.
- Ермак Тимофеевич, казачий атаман, завоеватель Сибири 144, 156, 471, 578.
- Ерофеева И. В., советский и казахстанский историк 8, 9.
- Есет (1667—1749), батыр Младшего жуза 493.
- Есим (Ишим) (ум. 1628), казахский хан (1598—1613 гг. и 1627—1628 гг.), сын Шигай-хана 146, 160—163, 472, 482, 494.
- Есим (Ишим) (ум. 1797), хан Младшего жуза (с 1795 г.), старший сын хана Нуралы 245, 246, 275—278, 505, 508, 509.
- Жалантос (Алантуш) (1576—1656), батыр Младшего жуза, эмир, правитель Самарканда 162.
- Жемчужников Аполлон Аполлонович (1800—1846), чиновник Оренбургского ведомства, декабрист 56, 440.
- Жобер Пьер Амедей Эмильен Проб (1779—1847), французский ориенталист 111, 452, 559.
- Жоламан Тленши, предводитель народного движения 1819—1825 гг. в Младшем жузе 509.

Жолбарыс (Юлбарс) (ок. 1690-5/IV 1740), сын хана Абдуллы, хан Старшего жуза (прим. С 1720 г.)	170—172, 485, 496, 581.
Загоскин, офицер, участник экспедиции Ф. Ф. Берга	52.
Земарк, Земарх, византийский посол	136, 464.
Зибберштейн, гарнизонный лекарь, путешественник	104, 105, 135, 445.
Зиманов С. З., советский и казахстанский ученый-правовед, акад. АН КазССР	509.
Зиновьев Михаил, геодезист, участник дипломатической миссии А. И. Тевкелева в Казахстан 1731—1732 гг.	492.
Зубов П. А., граф	523.
Иакинф, см. Бичурин Н. Я.	
Ибак, шайбанид, сибирский хан	480.
Ибн Арабшах Мухаммед (1392—1450), арабский историк	150, 474.
Ибн Баттута (1304—1377), арабский путешественник и географ	444.
Ибн Гаукаль, Ибн Хаукаль Абу-л-Касим, арабский географ X в.	131, 132, 462.
Игельстром Густав Отто Андрей (рус. Осип Андреевич) (1737—1817), генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1785—1790), оренбургский военный губернатор (1797—1799)	262, 263, 265—269, 272, 274, 278, 507, 508, 523.
Инайат-ходжа, отец правителя Ташкента Йунус-ходжи	489.
Иннокентий IV, папа римский	459, 460.
Иоанн Грозный, Иван Грозный (1530—1584), русский царь (с 1547 г.)	155, 156, 159, 160, 231, 460, 461, 480.
Ирдана-бий, правитель Коканда (1751—1770)	468.
Исекеев (Исянгельдин) Алдар (ум. 1740), башкирский тархан, старшина Бурзянской волости Ногайской дороги, участник миссии А. И. Тевкелева в Казахстан 1731—1732 гг.	179, 491, 492.
Истеми (Дизабул, Дизавул, Сильзибул, Синджиб) (ум. 552), великий хан тюрок	136, 464.
Ишим, см. Есим.	
Ишим-Мухаммед, хан каракалпаков	494.
Йунус-хан, дед хана Могулистана Султана-Саидхана	477, 478, 489.
Йунус-ходжа (Юнус-ходжа) (ок. 1756/7-1805/6), независимый правитель Ташкента	176, 177, 364, 437, 489.

- Кабанбай, батыр Среднего жуза 497.
- Кадырчиков Шима, башкирский батыр, участник миссии А. И. Тевкелева в Казахстан 1731-1732 гг. 492.
- Казак, мифический словенский полководец 153.
- Казбек, Казыбек Кельдибек-улы (1667—1763), бий Среднего жуза 165, 497.
- Казем-Бек Александр Касимович (1802—1870), российский востоковед, член-корр. Петерб. АН 453.
- Казтуган, казахский акын XV в. 525.
- Кайбакар, см. Кобяков Кайбакар
- Кайдалов Евграф, русский купец 440.
- Каип (ум. 1718), казахский хан (с 1715 г.), сын султана Косроу 161, 166, 178, 222, 226, 284, 330, 491, 500, 511.
- Каип (ум. 1791), хивинский хан (1745—1756), сын султана Батыра 177, 222, 226—228, 250, 251, 263, 267, 268, 270, 274, 275, 284, 330, 399, 491, 500, 523.
- Каип, султан, сын Табурчак-султана 494.
- Кальвские, графы 534.
- Камбар, казахский султан 103.
- Кара-Ахмет-ходжа см. Ходжа-Ахмад Ясави
- Кара-Булат, Караболат, казах торкаринского рода 298.
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), русский историк и писатель 129, 158, 461, 573.
- Карасакал (ок. 1705—1749), предводитель башкирского восстания 1740 г. 198, 201, 497.
- Каратай (ум. 1826), султан Младшего жуза, сын хана Нуралы 278, 508, 509, 511.
- Кара-кожа, мифический правитель казахов 147.
- Карелин Григорий Силыч (1801—1872), русский путешественник, географ и этнограф 434.
- Касым (Арслан-хан) (ок. 1448—1521), казахский хан (с 1512 г.), сын Джаныбек-хана 154, 477, 480, 494.
- Катон Младший (Утический) (95—96 гг. до н. э.), древнеримский республиканец, противник Цезаря 547.
- Кашка, ойратский посол к хану Абулхаиру 498.
- Каюк, см. Гуюк.
- Квинт Курций Руф, (I в. н. э.), римский писатель 124, 126, 458.
- Келлер Христофор (Целларий) (1637—1707), немецкий историк 123, 458.
- Кеппен Петр Иванович (1793—1864), российский статистик и демограф, акад. Петерб. АН. 570.

- Кефалидес, европейский историк 113, 118, 123.
Киатиб Челеби, см. Хаджи Халифа.
- Кир, персидский царь (557—529) 112, 114, 453, 454.
- Кирилл, Константин Фессалоникский, (ок. 827—869), славянский просветитель 138.
- Кирилов Иван Кириллович (1689—1737), начальник Оренбургской экспедиции (с 1734 г.) 159, 171, 186—194, 226, 485, 495.
- Клапрот Генрих Юлий (1783—1835), немецкий ориенталист 54, 111, 136—138, 143, 149, 151, 291, 292, 389, 439, 453, 465, 559.
- Кнорринг Карл Федорович (ум. после 1805), генерал, главнокомандующий войсками в Грузии и губерниях Астраханской и Кавказской 279, 280.
- Кобяков Койбакар, посланник Абулхаира к российским пограничным властям 168, 169.
- Койдагулов Сеит-Кули (Сеиткул), бий, посланник Абулхаира к русской императрице в 1730 г. 491.
- Кожакмет (Ходжа Ахмет), султан Младшего жуза, сын Абулхаира 197, 205, 207, 210, 211, 213, 214.
- Колумб Христофор (1451—1506), мореплаватель 303.
- Корнилович Александр Осипович (1800—1834), русский историк, декабрист 545, 573.
- Корсаков Петр Александрович (1790—1844), чиновник Азиатского департамента МИД 549, 551.
- Корф Модест Андреевич (1800—1876), русский государственный деятель и историк 566.
- Костенко Лев Феофанович (1841—1891), русский военный историк и статистик 528.
- Коштаев Кутлумбет, посланник Абулхаира к русской императрице в 1730 г. 491.
- Крюгер Франц (1797—1857), художник-портретист, представитель раннего немецкого романтизма 11.
- Круз Александр Иванович (1727—1798), российский адмирал, командующий Балтийским флотом в русско-шведской войне 1788—1790 гг. 536.
- Крюков М. В., советский и российский этнолог 559.

- Ксенофонт (445—355 гг. до н. э.), древнегреческий философ и писатель 113, 454, 455.
- Ктезий, Ктесий Книдский (V в. н. э.), древнегреческий врач и историк 116, 455.
- Куглукхан, предводитель найманских племен 476.
- Кунай-мурза, казахский старшина 496.
- Кундугур, крымский хан 145.
- Курганов Николай Гаврилович (1725—1796), русский просветитель, педагог, издатель 537.
- Кусяк-бек, Кусек-бек, джунгарский ставленник в Старшем жузе, правитель южных казахов 172, 173.
- Кучак, Кучук, Кушук, (ум. после 1785 г.), хан Среднего жуза (ок. 1730—1748), сын хана Турсуна 164, 225.
- Кучум (ум. ок. 1598), сибирский хан (с 1563 г.) 156, 157, 160, 162, 163, 314, 471, 480, 481, 520.
- Кятиб Челеби, см. Хаджи Халифа.
- Лама Доржи (1726—1752), джунгарский хан (с конца 1750 г.) 439, 487.
- Ланглес, Лангле Людовик Матвей (Луи Матье) (1763—1824), французский языковед, ориенталист, путешественник 122, 137, 149, 328, 351.
- Ларше, французский историк 112.
- Лебрюн, Лебрен, см. де Бруин.
- Левенштейн, Левенштейнский Сувола (Сцевол), швабский граф 534.
- Левшин Алексей Андрианович, прапорщик, дед А. И. Левшина 536.
- Левшин Андриан Степанович, надворный советник, прадед А. И. Левшина 535.
- Левшин Василий Алексеевич (1746—1826), русский писатель, переводчик, экономист 537.
- Левшин Данила Семенович, сын С. С. Левшина 535.
- Левшин Иракий Алексеевич (род. 1772), надворный советник, отец А. И. Левшина 536.
- Левшин Семён Семёнович, белевский воевода 535.
- Левшин Федор Алексеевич (1842—25/III 1884), сын А. И. Левшина 571.
- Левшин Яков Матвеевич, карповский воевода 535.
- Ледебур Карл Христиан Фридрих (1775—1851), немецкий ученый, профессор Дерптского ун-та 72, 442.

Лемм Бурхард Фридрих (1802—1872), астроном в Дерпте, участник экспедиции Ф. Ф. Берга	434.
Лепес, сын казахского старшины Берды-хожи	259.
Лепехин Иван Иванович (1740—1802), русский ученый-натуралист, путешественник, акад. Петерб. АН.	78, 443.
Лещев, царский чиновник	54.
Ливен Карл Андреевич (1766—1844), министр просвещения России	563.
Ликург (нач. IV в.—324 г. до н. э.), государственный деятель древних Афин	165, 527.
Линней Карл (1707—1778), шведский ученый-натуралист	436.
Липовцев Степан Васильевич (1772—1841), переводчик в Коллегии иностранных дел России	143, 174, 247, 323, 470.
Лихарев Иван Михайлович, генерал-лейтенант, руководитель военно-разведывательной экспедиции в верховья Иртыша	54, 64, 439, 445.
Лихтенштейн Мартин Гейнрих Карл (1780—1857), немецкий зоолог, путешественник	71, 74, 87.
Лобзан, Лобзан-Тушету-хан, Лоузан, третий правитель Халки из династии Алтын-ханов	140, 468.
Людовик IX, французский король	460.
Максимиллиан I (1459—1519), император Священной Римской империи	479.
Максимович Михаил Александрович (1804—1873), историк, фольклорист, филолог	546.
Максютов Ирназар, бухарский посланник	253.
Максютов, князь	228.
Мальт-Брюн, см. Брюн Конрад.	
Малеин А. И., русский переводчик и историк	479.
Мальцев Семён, русский посланник в Ногайскую орду	156, 160, 480.
Маметкул, племянник сибирского хана Кучума	156.
Мангу, см. Мунке.	
Манес, Мани, основоположник манихейства	313, 519.
Маннерт Конрад (1756—1834), немецкий историк и географ	115, 116, 124, 455.
Мансур, см. Асанов Мансур.	

- Маргулан Алькей Хаканович, советский археолог и этнограф, акад. АН КазССР 448.
- Масанов Н. Э., советский и казахстанский этнолог 596.
- Масанов Эдиге Айдарбекович (1926—1965), советский этнолог 7, 8.
- Махмуд Ибн Вали (род. 1595/96.), среднеазиатский историк 482.
- Мейендорф Егор Казимирович (1796—1865), барон, участник российской миссии А. Ф. Негри в Бухару 15, 25, 52, 56, 59, 62, 71, 75, 93, 96, 98, 101, 119, 432, 434, 452, 457.
- Мейер Карл Антонович (1795—1855), директор Санкт-Петербургского Ботанического сада, ученый-натуралист 72, 443.
- Мейер Лев Лаврентьевич, военный историк и статистик 449, 450.
- Менинский Франциск (1623—1698), немецкий ориенталист, автор турецкого словаря и грамматики 113.
- Меркатор Герард (1512—1595), фламандский географ и картограф 436.
- Миллер Герард Фридрих (1705—1783), российский историк, акад. Петерб. АН 106, 139, 437, 443, 445, 527, 529.
- Миллер Карл, майор Пензенского гарнизонного пехотного полка, переводчик 196, 197, 199, 203, 204, 206, 496, 498.
- Михаил Федорович (1596—1645), русский царь (с 1612), основоположник династии Романовых 247, 505.
- Моисей, библейский вождь 351, 371, 524.
- Монтескье Шарль Луи (1689—1755), французский философ 321, 521, 522, 540, 590.
- Мосгейм Иоганн Лоренц (1694—1755), немецкий историк и географ 63, 442.
- Муллагаев Кидряс, башкирский батыр, участник миссии А. И. Тевкелёва в Казахстан 1731—1732 гг. 492.
- Мунке (Мангу), монгольский хан (1248—1251) 127, 136, 317, 460, 465.
- Муравин Иван, геодезист 51, 59, 199, 202, 437—438, 498, 555.
- Муравьев Николай Николаевич (Карский) (1794—1866), русский военный и государственный деятель 52, 118, 119, 438, 457.
- Муртаза, отец сибирского хана Кучума 156, 160, 163, 314, 481.

- Мухаммед-Хайдар-мирза (1500—1551), среднеазиатский историк 473, 477.
- Мухаммед Шайбани-хан (Шейбани, Шайбан, Шахбахт-хан) (1451—1510), основатель династии Шайбанидов в Средней Азии 154, 163, 437, 477, 479, 481, 483.
- Мушкетов Иван Васильевич (1850—1902), русский геолог, исследователь Средней Азии и Казахстана 7, 566.
- Набоков Федор Карпович (1768—1831), казачий офицер, исследователь Приишимья 93, 443.
- Надир, персидский шах (1736—1747) 194, 201, 202, 374, 390, 496, 498.
- Назаров Доржи, калмыцкий тайджи, племянник Аюки-хана 159.
- Назаров Филипп Петрович (1784—после 1824), переводчик, глава русского посольства к кокандскому хану 60, 102, 122, 177, 441, 457.
- Назимов, инженер 199.
- Негри Александр Федорович (1784—1854), дипломат, глава русской миссии в Бухару 432, 434, 575.
- Немеху-Жиргал, ойратский ставленник на ханский престол 502.
- Неплюев Иван Иванович (1693—1773), наместник Оренбургского края (1742—1759) 166, 167, 203—211, 213, 214—218, 221—224, 226, 227, 229, 231—234, 239, 300, 390, 399, 487, 498, 585.
- Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, министр иностранных дел России 561.
- Нестор, древнерусский летописец 371, 527.
- Никитин В. П., русский исследователь 446.
- Николай I, российский император (1825—1855) 561.
- Нияз, Нияз, казахский султан 184, 189, 192, 494.
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), русский просветитель 537.
- Нурали, Нуралы (ум. 1790), хан Младшего жуза (1748—1786), старший сын хана Абулхайра 176, 197—200, 202, 211, 215—228, 232—239, 241, 242—246, 249—254, 256, 262, 264—268, 270, 272, 273, 276, 278, 287, 316, 329, 334, 348, 496, 505, 506, 508, 509, 512.
- Обозин Орадай, служилый башкир, участник миссии А. И. Тевкелева в Казахстан 1731—1732 гг. 492.
- Огуз-хан, Огуз-хан, мифический родоначальник тюрко-монгольских племен 135, 463.

- Олеарий Эльшлегер Адам (1599—1671), немецкий учёный и путешественник 128, 461.
- Омар-хан (Умар-хан) (1785—1822), кокандский хан (с 1811 г.) 490.
- Ондан, султан 481.
- Орда-Ичен, старший сын Джучихана 472, 477, 483.
- Ортелиус, Ортелий Авраам (1527—1598), голландский географ и картограф 63, 438, 442.
- Орус, см. Урус-хан.
- Осек, см. Уснак.
- Оттон, Отон, римский император в I-ой пол. 69 г. н. э. 325, 523.
- Павел I, российский император (1796—1801) 278, 280.
- Паллас Петр Симон (1741—1811), немецкий географ, естествоиспытатель и этнограф, акад. Петерб. АН 34, 40, 45, 57, 71, 74, 78, 85, 90, 91, 93—96, 106, 107, 118, 119, 146, 319, 375, 378, 435, 457, 472, 520.
- Пандер Христиан Генрих (рус. Христиан Иванович) (1734—1865), российский ученый-эмбриолог 25, 34, 35, 71, 78, 82, 86, 87, 96, 119, 434, 457.
- Патрокл, персонаж “Илиады” 121, 457.
- Пеголетти Франческо Балдуччи, флорентийский путешественник XIV в. 98, 444.
- Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), оренбургский военный губернатор (1832—42; 1851—57) 589.
- Пестель Павел Иванович (1793—1826), полковник, декабрист 547.
- Пети де-ла-Круа Франсуа (1653—1713), французский ориенталист 347, 358, 524.
- Петр I (Великий) (1672—1725), русский царь, с 1721 г. российский император 54, 63, 106, 145, 166, 167, 179, 180, 185, 222, 439, 455, 482, 485, 491, 492.
- Петр III (1728—1762), российский император (с 1761 г.) 211, 240.
- Пеулинг Александр Александрович, генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1790—1794) 273—275, 508.
- Пирали, Пырали (ок. 1745—1815), казахский султан, второй сын хана Нуралы 222, 225, 253, 274, 506.
- Плано Карпини Джованни (род. 1182), итальянский путешественник 127, 138, 305, 347, 460, 524.
- Платон, древнегреческий философ 351, 525.

- Плиний Старший (23 или 24—79 г. н. э.), римский писатель и ученый 122, 458.
- Покок Эдуард (1604—1691), английский ориенталист и философ 315, 520.
- Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), русский историк, писатель, журналист 536, 573.
- Полибий, древнегреческий историк 351, 525.
- Поло Марко (1254—1323), итальянский путешественник 121, 127, 459.
- Помпоний Мела (I в. н. э.), римский географ 122, 458.
- Попай, см. Бопай.
- Поспелов Михаил Семёнович (род. ок. 1774), горный чиновник, участник российской миссии в Ташкент 48, 49, 69, 101, 176, 364, 437, 442.
- Прометей, персонаж древнегреческой мифологии, титан 121.
- Птоломей, Птолемей Клавдий (ок. 90-ок. 160), древнегреческий астроном и географ 58, 116, 120, 123—126, 299, 440, 457.
- Пугачев Емельян Иванович (1740 или 1742—1775), предводитель крестьянской войны в России 252, 529.
- Пулат, Полат, туркестанский хан, сын хана Абулмамбета и брат султана Абулфеиса 161, 244, 257.
- Пунцук, торгоутский хан 499.
- Путинцев Андрей Терентьевич, переводчик Бухтарминской таможи 103, 444.
- Пушкин Александр Сергеевич, русский поэт и литератор 505, 536, 545, 556, 558, 566, 573.
- Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), русский историк и этнограф, акад. Петерб. АН 566.
- Радлов Фридрих Вильгельм (рус. Василий Васильевич) (1837—1918), немецкий и российский востоковед-тюрколог, акад. Петерб. АН 584.
- Рахманкуловы Отжас и Козяш, служилые башкиры, участники миссии А. И. Тевкелева в Казахстан в 1731—1732 гг. 492.
- Рашид ад-Дин (1247—1318), среднеазиатский государственный деятель и историк 136, 466, 475, 478.
- Рейнсдорп Иван Андреевич (ум. 1782), оренбургский губернатор (1768—1781) 247, 254.
- Ремюза Жан Пьер Абель (1788—1832), французский ориенталист 351, 358, 526.

- Репнин, князь 193.
- Ригильман, Ригельман Александр Иванович (1720—1789), подпоручик, военный инженер 108, 219, 448.
- Риттер Карл (1779—1859), немецкий ученый-географ, почетн. член Петерб. Акад. Наук. 445, 570.
- Риччи Маттео, итальянский миссионер XVI в. 438.
- Родофиникин Константин Константинович (1760—1830), директор Азиатского департамента МИД России 542, 546, 551, 561, 563.
- Роммель Христофор Филиппович (1781—1858), филолог, искусствовед, профессор Харьковского ун-та 538.
- Рубруквис, Руисбрук, де Рубрук Гильом (1215—1220—1293), итальянский путешественник 127, 136, 137, 305, 317, 337, 387, 460, 465, 475, 477.
- Рудольф I Габсбург (1273—1291), германский король и император Священной Римской империи 534.
- Рузбехан, Рузбихан Исфгани, см. Фазлаллах ибн Рузбехан Исфгани.
- Румянцев Александр Иванович (1680—1749), генерал-лейтенант, отец полководца П. А. Румянцева-Задунайского, денщик Петра I 191.
- Руссо Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ 320, 520, 521, 540, 543.
- Рустем, главный персонаж поэмы Фирдоуси "Шах-наме" 475.
- Рысс, калмычка, наложница хана Нуралы, мать султана Каратая 508.
- Рычков Николай Петрович (1746—1784), капитан, сын П. И. Рычкова 35, 58, 73, 83, 88—91, 93, 108, 145, 246, 248, 249, 312, 316, 435.
- Рычков Петр Иванович (1712—1777), первый член-корр. Петерб. АН, историк Оренбургского края 47, 55, 65, 67, 69, 93, 108, 166, 167, 170, 180, 181, 196, 210, 211, 247, 249, 437, 447, 448, 583.
- Садырбек, казах Младшего жуза 270.
- Саин Белек, ойратский полководец 501.
- Сайф ад-Дин Ахсикенди, среднеазиатский историк XVI в. 463.
- Санжип, Санжиб, сын калмыцкого хана Аюки и Дармы Балы 221.
- Сары-Манджи, ойратский нойон, командующий джунгарскими войсками в Семиречье 498.
- Сарытай, бий Младшего жуза 270.
- Святослав (ум. 972 г.), киевский князь 527.

- Сейдак, Сеид Ахмад, сибирский князь из династии тайбутиных 156, 481.
- Семеке (Шемяка) (ум. 1737), хан Среднего жуза (ок. 1723—1737), сын хана Тауке (?) 182—184, 187, 189—191, 194, 198, 492, 493, 581.
- Семёнов-Тяншанский Петр Петрович (1827—1914), русский ученый-географ и путешественник 565, 570.
- Сенге (1638—1678), ойратский тайджи 439, 468.
- Сенковский Йозеф Юлиан (Осип Иванович) (1800—1858), русский ориенталист и издатель 99, 152, 153, 444, 475.
- Сент-Круа Карломан Луи Франсуа Феликс (1767—1840), французский путешественник 112, 117.
- Септень, ойратский полководец 497.
- Сергазы (Ширгазы) (ум. 1835), хан Младшего жуза (1812—1824), сын хана Айчувака 283, 284, 326, 348, 349, 432, 511, 550—552.
- Сергазы (Ширгазы) (ум. 1820), султан Младшего жуза, сын хивинского хана Каипа 274, 330, 523.
- Сестренцевич-Богуш Станислав (1731—1826), митрополит Могилевский 153.
- Сильзибул, см. Истеми.
- Симонов, комендант Яицкого городка 252.
- Синджиб, см. Истеми.
- Соколов Никита Петрович (1748—1796), химик, член экспедиции П. С. Палласа 71.
- Сократ (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ 454.
- Солон (640—635—ок. 559 до н. э.), реформатор древних Афин 371, 527.
- Сомов Степан, поручик, участник экспедиции И. М. Лихарева 54, 63, 439.
- Сомов Орест Михайлович (1793—1833), писатель, критик, журналист 560.
- Спаский Григорий Иванович (1784—1864), историк Сибири, издатель научно-популярных журналов 75, 144, 443, 445, 446, 448, 470, 583, 591.
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), российский государственный деятель 510.
- Степанов Вельямин, русский посланник к хану Таваккулу 157.
- Страбон (64 г. до н. э.—24 г. н. э.), древнегреческий географ 113, 116, 120—122, 455.
- Строгановы, русские (камские) солепромышленники и купцы XVI в. 156, 471.

- Сугур, Сугыр, казахский старшина 168.
- Султанамет, Солтамамет, казахский султан, двоюродный брат хана Аблая 242.
- Султан Ахмад-хан, отец Султана-Саидхана 477.
- Султан Нигар-ханым, жена хана Касыма, тетка Захир ад-Дина Бабура 478.
- Султан-Саидхан (хан Дадам), хан Могулистана, чагатаид 154, 477, 478.
- Султан-ходжа, сын Йунуса-ходжи 489.
- Сухтелен Павел Петрович (1788—1833), оренбургский военный губернатор (1830—1833) 563.
- Сырым, см. Датов Срым.
- Сюк, Суюк Аблайханов, султан Старшего жуза, сын хана Аблая 177, 490.
- Табыршак, казахский султан, правитель каракалпаков 494.
- Таваккул (Тевеккель, Тевкель) (ум. 1598), казахский хан (после 1583-1598), сын Шигай-хана 157, 481, 482, 494.
- Таймас, см. Шаимов Таймас.
- Тамерлан, см. Тимур.
- Татищев Василий Никитич (1686—1750), русский историк, начальник Оренбургской экспедиции (1737—1739) 194—198, 496, 559.
- Татлымбет, казахский батыр 188.
- Тауке (Тявка) (ум. 1715), казахский хан (после 1651 г.), сын хана Джангира 161, 163, 165, 166, 289, 290, 367, 370, 472, 484, 486, 491—494, 513, 514, 591.
- Таулай, см. Тули.
- Тацит Корнелий (ок. 58—ок. 117), римский историк 325, 360, 522, 557, 565.
- Тевеккель, см. Таваккул.
- Тевкелев Алексей Иванович (Мамет, Мамет-мурза, Мурза Тевкелев), генерал-майор, посол, помощник оренбургского губернатора 162, 163, 166, 173, 179, 181—187, 189—191, 194, 197, 214, 215, 217, 221—224, 227, 289, 327, 329, 340, 390, 482—484, 492, 493, 513, 514.
- Телятников Дмитрий, казачий офицер, участник русского посольства в Ташкент 103, 104, 444.
- Теригулов, служилый башкир 242.
- Тимковский Василий Федорович (1781—1832), сотрудник Азиатского департамента МИД, председатель Оренбургской пограничной комиссии (1820—1822) 432, 541, 545—551, 553, 554.
- Тимковский Егор Федорович (1790—1875), русский востоковед-синолог, брат В. Ф. Тимковского 141, 230, 291, 337, 469.

- Тимковский Иван Осипович, российский цензор 547.
- Тимковский Илья Федорович (1773—1853), профессор Харьковского университета, брат В. Ф. и Е. Ф. Тимковских 538.
- Тимковский Федор Назарович, черниговский помещик, отец братьев В. Ф., Е. Ф. и И. Ф. Тимковских 546.
- Тимур (Тамерлан) (1336—1405), правитель Средней Азии (с 1370 г.) 21, 62, 111, 131, 147, 150, 328, 358, 433, 462, 472, 474.
- Толе-бий (Тюля-бий) Алибекулы (1663—1756), бий Старшего жуза 165, 172, 173, 486, 487.
- Томира, Томириса, Томирис, легендарная царица саков 112, 453.
- Тохтамыш (ум. 1406), хан Золотой орды (1380—1395), потомок Джучи-хана 448.
- Траубенберг, генерал-майор 247, 250, 251.
- Тугум, Тогым, казахский хан (30-е гг.—конец 50-х гг., начало 60-х гг. XV в.), сын Джадик-султана 494.
- Тугум, Тогым, султан Старшего жуза, сын хана Аблая 178, 255, 282.
- Тука-Тимур, тринадцатый сын Джучи-хана 472, 483.
- Тули (Таулай, Тулуй), четвертый сын Чингис-хана 136, 137, 460, 462, 465.
- Тулинов Василий Васильевич, советник коммерции 536.
- Тулинова Сусанна Васильевна, дочь В. В. Тулинова, мать А. И. Левшина 536.
- Туманский Василий Иванович (1800—1860), русский поэт 558.
- Турнефорт, де Турнефор Жозеф 118, 456.
- Питтон (1656—1708), французский ученый-натуралист и путешественник
- Турсун-хан, казахский хан (1613—1628), сын Джалим-султана 160, 472, 482.
- Турсун-хан (ум. 1717), хан южных казахов, сын султана Худай Менде, отец хана Кушука и султана Барака 164, 499.
- Тыз, Тыс, султан Среднего жуза, сын хана Аблая 258.
- Тынышпаев Мухамеджан (1879—1937), дореволюционный и советский инженер-железнодорожник и историк 566.
- Тюля-бий, см. Толе-бий.
- Тявка, см. Тауке.

Убаши, наместник Калмыцкого ханства (1761—1771)	174, 175, 241, 248, 249, 251, 489, 505.
Угадай, Угэдей, монгольский хан, третий сын Чингис-хана	137, 138, 465, 476.
Улугбек Мухаммед Тарагай (1394—1449), среднеазиатский государственный деятель и ученый	131, 358, 462.
Улянты, хан ногайцев	147.
Умар Шейх-мирза, отец Заир ад-Дин Мухаммеда Бабура	463.
Унковский Иван, капитан артиллерии, глава русского посольства в Джунгарию	54, 439.
Уразлин Роман, переводчик Оренбургской комиссии	205, 555.
Ураз Мегмет, Ураз Мухаммед (ум. 1610), казахский султан, внук Шигай-хана	157, 481.
Ураков Иван, князь, поручик, чиновник Оренбургской комиссии	63, 203, 234, 555.
Урасов, Урезов Андрей, капитан, участник экспедиции И. М. Лихарева	54, 439, 440.
Урбан V, папа римский (1362—1370)	534.
Урус-хан (Орус-хан, Акниаз), правитель Ак-Орды (1368—1376/77)	136, 147, 448, 472, 483.
Урусов Василий Алексеевич (ум. 1742), начальник Оренбургской экспедиции (1739—1742)	162, 198—200, 496.
Усек, Усяк (Осек), Уснак, Оснек, казахский султан, сын основателя Казахского ханства Джаныбека	161—163, 483, 494.
Учурту, ойратский тайджи, старший брат тайджи Аблая	446.
Фазлаллах Ибн Рузбехан Исфгани (1457—1530), среднеазиатский историк	476, 528.
Фальк Иоганн Петр (1725—1774), шведский ученый-натуралист	45, 433, 436, 457, 559.
Федор Иоаннович (1557—1598), русский царь (с 1584)	129, 157, 158, 461, 481.
Фетисов М. И., советский литературовед	8.
Фирдоуси Абул-Касим (род. между 934 и 941 гг.), восточный поэт	148, 152, 473.
Фишер Иоганн Эбергард (1627—1771), российский историк, акад. Петерб. АН	72, 78, 136, 137, 139, 140, 159, 160, 314, 443, 465.
Фосс Герхард Иоганн (1577—1649), немецкий историк	112.
Фридрих IV, герцог Голдштейн-Готторпский	461.
Фукидид (ок. 460—400 до н. э), древнегреческий историк	565.

Хаджибай, казахский старшина	168.
Хаджи Хальфа (Кятиб Челеби), Хаджи Халифа (ок. 1600—1658), арабский ученый	51, 131, 132, 150, 151, 438, 462, 474.
Хайду, внук монгольского хана Угэ- дея	465, 476.
Хакканазар (Акназар), казахский хан (50-е гг. XVI в.— 1580), сын Касым-хана	156, 160, 480.
Хамид-ходжа, сын Йунус-ходжи, правителя Ташкента	489.
Ханбабай, сын султана Барака	164.
Хангильды, Ханкельды, батыр Среднего жуза	342.
Хан ходжа, Ханкожа, казахский султан, сын султана Барака	257.
Хаукаль, —см. Ибн Хаукаль	
Ходжа-Ахмад-Ясави, (Кара-Ахмет- ходжа), проповедник суфизма в Средней Азии	254, 315, 340, 506.
Ходжа Ахмет, см. Кожахмет.	
Хочжам, предводитель енисейских киргизов	142.
Хубилай, монгольский хан (1260— 1294)	459, 460, 465.
Худай Менды, Кудай Менде, султан Среднего жуза	268, 272, 363.
Худай-Назар-мурза, бий, брат баты- ра Младшего жуза Богенбая	493.
Хулагу (Гулаку), внук Чингис-хана, основатель династии Хулагуидов в Иране	131, 462, 465.
Хусаинов Мухамеджан (Гусейн Му- хамеджан) (1756—1824), орен- бургский муфтий	278, 508.
Цэван-Дорджи-Аджа-Намжил (1733—1750), джунгарский хан (с 1745 г),	439.
Цэван Рабдан (1663—1727), джун- гарский хан (с 1697), сын тайджи Сенге	439, 484, 485, 491.
Целларий, см. Келлер Христофор.	
Пиолковский С. Т., полковник	440.
Циши, см. Чунь-Юань.	
Цянь-Лун, китайский император	54, 142, 229, 230, 238, 438, 488, 503.
Чагатай, сын Чингис-хана	153, 476, 478.
Чебуков Третьяк, русский послан- ник в Казахское ханство	156.
Челым, чингизид, татарский царе- вич	156.
Черкасский Александр Михайлович (1680—1742), сибирский губерна- тор (1719—1724)	180.

Черкасский Петр Дмитриевич, со- служивец А. И. Левшина по Оренбургской пограничной комис- сии	549.
Черников С. С., советский архелог	446.
Чернопятов В. И., русский историк, специалист по генеалогии дворян Тульской губернии	536.
Чиак Кулыбай, казахский старшина	168.
Чингис-хан (ок. 1155—1227), осно- ватель Монгольской имерии	62, 98, 107, 109, 136—138, 147, 153, 163, 305, 317, 347, 437, 447, 460, 462, 464, 465, 469, 476, 481, 516, 524. 258, 282.
Чингиз, Чингис (каз. Шынгыс), ка- захский султан, сын хана Аблая	
Чингис (каз. Шынгыс), казахский султан, сын хана Абулхаира	205, 207, 211, 221, 222.
Чока (каз. Шока), сын казахского старшины Берды-кожи	259.
Чулков Данила, тобольский воевода	481.
Чулков Михаил Дмитриевич (1743/44 или 1733/34—1792), русский писатель, историк, эконо- мист	537.
Чумягей, Чумекей, Шомекей, ми- фический родоначальник казах- ских племен Младшего жуза	147.
Чунь Юань (князь Циши), китай- ский чиновник	143, 174, 175, 247, 323, 470, 522.
Чурыгей, Шорьгей, султан Средне- го жуза	177.
Шаг-Мурат, бухарский аталык	271.
Шаимов Таймас, башкирский тар- хан, участник миссии А. И. Тев- келева в Казахстан 1731—1732 гг.	182, 492.
Шакдор Даши, ойратский полково- дец	501.
Шангин Иван Петрович (ок. 1785— 1822), горный чиновник, исследо- ватель Приишимья	36, 42, 43, 48, 49, 64, 69, 79, 86, 88, 90, 91, 93, 94, 107, 108, 119, 435, 457.
Шараф-ад-Дин Али Йазди (Шере- феддин), персидский хронист 1-ой пол. XV в.	93, 94, 107, 108, 119, 433, 457.
Шахбахт-хан, см. Мухаммед	
Шайбани-хан.	
Шах-Будаг-султан, отец Мухаммеда	
Шайбани-хана	479.
Шахрух-бий, правитель Коканда (1710—1722), основатель дина- стии кокандских ханов	468.
Швейкарт Фердинанд Карл (1780— 1857), немецкий историк-право- вед, профессор Харьковского университета	538.

- Шейман Л. А. советский и киргиз-
станский ученый-литературовед 8, 11, 536, 545, 547, 548, 558,
596.
- Шейх Умар Багистани, предок пра-
вителя Ташкента Йунус-ходжи 489.
- Шеллинг Фридрих Вильгельм 538.
(1775—1854), немецкий философ
- Шемяка-хан, см. Семеке.
- Фон Шенкенберг Альбрехт (ум. 534.
1304), граф, основоположник ди-
настии швабских графов Левенш-
тейн
- Шерен, см. Шэрэн.
- Шерер Жан Бенуа (Иоганн Бене- 153.
дикт) (1741—1824), французский
географ и историк
- Шерефеддин, см. Шараф-ад-Дин
Али Йазди.
- Шигай (каз. Шыгай), казахский 156, 164, 215.
султан, сын султана Барака
- Шигай (каз. Шыгай), казахский 161—163, 472, 480, 481, 483,
хан (1580—1582), сын Джадик-
султана 494.
- Ширгазы, см. Сергазы.
- Ширенг, см. Шэрэн.
- Шишков В., русский исследователь 445.
- Шлецер Август Людвиг (1735— 371, 527.
1809), немецкий историк и ста-
тистик
- Шмидт Исаак Яков (рус. Яков Ива- 564, 565.
нович, 1779—1847), российский
ученый-монголовец, акад. Петерб.
АН
- Шпренгель Маттиас Христиан 123.
(1746—1803), немецкий историк
- Штейнгель Владимир Иванович 554.
(1783—1862), барон, отставной
подполковник, декабрист
- Шtrandман Густав Эрнест (1742— 282, 510.
1803), генерал-майор, командую-
щий Сибирским корпусом
(1787—1800)
- Шуберт Федор Иванович (1758— 566.
1825), российский астроном и ге-
одезист, акад. Петерб. АН
- Шуберт, генерал-майор 53.
- Шубин Ф. К., полковник 445.
- Шуно Доба, Шуно Лоузан, ойрат- 484.
ский полководец, сын Цэван Раб-
дана
- Шэрэн (Шерен, Ширенг), ойрат- 248, 505.
ский нойон
- Щад Иоганн Баптист (1758—1834), 538.
немецкий философ-шеллингианец,
профессор Харьковского универси-
тета

- Эверс Иоганн Филипп Густав (1781—1830), российский историк, профессор Дерптского ун-та, акад. Петерб. АН 371, 527.
- Эверсман Эдуард Алексеевич (1794—1860), российский ученый-естествоиспытатель и путешественник 24, 28, 29, 39, 45, 51, 52, 71, 72, 74, 78—80, 87, 88, 98, 99, 100, 119, 355, 434, 457.
- Эджен, сын Джучи-хана 437.
- Эльтон, английский морской офицер, сотрудник Оренбургской экспедиции 194, 495.
- Эмин Федор Александрович (1735—1770), русский писатель, переводчик, историк, журналист 537.
- Эпиктет, греческий философ-стоик 456.
- Эрали, см. Ералы.
- Эратосфен (Ератосфен) Киревский (ок. 276—194 до н. э.), древнегреческий ученый-математик и астроном 120.
- Д'Эрбело Бартелеми (Гербелот) (1625—1695), французский ориенталист 149, 150.
- Эрдени Батур-хунтайджи (Батур, Багатур) (ум. 1654), правитель Джунгарского ханства 139, 160, 162, 163, 229, 439, 482, 499, 502.
- Эсень, правитель Монголии из дома Чорос 468.
- Эсмун Дархан Ноян, сын правителя Монголии Эсеня 468.
- Эссен Петр Кириллович (1772—1844), оренбургский военный губернатор (1817—1829) 512, 549, 554.
- Юлбарс, см. Жолбарыс.
- Юнус-ходжа, см. Йунус-ходжа.
- Юстин II, Юстиниан II Ринотмет (ок. 670—711), византийский император (685—695 и 705—711) 136.
- Юшневский Алексей Петрович (1786—1844), генерал-интендант 2-й армии, декабрист 547.
- Ядгар, Ядигер, Ядигяр, см. Едигер.
- Якоби Иван Варфоломеевич (1726—1803), генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничеств (1781—1783) 257, 506.
- Яковлев Андрей, капитан, переводчик Оренбургской комиссии 220, 230.
- Янаев, татарин, российский подданный 202.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абакан, г.	138, 139
Аблайкит, разв.	106, 445
Аблайкитка, Аблакетка, р.	64
Аблайхана, дор.	102
Айбуга, р.	36
Авлиа, оз.	43
Австрия	559
Агатма, источник 100 Адеркант, г.	124, 125
Аджи-Кудук, колодец	99
Азия 15, 45, 54, 98, 111, 121, 122, 125, 127, 128, 130, 134, 135, 140, 141, 149, 152, 153, 180, 186, 187, 198, 201, 295, 321, 322, 357, 358, 390, 460, 475, 484	
Азов, г.	137
Азовское (Меотическое) море	114, 121
Айбогур, уроч.	97
Айгурь, возв.	34
Айдобул, колодец	93
Айкайрак, ручей	93
Айрук, гора, отроги Мугоджарского хребта	
Айрюрюк, Айрюрюк	46, 67, 158
Ак, оз.	294
Ак, пески	37
Акбашы, см. Аксакал-Барби	
Акбель, горы	105
Акбура, р.	60
Ак-Койрак, р.	108
Ак-Курган, г.	130
Ак-Коудран, ручей	98
Ак-Кыр, гора	101
Акмечеть, уроч.	58, 101
Акрычаклы, гора	47
Аксай, долина	105
Аксакал-Барби (Аксакал, Акбаш-лы), оз.	33, 35, 37, 38, 41, 43, 55, 56, 67, 68, 101, 158, 159, 251, 299
Аксу, р.	70, 141
Аксу, г.	140
Актаг, Актау, горы	49, 69, 102, 139, 177
Актюбя, Актюбе, колодец	97
Акчат, пески	37
Алакуль, оз.	54, 56, 294
Алактугуль, Алактукуль, оз.	34, 54
Алатау, (Усюн-Алатаг, Яркендские), горы	48, 139, 140
Албания	120, 121
Алджан-Аркал, горы	47
Алей, р.	75
Александрия, г.	116, 123, 124
Алмалык, г.	389, 476, 477
Алмалыкская орда	477
Алсу, оз.	294

Алтайские горы	20, 45, 47—49, 91, 94, 440, 443, 456, 465, 467, 473, 476, 479, 491
Алтын-Тюбя, Алтын-Тюбе, уроч.	72, 90, 95, 96
Аманкарагай, горы	36
Амой, р.	128
Амударья (Окс, Оксус, Угус), р.	50, 51, 61, 63, 98, 100, 112—117, 119—121, 123, 126, 128, 131, 149, 158, 452, 459, 462, 466, 475, 476
Анамаз, оз.	294
Ангара, (Ангкола), р.	136, 137
Андижан (Андеджан, Аньцзичжан), г.	139—141
Анкаты, р.	293
Аннинский прииск	91, 92
Анракай, уроч.	483
Антоновский форпост	328
Аравийский п-ов, Аравийские пески, Аравия	39, 149, 466
Аракарагай, лес	36
Аракс, р.	112, 113
Араксат, р.	126
Арал-Денгиз, Аральское море (Синее море, Оксианское оз., Ховарезмское море)	20, 21, 24, 29—32, 34, 35, 37, 41—44, 46, 50—53, 55, 58—62, 69, 73, 75, 76, 97, 98, 100, 109, 111, 114, 116—121, 125—132, 158, 188, 193, 215, 224, 279, 299, 434, 451, 490
Арал-Тюбя, Арал-Тюбе, см. Майтюбе	295, 517
Аркадия	
Аркан, г.	130
Армения	457
Арс, Арысь, Арыш, р.	60
Арсай, овраг	98
Аршкудуккум, пески	34, 101
Асмантай, пески	37
Астраханская губ.	247, 255, 279, 281, 284, 287, 293, 330, 377, 394, 431
Астраханские степи	259, 330, 379
Астраханское ханство	476
Астрахань, г.	127, 128, 147, 195, 208, 219, 244, 395, 397, 461, 473, 492
Аулиатаг, Аулиетау (Святая гора)	93
Афганистан	459, 504
Афины, г.	527
Африка	45, 295, 517, 521
Ашнар, креп.	474
Аще, проток	57
Аягуз, р.	47, 53, 70, 107, 258
Аят (Аяти), р.	65, 101, 294
Базар, р.	103
Базарчи, дер.	100
Байкал, оз.	136, 137, 465
Байтак, уроч.	108, 448
Бакаш-Аулие (Аулия), кладбище	97
Бактриана	126, 459
Бакумбай, пески	37, 67

Балакампир, уроч.	496
Балекуль, оз.	43
Балобан, горы	101
Балх, обл.	459
Балхаш, оз.	34, 41, 48, 53, 54, 70, 91, 104, 107, 172, 477, 491
Барабинская степь	43
Баралы, возв.	96
Барби, озера	109
Барби, пески	37
Баркин, пески	37
Барсакайтмас, о-ва	50
Барсакельмес, Барсакельмес, о-в	50
Барсуки, Барсукум, Бурсуки, пески	29—31, 33, 34, 37, 56, 158, 491
Баскатис, р.	124, 125, 129, 132, 299
Бассага, см. Босаг	
Баткаккум, пески	100, 101
Башкирия	192-195, 201, 230—232, 234, 457, 497, 508
Башташак, р.	104
Баянулу, Баянаул, горы	91
Бедакун. р	64
Беланте, р.	101
Белая, см. Золотая орда	
Белокаменная станица	90
Бельй, Юс, см. Юса	
Белян-Ана, развалины	107
Беляули, р.	101
Беляули, уроч.	97, 451
Беляулиатай	109
Бергутли, горы	101
Бердской, Бердский форп.	193
Бердянка, р.	20, 25, 66, 93
Бердянка, ручей	98
Березовский рудник	91
Берили, пески	38
Берлин, г.	443
Бехлы, горы	94
Бешбалек, см. Бишбалы	
Бийск, г.	470
Бийский уезд	143, 144
Бикчентай, уроч.	293
Билляулитам, разв.	97
Битпак-Дала, Бетпак-Дала, Голо- дная степь	34, 38, 48, 101, 442
Биркунды, уроч.	98
Бирюкты, пески	37, 67
Битлису, ручей	98
Бишбалык, (Бешбалек) г.	142
Бишкун, оз.	294
Бишкупа, оз.	55, 68
Биштерек, уроч.	101
Биштомак, уроч.	66
Биштюпя, Биштюпе, холм	38

Биш-Узьяк, Биш-Узек, проток на Кувандарье	59, 101, 110
Бишчоку, гора	91
Ближний Восток	431, 462
Бодам, р.	60
Бокашаулия, разв.	109
Бокшу, гора	36
Большие Барсуки, Бурсуки, см. Барсуки	
Большая орда, см. Старший жуз	
Большая Уба, см. Уба	
Большая Хобда, см. Хобда	
Борте, ключ	98
Босаг (Бассага), хр.	26, 27, 46, 66, 98
Ботагай, см. Тотагай	
Боян-Ола, горы	293
Буглытаг, Буглытау, горы	36, 49, 69, 74, 94
Бугулу, гора	47, 93
Бударинский форп.	25
Бузун, пески	38
Бузун-Гисар, разв.	110
Букан, горы	86
Букеевская орда	284, 293, 434, 509, 511
Букенбай, гора	46
Буланты, р.	483
Булдурты, Булдюрты, р.	35, 37, 57, 293
Бурала, р.	20
Буранный форп.	66
Бургасутай, форп.	103
Бурлук, см. Якши-Янгис	
Бурсуки, см. Барсуки	
Бурте, см. Борте	
Бухара (Бухария, Большая Бухария)	15, 32, 34, 38, 56, 59, 63, 71, 73, 86, 87, 98, 100, 101, 127, 141, 142, 146, 155, 160, 167, 187, 222, 223, 225, 244, 273, 298, 312, 314, 325, 362, 389, 393, 398, 399, 432, 434, 435—440, 442, 461, 481, 482, 494, 496, 500, 523
Бухарская дорога	100
Бухтарма, р.	103
Бухтарминская креп.	103, 393, 530
Бэтика, провинц.	458
Вафкенд (Вапкан), г.	100
Везувий	458
Величка, р.	96
Величковские ломни	96
Верхнее Прииртышье, см. Прииртышье	
Верхнеозерная креп.	292, 293
Верхнеуральский округ	282
Верхний Бурлук, р.	64
Верхоуральск, г.	20, 65, 293, 294
Византия	466
Внутренняя орда, см. Букеевская орда	
Войлочевка, р.	64

Волга, р. 112, 113, 115, 116, 137, 138, 147, 156, 193, 212, 231, 239, 243, 247—249, 252, 279, 312, 394, 396, 435, 445, 460, 466, 469, 470, 473, 476, 488, 504	
Воронеж, г.	536
Воронежский уезд	536
Восточная Европа	460, 464
Восточное Притяньшанье	465
Восточный Казахстан, см. Казахстан	
Восточный Туркестан, см. Синьцзян	
Выйтандзи, китайский караул	103
Вятская провинц.	172
Галле, г.	458
Гарбаз, р.	132
Германия	372
Гиркания	127
Глининский форп.	396
Горькая (Новая, Тоболо-Ишимская) линия	20, 174, 251, 470
Греко-Бактрийское царство	459
Греция	113, 455, 525, 527
Грузия	279, 431
Губерлинская креп.	45, 193
Губерлинские горы	45
Гульджа, см. Кульджа	
Гульджи, см. Или (г.)	
Гумбейка, р.	47
Гургенор, см. Алактугуль	
Гурумсарай, г.	489
Гурьев, г.	253, 260, 265, 293, 329, 395, 444
Дания	567
Дашт-и-Кыпчак (Дивлет-Гирей), Девлет-Гирей, разв.	450, 474, 476—479 98, 100, 109, 149, 154
Дегистан	150
Демурджен	119
Демус (Димус), р.	124—126, 129, 132, 299
Денгиз, оз.	56
Деркульский кордон	395
Дерман-Баши, гора	99
Джавуккагай, горы	36, 47
Джаксыбай, р.	37
Джаманагач, уроч.	37
Джаманкум, пески	38
Джан-Ана, разв.	107
Джанькент (Янгикент), Джанкент, г.	58—60, 110, 131, 451
Джатымасу, горы	105
Джелдыбай, оз.	58
Джете, см. Могулистан	
Джидель-Мамут, пески	38
Джийде, китайский караул	105
Джизлы, Джислы-Кингир, р.	69, 91, 93
Джизма, гора	97
Джиланлы-Кингир, р.	69

Джилдытаг, Джильдытау, горы	30, 31, 97
Джингит, гора	110
Джингит-кала, разв.	110, 452
Джирымсу, р.	107
Джитыкала, разв.	110, 452
Джиты-Конгур, холмы	102
Джунгарский Алатау	485
Джунгария (Зюнгария, Зюнгарское царство), Джунгарское ханство	140—142, 174, 212, 220, 229, 230, 236, 242, 248, 303, 323, 377, 439, 440, 468, 469, 484—489, 502, 504, 505
Джусалы, р.	293
Джучиев улус, см. Золотая Орда	
Днепр, р.	153, 474, 522
Догустаг, холм	31
Домбралы, оз.	56, 102
Дон (Танаис), р.	114—117, 121, 122, 126, 137, 138, 146, 153, 231, 522
Донгуз, р.	293
Дорси, р.	104
Дуанана (Дуананы-Кулама), залив	52, 98
Думбе, р.	68
Дунай, р.	460, 523
Дус, р.	132
Евразия	455, 521
Европа	5, 6, 45, 63, 78, 115, 121, 125, 128, 134, 148, 151, 166, 289, 303, 354, 357, 386, 394, 438, 460, 475, 520, 527
Евфрат, р.	146
Египет	466, 525
Едис, уроч.	294
Екатеринбург, г.	56, 91
Елизаветинский рудник	91, 92
Елтон, см. Эльтон	
Енисей (Киан, Кем), р.	44, 135—137, 142, 143, 295, 464, 465
Ерчетулли-Югуртай, р.	69
Ессель-Нура, р.	69
Железинская креп.	440, 470
Женевское оз.	54
Жидис, р.	258
Жиримсу, р.	55
Заилийский Алатау, хр.	485
Зайсан, (Нор-Зайсан), оз.	33, 54, 63, 64, 72, 439
Закавказье	433, 464
Западная Европа	45, 475
Западная Монголия	467
Западная Сибирь, см. Сибирь	
Западный Казахстан, см. Казахстан	
Зауке-даван (Зауке-дуан), горы	105
Зуральские степи	13, 260, 262, 267, 470
Звериноголовская креп.	20, 65, 265, 294
Зеленчик, р.	159
Зеравшан, р.	459
Зеренды, оз.	93
Змеиногорская креп.	72

Золотая Орда (Джучиев улус, Улус Джучи, Белая Орда)	153, 154, 445, 460, 476
Зюнгария, см. Джунгария	
Зюнгарское царство	
Икан, г.	215, 499
Икар-Муран, р.	135—137, 464
Иланчик, р.	68
Илдигийский (Ильдигийский) хребет	23, 48, 49, 64
Илек, р. 22, 25, 35, 46, 65, 67, 70, 90, 93, 95, 96, 98, 100, 109, 147, 159, 219, 292, 293, 300, 491, 497	
Илецкая защита (Илецкий городок)	95, 96, 100, 207, 260, 275, 471
Илецкая линия	275
Или, провинц.	140
Или, р.	53, 70, 104, 242, 250, 258, 294, 465, 476, 479, 484
Или (г.), см. Кульджа	
Ильинская креп.	45, 66
Иман, оз.	90-92
Имантау (Иманттау), горы	36, 46, 49, 88
Имаус, р.	116, 125
Индерская креп.	57
Индерские горы	93
Индерское оз.	57
Индия	121, 139, 140, 154, 225, 351, 458, 461, 463, 492, 519, 523
Ирак	462, 517
Иран	455, 461, 462, 464—466, 475, 517
Иргиз, р. 35—37, 47, 68, 90, 94, 158, 250, 292, 293, 382, 451, 491, 497	
Иреймен, горы	293
Иремей, Ирмень, Иремейские горы, см. Эремейтау	
Иртецкий форпост	66
Иртыш, р. 19, 20, 33, 34, 40, 43, 47—49, 54, 63—65, 70, 85, 90, 95, 101, 103, 106, 177, 180, 198, 212, 221, 243, 294, 361, 380, 439, 440, 460, 467, 470, 471, 474—477, 490, 491, 497, 518	
Иртышская линия	470, 530
Исанбай, см. Илек	
Исель, р.	293, 294
Исет, р.	66, 467
Искер, г.	156, 481
Испания	458, 519
Иссык, оз.	53, 69, 104, 105
Иссык-Куль, оз.	463
Италия	559
Ихлас, р.	104
Ичекакарган, уроч.	97
Ичкалак (Калтырык), проток	59
Ишим, р. 35, 36, 43, 49, 56, 64, 65, 69, 70, 74, 90, 91, 93—95, 101, 102, 104, 146, 294, 298, 448, 467, 497	
Ишимская линия	58, 470
Иезд, г.	433

Кабанкулак, оз.	69
Кавказ, горы	121, 122, 136, 326, 431, 460, 473, 476, 523
Кагатан, дер.	100
Кадузия	120
Казанская губ.	166, 394
Казанское (ханство) царство	155, 476, 504
Казань, г.	186, 193, 214, 219, 231
Казахские жузы (Казачьи орды)	231, 232, 255, 272, 283, 287, 288, 295, 298, 313, 320, 322, 326, 350, 364, 377, 431, 471, 483, 492
Казахские степи (Казачьи степи, Киргиз-казачьи степи, Киргиз-кайсацкие степи, Киргизские степи, Казахстан)	5—15, 19—24, 28, 35, 36, 39, 40, 42—50, 53, 58, 64—66, 70—74, 76, 78, 79, 83, 85—86, 90, 95, 96, 104, 105, 109, 111, 115, 116, 118, 119, 144, 199, 201, 203, 248, 288, 397, 405, 421, 431, 433—438, 442—444, 446, 447, 457, 462, 464, 465, 472—474, 476, 477, 479—481, 484, 486, 489—491, 493, 494, 496—499, 501—505, 509, 511, 513, 518, 521, 523, 526, 541
Казахское ханство (Казачья орда)	111, 134, 144, 199, 201, 204, 209, 212, 229, 473, 481, 482, 487, 491, 515
Каинда, р.	103
Кайнар, горы	43, 46, 97, 98
Кайрак, р.	91
Кайраклы, р.	36, 64
Калбинский хребет	47, 445
Калмас, возв.	96
Калмыкова креп.	37, 275
Калмыцкое ханство	489, 499, 505
Калтарык, см. Ичкалак	
Калуга, г.	512
Калыгай-Гологой, гора	47
Кама, р.	128, 156
Камешлубаши, залив	61, 99
Камышаклы (Камышла), горы	47
Камышаклы, р.	66, 90, 91, 96
Камышин, г.	395, 396
Камчик, р.	138, 139
Кандыртау, гора	60
Канлыз, р.	293
Кара, оз.	102, 294
Кара-Агач, источники	100
Кара-Адыр, горы	33, 46, 47, 65, 68
Кара-Акэнти, ручей	99
Карабурсук, пески	292
Карабутак, ручей	98
Карабуга, р.	103
Караганли Тургай, р.	90, 251
Карагумбет, разв.	100
Карак, уроч.	59
Каракай, р.	33, 38, 68
Кара-Кенгир, Кара-Кингир, р.	69, 93, 101, 107, 447, 448
Каракорум, г.	135—137, 460, 465
Каракуй, залив	51
Каракуль, оз.	27, 37, 57, 67, 101, 293, 345
Каракум, пески	22, 34, 37, 38, 60, 79, 158, 159, 292—294

Кара-Катну-Ак, пески	38
Карасор, солончак	27
Карасор, озера	56
Каратал, р.	70, 104, 177, 294, 477, 488
Каратау, горы	49, 60, 94, 102, 104, 129—130, 294, 474, 479, 485
Кара-Тургай, р.	36, 68, 89, 94
Каратюбе, уроч.	59
Караузяк, Караузек, р.	294
Караузен, проток Сырдары	37
Караултюбе, горы	45
Караханидское государство	479
Карача (Карачатова гора)	91, 129, 158, 159, 293
Карачилик, уроч.	103
Каркаралинский приказ	107
Каркаралы, горы	34—36, 47, 74, 101, 102
Каркуль-Гильды, уроч.	67
Карополясам, дер.	122
Карсакай, оз.	58
Карсакбаш, оз.	55
Карт, гора	108, 448
Карфаген, г.	525
Касимовское владение	481
Каспийское море (Скифское море)	20, 27—30, 37, 41, 42, 44—46, 50—53, 57, 62, 65—67, 73, 76, 94, 97, 114, 116—124, 126—129, 132, 150, 151, 155, 158, 212, 213, 221, 243, 244, 253, 260, 262, 279, 293, 395, 397, 434
Катун-Карагай, Катон-Карагай, р.	64
Каунджур, ручей	56, 99
Кашкар, Кашгар, г.	105, 139—142, 242, 294, 312, 477
Кашка-Даван, горы	58
Кашкадарья, р.	459
Кашлык, г.	471
Кем, см. Енисей	
Кендерлик, р.	125, 129, 130, 132, 158, 159, 299
Кенкат, г.	127
Кен-Козлен, Кен-Козлан, горы	47, 55, 74, 102, 106
Кент, горы	446
Кесельдарья, см. Кизилдарья	
Кечубай-Чаркар, оз.	294
Кзыл-Чакты, уроч.	293
Киан, см. Енисей	
Кизил, см. Кызылкум	
Кизилдарья (Кесельдарья), р.	62, 63, 125
Кизилка, р.	64
Кизилькум, см. Кызылкум	
Кизиловалису, ручей	25, 26
Кизильская дист.	471
Кингир, р.	90
Кинкул, р.	36
Киргизия, Кыргызстан	465, 469, 473, 477
Киргиз-казахские степи см. Казахские степи	
Киргиз-кайсацкие степи, см. Казахские степи	

Киргизские степи, см. Казахские степи	
Киргизнен-Алатау (Киргизтау), хр.	139
Киресхата	123
Кирополис, г.	112, 121—123
Китай (Китайская империя, Цин-ская империя)	45, 115, 140, 221, 229, 230, 235—242, 244, 247, 248, 249, 252, 257, 258, 322, 329, 337, 361—364, 388, 393, 407, 433, 438, 439, 459, 464, 469, 470, 488, 492, 504, 506, 519
Китайская линия	20
Китайские владения	47, 48, 53, 63, 142, 298
Китайский Туркестан, см. Синьцзян	
Китайя, оз.	128
Кичи, горы	294
Кобыр, р.	68
Ковенкала, разв.	101, 110
Койсал-Мура, горы	43
Кокан (Кукан) Коканд, г. 58, 60—62, 298, 322, 361, 362, 389, 441, 494	104, 110, 122—124, 242, 294,
Кокандское ханство	281, 468, 469, 490, 507
Коксу (Куксу), р.	70, 104, 177, 294
Кок-Томбак, горы	38, 101
Кокторкан (Кукторкан), возв.	52
Коктырнак, возв.	299
Кольвано-Кузнецкая линия	470
Конград, Конрад, г.	33, 51, 98
Кокчетау (Кукча) горы	49, 91
Кокчетуз, оз.	102
Константинополь, г.	135, 460, 498
Констанцское, оз.	54
Коптам, уроч.	97, 450
Коротумар, лес	102
Корсай, овраг	98
Корсакбаш, возв.	46, 96
Коряковская застава (Коряковский форпост), см. Павлодар	
Котгор, горы	47
Кочка, горы	102
Кошелакум, пески	68
Кош-Уральская, см. Индерская	
Красногорская креп.	292
Красноярск, г.	138
Красноярский острог	138, 139
Красноярский форпост	277
Красный Яр	213
Крылов форпост	193
Крым	145, 476
Крымское ханство	476
Кубань, р.	146, 235
Кублейли-Темир, р.	98
Кувандарья, р. 34, 35, 57—59, 60—62, 73, 75, 82, 99, 101, 110, 292—294, 298, 300, 452	
Кузнецк, г.	138, 139, 470
Кузу-Корпеш, см. Козы-Корпеш	47
Кузукочь, проток	69

Ку-Казлык, горы	34-36, 101
Кукан, см. Коканд	
Куксу, см. Коксу	
Куктирек, см. Коктерек	
Кукторкан, см. Кокторкан	
Куктырнак, см. Коктырнак	
Кукунор	468
Кукча, Кукчетау, см. Кокчетау	
Кукчатуз, см. Кокчатуз	
Кулагинская креп.	395
Кулай-Айгир-Бурлюк, Кулай-Айгыр Бурлюк,	56, 64, 65, 91, 94
Кулакча, пески	38
Кулан-Итмес, р.	69
Кулдагайты, р.	293
Кулкуль, оз.	43
Кулли, колодец	99
Кулутонь, р.	64
Кулчуктам, разв.	110
Кульджа (Или), г.	70, 103, 104, 141, 294, 389
Куль-Кудук, колодец	99
Кумак, р.	66, 293
Кумбитги, колодец	100
Кумкала, разв.	110
Кунгей-Алатау, хр.	104
Куптам, разв.	109
Кура, р.	112
Кургальджин, оз.	36, 55, 69, 107
Курдак, вол.	159
Куржан, оз.	294
Кур-Карагай, р.	103
Куркурук, колодец	97
Курпе, горы	93
Курсай, овраги	100
Курская губ.	535
Курчум, р.	103
Кусайтайна, г.	109
Кусбулак, колодец	97
Кускаджул, уроч.	100
Кусье, колодец	97
Кучаку, уроч.	102
Кушанское царство	459
Кушелака, пески	38
Кушумские кордоны, Кушум	394, 396
Куюктам, разв.	110
Куюча, горы	293
Кызбель, горы	47
Кызыл, оз.	294
Кызылтау (Кизилтаг), горы	69, 293
Кызылдарья, р.	113, 299
Кызылкум (Кизилкум), пески	34, 35, 38, 60, 99—101, 123, 125, 491
Кызылсу, р.	106
Кызыл-Ходжа, г.	100
Кыпчак, см. Дашт-и-Кыпчак	

Кыргызский каганат	464
Кычетау, гора	48
Лапсу, р.	294, 488
Ледовитое море	43—45
Лепса, р.	70
Локтевский завод	75
Лондон, г.	128
Маверальнагор, Мавераннагор, Ма- вераннахр (Трансоксиана)	117, 131, 148—150, 154, 436, 462, 463, 473, 476, 477, 482
Мавлиберди, Мавлюмберди, уроч.	108
Майтюбя, Майтюбе, гора	54
Македония	525
Малая Азия	457, 517, 525
Малая Бухария, см. Синьцзян	
Малая Кабарда	455
Малая Нура, см. Нура	
Малиновое оз.	57
Малые Барсуки (Малые Бурсуки), см. Барсуки	
Малый Каракуль, см. Каракуль	
Малый Окуль, оз.	69
Мангышлак, Мангышлак, п-ов	31, 260, 293, 397, 461, 491
Мараканда, см. Самарканд	
Мардам, берег	120
Марьинский рудник	91, 92
Матай, пески	37
Машик-Камыш	102
Медная гора	48, 94
Мезия	325, 522
Меньшая орда, см. Младший жуз	
Мерке, китайский караул	105
Мертвый Култук, залив	30, 31, 52
Месопотамия	113
Михайловский рудник	91, 92
Миясский, Миасский завод	94
Младший жуз (Малая орда, Меньшая орда)	13, 21, 23, 24, 162, 165, 167—171, 176, 178, 182, 187, 188, 194, 197, 198, 200—206, 208, 210, 214—228, 230, 234—236, 238—241, 243, 245—247, 250, 252— 256, 258—260, 262—265, 267—269, 272—283, 287—292, 298, 300— 302, 317, 326, 329, 330, 334, 337, 342, 348, 361, 363, 364, 367, 372, 373, 377, 379, 399, 426, 432, 482, 490—494, 496, 497, 499, 501, 505, 507—509, 511—515, 523, 547, 550
Моголистан, Могул Улус (Чете, Джете)	149, 153, 154, 473, 474, 476, 478, 479
Монголия	337, 459, 460, 464, 465, 468, 469, 473—476, 524
Москва, г.	155, 157, 166, 186, 461
Московское государство	155, 461, 499
Мочаги, Мочи, пески	37, 395
Мугоджарские горы	23, 25, 27, 33, 35, 46, 47, 56, 66, 68, 86, 87, 94, 118, 158, 225, 251, 292, 491
Муразачома, р.	55
Мурункарагай, бор.	36
Мусбиль, Мусабиль, степь	27, 29, 43

Муюнкумы, пески	484
Муюнлы, р.	68, 294
Нарым, р.	47, 103
Нарын-пески	394, 509
Наурзум, лес	36
Наурзум, оз.	36, 43, 55
Небесные горы, см. Тянь-Шань	
Нежинский форп. (редут)	20, 65
Нижеуральская линия (дистанц.)	260, 293, 471
Николаевская застава	393
Новгород, г.	534
Новошешминск, г.	166
Ногайская орда	445, 476, 480
Новый Ургендж, см. Ургенч	
Ногайская дорога	97, 100, 109
Нор-Зайсан, см. Зайсан	
Нура, р. 34, 36, 48, 55, 69, 70, 90, 91, 93, 101, 102, 104, 107, 108, 294, 442, 448	
Обь, р.	43, 75, 128, 137, 138, 142, 143
Одесса, г.	555, 558
Одун-Кудук, колодец	100
Озерная крепость	193
Ок, горы	102
Оксианское оз., см. Аральское море	
Оксус, Окс, см. Амударья	
Октани, источник	99
Октокарагай, гора	36, 47
Омск (Омская креп.), г. 19, 43, 389, 393, 440, 442, 444, 470	
Омская область	399, 407, 408, 416
Ордан-Чингис, горы	47
Оренбург, г. 13, 20, 59, 71, 94, 95, 98, 100, 101, 111, 115, 167, 171, 172, 173, 191, 192—206, 208—211, 214, 216—222, 224—229, 232, 234, 236, 239—242, 244, 246, 255, 260—262, 264, 266, 268, 272, 274, 276, 278, 293, 300, 348, 350, 389—393, 398, 399, 432, 435—437, 440, 457, 471, 483, 485, 497, 507, 510, 515, 547	
Оренбургская губ, Оренбургский край 67, 93, 144—145, 207, 211, 233, 263, 273, 278, 283, 396, 434, 436, 437, 440, 447, 498, 507, 510, 525	
Оренбургская дор.	101
Оренбургская линия 13, 142, 143, 159, 210, 259, 262, 265, 272, 288, 388, 390, 392—394, 397, 470, 471	
Орская креп. 24, 25, 38, 45, 58, 66, 67, 96, 100, 101, 167, 192, 214, 215, 250, 251, 273, 275, 341, 438, 471, 498	
Орхон, р.	136, 137, 465, 475
Орь, р. 25, 35, 46, 66, 67, 70, 73, 147, 158, 168, 171, 186, 187, 189, 190, 192, 225, 251, 292, 293, 300, 491, 497	
Отрар (Фараб), г.	62, 111, 131, 215, 433, 441, 487.
Ош, гора	60
Павлодар, (Коряковская застава, Коряковский форп.), г.	103, 104, 393, 530
Палестина	466
Памир, горы	459
Париж, г.	7, 13, 111, 134, 348, 439
Паропамизус, горы	121

Пемин, г.	136, 137, 241, 245, 256, 291, 364, 438, 469, 502, 504
Пелопоннес, п-ов	517
Пенджаб, г.	433
Пеней, р.	113
Передняя Азия	455, 517
Персеполис, г.	113
Персидский залив	433
Персия, Персидская монархия	113, 121, 128, 131, 148, 211, 214, 237, 244, 312, 454, 457, 461, 496, 519
Петербург, г.	6, 130, 170, 171, 179, 180, 184, 185, 190, 191, 198, 206—208, 210, 212, 214, 216, 219, 240, 245, 255, 263, 274, 275, 282, 330, 423, 443, 491, 510, 512, 514, 523, 545
Петропавловская креп.	101, 102, 241, 255, 283, 389, 416, 470
Поволжье	449, 468, 476, 520, 522
Подонье	466
Пожилино, с.	535, 571
Помпеи, г.	6
Пресногорьковская креп.	294, 389, 393
Приазовье	466, 522
Прииртышье	445, 465, 467
Приобье	467
Присырдарьинские степи	433, 490
Причерноморье	473, 522
Пруссия	234, 251
Псков, г.	507
Рассыпная креп.	65
Рейн, р.	54
Рим, г.	522, 539
Римская имп.	522, 525
Рона, р.	54
Россия	5, 6, 13—15, 20, 45, 47, 56, 60, 64, 65, 73, 76, 77, 94, 95, 97, 101, 106, 115, 128, 134, 135, 138, 139, 142—145, 153, 155, 157, 162, 166, 167—169, 178—183, 185—188, 192, 193, 197—201, 203— 206, 208—228, 230—241, 243—257, 259—283, 300—303, 312, 316, 323, 330, 349, 354, 361—365, 372, 383, 388—390, 392—394, 397, 399, 400, 403, 421, 431, 437, 441, 443, 457, 460, 461, 470, 471, 475, 480—483, 485, 488, 490, 493, 496, 499, 503, 505, 508, 520, 527—530, 533—535, 538
Рын пески, см. Нарын пески	
Савран, Сауран, г.	487
Саганак, см. Сыгнак	
Сагиз, Сагыз, р.	29, 46, 66, 94, 97, 109, 226, 251, 292, 449
Сагил, пески	37, 67
Сайгачий рудник	93
Сайрян, Сайрам, г.	130, 167, 487—528
Салпык, горы	94
Сальма, оз.	55
Сам (Шам), пески	29, 37, 97, 450, 491
Самара, г.	192, 202
Самара, р.	193
Самарканд, г.	122, 123, 124, 131, 167, 441
Самарская дистанция	471

Сандук-Нура, гора	101
Сапак, холм	99
Сарай, (Сарай-Бату, Сарай-Берке), г.	476
Сарайчик (Сарайчиковская креп.)	97, 98, 109, 114, 253, 395, 444
Саракынгыр, р.	69
Сарамасат, залив	50, 100, 118
Сарасу, Сарысу, р. 15, 38, 57, 69, 73, 86, 91, 101, 102, 104, 107, 148, 172, 294, 447, 448, 476	
Саратов, г.	395, 396
Саратовская губ.	396, 431
Саре Бебе, высоты	119
Сарлыгым, разв.	110
Сары-Агач	102
Сары-Булак, возв.	34, 52, 299
Сары-Булак, источник	99
Сары-Бутак, р.	33
Сарыгаска, колодец	98
Сары-Купа, оз.	55
Сары-Тургай, р.	43, 47, 68
Сары-Чаганак, залив	50, 100
Сасык, китайский караул	105
Сасык, оз.	54
Саук, р.	159
Сауран (Ясырван), г.	130
Сахарная креп.	57
Саяно-Алтайское нагорье, Саянское нагорье, Саянские горы	138, 139, 457, 464
Свинцовая гора, отроги гор Улутау	48, 68, 94
Святого Петра, креп.	58, 257
Северная Африка, см. Африка	
Северное Приазовье, см. Приазовье	
Северное Причерноморье, см. Причерноморье	
Северный Кавказ, см. Кавказ	
Северо-Восточная Сибирь, см. Сибирь	
Сейхун, см. Сырдарья	
Селента, р.	36, 55
Семипалатная, Семипалатинская креп.	54, 94, 104, 106, 244, 258, 389, 393, 416, 440, 446, 470, 512
Семиарский форп.	24, 91, 101
Семь палат. уроч.	446
Семь рек, Семиречье	72, 177, 294, 440, 445, 476—479, 484, 486, 488, 503—505
Серая орда	437
Сибирская линия	103, 104, 142, 143, 250, 253, 255, 281, 282, 288, 362, 388, 392, 393, 400, 405, 416, 426, 442, 444, 470
Сибирское ханство	471, 472, 476, 481
Сибирь	44, 75, 106, 136, 137, 139—141, 143, 144, 156, 157, 166, 212, 314, 397, 421, 424, 431, 436, 443, 446, 456, 457, 460, 467, 468, 471, 472, 476, 480, 505, 510, 520, 521, 526
Силин, см. Сырдарья	
Симбирская губ.	394, 504
Симбирское наместничество	508, 510

- Синее море, см. Аральское море
- Синьцзян (Синьцзян-Уйгурский ав-тономный район Китая) (Восточный Туркестан, Малая Бухария) 20, 104, 139—142, 230, 242, 388, 433, 444, 445, 459, 464, 476, 477, 478, 480, 486, 504, 506
- Синяя орда (Кок-орда) 437
- Сирия 525
- Скандинавия 527
- Скифия 116, 117, 122, 125, 126, 325
- Согдиана 122, 125, 126, 459
- Сорочинская креп. 207, 210
- Спасский форт 20
- Средний Восток 431, 461
- Средний жуз (Средняя орда) 21, 23, 24, 56, 142, 165, 167—169, 171, 174, 177, 178, 182, 184, 185, 187, 188, 190, 191, 194, 197—206, 209, 210, 216—218, 221, 224, 225, 228—230, 235—239, 241, 242, 244, 249, 250, 253, 255—257, 268, 272, 278—283, 288—290, 293, 295, 300—302, 316, 329, 330, 332, 337, 338, 340, 342, 361, 363, 364, 367, 377, 423, 427, 444, 446, 476, 487, 489, 490, 492—494, 497, 499, 501, 506, 510, 512—515
- Средний форп. 193
- Средняя Азия 13, 23, 43, 60, 69, 97, 124, 126, 130, 139, 140, 151, 179, 242, 244, 245, 260, 351, 386, 394, 397—399, 431, 440, 441, 445, 455, 459—461, 466, 468, 474, 475, 477, 479, 480, 482, 486, 491, 504, 506, 519, 521
- Средняя орда, см. Средний жуз
- Старший жуз (Большая орда) 23, 37, 70, 165, 167—171, 173—178, 184, 185, 187, 197—200, 204, 221, 250, 251, 256, 257, 281, 282, 288—290, 294, 295, 301, 319, 329, 337, 340, 361, 363, 367, 376, 380, 433, 445, 476, 484—487, 489, 490, 499, 510, 513—515
- Старый Ургендж, см. Ургенч
- Степная креп. 294
- Сугундук, р. 293
- Сузак, г. 103
- Султанай, дер. 508
- Сунак, см. Сыгнак
- Сумдук, р. 47, 67
- Сундук, лес 36
- Сусыз-Кара, гора 100
- Сууксу, р. 66
- Сургут, г. 43
- Сууксу, ручей 98
- Сыгнак (Саганак, Сунак), г. 129, 130, 215
- Сырдарья (Аракс, Яксарт, Сигун, Силин, Сейнуг, Сейхун), р. 14, 21—23, 34, 35, 37, 38, 41, 50, 51, 56—63, 66, 69—71, 73, 75, 82, 86, 87, 90, 96, 99—101, 111—117, 119—132, 149, 150, 158, 159, 183, 194, 199, 202, 203, 222, 226, 267, 268, 276, 279, 292—294, 298, 300, 382, 435, 441, 453, 456, 462, 466, 474, 479, 487, 489, 491, 493, 494, 499, 518, 528
- Сюгаты, горы 104
- Тайсуган, пески 37, 67, 277
- Такитурмас, р. 36
- Такшурмас, горы 93
- Талаш, Талас, р. 15, 34, 256, 294, 463, 484
- Талахбег, ручей 98
- Тальды (Талда), р. 55, 106

Талдыашу, ключ.	103
Тамды-Яман, ручей	98
Танальцкая креп.	66, 2 62
Тансык, жел. станция	447
Тара, г.	159
Тарбагайтайский хребет	47, 48, 53, 70, 103, 294, 440, 465, 475, 479, 491, 502
Тасас, ключ	97
Татария	95, 321, 521
Таш-Горали, горы	46
Ташкент (Ташкур, Шалш, Джадж), г.	60, 62, 69, 101, 102, 130—132, 154, 160, 167, 172, 173, 175—177, 193, 197, 225, 242, 258, 281, 294, 298, 312, 322, 362, 364, 380, 389, 437, 441, 442, 445, 466, 477, 479, 481, 482, 485, 486, 489, 496, 497
Ташкентская орда	477
Ташкентское владение	57, 101, 193, 489, 490
Ташкичу, горы	45
Ташлы-Бутак, р.	38
Теке-Турмыс, горы	47
Теле, Телекуль, оз.	57, 69, 107
Телецкое оз.	292
Темир, р.	26, 27, 67, 73, 260, 292
Тенис, оз.	36, 55
Тентек-сур, (Тентек-сор) солончак	67, 97
Тепенбет-Карасу	102
Терек-дуан, Терек-даван, гора	105
Термембес	34
Терсекан, Терсаккан, р.	43, 64, 65
Тиба, оз.	294
Тибет	520
Тираклу, р.	99
Тирыклы, уроч.	294
Тобол, р.	20, 35, 40, 55, 56, 65, 70, 90, 101, 109, 293, 294, 341, 436, 467, 470, 487, 523
Тоболо-Ишимская линия, см. Горькая линия	
Тобольск, г.	65, 439, 440, 488
Тобольская губ.	262
Тогузак, оз.	65
Тогузак, р.	47, 107, 294
Томск, г.	138
Томский уезд	138
Томь (Том) р.	137, 139
Тополан, гора	47
Тотагай, г.	107
Трансоксиана см. Мавераннахр	
Троицк, г. (Троицкая креп.)	94, 101, 107, 225, 244, 255, 261, 281, 293, 294, 298, 389, 390, 392, 393
Тсунг-линг, горы	140
Тубан, ручей	99
Тува	464, 473
Тузлук, оз.	57
Тульская губ.	535
Туманные горы	30
Тундук, р.	48, 64, 101

Тункат, Тонкат, г.	62, 442
Тура-Айгыр, ущелье	105
Турайгыр, уроч.	102
Туран	131, 149, 150, 462, 473, 474, 475
Тургай, р. 33, 35, 38, 48, 55, 58, 68, 70, 78, 93, 94, 101, 108, 250, 293, 294, 298, 436, 448, 451, 490, 491	
Туркестан (Туркустан), г. 58, 103, 104, 111, 130, 172, 173, 209, 211, 215, 220, 224, 254, 256, 281, 294, 314, 315, 340, 364, 380, 484, 490, 496, 506	
Туркестан, Туркестанское владение 49, 60, 62, 103, 112, 143, 145, 147, 149, 150, 159, 160, 165, 177, 433, 473, 474, 482, 484, 528	
Туркмения	438
Турук (Чурук) уроч.	109
Турпан, Турфан, г.	104, 105, 445
Турция	251, 492, 499, 517
Тусун, пески	294
Тюгушкан, пески	38
Тюгушкан, уроч.	341
Тюк Карасу, залив	118
Тюмень, г.	472
Тюп, р.	104, 105
Тюсбулак, уроч.	102
Тянь-Шань, (Небесные горы), горная сист.	58, 464, 465, 467, 485
Убаган, Убаган-Денгиз, оз.	36, 55, 65, 294
Убаган, р.	55, 56, 65
Убса, оз.	467
Уванас, уроч.	102
Уванас, могила	103
Ужим, р.	251
Узгенд, г.	469
Узени, озера	394
Узенская линия	395
Узюнтам, Узунтам, разв.	97, 109
Узунбурт, Узунбурте, ручей	25, 26, 98
Уил, р.	25, 35, 37, 46, 57, 67, 100, 108, 292, 293, 449
Уй, р.	20, 45, 47, 65, 168, 294
Уйгур-Муран, см. Икар-Муран	
Уйгурский каганат	466, 519
Уйская креп.	251
Уйские линии	229, 470
Улента (Уленты), р.	69, 104, 293
Улкояк (Улкияк), р.	68, 294, 341, 436
Улу Баян-Улу, горы	91
Улуг, горы	225, 251, 293, 294
Улу-Иргиз, р.	38, 68
Улу-Кулмагир, залив	98, 109
Улутау (Улутаг), горы	33, 48, 68, 91, 93, 94, 101, 129, 158, 435, 474
Улу-Тургай, р.	68, 79, 90
Урагай, колодец	99
Урал, р. 20, 22, 25, 28, 29, 45—47, 57, 65, 66, 70, 87, 96, 98, 115, 122, 127, 128, 147, 156, 158, 159, 168, 179, 186—188, 192, 193, 198—199, 201, 207—213, 217, 221, 222, 232—234, 237—239, 241,	

243, 249, 252, 254, 256, 259, 260, 262, 265, 273, 277, 279, 284, 287, 292, 293, 330, 348, 361, 377, 380, 445, 452, 457, 469—471, 474, 491, 509, 529	
Уральск, г.	252, 260, 265, 266, 293, 389, 395, 471, 485, 509, 529
Уральская линия	282, 395, 471
Уральская обл.	530
Уральские горы 44—48, 66, 91, 94, 96, 115, 443, 471	
Ургенджское море, см. Аральское море	
Ургендж, Ургенч, разв.	97, 100, 109
Уркач, оз.	56
Уркач-Кандыклы, оз.	293
Уркачские горы	33, 46, 66
Урта, горы	102
Урук, см. Айрук	
Урч-Бурлык, уроч.	293
Усть-Каменогорская креп.	106, 177, 282, 389, 393, 440, 445, 470
Усть-Уйская креп.	36, 294, 341
Устюрт, плато 24, 27, 29, 30—33, 46, 50, 52, 53, 56, 73, 80, 88, 97, 98, 100, 109, 118, 119, 385, 434, 450, 451, 461	
Усюн-Алатаг, см. Алатау	
Утва, р.	25, 46, 66
Уфа, г.	179, 184, 190, 265, 266, 272, 485, 508
Уфимское наместничество	506, 508, 510
Уч-Катты, ручей	103
Уч-Кашин, р.	55
Уч-Кундан, уроч.	293
Уч-Турфан, см. Турфан	
Учтюбя (Учтюбе), Уштобе, горы	101
Учукан, ист-к	97, 109
Уялы, уроч.	396
Фараб, см. Отрар	
Фергана	132, 468, 469, 479, 489
Ферро, о-в.	50, 59
Фессалия	113
Франция	111, 439, 559
Хазарский каганат	466
Хакасско-Минусинская котловина	464
Халка, Халха	467, 468
Хангай, хр.	475
Хей, горы	47
Хельмштедт, г.	442
Хива, г.	111, 167
Хива, Хивинское ханство (Хива) 38, 52, 59, 61, 97, 98, 100, 118, 119, 148, 150, 199, 201, 202, 208, 211, 222—228, 244, 250, 256, 263, 268, 275, 298, 300, 312, 314, 362, 374, 389, 390, 393, 398, 399, 438, 449, 455, 461, 507	
Хобда, р.	25, 35, 46, 66, 67, 100, 108, 278, 292, 293, 300, 491
Ховарезмское море, см. Аральское море	

Ходжакуль, оз.	35, 50, 99
Ходжант, Ходжент (Ленинабад), г.	62, 123—125, 131, 132, 167, 441
Хомутовка, с.	571
Хорезмия, Хорезм	150, 154, 449, 476, 477, 496
Хорезмский оазис	518
Хотай-Берген, уроч.	102
Хуанхе, р.	135, 136
Хубсугул, оз.	467
Центральная Азия	436, 439, 443, 454, 460, 473, 484, 486, 489, 500, 504, 520, 522, 526
Центральный Казахстан, см. Казахстан	
Цинская империя, см. Китай	
Цуй, см. Чу	
Чагатайская орда, Чагатайский улус	476, 477
Чаглинка, р.	56, 102
Чаглы, оз.	56
Чакиак, р.	294
Чакыр-Курум, горы	105
Чалкар, оз.	57
Чаньли, оз.	56
Чапчаги, уроч.	396
Чаркайлы, перевал	101
Чар-Гурбан, р.	64
Чебаркульская креп.	501
Чедырькаткан, р.	33
Челябинский округ	282
Черное море	23, 473
Черный Иртыш, р.	439, 497
Черный Юс, см. Юса	
Чертаиж, с.	395
Чете, см. Могулистан	
Чидерта, Чидерты, р.	69, 104
Чижинский кордон	395
Чиили, р.	43
Чимкент, г.	60, 177, 487
Чингис-Цазан, горы	294
Чирик Бурлук, р.	94
Чирчик, р.	60, 294
Чит-Иргиз, р.	68
Чоколак, пески	38
Чу (Чуй, Цуй, Шу), р.	15, 34, 38, 53, 69, 101—104, 172, 293, 479, 484, 491
Чубарайгыр, уроч.	102
Чубуртепе, колодец	99
Чугучак, г.	103, 389
Чукса, оз.	43
Чунгурлау, р.	293
Чурук, колодец	97
Шалкар, оз.	491
Шам, см. Сам	
Шате, китайский караул	105

Швабия	534
Швеция	499, 536
Шульбинский форп.	91
Эбелей, оз.	56, 57
Эбелей, уроч.	294
Эльтон (Елтон), оз.	395
Эмба, р. 27—30, 35, 37, 46, 57, 67, 73, 97, 100, 109, 158, 159, 168, 219, 237, 243, 253, 260, 273, 292, 293, 449, 491	
Эмиль, р.	477
Эремейтау, горы	47, 49, 64, 104
Юго-Восточный Казахстан, см. Казахстан	
Юго-Западная Сибирь, см. Сибирь	
Южная Азия, см. Азия	
Южная Африка, см. Африка	
Южная Россия, см. Россия	
Южная Сибирь, см. Сибирь	
Южный Урал	431, 521
Юз-Агач, уроч.	103
Юз-Кудук, горы	86
Юз-Кудук, колодец	100
Юса (Юс, Юсиу, Белый Юс, Черный Юс), р.	137—139
Ябиккарагай, гора	47, 94
Яик, см. Урал	
Яицкий городок, см. Уральск	
Яканаккул, оз.	68
Яксарт, см. Сырдарья	
Якши-Алтынемель, Якши-Алтын-Эмель, хр.	104
Якши-Кун, р.	55, 69, 93, 102, 108
Якши-Янгиз (Бурлук), оз.	56, 65, 79, 95, 108
Якшитаг, Якшитау, гора	46
Якши-Яняш, гора	36
Яланды, уроч.	102
Ялгыз-Агач, ручей	103
Ялана Тургай, р.	68
Ямантаг, Ямантау, гора	46
Ямышевская креп.	101, 440, 442, 470
Янгикент, см. Джанкент	
Янгиюл, дорога	101
Янгурган, Яны-Курган, г.	130
Яны, Яныдарья, р.	34, 35, 37, 51, 58—63, 87, 99—101, 110, 123, 125, 242, 292, 299
Яркен, Яркенд, г.	110, 123, 125, 242, 292, 299
Янысу, р.	102
Яссы, г.	469
Ясырван, см. Сауран	

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абдан-суван, абдан, албан-суан —290, 516
абдум-шукур, абдышукыр (эбдішүкір) —291
абхазы, абхазцы —136, 245
авганцы, афганцы —242
агрипеи —114, 115
агыш-калкаман (ағыс-қалқаман) —290, 515
адай —290, 292, 293
азиатцы —129, 142, 176, 186, 195, 205, 223, 244, 306, 321, 322, 348, 384
акбура (ақбұра)—290, 515
аланы —456
алаты —146
алача, алаша, (алаща)—290, 293, 514
алимулинское поколение, алимулы (элімұлы)—148, 226, 263, 269, 280, 289, 290, 291, 292, 300, 329, 432, 514
аллеманы —372, 527
алтай —290
алтайцы —476, 478
алчин, алшын (алшін)—289, 291, 513, 514
анджоглы —478
аниазы —126
арабы —137, 149, 271, 371, 459, 462, 466, 479
аравитяне, см. арабы
аральцы, аральские узбеки —179, 180, 224, 491, 501
аргу —479
аргыны (арғын)—147, 290, 293, 477, 492, 514, 516
арлаты —477
атамкан (атамқан)—291
атыгай (атығай)—290
афиняне —371
ашина —466
- баарини —477
баганалы (бағаналы)—515
бабаназар —291
байбакты (байбақты)—290, 292, 507
байлар-джанджар (байлар-жандар)—291, 516
байулинское поколение, байулы (байұлы)—263, 269, 280, 289—292, 329, 432, 514
бактрияне, бактрийцы —110
банту —517
барласы —477
барсханы —479
басентиен, басентиин (бәсентиін)—290
башкиры —139, 159, 165, 168, 179, 181, 183, 188—192, 194, 207, 230—234, 237, 239, 241—243, 252, 253, 261, 277, 279, 281—283, 302, 303, 312, 330, 349, 359, 386, 470, 475, 478, 479, 485, 492, 495, 503, 504, 513, 581, 582, 585
бедуины —295, 325, 517
белуры, белуджи —141
берш (беріш)—290, 293, 329
болгары волжские (булгары)—466, 476
бору —140

- борчи, боршы (бөрщы)—290
ботбай, ботпай —290, 516
бочман, божбан —291, 516
будины —114
булатчи, болатши (болатщы)—290, 515
булгачи —477
булгун, бултын —290
буржоглы —478
буруты, см. киргизы
буряты —479
бухарцы —106, 111, 134, 137, 244, 253, 261, 270, 271, 299, 314, 326,
362, 386, 388, 390, 392, 397
- варвары —123
венгры —456
вогуличи, вогулы —147, 456
- галактофаги —126
германцы —371, 372
гирей, см. кирей
готтентоты —295, 517
греки —110, 115, 121, 123, 126, 149, 317, 354, 371, 455, 476, 565
грузинцы, грузины —136
гузы, см. огузы
гунны —151, 454, 474, 479
- даи —116, 121
дербеты —248
джагалбайлы (жағалбайлы)—290, 293, 339
джалаир (жалайыр)—154, 290, 465, 474, 478, 490
джаны (яны-киргиз) (жан кырғыз)—256
джанджар (кожамжар?)—290
джанис (яниш), джаныс (жаныс)—290, 516
джаппас (яппас), (каз. жаппас)—290, 293
джете, см. могулы
джетиуруг, см. семиродское поколение
джидик (жәдік)—291
джунгары, см. ойраты
дрепсианы —126
дулаты —290, 474, 477, 516
дурманы —154, 479
дуруты —478
дюрткара, см. торткара
дюртавул, дюртаул (төртаул)—290, 515
- евреи —313, 371, 517, 524
европейцы —114, 125, 274, 301, 321, 326, 327, 357, 360, 388, 517, 584,
585
ергенекты (иргиняклы) (каз. ергенекті)—290, 516
есентемир (иссентемир) (каз. есентемир)—290, 292, 514
- жаманбай (яманбай)—291, 516
жетымдер (этимляр) (каз. жетімдер)—291, 516
- зюнгары, см. ойраты

иирки —114
индийцы —351
иранцы —517
ириняклы, см. ергенекты
исседоны —114-116, 453, 474
иссентемир, см. есентемир
йета —478

казаки —181, 279, 395, 396, 401, 431, 471, 492
казаки волжские —472
казаки днепровские (запорожские)—150, 153
казаки донские —150, 153, 231
казаки оренбургские —250, 277, 349
казаки сибирские —138, 165, 167, 303, 408, 410, 414, 416, 418, 472
казаки яицкие (уральские)—57, 73, 167, 179, 213, 241, 252, 260, 273, 275, 277, 281, 303, 328, 472, 529, 553
казахи (кайсаки, киргиз-казаки, киргиз-кайсаки, киргизы, ордынцы) —12, 13, 15, 19, 20, 23, 24, 27—30, 32, 36, 38, 41, 45, 48, 50, 54—57, 59, 62, 64—65, 67—76, 78, 83, 85, 87, 89, 91, 93, 94, 96—97, 105—110, 115, 117, 118, 129, 134, 142—148, 150—152, 154—157, 159—162, 163, 165—183, 186—188, 190—195, 197—202, 204, 207—221, 223—226, 228—244, 246—265, 267, 268, 272—284, 287—289, 291, 292, 294—308, 310, 341, 343—346, 349—365, 367, 371—404, 406—416, 418—427, 431—433, 442, 445, 446, 451, 452, 463, 469, 470, 471, 475—480, 482, 484—490, 493—510, 512, 513, 518—520, 522—526, 528, 529, 533, 541—544, 548, 550—554, 556, 558, 559, 562, 563, 566, 571, 573, 574, 577—594, 596.
калмыки (волжские)—108, 139, 144, 145, 159, 165, 167, 168, 174, 175, 179, 191, 193, 195, 200, 208, 211—213, 220, 221, 224, 232, 235, 237, 239, 240—243, 245—251, 255, 279, 281—283, 302, 303, 312, 314, 316, 317, 339, 469, 470, 477, 482, 485, 487—499, 505, 506, 517, 528, 581, 582
камасинцы —457
канглы, канклы (қанлы)—154, 290, 462, 476, 477, 479, 489, 516
кангоглы —478
кангюй —474
канджигалы (канжыгалы)—290, 492
карабалык (қарабалык)—290, 516
каравул, караул, (қараул)—290, 515
каравулкисяк, караулкесек (қарауылкесек)—290
карагасы —457
карагирей, каракерей (қаракерей)—290, 515
каракалпаки —39, 59, 62, 110, 115, 176, 179, 180, 183, 184, 188, 208, 215, 224, 256, 267, 279, 300, 377, 380, 451, 452, 475, 478, 479, 493, 499, 513, 518, 528
каракете (қаракете)—226
каракисяк, каракесек, (қаракесек)—290, 514
карасакал (қарасакал)—290
караты —126
карлыки (карлуки)—154, 462, 474, 476, 479
карнак (қарнык)—290, 515
кердери (кердері)—290, 293, 313
керейты —290, 293, 464, 475, 476, 477
керей —147, 290, 474, 514, 516
керкесы, см. черкесы

- кимаки —474
кипчаки, кыпчаки —147, 154, 289, 290, 294, 441, 462, 468, 474, 476,
477, 479, 513, 514
киргиз-кайсаки, см. казахи
киргиз-казаки, см. казахи
киргизы, см. казахи
киргизы (буруты, киргизы дикие, дикокаменные, закаменные, кара-кирг-
изы)—20, 134—146, 153, 174, 239, 250, 251, 255, 256, 258, 259,
281, 329, 358, 433, 445, 463—465, 467—470, 476—479, 488, 504,
513, 545, 558, 559, 566, 578
китайцы —44, 115, 134, 139—141, 151, 159, 173, 202, 230, 236—239,
241, 245, 248, 255, 258, 299, 302, 312, 361, 363, 365, 388, 389,
397
китя, кете —290, 514.
киян-куян, см. киргизы
кият-борджигины —475
козюган, козююган (көзүюган)—290
коканцы, кокандцы —299, 365, 388
комары —126
конрад (қоңрат)—154, 290, 294, 474, 478, 499, 514-516
кудайгуль, кудайкул (қудайкул)—291
кукборон, кокмурын (көкмурын)—290, 516
кукуджарлы, кокжарлы (көкжарлы)—290, 515-516
кукшал, кокшал (көкшал)—290, 515
кульджегач, кулшыгаш (күлшығаш)—291, 516
куманы —441
кунграт, кунрат, см. конрад
кунделян, колделен (көлденең)—290, 516
кура-куся, каракосе, (қаракөсе)—291, 516
курды —295, 325, 517
курман (күрман)—291
куглу-гадам, кутгыкадам (күтгыкадам)—291
куюш-кансыз, кушикансыз (күйысқансыз)—291, 516
кызылкурт (қызылқұрт)—290, 292
кытабак, китоба —290, 516
кэрэиты, см. керейты
- лангобарды —372, 527
- македонцы —116, 123
мангыты —476, 477
манси —456
манчжуры —503
мараты, маратхи —329, 523
массак (масақ)—291
маскар (масқар)—290, 292
массагеты —114—116, 121, 453, 454
меркиты —464, 475, 476
мещеряки, мишари —231, 232, 261, 504
минг —468
могулы (чете, джете)—150, 473, 475, 477
монголо-татары —152, 295, 460, 475
монголы —108, 137, 139, 147, 150, 304, 306, 312, 325, 337, 351, 387,
440, 460, 462, 469, 475, 479, 524, 526
мордва —476

- моторы —457
 мунгалы —105
- найманы —142, 147, 153, 154, 244, 257, 289, 290, 294, 464, 474—476,
 497, 510, 513, 514
 нганасаны —457
 немцы —565
 ненцы —457
 ногаи, ногайцы —106, 146, 147, 155, 156, 159, 341, 445, 472, 475, 476,
 480, 513
 норманны —371, 527
- огузы (гузы)—451, 463, 466
 ойраты (джунгары, зюнгары, олоты, элоты)—54, 69, 105, 141, 159, 160,
 162, 165—166, 171, 173, 174, 179, 188, 201, 203—206, 209, 210,
 212, 217, 220, 221, 225, 228—230, 235, 238, 247, 301, 303, 440,
 445, 469, 470, 475, 482, 485—489, 494, 497, 499, 501, 502
 ордынцы, см. казахи
- парфяне —456
 персияне, персы —134, 149, 211, 292, 314, 326, 331, 358, 455, 473
 печенеги —466
 полу (пу-лю)—140
 поляки —535
 пу-лю, см. полу
- рамадан —290, 293
 римляне —149, 371, 455
 роксоланы —325, 522
 россияне —134, 136, 138, 139, 143, 156, 195, 199, 202, 205, 208, 211,
 214—219, 221, 223, 224, 231, 233, 234, 239, 252, 255, 256, 260,
 261, 265, 270, 273, 279
 русские —128, 129, 136—139, 142, 143, 181—182, 193, 209, 212—214,
 217, 218, 223, 225, 226, 231—235, 237—239, 243, 252, 253, 255,
 256, 258—261, 265, 270, 272, 273, 275, 282, 292, 299, 302, 327—
 330, 354, 376, 388—394, 397, 467, 503, 506, 517
 савроматы, см. сарматы
 садыр —290
 саки —121, 125, 462, 473, 474
 самоеды —117, 456
 саргам —290, 516
 сарматы (савроматы)—114, 325, 474, 522, 523
 сарыжетым (чарджитим) (каз. сарыжетім)—290, 497
 сарысулы, сарьуйсун (сарьуйсін)—290, 516
 селькупы —457
 семиз-баганалы (семіз баганалы)—290, 515
 семиз-найман (семіз найман)—515
 семиродское поколение (джетиуруг, жетыру, жетіру)—263, 269, 280,
 289, 290, 293, 339, 432, 492, 513, 514
 сикам, сикым (сиқым)—290, 516
 скандинавы —371
 скифы —114—116, 120, 122, 126, 149, 295, 325, 453, 455, 473, 522
 славяне —371
 согдияне, согдийцы —110, 116, 120, 466, 474, 479
 суан —516

сулдусы —465

сырманак (сырманак)—479

табаклы, табакты (табақты)—290

табын —290, 293, 313, 492

таджики, таджики —271

тайбугинцы —481

тазлар (таздар)—290, 293

тама —290, 293, 313

тана —290, 292

танабуга (танабұқа)—290, 516

тараклы, таракты (тарақты)—290, 515

татар-казаки, см. казахи

татаро-монголы, см. монголо-татары

татары —61, 106, 135, 137, 139, 151, 152—154, 231, 314, 350, 359, 464,
467, 475, 476, 503, 504, 535

татары аринские —139

татары барабинские —239, 467

татары качские —139

татары крымские —154, 235, 475, 535

татары обинские —139

татары сибирские —139, 146, 159, 468, 472

ташкентцы —20, 172, 177, 254, 318, 380, 388, 392, 397

тебич, темеш —290

теленгуты (төлентіт)—297, 517

тептяри —231, 232, 349, 504

тиляу, телеу, (телеу)—290, 293, 514

тирстамгалы (терістаңбалы)—290, 515

токсоба (токсэба)—478

токбулат, токболат (тоқболат)—291, 516

токуз-огузы —466

торгоуты —142, 174, 175, 247-251, 254, 323, 377, 488

тортқара (дюртқара) (каз. төртқара)—290, 298, 514

торы-айғыр (торайғыр)—290, 516

тохаристанцы, тохары (тахоры)—126, 456, 466

тулатай, см. дулаты

тургуты, см. торгоуты

туркестанцы —20, 141, 254

турки —146, 270, 314, 331, 350, 463, 535

туркменцы, туркмены —20, 211, 226, 243, 253, 255, 271, 279, 281, 282,
325, 459, 478, 506, 522

туры, туранцы —462

тухси —479

ту-хю, см. тюрки

туючка, туюшке (түйішке)—290, 516

тюргеши —474

тюрки (ту-хю)—134, 135, 147, 151, 459, 462-466, 473-475, 479

увак, уаки (ұак)—147, 290, 514, 516

увак-гирей, уак-керей (ұак-керей)—290, 294

угры —117, 456

узбеки —153, 154, 228, 271, 463, 475—479, 503, 513, 528

узун, узын (ұзын)—290, 516

уйгуры —466, 477

уйсуны (үйсын)—290, 479, 490, 516

украинцы —542

уразгельды (оразгельды)—291, 516
усуни —474

финны —117, 456
фиссагеты —114
франки —372, 527
хазары —137, 153, 466
хакасы —137, 464
ха-кияцу, см. киргизы
халаджи —479
ханты —456
хасаки —141
херхис, см. киргизы
хивинцы —106, 123, 134, 179, 180, 188, 199, 202, 211, 226—228, 244,
261, 281, 299, 314, 326, 388, 390, 392, 397
хойхе, хойху, см. киргизы
хоит —248, 487
хорезмийцы —476
хошут —248
хункират, см. конрат

чагатаи —473
чакчак, см. шакшак
чанычкылы, см. шанышклы
чарджитим, см. сарыжетым
черкес, см. шеркеш
черкесы (керкесы)—136, 326, 476
чете, см. могулы
чигиля —479
чикли, см. шекты
чимир, см. шымыр
чорос —468
чумекей, см. шомекей
шакшак (чакчак), (каз. шақшақ)—290, 497
шанышклы (чанычкылы) (каз. шанышқлы)—290, 489
шведы —535
шекты (чикли), (каз. шекті)—226, 290, 514
шеркеш (черкес)—290, 292, 514
шихлар —290, 292
шомекей (чумекей), (каз. шөмекей)—147, 290, 313, 398, 506, 514
шуманак —479
шымыр (чимир)—290, 435, 496, 516

элоты, см. ойраты
энцы —457
этимляр, см. жетымдер

югра, см. угры

яксарты —126
яманбай, см. жаманбай
янши, см. джаныс
яппас, см. джаппас
яции —126

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакционной коллегии	5
От издателей	10
Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Сочинение Алексея Левшина, члена разных ученых обществ, русских и иностранных	12
ПРЕДИСЛОВИЕ	12
ЧАСТЬ I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ	
Географические известия о стране, киргиз-кайсаками занимаемой	
Глава первая. Положение и границы	19
Глава вторая. Климат	20
Глава третья. Почва земли	24
Глава четвертая. Наружный вид земли и горы, ее покрывающие	44
Глава пятая. Воды	50
Глава шестая. Естественные произведения трех царств природы	71
Глава седьмая. О главнейших путях, проходящих чрез степи киргиз-казацки	97
Глава восьмая. Развалины	105
Географическое и историческое рассуждение о реке Яксарт или Сырдарье и землях, к ней прилегающих	111
ЧАСТЬ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ	
Глава первая. Об имени киргиз-кайсаков и отличии их от подлинных, или диких киргизов	135
Глава вторая. Об источниках для истории киргиз-казаков	145
Глава третья. О начале киргиз-казаков и состоянии их до вступления в подданство России, или до 1730 года	152
Глава четвертая. Историческое обозрение Большой орды с 1730 года до настоящего времени	170
Глава пятая. Историческое обозрение Средней и Меньшей киргиз-казацких орд с 1730 года до настоящего времени	178
ЧАСТЬ III. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ	
Глава первая. Число народа	287
Глава вторая. Разделение	288
Глава третья. Размещение, или главные места кочевания	292
Глава четвертая. Образ жизни	294
Глава пятая. О поселении киргиз-казаков	298

Глава шестая. Физические свойства	301
Глава седьмая. Пища и питье	303
Глава восьмая. Одежда	306
Глава девятая. Вооружение	312
Глава десятая. Вера и суеверие	313
Глава одиннадцатая. Нравы	320
Глава двенадцатая. Обычай	332
Глава тринадцатая. Просвещение	350
Глава четырнадцатая. Образ управления и законы	360
Глава пятнадцатая. Сельское домоводство	375
Глава шестнадцатая. Рукоделия и искусства	385
Глава семнадцатая. Торговля	388
Устав о Сибирских киргизах	399
КОММЕНТАРИИ	429
ПРИЛОЖЕНИЕ	531
ПОСЛЕСЛОВИЕ	
И. В. Ерофеева. А. И. Левшин и его труд “Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей” . .	533
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	596
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	597
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ	625
УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	647
Прилагается географическая карта 1831 года, составленная А. И. Левшиным	655

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ЛЕВШИН

Алексей Ираклиевич

**ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ, ИЛИ
КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ, ОРД И СТЕПЕЙ**

Редакторы *С. Лилизо, Л. Дробжева, Д. Шуканова*

Художественный редактор *Б. Табылдиев*

Художник *К. Власов*

Технический редактор *Ф. Овчинникова*

ИБ № 188

Сдано в набор 16.02.94. Подписано в печать 08.01.96. Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 84x108¹/₃₂. Усл. п. л. 34,4+0;2 карта. Уч.-изд. л. 36,0+1,0 карта. Заказ № 2296. Тираж 10000 экз. Цена договорная.

Государственное издательство “Санат” Министерства образования Республики Казахстан. 480012, г. Алматы, ул. А. Байтурсынулы, 65 “а”.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий “Кітап” Национального агентства по делам печати и массовой информации Республики Казахстан. 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.

1875

